

Over dit boek

Dit is een digitale kopie van een boek dat al generaties lang op bibliotheekplanken heeft gestaan, maar nu zorgvuldig is gescand door Google. Dat doen we omdat we alle boeken ter wereld online beschikbaar willen maken.

Dit boek is zo oud dat het auteursrecht erop is verlopen, zodat het boek nu deel uitmaakt van het publieke domein. Een boek dat tot het publieke domein behoort, is een boek dat nooit onder het auteursrecht is gevallen, of waarvan de wettelijke auteursrechttermijn is verlopen. Het kan per land verschillen of een boek tot het publieke domein behoort. Boeken in het publieke domein zijn een stem uit het verleden. Ze vormen een bron van geschiedenis, cultuur en kennis die anders moeilijk te verkrijgen zou zijn.

Aantekeningen, opmerkingen en andere kanttekeningen die in het origineel stonden, worden weergegeven in dit bestand, als herinnering aan de lange reis die het boek heeft gemaakt van uitgever naar bibliotheek, en uiteindelijk naar u.

Richtlijnen voor gebruik

Google werkt samen met bibliotheken om materiaal uit het publieke domein te digitaliseren, zodat het voor iedereen beschikbaar wordt. Boeken uit het publieke domein behoren toe aan het publiek; wij bewaren ze alleen. Dit is echter een kostbaar proces. Om deze dienst te kunnen blijven leveren, hebben we maatregelen genomen om misbruik door commerciële partijen te voorkomen, zoals het plaatsen van technische beperkingen op automatisch zoeken.

Verder vragen we u het volgende:

- + *Gebruik de bestanden alleen voor niet-commerciële doeleinden* We hebben Zoeken naar boeken met Google ontworpen voor gebruik door individuen. We vragen u deze bestanden alleen te gebruiken voor persoonlijke en niet-commerciële doeleinden.
- + *Voer geen geautomatiseerde zoekopdrachten uit* Stuur geen geautomatiseerde zoekopdrachten naar het systeem van Google. Als u onderzoek doet naar computervertalingen, optische tekenherkenning of andere wetenschapsgebieden waarbij u toegang nodig heeft tot grote hoeveelheden tekst, kunt u contact met ons opnemen. We raden u aan hiervoor materiaal uit het publieke domein te gebruiken, en kunnen u misschien hiermee van dienst zijn.
- + *Laat de eigendomsverklaring staan* Het “watermerk” van Google dat u onder aan elk bestand ziet, dient om mensen informatie over het project te geven, en ze te helpen extra materiaal te vinden met Zoeken naar boeken met Google. Verwijder dit watermerk niet.
- + *Houd u aan de wet* Wat u ook doet, houd er rekening mee dat u er zelf verantwoordelijk voor bent dat alles wat u doet legaal is. U kunt er niet van uitgaan dat wanneer een werk beschikbaar lijkt te zijn voor het publieke domein in de Verenigde Staten, het ook publiek domein is voor gebruikers in andere landen. Of er nog auteursrecht op een boek rust, verschilt per land. We kunnen u niet vertellen wat u in uw geval met een bepaald boek mag doen. Neem niet zomaar aan dat u een boek overal ter wereld op allerlei manieren kunt gebruiken, wanneer het eenmaal in Zoeken naar boeken met Google staat. De wettelijke aansprakelijkheid voor auteursrechten is behoorlijk streng.

Informatie over Zoeken naar boeken met Google

Het doel van Google is om alle informatie wereldwijd toegankelijk en bruikbaar te maken. Zoeken naar boeken met Google helpt lezers boeken uit allerlei landen te ontdekken, en helpt auteurs en uitgevers om een nieuw leespubliek te bereiken. U kunt de volledige tekst van dit boek doorzoeken op het web via <http://books.google.com>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

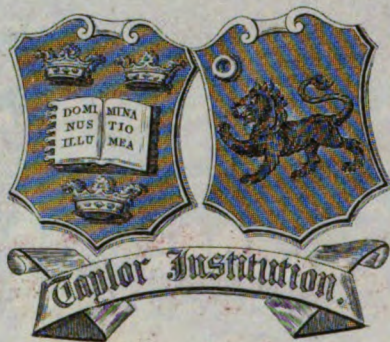
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Confined to Library

~~B. PG 3113. K57 (4)~~

PG 3113. P47. K5. Ed. 1 (4)

302495618

П Ъ С Н И

СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи А. СЕМЕНА.
1862.

ИЗДАНИЕ

МОСКВА . С . ПЕТЕРБУРГ . 1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. Москва Января 20-го дня 1862 года.

Цесарь М. Евлевъ-Платоновъ.

— 27 —

ИЗДАНИЕ
МОСКВА . С . ПЕТЕРБУРГ . 1862

**ВЫШЕСКА ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ *).**

— 1861 года, Мая 15-го, XLVII засѣданіе; пунктъ 5. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что А) Коммиссіею изготовленъ къ печатанію 4-й выпускъ « Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ », » Дополнительный къ 3-мъ прежнимъ и заканчивающей 1-ю часть изданія, « Владимірово время Былевыхъ пѣсень; » Б) въ 4-й выпускъ войдутъ: П ѳ с н и—а) Илья Муромецъ, б) Потокъ Михайло Ивановичь, в) Ставрѣ Гоудиновичь, г) Гордень (Гордей) или Хотень (Хотинь) Блудовичь, д) Чурило Пленковичь, е) Михайло Казарянинъ, ж) Соловей Будиміровичь; з) Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси; и) Аника Воинъ; П р и л о ж е н і я—Сказки, преданія, замѣтки, дополненія, соответствующія Былевымъ пѣснямъ; У к а з а т е л ь лицъ, именъ, предметовъ, словъ, реченій, и проч., изъ Былевыхъ пѣсень Времени Владимірова, составленный П. А. Безсоновымъ; В) объемъ 4-го выпуска будетъ вдвое болѣе предыдущихъ.

Положено: « а) Приступить къ печатанію 4-го выпуска « Пѣсень » въ числѣ 1. 200 экземпляровъ.

б) Цѣну за экземпляръ назначить прежнюю, т. е. по 50 коп., а съ пересылкою 75 к. сер **), и

в) Всѣ распоряженія по печатанію и продажѣ 4-го выпуска, не ожидая новаго постановленія Общества, возложить, на прежнемъ основаніи, на Д. Члена П. А. Безсонова. »

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1861-й годъ.

**) Въ XLIX-мъ засѣданіи Общества, 1861 г. Ноября 18, по случаю особенной величины въ объемѣ 4-го выпуска, оказавшейся при печатаніи, положено цѣну его увеличить въ 1 рубль сер., съ перес. 1 р. 50.

Выпускъ 4,

Дополнительный.

**БОГАТЫРИ: Целя Муромецъ; Нимита Ивано-
вичъ, БОГАТЫРЬ—Заолъшанинъ; Михайло Ива-
новичъ; БОГАТЫРЬ—Потокъ, Бродяга; Ставнъ
Годиновичъ, Бояринъ; БОГАТЫРИ—Горожане,
Посадскіе, Горденъ или Хотенъ Блудовичъ
и Чурило Пленковичъ; Михайло Петровичъ,
БОГАТЫРЬ—Казарянинъ; Соловей Будимиро-
вичъ, БОГАТЫРЬ—Мореходецъ.**

**Съ какихъ поръ перевелись витязи на Свя-
той Руси.**

Аника Воня.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1 *).

(Архангельскій уѣздъ).

- Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во селѣ было въ Корочаровѣ,
Жилъ тутъ старикъ со старухою.
5. Даровалъ имъ Богъ на старость дѣтище.
Сидитъ дѣтище сѣдуномъ тридцать лѣтъ.
Пришелъ подъ окно старъ человекъ,
Проситъ старъ человекъ милостыню благословенную **).
« Съ печи не вставію тридцать лѣтъ, »
10. Молвилъ Илья Муромецъ.
— Вставай, добрый молодецъ, —
Проговорилъ старъ человекъ.
Встаетъ съ печи Илья Муромецъ,
Беретъ хлѣба великъ коровой,
15. Ладить ***) подать милостыню благословенную,
Подходить къ окошку наводѣчному ****):
Пропалъ старикъ съ науличья *****).

---

*) Это Побывальщина, съ разрушеннымъ стихомъ и складомъ, почти Сказка; стихи ея раздѣлены здѣсь гадательно, такъ впрочемъ, что знакомый съ приемами былеваго творчества довольно легко можетъ возстановить ихъ первобытный видъ. — По содержанию близка Побывальщина къ пѣснямъ III-го отдѣла въ 1-мъ выпускѣ. — О.

**) Милостыня отъ того *благословенная*, что даютъ ее съ *благимъ*, добрымъ словомъ. — О.

***) Хочеть, напѣревается. — О.

****) Волоковому, задвижному, безъ рамъ. Въ сѣверныхъ областяхъ Руси оставляютъ въ этомъ окнѣ готовую пищу и питье для бѣдныхъ прохожихъ. — О.

*****) *Науличье*, площадь улицы. — О.

- Въ тѣ поры въ селѣ Корочаровѣ
Праздникъ былъ;
20. Старикъ Иванъ Тимоѣевичъ
Наварилъ великъ шанъ *) пива.
Выходилъ Илья на широкій дворъ,
Поднималъ великъ шанъ пива пьянаго,
Завзынулъ **) чанъ на повѣтъ ***) высокою.
25. Воротилъ старикъ Иванъ Тимоѣевичъ
Изъ церкви Троицкой,
Послѣ воскресенской обѣдни,
Диву дался, когда не увидѣлъ
На старомъ мѣстѣ шанъ съ пивомъ:
30. «Что же это, старуха, за притча прилучилася:
«Семерыма да осьмерыма ****) не могли шанъ
«Ни въ кую сторону подать,
«А теперъ шанъ изъ подъ оконъ убрали?
«Мужики всѣ были въ церквѣ Троицкой:
35. «Не Илейко ли сѣдунъ экимъ чудомъ потѣшается?»
Проговорилъ старикъ,
И оба со старухой засмѣялися.
Приходятъ старики въ горницу,
Тутъ они въ дѣсталь придивилися:
40. Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
Зѣмнымъ поклономъ чѣвствовалъ своихъ родителей,
Просилъ у нихъ крѣпкаго благословенія,
Самъ засряжался во путь во дорогу дальнюю.
- На прямоѣзжей дорогѣ,
45. Промежь Кіева и Муroma,
Залегало чудище поганое,
Алатырець *****) некрещеный,
Соловей разбойникъ.

*) Чанъ.— О.

**) Подыалъ.— О.

***) *Повѣтъ*: кровля надъ дворомъ или кровля навѣсовъ, окружающаго дворъ; иногда чардакъ подъ этой кровлей, гдѣ сани, оглобли, и т. п.; доходя до воротъ и края ихъ, она получаетъ названіе *обвершки*.— О.

****) Въ четверомъ да въ восьмеромъ.— О.

*****) Объясненіе см. ниже въ «Замѣткѣ.»— О.

Чипиль онъ обиды всему міру крещеному:

50. Никого не пропускалъ
Мимо своѣй окаянной залѣги;
А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
Что вершинами въ нѣбо ввиваются;
Засвиститъ чудище въ полсвиста—
55. Замретъ листь въ зеленомъ лѣсу;
Засвиститъ чудище полнымъ свистомъ—
Оглушитъ всякого человѣка крещенаго.
А по той дорогѣ
Ходы *) въ Кіевъ полтора часа,
60. А по окольной дорогѣ
Ходы въ Кіевъ полтора года.
Пошелъ Илейко на Кіевъ градъ
По прямоѣзжей дорогѣ,
Помимо залѣги **) Алатырца
65. Соловья разбойника,
Сострѣлмилъ Соловья съ девяти дубовъ,
Приковывалъ, прищурѣпливалъ ***) его ко стремени
булатному,
Повозилъ его во палаты княженецкія,
Свѣтлому князю Владиміру на показаньѣ.
70. Добѣзжали они до терема до Соловьиного:
Сидятъ у оклонокъ ****) малы дѣточки,
Малы дѣточки Соловьиныя;
Новоѣй *****) говоритъ: «Батюшко богатыря въ стре-
мени везетъ, »
А новоѣй *****): «Богатырь батюшка въ стремени ве-
зетъ. »
75. Какъ увидѣлъ Соловей разбойникъ
Своихъ малыхъ дѣтушекъ,
Слезно всплакался онъ у стремени булатнаго:

*) Хольбы.— О.

**) Заставы: Соловей заложилъ дорогу.— О.

***) Прививчалъ: щурень, съ нѣм. Schranke, внигъ.— О.

****) У околицы.— О.

*****) Иной; одинъ—другой.— О.

- Государь ты, мой батюшко,
— Илья Иванович!
80. — Отпусти ты меня на волю вольную,
— Положу я тебѣ заповѣдь великую:
— Не буду я больше сдѣть надъ дорогой прямоѣз-
жею,
— Не стану свистѣть по соловьиному,
— Не стану губить народу крещенаго. —
85. Илья Муромецъ тому не воймуетъ *):
« Повезу я тебя, чѣда, въ Кіевъ градъ,
« На показаніе князю Владиміру.»

- Подѣзжали они ко городу ко Крякову:
Городъ Кряковъ обсаженъ обсадою,
90. Морятъ Кряковцевъ смертью голодною.
Говоритъ Илейко Соловью разбойнику:
« Пособи мнѣ-ка выручить
« Кряковъ изъ неволюшки.»
Поѣхалъ Илья по праву руку,
95. Соловей пошелъ по лѣву руку:
Подъ Кряковымъ добры молодцы силу выбили.
Выносили Кряковцы золоты ключи,
Отпирали ворота городовыя:
« Покланяемся тебѣ, богатырь честной,
100. « Нашимъ городомъ:
« Приходи къ намъ въ становѣ **),
« Вотъ тебѣ городъ нашъ, будь наибольшимъ! »
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Ой вы гой еси, горожана Кряковцы!
105. « Подъ вами сила была неосильчива ***):
« Вы живите, братаны, по старому,
« Я поѣду въ столичный Кіевъ градъ!»

Прищурюпливалъ онъ Соловья ко стремяну булатному.
Пріѣзжали они ко граду ко Кіеву.

*) Не внимааетъ.— О.

**) Въ станы, гдѣ стоятъ они, живутъ.— О.

***) Неодолима.— О.

110. Походилъ Илья въ церковь Божию,
 Слушать обѣдню великую,
 Воскресенскую *).
 Увидѣлъ его въ перквѣ
 Князь Владиміръ стольный Кіевскій,
115. Учалъ онъ его доспрашивать:
 — Котораго города, которой земли,
 — Какъ молодца именемъ зовуть?—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
 Сынъ Ивановичъ **):
120. « Здѣсь не то поють, не то и слушаютъ,
 « Здѣсь идетъ обѣдня воскресенская. »
 Отошла обѣдня воскресенская,
 Проситъ Владиміръ Илью Муромца
 Къ себѣ на трапезу.
125. Учалъ онъ его на пиру допрашивать:
 — Которой ты, молодецъ, ѣхалъ дорогою:
 — Прямоѣзжею дорогой, аль окольною?—
 « Ёхалъ я дорогою прямоѣзжею. »
 — Въ очью ты облыгáешь меня, добрый моло-
 децъ:
130. — Той дорогой ни конному, ни пѣшему
 — Пропуску нѣтъ,
 — Тамъ залога чудища
 — Соловья разбойника.—
 « Ёхалъ я дорогою прямоѣзжею,
135. « Наѣзжалъ вора Соловья разбойника,
 « Сидѣлъ онъ на девяти дубахъ,
 « Чтò вершинами въ нѣбо ввиваются;
 « Засвистѣлъ онъ по соловьиному—
 « Подо мною конь на колѣнцы палъ,
140. « На великую силу я посправился,
 « Стрѣлялъ въ Соловья изъ туга лука,

---

*) То есть стихъ таковъ:

« Великую, Воскресенскую. » — О.

**) Опять стихъ:

« Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ. » — О.

« Сшибъ его съ дерева жароваго *),
 « Приковалъ ко стремяну булатному
 « И привезъ къ тебѣ на показаньѣ.»

145. Выходили они на красно крыльце;
 Илья Муромецъ взялъ князя подъ праву руку,
 А княгиню взялъ подъ лѣву руку,
 Самъ велѣлъ Соловью разбойнику
 Сосвистѣть тихимъ посвистомъ.
150. Соловей разбойникъ сосвистѣлъ по соловьиному:
 Князи и бояра
 И сильные-могучіе богатыри
 Съ ногъ попадали,
 Круты крыши со хоромъ окаталися.
155. Еще смекалъ **) воръ Соловей разбойникъ,
 Что тѣмъ посвистомъ уходитъ Илью Муромца:
 Илья Муромецъ взялъ его да и рѣзорвалъ.

*

2 ***).

(Тамъ же).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
 На тѣхъ на степяхъ на Цысарскіихъ,
 Стояла застава богатырская.
 На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

*) Жаровой лѣсъ — рослый, выбѣжавшій высоко, съ чистою лѣсной (ростъ ускоряется на открытомъ мѣстѣ, на припекѣ, на жару). Ср. вып. 1-й, стр. 81.—О.

**) Намѣревался, чаялъ, надѣялся, рассчитывалъ.—О.

***) Былина эта одинакова съ тою, которая помѣщена у насъ въ 1-мъ выпускѣ, отд. IV, № 1; но здѣсь нѣсколько особыхъ словъ и оборотовъ: вмѣсто того, чтобы ихъ выписывать со сносками на 1-й выпускъ, мы нашли удобнѣе напечатать всю былинку, тѣмъ болѣе, что та записана г. Кузмищевымъ, а эта г. А. Харитоновымъ и, при нѣсколькихъ разнорѣчійхъ, доказываютъ объ, какъ вѣрно онѣ записаны со словъ.—Объясненія прибавимъ только къ тѣмъ словамъ и выраженіямъ, которыя встрѣчаются здѣсь впервые: остальное см. въ 1-мъ выпускѣ.—О.

5. Подъ-атамане былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополище.
Всѣ были братцы въ разъѣздицѣ:
10. Гришка Боярскій въ тѣ-порѣ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ за охотою,
15. За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископотъ великую.
Учалъ онъ ископотъ досматривать:
20. «Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
«Изъ той ли земли изъ Жидовскія
«Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь
«На эти степи Цысарскія!»
Приѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
25. Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
«Мы что на заставушкѣ устояли?
«Мы что на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!»
30. Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополага.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
35. Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, положили,
«Не ладно, ребятушки, удумали,—
«У Васьки полы долги:
«По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
40. «На бою на дракѣ заплетется,
«Погинетъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку Боярскаго:

- Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
 Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
45. Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
 Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
 « Не ладно, ребятушки, удумали,
 « Не ладно, ребятушки, положили,—
 « Гришка рода боярскаго:
50. « Боярскіе роды хвастливые;
 « На бою-дракѣ Гришка призахвастнется,
 « Погинетъ Гришка по напрасному.»
 Положились на Алешу Поповича:
 Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
55. Состигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 Побить нахвальщика во чистомъ полѣ.
 Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
 Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
 « Не ладно, ребятушки, положили,
60. « Не ладно, ребятушки, удумали,
 « Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,—
 « Алешка рода поповскаго:
 « Поповскіе глаза завидушіе,
 « Поповскія руки заграбушія;
65. « Увидитъ Алешка на нахвальщикѣ,
 « Увидитъ онъ много злата-серебра,—
 « Злату Алешка позавидуетъ,
 « Погинетъ Алешка по напрасному.»
 Положились на Добрынюшку Никитича:
70. Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
 Состигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 Побить нахвальщика во чистомъ полѣ,
 По плечъ отсѣчь буйну голову,
 Привезти голову на заставу богатырскую.
75. Добрыня того не отпирается.
 Похѣдитъ Добрыня на конюшій дворъ,
 Имѣетъ Добрыня добра коня,
 Уздаетъ во уздечку тесмянную,
 Сѣдлаетъ во сѣдельце Черкесское,
80. Въ торока вяжетъ палицу боевую,—

- А въсомъ та палица девяносто пудъ,
 На бедра беретъ саблю острую,
 Во руки беретъ плеть шелковую,
 Поѣхалъ Добрыня на гору Сарачинскую.
85. Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
 Увидѣлъ на полѣ чернизину,
 Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
 «Воръ, собака, нахвальщина!
 «За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
90. «Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
 «Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
 «Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
 «На всю нашу братію приборную?»
 Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
95. Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
 Попущалъ на Добрынюшку Никитича.
 Мать сыра земля сколебалася,
 Изъ озеръ вода выливалася,
 Подъ Добрыней конь на колѣнцы палъ.
100. Добрынюшка Никитичъ младъ
 Господу Богу возмолятся,
 Дань-Мать *) Пресвятой Богородицѣ:
 «Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
 Подъ Добрыней конь посправился,
105. Уѣхалъ Добрыня отъ нахвальщика.
 Приѣхалъ на заставу богатырскую,
 Встрѣчаетъ его Ильѣ съ братіей приборною;
 Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
 «Какъ выѣхалъ на гору Сарачинскую,
110. «Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
 «Увидѣлъ на полѣ чернизину,
 «Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
 ««Воръ, собака, нахвальщина!
 ««Ты за чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
115. ««Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
 ««Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

*) Довской Божіей Матери. — Примѣч. записавшаго.

- «Есаулу Алешѣ въ казну не кладешъ
 «На всю нашу братію приборную?»
 «Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
 120. «Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
 «Мать сыра земля сколебалася,
 «Изъ озеръ вода выливалася,
 «Подо мною конь на колѣнцы палъ.
 «Господу Богу я возмѣлился,
 125. «Донъ-Мать Пресвятой Богородицѣ:
 «Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
 «Подо мною конь посправился,
 «Воротился я отъ нахвальщика.»
 Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ:
 130. «Малое большимъ замѣняется,
 «Большему нечѣмъ замѣнитися:
 «Бхать атаману самому!»
 Походитъ Илья на конюшій дворъ,
 Имаеть Илья добра коня,
 135. Уздаеть во уздечку тесмянную,
 Сѣдлаеть во сѣдельце Черкасское,
 Въ горока вяжетъ палицу боевую,—
 Не величка палица—полтораста пудъ,—
 На бедра беретъ саблю острую,
 140. Во руки беретъ плеть шелковую,
 Поѣзжаетъ на гору Сарачинскую.
 Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
 Увидѣлъ на полѣ чернизину;
 Поѣхалъ прямо на чернизину;
 145. Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
 «Воръ, собака, нахвальщина!
 «Ты за чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
 «Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
 «Есаулу Алешѣ въ казну не кладешъ
 150. «На всю нашу братію приборную?»
 Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
 Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
 Мать сыра земля сколебалася,
 Изъ озеръ вода выливалася;

155. Понуцалъ коя на Илью Муромца:
Илья Муромецъ не удробилъ.
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Въ первые палками ударились,—
У палокъ чѣвья *) отламались,
160. Другъ друга не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приламались,
Другъ друга не ранили;
Бились-дрались рукопашнымъ боёмъ,
165. Бились-дрались день до вечера,
Со вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,—
Покользить у Илейки ножка лѣвая,
170. Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ ему нахвальщикъ на бѣлы груди,
Вынималъ чингалище булатное,
Хочетъ вспоротъ груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
175. По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщикъ наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матѣрый!
— За чѣмъ ты ѣдишь во чисто поле?
— Будто нечѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
180. — Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той пути при дороженькѣ;
— Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келейку:
— Тутъ бы, старикъ, и животъ скончалъ!—
Лежитъ Илейко подъ богатыремъ,
185. Говорить Илейко таково слово:
« Да не ладно у Святыхъ Отцевъ написано;
« Да не ладно у Апостоловъ удумано;
« Написано было у Святыхъ Отцевъ,
« Удумано было у Апостоловъ:

*) Чѣвья — рукоять какого либо орудія, ручка вещи; такъ говорятъ: чѣвья ковшъ, кувшина. — Примѣч. записавшаго. — То же, что цѣвья. — О.

190. « Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;»
 « А нынѣ Ильѣ подѣ богатыремъ!»
 Лежучи у Ильѣ вдвое силы прибыло:
 Махнетъ нахвальщика въ бѣлы груди,
 Вышибалъ выше дерева стоячаго,—
195. Палъ нахвальщикъ о сыру землю,
 Въ сырую землю ушелъ до пояса.
 Не досугъ Ильѣ много спрашивать,—
 Скоро споролъ груди бѣлыя,
 Скоро закрылъ очи ясныя,
200. По плечъ отсѣкъ буйну голову;
 Воткнулъ на копье бржемецкое *),
 Повезъ на заставу богатырскую.
 Добрыня встрѣчаетъ Илью Муромца.
 Со своею братьею приборною.
205. Ильѣ бросилъ голову о сыру землю,
 При своей братьѣ похваляется:
 « Ъздилъ во полѣ, братцы, тридцать лѣтъ,—
 « Экого чуда не наѣзживалъ!»

3 **).

(Тамъ же).

За городомъ было за Кіевомъ,
 Стояли за Кіевомъ по три года,
 Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли;
 Третій годъ на проходѣ сталъ,
 5. Четвертый ходить по науличью ***).
 На ранней зорюшкѣ, на утренней,
 Выходилъ Ильѣ изъ бѣла шатра,

*) Муравецкое.—О.

**) По содержанію ср. эту былинку съ 1-мъ выпускомъ отд. I, № 2, 3, 4, 5, 6; отд. IV, № 2.—О.

***) Т. е. подошелъ уже близко.—О.

- Смотрѣлъ по далѣчу чисту полю,
Увидѣлъ паленицу преудалую:
10. Бдетъ молодець на добромъ конѣ,
На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.
Воротился Илья во бѣлъ шатерь:
15. « Кто бы изъ насъ съѣздилъ во чисту поле,
« Досмотрѣлъ паленицу преудалую?»
« Мы пошлемъ Алешу Поповича?»
« Алеша Поповичъ гордливъ-спѣсивъ:
« Не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться.
20. « Не умѣетъ богатырю честь отдать.»
« Мы пошлемъ Тихаго Дуная сына Ивановича?»
« У Дуная повороты были тихія *),
« Онъ не за виды **) положить буйну голову.»
« Пошлемъ мы Добрынюшку Никитича:
25. « Тотъ знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
« Знаетъ, какъ богатырю честь отдать.»»

- Походить Добрыня на конюшій дворъ:
Видѣли молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли побѣдки богатырскія.
30. Заѣхалъ онъ на шолома ***) высокое,
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далѣчу чисту полю,
Увидѣлъ паленицу удалую:
Бздитъ молодець по чисту полю,
Тѣшитя утѣхою дворянскою,—
35. Мечетъ острое копьѣ подъ вышину небесную,
На конѣ подѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копью приговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,

*) Память объ отношеніи Дуная-богатыря къ Дунай-рѣкѣ, которая у Славянъ постоянно носитъ названіе Дуная Тихаго и Бѣлаго.— О.

**) Не за виды: ни за что.— О.

***) См. вып. 3, стр. 46, примѣч. 6-е.— О.

40. — Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
 Добрыня Никитичъ воротился въ бѣль шатеръ,
 Самъ отвѣтъ держитъ Ильѣ Муромцу:
 « Видѣлъ я паленицу преудалую:
 « Ъздитъ паленица по чисту полю,
45. « Потѣшается потѣхой дворянскою,—
 « Мечетъ копые подъ высоту небесную,
 « На конѣ подѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
 « Самъ копыю наговариваетъ:
 «— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
50. «— Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—»
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
 « Ой ты гои еси, Алеша Поповичъ младъ!
 « Не твоя чаша,—не тебѣ и пить *)!»

Походилъ Илья на конюшій дворъ,

55. Сѣдлалъ своего коня добраго,
 Тянулъ двѣнадцать подпругъ шелковыхихъ,
 Бѣлаго шелка Шемаханскаго,
 Тринадцатую тянулъ черезъ хребтовую кость:
 Не ради красы,—ради крѣпости,
60. Чтобъ не оставилъ добрый конь во чистомъ полѣ.
 Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
 А не видѣли поѣздки богатырскія:
 Только въ чистомъ полѣ куревъ **) стоитъ.
 Заѣхалъ онъ на шолома высокое,
65. Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту полю,
 Увидѣлъ паленицу преудалую:
 Ъздитъ паленица на добромъ конѣ,
 Потѣшается утѣхой дворянскою,—

---

*) Народное творчество такъ привыкло къ «загребущимъ рукамъ» Алешы Поповича (См. «Замѣтку» ко 2-му выпуску), что когда кто бы то ни было беретъ не за свой кусъ, тотчасъ является представление о Поповичѣ, его образъ передъ глазами. И здѣсь, при хвастовствѣ паленицы, у Ильи вырываются слова: «Ты, паленица, затѣвалъ то же, что, случилось, затѣвалъ Алеша! И тебѣ та же будетъ доля, что Алешѣ: не твой кусъ,—неравно подавишься, не твоя чаша,—не тебѣ и пить!»—О.

**) Пиль столбомъ.—О.

- Мечеть копьё въ вышину небесную,
 70. Подъѣзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
 Самъ копьёю наговариваетъ:
 — Коль легко я верчу острымъ копьёмъ,
 — Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
 75. Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
 « Ой ты гой еси, паленица преудалая!
 « Ты за чѣмъ рано похваляешься?
 « Не уловя ты птицы, теребишь ее,
 « Не сваривши птицы, Богу молишься *)?»
 80. Не двѣ грозны тучушки затѣчились,
 Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:
 Два богатыря съѣзжались во чистомъ полѣ.
 Ударились первымъ боёмъ палицами желѣзными,—
 Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили,
 85. Въ кольцахъ **) палицы поламались.
 Кололись они копьями пурманецкими ***),—
 Въ чивьяхъ копьё поламался,
 Они тымъ боёмъ другъ друга не ранили.
 Хватались они тягами желѣзными,
 90. Тянулись черезъ гривы лошадиныя,—
 Одинъ одного не перетягиваетъ,
 Добры кони пали на корачь,
 Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили.
 Соходили они со добрыхъ коней.
 95. Хватались плотнымъ боёмъ, рукопашкою,—
 Водились они не мало времени,
 Водились добры молодцы полтора года,
 По колѣнямъ въ землю приобмялися.
 У Ильи права нога окатилась ****),
 100. А лѣвая нога подломилая:

*) Т. е. садисья уже ѣсть ее.— О.

**) По словамъ сказочниковъ, рукояти палицы были просверлены, въ эти дыры вдѣвались кольца, за которыя уже брались руками.— *Примеч. записавшаго.*— Вѣроятно, что это были кольца или колѣна самого дерева, изъ котораго были палицы.— О.

***) Муравецкими.— О.

****) Раскатилась, носкользнулась.— О.

- Падалъ Илья на сыру землю,
Паленица садилась на бѣлы груди.
Туть Илейко возмолятся:
« Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
105. « Еще болѣ я стоялъ за церковь Божию;
« Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
« За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ
женъ,—
« Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
« Онѣ были богомольныя,
110. « День и ночь онѣ Богу молятся *). »
Не сѣрая утица востопоршится:
Илья на земли поворотится;
Металъ сокольника подъ вышину небесную,
Выше всякого шароваго **) дерева,
115. Самъ вставалъ, да и подхватывалъ,
Кладъ паленицу на сыру землю,
Садился къ паленицѣ на бѣлы груди,
Учалъ онъ паленицу доспрашивать:
« Коего, молодецъ, города, которой земли,
120. « Которой Сибирской украинны ***),
« Какъ молодца именѣмъ зовутъ,
« Какъ молодца по отцѣ чѣвствуютъ? »
Отвѣчаетъ паленица удалая:
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
125. — Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
— Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
— Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—
Вопросилъ его Илья второй наконѣ ****):
« Коего, молодецъ, города, которой земли,
130. « Которой Сибирской украинны,

*) Смысль тотъ, что за дѣла добрыя и по молитвѣмъ сиротъ Илья выразилъ твердую надежду на свое спасеніе.— О.

**) Т. е. « жароваго; » см. выше.— О.

***) Сибирская украинна была для Руси самая дальняя; потому, когда дѣло шло о появленіи незнакомца издалека, украинна, съ которой онъ появлялся, представлялась Сибирскою.— О.

****) Разъ.— О.

- « Какъ молодца именёмъ зовутъ,
 « Какъ молодца по отцѣ чѣвствуютъ?»
 — Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
 — Много бы я съ тобой не разговаривалъ,
 135. — Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—
 Вопросилъ его Илья третей наковъ:
 « Коего, молодецъ, города, которой земли,
 « Которой Сибирской украинны,
 « Какъ молодца именёмъ зовутъ,
 140. « Какъ молодца по отцѣ чѣвствуютъ?»
 Отвѣчаетъ паленица преудалая:
 — Отъ моря я отъ Студенаго *),
 — Отъ камня я отъ Латыря,
 — Отъ той отъ бабы отъ Латыгорки **),
 145. — Именёмъ зовутъ меня Сокольникъ.—
 Соходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,
 Бралъ его за руку за правую,
 Цаловалъ во уста во сахарныя:
 « Здравствуй, мое чадо милое!»
 150. За бѣду пало Сокольникову, за великую ***).
 Онъ садился на добра коня,
 Поѣзжалъ онъ ко своей матушкѣ:
 — Гой ты, матушка, Амелѣа Тимоѣевна!
 — Ты скажи мнѣ-ка моего батюшку.—
 155. Отвѣчала Амелѣа Тимоѣевна:
 « Ужъ ты дитятко мое роженое!
 « Когда ты ѣхалъ во чисто поле,
 « Говорила я тебѣ заповѣдь великую:
 « Ты наѣдешь стараго,—старому кланяйся,
 160. « Младаго наѣдешь,—младаго спрашивай.»
 За бѣду ему пало, за великую.
 Ёхалъ онъ ко городу ко Кіеву,

*) Море *Студеное*—*Бѣлое*, и далѣе все сѣверное; у Русскихъ Славянъ ему противоположно *Черное*, иначе *Теплое*.—*О.*

**) Объясненіе Латыря, Латыгорки и т. п. см. въ концѣ выпуска, въ «Замѣткѣ».—*О.*

***) Т. е. когда онъ догадался о сдѣлѣ, невозможномъ происхожденіи.—*О.*

Металъ вострымъ копьемъ въ бѣлы шатеръ,
 Прилетѣло копье Ильѣ во бѣлы груди:
 165. У Ильи былъ оберегъ *) полтора пуда,
 Полтора пуда былъ съ четвертью;
 Прянулъ Илья изъ бѣла шатра,
 Хваталъ Сокольника со добра коня,
 Схвативши его онъ, на полы рѣзорвалъ.—

4 **).

(Тамъ же).

Старъ казакъ Илья Муромецъ,
 Ъздитъ Илья по чисту полю,
 Онъ не годъ ѣздитъ, не другой ѣздитъ,
 Ъздитъ Илейко двѣнадцать лѣтъ:
 5. Пался ему въ стрѣту Сильный Иванище:
 Не на конѣ ѣздитъ Иванище, ходитъ въ пѣшь.
 Остойлся ***) Илья передъ Иванищемъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 « Путь-дорога, Калика перехожа!
 10. « Куда снялся ****), сумка перемѣтная *****)?»

*) По другимъ пѣснямъ—крестъ.—*Оберегъ*—ладонка, въ значеніи талисмана; Орловск., Тульск., въ ладонѣ зашить сѣкъ чертополоха съ ладономъ и воскомъ; на сѣверѣ—выползетка змѣиная; на востокѣ, Пермск. и Вятск., зашиты заговоры знахаря на бумагѣ. Сѣверная поговорка: «Оберегъ виши (оччень, сильно) бережетъ.»—*О.*

**) Слѣдующія двѣ Былины и одна (въ разнорѣчіяхъ) Побывальщина представляютъ подвиги Ильи на службѣ Владимиру, потому относятся къ IV-му отдѣлу пѣсень, помѣщенныхъ въ 1-мъ выпускѣ; но тамъ не было у насъ пѣсень собственно о борьбѣ съ Идолищемъ и упомянуто объ ней только въ приложенной сказкѣ и «Замѣткѣ.»—*О.*

***) Остановился.—*О.*

****) Собрался; замѣчательно, что, судя по отвѣту, вопросъ «куда» имѣеть видѣть смыслъ и «откуда.»—*О.*

*****) Обыкновенное знамя, а отсюда и прозвище Калѣвъ Перехожихъ.—*О.*

- Снялся я, Калика, изъ Кіева.—
 Говорилъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
 « По старому ли въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
 « Просятъ ли милостыню спасенную?»
15. — Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
 — Не просятъ милостыни спасенныя:
 — Обнасилъничалъ Идолище поганое,
 — Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
 — У княгини держитъ руки въ пазухѣ.—
20. Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
 « Ты отдай мнѣ-ка свое платье цвѣтное,
 « Ты отдай свою шляпу земли Греческой,
 « Ты отдай мнѣ-ка свою клюшу яра дерева *),
 « Самъ садись на моего коня добраго.»
25. Скоро пошелъ Илья въ стольный Кіевъ градъ,
 Шагаль ушаги **) по полуверсты,
 Приходилъ Илья въ стольный Кіевъ градъ.
 Приходилъ Илья въ княжой теремъ:
 Княженецкія гридни съ боку на бокъ пошатилися,
 30. Ставники въ окнахъ помитусились ***).
 Воходитъ Илья въ княжой теремъ,
 Остоялся за двери дубовыми,
 Проситъ у князя милостыню спасенную.
 Говоритъ Идолище поганое
35. Ласкову князю Владиміру:
 — Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
 — У насъ заповѣдь положена крѣпкая:
 — Не просить по Кіеву милостыни спасенныя;
 — А теперъ милостыня въ терему стоитъ.—
40. Говорятъ Ильѣ придверники:
 « У насъ Идолище вышины двухъ сажень,

*) Клюку изъ дерева явора, яворчатую; ср. «яворчатые гусля;» по здѣсь
 ярь, яровой можетъ также значить жаръ, жаровой, о чемъ см. выше.—О.

**) Ушаги—уходъ шага, шѣра его, величина.—О.

***) Митуситься—бочиться, кривиться.—Примѣч. записавшаго. — Митусить, сѣвери., глядѣть однимъ глазомъ; — ея, суетиться, шататься, мотаться, ряхить, мерещиться, мелькать.—О.

« Ходить Идоляще по терему—шаговъ ничуть *);
 « А ты пдешь, Калика перехожая, неизродная **),
 « А по шагамъ твоимъ теремъ ходенемъ ходить. »

45. Приходитъ онъ въ хоромы княженецкія,

Говорить ему Идолище поганое:

— Отколь пришелъ ты, старъ человекъ?

— У насъ была кладена заповѣдь великая:

— Не просить милостыни спасенныя.—

50. « Я не зналъ про вашу заповѣдь великую,

« А пришелъ я со степей Цыцарскіихъ,

« Поклониться пресвѣтлому князю Владиміру. »

Говорить Идолище поганое:

— Ты скажи-ко мнѣ, Калика перехожая:

55. — Походилъ ты вѣкомъ на святой Русь,

— Повидалъ ты всякого народа православнаго.—

— Ты скажи, какой есть у васъ Илья Муромецъ?

— Есть мнѣ охота съ нимъ повидѣться.—

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

60. « На меня гляди, буде хошь узнать Илью Муромца »

Говорить Идолище поганое:

— Ты скажи, Калика перехожая:

— По многу ли Илейко хлѣба ѣсть,

— По многу ли Илейко къ выти ***) пива пьеть?—

*) Не слышать.—О.

**) Безобразная, безпорядочная, невѣжливая. — *Изродный* (сынъ, хлѣбъ), въ средней полосѣ Руси значить—негодный; на оборотъ, на сѣверѣ,—годный, отличный, видный, статный, красивый. То есть это слово, какъ и *уродъ, уродливый*, принимаетъ двойное значеніе,—выродка въ хорошемъ и въ дурномъ. Такому различію у Русскихъ соответствуетъ различіе и Славянскихъ нарѣчій, гдѣ на юго-востокъ у въ этомъ случаѣ значить недостатокъ, ущербъ, а на западѣ отличіе въ хорошемъ смыслѣ и кратоту.—О.

***) Здѣсь—количество, сколько кто съѣсть или выпьеть за одинъ разъ, въ одно время, для утоленія голода и жажды.—*Выть*, по областямъ Руси: кормъ;потомъ—количество корма (и щеля) по дачамъ, отускаемъ; отсюда—тягло, какъ доля, какъ мѣра кормящей земли; дача какъ мѣсячина, кормъ отускаемый помѣщично, погодно; отсюда же—жалованье; жалованье въ значеніи помѣстья; въ Московскомъ госуларствѣ съ этимъ связывалось вотчинное вѣдомство, дѣлопроизводство по этой части (откуда, до послѣдняго времени, *повытки*—дѣлопроизводитель, столоначальникъ, *повытке*—столъ); далѣе—часть корма (поговорка—«за каждую выть да руки мыть»), у крестьянъ зимой четыре раза,

65. Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

« Бѣтъ Илейко по калачику,
« Пьеть Илейко по стаканчику.»

Насмѣлся надъ нимъ Идолище поганое:

— Еще что же онъ за богатырь такой!

70. — Я къ выти по три печи хлѣба ѣмъ,

— По сороковкѣ къ выти пива пью!—

Говорить старъ казакъ Илья Муромецъ:

« У моего батюшки было коровище старое,

« Не молодо коровище было,—ста годовъ,

75. « Вышла та коровица на заворьѣ,

« Обожралась коровица дробиною *),—

« Тутъ оно, коровище, треснуло:

« И съ тобой то же будетъ, Идолище поганое!»

Хваталъ Идолище булатный ножъ,

80. Металъ онъ пожемъ въ Илью Муромца;

Снималъ Илья шляпу земли Греческой,

Металъ ту шляпу въ Идолища:

Улетѣлъ Идолище сквозь стѣну во чисто поле.

Походилъ Илейко во чисто поле.

85. Настигалъ Иванища Сильнаго,

Говорилъ ему таковы рѣчи:

« Есть въ тебѣ, Иванище, силы—два мѣня,

« А нѣтъ въ тебѣ смѣлости—поль-мѣня!»

лѣтомъ пять; промежутокъ между этими вытями, рабоче часы, то, что Тверск. и Новгород. называютъ пивѣ *уловодъ*; наконецъ—побудка на ѣду, аппетитъ («у большого выти нѣтъ»). Сродно съ латинск. *vita*, въ значеніе поддержки жизни («gerere sibi vitam;» въ нашемъ древнемъ языкѣ, *жизнь*, *жизь*, *жизьтъ* въ значеніи корма, лѣтописное—«и тако *ожцша*,» когда послѣ голоду подвозили кормъ).—*О*.

*) Загоръ солода съ мукою, послѣ того какъ слито сусло, гуща послѣ пива. браги или квасу, выжимки, хмѣлины, и т. п.—*О*.

5 *).

(Такъ же).

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается:
 Добрый молодець подвигается **),
 Добрый молодець—Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;

5. Съ пенечка на пенечекъ онъ поскокиваетъ,
 Съ холмочка на холмочекъ онъ поплясываетъ.
 На всрѣту идетъ дядя ***) Данило сынъ Игнатьевичъ.
 Тутъ братаны повстрѣчались,
 Повстрѣчались братаны, поздоровались.
10. Возговоритъ Илья Муромецъ:
 «Ужь ты здравствуешь, Данило сынъ Игнатьевичъ!
 «Ты откуль идешь, ты куда пошелъ?»
 Отвѣчаетъ Данило сынъ Игнатьевичъ:
 —Иду я отъ града Ерусалима,
15. — Отъ царя Константина Боголюбова,
 — Отъ царицы Елены Александровны.—
 Возговоритъ Илья Муромецъ:
 «По хорошему ли живетъ Константинъ Боголюбовичъ?»
 Отвѣчаетъ Данило Игнатьевичъ:
20. — Не здорово живетъ царь Константинъ Боголюб-
 вичъ:
 — Не стало въ Ерусалимѣ четья-пѣтя церковнаго,
 — Не стало звона колокольнаго,
 — Расселилось Одолище поганое,
 — Поганое Одолище, проклятое.

*) Къ этой Былинѣ приводимъ, какъ разворѣчье, «Сказаніе о семъ русскихъ богатыряхъ.» напечатанное съ рукописи (XVII вѣка?) въ «Памятникахъ стариннорусск. литературы.» вып. 2, 1860 г. Въ основѣ своей это народная былина, но съ разрушеннымъ складомъ и стихомъ, т. е. Побывальщина. Когда же занесли ее въ рукопись, тогда нѣсколько окрасили книжнымъ цвѣтомъ, съ приемами Московскихъ лѣтописей и языкомъ Московскаго Двора: вышло «Сказаніе.» Удерживаемъ особенности языка, но исправляемъ правописаніе.—О.

**) Двигается, а вмѣстѣ *подвизается*, совершаетъ подвиги, ползаетъ.—О.

***) То же, что *дядя, старецъ, каѣка*.—О.

25. — Въ долину Одолище пяти сажень,
 — Промежду плечми у Одолища коса сажень,
 — Головица его какъ пивной котель,
 — Глаза у него какъ чаши питейныя,
 — Носище какъ палка дровокѣльная.—
30. Возговорить Илья Муромецъ:
 « Ужь ты гои еси, Данило сынъ Игнатьевичъ!
 « Ты за чѣмъ Одолища на бѣль свѣтъ спустилъ *)? »
 Отвѣчасть Данило сынъ Игнатьевичъ:
 — Ужь ты гои еси, Илейко сынъ Ивановичъ!
35. — Голова моя стала теперь при старости,
 — Нога за, ногу запинается,
 — Рука за руку заплетается.—
 Возговорить Илья Муромецъ:
 « Разболокай **), Данило, платье каличье,
40. « Скидай съ ногъ лапотѣчки-обтоптѣчки,
 « Подавай мнѣ-ка шляпу земле-грецкую ***),
 « Земле-грецкую шляпу—сорокъ пять пудовъ.»
 Оболекаеть ****) Илейко платье каликино,
 Обуваеть лапотки-обтоптѣчки,
45. Накладаеть шляпу земле-грецкую,
 Походить Илья во дороженьку:
 Съ горы на гору Илеюшка поскакиваеть,
 Съ шѣлома на шѣлома поплясываеть 1).

*) Т. е. оставилъ въ живыхъ.—О.

**) Разоблѣнай, скидавай.—О.

***) Т. е. земли Греческой.—О.

****) Надѣваеть.—О.

1) Приводимъ помнятую Побывальщину. Въ скобкахъ тѣмъ же шрифтомъ поставлены нами дополненія, для гадательнаго возстановленія, гдѣ можно, разрушеннаго склада, а шрифтомъ помельче—исправленія и объясненія.

Въ столноуъ было градъ Кіевъ
 У великаго князя Владиміра
 Было пированье почестное
 На многія князи и бояря (бояря),
 И на сильныя могучія богатыри (богатыри).
 И какъ пошелъ пиръ новоселной (на веселье?),
 И зговорить (возговорить) князь Владиміръ Кіевскій

Приходитъ въ городъ въ Ерусалимъ
 50. Ко царю къ Константину Боголюбому,
 Къ его палатамъ блокаменнымъ,
 Скрычалъ-сзычалъ зычнымъ голосомъ,
 Зычнымъ голосомъ по каличьему:
 «Ужь ты гой еси, царь Константинъ Боголюбовичь.

Своимъ рускимъ богатырямъ (богатырямъ):

«Княземъ богатырямъ вѣдомо ли,

«Что отпускаетъ на меня царь,

«[Царь] изъ Царяграда (изъ Царяграда)

«Сорокъ два богатыря (богатыря),

«А велитъ итти ко мнѣ изгонею (изгонею, для нападенія въ рас-
 площъ).

«[Изгонею] въ Кіевъ градъ?

«А вамъ, богатырямъ, на крѣпко стоять,

«Съ столънаго града Кіева

«Отъѣзду никакого не учинить (не учинить),

«Никуды себѣ изъ моея вотчины.»

И слышали рускія богатыри таково слово,

И пошли они изъ за стола не докупавши,

Бьютъ челомъ они великому князю,

[Князю] Владиміру Кіевскому,

[Бьютъ челомъ они] семь богатырей (богатырей),

А первой богатырь славный Илья Муромецъ,

Второй богатырь Дворянинъ Залѣшеничъ,

Третій богатырь младъ Алеша Поповичъ (Алеша Поповичъ младъ),

Четвертый богатырь Глэпичъ (Глэпичъ?),

Пятый богатырь Суханъ Домантьевичъ,

Шестой богатырь Дворяницъ Бѣлая Паллца,

Седмой богатырь Добрыня Никитичъ [младъ];

Что зговорятъ богатыри таково слово:

««Государь ты, великой князь,

««[Князь] Владиміръ Кіевской!

««Не извадилась (не повидилась, не навьжили) мы, государь, дома
 сидѣть,

««Извадилась мы, государь, сами ѣздить,

««[Сами ѣздить] по полю по чистому,

55. « Ужь ты гої еси, царица Елена Александровна!

« Подайте милбстыню спасенную,

« Ради Христа, Царя небеснаго,

« Ради Матери Божьей, Богородицы!»

Отъ того отъ каличьаго голоса

60. Небо съ землею потрясалися,

Бѣлокаменны палаты пошаталися,

Во палатахъ столы сколыбалися,

« Побивать люди многія:

« Отпусти насъ, гесударь, во поле чистое:

« Мы тебѣ принесемъ нѣсть правую

« И языки приведемъ многія.»

И зговорить великій князь,

[Князь] Владиміръ Кіевскій:

« Не пригоже вамъ мене цокпнуть

« Въ стольвомъ градѣ Кіевѣ:

« И я тѣхъ людей жду къ себѣ

« [Жду къ себѣ] съ часу (съ часу) на часъ.»

И въ тѣ поры рускіе богатыри закручинилися,

Ударили челомъ князю и прочь пошла.

Идутъ же богатыри къ своимъ добрымъ (добрымъ) конямъ,

И кладутъ на себя доспѣхи крѣпкія,

Садятся богатыри на свои добрыя кони (кони добрыя),

Ѣдутъ же богатыри въ поле чистое,

Прямыхъ (правыхъ, истинныхъ) вѣстей провѣдывать.

И зговорятъ ѣдучи промежь себя,

[Промежь себя] таково слово:

« Лучче намъ тоѣ срамоты великія,

« Какъ случится намъ въ чистомъ полѣ смерть недобрая,

« Пойдемъ мы прямо къ Царюгороду

(Чѣмъ повстрѣчать въ чистомъ полѣ смерть недобрую, лучше той срамоты—пойдемъ прямо къ Царюгороду)!»

И какъ будутъ богатыри (богатыри)

Отъ Царяграда (Царяграда) за двѣнадцать верстъ,

Переѣздаютъ богатыри Смугру рѣку:

Ажно (ажь вотъ) ѣдутъ встрѣчи (въ стрѣчу) двѣнадцать человекъ,

Все Каличи Перекожа.

На столахъ питья-кушанья поплескались,
 За столомъ князи-бояра всѣ припадали,
 65. Поганое Одолище приужахнулось.
 Возговорить Одолище поганое:
 — Ужь ты гой еси, царь Константинъ сынъ Боголюб-
 вичь!

И пріѣхалъ къ нимъ молодъ Алеша Поповичъ (Алеша Поповичъ младъ),

И самъ говоритъ имъ таково слово:

« Братцы вы, Каличи Перехожія!

« Давайте вы намъ съ себя платье калическое,

« А у насъ берите платье скорлятное (скарлатъ, шарлахъ),

« [Того ли] скорляту бѣлаго! »

И зговорятъ Каличи таково слово:

« « Ой еси, младъ Алеша Поповичъ (Алеша Поповичъ младъ) !

« « Не дадимъ тебѣ мы

« « Своего платья калическаго! » »

А у Каликъ атаманъ,

И зовуть его Никитою,

А родомъ Карачевецъ (Карачевецъ).

И пріѣзжаетъ къ нимъ другой богатырь,
 [Богатырь] Илья Муромецъ,

А самъ говоритъ таково слово:

« За то намъ браниться не за што;

« Возмите вы у насъ платье свѣтлое,

« А намъ давайте платье калическое. »

И зговорятъ Каличи таково слово:

« « Съ тобою говорить, Илья, нечего,

« « [Говорить нечего] и спору нѣтъ! » »

Даютъ же Каличи свое платье съ себя,

Калическое [платье] рускимъ богатырямъ (богатырямъ),

А богатыри даютъ съ себя

Свое платье свѣтлое.

И спрашиваетъ ихъ Илья Муромецъ,

[Спрашиваетъ] Перехожихъ Каликъ:

« По что, Никита, ходилъ во Царьградъ ? »

Никита ему сказалъ таково слово:

— Ходили мы провѣдывать прямыхъ вѣстей:

— Эки у васъ на Руси калики голосастые!

— Скрычи-ко *) калику въ нову горницу.—

70. Отпираль Константинъ царь окошечко косячето:

«Ужь ты гой еси, Калика перехожая,

— Есть ли отпущъ изъ Царяграда

— Богатырямъ ко граду Кіеву?

(Сваряжаютъ ли оттуда богатырей на Кіевъ?)

— И тѣ вѣсти намъ прямо неизмѣнныя:

— Ъздятъ богатыри во Царѣгородѣ,

— А хвалятся при царѣ [богатыри],

— Что хотять ѣхать къ Кіеву,

— И въ Кіевѣ учинить съча великан,

— А князя Владиміра и его княгиню (со княгиню?)

— И съ его богатыри въ полощъ взять.—

И слышали русскіе богатыри таково слово,

И зговорить сильный богатырь Илья Муромецъ,

[Зговорить] своимъ товарищамъ:

«Слышите ли, братцы, таково слово?

«За совѣтъ слуги и головы складываютъ.»

(Что порѣшили, за то слуги и головы сложать, то и выполнять богатыри Цареградскіе.)

И оставляютъ тотъ (туть) богатыри

[Копей] своихъ у Смугры рѣки

И всѣ свои наряды богатырскія,

Емлютъ же по одной по булатной палицѣ,

И тѣ несутъ подъ полами,

И пошли прямо къ Царюграду.

Идучи говорятъ таково слово:

«Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ

«Языкомъ татарскиишъ (татарскіямъ)?»»

И зговорить Дворянинъ Залѣшенниъ:

— Всѣхъ у насъ лучше говорятъ

— Младъ Алеша Поповичъ (Алеша Поповичъ младъ);

— Каковъ онъ трезивъ, таковъ и пьянъ,

— И всѣхъ насъ лучше бранится (бранится; говорить чужимъ, непонятнымъ, телячьимъ языкомъ, который всегда словно брань и ругательство).—

*) Позови, клички. — 0.

- «Перехожая калика, сумка переметная!
 «Ты поди-ко ко мнѣ въ нову горницу,
 «Я въ тѣ-порѣ подамъ милостыню спасенную.»»
75. Походилъ Илейко на лѣстницу:
 Огъ ходы *) его лѣстницы заскрыпѣли,
 По мостамъ **) онъ идетъ,—мосты погнулися.
 Заходилъ онъ въ палату бѣдокаменну,
 Онъ крѣсть кладетъ по писаному,
80. Поклонъ ведетъ по ученому,
 На всѣ четыре стѣроны покланяется:
 «Ужь ты здравствуешь, царь со царнею!
 «Ужь вы здравствуйте, князи-бояра!»
 Онъ поганому Одолищу челомъ не бьетъ,
85. Онъ челомъ не бьетъ, не покланяется.
 Это Одолищу за бѣду пало.
 Возговорить Одолище поганое:
 —Ужь ты здравствуешь, Калика перехожая,
 —Перехожая калика, сумка переметная!
90. —Какой на Руси есть Илья Муромецъ,
 —Сильный-могучій богатырь?
 —Много ли онъ вытью хлѣба съѣсть,
 —Много ли онъ вина духомъ ***) пьетъ,
 —Высокъ ли онъ ростомъ-возрастомъ?—
95. Отвѣчаетъ Калика перехожая:
 «Знаю Илью я, ровно какъ себя:
 «Вытью хлѣба ѣсть онъ по три прѣсвиры,
 «Вина духомъ пьетъ по одной чарочкѣ,
 «Ростомъ-возрастомъ онъ ровенъ со мной.»»
100. Говорить Одолище поганое:
 —Еще что же онъ за богатырь пришелъ?
 —А какъ я ли, Одолище поганое,
 —Вытью хлѣба ѣмъ по три пуда въ выть,
 —Вина духомъ пью по ведру на разъ.—
105. Возговорить Калика перехожая:

*) Отъ ходьбы.—О.

**) По мостамъ,—настланнымъ переходамъ, наружнымъ сѣнямъ (сѣни собственно внутренни).—О.

***) Однимъ духомъ, за одинъ разъ.—

- « Встарь было у князя у Владимира,
 « Было коровище обжористо;
 « Не могло коровище найдатися,
 « Не могло коровище напиватися;
 110. « Вышло коровище во чисто поле,
 « Напало коровище на дробинище *),
 « Еще тутъ коровищу разбѣвало,
 « Еще тутъ коровищу растреснуло,
 « Еще тутъ коровище окопылилось **).
 115. « И тебя, поганого, разорветъ!»
 Это Одолищу за бѣду пало,
 За бѣду пало за великую;
 Говорилъ Одолище поганое;
 — Кабы былъ здѣсь Илья Муромецъ,
 120. — На долонь бы посадилъ, да другой прижалъ,
 — Межь долонями мокро бы повыжалось ²).—

*) См. выше.— О.

**) Надохло, окопало.— *Копыль*—шесть стѣпчій (наприм. въ саняхъ, связь полозьевъ съ грядками); какъ *рожень*—лежащій. Обратилось въ торчокъ: ср. *окопальть*—отъ *копль*, малорусск. *одубѣль*—отъ *дубль*.— О.

2) И какъ пришли богатыри въ Царьградъ (въ Царьградъ богатыри).

И въ тѣ поры идетъ у царя столъ новосельной,
 А въ столъ подаютъ третью яству;
 И учали Калики просить у царя
 [Просить] на новоселье милостыни
 (Сдѣлавши изъ «на веселѣ» новоселье, не осмыслилъ ли этого по своему писецъ румописи?),

Стояли противъ окна царскаго,
 И воскричать громкимъ голосомъ;
 И услышалъ тутъ царь Константинъ,
 [Услышалъ] самъ Каликъ прошенія
 Изъ своей палаты царскія,
 И зговорить царь Константинъ
 Своему богатырю Тугарину Зміевичу:

« Вели позвать Каликъ въ палату ко мнѣ,
 « И услышу по рѣчамъ о Кіевскихъ вѣстахъ:
 « Либо что они вѣдаютъ (не знаютъ ли они чего либо)?»
 И позвали въ палату Каликъ тѣхъ ко царю,
 И царь учалъ ихъ спрашивать:

*) Братъ Одолище булатный ножъ,
Киндль *) въ Калику переходжаго.

« Скажите намъ, Каличи Перехожіе,
« Изъ котораго града ходите? »
И зговоритъ туто стоячи Илья Муромецъ:
— Ходимъ мы, государь, изъ Кіева града (изъ града Кіева).
— Отъ князя Владиміра Кіевского. —
А противъ царя свднть его богатырь (богатырь его),
[Богатырь его] Идолище жидовское;
И зговоритъ богатырь Идолище
Великому царю Константину:
« Государь ты, сильной царь!
« Спроси ихъ о Кіевскихъ богатыряхъ (богатыряхъ):
« Сколько ихъ нынѣ у великаго князя,
« [У великаго князя] Владиміра Кіевского? »
И зговоритъ туто стоячи Илья Муромецъ:
— Въ Кіевѣ, государь, тридцать два богатыря;
— Да удалы (удалы?) добръ необычно есть
— Славенъ богатырь Илья Муромецъ. —
И зговоритъ царь Константинъ:
« Каковъ онъ рожею и ростомъ (ростомъ и рожею)?
« Посмотри по нашимъ богатырямъ (сравни съ ними, на кого похожъ). »
И зговоритъ стоячи Илья Муромецъ:
— Ростомъ только съ меня
— И рожею походить на меня. —
И зговоритъ тутъ свдючи Идолище,
Великое насмѣхаючись:
« Аще ли правда (книжное).
« Что онъ таковъ Илья Муромецъ,
« И я его посажу на лодонь,
« И другою раздавлю! »

3) Отселѣ въ нашей Былинѣ слѣдуетъ убіеніе Идолища, такое, какое со-
вершилъ въ Кіевѣ Илья Муромецъ; но Побывальщина раздѣляетъ два поприща
дѣйствій, одно въ Царѣградѣ, другое въ Кіевѣ, и описываетъ между обими
совершенно особыя отношенія:

И зговоритъ Идолъ-богатырь
Царю Константину [Боголюбвищу]:

*) Киндль. — О.

Разсержалось у Илейка сердце богатырское.

125. Расходились плечи могучія:

Захватилъ онъ шляпу земле-грецкую,

« Не мѣшай, государь царь Константинъ, службы богатыр-
скія

(Государь царь, Константинъ Боголюбовичъ,
Не мѣшай службы богатырскія).—

« Отпусти насъ скоро къ Кіеву граду (ко граду Кіеву);

« Вольнаго слова не будетъ солганаго

(То же, какъ и выше: что порѣшили мы, на что добровольно вызвались,
того не солжемъ, а выполнимъ);

« Мы какъ будемъ въ Кіевѣ,

« И привеземъ мы къ тебѣ великаго князя,

« [Великаго князя] Владиміра Кіевского,

« И съ княгинею его, и съ его богатырами,

« И въ Кіевѣ учинимъ съчъ великую.»»

И не стерпѣлъ такова слова слышать (слышать такова слова)

Младъ Алеша Поповичъ (Алеша Поповичъ младъ),

И зговоритъ таково слово Идолицу:

— Какъ ты пріѣдешь къ Кіеву,

— Такова тебѣ слова не говорити,

— И не узнаешь отъ Кіева дороги,

— И не путемъ прочь поѣдешь,

— И еще тебѣ живу не отъѣждевать,

— [Не отъѣждевать] прочь отъ Кіева!—

Идолице же на него осержается.

И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:

— Твоего, государь, царскаго меда

— Уплся Калика (Алеша) и говоритъ нитунисъ (ни то, ни се,
вздоръ).—

И зговорятъ Алешѣ товарищи потихонку:

« Уйми свое сердце богатырское,

« Потерни малешенько:

« Нельзя намъ съ тобою

« Такова слова молвити.»»

И спрашиваетъ ихъ царь Константинъ:

« Видали ли вы въ Кіевѣ

« Лошадей богатырскихъ (богатырскихъ)?»

Земле-грецкую шляпу—сорокъ пять пудовъ,
 Металь шляпой въ Одолища моганого,
 Попадаля ему въ буйну голову.—

И зговорить Дворянинъ Загъшанинъ:

— По вся дни выдаемъ мы

— Лошадей Киевскихъ богатырей (богатырей).—

И зговорить богатырь Идолище великое:

«Государь ты, вольной (конечно «сильной») царь!

«Вели показать наши лошади богатырскія.»

И скоро ведутъ лошади богатырскія:

Идолища богатыря лошадь

Ведутъ двадцать человекъ,

На двухъ цѣпяхъ золотыхъ;

Ведутъ же лошадь богатыря

Тугарина Змѣевича десять человекъ.

(Лошадь богатыря Т. Зм.

Ведутъ десять человекъ);

И Калики лошадей вѣдѣли.

И зговорить Дворянинъ Загъшанинъ:

— Сверху, государь, мы не умѣемъ смотрѣть:

— Вели, государь, намъ на земли посмотрѣть.—

Идутъ же Калики отъ царя изъ палаты,

Изъ стѣн они лошадей смотрѣли,

И говорятъ промежь себя идучи:

«Теперь и намъ, товарищи, пора пришла:

«Готовьте вы свои булатныя палицы!»

И скоро кинулись Калики,

И отняли по добру коню;

И подетѣли тутъ головы

Богатырскія и татарскія;

И сѣли на добрые кони,

И поѣхали изъ града вонъ.

Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичъ (А. П. младъ),

А самъ говоритъ царю таково слово:

— Потому есть поѣхали изъ града вонъ,

— Что оставили мы своихъ коней

— [Коней] богатырскихъ у Смугры рѣки,

130. Полетѣла голова ровно пугвица,
Вышибала въ горницѣ три паклинка * . .

— А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри

— [Хотимъ] перевѣдаться.—

И удара челомъ царю, и поѣхалъ прочь,

[Поѣхалъ] до своихъ товарищевъ

И къ своимъ добрымъ конемъ.

И учили богатыри рускіе наряжаться (изъ камишъ ^{перевѣдаться}
богатырями).

И класть на себя доспѣхи крѣпкія,

И емлютъ свою сбрую ратную:

Ажно скачють богатыри

Отъ Царяграда погоней великою.

И зговоритъ младъ Алеша Поповичъ

Своимъ товарищемъ

(И зговоритъ своимъ товарищемъ

Алеша Поповичъ младъ):

— Пойдите, братцы, малешенько,

— Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться,

— [Перевѣдаться] и понеретяся!—

А Илья Муромецъ встрѣчаетъ ихъ

Отъ своего стана во полуверстѣ,

И всѣ богатыри за нимъ же.

И скоро (какъ скоро) богатыри съѣхались,

И ударились копыями, острыми концами,

И пробили на себѣ всѣ доспѣхи крѣпкія,

[Пробили] копыями острыми,

И подъ присадки **) поламались.

И зговоритъ Илья Муромецъ:

«Ужели сбили богатырей съ добрыхъ коней?»

И побили туто всѣ (всѣхъ) богатырей,

[Всѣхъ богатырей] сорокъ человекъ,

А двухъ человекъ живьемъ взяли,

Идола Скоропита (Скорпиона; ср. «змѣйка-скоропейка») а (п)

Тугарина Зміевича,

*) Короткіе обрубки бревенъ, изъ которыхъ простѣноки между окнами. — О.

**) Присадка — древко; по древко жаламалась пѣть копыя. — О.

Возговоритъ Калика черехожая,
Перехожая калика Илья Муромецъ:

И поѣхали ко Царю-граду,
Ко царю Константину (Боголюбову .

И зговоритъ Илья Муромецъ:

- « Вѣдомо ли тебѣ, царю:
- « Мы твоихъ богатырей побили,
- « А двухъ живыхъ взяли?
- « А тебя мы, царь, ничѣмъ не двигнемъ,
- « [Ничѣмъ не двигнемъ] ни чернымъ волосомъ,
- « Потому что мы поѣхали изъ Кіева .
- « Безъ государева вѣдома,
- « На похвалу твоихъ богатырей
- (Изъ того, что богатыри твои расхвастались).
- « И мы тебѣ не отдадимъ твоего богатыря,
- « [Твоего богатыря] Тугарина Зміевича;
- « Отдадимъ тебѣ твоего богатыря.
- « [Твоего богатыря] Идола Скорошита:
- « А съ собой емлемъ въ Кіевъ градъ
- « Ко князю Владимиру на показъ
- « Тугарина Зміевича богатыря удалого
- (На показъ ко князю Владимиру
- Богатыря удалого Тугарина Зміевича).»
- Не бѣлая лебедь воскликкала,
- Восплачится Тугаринова мать,
- Бьетъ челою рускимъ богатырямъ
- И благовѣрной царицѣ Еленѣ:
- « Благовѣрная царица Елена
- (Царица Елена благовѣрная)!
- « Упроси ты у рускихъ богатырей!»
- И зговоритъ благовѣрная царица Елена:
- Ой еси ты, Илья Муромецъ съ товарищи!
- Отпустите вы Тугарина Зміевича,
- Утрите вы слезы кровавыя,
- Не нанесите на себя клятвы вѣчныя.—
- И зговорятъ рускіе богатыри таково слово:
- « Государыня, благовѣрная царица Елена!

« Ужь ты царь Константинъ, сынъ Боголюбовичи!
135. « Увози Одолица поганого въ чисто поле,

« Не двинемъ мы Тугарина,
« [Не двинемъ] ни чернымъ волосомъ,
« Для твоего государынина попрошенья (попрошенія);
« А Тугаринъ будетъ въ Кіевѣ градѣ
(А будетъ Тугаринъ въ градѣ Кіевѣ),
« У князя Владиміра Кіевскаго,
« И потомъ будетъ въ Царѣградѣ
« У тебя, государыня:
« А теперво (древнее « то-перво ») оставль въ Царѣградѣ
нелъзя (казжиро),
« Потому что намъ государю
« Великому князю Владиміру
« Ударить челомъ нечѣмъ
(Нечѣмъ челомъ ударити).»
И рускіе богатыри ударили челомъ (челомъ ударили)
Царю Константину (Боголюбову),
И поѣхали прочь къ Кіеву граду (ко граду Кіеву).

И ведутъ богатыря Тугарина Зміевича,
И ѣдутъ богатыри по полю по чистому.
И какъ будутъ богатыри
Близъ града Кіева,
Выбирають себѣ богатыря Залѣшанича,
И посылаеть (посылають) его ко граду Кіеву,
Ко князю Владиміру Кіевскому со здоровьемъ (книжное: спрo-
ситъ о здоровьѣ).

И пріѣхалъ Дворянинъ Залѣшанинъ,
[Пріѣхалъ] въ Кіевъ градъ,
Ко князю Владиміру Кіевскому,
И говорятъ таково слово:
« Многолѣтнее здравіе (книжное) государю,
« Великому князю Владиміру Кіевскому
(Государю Кіевскому,
Великому князю Владиміру)!
« Вели, государь, памъ, холопанъ твоимъ (поздравитее),
« Свои очи видѣти!

« Сѣрымъ волкамъ на сѣденье,
 « Чернымъ вѣронамъ на погрянье *)!»
 Возговорить царь Константинъ сынъ Боголюбовичъ:

« Были мы, государь, безъ твоего государева вѣдома, во
 Царѣградѣ

(Были мы, государь, во Царѣградѣ,
 Безъ твоего, государь, вѣдома),
 « Для твоихъ государевыхъ недруговъ,
 « И убили въ Царѣградѣ сорокъ богатырей,
 « А двухъ живыхъ взяли,
 « Идола Скоропита да Тугарина Зміевича:
 « Одного отдали царю Константину
 (Одного царю Константину отдали),
 « А другого съ собой взяли,
 « Тугарина Зміевича, удалого богатыря.
 « А къ тебѣ, государь, пріѣхалъ (я)
 « Дворянинъ Залѣшанинъ,
 « Въ великому князю Владимиру,
 « Просить отъ своихъ товарищевъ здоровье.»
 И государь ихъ пожаловалъ,
 Велѣлъ имъ пріѣхать къ себѣ.
 И пріѣхали богатыри въ Кіевъ градъ
 Къ великому князю Владимиру,
 И привели языка добраго (съ вѣстами),
 Удалаго богатыря Тугарина Зміевича.
 И государь ихъ пожаловалъ
 За ту службу вѣрную,
 Давалъ имъ шубы соболиныя
 И цѣни златыя великія,
 Да имъ же говоритъ таково слово:
 — И впредь я васъ буду жаловать
 — За вашу службу вѣрную.—
 Спрашиваетъ великій князь Владимиръ Кіевскій Тугарина Зміевича о вѣстяхъ

(Спрашиваетъ о вѣстяхъ Тугарина Зміевича
 Великій князь Вл. Кіевскій):

*) Ворогій крикъ: они зряють, собираясь на падалъ.—О.

« Ужь ты батюшка, Илья Муромецъ!
 140. « Ты бери казны, сколько надобно! »
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Чтò у васъ вѣсти въ Царьградѣ? —

И зговоритъ Тугаринъ Зиѣвичъ,

[Зговоритъ] таково слово:

« Чтò ты меня, государь,

« О вѣстахъ спрашиваешь?

« Всѣ вѣсти у тебя, государь:

« Нѣтъ, государь, тебя грозѣ

« Во всѣхъ царствахъ,

« А богатырей нѣтъ твоихъ удалца

« Во всѣхъ земляхъ! »

Бьетъ челомъ Илья Муромецъ съ товарищи:

« Смилуйся, государь, великій князь Кіевскій, —

« Отпусти, государь. Тугарина Зиѣвича:

« Дали есть (есмь, есмы) слово

« Благовѣрной царицѣ Еленѣ

(Царицѣ Еленѣ благовѣрная).

« Чтò намъ у тебя, государя,

« Упросить Тугарина Зиѣвича. »

И зговоритъ князь Владиміръ Кіевскій

Своимъ богатырямъ

(И зговоритъ своимъ богатырямъ

Владиміръ князь Кіевскій):

— Были вы во Царьградѣ,

— И всѣхъ богатырей въ полѣ побивали

(И побивали въ полѣ всѣхъ богатырей;

Не докончено: « а понѣ... »). —

Отпускаетъ же Тугарина Зиѣвича

Съ добрымъ конемъ и съ своею сбруею ратною,

И провожаетъ его до Царяграда,

Да рубежа (Царградскаго).

И отпустили его во Царьградъ,

И зговорятъ ему богатыри таково слово:

« Скажи ты, Тугаринъ Зиѣвичъ, государыи,

« Благовѣрной царицѣ Еленѣ

(Царицѣ Еленѣ благовѣрная):

« Чтò мнѣ надобно, каликѣ переходяему?
 « На приходѣ ты гостя не учествовалъ:
 « На походѣ-то гостя не учествовать!»

6

(Тамъ же).

Изъ за моря, моря Синяго,
 Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
 Подымался Батый царь, сынъ Батыевичь,
 Со своимъ сыномъ съ Таракáшкомъ,
 5. Со любимымъ, зятемъ со Улюшкомъ.
 Собралъ собака силы трехъ годовъ,
 Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ:
 За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
 За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 10. Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
 Сорокъ королей, королевичей.
 Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
 Сопуцалъ собака якоря булатные,
 Выпуцалъ шейки **) шелковыя.

« Еще есмь въ правдѣ устоял,

« И царское все исполнил,—

« Государю служба служена

« И честь получена.»

И поѣхали богатыри назадъ въ Кіевъ градъ

Ко князю Владимиру Кіевскому,

И стали славно жить въ градѣ Кіевѣ,

И ихъ храбрости слава не минуется.

---

*) Былина эта по содержанию относится къ тѣмъ, которые помѣщены въ V-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска.—О

**) Кавычкы.—О.

15. Выметывалъ скóденки дубовыя,
Выходилъ на круть-красёнъ бережокъ,
Раздёрнулъ бѣль-полóтняный шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
20. Скрычалъ зычнымъ голосомъ, богатырскимъ,
Созывалъ своихъ мурзовъ-бурзówъ, Татаровей:
« Кто умѣеть говорить русскимъ языкомъ, человѣче-
скимъ?
« Кто бы съѣздилъ ко тому городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
25. « Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописча-
тый?»
Поголовно молчатъ бурзы-мурзы, Татаровя.
Закрычалъ онъ по второй наконѣ *):
« Ой вы гой еси, мурзы-бурзы, Татаровя!
« Кто умѣеть говорить русскимъ языкомъ, человѣче-
скимъ?
30. « Кто бы съѣздилъ ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру.
« Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописча-
тый?»
Тутъ выскочилъ бурза-мурза, Татаровичъ:
Старь-горбатъ, на передъ поклѣпъ,
35. Синь кафтанъ, голубой карманъ;
Говорилъ самъ таково слово:
— Ужь ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!
— Умѣю я говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ,
— Отвезу ему посольный листъ, ярлыкъ скорописча-
тый.—
40. « Поѣзжай ты, бурза-мурза, Татаровичъ,
« Поѣзжай не путемъ не дорóгою,
« Черезъ лѣса дремучіе,
« Черезъ лузі дыбучіе **),

*) Разъ.— О.

**) *Лузі*—въ старинномъ славянскомъ значеніи поросла, роши; *лѣса дремучіе*—одного корня, что и *дубовые*, а *дубъ*—древнѣйшее названіе для всякаго дерева, въ значеніи—растущаго къ верху, дыбомъ, на дыбъ.— О

- «Поѣзжай ты ко Кіеву,
 45. « Перескочи черезъ стѣну городѡвую,
 « Черезъ ту башню наугѡльную,
 « Брось своего копя середь двора,
 « Не привязана, не приказана,
 « Иди во грядни княженецкія.
 50. « Двери грудью на пята бери.
 « Положь ярлыкъ на дѡбовъ столъ.
 « Оборотясь, приступи *) крѣико, вонъ поди,
 « Приступи, чтобъ спѣли **) свѣтлыя оконницы!»

- Видѣли, какъ молодець коня сѣдлалъ.
 55. Дѣвѡдцать подругъ со подругою натягалъ,
 Не для басоты ***) молодецкія, а для крѣпости бога-
 тырскія:

- Никто ни видѣлъ поѣздочки богатырскія;
 Конь горы и доли промежъ нѡги бралъ,
 А маленькія рѣчки хвостомъ устилалъ.
 60. Приѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Перескочилъ черезъ стѣну городѡвую,
 Черезъ тѣ башни наугѡльныя,
 . . . . .
 Положилъ ярлыкъ на дѡбовъ столъ,
 Оборотясь, приступилъ толь крѣико, самъ вонъ пошелъ.

65. Тутъ Владиміръ стольный Кіевскій
 Со своей женой Апраксіей
 Крычатъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
 « Ужь вы гои есте, Добрыня Никитичъ и Алеша По-
 повичъ младъ!
 « Вы примайте ярлыки, распечатывайте,
 70. « Поскорѣ того прочитывайте,
 « Не утайте вы слова ѣдного!»
 Говорили Добрыня Никитичъ съ Алешей Поповичемъ:

*) Вѣрѡятно *преступи*, переступилъ черезъ порогъ. — О.

**) Дрогнули, загудѣли, зазвенѣли. — О.

***) Красоты. — О.

- « Ярыкъ, князь батюшко, не радостный:
 « Изъ за моря, моря Сняго,
 75. « Изъ за Сняго моря, изъ за Чернаго,
 « Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
 « Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
 « Со любимымъ зятемъ со Улюшкомъ.
 « Собралъ собака силы трехъ годовъ,
 80. « Силы трехъ годовъ и трехъ мѣслцевъ;
 « За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
 « За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 « Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
 « Сорокъ королей, королевичей.
 85. « Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
 « Просить Батый у насъ трехъ сильныхъ — могучихъ
 богатырей:
 « Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
 « Другого богатыря Добрыню Никитича,
 « Третьяго богатыря Алешу Поповича.
 90. « Похваляется:— Дашь-не дашь, за боёмъ возьму,
 « — Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
 « — Князя со княгинею въ полонъ возьму,
 « — Божьи церкви на дымъ спущу,
 « — Чудны иконы по плавъ рѣки,
 95. « — Добрыхъ мѡлодцевъ полоню станицами,
 « — Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами *),
 « — Добрыхъ коней табунами.—»»

Надѣвалъ Владиміръ платье цѣнное **),

Цѣнное платье, печальное,

100. Походилъ ко Божьей церкви, Богу молитися;
 Въ стрѣту идетъ нищя Калика переходя:
 — Ужь ты здравствуй, Владиміръ, стольный Кіевскій!
 — Ты за чѣмъ надѣлъ черное платье, печальное?

*) Плѣнницы—узы; плѣнныхъ, становившихся рабами, забивали кучами вмѣстѣ въ колодку, такъ и водили; подобную кучу плѣнныхъ рабовъ, забитыхъ въ одну колодку или цѣпь, южяне Славяне называютъ доселѣ *синджиръ*, съ турецкаго, а Турки взяли съ греческаго *αἰδηρος*, желѣзо, цѣпь, узы, плѣнницы.— О.

**) Черное, черное?— О.

- Что у васъ во Кіевѣ учинилось?—
105. « Молчи, нищая Калика перехожая,
 « Не хорошо у насъ во Кіевѣ учинилось:
 « Изъ за моря, моря Синяго,
 « Изъ за Синяго моря, изъ за Чернаго,
 « Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
110. « Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
 « Со любимымъ зятемъ со Улюшкомъ.
 « Собралъ собака силы трехъ годовъ.
 « Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
 « За сыномъ было сорокъ тысячей,
115. « За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 « Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
 « Сорокъ королей, королевичей.
 « Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
 « Просить Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ бо-
 гатырей:
120. « Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
 « Другого богатыря Добрыню Никитича,
 « Третьяго богатыря Алешу Поповича.
 « Похваляется:—Дашь-не дашь, за боѣмъ возьму,
 «— Сильныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
125. «— Князя со княгинею въ полонъ возьму,
 «— Божьи церкви на дымъ спущу,
 «— Чудны иконы по плавь рѣки,
 «— Добрыхъ мѳлодцевъ полоню станицами,
 «— Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами,
130. «— Добрыхъ коней табунами.—»
 — Не зови меня нищей Каликой перехожею,
 — Назови меня старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ.—
 Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
 « Ужь ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!
135. « Постарайся за вѣру христіанскую,
 « Не для меня, князя Владиміра.
 « Не для-ради княгини Апраксини,
 « Не для церквей и монастырей,
 « А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
140. Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:

— Ужь давно намъ отъ Кіева отказано.
— Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ.—

- « Не для меня ради, князя Владиміра,
« Не для ради княгини Априксіа,
145. « А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
Проводилъ Владиміръ Илейка во грядни княженецкіа,
Посылалъ его ко царю Батыю, сыну Батыевичу.
Бралъ Илейко съ собою Алешу Поповича и Добрынюшку,
Брали они много злата-серебра,
150. Поѣзжали ко Батыю съ подарками.

Увидали ихъ бурзы-мурзы, Татарова,
Говорили сами таковы рѣчи:

- « « Бдетъ Владиміръ стольный Кіевскій,
« « Везетъ намъ Илейку во подарочки!» »
155. Подъѣзжаетъ Владиміръ стольный Кіевскій
Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ
Ко Батыю царю сыну Батыевичу.
Подають ему они подарочки,
Самъ просятъ сроку на три года,
160. На три года, на три мѣсяца.
Даетъ Батый сроку только на три дня.
Паливаетъ чару зелена вина,
Не велику чару—въ полтора ведра,
Подавалъ чару князю Владиміру:
165. Принималъ Владиміръ чашу въ обѣ-ручъ,
Прикушалъ изъ чаши съ пивной стаканъ;
Подаетъ чару Ильѣ Муромцу:
Принимаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ чару на единой духъ;
170. Расходилися плечи могучія,
Раскипѣлося сердце богатырское:
« Ты прощай, Батый царь, Батыевичь!»

Отправлялися въ путь дороженьку,
Къ своему ко граду стольну Кіеву.

175. Говорилъ казакъ Илейко Муромецъ:
« Запирай, князь, ворота крѣпко на-крѣпко.

- « Засыпай ихъ желтымъ пескомъ, сѣрымъ камешкомъ;
 « Я поѣду, добрый молодець, на Почай-рѣку,
 « Я поѣду созывать сильныхъ богатырей.»
180. Пріѣзжалъ онъ на Почай-рѣку,
 На Почай-рѣкѣ богатырей не наѣхалъ;
 Поѣзжалъ Илейко на Дунай-рѣку.
 Тутъ богатыри сидятъ во бѣломъ шатрѣ:
 « Поѣдте, братцы, отстаивать Кіевъ градъ,
185. « Не для-ради князя Владиміра,
 « Не для-ради княгини Апраксини,
 « А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
 Добры молодцы собиралися,
 Садилися по своимъ добрымъ конямъ,
190. Поѣзжали братаны за Дунай-рѣку.
 Подѣзжаютъ братаны ко Дунай-рѣкѣ:
 Первый скочилъ племянникъ Самсонъ Колывановичъ,—
 Скочивши погрязъ посередь рѣки;
 Разскочился дядюшка *) Самсона Колывановича,—
195. Вытянулъ племянника и съ лошадыю;
 Всѣ богатыри переѣхали.
 Подѣзжали ко граду стольну Кіеву,
 Метали жеребей промежь себя:
 Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,
200. Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,
 Кого поставить въ середку силы, въ мѣтицу:
 Доставалася Самсону рука правая,
 Никитѣ **) съ Алешей рука лѣвая,
 Илейкѣ доставалась середка силы, мѣтица.
205. Бьются-рубятся двѣнадцать дней,
 Не пиваючи не ѣдаючи,
 Добрымъ конямъ вдоха не даваючи;
 Поѣхали добры молодцы опочивъ держать;
 Не поѣхалъ Илейко опочивъ держать.
210. Проговорилъ его добрый конь по человѣчьему:

*) Илья Муромецъ?—О.

**) Залѣшанину.—О.

- Ужь ты старъ казакъ, Илья Муромецъ!
 — Есть у Татаръ въ полѣ накопаны рвы глубокиа,
 — Попатыканы въ нихъ копыя мурземецкіа,
 — Копыя мурземецкіа, сабли вострыя:
215. — Изъ перваго подкопа я вылечу,
 — Изъ другаго подкопа я выскочу,
 — А въ третьемъ останемся ты и я!—
 Билъ Илья коня по крутымъ ребрамъ:
 « Ахъ ты волчья сыть *) , травяной мѣшокъ!
220. « Ты не хочешь служить за вѣру христіанскую!»
 Пала лошадь во третей подкопъ,
 Остался Илейко во подкопѣ.
 Набѣжали злыя Татаровья,
 Оковали Илеюшку желѣзами,
225. Ручными, ножными и заплечными,
 Проводили ко Батыю Батыевичу.
 Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ:
 — Ужь ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
 — Послужи мнѣ-ка также, какъ Владиміру,
230. — Вѣрю неизмѣнною ровно три года!—
 Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
 « Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
 « Нѣтъ у меня копыя мурземецкаго,
 « Нѣтъ у меня палицы боёвыя:
235. « Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскія!»
 Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичъ:
 — Ой вы, слуги мои вѣрныя!
 — Вы ведите Илейку на широкій лугъ,
 — Вы стрѣляйте его стрѣлами калеными!—
240. То Илеюшкѣ не поглянулося,
 Говорилъ онъ таково слово:
 « Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!
 « Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей:
 « У насъ выведутъ на поле на Куліково,
245. « Положатъ голову на плашку на липову,
 « По плечь отсѣкутъ буйну голову;

---

*) См. вып. 1-й, стр. 42.—0.

- « Не толь старику будетъ смерть страшна! »
 То Батыю слово показалося:
 — Выводите его на поле Куликово,
 250. — Положите голову на плаху на липову,
 — По плечь срубите буйну голову! —
 Возмолится старъ казакъ Илья Муромецъ
 Тому угоднику Божьему Николаю:
 « Погибаю я за вѣру христіанскую! »
 255. У Илейки силы вдвое прибыло;
 Рвалъ онъ оковы желѣзныя,
 Хваталъ онъ поганого Татарина,
 Который покрѣпче, который на жилѣ не рвется,
 Взялъ Татаринномъ помахивать:
 260 Въ которую сторону махнетъ, — улица.
 Подбѣгаетъ къ Илемюшкѣ добрый конь,
 Садился онъ на добра коня,
 Билъ Татаръ чуть не до единого.
 Убирался Батый царь съ большими убытками,
 265. Съ большими убытками, съ малыми прибытками,
 Съ малыми прибытками, со страмотою вѣчною,
 На мелкихъ судахъ, на павозкахъ.

(Записано 3 Января 1849 года).

•

7 *).

Никита Залѣшанинъ.

(Тамъ же .

Взидитъ Илья во чистомъ полѣ.

Говоритъ себѣ таково слово:

« Побывалъ я, Илья, во всѣхъ городахъ,

*) Эта былина, у которой, къ величайшему сожалѣнію, не сохранилось начала, по содержанию относится къ тѣмъ, кои были пощщены у насъ въ VI въ отдѣлѣ 1-го выпуска, гдѣ изображается ссора Ильи съ Владиміромъ и кончина Ильи; на эту ссору есть намекъ и въ былинѣ предыдущей, стихи 141, 142. — О.

- « Не бываль я давно во Кіевѣ;
 5. « Я пойду въ Кіевъ, попровѣдаю,
 « Чтò такое дѣется во Кіевѣ?»

- Приходилъ Илья въ стольный Кіевъ градъ.
 У князя Владиміра пиръ на вѣсело.
 Походитъ Илейко во княжой теремъ.
 10. Остоялся *) Илейко у ободверины.
 Не опозналъ его Владиміръ князь,
 Князь Владиміръ стольный Кіевскій:
 — Ты откуль родомъ, откуль племенемъ,
 — Какъ тебя именовъ величать.
 15. — Именемъ величать, отцемъ чевствовать?—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
 « Свѣтъ Владиміръ, красное солнышко!
 « Я Никита Заолѣшанинъ.»
 Не садилъ его Владиміръ со боярами,
 20. Садилъ его Владиміръ съ дѣтьми боярскими.
 Говоритъ Илья таково слово:
 « Ужь ты батюшко, Владиміръ князь,
 « Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
 « Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
 25. « Самъ ты, князь, сидишь со воронами,
 « А меня садишь съ воронятами!»
 Князю Владиміру за бѣду пало:
 — Есть у меня, Никита, три богатыря:
 — Выходите-ко вы, самолучшіе.
 30. — Возмите Никиту Заолѣшанина,
 — Выкиньте вонъ изъ гридницы!—
 Выходили три богатыря,
 Стали Никитушку попѣхивать.
 Стали Никитушку поталкивать:
 35. Никита стоитъ—не шатнется,
 На буиной главѣ колпакъ не тряхнется.
 « Ежели хошь, князь Владиміръ, нозабавиться,
 « Подавай еще трехъ богатырей!»

*) Остановился.—О.

Выходили еще три богатыря.

40. Стали они Никитушку попѣхивать,
Стали они Никитушку поталкивать:
Никита стоять—не шѣтнется,
На буйной главѣ колпакъ не трѣхнется.
« Ежели хошь, князь Владиміръ, потѣшиться,
45. « Посылай еще трехъ богатырей!»
Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли упахѣть съ Никитушкой *).

- При томъ пиру при бесѣдушкѣ,
Тутъ сидѣлъ да посидѣлъ Добрынюшка.
50. Добрынюшка Никитичъ младъ;
Говорилъ онъ князю Владиміру:
« Князь Владиміръ, красное солнышко!
« Не умѣлъ ты гостя на прїѣздѣ учѣствовать,
« На отѣздѣ гостя не учѣствуешь;
55. « Не Никитушка пришелъ Заолѣшанинъ,
« Пришелъ старъ казакъ Илья Муромецъ!»
Говорить Илья таково слово:
« Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
« Тебѣ охота попотѣшиться?
60. « Ты теперь на меня гляди:
« Гляючи, снимешь охоту тѣшиться!»
Сталъ онъ, Илейко, потѣшиться,—
Сталъ онъ богатырей попихивать,
Сильныхъ-могучихъ учалъ попинывать:
65. Богатыри по гридницѣ ползають,
Ни одинъ на ноги не можетъ встать.
Говорить Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ой ты гої еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
— Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
70. — Хоть по правую руку, аль по лѣвую,
— А третье тебѣ мѣсто,—куда хошь садись!—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
« Володиміръ, князь земля свято-русскія!

---

*) Ничего не могли подѣлать: вытолкнуть его, выпихнуть.—О.

- « Правду сказывалъ Добрынюшка,
 « Добрынюшка Никитичъ младъ:
 75. « Не умѣлъ ты гостя на прїѣздѣ учѣвствовать,
 « На отъѣздѣ гостя не учѣвствуешь!
 « Самъ ты сидѣлъ со воронами,
 « А меня садилъ съ воронятами!»

(Всѣ эти семь былевыхъ пѣсень доставлены В. И. Далемъ, записаны А. Харитоновымъ).

8 *).

(Онежскій уѣздъ Арханг. губ.).

- Въ гридню идетъ
 Незнамъ челоуѣкъ:
 Шуба на немъ
 Струйчатой камки;
 5. Ожерелье на шубѣ
 Черна соболя,
 Пуговики
 Фальяшныя,
 Петелки
 10. Бѣлошелковыя;
 На ножкахъ сапожки—
 Зеленъ сафьянъ;
 Шиты пяты,
 Носки остры;
 15. Подъ пятами—то подбиты
 Змѣи лютые;
 Подъ пятами—пята
 Воробей пролетѣлъ.

*) Эту Старину (такъ называемую «бабью», в особаго склада, соответствующаго пѣснямъ «Женскимъ»), къ сожалѣнію также записанную отрывкомъ, мы присоединяемъ къ предыдущей Былинѣ потому, что въ ней является тотъ же герой—Никита (Валъшанинъ), и записана она въ той же Архангельской области.— О.

- Онъ и крестъ кладеть
20. По писаному,
 Поклонъ ведеть
 По ученому;
 Бьетъ челомъ
 Князю Владиміру,
25. Послѣ княгинѣ
 Апраксинѣ *):
 « Здравствуй, Владиміръ,
 « Славный Кіевскій!
 « Повишь ли ты кормишь
30. « Государевыхъ дѣтей,
 « Забѣжихъ удалыхъ
 « Добрыхъ молодцовъ?
 « Я къ тебѣ
 « Служить пришелъ,
35. « Вѣрою
 « Неизмѣнною.
 « Не боюсь я Татаръ
 « Въ полѣ тысячи;
 « Не боюсь я Татаръ
40. « Въ полѣ дрúгоя;
 « Отъ третей тысячи
 « Въ побѣгъ не йду;
 « Тридцати воробьямъ
 « Со мной что пособить **)?»
45. За столомъ сидеть
 Тридцать бояриничковъ,
 Тридцать великихъ-могученхъ.
 Пришедши Никита
 Въ нову горницу,
50. Пришедши Никита
 Къ дубову столу,
 Бралъ онъ чару

*) Апраксинѣ?—О.

**) Намекъ на то, что тридцать богатырей хотѣли его притѣснить и вѣр-
 ятно онъ самъ ихъ попрималъ.—О.

- Серебрянную,
 Налилъ чару
 55. Зеленаго вина,
 Выпилъ чару,—
 Онъ въ карманъ положилъ.
 Никитушка
 Изъ гридни вонъ:
 60. Дверьми хлопъ,—
 Ободверины вонъ;
 Воротьми хлопъ,—
 Вереюшки вонъ;
 Какъ точенья
 65. Перила приосыпались.
 «Тихонько, ребятушка *),
 «Не гаркайте,
 «Не шеберните **):
 «Не услышалъ бы
 70. «Никита Ивановичь!
 «Услышите—онъ воротится,
 «Насъ и всѣхъ
 «Убьетъ;
 «Не оставитъ
 75. «Ни стараго, ни малаго,
 «Не оставитъ
 «Владимиру на сѣмена...»
 — Ужь ты гой еси, Владимиръ,
 — Славный Кіевскій....—

(Ср. Прибавл. къ Изв. А. П., XL, л. CV—XXIV; записанъ священ. А. Ивановскимъ).

*

Тотъ же г. Харитоновъ, который записалъ приведенныя выше семь пѣсней для сборника В. П. Даля, прибавляетъ въ заключеніе:
 «На вопросъ мой, — гдѣ умеръ Илья и что знаютъ объ его смерти, пѣвецъ сказалъ:

*) Ребятунки?—О.

**) Не шевелитесь, не шелухнитесь, не дѣлайте шороху.—О.

Всѣ богатыри получили смерть.

А Илья богатырь окаменѣлъ.

При этомъ присовокупялъ онъ, что въ Кіевѣ и теперь есть огромная окаменѣвшая фигура когда-то жившаго Ильи богатыря. Крестьяне Шенкурскаго уѣзда о смерти его говорятъ то же самое.»

ПОТОКЪ МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ.

(Кириша Давыдовъ).

- Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра
Было пиrowанье, почестной пиръ
На три братца названные,
5. Свѣто-рускіе *) могучіе богатыри:
А на перваго братца названаго,
Свѣто-рускаго могучаго богатыря,
На Потока Михайлу Ивановича;
На другаго братца названаго,
10. На молода Добрыню Никитича;
На третьяго братца названаго,
Что на молода Алёшу Поповича.
Что взговорить тутъ Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Потокъ Михайло Ивановичь!»
15. «Сослужи миѣ службу заочную:
«Съѣзди ты ко морю синему,
«На теплыя-тихи заводи,
«Настрѣлай миѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ
20. «Къ моему столу княженецкому:
«До любви я молодца пожалую.»
Потокъ Михайло Ивановичь,

---

*) Свѣто-рускіе. — 0.

Не пьетъ онъ, молодець, ни пива, ни вина,
 Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.
 25. А скоро, де, сѣдился на добра коня,
 И только его увидѣли,
 Какъ молодець за ворота выѣхалъ,
 Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.

Онъ будетъ у моря синяго,
 30. По его по щаски великія
 Привалила птица къ круту берегу:
 Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
 И перелетныхъ малыхъ утокъ.
 Хочетъ ѣхать отъ моря синяго,
 35. Посмотрѣть на тихія заводи,—
 И увидѣлъ бѣлую лебедушку:
 Она черезъ перо была вся золота,
 А головушка у ней
 Увивана краснымъ золотомъ
 40. И скатнымъ жемчугомъ усажена.
 Вынимаетъ онъ, Потокъ,
 Изъ налушна свой тугой лукъ,
 Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
 И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
 45. Калену стрѣлу въ правую,
 Накладываетъ на тетивочку шелковую,
 Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
 Калену стрѣлу семи четвертей,
 Заскрипѣли полосы булатныя
 50. И завыли рога у туга лука,
 А и чуть было спустить калену стрѣлу,—
 Провѣщится ему лебедь бѣлая,
 Авдотьюшка Лиховидьевна:
 — А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
 55. — Не стрѣлай ты меня, лебедь бѣлую:
 — Нѣ въ кое *) время пригожуся тебѣ.—
 Выходила она на крутой бережокъ,

---

*) Въ шѣкое, въ какое ни будь.—О.

- Обернулася душой красной дѣвицей.
 А я Потокъ Михайло Ивановичъ
60. Воткнетъ копье во сыру землю,
 Привлзалъ онъ коня за остро копье,
 Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки
 И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
 Авдотьюшка Лиховидьевна
65. Втапоры больно его уговаривала:
 — А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
 — Хотя ты на мнѣ и женишься,
 — И кто изъ насъ прежде умретъ,
 — Второму за нимъ живому во гробъ втти.—
70. Втапоры Потокъ Михайло Ивановичъ
 Садился на своего добра коня,
 Говорилъ таково слово:
 « А и ты гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
 « Будемъ въ городѣ Кіевѣ.
75. « Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ,—
 « И ты втапоры будь готовая,
 « Приходи къ церкви соборныя,
 « Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое. »

И скоро *) онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря
 сянга,

80. Авдотьюшка Лиховидьевна,
 Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ.
 Ко своей сударынѣ матушкѣ,
 Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.
 Потокъ Михайло Ивановичъ
85. Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;
 Авдотьюшка Лиховидьевна
 Перво **) его въ свой домъ ускорить могла;
 И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
 Сама усмѣхается;
90. А потокъ Михайло Ивановичъ

*) Какъ скоро, когда. — О.

**) Прежде. — О.

Блеть—самъ дивуется:

« А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,

« А она перво меня въ домѣ появилась!»

И пріѣхалъ онъ на княженецкой дворъ:

95. Приворотники доложили стольникамъ,

А стольники князю Владиміру,

Что пріѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичъ.

И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать.

Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,

100. Поставилъ ко крылечку красному,

Походить во гридню свѣтлую,

Онъ молится Спасову образу,

Поклонился князю со книгинюю

И на всѣ четыре стороны:

105. « Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владиміръ князь!

« Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,

« Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,

« Перелетныхъ малыхъ уточекъ,

« И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,

110. « Авдотьюшку Лиховидьевну,

« Къ вечернѣ быть въ соборѣ

« И съ ней обрученъе принять.

« Гой еси, ласковой, сударь, Владиміръ князь!

« Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой

115. « На три брата названные,

« А нынѣ для меня одного

« Доспѣй свадебной пиръ веселой.

« Для Потока Михайлы Ивановича.»

А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ

120. Въ колоколъ ударили,

Потокъ Михайло Ивановичъ

Къ вечернѣ пошелъ;

Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна

Скоро втапоры наряжалася и убиралася,

125. Убравши къ вечернѣ пошла.

Ту вечерню отслушали.

А и Потокъ Михайло Ивановичъ

Соборнымъ попамъ покланяется,

- Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять;
130. Эти попы соборные,
Тому они дѣлу радощны,
Скоро обрученье сдѣлали,
Тутъ обвѣнчали ихъ
И привели къ присягѣ такой:
135. «Кто перво умретъ,
«Второму за нимъ живому въ гробъ итти.»»
И походить онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
Изъ церкви вонъ со своею молодою женою,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
140. На тотъ широкой дворъ ко князю Владмиру;
Приходить во свѣтлы гридни;
И тутъ имъ князь сталъ весель-радошень,
Сажалъ ихъ за убранны столы;
Втапоры для Потока Михайлы Ивановича
145. Столъ пошелъ:
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя;
А и тутъ пили-ѣли, прохлаждалися,
150. Предъ княземъ похвалялися.
И не мало время замѣшкавши,—
День къ вечеру вечерается,
Красное солнце закатается,—
Потокъ Михайло Ивановичъ
155. Спать въ подклѣтъ убирается;
Свели его во гридню спальную,
Всѣ тутъ князи и бояра развѣхалися,
Развѣхалися и пѣшкомъ разбрелися.

*

- А у Потока Михайлы Ивановича
160. Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной
Не много житья было—полтора года.
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна.
Съ вечера она разхворается,

- Ко полуночи разболѣлся,
 165. Ко утру и преставилася.
 Мудрости искала надъ мужемъ своимъ *),
 Надъ молодымъ Потокѣмъ Михайлою Ивановичемъ.
 Рано зазвонили къ заутрени,
 Онъ пошелъ, Потокъ,
 170. Соборнымъ попомъ вѣсть подавать,
 Что умерла его молода жена;
 Приказали ему попы соборные
 Тотчасъ на саняхъ привезти **)
 Ко той церкви соборныя.
 175. Поставить тѣло на паперти.
 А и тутъ стали могилу копать,
 Выкопали могилу глубокую и великую;
 Глубиною, шириною по двадцати сажень;
 Сбиралися тутъ попы со дьяконами
 180. И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
 Погребали тѣло Авдотьино.
 И тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ
 Съ конемъ и збруею ратною
 Опустился въ тое жь могилу глубокую;
 185. И заворочали потолокомъ дубовымъ,
 И засыпали песками желтыми,
 А надъ могилою поставили деревянной крестъ;
 Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
 Которая была привязана
 190. Къ колѣкѣ соборному.

И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
 Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
 Съ полудни до полуночи,
 И для страху добывъ огня,
 195. Зажигалъ свѣчи воску яраго.
 И какъ пришла пора полуночная,

*) Хотѣла его перехитрить, опутать чарами, погубить живьемъ въ силу клятвеннаго договора.—О.

**) Древнѣйшій обычай класть умирающихъ на саняхъ, извѣстный изъ Пученія Владимира Мономаха и рисунковъ въ «Житіи Бориса и Глѣба».—О.

- Собиралися къ нему всѣ гады змѣйныя,
 А потомъ пришелъ большой змѣй,
 Онъ жжетъ и палитъ пламень огненнымъ;
 200. А потокъ Михайло Ивановичъ
 На то-то не робокъ былъ:
 Вынималъ саблю острую,
 Убиваетъ змѣя лютаго
 И сбѣкаетъ ему голову,
 205. И тою головою змѣиною
 Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
 Втапоры она, еретница,
 Изъ мертвыхъ пробуждалася;
 И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ;
 210. И услышалъ трапезникъ,
 Бѣжить тутъ къ могилѣ Авдотьиной,—
 Ажно тутъ веревка изъ могилы
 Къ колоколу торгается.
 И собираются тутъ православной народъ,
 215. Всѣ тому дивуются.
 А Потокъ Михайло Ивановичъ
 Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ;
 И разрывали тое могилу на скоро,
 Опускали лѣсницы долгія,
 220. Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ,
 И со его молодой женой;
 И объявили князю Владиміру
 И тѣмъ попамъ соборнымъ,
 Поновили ихъ святой водой *),
 225. Приказали имъ жить по старому.

- И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
 Состарѣлся и переставился,
 Тогда попы церковные,
 По прежнему ихъ обѣщанію,
 230. Его Потока похоронили,
 А его молодую жену Авдотью Лиховидьевну

*) Освятити надъ ними воду, отъѣвши колебенъ, и окропити.—О.

Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю.
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.

То старина, то и дѣянье.

* *
*

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЬ.

(Оттуда же).

- Во стольномъ было городъ во Кіевѣ
У ласкова осударь-князя *) Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
5. На многи князи и бояра,
И на рускіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будеть день въ половина дня.
Будеть пиръ во полу-пиръ,
10. Князи и бояра пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
И великимъ княземъ похваляются;
И только изъ нихъ одинъ бояринъ
Ставръ Годиновичъ не пьетъ не ѣстъ,
И при своей братьи не хвастаетъ.
15. Только на единъ съ товарищемъ
Таковы рѣчи сказываетъ:
« Чтò это за крѣпость во Кіевѣ
« У великаго князя Владиміра?
« У меня, де, Ставра боярина,
20. « Широкой дворъ не хуже города Кіева:
« А дворъ у меня на семи верстахъ.
« А гридни-свѣтлицы бѣлодубовы,
« Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
« Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей,

*) Т. е. осударя князя. — О.

25. « Поль-середа одного серебра,
 « Крюки да пробои по булату злачены.»
 А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
 Доносили о томъ самому князю Владиміру:
 «« Что, де, осударь, ласковой Владиміръ князь.
30. «« Ставрѣ бояринѣ въ очи ни о чемъ не хвалится,
 «« А за очи похваляется.
 «« Что есть у него дворѣ на семи верстахъ,
 «« Крѣпче города Кіева:
 «« Гридни-свѣтлицы бѣлодубовыя,
35. «« Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
 «« Потолокъ черныхъ соболей,
 «« Поль-середа одного серебра,
 «« Крюки да пробои по булату злачены.»
 Услыша о томъ Владиміръ князь,
40. Приказалъ сковать Ставра боярина,
 На руки и на ноги желѣза ему,
 Посадить его въ погреба глубокіе,
 Затворять дверями желѣзными,
 Запирать на-крѣпко замки булатными.
45. И Владиміръ князь посылалъ посла
 Немилостиваго ко Ставру боярину,
 Чтобъ дворѣ его запечатати
 И взять въ Кіевъ молоду его жену
 Ко великому князю Владиміру.
50. И ей Ставровой молодой женѣ
 Перепала вѣсть нерадошна,
 Что Ставрѣ бояринѣ во Кіевѣ
 Посажень въ погреба глубокіе,
 Руки и ноги скованы.
55. Скоро она наряжается
 И скоро убирается;
 Скидала съ себя волосы женскіе,
 Надѣвала кудри черныя *),

---

*) Подобныя многія юго-славянскія пѣсни показываютъ, что женщины въ этомъ случаѣ остригала длинныя волосы и оставляла одинъ кудри по мужскому: таково зѣсь значеніе:—«скидавать» и «надѣвать».—О.

- А на ноги сапоги—зелень сафьянъ,
 60. И надѣвала платье богатое,
 Богатое платье посольское,
 И называлась грознымъ *) посломъ,
 Грознымъ посломъ Васильемъ Ивановичемъ,
 И поѣхала съ великою [свитою] ко городу Кіеву.
65. Половину дороженьки проѣхали,
 И въ стрѣчу ей изъ Кіева грозенъ посоль:
 Тутъ они сѣхались, послы поздоровались,
 Какъ послы послуются **),
 Они ручка объ ручку цѣлуются.
70. Сталь, де, изъ Кіева спрашивать посоль:
 «Ай и гой вы еси, удалы-добры молодцы!
 «Куда вы ѣдете и куда Богъ несетъ?»
 И взговорятъ ему, послу, таковыя слова:
 — А ѣдемъ мы изъ дальней Орды, Золотой земли ***),
75. — Отъ грозна короля Егмануила Етмануиловича,
 — Ко городу ко Кіеву,
 — Ко великому князю Владиміру,
 — Брать съ него дани-невыплаты,
 — Не много не мало—за двѣнадцать лѣтъ,
80. — За всякой годъ по три тысячи.—
 Изъ Кіева посоль позадумался.
 А и единое словечко повиговорить:
 «Я, де, изъ Кіева грозенъ посоль,
 «Ѣду, де, ко Ставру боярину,
85. «Дворъ его запечатати,
 «А его молодую жену въ Кіевъ взять.»

*) Посоль, какъ и всякій вѣстникъ, являющійся обыкновенно нечаянно, съ неожиданною вѣстью, въ былевомъ творчествѣ Славянъ представляется и называется всегда *грознымъ* или *страшнымъ*.—О.

**) Какъ всегда, съ какими приемами ведутъ послы посольское дѣло при *переговорахъ*. Сравни при этомъ сербское *посао* (посоль)—дѣло, и *послове*, *пословицу*, при чемъ корень *сл-а-ти* сближается со *слу-ти*, откуда *слава* и *слово*. Виною то, что по древнѣйшимъ представлениямъ, а отсюда и въ ямъ, *слово* и *дѣло* неразрывны, въ *посольствѣ* же именно все дѣло есть слово, и слово прямо переходитъ въ дѣло.—О.

***) По вышнему словосочиненію: «изъ дальней земли, Золотой Орды.»—О.

- Отвѣчаютъ тутъ удалы-добры молодцы:
 — Прежде у насъ тотъ *) былъ постоялой дворъ;
 — Нонѣ забъжали,—въ дому нѣтъ никого,
 90. — Молода его жена убиралася
 — Въ дальну Орду, Золоту землю.—
 Изъ Кіева посолъ воротился назадъ.
 Приѣхалъ во стольной во Кіевъ градъ.
 Сказалъ онъ князю тихохонько,
 95. Что ѣдетъ изъ дальней Орды, Золотой земли,
 Грозенъ посолъ Василій Ивановичъ.
 А я тутъ больно князь запечалился;
 Кидалися, металися;
 То улицы метуть, ельникъ ставили **);
 100. Передъ воротами ждуть посла
 Изъ дальней Орды, Золотой земли,
 Отъ грозна короля Егмануѣла Егмануѣловича.

- И приѣхалъ онъ, посолъ, на княженецкой дворъ;
 Они скоро поскакали со добрыхъ коней,
 105. А идутъ во грядни во свѣтлыя.
 Вывела княгиня князя за собой
 И во тѣ во подвалы-погребы,
 Молвила словечко тихохонько:
 « Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся,—
 110. « А не быть тому грозному послу Василью Ивано-
 вичу,
 « А быть Ставровой молодой женѣ
 « А Василіѣ Микулишиѣ ***);
 « А знаю я примѣты всѣ по женскому ****):
 « А она по двору идетъ—будто уточка плыветъ,
 115. « А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,
 « А на лавицу садится—колѣнца жметъ,
 « А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,

*) Тутъ?—О.

**) Ставили вѣхи для проѣзда. по древнему (и нынѣшнему) плохому состоянію русскихъ дорогъ.—О.

***) Не долженъ быть это посолъ, а должна быть Василіса.—О.

****) Примѣты женскаго пола.—О.

- «Дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ *).»
 А и туто-тъ-ко Владиміръ стольной Кіевской,
 120. Ну же онъ посла сталъ **) потчивати;
 Всяко питье по таковкамъ ***) пьютъ;
 Ужь тутъ ли посолъ напивается;
 А Владиміръ князь сталъ провѣдывати ****);
 « Тако посолъ буде женщина †),
 125. « Не станеть онъ во Кіевѣ боротися
 « Со мними могучими богатырями.»
 Таковы люди были въ Кіевѣ,
 Нарочны борцы, удалы молодцы,
 Притченки да Хапилонки ††).
 130. Выводилъ тутъ князь семь борцовъ:
 И того ли посолъ Васвлій не пятится,
 Вышелъ онъ на дворъ боротися;
 Среди двора княженецкаго
 Сошлися борцы съ посломъ боротися:
 135. Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
 А другому борцу ногу выломить,
 Она третьягохватила поперегъ хребта,
 Ушибла его среди двора.
 А плюнулъ князь, да и прочь пошолъ:
 140. « Глупая княгиня, неразумная!
 « У ты волосы долги, умъ коротокъ:
 « Называешь ты богатыря женщиною;

*) Читай: «Дюжины (дужины) изъ перстовъ не вышли всѣ,» не всѣ вышли изъ перстовъ слѣды дугъ, колець; остались слѣды колець; ср. въ пѣсняхъ П. Н. Рыбникова—«А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать.»—*О.*

**) Тождество: «ну же» однозначно со «сталъ,» началъ.—*О.*

***) По таковскому, за урядъ, не разбирая, много.—*О.*

****) Искушать, испытывать.—*О.*

†) Только посолъ будетъ женщина, если онъ женщина.—*О.*

††) Какъ въ выраженіи «Спирн посиприваетъ, Сѣма пересѣмываетъ» собственныя имена обращены въ глаголь, выражено ими дѣйствіе, такъ здѣсь на оборотъ свойства и нарицательныя прозвища обращены въ имена собственные: *притченки* отъ *притка* (извѣстное древнее слово) —кто натывается, является откуда ни возьмись, задираетъ невзначай, прыткій, удалый; *хапилонки*—ханать, хватать, — хватъ. Ср. 1-й вып. стр. 43, «два брата Хапиловы,» и ниже «Завѣтку.»—*О.*

- « Такого посла у насъ еще было и не видано!»
 Втапоры княгиня съ княземъ заспоровалась:
 145. «« А и ты ласковой, сударь, Владиміръ князь!
 «« Да не быть этому грозному послу,
 «« Быть Ставровой молодой женѣ!»»
 Говорилъ тутъ Владиміръ стольной Кіевской:
 « Гой ты еси, княгиня Апраксѣвна!
 150. « Я ли посла Василья провѣдаю:
 « Заставлю его изъ туга лука стрѣлять.
 « Со своими могучими богатырями.»
 Выводилъ тутъ Владиміръ стольной Кіевской
 Двѣнадцать сильныхъ-могучихъ богатырей;
 155. Стали они стрѣлять по сыру дубу за пѣлу версту,
 Попадаютъ они по сыру дубу;
 Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ
 И отъ той стрѣлбы богатырскія
 Только сырой дубъ шатается,
 160. Будто отъ погоды сильныя.
 Говорилъ посоль Василій Ивановичъ:
 — Гой еси, Владиміръ князь!
 — Не надо мнѣ эти луки богатырскіе;
 — Есть у меня лучонко волокитной *),
 165. — Съ которыми я ѣзжу по чисту полю.—
 Втапоры кинулися ея **) удалы-добры молодцы:
 Подъ первой рогъ несутъ пять челоуѣкъ,
 Подъ другой несутъ столько же,
 Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ
 170. Тридцать челоуѣкъ;
 И говорить князю таково слово:
 — Что потѣшитъ, де, тебя, князя Владиміра!—
 Беретъ она во ту рученьку лѣвую,
 И беретъ стрѣлу каленую,—
 175. Та была стрѣлка булатная,—
 Вытягала лукъ за ухо,

*) Который *волочать* за собою въ дорогѣ, дорожный, заводный, косякакой.—О.

**) Вѣроятно это «ся» дважды повторенное при *кинули-ся*.—О.

- Хлеснетъ по сыру дубу,
 Изломала его въ черенья ножевые,—
 Спѣла тетивка у туга лука,—
180. И Владиміръ князь окорачь наползался,
 И всѣ тутъ могучіе богатыри
 Встаютъ какъ угорѣлые,—
 Звыла да пошла калена стрѣла,
 Угодила въ сырѣ-кряковистой *) дубъ,
185. Изломала въ черенья ножевые **).—
 И говорилъ посолъ таково слово:
 — Не жаль мнѣ сыра дуба кряковистаго,
 — Только жаль мнѣ своей калены стрѣлы:
 — Никому не найти во чистомъ полѣ.—
190. Плюнулъ Владиміръ князь, самъ прочь пошелъ,
 Говорилъ себѣ таково слово:
 «Развѣ самъ Василья посла провѣдаю.»
 Сталъ съ нимъ въ шахматы играть.
 Золотыми тавлеями:
195. Первую заступъ заступовали ***);
 И ту посолъ поигралъ ****);
 Другую заступъ заступовали:

*) Ср. выше, въ другихъ выпускахъ, на прим. 3-й, стр. 76.— О

**) Перебито. Два описанія стрѣлы:

1-е: И беретъ стрѣлу каленую,—
 Та была стрѣлка булатная,—
 Вытягала лукъ за ухо,
 Хлеснетъ по сыру дубу.
 Изломала его въ черенья ножевые.

2-е: Спѣла тетивка у туга лука,
 Звыла да пошла калена стрѣла,
 Угодила въ сырѣ-кряковистой дубъ,
 Изломала въ черенья ножевые.

За этимъ слѣдствіе:

И Владиміръ князь окорачь наползался,
 И всѣ тутъ могучіе богатыри
 Встаютъ какъ угорѣлые.— О.

***) Ходъ сходилъ.— О.

****) Выигралъ.— О.

- И другую заступь посоль же поиграля;
Третью заступь заступовали:
200. Шахъ да и мать, да и подь доску *).
И сталъ посоль говорить таково слово:
— Гой еси, стольной Владиміръ князь!
— Отдай ты мнѣ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ,
— За всякой годъ по три тысячи.—
205. Говорить Владиміръ князь:
« Изволь меня, посоль, взять головой съ женой.»
И говорилъ тутъ посоль таковы слова:
— Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣщаешься?
— Есть ли у тебя веселые молодцы **)?—
210. И тотчасъ посылалъ Владиміръ князь
Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ ***),
И собрали веселыхъ молодцовъ
На княженецкой дворъ.
Втапоры у великаго князя ради посла
215. Было пированье почестное,
На великихъ на радостяхъ;
И тутъ посоль невесель сидить,
Только князю таково слово выговорить:
— Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?—
220. Похватится ****) Владиміръ князь,
Послалъ по Ставра боярина,
Боярина Годиновича,
Велѣлъ его разковать всего;
Сымали желѣза съ рукъ и съ ногъ.
225. И приводили Ставра на почестной пиръ.
И втапоры посоль скочилъ на рѣзвы ноги,
Посадилъ Ставра противъ себя,
[Противъ себя] въ дубову скамью,
И зачалъ тутъ Ставрѣ поигрывать:

*) Подь доску шашки, игра кончена.— О.

**) Обыкновенное, постоянное прозвище Скомороховъ; здѣсь изъ нихъ выводится, кажется, одинъ плясунъ, ибо Васялиса послѣ добивается игрока на гуслихъ и пѣвца.— О.

***) Всякого сорта и на всякую руку.— О.

****) Спohватится, спohватился.— О.

230. Сыгрѣшь сыгралъ Царя-града,
 Танцы навелъ Иерусалима,
 Величалъ князя со княгинею,
 Сверхъ того игралъ Еврейской Стихъ *).
 Посоль задремалъ и спать захотѣлъ **);
235. Говорилъ таковы слова:
 — Гой еси, Владиміръ князь!
 — Не надо мнѣ твои дани-выходы,
 — Только пожалуй веселымъ молодцомъ
 — Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ.—
240. И Владиміръ князь о томъ разошенъ сталъ,
 Отдавалъ Ставра руками своими;
 Взявши посоль Ставра,
 Отѣзжалъ изъ Кіева вонъ;
 Провождаетъ его Владиміръ князь и со княгинею.
245. И становился онъ, посоль, у быстра Дибра,
 Разставляя палатки свои бѣлыя,

*) Ставръ перебралъ всѣ роды: 1) сыгрывалъ одни сыгрыши, мотивы, царьградскіе (хитрые, искусные), одна музыка; 2) заводилъ плясовую, на иностраннѣйшій ладъ, что перенимали отъ пріѣзжихъ (самыя отдаленныя чужіе края отводились къ «Ерусалиму» и въ Кіевъ для заѣзжихъ иностранцевъ была «слобода Ерусалимская»); 3) давалъ пантрыши, т. е. пѣлъ уже съ опредѣленнымъ содержаніемъ, именно величальныя пѣсни, величалъ; 4) пѣлъ наконецъ Стихъ, т. е. духовный (священныи, Еврейскій).—О.

**) Любопытно, что по общему Славянамъ воззрѣнію это есть непремѣнное сдѣлаіе и лучшая рекомендація для музыки и пѣнія. Приведемъ одинъ примѣръ изъ Сербскихъ пѣсень. Ёдутъ сквозь горы знаменитые два брата названныхъ, Кралевичъ Марко и Милошъ. Милошъ пѣвалъ такъ, что его заслушивались, ему завидовали горныя бѣлыя вилы:

Тогда Милошъ началъ попѣвати:

А красную пѣсню онъ началъ,—

Ото всѣхъ нашихъ лучшихъ и старшихъ,

Какъ и кто держалъ себѣ царство

По честной по Македоніи

И что онъ оставилъ на поминъ душѣ (т. е. началъ пѣсню былевою).

Смилалася Марку пѣсна:

Наслонился онъ сѣдлу на облучье,

Марко спитъ себѣ, Милошъ попѣваетъ.—О.

(Ср. Собран. Караджича, т. II).

- Говорилъ таково слово;
 — Пожалуй, де, осударь, Владимиръ князь,
 — Посиди до того часа, когда я выплуся.—
250. Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго
 И убирался въ платье женское,
 При томъ говорилъ таково слово:
 — Гой еси, Ставръ, веселой молодець!
 — Какъ ты меня не опознаваешь?
255. — А доселѣва мы съ тобой въ свайку игрывали:
 — У тебя, де, была свайка серебряная,
 — А у меня кольцо позолоченое;
 — И ты меня понгрывалъ,
 — А я тебѣ толды-вселды.—
260. И втапоры Ставръ бояринъ догадается,
 Скидалъ платье черное,
 И надѣвалъ на себя посольское;
 И съ великимъ княземъ и со княгинею прощалися,
 И отѣзжали во свою землю дальнюю.

* * *

ГОРДЕНЪ или ГОРДЕЙ,

ХОТЕНЪ или ХОТИНЪ

БЛУДОВИЧЬ.

1.

(Оттуда же).

- Въ стольномъ было городъ во Кіевѣ,
 У ласкова осударь-князя Владимира,
 Было пированье, почестной пиръ,
 Было столованье, почестной столъ;
5. Много было у князя Владимира
 Князей и бояръ, и княженецкихъ женъ.
 Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:

- Первая вдова Чесовая жена *),
 А другая вдова-то Блудова жена;
 10. Обѣ жены богатыя,
 Богатыя жены, дворянскія.
 Промежу собой, сидятъ, за прохладѣ говорятъ **);
 Что взговорить тутъ Блудова жена:
 « Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
 15. « Есть у тебя девять сыновей,
 « А девять сыновей какъ ясныхъ соколовъ,
 « И есть у тебя дочь возлюбленная
 « Молода Авдотья Чесовична,
 « Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая;
 20. « А у меня у вдовы, Блудовы жены,
 « Единъ есть сынъ Гордень, какъ ясенъ соколъ;
 « Многіе пожитки остались ему
 « Отъ своего родимаго батюшки;
 « Нонѣ, за прохладѣ, за чужимъ пиркомъ,
 25. « Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
 « Я хочу у тебя свататься
 « За молода Гордена Блудовича,
 « Дочь твою ***) , возлюбленну Авдотью Чесовичну.
 Втапору Авдотья Чесова жена на то осердилася:
 30. Была ее по шекѣ, таскала по полу кирпичету,
 И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ,
 Вдову опозорила,
 И весь народъ тому смѣялся ****).

- Исправилась она, Авдотья, Блудова жена,
 35. Скоро пошла ко двору своему;
 А идетъ ко двору—шатается,
 Сама больно закручинилася.
 И завидѣлъ Гордень сынъ Блудовичъ,
 Скоро онъ метался съ высока терема,

*) Жена Чеса или Чеса.—О.

**) Ведутъ прохладную бесѣду, за отдыгъ, споконну.—О.

***) Т. е. « хочу сватать ».—О.

****) При словѣ « изродѣ, » какъ собирательномъ, множествен. число; такъ и ниже.—О.

40. Встрѣчалъ за воротами ее,
 Поклонился матушкѣ въ праву ногу:
 — Гой еси, матушка!
 — Что ты, сударыня, идешь—закручинилась?
 — Али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ?
45. — Али чарой—зеленымъ виномъ обносили тебя?—
 Жалобу приносить матера вдова
 Авдотья Блудова жена,
 Жалобу приносить своему сыну
 Гордену Блудовичу:
50. « Была я на честномъ пиру,
 « У великаго князя Владиміра;
 « Сидѣли мы съ Авдотьей, Чесовой женой.
 « За прохладъ съ нею рѣчи говорили
 « О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ;
55. « Сваталась я на ея любимой на дочери,
 « Авдотѣ Чесовичнѣ,
 « За тебя, сына, Гордена Блудовича;
 « Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися:
 « Била меня по щекѣ
60. « И таскала по полу кирпичетому,
 « И при всемъ народѣ, на пиру, обезчестила.»
 Молодой Гордень сынъ Блудовичъ
 Уклялъ спать свою родимую матушку—
 Втапоры она была пьяная—
65. И пошелъ онъ на дворъ къ Чесовой женѣ.

Сжималъ песку горсть цѣлую,—
 И будетъ противъ висока терема,
 Гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична,—
 Бросилъ онъ по високомъ терему,

70. Полтерема сшибъ, виноградъ *) подавилъ.
 Втапоры Авдотья Чесовична
 Бросилась, будто бѣшенная, изъ високаго терема,
 Среди двора она бѣжить, ничего не говорить,
 Пропустя она Гордена, сына Блудовича,

*) Садъ, посаженный вокругъ терема.—О.

75. Побѣжала къ своей родимой матушкѣ,
Жаловатися на княженецкой пирѣ.
Втапору пошелъ Гордень на княженецкой дворѣ,
Ко великому князю Владиміру,
Разсматривать вдову, Чесову жену:
80. Та вдова, Чесова жена, у великаго князя.
Сидѣла на пиру за убраными столы.
И тутъ молодой Гордень выходилъ назадъ,
Выходилъ онъ на широкой дворѣ;
Вдовины ребята съ нимъ заздорили;
85. А и только не всѣ они пригодилися,
Пригодилось ихъ тутъ пять человекъ,
Взяли Гордена пощипывати,
Надѣючи на свою родимую матушку;
Молодой Гордень имъ взмолился:
90. — Не троните меня, молодцы!
— А меня вамъ убить—не корысть получить.—
А они тому не вѣруютъ ему,
Опять приступили къ нему,
И онъ отбивался и метался отъ нихъ,
95. И прибилъ всѣхъ тутъ до одинаго.
Втапору донесли народъ Кіевской
Честной вдовѣ, Чесовой женѣ,
Что «а молодой Гордень Блудовичъ
«а Учнилъ драку великую,
100. «а Убилъ твоихъ дѣтей до смерти.»»
И посылала она, Чесова жена,
Любимыхъ своихъ четырехъ сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтобъ онъ отъ того не убрался домой,
105. Убить бы его до смерти;
И настигли его на широкой улицѣ,
Тутъ обошли вокругъ его,
Ничего съ нимъ не говорили;
И только одинъ хотѣлъ было ударить по уху,
110. Да не удалось ему,
Гордень вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,

- И ушибъ его до смерти;
 Другой подвернется, и того ушибъ;
 115. Третій и четвертой кинулися къ нему,
 И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.

- Пошелъ онъ, Гордень, къ Авдотьѣ Чесовичнѣ,
 Взялъ ее за бѣлы руки
 И повелъ ко Божьей церкви;
 120. Съ вечернями *) обручается,
 Обручился и обвѣнчался съ ней,
 И домой пошелъ.
 По утру Гордень столъ собралъ,
 Столъ собралъ и гостей позвалъ.
 125. Позвалъ тутъ князя со княгинею
 И молоду свою тещу, Авдотью Чесовую жену.
 Втапоры было честна вдова, Чесова жена,
 Загордявилася, не хотѣла было итти
 Въ домъ къ зятю своему;
 130. Тутъ Владиміръ князь, стольной Кіевской,
 И со княгинею стали ее уговаривати,
 Чтобы она на то больше не кручинилася,
 Не кручинилася и не гнѣвалася.
 И она тутъ ихъ послушала,
 135. Пришла къ зятю на веселой пиръ:
 Стали пшти-ясти, прохладятися.

2.

(Онега).

- Во славномъ во городи во Кіеви,
 У ласкова князя у Владимера
 Заводилось столѣванье, цѣстѣнь пиръ.
 Ужь какъ вси на пиру-то напивалисе,
 5. Вить и вси на цѣснѣ наѣдалисе,
 Да и вси на цѣснѣ приросхвасталисе.

*) Во время всеречь, вечернее. — О.

- А сидѣла на пиру да молода вдова,
 Молода вдова да Блудова жона,
 Да и нацяла Блудова жона у Цясовой свататься:
10. « Да отдай-ко-се ты Катеринушу Цясовисьню
 « За моёго Хотёнышка, сына Блудова?»
 А Цясовой жоны то не показалосе,
 Да и говорила ей таковы слова:
 — У тя мужа-та звали Блудишпомъ,
15. — А сына-та зовуть у тя уродвишпомъ:
 — Тотъ ли по заполямъ уродуётъ *)
 — Да стрѣлять сорóкъ-воронъ за цюжимъ дворомъ.—
 И взяла она цяру зеленá вина,
 И ленула **) ей насупротивъ въ ясны оци,
20. Подмоцила ей шубу соболпную.

- Съ того пирá не вёсела Блудова жона,
 Идетъ домой да не въ корыети ***), не въ радости.
 Хотёнышко матушку стрѣцётъ:
 — Штò же ты, моя рóдна матушка,
25. — Идешь домой да не въ корысти, не въ радости?
 — Али мѣсто тѣ дали не по вотчины,
 — Али цярой тебя да обнесли,
 — Али пьенича-дуракъ не насмѣялсе ли?—
 Отвѣцяла молода вдова, Блудова жона:
30. « Мѣсто мѣ-ка дали по вотчины,
 « И цярой мня не обнесли,
 « И пьенича надъ мной не насмѣялсе;
 « А сидѣла на цёсномъ пиру,
 « Насупротивъ сидѣла молода вдова,
35. « Молода вдова да Цясова жона;
 « Ише я за тебя нацяла свататься
 « На той ли Катеринуши Цясовисьны.
 « Отвѣцяла молода Цясова жона:
 « — У тя мужа-та звали Блудишпомъ,

*). Прокзавтъ, чудить, около гумень, по загуменьямъ, — мѣсто проказъ и любовныхъ дѣлъ въ простомъ народѣ.— О.

**) Плеснула; отъ «лить».— О.

***) Ничего хорошаго, пригоднога не песеть оттуда.— О.

40. «— А сына-та зовуть у тя уродившомъ;
 «— Тотъ ли по заполямъ уродуётъ,
 «— Стрѣлять сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ.—
 « И взяла она цяру зеленâ вина,
 « Да ленуда влиномъ мнѣ въ ясны оци,
 45. « И подмоцила шубу соболиную.»

То Хотѣнышку не показалосе.

Скоро шель да на широкой дворъ,
 Сѣдлалъ-уздалъ да коня доброго,
 Скоро онъ ноѣхалъ во цистò полѣ.

50. Идетъ Хотѣнъ изъ цистâ поля,
 Голосомъ крицигъ да шляпѣй машогъ:
 — Здрастуй-ко ты, тѣшша гордливая,
 — Да здрастуй-ко ты, тешша ломливая!
 — Стрѣцей-ко-се ты зетя уродивша,
 55. — Да тотъ-ли по заполямъ уродуётъ,
 — Стрѣлять сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ!—
 Какъ попѣръ молодѣць домъ копьемъ, тушымъ конь-
 чомъ,

Да тотъ ли домъ онъ по окнамъ *) снялъ.

Приходила молода вдова, Цясова жона,

60. Говорила Катеринуши Цясовисыны:
 «« Штò это, цядо моѣ милоѣ,
 «« Кажись, не было въ поли ни вѣтра, ни вѣхоря.
 «« А нашо-тъ домъ, вить, по окнамъ снятъ!»»
 Отвѣщала Катеринуша своѣй матери:
 65. « Ой ты, матушка моя рѣдная!
 « Изъ цистâ поля шель доброй мѣлодець,
 « Голосомъ крыцалъ да и шляпой махалъ,
 « А само-тъ онъ да выговаривалъ:
 «— Здрастуй-ко ты, тешша гордливая,
 70. «— Да здрастуй-ко ты, тешша ломливая!
 «— Стрѣцей-ко-се ты зетя уродивша,
 «— Да тотъ ли по заполямъ уродуётъ.
 «— Стрѣлять сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ!—

*) По окна, весь верхъ.—О.

« Да поперъ молодець домъ копьемъ, тувымъ конь-
чомъ,

75. « И домо-тъ онъ, вить, по окнамъ снялъ,
« А само-тъ поѣхалъ во истю полѣ...»
Скоро-на-скоро вдова тутъ догадалася,
Што дороднѣ-добрый молодець не кто другой,
Какъ Хотѣнышко, Блудовъ сынъ;
80. Ише скоря *) того пошла она къ своимъ сынамъ,—
А у ей сыновьевъ было деветеро,—
Приносила имъ жалобу на Хотѣныша:
« Ой же вы еси, сыны, добры молодци!
« Подьте да захватите сына Блудова,
85. « « Приведите его мнѣ предъ ясны оци!»
А отвѣтъ дѣржать сыны, добры молодци:
« Ой ты, наша рѣлна матушка!
« Намъ, вить, у Хотѣна ваетъ-то нечего!
Молодой вдовы то не показалосе:
90. « « Кабы было у миня деветь зѣтевьѣвъ,
« « Дакъ оны бы миня послушались.»
Да не стали тутъ добры молодци
Отзыватьсе отъ своей рѣдной матери,
И поѣхали въ нагонъ за Хотѣнышконъ.
95. Спать Хотѣнъ во бѣдомъ шатри,
Спать онъ, спать да не пробудитсе;
Набѣжали молодци да близь шатра,
Добры кони стоптали **) копытами громко-на-
громко.
- Отъ того Хотѣнъ и пробужетсе,
100. Да не долго Хотѣнъ тутъ срежетсе,
Садилсе Хотѣнъ да на добра коня
И поѣхалъ къ молодциамъ насупротивъ,
Троихъ молодцевъ копьемъ сколомъ,
Да троихъ молодцевъ конемъ стопталъ,
105. Да ише троихъ къ стремени привезалъ.
Скоро-на-скоро поѣхалъ къ Цясовой жоны,

*) Скорѣй.—О.

**) Затоптали, начали топтать.—О.

- И крычалъ онъ гласомъ громкіемъ:
 —Здрастуй-ко-се ты, молода жона,
 —Молода жона *)), да Цясова жона!
110. — Выкупай-ко ты своихъ добрыхъ мелодиѣвъ:
 — Вить, тронхъ я копьемъ скололъ,
 — Да тронхъ я конемъ стопталъ,
 — Да ише тронхъ къ стремени привезалъ.
 — Коли выкупишь, дакъ живыхъ спушшу,
115. — А не выкупишь, дакъ смерти придашь.—
 Тутъ молода вдова и спасаласе **) :
 На торелку клала золота,
 Да на дру́гу скатна женъцюга,
 А на третью—ширинку золоцѣную;
120. И называла его зѣтѣмъ роднымъ.

***) А самъ поворачивалъ коня въ цистѣ полѣ,
 И отсѣкъ своему коню голову,
 Выливалъ цѣрево ****) лошадиноѣ,
 Залѣзалъ онъ самъ въ кониноѣ цѣрево.

125. Прилетали ту два ворона,
 Воронъ старшіе да воронъ младшіе.
 А спрогѣворить—то воронъ младшіе:
 «Бацько, намъ Богъ обѣдъ послалъ!»
 А отвѣтъ дѣржалъ воронъ старшіе:
130. — Нѣтъ, малой, тутъ обманъ, вить, есь.—
 И нацялъ воронъ младшой облѣтывать,
 Нацялъ воронъ поқырживать,
 Да нацялъ и цѣрево поклѣивать *****);
 Ухватилъ тутъ ворона Хотѣнышко за ногу:
135. Тутъ и старой воронъ заоблѣтывалъ,
 Старой воронъ запоқырживалъ,

*) Въ обѣихъ случаяхъ должно быть: «молода вдова.»—*О.*

**) Спохватывалась, принимала мѣры ко спасенію.—*О.*

***) Слѣдующее за симъ есть явная вставка: неловко казалось играть свадьбу, когда побиты были братья невѣсты; потому вставляется разсказъ объ ихъ оживленіи, отличающійся складомъ отъ цѣлой былинны.—*О.*

****) Черевѣ, черевьѣ, внутренности.—*О.*

*****) Поқырживать, поклѣивать.—*О.*

Просить малого выпустить.

Отвѣцалъ Хотѣнъ таковы слова:

— Ой жо ты, воронъ старшіе!

140. — Принеси-тко мнѣ-ка воды живыя,

— Да принеси-тко-се воды мертвыя:

— Втогды выпущшу вороненыша.—

Полетѣлъ какъ воронъ старшіе

За тридевятъ земель, за тридевятъ морей,

145. За водою живою, да за водой мертвою.

И прилетѣлъ воронъ съ водой живою,

Прилетѣлъ воронъ съ водой мертвою,

Отдавалъ Хотѣнышу во бѣлы руки:

Втогда спустилъ онъ ворона младшого.

150. Водой живою обрызгалъ коня мертвого,—

И конь его нацалъ здрыгивать *);

Водою мертвою сталъ обрызгивать,—

Конь ёго сталъ ужъ на ноги;

И сѣлъ молодець на добра коня,

155. И поѣхалъ оживлять своихъ шурьяковъ,

Оживилъ, вить, онъ своихъ шурьяковъ,

И поѣхалъ къ палаты бѣлокамѣнной.

Стали сочинеть **) свадьбу брасную,

Собирались итти ко Божымъ церквамъ

160. Принимать вѣнчи да пресвѣтлые,

Обруцетъсе перстнеми золоцѣныма.

Такъ женилсе Хотенъ на Катеринуши;

Со того времени зацалсе поцестѣнъ пиръ.

* (Ср. Приб. къ изв. А. Н., XL, л. CV—XXIV; записано г. Верецагнскимъ).

*) Издрагивать.—О.

**) Сочинять —О.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЬ.

1.

(Кирша Даниловъ).

- Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова осударь-князя Владиміра,
 Было пиrowаніе, почестной пиръ,
 Было столованіе, почестной столъ
5. На многи князя и бояра,
 И на рускіе могучіе богатыри.
 Будеть день въ половина дня,
 А и будеть столъ во полу-столъ,
 Князь Владиміръ распотъшился,
10. А незнаемы люди къ нему появились:
 Есть молодцовъ за сто человекъ,
 Есть молодцовъ за другое сто,
 Есть молодцовъ за третье сто;
 Всѣ они избиты-изранены,
15. Булавами буйны головы пробиваны,
 Кушаками головы завязаны;
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:
 «Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
 «Бздили мы по полю по чистому,
20. «Сверхъ тоя рѣки Череди,
 «На твоємъ государевомъ займищѣ *):
 «Ничего мы въ полѣ не наѣживали,
 «Не наѣживали звѣря прыскачаго,
 «Не видали птицы перелетныя;
25. «Только наѣхали во чистомъ полѣ:
 «Есть молодцовъ за три ста,

*) Займище—тонкое мѣсто, цѣль болотъ (закимать, помимать—водою), иногда поросшее тростникомъ, лѣсомъ, приволье для охоты.—О.

- « [Есть молодцовъ] и за пять сотъ;
 « Жеребцы подъ ними Латшскіе,
 « Кафтанцы на нихъ камчатные,
 30. « Однорядочки-то—голубъ скурлатъ *),
 « А и колпачки—золоты плаши **);
 « Они соболи, кунницы повыловили,
 « И печерски ***) лисицы повыгнали,
 « Туры, олени выстрѣлили,
 35. « И насъ избили—изранили;
 « А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,
 « А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
 « Дѣти, жены осиротѣли,
 « Пошли по міру скитатися ****).»
 40. А Владиміръ князь етольной Кіевской,
 Пьетъ-онъ-ѣстъ, прохлаждается,
 Ихъ челобитья не слушаетъ.
 А и та толпа со двора не сошла,
 А иная толпа появилась:
 45. Есть молодцовъ за три ста,
 Есть молодцовъ за пять сотъ,
 Пришли охотники рыболовые,
 Всѣ избиты—изранены,
 Булавами буйны головы пробиваны,
 50. Кушаками головы завязаны;
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:
 « Свѣтъ, гоеударь, ты Владиміръ князь!
 « Бѣдили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
 « На твои щаски княженецкія
 55. « Ничего не поймавали;
 « Нашли мы людей: есть молодцовъ

*) Скурлатъ, сербск. *скерлат*, *соссит*, шарлахъ; поелику же встрѣчается цвѣта и бѣлаго, и голубаго, то, безъ отношенія къ цвѣту, ткань, вѣроятно хлопчатая.— О.

**) То же, что *пльши*, верхушки, вшитыя *плашмя*, какъ бывало на прежнихъ козацкихъ колпакахъ; а всячія—*лопасть*.— О.

***) Печерскія, что живутъ въ норахъ.— О.

****) Это говорятъ государевы охотники, которымъ, по недостатку лова, нѣтъ задѣльнаго жалованья, нечѣмъ и кормиться.— О.

- « За три ста и за пять сотъ *),
 « Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
 « Щуки, караси повыловили жъ
 60. « И мелкую рыбицу повыдавали;
 « Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
 « Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,
 « Отъ васъ, государь, жалованья нѣтъ,
 « Дѣти, жены осиротѣли,
 65. « Пошли по міру скитаться,
 « И насъ избилы-изранили.»
 Владиміръ князь стольной Кіевской
 Пьетъ-ѣстъ, прохлаждается,
 Ихъ челобитья не слушаетъ.
 70. А и тѣ толпы со двора не сошли,
 Двѣ толпы вдругъ пришли:
 Первая толпа—молодцы сокольники,
 Другіе—молодцы кречетники,
 И всѣ они избиты-изранены,
 75. Булавами буйны головы пробиваны,
 Кушаками головы завязаны;
 Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
 « Свѣтъ, государь, Владиміръ князь!
 « Бѣдали мы по полю чистому,
 80. « Сверхъ тоя Черегы,
 « По твоёмъ государевомъ займищу,
 « На тѣхъ на потѣнныхъ островахъ:
 « На твои щаски княженецкія
 « Ничего не понимавали, не видали
 85. « Сокола и кречета перелетнаго;

*) Стихи явно перебиты; вѣроятно (судя по напѣву и примѣру другихъ стиховъ):

На твои щаски княженецкія
 Ничего не понимавали;
 Ничего не понимавали,
 Только нашли мы, нашаи мы людей:
 Есть молодцовъ за три ста,
 Есть молодцовъ и за пять сотъ.—0.

- « Только наѣхали мы молодцовъ
 « За тысячу человекъ *):
 « Всѣхъ они ясныхъ соколовъ ловыкватали
 « И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
 90. « А насъ избили-пзранили,
 « Называются дружиною Чуриловою)
 Тутъ Владиміръ князь
 За то слово спохватится:
 « Кто это Чурида есть такъвъ?)
 95. Выступался тутъ старой
 Бермята Васильевичъ:
 — Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
 — Чурида живетъ не въ Кіевѣ,
 — А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца.
 100. — Дворъ у него на семи верстахъ,
 — Около двора желѣзной тынь,
 — На всякой тынинкѣ по маковкѣ;
 — А и есть по жемчужинкѣ;
 — Середи двора свѣтлицы стоятъ,
 105. — Грядни бѣлодубовыя,
 — Покрыты сѣдымъ бобромъ,
 — Потолокъ черныхъ соборей,
 — Матица-то валженая **),
 — Полю-середа одного серебра,
 110. — Крюки да пробой по будату зманены;
 — Первые у него ворота вальщатые ***),
 — Другіе ворота хрустальные,
 — Третьи ворота оловянные.—

*) Опять стихи вѣроятно таковы:

● На твои щаски княженецкія
 Ничего не понимвали;
 Ничего не понимвали,
 Не видали сокола и кречета передетнаго;
 Только наѣхали мы молодцовъ,
 Есть человекъ за тысячу.—О.

**) Матица—средній брусъ потолка; валженая (—влаженная, вымокшая, сыромятная.)—обыкновенное прозвище ремней, кожи; обтянутая кожей?—О.

***) Рѣзные; ср. другіе выпуски.—О.

- Втапоры Владиміръ князь и со княгинею,
 115. Скоро онъ снаряжается,
 Скорѣ того поѣздку чинять:
 Взялъ съ собою князей и бояръ,
 И могучихъ богатырей,
 Добрыню Никитича.
120. И стараго Бермяту Васильевича;
 Тутъ ихъ собралось пять сотъ человекъ,
 И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
 И будутъ у двора его,
 Встрѣчаютъ ихъ старой Пленъ:
125. Для князя и княгини
 Отворяетъ ворота вальщатые,
 А князямъ и боярамъ хрустальные,
 Простымъ людямъ ворота оловянные;
 И наѣхало ихъ полно дворъ.
130. Старой Пленка Сароженинъ *)
 Приступилъ ко князю Владиміру
 И ко княгинѣ Апраксѣвнѣ,
 Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
 Сажалъ за убранные столы,
135. [Сажалъ] въ мѣсто почетное;
 Принималъ-сажалъ князей и бояръ,
 И могучихъ русскихъ богатырей.
 Втапоры были повары догадливые,
 Носили яства сахарныя
140. И питья медвяныя,
 А питья все заморскія,
 Чѣмъ бы князя развеселить:
 Веселая бесѣда, на радости день.
 Князь со княгинею весель сидитъ.
145. Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое,—
 И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
 Говорилъ таково слово:
 « По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося:
 « Князя, меня, въ домѣ не случилось,

*) Сароженинъ, торговецъ по Сурожу; ср. «Земьку» въ 3-мъ выпуску.— О.

150. « Ёдетъ ко мнѣ король изъ орды, и гонимъ и гонитъ
 « Или какой грозенъ посоль. и гонимъ и гонитъ 1501
 Старой Пленка Сароженинъ и гонимъ и гонитъ
 Лишь только усмѣхается, самъ потчивается и гонимъ и гонитъ
 — Изволь ты, осударь, и гонимъ и гонитъ
155. — Владиміръ князь со княгинею, и гонимъ и гонитъ
 — И со всѣми своими князи и бояры купати и гонимъ и гонитъ 1502
 — Что, де, ёдетъ не король изъ орды и гонимъ и гонитъ
 — И не грозенъ посоль; и гонимъ и гонитъ
 — Ёдетъ, де, дружина хорабрая сына Моероры и гонимъ и гонитъ
160. — Молода Чурилы сына Пленковчъ; и гонимъ и гонитъ
 — А какъ онъ, осударь, и гонимъ и гонитъ 1503
 — Будеть предъ тобою жь, и гонимъ и гонитъ
 — Будеть паръ во полу-пирѣ, и гонимъ и гонитъ
 — Будеть столъ во полу-столѣ, и гонимъ и гонитъ
165. Пьють-они ёдятъ, потѣшаются,
 Всѣ уже они безъ памяти сидятъ; и гонимъ и гонитъ 1504
 А и на дворѣ день вечеряется, и гонимъ и гонитъ
 Красное солнышко закатается, и гонимъ и гонитъ
 Толпа въ полѣ собирается: и гонимъ и гонитъ
170. Есть молодцовъ ихъ за пять соте, и гонимъ и гонитъ
 Есть [молодцовъ] и до тысячи. и гонимъ и гонитъ 1505
 Ёдетъ Чурила ко двору своему; и гонимъ и гонитъ
 Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, и гонимъ и гонитъ
 Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица; и гонимъ и гонитъ
175. И пріѣхаль Чурила ко двору своему;
 Перво *) его скороходъ прибѣжалъ,
 Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ, —
 А и некуда Чурилъ на дворъ ёхати и гонимъ и гонитъ
 И стоять со своимъ промысломъ **); и гонимъ и гонитъ
180. Поѣхали они на свой окольной дворъ,
 Тамъ они становилися
 И совсѣмъ убиралися. и гонимъ и гонитъ
 Втапоры Чурила догадливъ былъ: и гонимъ и гонитъ

*) Впередъ. — О.

**) Съ сопровождавшею его охотою. — О.

- Береть золоты ключи,
 185. Пошелъ во подвалы глубокиѣ,
 Взялъ золоту казну,
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Другую *) сорокъ печерскихъ лисиць,
 И бралъ же камку бело-хрущату **),
190. А цѣма камкѣ сто тысячей,
 Принесъ онъ ко князю Владиміру,
 Кладъ передъ нимъ на убраной столѣ,
 Втапоры Владиміръ князь, стольной Кіевской,
 Больно со княгинею возрадовалися,
195. Говорилъ ему таково слово:
 « Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
 « Не подобаеть тебѣ въ деревнѣ жить,
 « Подобаеть тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
 « [Въ Кіевѣ жить], князю служить. »
200. Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался,
 Приказалъ тотчасъ коня осѣдлатъ,
 И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ ***),
 Ко ласкову князю Владиміру;
 Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ;
205. А и будутъ на дворѣ княженецкиимъ,
 Скочили они со добрыхъ коней,
 Пошли во свѣтлицы ****) гридни,
 Садилися за убранные столы.

*

- Посылаетъ Владиміръ, стольной Кіевской,
 210. Молода Чурила Пленковича
 Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,

*) Вѣроятно (судя и по напѣву): «другое (о въ у, е, черель ѣ въ ю).» — О.

***) О *хрущатой* камкѣ см. вып. 3-й, стр. 78. — О.

****) Весь стихъ сбить безъ складу: должно быть два стиха изъ одного. — О.

****) Свѣтлицы? — О.

- А зватаго *) приказалъ братъ
 Со всякого по десяти рублевъ.
 Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ,
 215. И собралъ ко князю на почестной пиръ.
 А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
 Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
 Ко его молодой женѣ,
 Къ той Катеринѣ прекрасной **);
 220. И тутъ онъ позамѣшкался;
 Ожидаетъ его Владиміръ князь,
 Что долго замѣшкался.
 И мало время поизойдучи,
 Пришелъ Чурила Пленковичъ:
 225. Втапоры Владиміръ князь
 Ни во что положилъ;
 Чурила пришелъ—и столъ пошелъ,
 Стали пити—ясти, прохладжидатися,
 Всѣ князи и бояра до пьяна напивалися,
 230. Для новаго столъника, Чурилы Пленковича;
 Всѣ они напивалися и домой развѣзжалися.

- По утру рано ранешенько,
 Рано зазвонили ко заутрени,
 Князи и бояра пошли къ заутрени:
 235. Въ тотъ день выпала
 Пороха сибгу бѣлаго:
 И нашли они свѣжій слѣдъ;
 Сами они дивуются:
 Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностаѣ;
 240. А иные тутъ усмѣхаются,
 [Усмѣхаются] сами говорятъ:
 «Знать ***), это не зайка скакалъ,
 «[Не зайка скакалъ], не бѣлъ горностаѣ;

*) Побору за зовъ, вѣроятно въ повѣсть Чурилы.—О.

**) По стиху требуется:

Къ той Катеринѣ прекрасной.—О.

***) Замѣтно, видно, что...—О.

- « Это шель Чурила Пленковичь
 245. « Къ старому Бермятъ Васильевичу,
 « Къ его *) молодой женѣ
 « Катеринѣ прекрасныя **). »

2.

(Село Павлово, Нижегородскій губ.)

- У князя было у Володимира,
 У Кѣвсково было у Сыславича,
 Было пированьицо почёсное,
 Чесно и хвально, больно радышно,
 5. На многи на князи на бѣря
 И на всю поляницу, на удалыхъ молодцохъ.
 Становилась ѣства пята-на-двадцать *** —
 Бѣлая дебѣдушка подъ укусомъ.
 Рушила княиня лебедь бѣлую,
 10. Заглядѣлась она на Чуриву на Цыплѣнковича ****),
 Порѣзада княиня руку лѣвую;
 Со стыду со сраму подъ столъ руку свѣсила,
 Сама взгѣворить таково слово:
 « Нѣ годень Чуривушка въ постельнички,
 15. « Во наши во постели княженецкія;
 « Сказана Чуривъ служба явленная:
 « Ёму ѣздить по городу по Кѣву,
 « Ёму звать гостей съ гостицами жоны *****),
 « Ёму звать князей со княинюшками,
 20. « Ёму звать бояръ со боярынями.»

*) По стиху должно быть «ко его». — О.

**) Должно быть:

Къ той Катеринѣ прекрасныя. — О.

***) Шло кушакъ двадцать пятае. — О.

****) Испорчено изъ «Чурилу Пленковича.» — О.

*****) Съ женами гостицами, купеческими. — О.

- Встаётъ Чурива ранёкынько,
 Умывается Цыплёнковичъ бѣлѣхынько,
 Надѣвать сапожки—зелёнъ сафьянъ,
 Пятки гладки, носки плоски,
 25. Кругъ пяты хотъ вѣдѣть прокати,
 Подъ пята воробей проскочи.
 Поѣхалъ Чуривушка по городу по Кѣеву,
 Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди-тѣ:
 Гдѣ дѣвушки глядятъ,—заборы тремшатъ,
 30. Гдѣ молодухи глядятъ,—лишь оконцки *) зве-
 нять,
 Гдѣ стары глядятъ,—манати **) на себѣ берутъ ***).

(Записано свещ. В. Фаворскимъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. I).

3.

(Сузунскій заводъ).

- Благословляй-ко, хозяинъ,
 Благословляй, господинъ,
 Старину сказать стародавнюю
 Про молода Чурида сына Плёнковича.
 5. Онъ добро по городу погуливалъ,
 Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
 Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
 Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.
 Что съ вечера пороша порошила,
 10. Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
 Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.
 По той-то порошѣ два слѣдочка лежатъ,
 Малымъ-то малы, коротешеньки.

*) Оконницы.—О.

***) То же, что позднѣйшее «мантин.»—О.

***) Ошибка вмѣсто «дѣругъ» деругъ.—О.

- Стары старики собиралися,
 15. Они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
 « Чьи это слѣдки малешеньки,
 « Малымъ-то малы, коротешеньки?
 « Это молода Чурила, сына Плѣнковича.»»

*) Выходили часы, выносили фонари;

20. Выходила госпожа Пермитыха,
 Береть она Чурилу за бѣлыя руки,
 За бѣлыя руки, за златы перстни,
 Ведеть его въ новую горницу,
 Садить его за дубовый столъ,
 25. Повтъ его сладкимъ медомъ, зеленымъ виномъ.
 Тутъ-то сѣнной ея дѣвущкѣ за бѣду стало,
 За великую досаду показалось;
 Пошла она—боярину пожаловалась:
 — Ты гой еси, нашъ превысокой господинъ!
 30. — У насъ въ дому чудо чудится,
 — Чудо чудится, диво дѣется:
 — Чурило Плѣнковичъ гостить у тебя.—
 Скочилъ Пермитьевъ **) на рѣзвы ноги,
 Говорить онъ таковы слова:
 35. « Налей ты мнѣ чару зелена вина,
 « Зелена вина въ полтора ведра!»
 Береть Пермитьевъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Береть онъ со спички ***) востру сабельку,
 40. Пошелъ Пермитьевъ въ нову горницу.
 Онъ грозно по горенкѣ похаживать,
 Чеботами въ полъ поколачивать,
 Востру сабельку на ручкѣ поправлявать,
 На спички, подъ спички посматривать;

*) Начало разсказа пропущено, Чурило постучался у Бериты; за тѣмъ выходятъ сторожа (часовые), потомъ сама хозяйка.—О связи отрывочныхъ разсказовъ про Чурилу см. ниже въ «Замѣткѣ». — О.

**) Берита, Пермита. — О.

***) Вѣшалки. — О.

45. Увидѣлъ на спичкѣ золотъ кампакъ: .....
 « Это что, мнѣ ненадобно? » .....
 Подходила госпожа Цермитыха; .....
 Говорила она таковы слова: .....
 — Ты гой еси, превысокой господинъ!
50. — Я по городу ходила, по базару гуляла, ...
 — По базару гуляла, у батюшки была, ...
 — Мнѣ батюшка пожаловалъ, родимый подарилъ: .....
 — Хочу я тебя срядить лучше стараго, ...
 — Лучше стараго, лучше новаго. —
55. Онъ грозно по горенкѣ похаживать, ...
 Чеботами въ полъ поколачивать, ...
 Востру сабельку на ручкѣ поправлявать, ...
 На грядки, подъ грядки поглядывать, ...
 Увидѣлъ на грядкѣ перчатки шелковы; .....
60. « Это что, мнѣ ненадобно? » .....
 Подходила госпожа Цермитыха; .....
 Говорила она таковы слова: .....
 — Ты гой еси, превысокой господинъ! .....
 — Я по городу ходила, по базару гуляла, ...
 — По базару гуляла, у матушки была; .....
 — Мнѣ матушка дала, родна жаловала: .....
 — Хочу я тебя срядить лучше стараго, ...
 — Лучше стараго, лучше новаго. —
65. Онъ грозно по горенкѣ похаживать, ...
 Чеботами въ полъ поколачивать, ...
 Востру сабельку на ручкѣ поправлявать, ...
 На полки, подъ полки поглядывать, ...
 Увидѣлъ на полкѣ зеленъ кафтанъ: .....
 « Это что, мнѣ ненадобно? » .....
75. Подходила госпожа Цермитыха, ...
 Говорила она таковы слова: .....
 — Ты гой еси, превысокой господинъ!

*) *Грядка* — шесть, подвѣшенный или прибиванный въ избѣ лежня, для вѣшанья одежды; обыкновенно дѣлается надъ кутникомъ, въ бабьемъ углу. — По областямъ — двѣ жерди, или полна, или то же, что *воронецъ*, т. е. толстая доска отъ печи или палатей къ противоположной стѣнѣ. — *О.*

- Я по городу ходила, по базару гуляла,
 — У брата была, мнѣ братецъ пожаловалъ,
 80. — Братецъ пожаловалъ, родной подарилъ:
 — Хочу я тебя срядить лучше стараго,
 — Лучше стараго, лучше новаго.—
 Онъ грозно по горенкѣ похаживать,
 Чеботами въ полъ поколачивать,
 85. Востру сабельку на ручкѣ поправлявать,
 На лавки, подъ лавки поглядывать;
 Увидѣлъ подъ лавкой сафьяны сапожки:
 « Это что, мнѣ ненадобно?»
 Подходила госпожа Пермитыха,
 90. Говорила она таковы слова:
 — Ты гой еси, превысокой господинъ!
 — Я по городу ходила, по базару гуляла.
 — По базару гуляла, у сестрицы была,
 — Мнѣ сестрица подарила, родна жаловала:
 95. — Хочу я тебя срядить лучше стараго,
 — Лучше стараго, лучше новаго.—
 Онъ грозно по горенкѣ похаживать,
 Чеботами въ полъ поколачивать,
 Востру сабельку на ручкѣ поправлявать,
 100. На печку, за печку поглядывать;
 Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горять:
 То ясны очн глядятъ, то Чуриловы.
 « Выходи-ко ты, Чурило, среди полѣ:
 « До тебя-то мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
 105. « Мы съ тобой, Чурило, побратуемся.—
 « Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
 « Выходи-ко ты, княгиня, на краснѣ крыльцо,
 « На краснѣ крыльцо, на перильчато:
 « Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
 110. « На другомъ женихѣ—вострой сабелькѣ.»

(Записано Д. П. Соловьевымъ (Соколовымъ ?); ср. Приб. къ Изв. А. П., т. III).

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИНЪ.

(Кирша Демлювъ).

- Какъ изъ дадеца было изъ Галичья,
 Изъ Волынца города изъ Галичья,
 Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
 Какъ бы бѣлой кречеть вонъ выпархивалъ,
 5. Выѣзжалъ удача доброй молодець,
 Молодой Михайло Казарянинъ.
 Какъ конь подъ нимъ—какъ бы лютой звѣрь.
 Онъ самъ на конѣ—какъ ясенъ соколъ,
 Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
 10. Куякъ *) и панцырь чиста серебра,
 А кольчуга на немъ красна золота;
 А куяку и панцырю цѣна стоитъ на сто тысячей;
 А кольчуга на немъ красна золота,
 Кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей;
 15. Шеломъ на буйной головѣ замычется **,
 Шелому цѣна три тысячи;
 Конь въ рукахъ мурзамецкое, какъ свѣча горитъ;
 Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабля острая,
 Въ долину сабля еажень печатная ***) ,
 20. Въ ширину сабля осми вершковъ;
 Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой,
 А цѣна тому луку три тысячи;
 Потому цѣна луку три тысячи:
 Полосы были булатныя,
 25. А жилы—слоны сохатныя ****),

*) См. вып. 3, стр. 77.—О.

**) Замыкается, застегивается, обмкнувши голову.—О.

***) Т. е. цѣлая, не меньше.—О.

****) *Сохатый* (въ пѣсняхъ «звѣрь сохатый») — лось, Сибирское (звѣрство отъ *соха*, по виду роговъ); *сохатый* будетъ дальнѣйшее прилагательное, произведенное отъ *сохатаго*. Если здѣсь *слоны* не испорчено изъ *словны*, *словнр*, то *слоноу* (женскаго рода, ед. ч., родит. пад.), а еще звѣрство ище—*слономъ* (въ муж. родѣ, именит. пад., множ. ч.) названъ здѣсь *лось*

- И рога красна золота,
 А тетивочка шелковая,
 Бѣлаго шелку Шамаханскаго;
 И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
 30. А во колчанѣ было полтора ста стрѣлъ;
 Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
 А конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
 Цѣны коню смѣты нѣтъ;
 Почему коню цѣны смѣты нѣтъ?
 35. Потому ему цѣны смѣты нѣтъ:
 За рѣку броду не спрашиваетъ,
 Онъ скачетъ конь съ берегу на берегъ,
 Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.
 А и ѣдетъ ко городу Киеву,
 40. Что ко ласкову князю Владиміру,
 Чудотворцамъ въ Киевѣ молитися
 И Владиміру князю поклонитися,
 Послужить вѣрою и правдою,
 По заочью князю не измѣною *).
45. Какъ и будетъ онъ во городѣ Киевѣ,
 Среди двора княжевецкаго,
 Скочилъ Казарянинъ со добра коня,
 Привязалъ коня къ дубову столбу,
 Къ дубову столбу, къ кольцу булатному,
 50. Походилъ въ грядню во свѣтлюю,
 Ко великому князю ко Владиміру;
 Молился Спасу со Пречистою;

(ср. въ Шенкурскѣ *сланью—лоскомъ*), съ провинциальн. *сезаннато*. Слово въ народномъ словопроизводствѣ сопоставляется съ глаголомъ *сломяться*, *сломяться*, т. е. шататься, бродить: «не два слона въ чистыхъ полѣхъ *сломятся*, не два сыры дуба *шатаются*, — *сломятся—шатаются* два богатыря (ср. вып. 3, стр. 36). » Здѣсь конечно разумѣется не то определенное животное—слоны, которому трудно было попасть въ наши древнія пѣсни, а вообще животное дикое, существо на водѣ бродящее, шатающееся, слово, которымъ послѣ назвали и настоящій слонъ, при знакомствѣ съ нимъ. Едва ли и самое *солн-це* (по варѣчіймъ *слѣк-це*, *слон-це*, *слун-це*) не того же корня: ср. формы *солонъ*, *солунъ* и Шенкурское *солонувать*, ходить кругомъ, кругообращаться.— О.

*) Въ очью—вѣрой и правдой, заочно также, не измѣною, не измѣняя и не измѣнясь.— О.

- Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны;
55. Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
« Гой еси, удача доброй молодець!
« Отколь прѣхаль, отколь тебя Богъ принесъ?
« Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовуть?
« А по имени тебѣ, можно мѣсто дать.
60. « По изотчеству можно пожаловати, »
И сказала удалой доброй молодець:
— А зовуть меня Михайлоу Казарянинъ,
— А Казарянинъ душа Петровичъ младъ.
А втапору стольной Владиміръ князь
65. Не имѣлъ у себя стольниковъ и чашниковъ;
Наливалъ самъ чару зелена вина,
Не велика мѣра—въ полтора ведра,
И провѣдываетъ *) могучаго богатыря,
Чтобы выпилъ чару зелена вина
70. И турій рогъ меду сладкаго,
[Меду сладкаго] въ полтретья ведра.
Принималъ Казарянинъ единой рукой,
А и выпилъ единымъ духомъ,
И турій рогъ меду сладкаго.
75. Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
« Гой еси ты, молодой Михайло Казарянинъ!
« Сослужи ты мнѣ службу заочную:
« Съѣзди ко морю синему,
« Настрѣлай гусей, бѣлыхъ лебедей,
80. « Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ утокъ
« Къ моему столу княженецкому;
« До любви я молодца пожалую.»
Молодой Михайло Казарянинъ
Великаго князя не ослушадся,
85. Помолится Богу, самъ и вонъ пошелъ,
И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ къ морю синему,
Что на теплы-тихи заводи.

*) Испытываетъ, выпьетъ ли столько.—О.

Какъ и будетъ у моря снѣга,

90. На его щаски великія
Привалила птица къ берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ сврыхъ утокъ,
Ко его *) столу княженецкому,
95. Обвязалъ онъ своего добра коня
По могучимъ плечамъ до сырой земли,
И поѣхалъ отъ моря отъ снѣга
Ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
100. Наѣхалъ въ полѣ сырѣ-кряковистой дубъ:
На дубу сидитъ тутъ черной воронъ **),
Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ правильно перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ—что огонь горятъ.
105. А и тутъ Казарянину за бѣду стало,
За великую досалу показалось,
Онъ Казарянинъ дивуется,
Говорилъ таково слово:
— Сколько по полю я ѣзживалъ,
110. — По его государевой отчинѣ,
— Такого чуда не наѣзживалъ;
— И наѣхалъ ***) нынѣ черна ворона! —
Втапоры Казарянинъ
Вынималъ изъ налушна свой тугой лукъ,
115. Изъ колчана калену стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона;
А и тугой лукъ свой потягиваетъ,
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
120. Калену стрѣлу семи четвертей;
И завѣли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя,

*) Владиміру. — О.

**) По складу стиха нужно «вранъ». — О.

***) Что наѣхалъ, какъ наѣхалъ. — О.

Чуть было спустил калену стрѣлу,—

Провѣщитъ ему черной воронъ:

125. « Гой еси ты, удача доброй молодець!

« Не стрѣлай меня ты, черна ворона:

« Моей крови тебѣ не пить будетъ,

« Моего мяса не ѣсть будетъ,

« Надо мною сердце не взнести *);

130. « Скажу тебѣ добычу богатырскую:

« Поѣзжай на гору высокую,

« Посмотри въ раздолья широкія,

« И увидишь въ полѣ три бѣла шатра,

« И стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ **);

135. « На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,

« Какбы три собаки наѣздники,

« Передъ ними ходитъ красна дѣвица,

« Руская дѣвица полоняночка,

« Молода Марѣа Петровична.»

140. ***) И за то слово Казарянинъ спохватается:

Не стрѣлялъ на дубу черна ворона,

Поѣхалъ на гору высокую;

Смотрѣлъ раздолья широкія,

И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,

145. Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,

На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,

Три собаки наѣздники,

Передъ ними ходитъ красна дѣвица,

Руская дѣвица полоняночка,

150. Молода Марѣа Петровична;

Во слезахъ не можетъ слово молвити,

Добрѣ ****) жалобно причитаючи:

*) Не сорвать сердца, не утѣшить, не потѣшить.— О.

**) Моржовая кость, извѣстная у насъ изъ старинъ и доселѣ употребительная въ Арханг. губ. для рѣзбы разныхъ вещей; *бесѣда*—скамья, рѣзая, съ перѣзками дѣлать кости, съ разными украшениями.— О.

***) Отселѣ начинается разсказъ, встрѣчаемый въ простыхъ пѣсняхъ, такъ называемыхъ Татарскихъ, изъ Татарскаго времени, отчасти Колыбельныхъ.— О.

****) Сильно, весьма.— О.

- « О злочастная моя буйна голова!
 « Горе-горькая моя руса коса!
155. « А вечоръ тебя матушка разчесывала,
 « Разчесала матушка, заплетала;
 « Я сама, дѣвица, знаю-вѣдаю,
 « Расплетать будетъ моя руса коса
 « Тремъ Татарамъ навадикамъ!»
160. Онъ тѣ-то рѣчи Татара договариваютъ.
 А первой Татаринъ проговорить:
 « Не плачь, дѣвица-душа красная,
 « Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго:
 « Асделу *) Татариву достанешься,
165. « Не продамъ тебя дѣвицу дешеву,
 « Отдамъ за сына за любимаго,
 « За мирнаго **) сына въ Золотой Орды»
 Съ тыя горы со высокія,
 Какъ ясенъ соколъ наущается
170. На синемъ морѣ на гуси и лебеди.
 Во чистомъ полѣ наущается
 Молодой Михайло Казарянинъ,
 А Казарянинъ душа Петровичъ младъ;
 Приправилъ онъ своего добра коня,
175. Принастегивалъ богатырскаго,
 И въ рукѣ копьё мурземецкое:
 Перваго Татарина копьёмъ скололъ,
 Другаго собаку конемъ стопталъ,
 Третьяго о сыру землю.
180. Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
 Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки,
 Руску дѣвицу полоняночку,
 Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатерь.
 Какъ чуть съ дѣвицею ему грѣхъ творить,
185. А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить,
 Расплачется красная дѣвица:
 « А не честь твоя молодецкая, богатырская,

*) А съ долю, съ раздѣлу, на долю?— О.

**) Т. е. за мирнаго Татарина, изъ мирной орды.— О.

- « Не спросилъ ни дядины *), ни отчины,
 « Княженецкая дочь и боярская,
 190. « Была я дочь гостиная **),
 « Изъ Волинца города изъ Галичя,
 « Молода Марѳа Петровична. »
 И за то слово Казарянинъ спохватается:
 — Гой еси, душа, красная дѣвица,
 195. — Молода Марѳа Петровична!
 — А ты по роду мнѣ родна сестра!
 — И ты какъ Татарамъ досталася,
 — Ты какъ тремъ собакамъ наѣздникамъ?—
 Говорить ему родная сестра:
 200. « Я вечеръ гуляла въ зеленомъ саду
 « Со своей сударынею матушкою:
 « Какъ изъ далеча, изъ чиста поля,
 « Какъ черны вороны налетывали,
 « Набѣгли тутъ три Татарина наѣздники,
 205 « Полонили меня красну дѣвицу,
 « Повезли меня во чисто поле;
 « А я такъ Татарамъ досталася,
 « Тремъ собакамъ наѣздникамъ. »
 Молодой Михайло Казарянинъ
 210. Собираетъ въ шатрахъ злата-серебра,
 Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,
 Переметныя-сыромятныя,
 И беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
 Посадилъ дѣвицу на добра коня,
 215. На Рускаго богатырскаго,
 Самъ садился на Татарскаго,
 Какъ бы двухъ коней ***) въ поводу повель,
 И поѣхалъ къ городу Киеву.

*) Дядины, роду отъ дѣда, какъ отчина-отечество отъ отца.— О.

**) Пропущено нѣсколько стиховъ: « Не честь твоя молодецкая-богатырская, что напускаешься на меня не спросивъ ни дѣдины, ни отчины. » За этимъ долженъ слѣдовать вопросъ Михайлы, чья она дочь, княженецкая или боярская, и отвѣтъ ея, что « не княженецкая она дочь и не боярская, » дочь гостиная—гостя, торговца.— О.

***) А между тѣмъ двухъ остальныхъ коней (отъ 2-го и 3-го Татарина).— О.

- Въѣзжаетъ въ стольной Кіевъ градъ.
220. А и стольники-приворотники
Доложили князю Владимиру,
Что пріѣхалъ Михайло Казарянинъ.
Поколь Михайло снялъ съ добра коня
Свою сестрицу родимую
225. И привязалъ четырехъ коней
[Четырехъ коней] къ дубову столбу,
Идутъ послы отъ князя Владимира,
Велятъ втти Михайлѣ во свѣтлу гридию.
Приходилъ Казарянинъ во свѣтлу гридию
230. Со своею сестрицею родимою;
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владимиру
И княгинѣ Апраксѣвнѣ:
— Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владимиръ князь
235. — Со душею княгинею Апраксѣвною!
— Куда ты меня послалъ, то сослужилъ:
— Настрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей
— И перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ утокъ;
— А и самъ въ добычѣ богатырскія:
240. — Убилъ въ полѣ трехъ Татариновъ,
— Трехъ собакъ наѣздивковъ,
— И сестру родную у нихъ выручилъ,
— Молоду Марѳу Петровичну.—
Владимиръ князь стольной Кіевской
245. Сталъ о томъ свѣтель-радошенъ;
Наливалъ чару зелена вина
[Зелена вина] въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго
[Меду сладкаго] въ полтретья ведра.
250. Подносилъ Михайлѣ Казарянину;
Принимаетъ онъ, Михайло, единой рукой.
И выпилъ единымъ духомъ.
Втапоры пошли они на широкой дворъ,
Пошелъ князь и со княгинею.
255. Смотрѣлъ его добрыхъ коней,
Добрыхъ коней Татарскіихъ;

- Велѣль тутъ князь
 Со добра коня птицъ обратъ,
 И велѣль снимать сумы сыромятныя,
 260. Относить во свѣтлы гридни,
 Береть бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
 А и коней поставить велѣль
 [Поставить велѣль] по стойломъ *) своимъ,
 Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ князь:
 265. « Гой еси ты, удача доброй молодець,
 « Молодой Михайло Казарянинъ,
 « А Казарянинъ душа Петровичъ младъ!
 « У меня есть триста жеребцовъ,
 « И три любимы жеребца:
 270. « А нѣтъ такого единого жеребца!
 « Исполать тебѣ добру молодцу,
 « Что служишь князю вѣрою и правдою!»

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВЦЪ.

(Оттуда же).

Высота ли—высота поднебесная;
 Глубота—глубота Океанъ—море;
 Широко раздолье—по всей земли;
 Глубоки омуты—Днѣпровскіе.

5. Изъ за моря, моря синяго,
 Изъ глухоморья **) зеленаго,
 Отъ славнаго города Леденца,
 Отъ того, де, царя вѣдь заморскаго,
 Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
 10. Тридцать кораблей, единъ корабль

*) По стойламъ?—О.

**) Лукоморья, луки или облучины моря, извѣстнаго морскаго побережья.—О.

- Славнаго гостя, богатаго,
 Молода Соловья, сына Будиміровича.
 Хорошо корабли изукрашены,
 Одинъ корабль получше всѣхъ:
15. У того было Сокола у корабля
 Въсто очей было вставлено
 По дорогу каменю—по яхонту;
 Въсто бровей было прибivano
 По черному соболу Якутскому,
20. И Якутскому вѣдъ, Сибирскому;
 Въсто уса было воткнуто
 Два острые ножика булатные;
 Въсто ушей было воткнуто
 Два остра копья мурзаметскія,
25. И два горноста я повѣшены,
 И два горноста я, два зимніе;
 У того было Сокола у корабля
 Въсто гривы прибivano
 Двѣ лисицы бурнастыя *);
30. Въсто хвоста повѣшено
 На томъ было Соколъ корабль
 Два мѣдвѣдя бѣлые заморскіе;
 Носъ, корма по туринному,
 Бока взведены по звѣринному.
35. Бѣгутъ ко городу Кіеву,
 Къ ласкову князю Владиміру.

На томъ Соколъ корабль
 Сдѣланъ муравленъ **) чердакъ;
 Въ чердакъ была бесѣда—дорогъ рыбіи зубъ ***),

40. Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
 На бесѣдѣ—то сидѣль купавъ ****) молодець,

*) Бурья.—О.

**) Муравюю, травани, разводани, расписной, пестрый.—О.

***) См. объясненіе выше.—О.

****) Употребительно и *улавъ*, женское же имя—*купавы*, *улавъ*, ниже увидимъ *Залава*, и т. п.,—красавецъ, красавица; юго-слав. *зубавъ*, савскрит. *шуба*.—О.

Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.

Говорилъ Соловей таково слово:

« Гой еси вы, гости-корабельщики

45. « И всѣ цѣловальники любимые!

« Какъ буду я въ городъ Кіевъ,

« У ласкова князя Владиміра,

« Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,

« Чѣмъ свѣта жаловати?»

50. Отвѣчаютъ гости-корабельщики

И всѣ цѣловальники любимые:

« Ты славной, богатой гость,

« Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!

« Есть, сударь, у васъ золота казна *):

55. « Сорокъ сороковъ черныхъ соболей;

« Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ:

« Есть, сударь, дорога камка,

« Что не дорога камочка,—узоръ хитеръ:

« Хитрости были Царяграда,

60. « А и мудрости Іерусалима,

« Замыслы Соловья Будиміровича **);

« На златѣ на серебрѣ—не погнѣваться ***).»

Прибѣжали корабли подѣ славной Кіевъ градъ.

Якори метали въ Днѣпръ рѣку,

65. Сходни бросали на кругъ бережокъ,

Товарную пошлину въ таможиѣ платили,

Со всѣхъ кораблей семь тысячей,

Со всѣхъ кораблей, со всего живота.

Бралъ Соловей свою золоту казну,—

70. Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

Второе сорокъ бурнастыхъ лисицъ,

Потелъ онъ ко ласкову князю Владиміру.

*) То же, что дорогая, дорого стоявшая, хотя бы и не было въ ней золота для подарковъ.—О.

***) Общій смыслъ тотъ, что искусство сдѣланныхъ узоровъ было заграничное, а придуманы они Соловьемъ.—О.

***) А злата-серебра казну можно и не дарить, князь на томъ и не погнѣвается: у гостей-купцовъ не деньги, а товаръ.—О.

- Идетъ во гридню во свѣтлую,—
 Какъ бы на пята *) двери отворялися,—
75. Идетъ во гридню купавъ молодець,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
 Спасову образу молится,
 Владимиру князю кланяется,
 Княгинѣ Апраксѣвной на особицу,
80. И подноситъ князю свои дороги подарочки:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
 Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
 Не дорога камочка,—узоръ хитерь:
85. Хитрости Царяграда,
 Мудрости Іерусалима,
 Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
 На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
 Князю дары полюбилися,
90. А княгинѣ навпаче того;
 Говорилъ ласковой Владиміръ князь:
 — Гой еси ты, богатой гость,
 — Соловей, сынъ Будиміровичъ!
 — Займуи **) дворы княженецкіе,
95. — Займуи ты боярскіе,
 — Займуи дворы и дворянскіе.—
 Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
 « Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
 « И не надо дворы боярскіе,
100. « И не надо дворы дворянскіе:
 « Только ты дай мнѣ загонъ земли
 « Не паханья и не оранья,
 « У своей, осударь, княженецкой племянницы,
 « У молодой Запавы Путятинной,
105. « Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
 « Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
 « Построить мнѣ, Соловью, снаряженъ дворъ.»

*) См. объясненія выше, на прим. вып. 1, стр. 82.—0.

**) Займай подъ постой.—0.

« Говорилъ сударь ласковой Владиміръ князь:
— На то *) тебѣ съ княгинею подумаю;—

110. А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Не паханья и не оранья.

Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичь:

« Гой еси вы, мои люди работные!

115. « Берите вы топорики булатные,
« Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
« Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,
« Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ. »
Съ вечера, позднимъ-поздно,

120. Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хорабрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,

125. Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;

130. На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна-то Завава пробужалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,

135. Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,
Во свой, вѣдь, хорошій, во зеленой садъ:
Чудо Запавѣ показалася
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,—
Что стоятъ три терема златоверховаты.

140. Говорила Завава путятишна:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
— Красныя сѣнныя дѣвушки!

*) О томъ.—О.

- Подте-тко, посмотрите-тко,
 — Чтò мнѣ за чудо показалося
145. — Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?—
 Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
 И сѣнныя красныя дѣвушки:
 «« Матушка, Запава Путятишна!
 «« Изволь-ко сама посмотрѣть:
150. «« Счастье твое на дворѣ къ тебѣ пришло.»»
 Скоро, де, Запава наряжается,
 Надѣвала шубу соболиную,—
 Цѣна-то шубѣ три тысячи,
 А пуговки въ семь тысячей,—
155. Пошла она въ вишенью, къ орѣшенью,
 Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
 У перваго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ щелчить-молчить *),—
 Лежить Соловьева золота казна;
160. Во второмъ теремѣ послушала:
 Тутъ въ теремѣ по тихоньку говорятъ,
 По маленьку говорятъ, все молитву творять,—
 Молится Соловьева матушка
 Со вдовы честны, многоразумными;
165. У третьяго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
 Входила Запава въ сѣни косящатыя,
 Отворяла двери на пята,—
 Больно Запава испугалася,
170. Рѣзвы ноги подломилися,
 Чудо въ теремѣ показалося:
 На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяць,—въ теремѣ мѣсяць;
 На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
175. На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
 И вся красота поднебесная:
 Подломилися ея ноженъки рѣзвыя.

*) Молчаніе, только лишь щелкаетъ, пересмѣяется золота казна: такъ—въ
 избѣ молчить, а сверчокъ сверчить.—0.

- Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ, —
 Бросилъ свои звончаты гусли,
 180. Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
 Кладъ на кровать слоновыхъ костей,
 Да на тѣ ли перины пуховыя;
 « Чего, де, ты, Запава, испужалася?
 « Мы, де, оба на возрастѣ.»
185. — А и я, де, дѣвица на выданѣ,
 — Пришла, де, сама за тебя свататься. —
 Тутъ они и помолвили:
 Цѣловалися они, миловалися,
 Золотыми перстнями помѣнялися.
190. Провѣдала его, Соловьева, матушка,
 Честна вдова Амелѣа Тимошеевна,
 Свадьбу кончити посрочила *):
 « Свѣзди, де, за моря синія,
 « И когда, де, тамъ разторгуешься,
195. « Тогда и на Запавѣ женишься.»
 (Свѣзжалъ Соловей за моря синія.

Втапоры поѣхалъ и голой шапѣ **) Давидъ Поповъ.

- Скоро за морями исторгуется,
 А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ:
 200. Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,
 Принесъ сукно смурое ***)
 Да крашенину печатную ****).
 Втапоры князь сталъ спрашивати:
 — Гой еси ты, голой шапѣ Давидъ Поповъ!
205. — Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ
 — Про гостя богатаго, про молода
 — Соловья, сына Будиміровича? —

*) Отсрочила. — О.

**) Шапѣ — шапѣ, древнее *шапство*, по областямъ нынѣ — *шаплевый*, *щепеткой*, *щепетильный*, *щепетиниться*, — все это означаетъ щегольство, охорашиванье, модную вычурность; прозвище — голый, т. е. на фу-фу, безъ состоянія, откуда сложное по областямъ — *голошапѣ*, франтъ; самое *щеголь* вѣроятно отъ того же корня *ще* (*тще?*) и *голь*. — О.

***) Собственно — черное, темное, потомъ — грубое. — О.

****) Набойчатую. — О.

Отвѣчалъ ему голой шапъ:

« Я, де, объ немъ слышалъ,

210. « Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ.

« У того царя заморскаго:

« Соловей у царя въ протаможье попалъ *),

« И за то посаженъ въ тюрьму,

« А корабли его отобраны

215. « На его жъ царское величество.»

Тутъ ласковой Владиміръ князь закручинился;

Скоро вздумалъ о свадьбѣ,

Что отдать Запаву за голаго шапа Давида Попова,

Тысяцкой **)—ласковой Владиміръ князь,

220. Свашела ***)—княгиня Апраксѣвна,

Въ поѣзду—князи и бояра;

Поѣзжали ко церкви Божіи.

Втапоры жъ въ Кіевъ [флотъ] пришелъ

Богатаго гостя, молода

225. Соловья, сына Будиміровича,

Ко городу ко Кіеву;

Якори метали во быстрой Днѣпрѣ,

Сходни бросали на крутъ-красенъ бережокъ;

Выходилъ Соловей со дружиною,

230. Изъ Сокола корабля съ каликами,

Во бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою ****);

Походили они ко честной вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ,

Правять челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,

Отъ молода Соловья Будиміровича,

235. Что прибылъ [флотъ] въ девяностѣ корабляхъ

И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ;

А оттуда пошли ко ласкову князю Владиміру

На княженецкой дворъ,

И стали во единой кругъ *****).

*) Не заплатилъ за тагу, мѣту товаровъ, контрабанда.— О.

**) Свадебный предводитель (у другихъ Славянъ *согода*).— О.

***) Свашенька, сваха.— О.

****) Выходили каликами, одѣвшись въ каличье бѣлое платье, притворившись каликами.— О.

*****) Какъ всегда калики.— О.

240. Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ князь въ домъ свой;
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилса за столы бѣлудобовые,
За яства сахарныя;
245. И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою:
Тогда ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опозновали *),
250. Приводили его ко княжепецкому столу;
Сперва говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, мой сударь-дядюшка,
«Ласковой сударь Владиміръ князь!
«Тоть-то мой прежній обрученной женихъ,
255. «Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ:
«Прямо, сударь, скачу,—обезчещу столы **)!»
Говорилъ ей ласковой Владиміръ князь:
—А ты гой еси, Запава Путятишна!
—А ты прямо не скачи, не безчести столы.—
260. Выпускали ее изъ за дубовыхъ столовъ,
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлудобовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
265. Говорила Запава таково слово
Голому шапу Давиду Попову:
«Здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать ***)!»
Втапоры ласковой Владиміръ князь весель сталъ,
А княгиня наипаче того;
270. Поднимали пирушку великую.

* *
*

*) Узнавали.—О.

**) Если не выпустите изъ за столовъ, къ жениху, то я скачу черезъ столы.—О.

***) Сравни выше пѣсни о Добрыиъ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, вып. 2-й, а также «Замѣтку» при 3-мъ вып., стран. XXV, XXVI.—О.

СЪ КАКИХЪ ПОРЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ
НА СВЯТОЙ РУСИ.

(Сибирь).

- Выѣзжали на Сафать-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
5. Выѣзжалъ Годенко *) Блудовичъ,
Да Василій Казиміровичъ,
Да Василій Буслаевичъ **),
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
10. Выѣзжалъ Добрыня молодець,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.

- Передъ ними раскинулось поле чистое ***),
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
15. Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову-городу;
А вторая-то дорога къ стольному Киеву;
А что третія дорога ко синю морю,
20. [Ко синю морю] далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,

*) Изъ Годенъ, Годинъ; тотъ же богатырь Хотенъ, Хотинъ; Горденъ, Гордей.—О.

**) Позднѣйшая прибавка: имя удалца Новгородскаго приѣзжало къ богатырямъ Киевскимъ.—О.

***) Стихъ позднѣйшей работы.—О.

- Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
25. Становилсь витязи на распутіи,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатерьъ,
Отпускали коней погулять по чисту полю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
30. Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.

- Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодець раньше всѣхъ,
35. Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ пблогномъ,
Помолился чѣдну образу;
Видитъ Добрыня за Сафать-рѣвкой
Бѣль-полотнянъ шатерьъ:
40. Въ томъ ли шатрѣ залегъ Татарченкокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченкокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалого добраго мблнца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня *),
45. Клалъ на него онъ пѣтнички **),
А на пѣтнички кѣврички,
Клалъ сѣдельце Черкасское,
Бралъ копейце урзаецкое ***),
Бралъ чингалище ****) булатное,
50. И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечеть *****) по мѣрной верстѣ,

*) Коня борзаго.— О.

***) См. вып. 2-й, стр. 23.— О.

****) Мурзавецкое, мураинское.— О.

*****) Книжалище, книжалъ.— О.

*****) То же, что « хоботы мечеть »; ср. вып. 3, стр. 5 и 121.— О.

- Высоки *) мечеть по сѣнной копнѣ.
55. Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Выходи-ка, Татарченкокъ,
«Злой Татаринь, бусурманченкокъ!
«Станемъ мы съ тобой честный бой держать.»
60. Вѣпоры выходитъ Татаринь изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися-сходилися два удалые витязя.
65. Ломалися копыя ихъ острия,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хваталися въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
70. Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакаль ему Татаринь на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.
75. Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ пѣлотномъ,
80. Помогилъ чюдну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланый и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только невеселъ,
Потупилъ очи во сыру землю,
85. Знать, тоскуеть онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ **).

*) То же, что «ископотъ»; ср. вып. 1, стр. 46 и вып. 3, стр. 66.—О.

**) Эти послѣдніе два стиха позднѣйшей работы: такъ выражаться можетъ не Былевая, а Бытовая, Женская (лирическая) пѣсня.—О.

- Садился Алеша на добра коня;
 Осержался подъ нимъ добрый конь,
 Отдѣлялся отъ сырой земли,
 90. Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
 Металъ высокои по сѣнной копнѣ.
 Что не бѣлъ во поляхъ забѣлѣлся:
 Забѣлѣлся ставка *) богатырская;
 Что не синь во поляхъ засинѣлся:
 95. Засинѣлись мечи булатные;
 Что не красъ во поляхъ покраснѣлся:
 Закраснѣлася кровь съ печеню.
 Подѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
 У того ли шатра спитъ Добрыня молодець:
 100. Очи ясныя закатилися,
 Руки сильныя опустилися,
 На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
 И кричитъ Алеша звучнымъ **) голосомъ:
 « Вылѣзай-ка ты, Татаринъ злой,
 105. « На честной бой, на побраночку ***))»
 Отвѣчаетъ ему Татарченокъ:
 — Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 — Ваши роды ****) не уклончивы,
 — Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
 110. — Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
 Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
 « Не хвались на пиръ идучи,
 « А хвались съ пиру идучи!»
 Втапору выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
 115. И садится на добра коня.

*) Шатеръ, о которомъ говорится ниже; сравненіями очерчено предвари-
 тельно мѣсто подвига и набросаны краски самого подвига.—О.

**) По обычному употребленію и предыдущему примѣру должно быть
 « звучнымъ; » впрочемъ « языкъ »—« звукъ »—филологически, только старше.—О.

***) Брань, не продолжительную, а сшибку.—О.

****) Т. е. богатыри вашего разбора, вы, богатыри Кіевскіе; а можетъ
 статься, это намекъ и на поповскій родъ Алешы,—дерзкаго, напористаго, но
 въ то же время нестойкаго: о Добрынѣ на оборотъ можно было сказать, что
 онъ уклончивъ (по его приёмамъ, мягкимъ, уступчивымъ, вѣжливымъ), а
 между тѣмъ стоить.—О.

- Не два вѣтра въ полѣ слетались,
 Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
 Сходилися—слетались два удалые витязя;
 Ломались копья ихъ острия,
 120. Разлетались мечи ихъ булатные;
 И сходили они съ добрыхъ коней,
 И хватались въ рукопашный бой;
 Одогдалъ Алеша Татарина:
 Валилъ его на сыру землю,
 125. Скакалъ ему на бѣлы груди,
 Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
 Вынимать сердце съ печенью.
 Отколь тутъ не взялся черный воронъ *),
 И вѣщаетъ онъ человѣчeskиимъ голосомъ:
 130. « Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 « Ты послушай меня, черного ворона:
 « Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей;
 « А летаю я на синѣ море,
 « Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
 135. « Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,—
 « Сростется его тѣло бѣлое;
 « Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
 « Тутъ и очнется добрый молодецъ.»»
 Втапору Алеша ворона послушался.
 140. И леталъ воронъ на синѣ море,
 Приносилъ мертвой и живой воды;
 Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,—
 Сросталось тѣло его бѣлое,
 Затягивались **) раны кровавыя;
 145. Вспрыскивалъ его живой водой,—
 Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
 Отпустили они Татарина.

*

*) Вранъ?—О.

**) Слишкомъ длинно для народнаго творческаго языка: «затягивали» или «затянулись.»—О.

- Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
 150. Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу:
 Видитъ онъ,—черезъ Сафатъ рѣку
 155. Переправляется сила басурманская:
 И той силы доброму молодцу не объѣхати,
 Строму волку не обрыскати,
 Черному ворону не облѣгѣти.
 И кричить Илья зычнымъ голосомъ:
 160. « Ой ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
 « Удалые братья названные!»
 Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
 Какъ садилися на добрыхъ коней,
 Какъ бросалися на силу басурманскую,
 165. Стали силу колоть-рубить.
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчуть;
 Бились три часа и три минуточки:
 Изрубили силу поганую.
 170. И стали витязи похвалятися:
 « Не намахалися наши могутныя плечи,
 « Не уходилися наши добрые кони,
 « Не притупились мечи наши булатные!»
 И говорить Алеша Поповичъ младъ:
 175. « Подавай намъ силу нездѣшнюю:
 « Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
 Какъ промовилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явились двое вонтелей *),
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 180. — А давайте съ нами, витязи, бой держать?
 — Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—

*) Подобное слово могло быть допущено въ Былинѣ развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ Стиху, которому не чужды бывають слова книжныя.— О.

- Не узнали витязи воителей;
 Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня Борзаго,
 185. Налетѣлъ на воителей,
 И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодень,
 Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
 190. Стало восьмеро—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ витязи,
 195. Стали они силу колоть-рубить:
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
 200. А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Бились витязи три дня,
 [Бились] три часа, три минуточки,
 Намахалися ихъ плечи могѣтныя,
 205. Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные:
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Испугались могучіе витязи,
 210. Побѣжали въ каменные горы,
 Въ темныя пещеры:
 Какъ подбѣжить витязь къ горѣ,
 Такъ и окаменѣть *);
 Какъ подбѣжить другой,

*) Замѣчательно, что въ концѣ своемъ Былина явно разрушена въ стихѣ и складѣ, обращаясь въ сказочный говоръ: потому ея заключеніе и выводы (по которымъ составлено и заглавіе, какъ говорить г. Мей, недостававшее въ пѣсни) могутъ не принадлежать древности и первоначальному виду Былины.—О.

215. Такъ и окаменѣть;
 Какъ подбѣжить третій,
 Такъ и окаменѣть.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелась витязи
 на святой Руси.

(Записано г. Л. Меевъ въ 1840-мъ году отъ стараго Сибирскаго козана Ивана
 Андреева; ср. Сынъ Отеч., 1856 г., № XXVII, стр. 96, 97.)

* *

АНИКА ВОИНЪ.

1)

(Оренбургск. губ., Уфимскаго уѣзда, село Новосѣлки).

Жилъ-былъ Аника Воинъ,

Два ста лѣтъ и двадцать лѣтъ.

Отживалъ онъ оставное время.

Онъ при пирѣ при бесѣдѣ похваляется,

5. И при понахъ, и при дьяконахъ:

« Я поѣду, Аника Воинъ,

« Въ Иерусалимъ градъ,

« Весь Иерусалимъ градъ порублю,

« Весь въ полонъ возьму ¹⁾!»

^{*}) Къ этой «Бабьей старинѣ» для полноты, приведемъ мы разорѣчя изъ Побывальщины, доставленной во II-е отд. Ак. Наукъ; ср. «Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ», г. Варенцова, стр. 118—120; къ сожалѣнію не означено, гдѣ она записана; судя по языку, вѣроятно въ Омгѣ или близко.—О.

¹⁾ Былъ-жилъ Оника Воинъ, богатые.

Проживалъ Оника триста девяносто лѣтъ,

А все пассе да бересе Цюда цюднаго,

Смерти цюдные, Смерти страшные,

А само-гъ все пустыни да монастыри разорялъ.

Положилъ свое злобно памѣренье

Святая Святыхъ (т. е. въ Иерусалимъ) да роззорити

И по цисту полю бревна розвозити.

10. Ёдетъ онъ путемъ-дорогою,
 Валяется среди пути-дороженьки
 Чудо престрашное.
 Онъ Чудѣ воздвиглся,
 Воздвиглся, устранился:
15. « Что это за Чудо
 « Среди пути-дороженьки валяется?
 « Царь ли ты, царевичъ,
 « Или король, королевичъ.
 « Иль изъ иной земли скорый посолъ?»
20. — Я не царь, не царевичъ,
 — Не король, королевичъ,
 — Не изъ земли я скорый посолъ:
 — Я твоя-то Смерть,
 — Хочу тебя воскусити *),
25. — Не хочу тебя
 — До Иерусалима града допустити.—
 « Я Смерти этой не вздвиглюся:
 « Я палицу всподымаю,
 « Хочу ударить тебя по главѣ.»
30. — Аника Воинъ, не бодрися:
 — Были не въ твою высоту,
 — И то Смерти, меня, не миновали.
 — Былъ сотворшій Богъ,
 — Сотворилъ небо и землю.
35. — И луны, и звѣзды:
 — И то меня, Смерти, не миновалъ **) 2).—

*) По другимъ разпорѣчїямъ «искусити» скосити.— О.

**) Во избѣжаніе соблазна разныхъ мнѳологическихъ толкованій, нужно замѣтить, что все это мѣсто смутано: прочія разпорѣчїя показываютъ, что здѣсь приводятся примѣры сильныхъ богатырей, не избѣгшихъ смерти: Богъ же, говорится, сотворилъ вѣстѣ съ прочими тварями Смерть и попустилъ ее на землю.— О.

2) На стрѣчу-ту Оники

Цюдо цюдное, Диво дивное:
 Ноги-ты у Цюда-та звѣршии,
 Голова-та у Цюда целовѣцеська,
 А тузово у Цюда лошадиное.

Незвидимо къ нему

Смерть подкралася,
Косой ноги ему подкосила,

40. Пилой она ему руки подпилила:

Онъ съ добра коня свалился,
Онъ и Смерти возмолился:

« Охъ, матушка ты моя, Смерть!

« Дай ты мнѣ пожити хоть на годочекъ.»

45. — Не дамъ я тебѣ пожити на часочекъ.—

« Охъ, матушка ты моя, Смерть!

« Дай ты мнѣ пожити хоть на шѣсяць:

« Я въ свое житье-бытье *) съѣзжу,

Говорилъ Оника такovy слова:

« Штò ты тако, Цюдо цюдное,

« Штò ты тако, Диво дивное?

« Али ты еси царь, али царича ты,

« Али князь еси ты, али кнеиня ты,

« Али ты еси паленича да удалая,

« Али ты хресъенина жона хресъеньская? »

Отвѣцало Цюдо цюдное, Диво дивное:

— Я не царь, да и не царича, вить,

— Я не князь, да и не кнеиня же,

— Я не паленича да удалая,

— Да не хресъенина жона я хресъеньская:

— А я, вить, есь Смерть, да Смерть престрашная.—

Становилсе тутъ Оника противу Цюда цюднаго,

Говорить Оника Воинъ такovy слова:

« Я, вить, тебя, Цюдо, конемъ стопцю,

« Да я, вить, тебя, Цюдо, копьемъ сколю.»

Отвѣцало Цюдо цюдное, Диво дивное:

— Были богатыри-то славнѣ тебя,

— Былъ Самсонъ богатырь, тотъ славнѣ тебя,

— Былъ Полканъ богатырь, тотъ славнѣ тебя:

— И тѣ сдалисе, вить, склонилисе,

— Подъ мою, вить, руку приклонилисе;

— Да и тебѣ, Оника, быть подъ моею рукой!—

*) Живаше.— О.

- « Съ отцемъ съ матерью развращуся.
 50. « Съ родомъ съ племенемъ покложуся.
 « У меня казны много мюжестно:
 « Я свою казну расточу.
 « По нищимъ по братьямъ,
 « По церквамъ по соборамъ.»
 55. — Аника Воинъ!
 — Твоя казна кровавая:
 — Въ твоей казнѣ
 — Душѣ пользы не будетъ *).

- 3) А втогда Оника подъ конемъ дежить,
 А Цюдо на Оникѣ на веру сидитъ.
 Какъ просилъ Оника у Цюда цюдного
 Времени только на три годы,
 Штобы ему имѣнье-богатесьво
 По пустынямъ и монастырямъ развозить.
 Отвѣцало Цюдо цюдное, Диво дивное:
 — Да не дамъ я тѣ строку (сроку) на три года.
 — У тебя, вить, имѣнье несправедно,
 — Да твоей души польза не буде.
 Какъ просилъ Оника у Цюда цюдного
 Времени только на три мѣсеца,
 Штобы ему имѣнье-богатесьво
 По пустынямъ и монастырямъ развозить,
 И спасти ему душа грѣшная.
 Отвѣцало Цюдо цюдное, Диво дивное:
 — Да не дамъ я тѣ строку на три мѣсеца:
 — У тебя, вить, имѣнье несправедно,
 — Да твоей души польза не буде.—
 Какъ просилъ Оника у Цюда цюдного
 Только строку на три цаса,
 Штобы ему имѣнье-богатесьво
 По пустынямъ и монастырямъ развозить,
 Да спасти ему душа, душа грѣшная.
 Тутъ Цюдо опять отговаривало:

- Жилъ да былъ на землѣ
 Храбрые человекѣ **) Аника.
 Много онъ полонилъ,
 Много онъ покорилъ
 5. Царей и царевичей,
 Королей, королевичей;
 И сильныхъ-могучихъ богатырей.
 Собирается Аника
 Въ Ерусалимъ градъ:
 10. Хочетъ Аника
 Святую святыню ***) погубити,
 Господень гробъ раззорити ¹⁾).

— Да не дамъ я тѣ строку и на три часа:
 — Вить твое-то имѣнье неправедно,
 — Да твоей души польза не буде. —

Тутова Оника и преставилсе,
 Тутова Оники и славы поють.
 (Т. е. умеръ онъ и ему поють славу, какъ обыкновенно умершимъ, а въ Стихахъ святымъ),

Славы поють, да и Дунай поють,
 Поють Дунай,
 Да и впередъ не знай

(Слава обыкновенна въ Стихахъ; въ Быличкахъ же, въ концѣ, любимый на Сѣверѣ Руси припѣвъ—«Дунай, Дунай, впередъ болѣ не знай,» съ разными прибаутками, и т. п.).—О.

*) Мы приведемъ сюда для полноты раздорѣчія, записанныя въ Нобинскѣ, Вятск. губ.; ср. Сборникъ г. Варецкова, стр. 110—116.—О.

**) Храборъ, богатырь.—О.

***) Святая святынь, въ Ерусалимѣ.—О.

1) Во славномъ градѣ во Евлесеѣ (Евлесеѣ, Елесесеѣ)

Жилъ былъ рабъ (храбръ) человекѣ Аника Воинъ.
 Жилъ на землѣ двѣсти двадцать два года, воювалъ (воинъ?
 много воиновъ повоювалъ?),
 Много Латышскія силы облаыцилъ,
 Много Русскія силы побѣдилъ.

- Бдетъ Аника черезъ поле.
 На встрѣчу Аникѣ бдетъ Чудо:
15. Голова у Чуда человѣческа,
 Власы у Чуда до пояса,
 Тулово у Чуда звѣриное.
 А ноги у Чуда лошадиныя.
 Аника на конѣ становился
20. И этому Чуду дивился:
 « Скажи ты мнѣ, Чудо, провѣдай »),
 « Царь ли ты, ли царевичь,
 « Король ли ты, королевичь,
 « Или ты сильные-могучій богатырь?»
25. Чудо ему отвѣщаетъ:
 — Я не царь, не царевичь,
 — Не король, королевичь,
 — И не сильный-могучій богатырь:
 — А я Смерть, страшна и грозна,
30. — Вельми непомѣрна.

Добивается Аника до начальнаго (главнаго) царства,
 Хочетъ Ерусалимъ градъ разбивати,
 Соборныя церкви нарушати,
 Гдѣ Пресвятая Богородица
 Стоитъ на престолѣ,
 Гдѣ Христова гробница
 Пребываетъ на воздуси,
 Гдѣ съ даянномъ (омианомъ) съ ладаномъ выходятъ,—
 То онъ хочетъ разбивати,
 То онъ хочетъ нарушати,
 Русскую кровь проливати.
 Походитъ Аника во чистое поле,
 Имеетъ себѣ добраго коня,
 Садился Аника на добраго коня,
 Беретъ онъ палицу боевую,
 Поѣхалъ Ерусалимъ градъ разбивати,
 Соборныя церкви нарушати,
 Русскую кровь проливати.

) Повѣдай. — 0.

- Сердцем своим непосульна.
 — Кто сотворилъ небо и землю.
 — Кто сотворилъ облаки, звѣзды.
 — Тотъ меня сотворилъ.
35. — По всей землѣ попустилъ.
 — Гдѣ кого застапу, искошаю *):
 — Въ пути въ дорогѣ застапу, искошаю;
 — Въ избѣ, на подворьѣ застапу, искошаю;
 — Хочу и тебя, Аника, искосити.—
40. Возговоритъ храбрые человекѣ Аника:
 « Я палицу подыму, палицей пришибу,
 « Либо коня попушу, конемъ потопчу
 « По главѣ по твоей.»
 Она **) ему отвѣщаетъ:
45. — Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
 — Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь:
 — И я ихъ искосила;
 — Хочу и тебя, Аника, искосити *).—

*) Скошу.—Въ другихъ разворѣчяхъ сдѣлано «искушаю», «скушаю.»—О.

**) Уже не Чудо, а Смерть.—О.

- 2) До полупути Аника не доѣхалъ,
 На полупути Аника остановился,—
 Попало Аникѣ во стричу
 Чудо чудное, Диво дивное:
 У Чуда тулово звѣриное,
 Ноги лошадиныя,
 Голова человекѣя и руки человекѣи,
 Власы у Чуда до пояса.
 Аника Чуда устранился:
 « Что это за Чудо чудное и за Диво дивное!
 « Скажи мнѣ, Чудо, проповѣдай (повѣдай):
 « Али ты изъ царей какой царевичь,
 « Али изъ королей королевичь,
 « Али изъ богатырей какой богатырь,
 « Или не Русская ли сильна-удалая полонѣда?»
 (*Поленица*; но любопытно, что *планета* и *полонѣда*, доселѣ весьма употребительное на Руси слово, есть греческое *планета*, того же корня и смысла, что *поленица*, *поленица*, т. е. блуждающая.)

Возговорить храбрые человекъ Аника:

50. « О Смерть, страшна и грозна!
 « Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода:
 « Сострою я тебѣ церковь,
 « Спишу твой ликъ на иконѣ,
 « Поставлю твой ликъ на престолѣ:
 55. « И будутъ къ намъ съѣзжаться
 « Князья и бояре,

Аникъ Чудо отверзаетъ (отвѣчаетъ):

- Рабъ человекъ, Аника Воинъ!
 — Я не царь какой, не царевичъ,
 — Не изъ королей королевичъ,
 — Не изъ богатырей какой богатырь,
 — И не Русская сильна-удалая полонидъ;
 — А я есть гордая Смерть сотворенна,
 — Отъ Христа по тебя Смерть послана я:
 — Хочу я тебя, Анику, умертвити,
 — Во сырую землю положить;
 — Полно тебѣ, Аника, воевати,
 — Соборныя церкви разбивати,
 — Русскую кровь проливати. —

Аника на Чудо не здиваетъ (лицу не даетъ),

- Береть онъ палицу боевую,
 Хочетъ Аника Смерть ушибити,
 Во сырую землю положить.

Аникъ Смерть отверзаетъ:

- Ты рабъ человекъ, Аника Воинъ!
 — Не хочешь ты мнѣ покориться
 — И не хочешь ты мнѣ поклониться?
 — Былъ на землѣ богатырь Малафей (Олоферъ),
 — Былъ на землѣ богатырь Соловей (разбойникъ?),
 — Былъ на землѣ богатырь Егоръ-Святогоръ (по замѣчанію
 пѣвца, сынъ Самсона),
 — Былъ богатырь—надъ семидесятью землями богатырь (по
 замѣч. пѣвца—Самсонъ, у котораго были три ангельски волоса):
 — И то они мнѣ покорились,
 — И то они мнѣ поклонились. —

- « И сильные-могучіе богатыри,
 « И стануть намъ свозить
 « Казну золотую.»
60. Она ему отвѣщаетъ:
 — Кабы, де, братъ мнѣ казну золотую,
 — Были бы у меня горы золотыя,
 — Отъ Востока и до Запада.—
 Вынимаетъ пилы невидимыя,
65. Потираетъ его по рукамъ и по ребрамъ.
 Возговорить храбрые человекъ Аника:
 « О Смерть, страшна и грозна!
 « Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ,
 « Есть у меня казна золотая,
70. « Раздамъ я ее по тюрьмамъ,
 « [По тюрьмамъ] и по богадѣльнямъ:»
 Она ему отвѣщаетъ:
 — Казна твоя кровавая
 — Душѣ твоей не помога.—
75. Вынимаетъ пилы невидимыя,
 Потираетъ его по костямъ и по жиламъ.
 Возговорить храбрые человекъ Аника:
 « О Смерть, страшна и грозна!
 « Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода:
80. « Есть у меня отецъ и мать,
 « Дай ты мнѣ съ отцомъ съ матерью простить-
 « ся.»
 Она ему отвѣщаетъ:
 — Какъ же ты, бхаль*) на ратное дѣло,
 — За чѣмъ съ отцемъ съ матерью не простил-
 « ся?—
85. Вынимаетъ пилы невидимыя,
 Потираетъ его по костямъ, по жиламъ,
 Аника на конѣ шатается,
 И смертныя уста запекаются;
 Аника съ коня повалился.

*) Т. е. бхавши, бдучи.— О.

**) Въ поле, на подвиги, могущіе встрѣтиться.— О.

90. Тутъ по Аникѣ и слава *) 3).

Двадцать лѣтъ тому назадъ это напечатано было въ Современникѣ, 1840 г., т. XVII, стр. 140—142; потому какъ новость, за исключеніемъ вступленія (12-ти первыхъ стиховъ), помѣщено и вызвало многія разсужденія въ Русскомъ Словѣ, 1859 г., № 1-й, стр. 90—94, и въ Летош. Русск. Литер., 1859 г., кн. 2. Въ доказательство, что это одно и то же, только съ ошибками отъ неправильной переписки или неправильнаго чтенія, мы въ слѣдъ за снмъ печатаемъ:

*) Ср. выше.—О.

3) Вынимаетъ Смерть пилю невидимы,
 Подпиляетъ у Аники становяя жилю
 И тѣ подъ колѣны рѣзвля ноги.
 Аника, будто пьяный, на конѣ зашатался,
 Рѣзвля ноги подвинулись.
 Бѣлыя руки овустились,
 Ясныя очн помутились,
 Буйная глава съ плечь повалилась.
 И Аника съ коня повалился,
 О сырую землю поразился.
 Аника плачетъ и рыдаетъ,
 Смерть матерью родимой называетъ:
 «Гордая Смерть сотворенна,
 «Отъ Христа по меня, Смерть, посланная!
 «Дай ты мнѣ строку и вѣку,
 «На тридцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:
 «Я поѣду во свой домъ, побываю,
 «Есть у меня, у Аники, казны много,
 «Я съ тобой казной подѣлюся.»
 Аникѣ Смерть отверзаетъ:
 — Рабъ человекъ, Аника Воинъ!
 — Есть на землѣ много изъ царей, царевичевъ,
 — Изъ королей, королевичевъ,
 — Изъ богатыхъ богатые:
 — Они бы со мной казной подѣвлялись.
 — У меня бы казны было много,
 — Была бы казна золотая
 — Отъ Востоку солнца до Заката.
 — Нѣтъ тебѣ строку и вѣку.

3.

(Вологда).

Идетъ Аника черезъ поле,
 На встрѣчу Аникѣ идетъ Чудо:
 Голова у Чуда человѣческа,
 Волосы у Чуда до пояса,
 5. Тулово у Чуда звѣриное,
 А ноги у Чуда лошадиныя.
 Аника на конѣ остановился

— На двадцать лѣтъ тебѣ вѣку. —

Аника плачетъ и рыдаетъ,

Смерть матерью родимой называетъ:

« Гордая Смерть сотворенна,

« Отъ Христа по меня, Смерть, послашай!

« Дай ты мнѣ строку и вѣку,

« На двадцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:

« Я поѣду въ свой домъ, побываю,

« У меня въ дому казны много,

« Я свою казну расточаю

« По тѣмъ церквамъ по соборнымъ,

« По тѣмъ тюрьмамъ-богадѣльнямъ

« И по тѣмъ по бѣднымъ по людямъ,

« По всей по нищей по братьи,

« Не будетъ ли моей душѣ помощь.»

Аникѣ Смерть отверзаетъ:

— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!

— У тебя казна не трудовая,

— У тебя казна праховая,

— У тебя казна слезовая.

— У тебя ли съ кроволитя нажитая:

— Да не будетъ твоей душѣ помощь.

— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,

— На десять лѣтъ тебѣ вѣку. —

Аника плачетъ и рыдаетъ,

И этому Чуду дивился:

« Скажи ты мнѣ, Чудо, повѣдай:

10. « Царь ли ты, ли царевичь,

« Король ли ты, королевичь,

« Или ты сильный-могучій богатырь?»

Чудо ему отвѣчаетъ:

Смерть матерью родимой называетъ:

« Гордая Смерть сотворевна,

« Отъ Христа по меня посланная!

« Дай ты строку и вѣку

« На десять лѣтъ ты мнѣ вѣку:

« Я поѣду въ свой домъ, побываю,

« Я сниму твой ликъ на икону,

« Поставлю во церковь во соборну,

« Будемъ мы тебѣ поклоняться

« И будемъ тебѣ все покаряться,

« Будемъ тебѣ молебны исправляти

« И будемъ въ канонѣ тебѣ читати

(Читати тебѣ канонъ, праздновати тебѣ канонъ или канунъ, какъ празднику, варити на праздниство канунъ, шва ячмня, собирать пиръ).»

Аникѣ Смерть отвѣраетъ:

— Рабъ человекъ, Аника Воинъ!

— Нельзя мнѣ во церкви стояти,

— Нельзя мнѣ молебны исправляти,

— Нельзя мнѣ въ канонѣ читати.

— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,

— На пять лѣтъ тебѣ вѣку. —

Аника плачетъ и рыдаетъ,

Смерть матерью родимой называетъ:

« Гордая Смерть сотворенна,

« Отъ Христа по меня, Смерть, посланная!

« Дай ты мнѣ строку и вѣку,

« На пять лѣтъ ты мнѣ вѣку:

« Я поѣду въ свой домъ, побываю,

« Есть у меня казны много,

« Есть у меня отецъ-матя,

« Есть у меня родъ и племя,

- Я не царь, не царевич,
 15. — Не король, не королевич
 — И не сильный-могучій богатырь,
 — А я Смерть, страшна и грозна,
 — Вельми непомѣрна,
 — Сердцемъ своимъ непосульна.

« Есть у меня друзи-братья.

« Я поѣду—съ ними распрощуся.»

Аникъ Смерть отвѣзаетъ:

— Рабъ человекъ, Аника Воинъ!

— Нѣтъ у меня, у Смерти, ни отца, ни матери,

— Ни роду, ни племени,

— Ни друзи, ни братиѣ.

— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,

— На три часа тебѣ вѣку.

— Гдѣ я раба застаю,

— Тутъ раба я искушаю (ср. выше).

— Хотя я при церквѣ при соборной,

— Хотя при торгу при базарѣ,

— Хотя я при пиру при бесѣдѣ,

— Хотя я при пути при дорогѣ,

— Хотя я во чистомъ во полѣ,

— Хотя во темномъ во лѣсѣ,

— Хотя па снемъ на морѣ,

— Тутъ я раба застаю,

— Тутъ я раба искушаю.

— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,

— На три минуты тебѣ вѣку.—

Солетали съ небесъ ангелы Господни,

Вынимали Аникину душу

(Заключеніе какъ въ Стихахъ).

Аникъ слава и держава во вѣки вѣковъ

(« Емуже — Богу, Христу — слава и держава во в. в.в. — обыкновенное заключеніе древнихъ рукописей, переносимое часто и въ Стихи, а здѣсь приуроченное Аникѣ).

*

20. — Кто сотворилъ небо и землю,
 — Кто сотворилъ облака и звѣзды,
 — Тотъ меня сотворилъ,
 — По всей землѣ попустилъ.
 — Гдѣ кого застану,—искошѣю,
 25. — Въ пути въ дорогѣ застану,—искошаю,
 — Въ избѣ, на подворьѣ застану,—искошаю:
 — Хочу и тебя, Анвка, искосити.—
 Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
 « Я палицу подыму, палицей пришибу,
 30. « Либо коня попушу, конемъ потопчу,
 « По главѣ по твоей.»
 Она ему отвѣчаетъ:
 — Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
 — Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь,—
 35. — Я ихъ искосила:
 — Хочу и тебя, Аника, искосити.—

- Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
 « О Смерть, страшна и грозна!
 « Дай ты мнѣ сроку на два года:
 40. « Сострою я тебѣ церковь,
 « Спишу твой ликъ на иконѣ,
 « Поставлю твой ликъ на престолѣ,
 « И стануть къ намъ сѣѣжаться
 « Князья и бояре,
 45. « И сильные-могучіе богатыри,
 « И стануть намъ свозить
 « Казну золотую.»
 Она ему отвѣчаетъ:
 — Кабы, де, брать мнѣ казну золотую.
 50. — Были бы у меня горы золотыя
 — Отъ Восхода до Заката.—
 Вынимаетъ пилы невидимыя,
 Цотираетъ ею *) по рукамъ, по ребрамъ.
 Возговорить храбрый человѣкъ Аника:

*) Ошибкою переписано или прочтено вмѣсто « его: » ср. предыдущій №.— О.

55. « О Смерть, страшна и грозна!
 « Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ:
 « Есть у меня казна золотая,—
 « Раздамъ я ее
 « По тюрьмамъ, по богадѣльнямъ.»
60. Она ему отвѣчаетъ:
 — Казна твоя кровавая,
 — Душѣ твоей не помогла *).—
 Вынимаетъ пилы невидимыя,
 Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
65. Возговорить храбрый человекъ Аника:
 « О Смерть, страшна и грозна!
 « Дай ты мнѣ сроку на полгода:
 « Есть у меня отецъ и мать,—
 « Дай ты мнѣ
70. « Съ отцомъ съ матерью проститься.»
 Она ему отвѣчаетъ:
 — Какъ же ты, ѡхаль на ратное дѣло,
 — За чѣмъ съ отцомъ съ матерью не простился?—
 Вынимаетъ пилы невидимыя,
75. Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ:
 Аника на конѣ шатается
 И смертныя уста запекаются;
 Аника съ коня повалился:
 Тутъ по Аникѣ и слава.

(Напечатано вторично г. Н. Бунаковымъ, какъ записанное некогда въ Вологдѣ однимъ изъ его знакомыхъ).

Жилъ на землѣ храбрый человекъ Аника Воишь.
 Много Аника по землѣ походилъ,
 И много Аника войны повоевалъ,
 И много Аника городовъ раззорялъ.

*) Ошибка вмѣсто « не помога, » « не подмога. » — О.

5. Много Аника церквей растворивши,
И много Аника ликъ Божіихъ поругавши,
И много Аника святыя иконы переколовши,
Много Аника христіанскія вѣры облатынилъ.
Добирается Аника до начальнова граду Ерусалиму.
10. И хочеть Аника начальной градъ Ерусалимъ разво-
рети,
И соборную церкву растворити,
И хочеть ликъ Божій поругати,
И святыя иконы хочеть переколоти,—
И гдѣ на воздусѣ гробница пребывала,
15. Гдѣ дьявань-ладанъ изъ кадила вонь не выходитъ,
И гдѣ горять свѣчи неугасимы.
И поѣхалъ Аника домѡю,
Садился Аника на дѡброва кѡня,
И поѣхалъ Аника въ чистое поле погуляти,
20. Начальной градъ Ерусалимъ раззорати.

До половины пути начальнова граду Ерусалима не
доѣхалъ,

- При пути при дороги
Аники же Чудо объявилось:
У Чуда ноги лошадины,
25. У Чуда тѣлово звѣрино,
У Чуда буйна глава человѣчья,
На буйной главѣ власы до спясу.
На то же Аника удивилса
И тому же Аника разсмѣхнулса:
30. « Скажи ты мяѣ, Чудо, проповѣдай:
« Царь ли ты, царевичъ. король ли ты, королевичъ,
« Али ты русская могучая-удалая поленица?»
Аникѣ же Смерть проглаголяла:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
35. — Я ни царь, ни царевичъ, ни король, королевичъ,
— Я и не русская мугучая-удалая поленица:
— Я гордая Смерть сотворѣнна,
— Отъ Господа Бога поущѣнна
— По твою, по Аникину, душу.

40. — Хочу тебя, Аника, искупить *),
 — На мать на сырую землю поразить.—
 Аника на то же удивился,
 Аника тому же разсмѣхнулся:
 « Я прежде про Смерть слыхомъ не слыхалъ.
45. « И видомъ не видалъ,
 « А теперь я предъ собою ее вижу.
 « Сказали мнѣ про Смерть.—
 « Страшна, грозна и непомята:
 « Я этою Смерти не боюсь,
50. « На главу палицу боевую воздыму
 « И тебя, Смерть, я ушибу,
 « И на мать на сырую землю поражу.»
 И Аникѣ же Смерть проглаголела:
 — Ты храбрые человекъ, Аника Воинъ!
55. — Жилъ на землѣ сильной-могучой Святигоръ бога-
 тырь,
 — Жилъ на землѣ сильной-могучей Молохеръ **) бога-
 тырь,
 — Жилъ на землѣ сильной-могучой и Самсонъ бога-
 тырь:
 — И тѣ мнѣ, Смерти, покорился,
 — И тѣ мнѣ, Смерти, поклонился;
60. — А ты же, храбрые человекъ Аника Воинъ,
 — И не хошь ты мнѣ, Смерти, покориться,
 — И не хошь ты мнѣ, Смерти, поклониться?—
 Аника на то же не взираетъ,
 И палицу боевую на главу воздымаетъ,
65. И хочеть Смерть ушибити,
 На мать на сырую землю поразити.
 И Смерть вынимала пилы невидимы,
 И подпилила у Аники въ рукахъ и въ нозяхъ станов-
 пия жылы.
 У Аники въ стременахъ рѣзвыя нозѣ подогнулись,
70. У Аника бѣлыя руцы опустились,

*) Ср. выше.--О.

**) Олохеръ.—О.

У Аники бѣло лицо помрачилось.
 У Аники очи ясныя помутились.
 Аника буйна глава долой съ плечь покатилаь.
 П, яко пьяныя, Аника на конѣ зашаталса,
 75. Упалъ же храбрые человекъ Аника Воишь
 На мать на сырую землю.

Плачетъ—рыдаеть храбрые человекъ Аника Во-
 ишь,

Онъ Смерть матерью родною называить:

- « Ты гордая мать сотворѣнна,
 80. « Отъ Господа Бога поущѣнна!
 « Дай ты мнѣ вѣку на двадцать лѣтъ.
 « И домою дай уѣхать:
 « Я поѣду въ домо-ть свой, побываю,
 « И много въ дому у меня житья-бытья,
 85. « Много злата и серебра,
 « Я расточу свою казну
 « По церквамъ, по монастырямъ,
 « И по нищеѣ братіѣ,
 « Хочу своей душѣ пользы получитьи
 90. « На второмъ суду на пришествіи.»
 Аникѣ же Смерть проглаголела:
 — Ты храбрые человекъ, Аника Воишь!
 — Твоя казна не трудовая,
 — Твоя казна пороховая,
 95. — И святъ духъ *) дохнѣтъ.
 — Твоя казна прахомъ пройдетъ, провалится.
 — Не будетъ твоей душѣ пользы
 — И на второмъ суду на пришествіи.—
 Плачетъ — рыдаеть храбрые человекъ Аника Во-
 ишь,

100. Онъ Смерть матерью родною называетъ:
 « Ты гордая мать сотворѣнна,
 « Отъ Господа Бога поущѣнна!
 « Дай ты мнѣ вѣку на десять лѣтъ,

*) Здѣсь просто—вѣтеръ. — О.

- « Домою дай уѣхать,
 105. « Я поѣду въ домо-ть свой, побываю,
 « У меня въ дому много житья-бытья,
 « Много злата и сѣребра,
 « Я съ тобою бы казной подѣлился,
 « Что тебѣ надобно, то съ меня возми.»
110. Аникѣ же Смерть проглаголела:
 — Ты храбрые человекѣкъ, Аника Воинъ!
 — Мрутъ на землѣ цари и царевичи,
 — Мрутъ на землѣ короли и королевичи,
 — Мрутъ на землѣ сильны и богаты,
115. — И всѣ православные христіани;
 — И тѣ бы мнѣ казной подѣлялись:
 — Кобы мнѣ со всякова человекѣка казны брати,
 — Была бы у меня гора золотая накладена
 — Отъ востоку сонцу и до западу.—
120. Плачеть-рыдаеть храбрые человекѣкъ Аника Воинъ,
 Онъ Смерть матерью родною называетъ:
 « Ты гордая мать сотворенна,
 « Отъ Господа Бога поущенна!
 « Дай ты мнѣ вѣку на три года,
125. « Домою дай уѣхать,
 « Я поѣду въ своё-ть домъ, побываю,
 « У меня въ дому житья-бытья много,
 « Много злата и сѣребра,
 « Я состроилъ бы тебѣ соборную церкву,
130. « Я сплещу твой ликъ на икону,
 « И поставлю твой ликъ въ Божію церкву на пре-
 столѣ,
 « И стануть къ тебѣ съѣжатса цари и царевичи,
 « Короли и королевичи,
 « Сильные и богатые,
135. « И всѣ православные христіани,
 « Стануть на тея Богу молятся,
 « И стануть я тебѣ мѣсны молебны *) служить,

*) Мѣстныя иконы, подымаемыя при молебнахъ, а самыя молебны обыкновенно честныя. — О.

- « Частой канунъ говорити »).
- « И стануть тея украшати
140. « Каменьями драгоцѣнными.»
- Аникѣ Смерть же проглаголеа:
- Ты храбрые человекъ, Аника Воинъ!
- Не можно мнѣ строить соборную церковь,
- Не можно мой ликъ писать на иконахъ,
145. — Не можно мнѣ стоять во Божьей церкви на престолѣ
- И не можно на меня Богу молитца,
- Не можно мнѣ мѣсны молебны служить,
- Частой канунъ говорити,
- И не можно меня украшати
150. — Каменьями драгоцѣнными.—
- Плачеть-рыдаеть храбрые человекъ Аника Воинъ,
- Онъ Смерть матерью родною называетъ:
- « Ты гордая мать сотворѣнна,
- « Отъ Господа Бога попушѣнна!
155. « Дай ты мнѣ вѣку на единый часъ, на единую мину-
ту,
- « Я поѣду въ домо-ть свой, побываю,
- « У меня въ дому есь отецъ и мать,
- « Есь и малыя дѣти,
- « Есь молодая жена,
160. « Есь и сродники, и пріятели,
- « Я съ отцомъ бы со матерью простился,
- « И попросилъ бы великое благословенье,
- « И благословилъ бы я своихъ малыхъ дѣтокъ,
- « И простился бы съ своей молодой женой,
165. « И съ сродниками, и съ пріятелями.»
- Аникѣ Смерть же проглаголеа:
- Ты храбрые человекъ, Аника Воинъ!
- Нѣтъ у меня, у Смерти, не отца и не матери,
- Нѣтъ и малыхъ дѣтокъ,
170. — Нѣту и молодой жены,
- Нѣтъ ни сродниковъ, ни пріятелѣвъ.

*) Ср. выше, частой—честной.—О.

- Меня Господь возлюбилъ
 — И по землѣ попустилъ:
 — Я всякова раба вознимаю,
 175. — Я всякова раба воскушаю;
 — Я гдѣ раба застигаю,
 — Я тутъ раба воскушаю:
 — Хоть во чистымиъ полѣ,
 — Хоть на синиимъ морѣ,
 180. — Хоть въ тѣмнымиъ лѣсѣ,
 — Хоть при пути при дороги:
 — Я тутъ раба и воскушаю;
 — Гдѣ тужуть-плачуть,
 — Тутъ миѣ, Смерти, и праздникъ.—
 185. Сослалъ Господь по Аникину душу
 Двухъ ангеловъ, двухъ архангеловъ,
 И вынули Аникину душу
 Сквозь рѣберъ-костей,
 И не чѣсно не хвѣльно, и не радушно,
 190. Посадили Аникину душу на копіе,
 И вознесли Аникину душу вельмы высоко,
 И возрынули *) Аникину душу во тьму глыбоко,
 Въ муку вѣчную, во плящай **) огонь ***).
 Славенъ Господи Богъ ****), прославилса,
 195. И велика его милость Господня *****).

(Изъ доставленнаго во II-е отд. Ак. Н.; ср. Сборникъ г. Варанцова, стр. 120—127;
 къ сожалѣнію не означено, гдѣ записано).

*) Сринули, инаринули.—О.

**) Палашій.—О.

***) Заключение изъ Стиха объ Лазарѣ (богатомъ).—О.

****) Господь и Богъ?—О.

*****) Такое заключение обыкновенно бываетъ въ Стихахъ.—О.

- Сильный и славный,
 Храбрый Аника Воинъ,
 Ъздя по чисту полю,
 И приде къ нему Смерть,
 5. И рече ему: « О человѣче!
 « Азь къ тебѣ пришла,
 « Погубити тебя.»
 И рече Аника Воинъ:
 — Чтò ты за баба,
 10. — Чтò за пїяница?
 — Азь я **) тебя не боюсь,
 — И кривыя твоя косы
 — И оружїя твоего
 — Не страшусь:
 15. — Азь есть Воинъ,
 — Ъзжу по чисту полю,
 — Много побилъ ***) царей и королей,
 — И сильныхъ богатырей.—
 « Да азь къ тебѣ пришла,
 20. « Погубити тебя.»

- Потомъ Аника Воинъ
 Въ силѣ своей изнеможе,
 И рече ей:
 — О Смерте, мати моя!
 25. — Дай мнѣ сроку на годъ.—
 И рече Смерть:
 « Нѣтъ тебѣ не на полгода.»
 И рече Аника:
 — Дай мнѣ на три мѣсеца.—

*) Съ любочной картинки, изъ собранїя Д. А. Ровинскаго.—Это собственно Бабыя Старина, со свойственнымъ ей складомъ и распѣвомъ.—Исправляемъ правописанїе, но языкъ оставляемъ безъ всякой перемѣны.—О.

**) То есть прежде было « азь, » а потомъ для поясненїя поставлено « я. » на картинку же попало то и другое.—О.

***) Разнорѣчіе съ другой картинки: « побивалъ. »—О.

30. И рече Смерть:
 « Нѣтъ тебѣ не на три недѣли.»
 И рече Аника:
 — Мати моя, Смерть!
 — Дай мнѣ на три недѣли.—
35. И рече Смерть:
 « Не даю тебѣ
 « Ни на три дни.»
 И рече Аника:
 — Дай мнѣ на три дни.—
40. « Не даю тебѣ
 « Ни на три часа.»
 И рече Аника:
 — Мати Смерть!
 — Много у меня есть
45. — Злата и сребра,
 — И каменія драгаго:
 — Дай мнѣ раздати имѣніе.—
 И рече Смерть:
 « Жилъ ты на вольномъ свѣти,—
50. « Для чего ты
 « Не раздавалъ имѣніе?
 « Нѣтъ тебѣ сроку ни на часъ *).»
 И рече Аника:
 — Дай мнѣ на три часа,
55. — Попоститися Богу **).—

*) Смыслъ конечно таковъ:

Жилъ ты, Аника,
 На вольномъ свѣту,—
 Для чего ты, Аника,
 Не раздавалъ имѣніе?
 Нѣтъ тебѣ, Аника,
 Сроку ни на часъ.

Чтобы уяснить конецъ на картинкѣ, нужно было сократить.— О.

**) Разнорѣчіе: « покаятися. » — Вѣроятно:

Попоститися,
 Богу помолитися.— О.

« Нѣтъ тебѣ ни на полчаса.»
И подкоси его Смерть
Кривою косою,
И падъ Аника съ коня,
60. И умре.

—

Конецъ пьесы 4-го выпуска.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 4-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. ВЛРЪВСКИИЪ.

ЗАМѢТКА.

Дополнительный выпускъ, возвращая насъ къ богатырямъ, которые частію были уже выведены въ прежнихъ выпускахъ, частію не могли помѣститься тамъ по разнымъ обстоятельствамъ и теперь являются вновь, тѣмъ самымъ даетъ намъ поводъ сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ и другихъ, чтобы заключить Владимірово время.

Еще разъ передъ нами *Илья Муромецъ*, и во первыхъ — въ битвѣ съ Соловьемъ. Соловей является какъ «*Алатырецъ некрещеный*»; ступимъ далѣе, и въ 3-мъ № находимъ *Илью*, по известному разсказу о Сокольникѣ или Борискѣ Збуть, въ связи съ «*Бабой Алатыгорскою, отъ моря Студенаго*»; здѣсь мѣсто и время уяснить подобныя названія и скрытые подъ ними намеки.

Средоточіемъ всѣхъ этихъ именъ, и связанныхъ съ ними представленій, является камень *Алатырь, Латырь, Бѣлый Латырь, Бѣллатырь*. Послѣ остроумнѣйшей догадки покойнаго Н. И. Надеждина, высказанной въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. IV, ч. 2, Смѣсь, стр. 36—38, не остается никакого сомнѣнія, что это знаменитый *Электръ* (*электронъ* или *илектронъ*), драгоценный товаръ первыхъ морскихъ торговцевъ Финикіянъ, переданный и преемникамъ ихъ, Грекамъ и Римлянамъ. Его главною родиной, съ отдаленнѣйшей древности, было Балтійское море, доселѣ изобилующее янтaremъ по всему южному берегу отъ Копенгагена до Курляндіи: изъ Пруссіи, гдѣ онъ составляетъ государственныя источники доходовъ, присяжные искатели отправляются туда и длинными шестами изъ лодокъ ломаютъ янтарь по берегу въ глыбахъ рыхлой земли.

Побережье Балтійскаго моря заселено было Славянами при самомъ ихъ появленіи на попріще исторіи. Края Руси, развѣщенные въ водоемѣ этого моря, водившіе издревле по немъ торговлю или просто ближайшіе по сосѣдству, сберегли для насъ древнѣйшіе, опредѣленнѣйшіе и самые яркіе образы и выраженія о камнѣ Алатырь, объ его добываніи, объ морѣ—его родникѣ, о развозѣ его и употребленіи.

Такъ Литовское племя, всегда здѣсь сосѣдствовавшее съ Славянскимъ, выработало для камня названіе «*gintaras*», усвоенное впоследствии и Русскими, «*янтарь*»; безспорно это передѣлка изъ того же «*алатыря*».

Бѣлая Русь рассказываетъ въ Стихѣ, Голубиной Книгѣ:

Ахъ *Латырь-моря* всеиъ моряиъ отецъ,
 А *Латырь-камень* камняиъ отецъ.
 Потому *Латырь-моря* всеиъ моряиъ отецъ,
 Потому *Латырь-камень* всеиъ камняиъ отецъ:
 Ляжить ёпъ сриди моря,
 Сриди моря, сриди снява,
 Идутъ по морю много корабельщиковъ,
 Глаи (возлѣ) тово камня останавлюваются,
 Яны баруть много съ яво снадобья,
 Посылають по всяму свѣту бѣлому.

(Ср. «*Казѣки Переходіе*»,» вып. 2, стр. 362—368.)

Для этого края Руси, а вмѣстѣ и для древнѣйшихъ Славянскихъ поселеній, море Балтійское является главнымъ, старшимъ; какъ мѣсто добычи янтара, оно прозвано само *Латырь-моремъ*; камень является отцомъ прочихъ, какъ камень по преимуществу, какъ главный товаръ древнѣйшей торговли; описать и самый торгъ, развозившій янтарь какъ снадобье по всему свѣту. Известно, что янтарь цѣнился у древнихъ не по одной красотѣ, а именно какъ снадобье и лѣкарство, носившееся въ амулетахъ: такъ и у насъ янтарь былъ издревле не только любимымъ ожерельемъ, но вмѣстѣ *оберегомъ* шеи и груди, и всего тѣла; самое названіе *ладонки* едва ли не происходитъ отсюда же, отъ *латыря* (*латырка*, *латонка*), и только развитіе христіанства ввело сюда *ладонь*, близкій и по имени. Многочисленные русскіе заговоры подтверждаютъ то же самое: здѣсь Алатырь и Латырь, какъ «*бѣль-горючь камень*», по

народнымъ представленіямъ, одаренъ высшею цѣлебною силой противъ всякихъ болѣзней, такъ что одно имя его служить уже заговоромъ недуга и спасеніемъ; по описанію, онъ лежитъ обыкновенно «на морѣ Окійиѣ, Кіянѣ,» или просто «на синемъ морѣ,» большею частію на «островѣ Буянѣ;» но мѣръ распространенія сказаній внутрь Руси, море и островъ представляются отдаленнѣйшими: таковы же были они по отдаленности Славянскихъ поселеній и торговыхъ промысловъ на Балтійскомъ морѣ. Любопытно замѣтить при этомъ постоянное русское прозвище всякаго камня — «бѣль и горючъ.» Перенесенное на янтарь, названіе «бѣлый» означаетъ конечно блескъ и свѣтъ, какъ «бѣлый день», «бѣлый свѣтъ.» Но названіе «горючаго» бросается въ глаза странностью: на Югѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ Славянъ при началѣ уже положительной ихъ исторіи, камень, мѣсто отдохновенія въ тѣни, подушка ночью, окрѣпающая ключа и водоема, долженъ былъ соединяться въ представленіи съ прохладой; и дѣйствительно, Славяне Южные, Сербы и Болгары, доселѣ удержали въ народномъ языкѣ постоянное прозвище для камня — «хладенъ» и «студенъ.» Въ краю противоположномъ, въ странѣ холода, выразилось и противоположное впечатлѣніе: здѣсь отецъ камней, камень по преимуществу, алатырь или янтарь былъ «горючимъ;» и, какъ названіе «бѣлаго» перенесено на янтарь отъ всякаго камня, отдѣляющагося отъ земли и бѣляющагося, такъ на оборотъ имя «горючаго» Русь перенесла отъ янтаря на все камни.

Псковичи, торговавшіе съ древнимъ славянскимъ прибалтійскимъ союзомъ, съ Ганзою, поютъ въ томъ же Стихѣ, Голубиной Книгѣ:

Бѣлый Латырь-камень всемъ камнямъ отецъ:
 Съ-подъ камешка съ-подъ бѣлаго Латыря
 Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
 По всей землѣ, по всей вселенную,
 Всему міру на исцѣленіе,
 Всему міру на пропитаніе.

(Кал. Перех., вып. 2, стр. 313.)

Извѣстно, что по народному представленію море и море-Окійиѣ есть источникъ для всехъ рѣкъ; а на этомъ морѣ лежитъ Латырь, и Латырь цѣлебный: отсюда, изъ подъ того камня, все рѣки, отсюда цѣленія.

Новгородцы, стоявшие въ однихъ обстоятельствахъ торговли, какъ и Псковичи, изображая самаго отважнаго своего удалца Василя Буслаева, передаютъ намъ, что конецъ его подвигамъ положили «бѣль-горючъ камень», что черезъ него-то удалецъ перепрыгивалъ, на немъ же запнулся и нашелъ смерть. Въ сказкѣ, которую приведемъ мы въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, мѣсто камня Алатыря и въ томъ же значеніи занимаетъ «морская Пучина»: «Лежитъ тутъ морская Пучина, вокругомъ глаза; онъ — Василій Буслаевъ — вокругъ ее похаживаетъ, саможкомъ ее пошнываетъ, а она ему и говоритъ: «Не пинай меня, и самъ тутъ будешь.» Вотъ послѣ этого рабочіе его разошлись межъ собой и стали скакать чрезъ морскую Пучину; всѣ перескакали; онъ скокнулъ нанослѣдъ, и задралъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.» Ясно, что Пучина, въ видѣ Медусы, могла явиться вмѣсто «бѣль-горючаго камня» потому лишь, что самый камень, Алатырь, лежалъ среди моря, на морѣ. Любопытно, что славянское «Пучина,» въ древней формѣ «Пячина,» есть исконное названіе для моря, то же, что греческое «Πυτος,» латинское «pontus;» а по законамъ языкознанія несомнѣнно, что это греческое и латинское слово въ славянской формѣ будетъ «Пѣть,» «Пѣть (съ носевымъ, *понть, понть*),» т. е. *путь*. Никто не удивится такому сближенію, вспомнивши, что горы разъединяютъ народъ, а море сближаетъ, что море именно есть путь, путь по преимуществу торговый, какииъ и было оно для Финнкіянъ и Грековъ; сравните, при формѣ «pontus,» латинское «pon-s,» «pont-is,» какъ мостъ, тотъ же «пѣть» черезъ рѣки: наше выраженіе «путь-дорога,» изъ котораго вторую половину, т. е. «дорогу» нельзя употребить въ смыслѣ плаванія или путешествія по рѣкамъ и морямъ, намекаетъ также, что «путь» есть именно, по древнему значенію слова, для воды. Такъ точно, рядомъ съ «пучиною,» мы Русскіе имѣемъ доселѣ древнѣйшую форму—«путина,» «путинка,» ходъ по рѣкѣ, какъ выражаются наши бурлаки. Итакъ, представленіе Новгородцевъ въ помянутыхъ пѣсняхъ и сказкахъ соединяетъ съ моремъ и алатыремъ, съ пучиной и бѣль-горючимъ камнемъ, древнѣйшіе торговые пути по морю.

Еще шагъ по тѣмъ же краямъ Руси, отъ Литвы, Руси Бѣлой, Пскова, Новгорода,—и Олопецкая область, высказавшаяся такъ ясно въ пѣсняхъ, собранными П. Н. Рыбниковымъ, выводитъ намъ страшную *Бабу-Латымірку* (ч. I, стр. 79, 80), отъ того же «Ла-

тырь-міра » или просто « Латыря. » А область Архангельская, однимъ еще шагомъ на Сѣверъ, въ помѣщенной у насъ пѣсни № 3, соответственно « Латыміркѣ » даетъ *Бабу-Латыгорку*, отъ « Латырь-горы », гдѣ *гора* принята въ древнѣйшемъ славянскомъ значеніи—« берега. »

По мѣрѣ этого удаленія отъ Литвы, Бѣлой Руси, и вообще краевъ ближайшихъ къ Балтійскому морю, по мѣрѣ расширенія Руси отъ древнѣйшихъ поселеній по Балтикѣ съ одной стороны къ Сѣверу, съ другой къ Югу, Дунаю и Черному морю, измѣняются и представленія объ Алатырѣ. Въ нашей пѣсни изъ Архангельска, № 3-й, представительница Алатыря, Баба-Латыгорка съ сыномъ выводится уже « отъ Студенаго моря, » т. е. Бѣлаго, и всего Сѣвернаго океана (см. стр. 17): слѣдовательно Алатырь представляется уже тамъ, гдѣ развилась и главная торговля Архангелогородцевъ; самое прозвище « бѣлый » должно было способствовать представленію.—Съ другой стороны, въ тѣхъ Стихахъ о Голубиной Книгѣ, которые вытекаютъ изъ Стиховъ, Списковъ или Свитковъ Иерусалимскихъ, т. е. шли съ Юга, сѣдалищемъ Алатыря является уже море Черное, называвшееся иначе « Теплымъ ; » представленію способствовало и названіе камня Алатыря « горячимъ : » совершенно та же мѣна прозвищъ для моря, « Студенаго » и « Теплаго, » мѣна между областями Юга и Сѣвера, какъ видѣли мы выше въ мѣнѣ прозвищъ « горячаго » и « хладнаго » или « студенаго » для камня. Такъ читаемъ въ одномъ изъ списковъ Голубиной Книги, ближайшихъ къ Свиткамъ Иерусалимскимъ:

Камнямъ камень-мать
 Кармауѣсъ камень *Иліторъ* (*илектронъ*):
 И лежитъ онъ у моря *Тѣлаю*,
 На восточномъ устьѣ Волгскомъ (*примѣшано* еще море Каспійское);
 А коя рыба съ моря пойдетъ
 И о камень потрѣтся,
 И на Русѣ той рыбы ловцамъ не добыть,
 И птицамъ еѣ не убить,
 И того году смерти ей не будетъ.

(Кал. Перех., вып. 2, стр. 338)

Здѣсь, хотя поприще дѣйствія перенесено уже къ Черному морю, а съ развитіемъ торговля даже къ Хвалынскому или Каспій-

скому, но въ основѣ тѣ же представленія объ Алатырѣ, его чудотѣйственной и цѣлебной силѣ, даже о тренин, этомъ поразительномъ для древнихъ свойствѣ янтара, давшемъ въ позднѣйшей наукѣ имя электричеству.

Такимъ путемъ мало по малу разошлись по всей Руси представленія и имена «Алатыря», до того, что перешли въ имена сель и городовъ: сюда причисляемъ мы, кромѣ *Алатыря*, и названіе *Ахтыр-ки*; въ народномъ же говорѣ передѣлано еще *Алабырь* и *Алаборь*, съ производными, въ значеніи какъ янтара (*алабырь*), такъ и хозяйства, домашняго устройства, распорядка (*алаборь*, *алаборить*), вытекавшаго изъ древняго представленія о янтарной и вмѣстѣ всей морской торговлѣ, предприимчивости, промышленности (противуположность—*безалаберщина*, *безпорядокъ*). Самый камень, по мѣрѣ отдаленности разныхъ краевъ Руси отъ моря, явился уже не морскимъ, а сухопутнымъ: такъ въ пѣсняхъ П. Н. Рыбникова (на прим. ч. I, стр. 149) «камень Латырь» вмѣстѣ со столь же таинственнымъ «сырымъ дубомъ Невиномъ», лежитъ въ чистомъ полѣ, на крестовыхъ дорожкахъ, т. е. на перекресткѣ, и получаетъ одинаковое значеніе съ Чуромъ, который извѣстенъ по нашимъ заговорамъ и которымъ *чурались*, *заклинались* и *заговаривались* (греч. *терма*, латин. «терминъ»; ср. ниже). Потому «бѣль-горючь камень», извѣстный по нашимъ пѣснямъ, который обыкновенно лежитъ поперекъ дороги на перекресткѣ, рѣшая судьбу, куда пускаться богатырю, суля ему то женидбу, то богатство, то смерть, ведетъ свое происхожденіе отъ того же древняго Алатыря, рѣшавшаго судьбу древнихъ странниковъ и торговцевъ; онъ только упрощенъ и введенъ въ обиходную жизнь.

Но, при этой обиходности понятій и именъ, древнѣйшія представленія не уничтожились и время отъ времени, тамъ и сямъ, возникаютъ и отзываются въ народномъ творчествѣ. По мѣрѣ прекращенія древней морской, Балтійской торговли, по мѣрѣ ухода съ того побережья Славянъ Русскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ среди положительной исторіи, въ теченіе XIII—XV вѣковъ, мало по малу Литва связалась съ Польшею, Бѣлая Русь подверглась имъ обніямъ, Корела, Корсь, и вообще Чудь подчинилась Нѣмцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Литва явилась «поганю», Корела «проклятою», Бѣлая Русь иноязычною, и т. п., предметъ древнѣйшихъ представленій отодвигался все далѣе и далѣе, покрывался туманомъ, оставялъ въ памяти народной одни лишь

загадочные образы, безобразныя тѣни. Въ представленіи народномъ обрисовался какой-то отдаленный край, гдѣ живутъ *Алаторы* (тѣ же *Алатырцы*; прежніе издатели пѣсень видѣли здѣсь *Лютѣраны*): Владимиръ посылаетъ Добрыню покорять ихъ, вмѣстѣ съ Чукшамъ и Чудью бѣлоголазую; тамъ цѣлый «Алатырскій міръ», ибо оттуда «баба *Латымірка* (ср. выше),» тамъ «Алатырская гора,» ибо оттуда «баба *Горынишка*,» «баба *Латыгорка* (ср. выше),» тамъ «царство *Алыберское* (ср. выше *алабырь*, *алаборь*, *безалаберщина*), воюющее съ Латинами и Литвою (ср. вып. 3, стр. 113—124); выходцы оттуда—то же, что Нѣмцы, люди нѣмые, безтолковые языкомъ, иностранцы, иноземцы (ср. народное «нѣмой алаборь» или «алабырь,» безтолковый, косноязычный, нѣмой; Словарь В. И. Даля, вып. 1, стр. 8); *Алатырь* и *Алатырецъ*—пройдоха, грубиятъ; наконецъ оттуда выходцы страшные, безобразные—Соловей-разбойникъ, «Алатырецъ некрещенный,» «баба *Латымірка*» и «*Латыгорка*.» Съ сими послѣдними возвращаемся мы къ Ильѣ Муромцу.

Почему Соловей-разбойникъ названъ «Алатырецъ,» догадки могутъ быть разныя: вѣроятно все, что по имени своему онъ сближенъ съ Соловьемъ Будиміровичемъ, который прѣѣзжалъ изъ за Волынскаго моря (можетъ статья съ Волина), съ Кодольскаго острова, изъ города Леденца, и въ которомъ мы видѣли образецъ морскыхъ, вѣроятно прибалтійскихъ, наѣздниковъ, тѣмъ болѣе, что на своемъ Соколѣ корабль онъ чуть было не погубилъ Илью Муромца и дѣйствительно былъ другою, только болѣе удавою и блестящею стороною Соловья-разбойника, тотъ же Соловей-разбойникъ, только не сухонутный, а морской (ср. Пѣсни П. Н. Рыби., ч. I, стр. 318—332, и въ «Замѣткѣ» стр. III). Но почему «баба *Горыничанка*,» «*Горынишка*,» въ сказкахъ «*Яга-баба*,» обрисована Алатыркой, это еще видѣте. Она, какъ извѣстно по пѣснямъ, владѣла несмѣтною золотою казною, спрятанною у нея: то же представленіе, что объ Алатырѣ, о древней торговлѣ, а вмѣстѣ о древнемъ богатствѣ. Далѣе—она мать извѣстнаго Збута, Боряска, Сокольника, Поляницы: Илья прижилъ его въ дальней сторонѣ, одолевъ «бабу» съ бою (ср. Пѣсни П. Н. Рыбник.). Переходъ древнѣшаго начала къ новому, древней жизни въ новую, выражается въ мѣологіи, какъ извѣстно, тѣмъ, что это начало дѣлается сперва доступнымъ, податливымъ, женственнымъ, и потомъ блудитъ съ началомъ новымъ. Такъ начало древнѣйшей Славяно-русской

жизни, начало, о коемъ мы говорили, — назовемъ его «Алатырскимъ,» при переходѣ къ жизни послѣдующей, приняло въ творчествѣ образъ женщины, «бабы,» хотя еще мужественной, страшной; представитель начала новаго, сложившагося міра-народа, Илья Муромецъ, по старшинству ближайшій къ пройденному періоду, вопреки послѣдующему своему образу, въ которомъ является всегда степеннымъ и холостымъ, не падкимъ на женщинъ, однако соблюдалъ когда-то съ «бабой,» и именно когда она жила съ стихійнымъ богатыремъ Святогоромъ (ср. Пѣсни П. Н. Рыбникова). Плодомъ была опять реакція древняго начала: сынъ Збугъ явился образцемъ враговъ сложившагося русскаго міра-народа, жестокимъ, бродячимъ удалцемъ, похожимъ на старыхъ стихійныхъ богатырей; онъ даже задумалъ убить отца своего, и только по счастью новое начало побѣдило въ лицѣ проснувшагося Ильи Муромца.

Алатырскій періодъ жизни, какъ видите, соответствуетъ періоду стихійному, бродячему, кочевому, и, какъ тотъ же послѣдній, отодвинувшись представленіями въ далекую глубь, высылалъ изъ себя страшныхъ чудовищ, враговъ новаго порядка вещей.

Таковы были судьбы древнѣйшихъ представленій, связанныхъ съ именемъ Алатыря. Въ дальнѣйшемъ ходѣ, при развитіи и водвореніи христіанства, представленія эти измѣнились кореннымъ образомъ. Когда послѣ древнихъ торговыхъ путешествій явились странствованія по святымъ мѣстамъ, и особенно въ Іерусалимъ; когда мѣсто Старшихъ и Владиміровыхъ богатырей заняли Калѣки Перехожіе, и притомъ уже мирные, нищіе, пѣвцы Стиховъ; когда вмѣсто Былинъ, съ возобладавшими интересами религиозными стали являться чаще Стихи, а самая Голубиная Книга отъ древнѣйшихъ языческихъ, космогоническихъ и теогоническихъ, представленій, стала вырабатываться возрѣніями болѣе христіанскими (ср. Кал. Перех., выш. 2, замѣчанія при Сводномъ Стихѣ Голуб. Ки.), тогда и Латырь-камень получилъ совсѣмъ иное значеніе. Это сдѣлался уже тотъ камень, надъ коимъ, по преданію, былъ распятъ Христосъ, и сквозь который текла съ распятія Его кровь на главу Адамову; тотъ-то камень, по рассказамъ и Стихамъ возвращавшихся изъ Іерусалима странниковъ, былъ источникомъ всякихъ исцѣленій, духовнаго богатства, новой жизни: отсюда, съ этихъ сказаній, запѣвалось начало Голубиной Книги, — «отъ наша отъ Аладыри и отъ той главы отъ Адамовой;» отсюда, съ камня, училъ Христосъ, разсылалъ Апо-

IX

столовъ, распуская книги по всей земли; отсюда родилась Книга Голубиная, въ смыслъ уже Священнаго писанія (Ср. Кал. Перех., вып. 2). Древній Алатырь-камень былъ-горючій. цѣль давнихъ путешествій, приманка Балтійскихъ моряковъ, награда отважныхъ торговцевъ, съ его моремъ и островомъ, съ его народомъ, съ его порожденіями, вторгавшимися въ позднѣйшую историческую жизнь Руси, — все это потонуло въ морѣ совершенно иныхъ и новыхъ христіанскихъ воззрѣній, возстановляемое изъ глубины только средствами науки и научнымъ взглядомъ.

Переходимъ опять къ Ильѣ Муромцу.

По дорогѣ изъ Мурома къ Кіеву, по лучшимъ пѣснямъ, Илья спасаетъ обыкновенно Черниговъ, съ его Сиверскимъ или Сѣверскимъ княземъ: но въ пѣсни, помѣщенной у насъ въ 4-мъ выпускѣ подь № 1-мъ, является вмѣсто того *Краковъ*, т. е. Краковъ, и притомъ безъ князя, съ одними горожанами, какъ вольный городъ. Это уже второй случай, доставляющій данныя для уразумѣнія древнѣйшихъ сношеній между Краковомъ и Кіевомъ: въ первый разъ это было по пѣснямъ П. Н. Рыбникова (см. ч. 1, стр. 413—422, и «Замѣтку» стр. IV). Ниже мы еще вернемся къ этому предмету.

Въ Былинахъ подь № № 4-мъ и 5-мъ, а также въ Побывальщинѣ, прибавленной къ 5-му № въ разнорѣчіяхъ, Илья борется съ поганымъ *Идолицемъ* или *Идоломъ Скоропитомъ*. При изданіи 1-го выпуска (ср. въ «Замѣткѣ» стр. XXVIII, XXIX) мы не имѣли въ виду еще ни одной Пѣсни о борьбѣ этого рода и напечатали однѣ только Сказки. Но съ тѣхъ поръ у П. Н. Рыбникова нашлось три такихъ Былины и Побывальщины (см. ч. 1, стр. 85—94), да столько же теперь у насъ, и потому дана возможность нѣсколько выяснить дѣло. Идолице, въ русской передѣлкѣ *Одолице* (вѣроятно съ производствомъ отъ глагола *одолѣть*, *одолѣвать*), является и въ другихъ пѣняхъ, и при другихъ богатыряхъ: такъ онъ представляется врагомъ Ивана Годяновича (ср. вып. 3, стр. 9—19), т. е. вообще, какъ знаемъ уже мы, Русскаго Ивана-богатыря, а съ нимъ и всего слагавшагося міра-народа русскаго, при его выходѣ къ по-

дожительной исторіи; при этомъ онъ отождествляется по одну сторону съ Кошемемъ (ср. Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 197—201), представителемъ быта кочеваго, а по другую съ царемъ Афромеемъ, Ордою и Татарами, уже историческими врагами Руси (ср. вып. 3, стр. 20—27, Пѣсни Рыбник. ч. I, стр. 89—94). Здѣсь онъ врагъ болѣе внѣшній. Но, въ столкновеніи съ Ильею, представителемъ уже не одной внѣшней дѣйствительности, а внѣсть и проникнувшихъ къ народу христіанскихъ началъ и воззрѣній, Идолище является врагомъ христіанства, образцемъ язычества, въ сферѣ мифологической. Поразительное доказательство не однажды повтореннаго нами мнѣнія объ отсутствіи въ Ильѣ Муромцѣ началъ языческихъ и мифическихъ, объ его христіанскомъ характерѣ: кто же изъ страстныхъ искателей русской мифологіи и русскаго язычества можетъ допустить, чтобы представитель язычества боролся съ язычествомъ, представитель мифологіи съ мифологіей—въ лицѣ врага Идолища? И такъ Идолище — начало языческое: у него есть своя «земля Идольская,» свое «царство Идольское (П. Рыбник., ч. I, стр. 88).» Какъ врагъ христіанства, онъ помѣщается въ коренной странѣ христіанства, въ Ерусалимѣ (вып. 4, № 5); далѣе въ странѣ, откуда пришло къ намъ Христіанство, въ Царьградѣ (здѣсь же, см. Побывальщину въ разнорѣчіяхъ и П. Рыбник. № 17); наконецъ въ землѣ Русской, въ Кіевѣ, куда проникло Христіанство при началѣ исторіи (вып. 4, № 4, Сказки при 1-мъ выпускѣ, П. Рыбник. ч. I, № 15). Здѣсь-то борется съ Идолищемъ Христіанство въ лицѣ Ильи Муромца и побѣждаетъ. Обстоятельства по вѣстамъ пѣснямъ и сказкамъ изложены весьма сходно и ясно. Идолище обнасилъ началъ всю русскую землю, а главнымъ образомъ Кіевъ; господство его, при появившейся склонности народа къ христіанству, представляется ужаснымъ насиліемъ; онъ громадный, безобразный, страшный; онъ ѣсть и пьетъ чудовищными приемами, пожираетъ жертвы, требуетъ жертвъ, и мало уже остается скота въ городѣ; онъ не допускаетъ четья-пѣтя церковнаго, звону колокольнаго, прошенія милостыни Христовымъ именемъ; князь по неволѣ ему подчиняется, у княгини онъ держитъ руки въ пазухѣ, народъ перепуганъ, въ ужасѣ. Царя узнаетъ о томъ отъ Калѣкъ Перехожихъ: ихъ исконная обязанность и народное значеніе — разносить вѣсти. Но, представители кочеваго быта, пережившіе его, слишкомъ устарѣли и ослабѣли, чтобы вступитъ въ борьбу противъ началъ, исхо-

дившихъ изъ того же кочевья и требовавшихъ на себя силъ новыхъ; на упрекъ Ильи, зачѣмъ Калѣка оставилъ на бѣломъ свѣтѣ Идолица, Калѣка отвѣчаетъ : « Голова моя стала теперь при старости , нога за ногу запинается, рука за руку заплетается. » Однако Илья признаетъ , что въ Калѣкахъ силы есть еще вдвое его , занимаетъ у нихъ платье, клюку: недостаетъ у нихъ лишь смѣлости, и ее беретъ на себя представитель начала новаго. Въ разговорѣ съ Идолвцемъ, высказывая, сколько Илья пьетъ и ѣстъ, выражаетъ Муромецъ все различіе лицъ новаго порядка вещей отъ старины: они вышли изъ прежней стихійной громадности и безобразности къ размѣрамъ человѣческимъ , къ порядку , стройности и опредѣленности. Наконецъ , когда Идолица нахлобучилъ и придавилъ Илья, князь не знаетъ чѣмъ благодарить и « все градскіе люди смерти Идольской обрадовались. »

Любопытно, что при этомъ случаѣ, въ одной изъ Былинъ, именно подъ № 5-мъ въ 4-мъ вып., Калѣкою Перехожимъ является *Данило Игнатьевичъ*. Мы знаемъ это лицо уже изъ 3-го выпуска (стр. 39—51). Но тамъ онъ является еще страшнымъ и грознымъ богатыремъ, только лишь просится у Владиміра пожить при монастырѣ и только лишь вступаетъ въ разрядъ Калѣкъ. Потому въ « Замѣткѣ (стр. III , IV) » мы высказали ожиданіе новыхъ объ немъ пѣсень и выразили мнѣніе, что « въ настоящемъ видѣ своемъ онъ принадлежитъ другому слою жизни , тождественъ съ Калѣками Перехожими. » Пѣсня новая, передъ нашими глазами, подтвердила такое воззрѣніе. Илья Муромецъ признаетъ въ Данилѣ брата и достаточную силу на борьбу со врагомъ, но Данило самъ уже откланяетъ ее и приведенными выше словами рисуется своєю старостью и слабостью, новый періодъ, наступившій для Калѣкъ съ развитіемъ христіанскихъ понятій и завлекшій эти лица въ странствованія по святымъ мѣстамъ , въ храненіе и передачу народныхъ слуховъ и преданій, въ созданіе и пѣніе Стиховъ.

Побывальщина, прибавленная нами въ разнорѣчіяхъ къ Былинѣ № 5-й, выводитъ двухъ доселѣ неизвѣстныхъ еще богатырей, и, судя по сотовариществу съ Суханомъ , Ильєю , Добрынею в т. н.,

XII

вѣроятно или старшихъ , или по крайности ровестниковъ симъ послѣднимъ. Къ сожалѣнію, отъ нихъ приходится почти отказаться на самой первой порѣ знакомства. Одинъ богатырь *Гланитъ* , таково кажется чтеніе : охотники до мифологіи могутъ сопоставить его съ греческимъ гигантомъ *Летомъ* , или, еще ближе , съ *Лапитою* , *Лапитомъ* , известнымъ борцемъ противъ Кентавровъ , назшихъ Полкановъ; но , что очень можетъ быть, вѣрнѣе читать (а побывальщина занята изъ поздней рукописи) *Гланитъ* , *Гранитъ* , и тогда это уже позднѣе сочиненное лице. Другой — « Дворянинъ *Бллан Палнца* : » это ошибка вмѣсто *Полянца* , ибо въ сказкахъ извѣстенъ *Блльй-Поляннъ* , Старшій и страшный богатырь, врагъ и сотоварищъ Ивана богатыря ; см. объ немъ ниже ; вспомните также (вып. 3 , « Замѣтка , » стр. XVI) *Ивана* или *Ивашку Бллую Эпанчу* , который дворить или служить у цря Дзмата по сказкѣ объ Еруслаѣ Лазаревичѣ. Во всякомъ случаѣ оба эти лица пока еще довольно сомнительны и остается ждать объ нихъ какихъ нибудь новыхъ указаній.

Былина подъ № 6-мъ прекрасна по складу и творчеству , по весьма обыкновенна по содержанію: осада Кіева Татарами и спасеніе черезъ Илью Муромца. Здѣсь важны только двѣ подробности. Это, во первыхъ, о сорѣ Ильи съ Владиміромъ: мы узнаемъ, что вслѣдствіе того Илья съ нѣкоторыми другими богатырями « отказано было отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ; » что Владиміръ по истеченіи этого срока встрѣтилъ Илью лишь нечаянно, и то не узнавъ подъ одеждою Калъби Перехожаго; что при наступившей бѣдѣ онъ униженно упросилъ Илью « постараться за вѣру христіанскую не ради его, князя , не для-ради княгини Апраксѣи, не для церквей и монастырей, а для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей. » Вотъ свойство Иллиной службы, вотъ чему служилъ онъ богатыремъ, какъ выборный Дружины Земской и совсѣмъ не членъ Дружины Княжеской. — Другая любопытная подробность касается отношенія Ильи къ богатырямъ Старшимъ. Мы знаемъ изъ прежнихъ вышусковъ (на прим. 1, стр. 45), что когда Илья прибылъ первый разъ въ Кіевъ, онъ нашелъ еще Старшихъ богатырей вокругъ Владиміра: Самсона Кольвановича, Сухана Дюмантьевича, Святогора, Полкана и т. д. Но, когда Илья

ХІІІ

вступилъ уже въ службу Владиміру, когда въ лицѣ ихъ обоихъ начался уже новый порядокъ вещей, о которомъ говорили мы не разъ, порядокъ сложившагося міра-ярода, дѣйствующаго *отъ себя*, тогда, по былинамъ, замѣчательнымъ образомъ. Старшіе богатыри уже выступили изъ Кіева, помѣстившись въ сторонѣ отъ него, то—изрѣдка—на богатырской заставѣ (на прим. Колыванъ, Самсонъ, вып. 1, стр. 7), а иначе—и чаще—въ какомъ-то укромномъ мѣстѣ, гдѣ-то въ полѣ, только въ сторонѣ отъ Кіева (см. вып. 1, стр. 58—63, Самсонъ, Святогоръ, Колывановичъ; вып. 4, въ былинѣ, о которой идетъ дѣло, стр. 44, Самсонъ съ прочими). Разсматривая внимательно всѣ означенныя сей-часъ мѣста изъ пѣсень, видимъ, что по нимъ Илья, какъ представитель начала новаго, еще въ дружбѣ со Старшими богатырями, но не всегда стоитъ съ ними за одно на ихней стоянкѣ, а напротивъ, въ противоположность имъ. часто держится въ самомъ Кіевѣ, какъ средоточіи новой жизни. Отсюда, при наступленіи бѣды, требующей помощи общей, отправляется онъ приглашать на боевое дѣло богатырей Старшихъ, *подъѣзжаетъ* къ нимъ, уговариваетъ тронуться; они двигаются не скоро, какбы неохотно и только по просьбѣ Ильи, связующаго старый порядокъ вещей съ новымъ. По совершеніи подвига Муромецъ ѣдетъ къ нимъ, на ихъ стоянку, *въ гости*, какъ къ постороннимъ (вып. 1, стр. 63, 64), и пѣсня прибавляетъ, что этимъ богатырямъ «въ Кіевѣ нельзя жить: разгуляются—распотѣшатся. распотѣшатся—станутъ всѣхъ толкать, а такіа потѣхи богатырскія царю было не вытерпѣть.» Ермакъ же, который въ этихъ случаяхъ сближается съ Ильєю, но какъ несравненно младшій, почему и называется «племянникомъ Ильи,» «дитею» двѣнадцати лѣтъ (ср. пѣсни Рыбник., №№ 19—21), Ермакъ даже не входитъ къ Старшимъ богатырямъ въ шатеръ, и они оставляютъ его равнодушно на краю гибели, еслибы, какъ «дурней,» не убѣдилъ ихъ Илья Муромецъ на выручку: будучи самъ образцемъ началъ новыхъ, Илья привѣтливъ и благосклоненъ, отечески расположенъ къ началамъ еще младшимъ и юнѣйшимъ.

Но въ жизни русской, а отсюда и въ былевомъ творествѣ, наступила со временемъ пора, когда въ извѣстномъ отношеніи устарѣлъ и Илья, когда при измѣнившихся, изи, лучше, вторгшихся новыхъ

началахъ жизни, онъ самъ уже долженъ былъ стать къ нимъ въ противодѣйствіе. онъ былъ представителемъ началъ истинныхъ, а потому вѣчныхъ, ибо оставался всегда представителемъ народа: но эти начала, при развитіи началъ новыхъ, получали условную постановку, вытѣсняемы были новыми, а потому образъ Ильи суровѣтъ и старѣлъ, принималъ на себя необычную гнѣвность и раздражительность, даже жестокость: въ творествѣ былевомъ это выражается *ссорою его съ Владиміромъ*, и такова пѣсня 4 го выпуска подъ № 7-мъ. Мы встрѣчали уже не разъ, какъ за снѣлое слово правды Владиміръ сажалъ Илью въ тюрьму, т. е. сводилъ этого представителя съ попрѣща дѣйствія (на прим. вып. 1, стр. 67; вып. 3, стр. 34); отмѣчали и цѣлыя пѣсни, посвященныя описанію этой ссоры (вып. 1, стр. 77—86), а выше замѣтили, что въ слѣдствіе того Илья не былъ двѣнадцать лѣтъ въ Кіевѣ. Такова же былина, по поводу которой мы говоримъ теперь. Прежде мы объясняли эту ссору такъ (вып. 2, «Замѣтка,» стр. XXI): «Степеннѣйшій изъ богатырей, Илья Муромецъ, поссорившись изъ за невниманія съ княземъ Владиміромъ, бродитъ по Кіеву и стрѣляетъ—уже не по повалушамъ, не по Маринкѣ и не по Тугарину (какъ Добрыня), а даже по церквамъ и церковнымъ наковнямъ. Подобные подвиги, на языкѣ пѣсень, значатъ обыкновенно, что въ народныхъ представленіяхъ богатырь отступаетъ отъ цѣлаго порядка вещей, свойственнаго извѣстному времени, на примѣръ Владимірову: что онъ старше этого времени или моложе.» Добрыня, по поводу котораго мы это говорили, былъ дѣйствительно моложе, юнѣ безобразія, воплощеннаго въ Маринѣ, въ ея миломъ другѣ Змѣѣ и во всей этой обстановкѣ, отъ того и боролся; Илья же, въ ссорѣ съ Владиміромъ, очевидно старше наступившей новой жизни. Потому въ 1-мъ вып. («Замѣтка,» стр. XXVII) мы выяснили обстоятельство, что въ пѣсняхъ этого рода «Владиміръ называется уже Царемъ; его и Илью водятъ подъ руки,—обрядность, какою пѣсни не окружаютъ дворъ Владиміра; онъ встрѣчаетъ Илью названіемъ «сельщины и деревещины;» даже убѣдившись въ силѣ его богатырства, сажаетъ его только «по край стола, по край скамьи.» Выразивши свое недовольство, побивши всѣхъ кромѣ спрятавшагося князя, Илья исчезаетъ. «Чувствуется живо,» говорили мы, «какъ сходитъ онъ съ попрѣща вѣстныхъ дѣйствій и уходитъ внутрь народнаго сознанія, гдѣ теряется съ своимъ именемъ, но продолжаетъ творить какъ сила внутренняя. И конечно

въ самомъ Ильѣ, по преимуществу образъ народа, народъ начерталъ свою собственную исторію, въ ту пору, когда уходилъ съ поля внѣшней дѣятельности во внутреннюю область глубокаго сознанія.» Теперь, когда при изданіи пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ и при 3-мъ выпускѣ пѣсень П. В. К. (см. въ обоихъ «Замѣтку») мы высказали воззрѣнія свои на отношенія Земли и Земской Дружины къ Дружинѣ Княжеской и всѣмъ послѣдующимъ явленіямъ Государственности, теперь можемъ мы высказаться опредѣленнѣе: Илья—представитель Дружины Земской, а за нею и всей Земли, міра—народа; рассказанная въ пѣсняхъ ссора и борьба его съ Владиміромъ и дворомъ княжескимъ есть конечно ссора и борьба съ Дружиною Княжеской, со всѣми началами новаго Княжескаго порядка вещей, смѣнившагося потомъ Царскимъ и вообще Государственнымъ; при этомъ теченіи событій, мало по малу Земля, или ея житель—миръ—народъ, въ лицѣ Ильи по пѣснямъ исчезаетъ, «нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти.» исчезаетъ изъ міра внѣшнихъ событій, отданныхъ предпочтеннымъ сословіямъ и двигателямъ; *сходитъ въ подземелье*, т. е. внутрь земли, въ пещеры; строятъ тамъ церкви, т. е. отдается одной внутренней жизни, вѣрѣ, или является здѣсь *мощами*, какъ извѣстно изъ приведеннаго нами преданія (вып. 1, Прилож., стр. XXII); или, наконецъ, *каменьется*, какъ мы знаемъ уже изъ пѣсней прежнихъ и изъ новаго сказанія, выраженнаго двуступишемъ и приведеннаго въ 4-мъ выпускѣ. Но, что скрывается съ наружи, часто еще сильнѣе бываетъ внутри; духъ можетъ быть вызванъ, можетъ выйти самъ и изъ подземелья; мощи, по видимому немощныя смертію, могутъ быть мощны цѣлебною силою на другихъ, и, сами цѣлыя, могутъ цѣлать и давать цѣлость притекающимъ, черезъ одно даже прикосновеніе и цѣлованіе; въ самомъ камнѣ скрывается искра, изъ камня огонь, и въ области нравственной камень одного значенія съ невзмѣнной твердостью, не поддающейся крѣпостью, упорною связію частей, сокрушающей грозою для того, кто враждебно приражится. И въ позднѣйшія времена Русской исторіи бывала пора, когда Земля подымалась и оживала для внѣшней дѣятельности, являлась спасителемъ въ мирѣ видимый; и послѣ крайняго ея подавленія, послѣ полторацѣлѣтнаго пребыванія въ подземельѣ, въ силу новыхъ, современныхъ событій, оттуда же ждется обновленіе и спасеніе.— Возвращаемся къ помянутой ссорѣ и борьбѣ. По новымъ пѣснямъ, только что отпечатаннымъ у насъ подъ №№ 7-мъ и 8-мъ, Вла-

дизирь, не узнавши Илью послѣ долгой разлуки, забывши черты его и смѣшавши съ другими, садилъ было появившагося гостя не съ боярами, съ которыми самъ свѣдѣлъ, а съ дѣтьми боярскими; на языкѣ Ильи, которому—разумѣется—сочувствуетъ пѣсня, а за нею и весь народъ, это вышли вороны съ воронятами; тридцать бояриничковъ оказались воробьями; что имъ пособить, что подѣлать съ Ильею? Высылали богатырей на гостя, они его поталкивали, они его попѣхивали: гость не шатнется, на буйной главѣ колпакъ не тряхнется, а они побиты, разсѣяны; коли охота позабавиться, охота попотѣшиться, гляди только на эту кару, снимешь охоту тѣшиться; поздно и спозвاتفся, сажать въ лучшее мѣсто: на прїездъ коли не почѣтвовали, на отъездъ гостя не учѣтвуеться. Такъ понималъ и понималъ народъ ссору прошедшихъ временъ, а черты будущаго примиренія разбросалъ въ томъ образѣ своего любимаго богатыря, когда онъ является спасителемъ и «старается за вѣру христіанскую не для князя, не для княгини, не для церквей и монастырей, а для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей.» Для нѣкоторыхъ можетъ показаться странно, отчего въ этихъ очеркахъ, столь вѣрно выдержанныхъ, Илья побиваетъ и прочихъ богатырей вокругъ Владиміра, представителей, какъ мы знаемъ, также Земской Дружины? Но они были такими представителями для известнаго времени, а тутъ, по приказу князя, бросались на Илью. и мы припоминаемъ сказанное прежде, при изданіи Пѣсень П. Н. Рыбникова («Замѣтка», стр. XVI), какъ Дружина Земская измѣнила со временемъ Землѣ и превратилась мало по малу въ Дружину Княжескую, а потомъ перешла вообще въ службу Государству, въ слуги Государевы. Въ этомъ послѣднемъ значеніи и терпятъ она кару стѣ Ильи. Для бѣльшей ясности, повторимъ исторію Даниила Денисьича (вып. 3, стр. 32—37). Онъ навлекъ на себя постыдную зависть Владиміра, а отсюда гнѣвъ и опалу; напрасно, въ этихъ мечтахъ государя и государства о далекой бѣлой лебеди, въ этомъ умыслѣ на яснаго сокола, предупреждалъ Илья—«изведѣшь яснаго сокола, не пымать бѣлой лебеди:» голось правды задушенъ погребомъ. Настаетъ время борьбы; жена готовитъ Данилѣ лишніи стрѣлы: «лишняя стрѣлочка пригодится, пойдетъ она ни по князю, не по баринѣ, а по своему братѣ богатырѣ.» Предчувствіе женщины вѣрно: послушные слуги князя, въ полѣ выѣзжаютъ на Данилу свои братья, богатыри; заплакалъ Данила горючьими слезами: «Знать, го-

раздо я князю сталъ ненадобецъ, знать, Володиміру не слуга я былъ!» Порубилъ онъ нацавшихъ: выѣзжаютъ врагами самые близкіе, самые родимые; тогда говорить Данила: «Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвался, Володиміръ князь на удалаго осѣрдился; еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,—братъ на брата со боёмъ идетъ?» Данила не перенесъ такого горя. Но мы знаемъ (вып. 3, «Замѣтка», стр. III), что творчество народное спасло Данилу, какъ представителя Земли: онъ воскресаеъ въ лицѣ Ставра, о которомъ скоро мы скажемъ еще подробнѣе, и Ставрѣ, посаженный княземъ въ могребъ по той же зависти, спасенъ женою, Василисой Микулишною, знаменитой старшей дочерью знаменитѣйшаго представителя Земли, Микуды Селганиновича. Тамъ, гдѣ въ разгарѣ вражды и борьбы между силами мужескими дѣло могло кончиться только гибелью той или другой стороны, тамъ выступаетъ для спасенія сила женственная, сила задушевная, теплая, примирительная, смягчающая. Она всегда готова воспринуть въ народѣ, въ рѣшительную мнвту взять силу, какъ взяла на себя Василіса мужескій образъ, и броситься на подвигъ самопожертвованія, чтобы затушить вражду, простить и помиловать. Здѣсь надежда на мирный выходъ изъ борьбы для исторіи, здѣсь успокоеніе для блеваго творчества и выходъ его изъ трагическихъ началъ на привычный покойный путь былинны.

Благодаря описанію ссоры Ильи со Владиміромъ, выдвинулось въ въ пѣсняхъ лицо богатыря *Зальшанина*. *Мужики Зальшане* извѣстны были давно (ср. вып. 1, стр. 45, въ ряду Старшихъ богатырей; Рыбник. ч. 1, стр. 75, на Кіевской богатырской заставѣ); они заходили даже и въ Новгородъ, пристава къ шайкѣ тамошнихъ удалцевъ (ср. Киршу, о Васильѣ Буслаевѣ, стр. 75); въ напечатанномъ теперь у насъ № 7-мъ и 8-мъ является еще *Богатырь Зальшанинъ* или *Заольшанинъ*, даже со опредѣленнымъ именемъ—*Никита, Ивановичь*, въ числѣ также «заѣзжихъ молодцовъ», явившихся служить Владиміру (см. стр. 50), а въ побывальщинѣ, присоединенной какъ разпорѣчіе къ № 5-му, онъ называется *Дворяниномъ*; *Дворянина* же *Заольшанина*, служившаго Владиміру, зналъ и Чулковъ, вставивши его въ свои передѣлки народныхъ ска-

зокъ (ср. изд. 3-е. 1820 г., ч. 5). Всѣ эти данныя очень важны, и, какъ выпускъ 2-й вывелъ намъ живыми лицами братьевъ Збродовичей, извѣстныхъ дотолѣ вскользь и лишь по имени, такъ выпускъ настоящій, 4-й, даетъ для науки, изслѣдующей народное былевое творчество, новый предметъ, новое лицо замѣчательнаго богатыря. *Мужики, богатыри, дворяне*, особаго имени,—все это заставляетъ предполагать цѣлый особый край, откуда они заѣзжали и постушала на службу Руся, въ число ея удалцевъ, богатырей, слугъ княжескихъ. Дѣйствительно, до изданія пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, по имѣвшимся пѣсеннымъ даннымъ знали подробнѣе одну лишь сторону, обмыкавшую собою древнюю Русь, сторону, окрашенную восточными, всего болѣе Татарскими, красками и именами: теперь довольно ярко очертился и край Западный. Съ одной стороны Подолія, Галичь, Волинь, даже отдаленный Краковъ (который спасается Ильею и въ пѣсняхъ Рыбникова высылаетъ богатырей ко Владимиру), съ другой Литва—получили важное мѣсто въ пѣсенной этнографіи. Во времена Владимира, конечно въ этихъ мѣстностяхъ большею частію жило племя и нарѣчіе Русское, хотя въ переходѣ къ Западно-Славянскому; но для пѣсней взята точка зрѣнія нѣсколько болѣе поздняя: правда, туда загулываютъ часто Русскіе удалцы, богатыри и калѣки переходяіе, а равно оттуда заходитъ много искателей приключеній и готовыхъ слугъ на собственную Русь и въ Кіевъ, такъ что весь этотъ Западный край является союзнымъ и Владимиръ беретъ даже оттуда знаменитую свою Апраксию; тѣмъ не менѣе все-таки и вездѣ этотъ край представляется отдѣльнымъ, порою даже враждебнымъ, съ особымъ именемъ грозныхъ *королей, королевичей, королевень, въ прѣтвуположность царямъ, царевичамъ и царевнамъ*, характеризующимъ постоянно сторону Восточную. На томъ же Западѣ относительно древней Руси, было много дикихъ пущей, *Льсы, Алы*, съ производными *Зальсье, Ольско, Ольшице, Заольсье, Польсье, Подльсье*, и проч., откуда въ польскій языкъ, а вмѣстѣ въ западно-русское нарѣчіе перешло такое множество своеобразныхъ фамилій. Ясно, что оттуда же въ пѣсняхъ всѣ *Зальшане* или *Заольшане*: во первыхъ мужики, какъ низшій слой народа, далѣе дворяне,—имя, которымъ изстари любили наши обозначать преимущественно западныхъ соплеменниковъ, шляхту, однодворцевъ и т. д.,—становившіеся при дворѣ князя новыми дворянами, въ службѣ Землѣ богатырями, и т. п. Таковъ же *Шикита Ивановичъ*. Онъ, какъ сказано, въ числѣ

XIX

«заѣзжихъ молодцевъ,» пришедшихъ служить Владимиру (вып. 4, стр. 50); не боятся ни Татаръ, ни Кіевскихъ богатырей (тамъ же); «незнамъ чловѣкъ» на приходѣ (стр. 49), не извѣстенъ сначала богатырямъ вокругъ Владимира, такъ что Илья, не желая быть узнаннымъ, выдаетъ себя за Никиту (стр. 46—49); на службѣ Владимиру, онъ является какъ «богатырь» и даже въ ряду Старшихъ богатырей (стр. 24—38, 44); участвуетъ въ походѣ прочихъ богатырей изъ Кіева на Царьградъ (стр. 24—38), на рѣчи выставляется впередъ другихъ, выбирается посломъ (стр. 31, 32, 35, 36), и т. д. Самый ужасъ, который собственно наводитъ Илья на Кіевъ по пѣснямъ №№ 7-й и 8-й, выдавая себя Никитою, составляетъ конечно отличительный признакъ и сего послѣдняго, грознаго и страшнаго, какимъ въ народныхъ представленіяхъ былъ и есть всегда пришелецъ.

Никита выдѣлился передъ нами изъ цѣлой кучи Залѣшанъ: по поводу его мы скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ о подобныхъ *скупенныхъ* богатыряхъ. Желая однимъ размахомъ кисти намѣтить иногда цѣлую эпоху, или цѣлый край, выславшій богатырей на общее дѣло, или сложность какихъ либо богатырскихъ свойствъ, былевая пѣсня размѣщаетъ нѣкоторыя лица *кучами*. Чѣмъ ближе знакомимся мы съ творчествомъ и вскрываемъ въ народѣ остатки его, тѣмъ успешнѣе различаемъ въ этихъ кучахъ лица отдѣльныя, представителей кучи: такъ изъ кучи прежнихъ *Старшихъ богатырей*, благодаря новѣйшимъ открытіямъ, выдѣлилось нѣсколько особыхъ и яркихъ лицъ; такъ изъ *Суздальцевъ* получили мы въ 3-мъ выпускѣ и укажемъ еще ниже одного особаго *Суровца - Суздальца*; изъ *Залѣшанъ* выдвинулся *Никита*. Таковы же *братья Збродовичи*, по самому имени — *збродъ*, сборные удальцы; подобно Залѣшанамъ, они проникаютъ и въ Новгородъ (ср. Киришу, стр. 76, о Васильѣ Буслаевѣ), въ числѣ семи; въ томъ же числѣ появляются въ Кіевѣ, притомъ между Старшими богатырями, вокругъ Владимира или на Кіевской богатырской заставѣ (вып. 1, стр. 45; Рыбник. ч. I, стр. 75, подъ именемъ *Грядовичей*); нашъ выпускъ 2-й выдѣлялъ отсюда уже двоихъ, далъ имъ опредѣленное значеніе, былевое поприще дѣйствій, и, сообразно тому, даже имя — *Петровичи*.

чей; въ пѣсняхъ у Рыбникъ тѣ же лица опредѣлены еще даѣе, *королевичами изъ Кракова, Лукою и Петромъ Петровичами* (см. ч. I, стр. 413 и дал.). Для другихъ мы должны выждать еще новыхъ открытій: безъ того они доселѣ остаются кучами, напр. *Притченки и Хапилонки или Хапиловки*. Правда, одна пѣсня нашего 1-го выпуска (стр. 45) успѣла и отсюда выдѣлить «двухъ братьевъ Хапловыхъ,» помѣстивши ихъ между Старшими богатырями вокругъ Владимира: при всемъ томъ они остаются доселѣ собирательнымъ именованіемъ нѣкоторыхъ богатырскихъ свойствъ; это, какъ объяснили мы въ примѣчаніи къ стр. 63-й настоящаго выпуска, не больше какъ *прыткіе и хваты*. На оборотъ, иногда собственыя имена обращены въ глаголъ, въ дѣйствіе: на примѣръ, въ кучѣ удаальцевъ мы встрѣчаемъ часто *Сѣжу* и *Спирю*, и они характеризуютъ цѣлую кучу, *посѣмываютъ, поспириваютъ*.

•

Теперь, сказавши о пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ нашемъ 4-мъ выпускѣ въ первые, о пѣсняхъ новыхъ, мы прибавимъ дополненія къ пѣснямъ отпечатаннымъ прежде.

Здѣсь, прежде всего, представляется намъ возможность нѣсколько дополнить свѣдѣнія объ *Алешѣ Поповичѣ*.

Какбы въ подтвержденіе счастливой и остроумной мысли, давно уже зародившейся въ головѣ ученыхъ, но выдвинутой въ послѣднее время на поприще строгой науки М. П. Погодинымъ и П. А. Лавровскимъ, о томъ, что населеніе, занявшее края нынѣшней Малой Руси, пришло сюда гораздо позднѣе; что оно-то и образовало нынѣшнюю Малую Русь, обособивши ее своимъ бытомъ и нарѣчіемъ отъ Великой, или просто отъ Руси; что, напротивъ, прежнее среднее населеніе этой области, при которомъ зачалась положительная наша исторія, было именно населеніе Великорусское, или просто Русское, но совершенно одинаковое съ тѣмъ, что обозначено впоследствии и доселѣ извѣстно подъ именованіемъ Руси Великой; наконецъ, что эта Русь покинула средоточіе своего перваго мѣсто-пробыванія послѣ такъ называемаго Кіевского періода, за погромомъ Татаръ и отчасти въ теченіе возрастающаго Литовскаго владычества: подтвержденіемъ, говоримъ, всему этому служатъ Былевья пѣсни. Всѣ онѣ, съ содержаніемъ Кіевского періода или, что то же, вре-

мени Владимірова (пбо этимъ именовъ окрашенъ , какъ извѣстно , цѣлый періодъ) , принадлежать исключительно Великой Руси , и по мѣсту своего сохраненія доселѣ , и по внутреннему характеру изображенной жизни , и по приѣмамъ творчества , и по языку . Замѣчательно здѣсь одно обстоятельство : переселенцы изъ древней области , — назовемъ ее Кіевскою , — не могли перейти въ ближайшія мѣстности : онѣ были заняты болѣе густымъ населеніемъ Руси ; потому движеніе должно было устремиться на окраины тогдашней Великой Руси . Сообразно сему , болѣе обильныя и лучшія былевья пѣсни находимъ именно въ областяхъ Симбирской , Нижегородской , Саратовской , Оренбургской , Пермской , Сибирской , Архангельской и Олопецкой . Особенно прославились въ этомъ отношеніи три послѣднія области , а изъ нихъ Олопецкая (по пѣснямъ , собраннымъ П. Н. Рыбниковымъ) : здѣсь встрѣчаемъ такія подробности въ изображеніи времени Владимірова , какія могли быть извѣстны только туземцамъ , свидѣтелямъ описуемаго , а удержаться такъ живо въ памяти могли только у нихъ , унесшихъ съ собою впечатлѣнія и преданія изъ старой области въ области новыя ; и языкъ этихъ областей — въ высшей степени замѣчательно — носитъ доселѣ нѣкоторые признаки Западной или Юго-западной рѣчи . Сходное явленіе видимъ у Сербовъ : когда Старая Сербія , средоточіе лучшаго періода Сербскаго древняго госуларства , была покинута старожилами , то , переселяясь , они разнесли съ собою оттуда всѣ лучшія Былевья пѣсни , всѣ живѣйшія преданія старины , храня ихъ и на новыхъ мѣстахъ жительства . Даже и помимо содержанія , Былево творчество вообще отличается особенною древностію и силою лишь у Великой Руси , на ея языкѣ : здѣсь-то сохранились лучшіе Старшіе Былевыя Стихи (духовнаго содержанія) , тогда какъ напротивъ , сколько намъ извѣстно , у нынѣшней Малой Руси они существуютъ болѣею частію въ видѣ Младшихъ , въ видѣ Псалмъ , или произведеній позднѣйшихъ Юго-западныхъ школъ . — Съ другой стороны , у Малой Руси , въ ея нынѣшнемъ мѣстномъ средоточіи , мы не встрѣчаемъ , ни прежде , ни нынче , Былевыхъ пѣсень пѣз времени Владимірова : исключеніе развѣ за нѣсколькими обрывками , плп обличающими заимствованіе , или книжное происхожденіе , или слабость и мелкость творчества , отсутствіе подробностей пѣз древней жизни . Все лучшее Былево творчество Малой Руси , всѣ ея Думы , столь знаменитыя и дѣйствительно превосходныя ,

по содержанию начинаются периодами Козачества (въ обширномъ смыслѣ) и сюда лишь примыкаютъ своими интересами. Тѣ изъ нихъ, которыя по видимому старше содержаниемъ и происхожденіемъ, приписываются времени болѣе древнему потому лишь, что въ нихъ не встрѣчается именъ позднѣйшихъ гетмановъ и вообще извѣстныхъ героев козачества, что дѣйствующія лица ихъ безцвѣтнѣе и туманнѣе, подробности неопредѣленнѣе, намеки загадочнѣе. Но это явно уже слои пѣсенъ такъ называемыхъ *Безымянныхъ*, неизмѣримо младшихъ сравнительно съ выразительными Былевыми пѣснями древнѣйшаго періода, уцѣлѣвшими у Великой Руси. Да и герои ихъ, хотя были бы дѣйствительно старше Козачества, хотя бы вышли изъ глубочайшей древности, все-таки въ настоящемъ видѣ своемъ, потерявъ определенное имя, мѣсто и время, окрашены всѣ болѣе или менѣе красками козачества, связаны съ нимъ своими образами, обстоятельствами, приемами, однимъ словомъ перелѣзаны въ козаковъ. Такъ точно Болгаре, въ многочисленныхъ переселеніяхъ затерявши образы и преданія своего древняго царства, до-турецкаго, въ Былевымъ своемъ творчествѣ знаютъ однихъ лишь героев—хайдучковъ, порожденіе эпохи Турецкой, и, если уберегли нѣкоторые образы изъ старины предшествовавшей, то совершенно оцвѣтили ихъ цвѣтомъ хайдучества, подѣлали изъ нихъ хайдучковъ, тѣмъ лишь отличныхъ отъ эпохи позднѣйшей, что именъ ихъ нельзя уже подыскать въ позднѣйшей исторіи, что образы ихъ туманнѣе и неопредѣленнѣе. Всякой, глядя на пѣсни ихъ, убѣдится несомнѣнно, что области древняго царства Болгарскаго населены были совѣтъ иными старожилыми, унесшими съ собою пѣсни и преданія, но не успѣвшими ихъ уберечь и погибшими въ погромахъ; нынѣшніе же населенцы пришли позднѣе въ эти края, передвинулись сюда отсюда и потому ведутъ начало своего Былеваго творчества съ эпохи позднѣйшей. Различіе отъ Руси здѣсь въ томъ лишь, и различіе очень важное, что старожилы Кіевской страны не погибли и сохранили старину на новыхъ мѣстахъ поселенія: но это была и есть Русь Великая; Русь Малая, подошедшая къ ней и обособившаяся, не могла въ Былевымъ творчествѣ удержать старины Владиміровой потому, что не имѣла ея, потому что она унесена была старожилыми въ мѣстности нынѣ, оставивши по себѣ преемникамъ лишь слѣды, намеки, догадки. — Такова именно Дума, о которой хотимъ сказать мы. Она извѣстна и по прежнимъ печатнымъ изданіямъ, мы же приведемъ образецъ

XXIII

пзъ собранія П. В. Кирѣвскаго , записанный покойнымъ М. А. Стаховичемъ *):

(Въ Пыратинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, въ селѣ Богданахъ).

Гей на Черномъ мори
Та на бѣломъ камню,
Тамъ сидыть ясинь сокиль,
Склонивъ головоньку нызенько,
Жалобненько килыть-прокиляе ¹⁾,
На святое небо та на Черное море
Спилна поглядае.

Що на святомъ небѣ
Та на Черномъ морѣ
Не гораздо се починило?
Чи звѣзды помречили,
Половина мѣсяца
У тьму ступпла?

Тождь на святомъ небѣ
Та на Черномъ мори
Не ривъ рове ²⁾,
Хвыля ³⁾ насупротивъ хвыля вставала,
Судна козацке на три части розбивала:
Пирвую часть Гирло Дунайске пожерло,
Другу часть въ Грапську ⁴⁾ землю заносило,
Третья часть по Черному морю гуляе,
Ни виткыль собя поряхунку ⁵⁾ не мае;
А при той части потопае
Семьсотъ душъ хрестьянскихъ,
Безъ старшины козацькой.
Тилько въ нихъ старшины козацькой,—

*) Неточность правописанія бросается въ глаза и однако мы не рѣшаемся на поправки.

1) Квилить-прокиляеть, цвилить, издаеть жалобный крикъ.

2) Не ревь реветь.

3) Волна.

4) Въ напечатанныхъ прежде образцахъ—«Агарську.»

5) Помощи.

Грицько Нолуусенко Гетьманъ Запорозьскої ¹⁾,
Другій Олексій Поповичъ Пыратинскій ²⁾.

То отъ винъ между вядвы ³⁾ хождає,

Словами промовляє:

« Козаки, добри молодьци!

« Добрѣ учините,

« Мины на тетивоньку вздѣйте,

« Назадъ мины руки звяжыте,

« Червонымъ оксамитомъ ⁴⁾ очы запустыте,

« Ясинъ мичъ возьмите,

« Съ панчъ головоньку здѣйте,

« У Черне море метыте:

« Не хай я не буду больше

« Чорнымъ моремъ гуляты,

« Козакпвѣ съ-между вѣйска теряты ⁵⁾!»

То козаки промовляють:

« Олексію Поповичу,

« Писарь войсковый, козаке лестровый ⁶⁾!»

« Ты письмо святое читаешь,

« И насъ близъ себе навчаешь.»»

« Та щожъ, козаки, папи-молодци!

« Хоть я и письмо святое читаю,

« И насъ, простыхъ людей, близъ себе навчаю,

« А я больше зо всехъ насъ греховъ маю.

« Отъ язъ я зъ города Пыратина выѣзжавъ,

1) Въ другихъ образахъ является здѣсь гетманъ « Грицько Коломыйчепко, » или « Зборовскій, » т. е., какъ думаютъ ученые Малоруссы, *Самуиль Зборовскій*, избранный въ гетманы между 1379 — 83 г. и ходившій съ Запорожцами на Черное море.

2) Въ другихъ образахъ, гетманъ, видя страшную бурю и приписывая причину ея особеннымъ грѣхамъ кого либо изъ козаковъ, убѣждаетъ виновнаго сказаться и покаяться, чтобы не губить прочихъ; тогда уже упоминается исповѣдь Поповича: а у насъ прямо съ нел.

3) Ураду.

4) Бархатомъ.

5) Губить.

6) Реестровый, изъ постоянныхъ и определенныхъ Украинскихъ полковъ, — черта болѣе поздняя, вѣроятно вставочная.

- « Отца-матеръ не вважавъ,
 « Отца-мати слезы проливавъ,
 « Старшого брата ни за що въ себе мавъ,
 « Середульшу сестру безобразно поругавъ,
 « Й близкого сосѣда ни за що въ себе мавъ,
 « Добрымъ конемъ гулявъ—
 « Дитокъ малыхъ розбивавъ,
 « Кровь святу на святу землю проливавъ,
 « Противъ церкви профъжавъ—
 « Сличка ¹⁾ зъ главы не знявъ,
 « На лицо свое хрестьянске
   « Христа ²⁾ не покладавъ,
 « Противъ мужъ громадскихъ ³⁾ профъжавъ—
   « Шапки не знявъ,
 « Помогай Бигъ » не сказавъ,
 « Отъ велика соби гордость мавъ:
   « А тецерь осповидаюся
 « Господу Богу и Чорному морю!
 « А когда жъ мины хвыля не потопила,
 « Когда мины отъ сего молитва ослобонила, »—
 То тогда Олексій Поповичъ между вряды хождае,
   Словами промовляе:—
 « Козаки, пани-братья-молодци!
   « Добрѣ жъ учините,
 « Ясинѣ мичъ возьмите,
 « Хочъ на ливій руця
 « Пальця мизяного усѣкните,
 « Крови хрестьянской у Чорне море пустыте,
 « А чай чи ⁴⁾ не буде въ Чорнемъ мори
 « Крови хрестьянской учувати ⁵⁾,
 « А чай чи не буде насъ
 « Господь милосердый рятовати ⁶⁾!»

1) Въ другихъ образахъ « шапки. »

2) Креста.

3) Міру.

4) Авогъ либо.

5) Не будетъ слышно, будетъ сбережена она.

6) Защищать, спасать.

То такъ утыкало ¹⁾,
 Мовъ ²⁾ ннколи не градо,
 Мовъ козацке судна руками
 Къ гори подыймазо.

Тогди ко Тендрѣ острову ³⁾ прибували,
 Девять день стоялы,
 Отъ велика соби радость мѣзлы ⁴⁾.
 Що нигдѣ ни одного
 Козака не втерялы.

⁵⁾ Правда отъ сего, козаки, пани-молодыни:
 Который человекъ отневъ молитву
 И материну молитву поважае ⁶⁾,
 Ему Господь помогаетъ,
 До царства небесного провождаетъ,
 И въ полѣ, и въ дому, и въ Чорномъ морі
 Отъ грѣховъ смертельныхъ помогаетъ.

Пусть въ этой Думѣ вставлено имя *Алексыя Поповича* случайно: ученые не нашли здѣсь имени историческаго и мы въ правѣ взойти къ богатырямъ Владиміра; пусть по имени гетмана, по нѣкоторымъ словамъ и намекамъ приурочиваютъ Думу къ извѣстному опредѣленному времени: все же эти имена не вполне опредѣлены исторически и могли быть вставлены позднее, вѣстѣ съ прочими словами и выраженіями, когда сложилась Дума подъ вліяніемъ козачества; конечно, и краски взяты всѣ изъ козачества: но онѣ подтверждаютъ только, что въ Малой Руси древнія дѣйствующія лица переведены всѣ въ козаковъ, и ученые, не смотря на то, относятъ Думу ко временамъ до Уніи, ко временамъ старшимъ, сравнительно съ большею частію прочихъ Думъ. Однимъ словомъ, конечно эта

---

1) Море.

2) Словно.

3) Недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кибурвской косы.

4) Мѣли, нмѣли.

5) Въ другихъ образцахъ это слѣдуютъ слова Поповича, спасеннаго исповѣью отъ гибели и спасшаго гѣмъ прочихъ.

6) Уважасть, цѣннть.

Дума сложена Малой Русью, со всеми теми приемами и способами творчества, которые ей были доступны, со всеми отпечатками Малорусской жизни, а следовательно в образах козачества: но в основѣ ея мы можемъ усматривать дѣйствительное воспоминаніе о богатырѣ Алешѣ Поповичѣ, занесенное или уцѣлѣвшее отъ старины живымъ слѣдомъ. Такъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, кромѣ Былевыхъ, говорила мы (выш. 2, «Замѣтка», стр. XXIV), уцѣлѣло до позднѣйшаго времени имя Алеши, даже съ характеристикой. И здѣсь, въ Думѣ, видимъ изъ старины также не одно имя: спасеніе корабля среди бури черезъ жертву одного виновнаго, брошеннаго въ море,—мотивъ древнѣйшій, былевой, эпическій; онъ развитъ сполна въ извѣстной Былинѣ о плаваніи гостя Новгородскаго Садка (ср. Киршу и Рыбникова); покаяніе или лучше разочарованіе богатыря и удалца, наскучившаго прежними проказами,—опять мотивъ древнѣйшій, былевой, извѣстный намъ по Добрынѣ (ср. выш. 2, стр. 31, и Рыбник.) и Василью Буслаеву (ср. Киршу и Рыбник.); въ Думѣ высказанъ даже и весь, столь извѣстный, характеръ Алѣши: дерзкій, неуважительный, грубый. Все это старина, только вмѣсто богатырства пущенная послѣдующей жизнію на путь козачества, вмѣсто былеваго, безотносительнаго теченія въ творествѣ, такъ сказать запруженная въ предѣлы извѣстныхъ нравственныхъ правилъ и выводовъ. Изъ древней Русской Былины, уцѣлѣвшей въ образцахъ *Великорусскихъ*, выработана самостоятельно *Малорусская* Дума.

Далѣе, данныя о *Суровецъ-Суздальцѣ*, помѣщенныя нами въ 3-мъ выпускѣ (стр. 107—112, и «Замѣтка», стр. VIII—X), можемъ мы дополнить слѣдующимъ отрывкомъ Былины, который изъ матеріаловъ Этнографическаго Отдѣленія (Географич. Общ.) доставленъ намъ В. И. Даманскимъ:

(Евсейск. губ., Минусинскій округъ, Тесинская волость).

Суровецъ богатырь сынъ Ивановичъ,
Онъ ѣздилъ въ полѣ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и по три́ годы,

XXVIII

Никакой вещи въ полѣ не наѣживалъ,
Ни звѣря въ полѣ порыскучева,
Ни птицы въ полѣ летучія.
Онъ наѣхалъ въ полѣ на едину вещь,
Вещь не малую и не великую:
Онъ завидѣлъ въ полѣ сырой ¹⁾ дубъ,
Единъ сыръ дубище и кривистый ²⁾,
Онъ кривистый дубъ, жароватый ³⁾.
У дуба кореньце булатное,
А сучья-вѣтви позлаченные;
На дубу-то сидитъ птица вѣшая,
Птица вѣшая, перелетная,
Птица младъ черенъ воронъ,
Перо его какъ смола кипитъ,
А очи его какъ свѣчи горять воску ярово,
А ноги его какъ лучи свѣтять,
Какъ лучи свѣтять, лучи солнечные,
Лучи солнечные и подвосточные.
Богатырское сердце возъярилося
И горячая кровь воспипѣлася,
Могучія плечи расходилися,
Его бѣлыя руки размахалися,
Вынималъ онъ язь валучна свой тугой ⁴⁾ лукъ,
Изъ-на колчана калену стрѣлу,
И онъ свой тугой лучишко сталъ потягивать,
А калену стрѣлу сталъ направлявать,
И самъ ко стрѣлочкѣ сталъ приговаривать:
« Полетай ты, моя калена стрѣла,
« Выше лѣсу, къ небу по-надъ-небесью,
« Ты убей на дубу черна ворона,
« Черна ворона, птицу вѣщую,
« Птицу вѣщую, перелетную.»
Младъ черенъ воронъ приужахнулся,

---

1) Читай: « сырый. »

2) Кривовистый.

3) Ср. прежде. на прим. вып. 4, стр. 6.

4) Читай: « тугій. »

XXIX

Выговаривалъ онъ Русскимъ языкомъ.

Русскимъ языкомъ, человѣческимъ:

— Охъ ты гой еси, Суровецъ богатырь,

— Суровецъ богатырь, сынъ Ивановичъ!

— Ты не бей, не стрѣлай меня, черна вороша:

— Моего-то мяса тебѣ не наѣстися,

— Крови моей не напитаюся,

— И только осквернишь себя.

— Поѣзжай ты въ дальне-чисто поле

— Ко тому же князю ко Кургану.

— Гдѣ Курганъ князь перевозится.

— Перевозится онъ и переносится

— Черезъ матушку черезъ Неву рѣку ¹⁾;

— Его злые Татары все богатыря:

— Приищи себѣ поединщиковъ.—

Богатырское сердце сократилося.

Горячая кровь утолилася,

Могучія плечи опустилися.

Онъ садился скоро на добра коня,

Онъ стегалъ коня по крутымъ бедрамъ,

Простегалъ кожу ровно до мяса,

А мясо рвалъ до бѣлыхъ костей:

Его добрый конь растеряется ²⁾,

Отъ сырой земли отдѣляется,

Онъ чистое поле на усковъ скакалъ

И крутыя горы промежъ ногъ пушалъ,

А темны дѣса устилалъ хвостомъ.

И прибѣжалъ онъ ко князю Кургану,

Становится въ его во бѣлой шатерь.

Они пили-ѣли, веселилися,

И попробавъ силы, разлучилися.

*

---

1) Позднѣйшая вставка; вѣроятно вмѣсто *Шюру*.

2) Остервеняется, разъяряется.

За тѣмъ переходимъ снова къ пѣснямъ, помѣщеннымъ въ настоящемъ 4-мъ выпускѣ со страницы 52-й до 108-й и не вошедшимъ въ прежніе выпуски потому, что имъ въ собраніи П. В. Кирѣвскаго не соотвѣтствуетъ ни одного образца. Если бы всѣ эти дополненія, занявшія 4-й выпускъ, размѣстить въ надлежащемъ порядкѣ и непрерывной связи съ пѣснями выпусковъ первыхъ, то по старшинству богатырей, по изображенію времени Владимірова и по внутреннимъ условіямъ творчества нужно бы соблюсти такую послѣдовательность, отчасти выдержанную нами при изданіи I-й части Пѣсень, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ:

Илья Муромецъ, въ томъ порядкѣ пѣсень, какъ напечатанъ 1-й выпускъ.

Въ III-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска, послѣ № 1-го нужно бы помѣстить ту былинну, что у насъ въ выпускѣ 4-мъ подл № 1-мъ.

Въ IV-мъ отдѣлѣ послѣ № 1-го ту, что въ 4-мъ выпускѣ подл № 2-мъ.

Здѣсь же, послѣ № 2-го помѣстить ту, что въ выпускѣ 4-мъ подл № 3-мъ (Борись Збуть смѣшанъ съ Жидовиномъ).

Въ 1-й же выпускъ вставить особый отдѣлъ, какого тамъ нѣтъ, между IV-мъ и V-мъ, или между V-мъ и VI-мъ, о борьбѣ Ильи съ Идолицемъ: въ 4-мъ выпускѣ этому соотвѣтствуютъ пѣсни подл № 4-мъ и 5-мъ, съ приведенною въ разнорѣчіяхъ Побывальщиной.

Въ V-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска подл № 1-мъ нужно бы поставить ту былинну, что въ выпускѣ 4-мъ подл № 6-мъ.

Тамъ же въ VI-мъ отдѣлѣ должны бы подл 1-мъ и 2-мъ, или, все равно, послѣ 1-го и 2-го подл № 3-мъ расположиться пѣсни, вошедшія въ 4-й выпускъ подл № 7-мъ и 8-мъ, о ссорѣ Ильи съ Владиміромъ, съ прибавкою извѣстія объ его смерти.

За вставку, такимъ образомъ, новаго отдѣла, вмѣщающаго борьбу съ Идолицемъ, пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ представили бы уже не VII, какъ сдѣлано въ 1-мъ выпускѣ, а VIII отдѣловъ.

За Ильєю слѣдуетъ *Добрыня* безъ перемѣны въ томъ порядкѣ, какой сохраненъ при 2-мъ выпускѣ.

За тѣмъ *Алеша Поповичъ*, съ прибавкою приведенной нами сейчасъ Малорусской Думы, и *Василій Казиміровичъ* или *Игнатъевичъ*.

Послѣ нихъ, по уваженію къ старшинству, *Иванъ Гостинный сынъ* и *Иванъ Годиновичъ*, какъ одинъ Русской *Иванъ-богатырь*;

Данило, какъ зять Микуды и одинъ изъ самыхъ старшихъ Калѣкъ Перехожихъ ; *Дунай*, по происхожденію богатырь Старшій, лишь приуроченный времени Владимірову : всѣ они въ порядкѣ 3-го выпуска.

Далѣе, помѣщенный въ 4-мъ выпускѣ, *Потокъ* или *Потыкъ* *Михайло Ивановичь*, какъ ближайшій сотоварищъ Ильи, Добрыни, Алѣши, Василья, въ своемъ родѣ богатырь образцовый и предводитель *Каликъ* времени Владимірова, съ которыми и долженъ быть рядомъ (Былины объ нихъ—въ выпускѣ 3-мъ).

Возлѣ Потыка *Ставрѣ-богаринъ*, мужъ Василисы, и богатыри, характеризующіе бытовую жизнь древняго города, боярскую и посадскую, *Хотинъ*, *Чурило*: см. выпускъ 4-й.

За ними затѣжіе богатыри—*Дюкъ Степановичь* (выпускъ 3-й), *Михайло Казарянинъ*, *Соловей Будиміровичь* (выпускъ 4-й).

Рядомъ—богатыри сторонніе, но одновременные эпохѣ Владиміровой, по самому даже творчеству былинь объ нихъ,—*Суровець-Суздалецъ*, съ дополненіемъ, что прибавлено въ «Замѣткѣ» 1-го и 4-го выпуска, равно какъ *Сауль* или *Сауръ съ сыномъ* (выпускъ 3-й и 4-й).

Наконецъ, заключающія Владимірово и вообще Богатырское время, Былины *О ибелѣ русскихъ витязей* и объ *Аникѣ-Воинѣ*, то, чѣмъ заключается 4-й выпускъ.

По этому порядку, сказавши въ разныхъ «Замѣткахъ» о прочнхъ богатыряхъ, мы должны теперь остановиться на *Потокъ* или *Потыкъ*, что обѣщали еще въ 3-мъ выпускѣ («Замѣтка», стр. V).

Потокъ или *Потыкъ* есть прозвище богатыря (собственное имя его «Михайло Ивановичь»), выражающее собою цѣлую особую силу изъ жизни народной, отпечатлѣвшуюся и въ особомъ словѣ, въ особой струѣ народнаго былеваго творчества. Корень *тък-* или *тък-*, въ оглашенномъ видѣ *тек-* или *ток-*, со множествомъ производныхъ, означаетъ вообще теченіе, бѣгъ, силу стремящуюся, переходящую, бродячую. Въ простѣйшей формѣ находимъ слова этого корня, съ опредѣленнымъ значеніемъ, въ языкѣ Чешскомъ, особенно древнемъ, гдѣ *tkáti se* (ткати се) значило—шататься, бродить («*kde se tak dlúho tkáš*», гдѣ такъ долго шатаешься?), откуда *tkáč* (ткачъ)—

бродяга, переходжій, странникъ; его такъ описывали въ старину Чехи (ср. « Выборъ изъ литер. Чешской », Шафарика; 1845 г., стр. 120, 121): « нѣтъ нигдѣ у него своего дому, ни имѣнія. а только шатается, бродить онъ (*iká sě*), не будучи осѣдлымъ. » Съ другой стороны, тотъ же жорень *тък-*, въ значеніи дѣйствительномъ и въ глаголахъ дѣйствительныхъ, обращается въ *тык-* (*тык-ать*) и *тук-* (*тук-ать*). Отсюда въ Сербскомъ *тући се* (тучься), *тучем се*, *туцати се*, значить—бѣться (наше *тукаться*), колотиться, толкаться, бродить, шататься по свѣту, и являются имена—*потукач*, *потуцня*, *туцак*, бродяга, переходжій, ипцій, попрошайка: то же, что Чешское *ткачь*, наше *потыкъ*, *потокъ*, въ смыслѣ странника, бродяги, калѣки переходжаго. Между тѣмъ извѣстно, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, а вмѣстѣ и въ языкѣ Русскомъ, весьма часто звуку у соответствуетъ ѡ или ол: *ѡлкь*, *волкъ*—зук, *туча*—толца, *пузо*—ползать, *недугъ*—недолугъ, и т. п. Потому сербскому *тук-* будетъ отвѣчать наше *толк-*: *толкать*, *толчекъ*, какъ первое начало движенія, переходовъ изъ стороны въ сторону, странничества, и приведенныя выше сербскія слова мы можемъ перевести нашими звуками—*толочься*, *толкаться*, *потолкачь*, *потолчня*, *толчакъ*. И дѣйствительно, по областямъ нашимъ находимъ: *ткать* (Калужск., Курск.) значить *толкать*; на оборотъ, *толкаться* (между людьми, по свѣту) есть то же, что Чешское *ikáti sě* (ткати се), шататься, бродить; *толкуша* (Курск.)—который толчется безъ надобности, *толкушка* (Иркутск.)—непосѣдъ, т. е. совершенно то же, что сербск. *потукач*, *туцак*, и проч. Отъ того слѣпецъ и вообще калѣка переходжій описывается такъ въ нашихъ старинныхъ памятникахъ (на прим. въ Пчелѣ, по рукоп. XIV в., Синод. Библ. № 579—457): « иже *толчется* по стѣнамъ и въ ямы вваляется. » Но чаще въ нашемъ языкѣ корень, о которомъ мы говоримъ, является съ разными предлогами, при чемъ однако выдерживается постоянно одно основное значеніе. На примѣръ. Съ предлогомъ *из-*: *ис-точный*—дикій, странный (=со стороны, странникъ), *ис-точникъ*—плуть, проходимецъ (=прохожій, переходжій), потомъ особый слѣй народа—*истошникъ* въ смыслѣ калѣки переходжаго, нищаго, странника. *За-*: *за-точный* въ смыслѣ заточеннаго, сосланнаго въ заточеніе, а въ былевомъ творествѣ это богатырь, особенно сильный, котораго приберегаютъ и выпускаютъ только въ крайнемъ случаѣ на врага (ср.

пѣсни Сербскія, а у насъ выш. 3, стр. 114, и сказки). *При-при-тка* (при-тѣк-а), *при-тча*, въ значеніи сперва нечаянной встрѣчи, на что наткнешься на дорогѣ, съ чѣмъ столкнешься на пути, потомъ въ смыслѣ бѣды, *нашедшей* или *напущенной*, а также нечистой силы; отсюда—увѣчье и калѣчье, напр. въ Домостроѣ — «многи *притчи* отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и ногу вывихнуть, и переть, и главоболіе,» такъ что каждый изъ калѣкъ, изъ людей странныхъ, переходящихъ, является олицетворенною *приткой* или *притчей*, откуда и разсказъ обо всѣхъ этихъ, странныхъ народу явленіяхъ, получаетъ имя *притчи*. Производное отсюда—*приточный*, говорится о пути, наприм. «путь далекъ и *приточенъ* (Памяти. Дипломат. Снош., 1492 г., столб. 71),» т. е. опасный, въ простѣйшемъ представленіи отъ *толчковъ* (ср. выше единство корней *тѣк-* и *толк-*), а потомъ отъ нечаянныхъ лихихъ встрѣчь, ибо въ далекомъ пути Богъ знаетъ, на кого натолкнешься и съ кѣмъ столкнешься. Въ народномъ же словопроизводствѣ съ одной стороны удлинненная форма, отъ *притка* или *притча*, *притчина* смѣшивается еще со словомъ *причина* (корень *чин-*, Causa, Ur-sache), напр. «излишняя пгрушка доводитъ до *притчины*,» «сдѣлалъ *причину* и всѣмъ навелъ кручину,» «экая *притчина*,» «*причина* его взяла,» «*причина* тебя побей,» и т. п., а съ другой стороны прививается корень *пр-* или *прит-*, откуда *прить*, *приткій*, *притокъ*, по сходству не только звуковъ, но и смысла, т. е. быстроты, бѣга, стремленія. Мы видѣли выше, что путемъ такого словообразованія въ народномъ творествѣ являясь въ числѣ удалцевъ и богатырей особыя *Притченки*. Наконецъ предлогъ *по*: отсюда лѣтисчисный глаголь *по-тче*, *по-ткоша*, въ значеніи толчка, набѣга; *по-тка*, тоже, что *притка*, въ значеніи встрѣчи, значенія, напр. въ Словѣ «о злыхъ дусѣхъ (Москвитян. 1844 г., № 1):» «егда ли что ны на пути зло створиться, то учнемъ дружинѣ своей глаголати: почто не вратихося! А не безлѣпа (вѣдь не наирасно) ны *потка* не дадеше (не давала) повти, а мы ся не послушахомъ.» Наконецъ слово, съ котораго мы и начали, *по-токъ* или *по-тыкъ*, какъ прозвище богатыря. Во всѣхъ этихъ развѣтвленіяхъ одного и того же корня сбереглось одно и то же представленіе, о силѣ движенія или стремленія, силѣ неугомонной, бродячей, переходящей, съ которой вездѣ того и гляди столкнешься, о силѣ лихой и бѣдовой; сообразно съ такимъ пред-

ставленіемъ, въ былевомъ творчествѣ созданы особыя образы, своеобразныя лица—*Истошники, Заточники, Притченки, Потоки* или *Потыки*.

Итакъ прозвище — *Потокъ* или *Потыкъ* выражаетъ цѣлую и особую силу, своеобразную черту древней народной жизни; придаваясь одному богатырю, Михайлѣ Ивановичу, прозвище показываетъ, что онъ былъ главнымъ представителемъ этой силы. *Потоковъ* или *Потыковъ* было много: Михайло былъ ихъ главою, сдѣланъ главнымъ ихъ выразителемъ, творческимъ ихъ образомъ.

Какая же это сила, гдѣ было ея мѣсто, въ чемъ она воплощалась? Поирищемъ ея всесторонняго дѣйствія, собственнымъ мѣстомъ и временемъ для силы движенія, переходовъ, броженія, было *Кочевье*, эпоха кочеваго быта, періодъ слагавшагося народа русскаго: отсюда шли всѣ представленія, всѣ слова и названія, нами указанныя. Но, когда эта эпоха миновала, народъ сложился и вступилъ на новую степенъ бытія осѣдлаго, въ новой странѣ міра и мѣры, образовался въ міръ—народъ, въ Землю и Земщину, тогда отъ старины остались только слѣды и воспоминанія. Для народнаго творчества эти слѣды и воспоминанія выражались, во первыхъ, въ образѣ *Старшихъ богатырей*, какъ остатковъ былаго, ярко еще носившихъ на себѣ отпечатокъ стихійнаго броженія и кочевья, но уже вымиравшихъ среди условій новой жизни. Далѣе, таковы же были и вообще богатыри, какъ *Дружина Земская*, ибо сама Земля выражала собою стойкость и опредѣленность, Дружина же была Землею въ движеніи, со стороны переходовъ, подвиговъ, стремленій. Сила безпокойная, волновавшаяся жаждою новыхъ предпріятій, кипѣвшая избыткомъ жизни, молодежь и вольница тяжела была внутри Земли, міра, города, посада, села и деревни; ее вытаскивали, сжидали съ рукъ, сироваживали на разные урочные подвиги: «вѣдь въ Кіевѣ, говоритъ пѣсня, нельзя имъ жить: разгуляются—распотѣшатся, распотѣшатся—станутъ всѣхъ толкать, а такіа потѣха богатырскія народу было не вытерпѣть (вып. 1, стр. 63)». Съ этой стороны Земская Дружина имѣла отчасти черты періода предшествовавшаго, кочеваго; но была и глубокая разница: тамъ были переходы, стремленія и вообще броженія *до* Земли, до сложившагося міра-народа, а здѣсь Дружина дѣйствовала *отъ* Земли и *за* Землю. Потому и характеръ ея, при всей подвижности, имѣлъ уже въ чертахъ своихъ опредѣленность, фізіономію самой Земли: стойкость,

стройность, опредѣленность цѣлей; богатыри *стояли* за Землю, на *заставахъ*, ей принадлежащихъ, нося названіе « *стоятелей* и *обергателей* » земля Русской (ср. вып. 1, стр. 68). Таковъ въ особенности Плья Муромецъ съ своей степенностью, потомъ Добрыня съ магкостію приемовъ, Алеша съ безграничной смѣлостью, Василій Долгополый съ неповоротливостью, Дунай съ тихостію, и т. п. Это была сила Земской жизни, подвижная, бродячая, но вмѣстѣ и сила постоянная, т. е. стремившаяся впередъ и въ то же время возвращавшаяся къ Землѣ; въ этомъ постоянномъ круговращеніи — Земли къ Дружинѣ, Дружины къ Землѣ, состояла циркуляція жизненныхъ силъ древняго организма, тайна его кровообращенія. За всѣмъ этимъ были такіе слои въ древней Земской жизни, которые не были въ ней постоянною силой, а только лишь, сказали мы прежде (вып. 3, « Замѣтка, » стр. V), « со стороны, мимоходомъ, врывались въ нее и въ Кіевъ съ другой, болѣе важной для нихъ дороги, » были только терпимы подъ разными условіями, или допускались временно, какъ минута развитія или даже уклоненіе. Это уже были силы бродячія беззавѣтно, безцѣльно, безвозвратно, блуждающія, въ которыхъ все было движеніемъ, и *только* движеніемъ. Таковы были *Поляницы* удалыя: это удалыцы заѣзжіе и притомъ, судя по ихъ описанію, большею частію съ Востока, изъ народовъ, у которыхъ кочевье навсегда кристаллизовалось, безъ выхода къ чему либо новому; попадали на этотъ путь и Русскіе богатыри, но лишь на время, увлеченные минутною жаждою погарцовать въ полѣ беззавѣтно; попадали и Русскія женщины, но лишь въ опредѣленную пору, на примѣръ въ житѣ дѣвичьемъ, какъ Настасья Микулишна, или въ чрезвычайномъ случаѣ, на примѣръ для спасенія мужа, какъ Василіса Микулишна. Потому и Потькъ, какъ Русскій богатырь, могъ принимать эту роль, но не является нигдѣ ея присяжнымъ представителемъ. Далѣе, таковы были *Кальки Перехожіе*. Послѣ Старшихъ богатырей это были полнѣйшіе выразители благо кочевья, его дѣти, его порожденіе, его образы; потому, какъ и Старшимъ богатырямъ, имъ грозилъ судъ смерти среди новой сложившейся жизни, они обрекались на судьбу вымиранія: такъ бы съ ними и случилось, если бы Земля не указала имъ цѣли блужданія—Святыхъ мѣста, если бы не догадалась, что ихъ страшный и униженный образъ, разобщенный съ остальнымъ міромъ, способенъ къ воспріятію творческаго пантія, къ храненію созданій народнаго творчества,

къ разносѣ и передачѣ Былинъ, въ особенности Стиховъ. Подъ этими условіями, наложенными Землею, спаслись они, и мы видѣли ихъ настоящихъ представителей, Данилу Игнатьева, Сильнаго Иваннича, Старчища Пилигримшица, и т. д. Лишь порою, съ своей главной дороги отъ Святыни къ Святынь, отъ монастыря къ монастырю, отъ страны къ странѣ (откуда и имя ихъ, странниковъ), врывались они въ древній городъ и вообще въ древнюю общину, а большею частію встрѣчались на пути, на мосту, и, хотя кое-гдѣ уживались на долго, но подъ покровомъ не столько мірскаго общества, сколько Церкви. Общество даже радо было бы усадить ихъ на мѣстѣ и допускало имъ общее устройство, по сотнямъ, а позднѣе на Западѣ Руси и по цѣхамъ: они сами не могли ужиться на одномъ мѣстѣ, повинувшись своему исконному призванію и не смотря на богатѣльни, убогіе и богорадые дома, которые вносльдствіи придумало имъ Московское государство. Въ нѣдра этого слоя спускались и устарѣвшіе богатыри, и на оборотъ, забравъ силу, Калѣки поднимались до громадныхъ образовъ богатырскихъ; сами присажные богатыри временемъ входили въ ихъ роль, надѣвали ихъ платье, прикидывались нимъ. Такимъ образомъ, хотя чрезъ всю исторію и ошло отъ нихъ Русское общество, но допускало ихъ какъ явленіе временное, урывчатое, мимоходное, въ самомъ блужданіи направлявшееся къ опредѣленнымъ цѣлямъ, въ самомъ безобразіи принимавшее впечатлѣнія окружающаго общества и служившее его духовнымъ нуждамъ. Потыкъ, какъ истый Русскій богатырь, полный сатжихъ силъ богатырства, не могъ также быть полнымъ представителемъ этихъ лицъ, подобно Данилѣ или Иваннищу. Итакъ, въ самомъ богатырствѣ нужно поискать стороны, гдѣ бы на своемъ мѣстѣ могъ развернуться Михайло Ивановичъ, сохранивъ вѣрность оригинальному своему прозвищу Потыка. И точно, тогда какъ другіе богатыри выражали каждый какое либо особое свойство Земской Дружины, то степенность, то вѣжливость и мягкость приемовъ, то смѣлость, и т. п., Потыкъ, сообразно своему прозвищу, является повсюду преимущественнымъ представителемъ стороны *движенія, броженія, стремленія*, того свойства, которое Дружину всего болѣе отличало отъ Земли и всего болѣе Землю дѣлало Дружиною. Это, можно сказать, регрессивнѣе мѣсто древнѣйшей Земской Дружины, крайняя точка, обратно противоположная Пилѣ Муромцу, всего болѣе стойкому и степенному, всего болѣе походившему на саму Землю. Изъ этого значенія вытекають

всѣ прочіе образы и черты Потыка, созданные Быловымъ творчествомъ. Именно:

а.) Въ противоположность другимъ богатырямъ, у которыхъ знаемъ мы родъ и племя, отцовъ-матерей, рожденіе и родню, какъ известную мѣстность, даже воспитаніе и повѣсть первыхъ лѣтъ,— у Потыка не видимъ по пѣснямъ ничего подобнаго (см. 4-й нашъ вып. и Рыбник.): онъ какой-то безродный молодецъ, заразъ появляющійся въ своемъ настоящемъ видѣ, оторванный отъ прошедшаго, съ намеками о концѣ счастливомъ, но безъ вѣсти о всѣхъ послѣднихъ дняхъ дѣятельности.

б.) Посмотрите, сидитъ ли онъ на одномъ мѣстѣ: какъ будто ни минутой, какъ будто только присядеть, чтобъ подняться, и въ путь. Пѣсни объ немъ обыкновенно начинаются тѣмъ, что Владиміръ отряжаетъ его на какой ни будь подвигъ въ далекую сторону; только лишь онъ воротится, какъ ступай дальше; отъ Лиходѣя Лиходѣева мчится онъ къ Налету Излетову; только съѣлъ съ Налетомъ за шахматы, какъ пришла вѣсть, и доску тавлейную объ полъ, и въ три часа въ Кіевъ; тамъ лишь зажилъ съ женой, какъ обмерла она, Лиходѣевна, и Потыкъ лѣзетъ съ ней въ подземелье, въ могилу; но и тамъ не пропалъ, кричитъ во всю голову, дергаетъ веревкою за языкъ колокольный, выскочилъ, и ужъ на горахъ Сорочинскихъ противу сорока царей-царевичей; воротился, а жена убѣжала, и черезъ минуту Потыкъ въ землѣ Волинской, у похитителя Вахрамея Вахрамеева; его въ погребъ, онъ изъ погреба, его въ камень, онъ живой изъ подъ камня, и опять бьется, и опять въ Кіевъ. Онъ и въ Подольѣ, и въ Волини, и въ темной Ордѣ, и въ Турціи, и у Бухаря заморскаго (у Бухаровъ?), и въ землѣ Полтавской, и во главѣ Каликъ на пути къ Ерусалиму, и съ ними же въ хороброй Литвѣ, и только что пристѣли они въ Кіевъ, «вынималъ изъ сумы книжку свою, посмотрѣлъ и число показалъ, что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся, и пора намъ, молодцы, въ путь итти (вып. 3, стр. 99).»

в.) Не будучи самъ настоящимъ Калъкою и оставаясь богатыремъ, но богатыремъ по преимуществу бродячимъ, Потыкъ по той же самой причинѣ естественно является иногда во главѣ Калъкъ Перехожихъ, какъ мы знаемъ изъ былинны о «Сорока каликахъ со каликою.»

г.) Все въ немъ бродячее, даже самое имя : онъ, во главѣ Калѣкъ, называется иногда и *Омою*, и *Касьяномъ*.

д.) Только что женился, а уже успѣлъ поддѣть себѣ красную дѣвушку, уже ѣздитъ по Кіеву за скверными женщинами (Рыбник., ч. I, стр. 208, 209); хлопочетъ воротить похищенную жену и въ то же время влюбляетъ въ себя королеву.

е.) Не разъ мы замѣчали, что чѣмъ опредѣленнѣе богатырь времени Владимірова, чѣмъ выразительнѣе сказалась въ немъ эпоха сложившейся Земли и новой жизни, чѣмъ болѣе въ немъ чертъ самой Земли, тѣмъ менѣе баснословнаго. И здѣсь Потыкъ представляетъ крайнюю противоположность Ильѣ Муромцу: образъ его, расплывчивый среди бродячей жизни, съ чертами переходными, едва ли не болѣе вѣтъхъ прочихъ богатырей перепутанъ съ явленіями баснословными. По своему удобленію съ прожитою эпохою языческихъ вѣрованій и стихійности вѣросознанія, притягиваетъ онъ къ себѣ оттуда множество образовъ совершенно баснословныхъ, Лебедь-Валькирію, вообще оборотней, подземныхъ змѣевъ, райскихъ птичекъ, Лиходѣевъ, Лиховидовъ, и т. д.

ж.) По тому же самому образъ его изъ опредѣленнаго богатыря готовъ безпрестанно расплыться въ образъ безымяннаго молодца, превращая и былину богатырскую въ пѣсню безымянную: съ именемъ Потыка овладѣвши Настасьєю, королевною Политовскою (Рыбник., ч. I, стр. 234 — 236), онъ потомъ является при ней въ пѣсняхъ безымянныхъ какъ несчастный молодецъ (тамъ же, стр. 452—461) и пронесется сквозь всю исторію былевого творчества, переходя даже въ извѣстнаго Ваньку-ключничка.

з.) Также точно сказки о богатыряхъ, въ коихъ мы нашли болѣешую опредѣленность, на примѣръ объ Ильѣ и Добрынѣ, только твердятъ быль, только повторяютъ былину: на оборотъ, образъ Потыка, какъ увидимъ ниже, расплылся въ сказкахъ до послѣдней неопредѣленности, теряя черты свои въ чисто-сказочныхъ подробностяхъ.

Все это убѣждаетъ насъ, послѣ богатыря-Крестьянина, Боярина, Поповича, Дьяка, Гостиного Сына, Ловчанина, и т. п., видѣть въ Потыкѣ Богатыря-*Бродягу*, хотя въ смыслѣ болѣе чистомъ и высокомъ, чѣмъ употребляется нынѣ, и таково именно значеніе древнѣйшаго прозвища—*Потокъ* или *Потыкъ*.

Разсмотримъ же, хоть бѣгло, этотъ образъ сперва среди *бога-*

тырей, съ соответствующими чертами изъ сказокъ, потомъ во главѣ *Калѣкъ перехожихъ* (см. вып. 3, 4, и Рыбник. ч. I.).

Среди богатырей являясь обыкновенно съ Ильєю и Добрыней, Потыкъ, какъ сказано, отячается отъ нихъ особенною подвижною и подвиги совершаетъ въ одиночку, особнякомъ. Мы выше перечисляли страны, куда заносила его служба Владимиру: судя по именамъ и описанію, это исключительно почти края Западные, Подолье, Волинь, Литва, Ляхи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, отъ иноземнаго государя получалъ онъ въ подарокъ корабль и добываетъ себѣ дѣвицу-Лебедь, дѣвицу оборотня; добывши, хочетъ цѣловать ее, но встрѣчаетъ препятствіе: она некрещеная, поганая. Потому Потыкъ сперва привозитъ ее въ Кіевъ, приводитъ въ вѣру крещеную и женится. Замѣтивши, по словамъ нѣкоторыхъ былинъ, шаткіи нравъ своего мужа, Лебедь Бѣлая хочетъ взять его покрѣпче въ руки, ищетъ надъ нимъ мудрости, творить чары и договаривается, кто раньше умретъ, другому лечь живому съ тѣломъ мертвымъ. Спустя время, она обмираетъ, т. е.—забито—прикидывается, чтобъ погубить мужа, а самой встать, ибо, какъ оборотень, она имѣла къ тому силы. По уговору, спустили въ могилу обонхъ: но Потыкъ запаса желѣзными клѣщами и прутьями, побилъ ими прилозшихъ змій и всякихъ гадовъ, между тѣмъ пробуждена и жена еретница, дали изъ подъ земли знать, вытащены, пожгли вмѣстѣ, и когда умеръ Потыкъ, жену по уговору и въ наказаніе за чары зарыли съ нимъ въ могилу. Таковъ одинъ, законченный отдѣлъ сказаній.

Другой, совершенно независимый отдѣлъ сказаній изображаетъ Лебедь Бѣлую какъ распутную: она бѣгаетъ съ разными врагами въ чужія страны, все-таки впрочемъ Западныя, и Потыкъ принужденъ гоняться и отыскивать ее, передѣваясь Калѣкою. Но и отысканная, она успѣваетъ его нѣсколько разъ обмануть, предательски пользуясь его пьянчивостью и засаживая его то въ погребъ, то оборачивая въ камень. Здѣсь бы и сгибнуть ему, еслибы не помогли братья названые, Илья и Добрыня, а имъ самимъ не помогли бы—съ одной стороны иноземная королева, Настасья или Анна, да Святитель Микола въ образѣ Калѣки перехожаго. Королеву Потыкъ въ благодарность беретъ за себя, а Миколу обязать на вѣки молебнами.

Здѣсь, во первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе лицо Потыковой жены, Лебеди. Извѣстно изъ древней мифологіи, что каково мифологическое существо мужское, такова и его половина женская: она

выражает обыкновенно возможность, или, как говорят немецкие ученые, потенцію, пассивную сторону тѣхъ же самыхъ свойствъ, которыя окрѣпли и энергически выражаются въ существѣ мужскомъ. Замѣчательно, что то же самое видимъ въ нашихъ богатыряхъ: Богатыри Старшіе, представители былаго стихійнаго броженія, на примѣръ Сваторогъ, имѣютъ и женъ крайне податливыхъ къ новымъ началамъ, не стойкихъ въ вѣрности, готовыхъ за угломъ и во время мужнаго сна предаться юному влекущему началу (ср. Рыбник.). Вѣрные служители Земли, Добрыня и Данило или Ставръ имѣютъ и особенно вѣрныхъ женъ, первый, совершенно по себѣ, вѣжную и *вѣжливую* Настасью, два послѣднихъ энергическую Василису. Обѣ дочери стойкаго представителя Земщины, Миколы. Илья до того провикнуть началамъ Земщины, до того стоекъ, степененъ, строгъ и замкнуть, что не допускаетъ при себѣ даже никакой женской половинны и остается до смерти холостымъ, соединяясь съ женщинами только грѣхомъ, случаемъ, паденіемъ, безъ постоянной связи. Какъ крайняя протявуположность Ильи, богатырь подвижности и броженія, Потыкъ, подобно богатырямъ Старшимъ, имѣетъ, какъ мы видали, жену-оборотня, не стойкую въ вѣрности, измѣнчивую, податливую.

Во вторыхъ, черты жены Потыковой, какъ оборотня, ея обмиранье, желаніе погубить вмѣстѣ съ собою и мужа, общій гробъ и одна могила, все это напоминаетъ многіе сказочные рассказы и между прочимъ извѣстную повѣсть Н. В. Гоголя о Вѣѣ, основанную, какъ увидимъ сейчасъ ближе, на народныхъ преданіяхъ.

Со вѣстнъ ушустивши это изъ виду, одинъ разъ, въ разговорѣ объ мертвецахъ, мы передали содержаніе Гоголевой повѣсти слѣдому кагѣткѣ изъ Смоленской губерніи, Терентію Ивановичу, и не мало удивились, когда въ концѣ разсказа онъ перебилъ насъ, возразивши, что онъ самъ очень хорошо знаетъ это дѣло, только немного иначе, что это былъ, случай заподлинный. Вотъ краткій очеркъ его повѣсти, сколько успѣли записать мы. Одинъ купецкій сынъ выпросилъ у отца денегъ и пошелъ закупать товару; въ лавчонкѣ увидалъ онъ Жиду, который за неудачи свои сѣкъ какой-то образъ: молодецъ, послѣ долгаго спора, успѣлъ убѣдять, чтобъ Жидъ уступилъ ему образъ за всѣ деньги, что съ нимъ были. Отецъ, разумѣется, сердился на сыновнее приобрѣтеніе, но образъ поставили съ честью, а сынъ набралъ товару въ долгъ и готовъ былъ взять за море, какъ

привязался къ нему какой-то старецъ (то же, что Калѣна переходжій): « возми меня съ собою , пригужуся. » Поѣхали вмѣстѣ. За моремъ пристали къ одному городу : стоятъ въ пристани корабли видимо-невидимо. Царь позвалъ къ себѣ пріѣзжаго молодца и назначилъ къ царевнѣ отгадывать ея загадки : « коли отгадаешь, отдамъ за тебя за мужъ , не то убью тебя , а товаръ возьму. » А корабли стоятъ все убитыхъ за ту же вину прежнихъ гостей ; а царевна хитрая ворожея, оборотень. Съ помощію старца, молодецъ отгадалъ загадки и долженъ былъ взять невѣсту. Но она, еретница, обмерла: пріѣзжаго приставилъ отецъ чтать надъ нею Псалтирь въ церкви. По совѣту старца, молодецъ взялъ въ церкву три воза осино-выхъ дровъ (извѣстное орудіе противъ оборотней). Слѣдуютъ тѣ же черты, что въ Віѣ: царевна также вставала ночью и съ прочими чудами хотѣла схватить и задушить молодца ; двѣ ночи отбивался онъ отъ чудъ полѣвьями ; на третью чуть не пропалъ , но улучилъ минуту, пробило двѣнадцать часовъ, царевна осталась одна, и онъ хотѣлъ убить ее. Взмолилась она и обѣщала выйти за него за мужъ. Молодецъ повезъ ее назадъ въ Кіевъ , а царь подарилъ ему все стоявшіе подъ городомъ корабли. Хотѣли вѣнчаться : да какъ съ поганою еретницей? Старецъ повелъ ее въ баню и въ глазахъ молодца распласталъ на части; ужаснулся молодецъ, а старикъ говоритъ : « смотри, что будетъ. » Изъ разсѣченнаго тѣла пополази змѣи и всякіе гады , ихъ едва перебили метлами и заступами : вся эта погань была внутри и нужно было очистить. Послѣ старецъ оживилъ тѣло , сказалъ—« прощай, молись тому образу, что спасъ ты отъ Жида, это мой образъ , я Микола. » И съ тѣмъ пропалъ , а молодецъ сталъ жить-поживать съ женою. Этотъ разказъ, соединяя подробности повѣсти Вія съ чертами Потяка и его жены, свидѣтельствуетъ , какъ живущъ въ народѣ образъ сего послѣдняго и въ какихъ именно чертахъ сказочныхъ проходитъ онъ сквозь всю исторію русскаго народнаго творчества. Раскроемъ Сказки (по собранію г. Аванасьева и лубочнымъ изданіямъ , у насъ имѣющимся), и мы почти все это встрѣтимъ , только въ разбросанномъ видѣ и конечно безъ имени Потяка.

Въ сказкѣ « о Правдѣ и Кривдѣ » бѣднякъ , жившій Правдою , наученъ былъ за то отъ Бога, гдѣ подслушать разговоры нечистыхъ. Одинъ изъ нечестыхъ и говоритъ : « Я былъ у такой-то царевны , вотъ , десять годовъ ее мучаю. Всяко меня выгоняютъ изъ нее :

никто, слышь, меня не сможет выпнать, а выгонит тот, кто вѣтъ у такого-то богатаго купца достанетъ образъ Смоленской Божей Матери, что у него на воротахъ въ куотѣ (кіотѣ) удѣланъ (здѣсь этотъ образъ занимаетъ мѣсто Миколы).» Услышавши это, бѣжавъ пошелъ къ купцу и цѣною тяжелой платы добылъ образъ. Пошелъ онъ къ скорбящей царевнѣ, образомъ выгналъ нечистую силу и женился на исцѣленной (Аван. вып. 1, стр. 45—51).—Замѣтимъ, что весьма сходная сказка есть и у Болгаръ.

Жилъ былъ одинъ бѣдный священникъ. «Вотъ онъ все молился ды молился, день и ночь молился, и Николу мвлославга просилъ все, кабы справиться... Вотъ онъ пошелъ изъ дому, куды глаза глядятъ; шолъ-шолъ, все шолъ, и увидалъ: возля дороги сплять двоя съ сумками, какъ и онъ пѣше... Одна-тъ молодинькой съ бородакой, а другая-тъ сѣдывькой старичокъ.» Второй изъ нихъ и былъ Микола: ср. въ пѣсняхъ о Потыкѣ (у Рыбник.), какъ на дорогѣ къ Ильѣ и Добрынь, идущимъ калѣками, присталъ старецъ, пилигримъ, калѣка Микола. Пошла они вмѣстѣ и узнали, что въ одномъ городѣ у барина была большая дочь, которую никто не могъ вылѣчить. «Пришли они къ тому барину, стали стучаться у него подъ окномъ: «пусти-ба насъ, мы, слышь; вылѣчишь твою дочь.» Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ дѣлать свою дочь: они взяли ее и повели въ баню.» Младшій изъ сотоварищей «всеё её разрѣзалъ на части: она и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части её, взялъ и перемылъ всёё на всёё въ трѣхъ водахъ. Перемылъ въ трѣхъ водахъ и сложилъ её вмѣстѣ по прежнему, какъ была. Сложилъ вмѣстѣ, и спрыснулъ разъ—она ерослась; спрыснулъ въ другой—она пошевелилась; спрыснулъ въ третій—она встала:» ср. какъ Потыкѣ въ подземельѣ оживилъ спрыскиваемъ жену. «Привели её къ отцу; она, знашь, и говоритъ: «я во всёмъ здорова по прежнему.» Вотъ баринъ тотъ ихъ вдводемъ сыто на сыто всёхъ накормилъ и напоилъ... Вотъ послѣ барина-тъ открылъ имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышь, берите, сколько душѣ вашей угодно.» Сравните награду, которую получилъ Потыкѣ отъ отца Лебеди. Перебрали трое съ деньгами черезъ рѣчку. «И сѣли все троя на бережокъ... «Давай деньги-то дѣлать.» Младшій «сталъ дѣлать деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Пона-тъ говоритъ: «насъ, де, троя: кому кладешь ты еще четвѣртую долю?» в проч. Сравните о Потыкѣ у Рыбникова:

XLIII

Онъ звалъ каликъ (Илью, Добрыню, Миколу въ образѣ старца)
въ палаты бѣлокаменны,

Кормилъ ихъ вѣстухой сахарною,

Помилъ-то штыцемъ медвянымъ,

Навалилъ денегъ по подсумку. . .

Привелъ ихъ старичище (Микола) ко камню,

Самъ говорилъ таковы слова:

« Мыѣ отъ васъ это ротаиъ прочь итти,

« Начнемъ на камню деньги пѣвать.»

Дѣлилъ старикъ на четыре доли,

И говорить старый казакъ Илья Муромецъ:

— Дѣлишь, старикъ, деньги на четыре доли:

— Кому дѣлишь четверту часть?— и проч. (ч. I, стр. 224).

Или:

Пришли къ бѣлому ко камени.

Говорилъ старичище пилигринище:

« Станемте-ка, братцы, животовъ дѣлить.»

Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:

— Дѣли-ко ты, старичище пилигринище.—

Дѣлить старичище пилигринище,

На четыре дѣлить онъ на четверти.

Говорятъ калики переходимъ:

— Кому дѣлишь четверту часть?— и проч. (стр. 233).

Другой бѣднякъ « служилъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того до-
служилъ, что не осталось у него ни кола, ни двора, ни хлѣба, ни
пріюта. » Увидѣлъ онъ икону Николы, съ горя ударилъ ее и пошелъ
куда глаза глядятъ (ср. выше икону Миколы у Жиды). « Шелъ онъ
путьемъ-дорогой. Вдругъ пался ему на стрѣту незнамой человекъ :
« здравствуй, доброй человекъ, куда идешь и откуда? Возми меня
къ себѣ въ товарищи. » Вотъ и пошли они вмѣстѣхъ. . . . Идутъ,
идутъ, вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розстани. Вотъ они пошли
оба въ одну сторону, дошли до какого-то царства. Въ этомъ цар-
ствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вы-
лѣчитъ его дочь, тому полжитья, полбытъя, полцарства, а не вы-
лѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. » Сказались они
лѣкарами. « Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попро-

спля у царя особой избу, обрѣза воды, вострой сабли, большого стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали ее вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ думеть, такъ штука съ штукаю и склеиваются. Склалъ онъ всё штуки какъ надоть, въ послѣдній разъ дунулъ — царевна встрепелась, и встала жива и здрава. . . Царь говоритъ: « что хотите вы отъ добра? Злата ли, серебра ли? Берите. . . » Царь наградила ихъ обоимъ серебромъ и златомъ. « Пойдѣмъ же деньги дѣлать, » сказалъ старикъ. Пошли. Склали всё деньги на три кучки. « Какъ же, насъ двое, кому же третья—то часть? » и проч. « Ну на тебѣ деньги, сказалъ старичекъ, да возьми и мои. . . Не жадничай, да не бей ключами Николу. . . » Сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ (ср. « Нар. Р. Лег. » г. Аван., 1859 г., стр. 15—23). » Опять у Рыбникова:

И стали подходить къ рубежу Волинскому,
И вышелъ къ дорожкѣ старичекъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
« Возьмите меня во товарищи. »
Взяли старика во товарищи.

Затѣмъ дѣйствія ихъ вѣстѣ, дѣленіе казны съ одною лишнею частью, и наконецъ:

Говорилъ старичище таковы слова:
« Прощайте, русскіе могучіе богатыри!
« Молитесь Миколы Можайскому:
« И будетъ васъ Микола мпловать,
« Изъ спня моря выздыновать. »
А и видѣли старика походючись,
И не видѣли, куда старый шельъ,
Оставалась казна на камня (стр. 223—225).

Развернемъ еще лубочную сказку (въ нашего собранія) *О Силѣ царевичъ и объ Ивашкѣ Бѣлой рубашкѣ*. Сила царевичъ, меньшой изъ трехъ братьевъ, какъ водится, отправился искать приключеній. « Шельъ кула глаза глядеть, и такъ онъ шельъ долгое время, в никого впереди себя не выдываль, и сзади никто не обганиваль.

Наконецъ услышалъ за собою бѣгущаго человѣка, которой былъ въ бѣлой одеждѣ. Сила царевичъ оглянулся, вдругъ видя, что уже онъ его нагоняетъ; тотчасъ и вынулъ свой мечъ, и остановился, думая, не злодѣй ли какой догоняетъ. Какъ скоро тотъ человѣкъ нагналъ его, то бросился къ нему въ ноги. » Оказалось, что это былъ нѣкогда еретикъ, т. е. волшебникъ, знахарь, заключенный за то въ гробницу и случайно освобожденный царевичемъ. Онъ сталъ слугою царевича: эта Бѣлая Рубашка то же лицо, что *Ивашка Бѣлая Эпанча*, представитель Руси, въ слугахъ у царя Далмата, известный по сказкѣ объ Ерусалѣ, и, вѣроятно, *Дворянинъ Бѣлая Палица*, о которомъ говорили мы выше. Въ настоящемъ случаѣ онъ вступаетъ въ ту же роль, что приведенный нами прежде встрѣчный старичекъ. Онъ сосваталъ царевичу королеву *Труду*: но она была еретница, совершенно такая, какова, видѣли мы выше, была жена Цотыка. Ивашка помогъ царевичу убить летавшаго къ ней змѣя, запретилъ по почамъ прикасаться къ ней и сталъ наконецъ лѣчить ее: « царевичъ простился съ своимъ тестемъ и взявъ съ собою свою супругу, поѣхалъ въ свое отечество. На половинѣ дороги Ивашка сказалъ Силѣ царевичу, чтобъ велѣлъ остановиться лагеремъ съ полками. Царевичъ его въ томъ послушался и приказалъ разбить полатки. На другой день послѣ того Ивашка предъ полаткою царевича сложилъ костеръ дровъ (ср. выше дрова противъ оборотней) и зажегъ ихъ, а послѣ того вывелъ королеву Труду изъ полатки, раздѣвъ ее, и выхватилъ изъ подъ полы мечъ свой и разрубилъ Труду на двое. Сила царевичъ испугался весьма и заплакалъ: « не плачь, что она опять жива будетъ. » Какъ скоро тѣло царевны Труды развалилось на двое, то изъ чрева ея поползли всякія гады, которыхъ Ивашка всѣхъ побросалъ въ огонь, а потомъ сказалъ царевичу: « видишь ли, Сила царевичъ, какая чистота была во чревѣ у твоей супруги? Это вить всѣ злыя дѣхи въ ней зародились! » Потомъ когда всѣ гады изъ чрева ея выползли, а Ивашка ихъ всѣхъ пережегъ, потомъ Трудино тѣло опять сложилъ вѣтѣи и sprysнулъ живою водою, и королева Труда въ ту жь минуту сдѣлалась здоровою, и стала столь смирна, сколько прежде была зла. Тогда Ивашка сказалъ Силѣ царевичу: « Ну, Сила царевичъ, теперь даю тебѣ волю творить съ своею супругою и что хочешь, потому что уже ты не можешь ничего опасаться. » Послѣ сего онъ ему еще сказалъ: « Теперь прощай, Сила царевичъ, ты меня больше ни-

когда не увидишь.» Сказалъ сѣ слова, сталъ невидимъ (такля же сказка въ 5-мъ выпускѣ у г. Аван., стр. 164 — 175, объ *Ивань-царевичь и Катомя-дядькь, Дубовой шапкь*: катона те же, что сумка переметная, знамя Калѣкъ; и шапка тяжелая ихъ же признакъ).»

Подобнымъ же образомъ, по сказкамъ, очищаютъ и всѣхъ вообще оборотней или, что то же, отъ нихъ спасаютъ народъ; на прим. въ сказкѣ у г. Аван., вып. 5, стр. 146, 147: «Собрали крестьянъ и приготовили сто возовъ осиновыхъ дровъ; вотъ привезли дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна (оборотня) изъ могилы, положили на костѣрь и зажгли: а кругомъ народъ обступилъ, всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костѣрь облялся пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и ползали оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ, ни одному червяку не дали ускользнуть.»

Чтобы сопоставить это распластанье тѣла, изгнаніе и убіеніе гадовъ, потомъ оживленіе тѣла, съ исторіею, переданною былинками о *Потыковой женѣ*, нужно вспомнить, что всѣ эти змѣи и гады, вся нечистая сила, являются, на примѣръ въ *Виѣ*, потому лишь вокругъ женщины, какъ ея помощники, что въ ней самой, въ ея утробѣ нечистая сила. Какъ можно, разрѣзавъ утробу, выгнать изъ нея и перебить гадовъ, такъ, на оборотъ, можно перебить гадовъ, можно побороть нечистую силу во виѣ, и тѣмъ очистить внутренность, утробу, душу еретницы. Однѣмъ путемъ избираютъ сказки, другой былинны. Въ былинахъ нечистая сила, порожденіе внутренней нечистоты *Потыковой жены*, представляется во виѣ и *Потыкъ* борется съ нею во внѣшнемъ мірѣ: это — обмпранье, порожденное чарами *Бѣлой Лебеди*, могла, куда свела она мужа, приползшіе змѣи и гады, которыхъ бьетъ онъ прутьями и кѣшанн; при чемъ не трудно замѣтить, что вся эта умерщвляющая сила чаръ, глубокое подземелье, ползущіе змѣи и гады—суть творческое олицетвореніе, образы внутреннего міра еретницы, отдавшей нечистой силѣ. Поборовши эту силу, *Потыкъ* оживляетъ жену вспрыскиваньемъ воды, какъ очищенную выводитъ на свѣтъ Божій и тогда только дѣлается на всегда ея мужемъ. Это то же очищеніе, которое, мы видѣли, совершилъ *Потыкъ* крещеніемъ жены, безъ чего онъ не могъ ни цѣловать, ни мловать ее, какъ поганую. Та же самая нечистота внутренняя вы-

ражена и въ другомъ отдѣлѣ былинъ, выше указанномъ, гдѣ жена Потыка изображается распутною: распутство та же нечистая сила, тѣ же змѣи и гады; гонясь за женой по далекимъ царствамъ, чтобы спасти ее, Потыкъ стремится въ борьбу противъ тѣхъ же змѣй и гадовъ, ищетъ того же очищенія. Здѣсь-то въ былинахъ помогаетъ ему Микола, подобно какъ въ легендахъ и сказкахъ помогаетъ очищать утробу невѣсты отъ нечистотъ. Ясно, что оба отдѣла былинъ совершенно одно и то же, только съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ образахъ, или, иначе, съ разными приѣмами изображенія; одинаковы совершенно и сказки, съ тою лишь разницею, что въ нихъ образы развиты и перемѣшаны, а въ былинахъ цѣльнѣе, полнѣе и сосредоточеннѣе.

Остается замѣтить о послѣдствіяхъ, которыхъ добился Потыкъ рядомъ своихъ подвиговъ. Въ легендахъ и сказкахъ онъ спасаетъ невѣсту свою разсѣченіемъ тѣла ея, очищеніемъ отъ внутреннихъ нечистотъ и потомъ окропленіемъ живою водою, послѣ чего женится и кончаетъ жизнь въ счастіи; въ одномъ отдѣлѣ былинъ достигаетъ того же самаго, очищая жену сперва крещеніемъ, потомъ спускаясь съ нею въ подземелье, воюя съ чудовищами, воскрешая тою же живою водою и выводя на свѣтъ Божій; конецъ жизни здѣсь также свѣтелъ, но на самомъ предѣлѣ ея жена все-таки получаетъ возмездіе за прежніе грѣхи и живая погребается съ мужемъ; наконецъ въ другомъ отдѣлѣ былинъ жена, или лучше, женская половина Потыка дѣлится въ творческихъ образахъ на двое, на два лица: одна, прежняя, неизмѣнная, падаетъ жертвою своихъ козней и распутства, другая, уже не Марья, не Авдотья, а Настасья или Анна Королевична, впрочемъ такая же Лебедь Бѣлая, только уже чистая, любящая, вѣрная; съ нею счастливо кончаетъ Потыкъ дни свои, добившись спасенія жены, хотя уже не въ прежнемъ, нечистомъ, а въ новомъ, очищенномъ ея образѣ. Это двойство, которое мы видимъ здѣсь въ двухъ раздвоившихся изъ одного лицахъ, видно въ женѣ Потыка и повсюду: она, какъ невѣста, поганая, не можетъ цѣловать Потыка, и, послѣ крещенія, чистая, могущая быть супругой; передъ крещеніемъ, какъ говорятъ пѣсни у Рыбникова (стр. 215), у ней

Было имя прежде—

Марья Подоленка дочь Лиходѣвна,

А тутъ далѣ имя новое—

Настасья Лебедь Бѣлая дочь Лиходѣвна.

Тѣло ея разсѣкается , и по очищеніи , оно же составляется въ новый составъ , къ новой жизни , смертью и потомъ воскресеніемъ ; ее спасаетъ сперва мертвая , потомъ живая вода ; она сходитъ съ мужемъ въ подземелье какъ мертвая , и выводится оттуда живою , къ новой жизни , по избіеніи гадовъ . И такъ , вся ея исторія есть исторія ея очищенія и спасенія , воскресенія изъ мертвыхъ , оживленія , одухотворенія ; образы или орудія , которыми это совершается , совершенно однозначущи ,—смерть и воскресеніе , спуски въ подземелье , во внутреннюю глубинну , и выходъ оттуда на свѣтъ Божій , перелѣтъ лица и имени , вода , крещеніе , а въ нѣкоторыхъ сказкахъ и легендахъ—дуновеніе духа .

Теперь вспомнимъ , что мы говорили выше о значеніи женской половины при мужской : это то же самое существо , какое и въ мужѣ , только по образу бытія женственное , пассивное , со стороны преимущественно матеріи , въ которой отпечатлѣваются дѣйствія духа , въ которой и изъ которой творится все новое ; исторія женщины есть исторія мужчины , со стороны его сознанія , подпавшаго процессу , переработкѣ , сдѣлавагося предметомъ дѣйствія , ставшаго матеріей , веществомъ для воплощенія силъ духа . Жена Потыка есть его сознаніе , его совѣсть , подпавшія процессу ; Потыкъ относится къ этому сознанію , къ своей совѣсти , принявшей образъ жены , какъ къ предмету дѣйствія : рядомъ своихъ подвиговъ , своею мужескою энергіей , силою живущаго въ немъ духа , онъ очищаетъ эту пассивную сторону своего существа , очищаетъ и спасаетъ сознаніе , совѣсть . Вспомнимъ , что онъ самъ—сила по преимуществу бродячая , стихійная , истекшая изъ давняго періода , изъ-по ту сторону сложившагося міра-народа , сила языческаго ; онъ блуждаетъ безъ стойкости и мѣры существа , онъ блудливъ , пьянчивъ , онъ попадаетъ въ подземелье , онъ возится съ гадами , онъ доходитъ до состоянія камня . Но онъ не стоитъ въ этомъ злѣ , онъ непрерывно движется , и въ энергіи его движенія лежитъ и задатокъ спасенія : одна нога его въ безднѣ , другая—шагъ къ избавленію : онъ борется , на виду вся исторія борьбы , и въ концѣ желанное ея послѣдствіе , выходъ ; борьбою вышелъ онъ отъ смерти къ жизни , отъ нечистой силы къ чистотѣ , изъ подземелья на свѣтъ Божій , отъ блудливой жены къ чистой супругѣ , съ которой и покончилъ дни свои . Его спасеніе въ живой водѣ , въ крещеніи , въ перелѣтѣ существа и имени , въ церковномъ звонѣ , извлекающемъ его изъ могилы . И тамъ , гдѣ уже

самъ онъ не можетъ справиться собственной силой, является на помощь сила высшая: когда дошелъ онъ до состоянія камня, его воздвигаетъ къ жизни Микола, по народной пословицѣ—«Русскій Богъ.»

Поелику же Потыкъ есть не только личность, но представитель цѣлаго направленія, особой стороны въ Земской Дружинѣ, то его исторія есть вмѣстѣ на значительную долю исторія и всей Земской Дружины, а вмѣстѣ исторія и всей Земли Руской со стороны Дружинной жизни въ древнѣйшемъ періодѣ. Мы видимъ въ немъ и остатки прежняго, стихійнаго, кочеваго періода, и борьбу этихъ слѣдовъ съ новыми условіями жизни, и новые образы, принятые жизнью среди новыхъ условий, и борьбу языческихъ началъ съ Христіанствомъ, и торжество Христіанства, торжество духа, началъ нравственныхъ, и вмѣстѣ умирненіе, успокоеніе жизни, какъ плодъ пройденной борьбы. Вездѣ видна исторія духа, исторія Русскаго сознанія, не въ отвлеченности, а въ народныхъ творческихъ образахъ, не въ многологическомъ туманѣ, а съ красками положительной, вѣщей жизни. Будучи выразителемъ силъ внутреннихъ и невещественныхъ, Потыкъ въ то же время есть живой образъ, съ сердцемъ, лицомъ, бытомъ окружавшей его дѣйствительности.

Замѣчательно, что на пути ко спасенію, Потыкъ, будучи самъ Богатыремъ, передѣвается Калѣкою, является странникомъ; ему помогаютъ въ томъ главные богатыри Владиміровы, Илья и Добрыня, но также въ образѣ Калѣкъ; самъ Микола приходитъ къ нему въ рѣшительную минуту Калѣкою, старчищемъ-инлигримившемъ. И такъ, въ немъ спасается Богатырь и силою Богатырскою, но послѣдствія, виды и образы силы, средства, — все это принадлежитъ Калѣкамъ. Потыкъ очищенный и спасенный есть уже не прежній Богатырь, а Калѣка. Такимъ и является онъ во главѣ *Сорока каликъ со каликою*, о чемъ еще общали мы сказать особо.

Мы знаемъ уже, что многіе богатыри и удалцы, наскучивши прежнюю жизнь, не рѣдко искали спасенія душъ въ новомъ состояніи Калѣкъ переходящихъ, и въ этой новой формѣ бытія являлись совѣтъ яными. По самому свойству своей богатырской природы, отданной по преимуществу броженію, будучи способенъ стать во главѣ Калѣкъ, Потыкъ начинаетъ передъ нами новую повѣсть дѣятельности, въ формѣ преображенной. Здѣсь не похожъ онъ на прежняго Потыка, безалабернаго, нестройнаго, блудливаго, пьянаго: онъ уже не борется и не добываетъ борьбою, а проситъ, ради Христа;

у него зарокъ—не грабить, не лгать, не зариться на бабицу; онъ ни за что не рѣшается посягнуть на грѣхъ съ чужой женою; по клеветѣ терпя казнь, онъ выходитъ изъ подъ земли какъ ясенъ соколъ, «на его лице молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы;» «никакого духу онъ не вѣруеть;» духомъ своимъ прогоняетъ онъ «духъ прощастя,» «прощастъ плоть женскую,» «крестомъ ограждаетъ и благословляетъ (см. вып. 3, стр. 81—99 и Рыбник. ч. 1, стр. 236—240).» Образъ спокойный, величавый, просвѣтленный. Можно полагать, что въ его дѣлѣ съ Аурасіей былины хотѣли повторить еще разъ исторію его бѣдъ, борьбы и спасенія: подобно прежнему, изъ за женскихъ чаръ и прелестей, поадаетъ онъ въ землю, зарывается, теряетъ языкъ и очи; только ангелы спасаютъ его, научаютъ спасенію птицы райскія, и по обличеніи клеветы онъ торжествуетъ. Дѣйствительно, это и есть повтореніе прежней, богатырской исторіи Потыка; но повтореніе совѣтъ уже въ иныхъ образахъ, на иной почвѣ. Образы не Богатыря, а Калѣки; почва не внѣшней жизни, а нравственныхъ правилъ, ибо вся завязка въ клеветѣ, вся развязка въ торжествѣ истины, стало быть въ сферѣ чисто-нравственной. Здѣсь-то является Потыкъ неожиданно второбразомъ Прекраснаго Юсифа, ибо вся исторія Сорока калѣкъ со калѣкою, съ Потыкомъ во главѣ ихъ, есть перелицовка исторіи Юсифа, изъ Еврейской мѣстности пересаженной на Русскую, изъ исторіи священной въ дѣйствительную и бытовую. Дѣло въ томъ, что Калѣки всегда шли передъ собою идеалы: идеалами ихъ были Лазарь, Алексѣй, Юсифъ, Юсафъ царевичъ; *Уболій, Человѣкъ Божій, Странникъ, Пустынникъ*, — все это имена, равнозначущія по смыслу съ именованіемъ *Калѣкъ переходящихъ*, примѣры, съ которыхъ всегда такъ или иначе снимали снимокъ въ дѣйствительности. Конечно, жизнь дѣйствительная не давала идеаламъ воплотиться сплошн и часто отвлекала отъ нихъ немзѣримо далеко: но все же идеалъ оставался идеаломъ и ему посвящены лучшіе и важнѣйшіе изъ Стиховъ, воспѣваемыхъ доселѣ Калѣками. Потыкъ въ новомъ видѣ преображеннаго и просвѣтленнаго бытія своего ушелъ такъ далеко, что удостоился въ народномъ творествѣ сдѣлаться нагляднымъ выразителемъ одного изъ идеаловъ Калѣкъ переходящихъ, Юсифа Прекраснаго, со всѣмъ цѣломудріемъ, чистотою и всепрощающимъ сего послѣдняго.

О значеніи *Ставра* мы отчасти говорили уже прежде. Въ лѣтописяхъ имя его встрѣчается позднѣе, именно въ Новгородской первой подъ 1118 годомъ: «... Приведе Володиміръ (Мономахъ) съ Мистиславомъ вся бояры Новгородскыя Кыеву, и заводи я къ честному хресту, и пусти я домовъ: а иныя у себе остави, и разгнѣвася на ны, оже то грабили Даньслава и Ноздрючу, и на сочскаго на *Ставра*, и затоци я вся.» То есть Владиміръ Мономахъ призвалъ всѣхъ бояръ Новгородскихъ въ Кіевъ, привелъ къ присягѣ ему—князю, и часть отпустилъ домой, но нѣкоторыхъ, по гнѣву за ихъ пропускъ, въ томъ числѣ *Ставра*, послалъ въ заточеніе. Этотъ же гнѣвъ Владиміра на *Ставра*, выраженный тюрьмою его и назначеніемъ имѣнія въ казну княжескую, изображенъ и въ былинахъ: только по одинаковости имени и по нѣкоторому сходству эпохъ, дѣйствіе перенесено отъ Владиміра Всеволодовича къ Владиміру Святославичу. *Ставръ* былъ въ числѣ взятыхъ въ Кіевъ *бояръ* Новгородскихъ, почему и называется въ былинахъ *боприножъ*; но изъ лѣтописи видимъ, что онъ имѣлъ должность *сотскаго*, а потому былъ представителемъ Земли: такую роль играетъ онъ въ былинахъ, страдая отъ произвола Княжескаго какъ лицо Земское, съ явнымъ сочувствіемъ былинъ къ его страданіямъ, съ женою — дочерью представителя Земли, *Микулы*. Лицо его самого незначительное, подставное: оно только отбѣняетъ собою величавую фигуру жены—*Василисы Микулишны*. Отношенія Земской Дружины къ Князю и Дружинѣ Княжеской съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе натянутыми, враждебными, и разразились трагическою катастрофой, изображенною въ былинахъ, гдѣ Данило, Земской дружинникъ, палъ жертвою. Онъ является тамъ со всѣмъ напряженіемъ силы мужеской, побиваетъ Дружину Княжескую и измѣншихъ собственныхъ товарищей, потомъ, не перенеся борьбы, оскорблявшей святую правду, убиваетъ себя; при такой напряженности образа мужчины, *Василиса* естественно является при немъ лишь образцемъ женственности, послушливою, услужливою, готовою на такую же страдальческую жертву; она готовитъ мужу стрѣлы на враговъ, она убиваетъ себя на его трупъ. Но, говорили мы, безеое наше творчество, надорванное такими трагическомъ отношеніемъ, постышило смягчить ихъ и примирить, а само—выйти на спокойную, болѣе свойственную себѣ дорогу, и для этихъ цѣлей избрало образъ *Василисы*, способный къ вымоленію задачи, какъ образъ женскій. Прежнія роли не-

реставлены: Ставръ, смѣнившій Данилу, такой же страдалецъ, но уже безъ силы, потерянный, въ тюрьмѣ; Василиса же приливаетъ на себя энергію мужескую, на языкъ творчества—передѣвается мужчиной, и такимъ образомъ, съ одной стороны мужествомъ, съ другой—скрытою подъ мужескимъ образомъ догадливостью и любовью женщины, спасаетъ мужа, успокоиваетъ отношенія его къ князю, даже дурачить князя. Творчество до того успокоилось, что на этой почвѣ, въ концѣ былинъ, допускаетъ уже шутки и прибаутки: совершенно обратное явленіе, сравнительно съ повѣстью о Данилѣ. Ставръ, какъ и слѣдовало ожидать по этой бездѣтной и подставной его роли, затерялся въ памяти остальныхъ пародныхъ произведеній: но имя и образъ Василисы, особенно при этомъ выдавшейся, какъ спасительницы мужа, перешли въ преданія, особенно въ сказки. Собственно говоря, образъ женщины или, по большей части, дѣвочки-героини извѣстенъ всему Славянскому творчеству, а ближе всего къ нашему—у Славянъ Южныхъ, у Сербовъ и особенно Болгаръ, гдѣ *Боялка* и *Тодорка*, въ образѣ женщины, совершенно также проводятъ воеводу, какъ Василиса Владимира (ср. наше изданіе, «Болгарскія пѣсни», 1855 года). Разница у насъ та, что этотъ образъ приуроченъ именно Василисѣ и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ Владиміровой эпохи. Нѣкоторыя изъ нашихъ сказокъ, на прим. о *Василисѣ Золотой косѣ*, *Василисѣ Прекрасной* и *Василисѣ Премудрой* (ср. собраніе г. Аванасьева, вып. 1, 2-е изд. 1858 г., въ прилѣж. стр. 104—107, и самыя сказки—вып. 4, стр. 127—135, вып. 5-й, стр. 96—105), слѣдуютъ совершенно пути сказочному и Василиса представляется здѣсь или спутницей извѣстныхъ намъ подвиговъ Ивана-богатыря, его женскою половинкой, или же сама проходитъ одинакую съ нимъ исторію, какъ неправильно обидная старшими, странница по разнымъ видамъ бытія, по подземнымъ или дикимъ царствамъ, исполнительница труднѣйшихъ задачъ, жертва Яги-бабы, Водяного царя, и т. п., спасающаяся отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, являясь къ забывшему ее жениху (подобно какъ Иванъ къ невѣстѣ, готовой итти за другаго) и достигая наконецъ торжества своей правды. Другія же сказки, именно объ *Василисѣ Поповой*, или Поповѣ, повторяютъ почти цѣликомъ образъ Василисы Миклушиной, извѣстной по былинамъ о Ставрѣ, и близки къ содержанію былинъ. Одну изъ такихъ сказокъ, доставленную намъ В. И. Ламанскимъ изъ матеріаловъ Этнографическаго

Отдѣленія (при Географич. Обществѣ) и записаниую Ирбитскаго уѣзднаго училища штатнымъ смотрителемъ Н. Тихановымъ, мы приведемъ здѣсь. « Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ Василій попъ; у него была дочь Василиса Васильевна; одѣвалась она въ мужское платьѣ, ѣздила верхомъ на лошади, стрѣляла изъ ружья и все дѣлала совсѣмъ не по дѣвичьи, такъ что очень немногіе знали, что она дѣвушка, а думали, что она мужчина и звали ее Васи́лемъ Васильевичемъ, а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки, а это, знашь, дѣвушкамъ совсѣмъ не къ лицу. Вотъ единова царь Бархатъ (такъ звали царя той стороны) поѣхалъ поохотиться за дичинкой и ему на встрѣчу попалась Василиса Васильевна; ѣхала она верхомъ въ мужской одѣжѣ тоже за охотой. Царь Бархатъ, увидавъ ее, спрашиваетъ у своихъ слугъ: « кто это такой молодой человекъ? » Одинъ слуга ему и отвѣчаетъ: — это, вѣдь, царь, не мужчина, а дѣвушка; мнѣ до вѣдома извѣстно, что это дочь попа, Васи́дья и что зовуть ее Василисой Васильевной. — Лишь только царь Бархатъ воротился до двора, тотчасъ написалъ къ попу Васи́лю грамотку, чтобы онъ своего сына Васи́ля Васильевича отпустилъ къ нему въ гости одѣдать царскаго стола; а между тѣмъ самъ пошелъ къ бабушкѣ Задворникѣ-Ягнинишѣ и давай ее выпытывать, какъ бы узнать, что Васи́лій Васильевичъ точно дѣвушка. Бабушка Задворника-Ягнинина и говоритъ ему « ты по праву-то руку въ палатѣ своей повѣсь пѣла, а по лѣву-то руку ружья. Если она точно Василиса Васильевна, то когда взойдетъ въ палату, прежде всего хватится за пѣла, а если Васи́дій Васильевичъ, то за оружїя ». Царь Бархатъ послушался бабушку Задворнику-Ягнинишу и велѣлъ своимъ слугамъ поставить въ палату пѣла и развесить ружья. Какъ только грамотка царская дошла до отца Васи́ля и онъ показалъ ее своей дочери, тотчасъ Василиса Васильевна пошла на конюшіи дворъ; осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухъ къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она по учтивому Богу молится, до писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклоны отдаетъ; съ царемъ Бархатомъ ласково здороваются и входятъ съ нимъ въ царскїя палаты; сѣли вмѣстѣ за столъ и давай пить пѣтя пѣянныя и ѣсть яствы сахарныя. Последъ обѣда Василиса Васильевна стала съ царемъ Бархатомъ по палатамъ разгуливаться, и какъ только увидала пѣла, то и учала царя

Бархата осужать: « что это, говоритъ, такое у тебя, царь Бархатъ, за дрянъ? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слышать, а у царя Бархата дѣвичьё шелепетьё въ палатахъ висится!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка. Эдакъ дня черезъ два, не больше, царь Бархатъ посылаетъ опять къ попу Василю грамотку и просить его отпустить къ нему своего сына Василя Васильевича. Тотчасъ какъ только Василиса Васильевна услышала объ этомъ, пошла на конюшій дворъ, осѣдала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и поѣхала прямо къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ её встрѣчаетъ; она съ нимъ ласково здороваётся, по учтивому Богу молится, по писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаётъ. Царь Бархатъ, по наказу бабушки Задворники-Ягннишни, велѣлъ къ ужину сварить кашу и начинить её жемчугомъ, вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчугъ будетъ въ горсточку класть, а если Васильи Васильевичъ, то подъ столъ кидать. — Вотъ подошло время и ужинать. Царь сѣлъ за столъ, а Василису Васильевну посадилъ по праву руку, и стали они пить питья цыянныя и ѣсть яствы сахарныя; послѣ всего подали кашу, и какъ только Василиса Васильевна её хлебнула и показалась ей жемчужина, она и швыркъ её подъ столъ, вмѣстѣ съ кашей, и учала царя Бархата осужать: « что это, говоритъ, за дрянъ такая въ кашѣ наложена? у моего батюшки эдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слышать; а у царя Бархата дѣвичье шелепетьё въ кушанье кладутъ!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь опять не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка, а, вѣтъ, это больно ему хотѣлось. Дня черезъ два царь Бархатъ, по наказу бабушки Задворники-Ягннишни, велѣлъ истопить баню: вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то въ баню вмѣстѣ съ царемъ не пойдетъ. Истопили баню; опять царь Бархатъ пишетъ къ попу Василю грамотку, чтобы онъ своего сына Василя Васильевича въ гости къ нему отпустилъ. Какъ только Василиса Васильевна узнала объ этомъ, тотчасъ пошла на конюшій дворъ, осѣдала своего коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухнула къ царю Бархату на дворъ. Царь её встрѣчаетъ на нарядномъ крыльчикѣ; она съ нимъ ласково

здоровается и входит по бархатному коврику въ палаты; взошедъ въ оныя, по учтивому Богу помолилась, по писанному перекрестилась, на всѣ четыре сторонушки низехопько поклонилась; села съ царемъ Бархатомъ за столъ и стала съ нимъ пить цитя пѣяныя и зѣть яствы сахарныя. Послѣ обѣда царь и говоритъ:—Не въ угоду ли, Василій Васильевичъ, со мной въ баньку сходить?—«Извольте, ваше царское величество, отвѣчаетъ Василиса Васильевна, я давно въ банѣ не бывала и больно охочь париться.» Вотъ они и пошли выдѣтъ въ баню; покѣльсь царь Бархатъ разоблакался въ передбанкѣ, въ ту пору успѣла искупаться, да и была такова. Царь не могъ и въ банѣ еѣ захватить. Василиса Васильевна, вышедъ изъ бани, написала межъ тѣмъ къ царю писульку и велѣла слугамъ отдалъ ему, когда онъ самъ выдѣтъ изъ бани. А въ этой писулькѣ было написано: «Ахъ ты ворона-ворона, царь Бархатъ! не умѣла ты, ворона, сокола въ саду съхватить; а я, вѣдь, не Василій Васильевичъ, а Василиса Васильевна!» Вотъ нашъ царь Бархатъ и остался на бобахъ, на голубыхъ щекахъ. — Вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая да и льпообразая (эта же самая сказка замечтана у г. Аванасьева, вып. 1, 2-е изд. 1858 г., стр. 34—37)!»

Исторія Хотена Блудовича и Чурилы Пилковича, говоримы при 3-мъ выпускѣ («Зам.,» стр. V.), есть внутренняя исторія древняго города, наипы разбогатѣвшей и досужей столичной жизни, въ ея обыденности, съ ея общественными и семейными отношеніями, съ ея своеобразнымъ щегольствомъ и соблазнами, ежедневными радостями и бѣдами, среди князей и княжичей, бояръ и дѣтей боярскихъ, дворянъ, гостей и всѣхъ посадскихъ людей. Лицо Хотена довольно безцвѣтно: онъ поднялся богатыремъ и выведенъ на поприще богатырской дѣятельности благодаря только спору матерей, посчитавшихся родами, заслугами отцовъ, воспитаніемъ дѣтей, средствами ихъ жизни: это начало и зародышъ послѣдующаго Мѣстничества, борьбы сословій, пытавшихся подняться надъ остальнымъ народомъ, съ своими узкими интересами. Такова же наглядная исторія и Чурилы, вращающаяся въ семейныхъ, внутреннихъ отношеніяхъ, куда Чурило вноситъ раздоръ, какъ записной красавецъ, досужій посадскій щеголь древней Руси, краса игръ, хоровода, бесѣдъ и посидѣ-

локъ, зазноба молодицъ и дѣвушекъ, гроза старыхъ мужей, прислужникъ и потаковникъ княжескій, завистникъ и ругатель заѣзжихъ молодцевъ. Но ель имѣеть еще сторону особую: объ ней мы скажемъ ниже. А теперь, по поводу этихъ двухъ лицъ, скажемъ нѣсколько о томъ семейномъ или ближайшемъ кругѣ, который обвиняетъ Владиміра внутри его стольнаго города, о ближайшихъ его сотоварицахъ, о Дружинѣ Княжеской, этихъ лицъ, глубоко отличныхъ отъ Земли и Дружины Земской. Лица эти, востаново при Владимірѣ и вокругъ его, известны въ былинахъ подъ однимъ главнымъ именемъ: *князь-бодре*; при нихъ жены—*княгини-боярини*, дѣти—*дѣти боярскіе, бояринички, боярчюки*. Служа главному князю, *дворя* или *придворивая* ему, во *дворѣ* его, получаютъ они названіе *Дворянъ*, слой, куда поступали нѣкоторые и изъ заѣзжихъ молодцевъ; на службѣ своей носятъ они имена *стольниковъ, чашниковъ, кравчихъ, постельниковъ*, и т. д. Иногда вѣтые богатыри поступаютъ въ это число, какъ заѣзжіи *Дворянинъ Зальшанинъ, Дворянинъ Бѣлая Палица*, Добрыня какъ Бояринъ, долго служившій князю въ разныхъ службахъ, Чурило, приглашенный ко двору самимъ Владиміромъ, и т. п. На оборотъ, и эти прислужники часто возвышаются до богатырства, какъ Хотень, Гринька Боярскій сынъ, и т. д. Изъ подобныхъ же лицъ, хотя конечно назначенныхъ особенно къ бою и отличенныхъ мужествомъ, составлялась Дружина Княжеская, глубоко впрочемъ отличная отъ Земской; такъ Владиміръ говоритъ Ивану Годиновичу (вып. 3, стр. 22): «возьми ты у меня князя сто человекъ, у княгини ты бери другое сто, у себя, Иванъ, третье сто.» гдѣ Княжескіе ратники отличаются отъ Богатырскихъ, Земскихъ. Но поелюку былинныя времена Владимірова посвящены преимущественно богатырямъ. Дружинѣ Земской, в она на главномъ виду, потому Дружина Княжеская почти невидна, ей не отводится еще мѣста для дѣйствія, ей не приписывается подвиговъ, и остаются на виду только помянутые придворные прислужники. Всѣ они на одинъ покрой: хотъ и есть у нихъ свои дворы—княжескіе, боярскіе, дворянскіе, но они обыкновенно толкуются при главномъ дворѣ, великокняжескомъ, иные и по родству съ самимъ Владиміромъ. Здѣсь они всегда почти на пару, съ женами и дѣтьми, на вечеринкахъ, посидѣлкахъ, пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются; лѣстятъ Владиміру, подуцають его на богатырей, встрѣчаютъ сихъ послѣднихъ гордостью или грубостью и насмѣшкою; при наступленіи врага или бѣды хлопчуть лишь

защитять городъ, пугаются, убѣждаютъ послать за богатырями, прячутся, ползаютъ окорачь по полу. Выдѣлимъ изъ нихъ немногія выдающіяся лица:

Во первыхъ *Блудъ*, которому Владиміръ былъ столько обязанъ одолѣніемъ брата Ярополка и взятіемъ Кіева: естественно онъ не могъ забыть его, а потому лицо это выдвинулось и попало въ былинны. Лѣтопись подъ 980-мъ годомъ говоритъ, что за услугу Владиміръ обѣщаль ему—«имѣти ты хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене,» послѣ чего ниже лѣтописецъ прибавляетъ: «Блудъ преда князя своего, и примъ отъ него чѣти многи (великія почести).» Сообразно тому и пѣсня передаетъ о сынѣ Блуда. Хотѣтъ: «многія пожитки осталася ему отъ своего родимаго батюшки;» и сама вдова его называется «честно-Блудова жена.» Но, со смертію временщика, пала и слава его: его стали называть «мужище-Блудище,» и знатный родъ не помѣшалъ въ сынѣ его видѣть «уродища,» искавшаго только, гдѣ бы хорошенько пообѣдать; въ этомъ завязка исторіи Хотена.

Во вторыхъ *Чесь* или *Члсь*, явче *Чась* (имя чисто славянское), современникъ Блуда, достигшій, по видимому, зрѣтаи выскочкою и по нѣкоторымъ пѣснямъ изъ гостей, кушцовъ (Рыбникъ, ч. I, стр. 251 и дал.). Вдова его, занимая мѣсто около Владиміра, гордится передъ женой Блудовой не знатностью рода, а богатствомъ, силою сыновей, красотою дочери, какъ обыкновенно бываетъ у *людей новыхъ*; по пѣснямъ Рыбникова, она спасаетъ себя и дочь, назвавшись *роднею* Владиміру, пристроившись къ знатному роду.

Въ третьихъ *Путята*. По лѣтописямъ онъ неизвѣстенъ во время Владимірово, но является знаменитымъ воеводою Кіевскимъ при Святполкѣ Михаилѣ, перешедшимъ вѣроятно и въ эпоху Владиміра Мономаха. Во всякомъ случаѣ, именно близость къ эпохѣ сего послѣдняго побудила былинну перенести Путяту отъ времени *Владиміра* младшаго ко времени *Владиміра* старшаго; такъ точно и Олегъ Святославичъ занесенъ въ былинны объ Ольгѣ Вѣщемъ (см. Рыбникъ). Впрочемъ, въ пѣсняхъ онъ представляется уже умершимъ; за то семейство его играетъ важную роль и ставится въ ближайшее родство съ Владиміромъ. Такъ *Запава Путятиша* называется родной племянницей великаго князя, и ему не мало было съ нею хлопотъ въ дѣлѣ о похищеніи ея Змѣемъ, о оватовствѣ ея съ Соловьемъ Будиміровичемъ, и т. п. Татищевъ (Истор. Росс.,

1768, ч. I, кн. 1) приводит одно мѣсто пѣсни, которую пѣвали еще въ его время:

Противъ двора Путятина.

Противъ терема Зыбатина (ошибка вмѣсто «Зыбавина» «Забавина»),
Старого Путяти темный лѣсъ.

Теремъ Запавы (Забавы) весьма славился (см. Соловья Будпировича), а именованъ Путаты, какъ видимъ, назывался и лѣсъ близъ Кіева. Сынъ его, *Путятинъ*, *Путятровичъ*, *Мишатычка Путятинъ сынъ* играетъ въ исторіи богатыря Данилы подлую роль: подушаетъ Владиміра отнять у живаго мужа жену, богатыря самого погубить, а послѣ отправляется къ Васялисѣ тащить ее на ложе князя; онъ «переметливый,» лживый, готовый обернуться въ какую угодно сторону; онъ «много ѣзжалъ по инымъ землямъ, много видалъ и изъ ума пыталъ королевиченъ,» вѣроятно стараясь угодить известной склонности своего князя.

Въ четвертыхъ *Пермята* или *Бермята*, судя по имени происхожденіемъ изъ *Перми* или *Біарміи* (подобно какъ *Жидята*—изъ *Жидовъ*). Онъ изображается обыкновенно старикомъ, и печальнымъ жребіемъ попалъ въ былины какъ образецъ рогатаго мужа.

и т. п.

Какъ вообще плохи нравственно всѣ эти лица и какъ мало сочувствуютъ имъ былины, видно изъ того уже, что мѣсто ихъ занимаетъ въ пѣсняхъ иногда *Малюта*, конечно по сходству характера и дѣйствій, чему помогало и самое имя, сходное по образованію съ *Путятой*, *Пермятой*, и т. п.

Приглашенный въ водоворотъ этой жизни самимъ Владиміромъ и поставленный въ ея ередоточіе какъ княжескій стольникъ, постельникъ, позовщикъ, Чурила отчасти по природѣ, а еще болѣе по неволѣ разыгрывалъ *перваго любовника*, у самой княгини Анраксін, а всего славнѣе у жены Пермяты: но истинное значеніе этого лица, происхожденіе его, существенныя черты—несравненно важнѣе и древнѣе, о чемъ и обѣщались сказать мы и скажемъ сейчасъ.

только какъ можно раздѣлѣнѣе, ибо наши выводы для многихъ будутъ совершенно новы и неожиданны (изъ Пѣсней см. выпускъ 4-й и Рыбникъ.).

Чур-ило, Чур-ила есть чрезъ причастіе, производная, дальнѣйшая форма отъ корня *Чур-*, отъ слова *Чурь* (*чуд-ило, заб-ило, глад-ило*, и т. п.).

Чурило, именованный этимъ производнымъ словомъ, является *богатыремъ, героемъ*: словомъ старшимъ, кореннымъ, должно быть обозначено существо *высшее, демоническое, полубожеское* или даже *божеское*.

Дѣйствительно у насъ, и изъ Славянскихъ нарѣчій преимущественно въ русскомъ языкѣ, есть *Чурь* слово, есть *Чурь* существо.

Чурь, какъ слово, произвело отъ себя много производныхъ: *чурка, чур-акъ, чур-б-акъ, чур-б-ань, чур-ить, чур-ать, чур-ать-ся*, *зачураться, отчураться*, и т. д. Слѣдовательно представленіе, лежащее въ основѣ этого слова, довольно развито, чтобы породить столько словъ производныхъ.

Чурь съ ближайшими производными преимущественно является въ заговорахъ: «чурь меня, тебя, его;» «чурь мое мѣсто,» и т. п. Если *Чурою* чураются, т. е. оберегаютъ себя, отдають себя во власть или подъ защиту какой-то силы, и эта сила, хотя таинственна, но дѣйствительна, то конечно *чурь* существо, таинственное и вмѣстѣ сильное, дѣйствительное. Оно перешло изъ заговора и въ жизнь обыденную, доселѣ текущую: «чурь вмѣстѣ,» и дѣлѣть находки обезпеченъ; «чурь-конь,» и конь въ игрѣ надежно сбереженъ отъ захвата, и выжидай хода игры, кто выиграетъ, а пока конь подъ защитой высшей силы.

Чурь имѣлъ всегда и имѣетъ въ жизни свои образы: *чурка, чуракъ, чурбакъ, чурбанъ*, вѣнь, колода или камень, обтесанные въ извѣстной формѣ. Есть образъ, — есть и существо, выраженное въ образѣ.

Образы *Чура* имѣли, а въ иныхъ мѣстностяхъ доселѣ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, *на межахъ* и *перекресткахъ*, какъ защита ихъ и охрана, пользующаяся извѣстнымъ почтеніемъ, ибо охрана сильна и дѣйствительна. Слѣдовательно, въ образахъ оныхъ дѣйствуетъ здѣсь существо.

Изъ всѣхъ приведенныхъ признаковъ существа *Чура*, или *Чура* какъ существа, видно ясно, что существо это сильнѣе и выше человека,

безпрестанно въ связи съ человѣкомъ, даетъ ему помощь: и однакожь; хотя люди склонны кланяться кумирамъ, хотя чурка тотъ же кумиръ или *болванъ*, а *болванъ* есть образъ или идолъ, по которому у Славянъ язычество именуется *болванствомъ*, язычничью *болванцелью*: но чурка, а въ ней *Чуру*, на глазахъ исторiи, никогда не поклонялись какъ божеству и не сохранилось никакихъ слѣдовъ такого поклоненiя въ нынѣшнихъ народныхъ обычаяхъ, въ другомъ случаѣ весьма еще вѣрныхъ старинѣ. Слѣдовательно, въ эпоху историческую, это существо чисто-демоническое, вышшее челоуѣка, но не божественное.

По преданiямъ Славянъ Русскихъ и Западныхъ, записаннымъ впрочемъ у писателей позднѣйшихъ, *Чуры* или образы ихъ, *чурки*, въ старину грубо обтесывались и разбивались по межамъ и перекресткамъ, — это не встрѣчаетъ сомнѣнiя, какъ объяснили мы и выше; но, если тѣ же писатели говорятъ, что это было божество, нѣдвшее поклоненiе, что это для Славянъ было то же, что *Deus Terminus* для Латинянъ, то это лишь выводы, весьма дѣльные, если отнести ихъ къ происхожденiю, къ отдаленной эпохѣ *Чура*, но невѣрные относительно жизни исторической.

Въ сей послѣдней *Чурѣ* никогда не былъ божествомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова; летописи и источники первичные совершенно молчатъ объ этомъ; а разговоры, поговорки, словоупотребленiе общенiя, нѣсколько удѣльшихъ обычаевъ, знающихъ *Чура*, даютъ тотъ лишь выводъ, что въ теченiе положительной исторiи Славянъ, преимущественно Русскихъ, *Чурѣ* нѣтъ исключительно значенiе *демоническое*, т. е. сверхчеловѣческое, но ниже божественнаго.

Былъ ли *Чурѣ* всегда такия, или былъ некогда и богомъ, но потомъ утратилъ божественность? Съ перваго самаго взгляду гораздо вѣроятнѣе послѣднее. Если *Чурѣ*, какъ демонъ (даймонъ), породилъ изъ себя *Чурилу* богатыря, героя, или, на оборотъ, *Чурила* богатырь нѣветъ выше себя, ступенью выше надъ собою, *Чура* какъ демона, то, продолжая постепенность, мы непремѣнно дойдемъ до того; что надъ демоническимъ существомъ *Чура* стоялъ некогда *Чурѣ* какъ богъ. Хотя такъ называемые демоны (даймоны, духи, существа сверхъестественныя въ извѣстныхъ образахъ, низшихъ божества, но ближайшихъ къ челоуѣку) могутъ появляться у народовъ, какъ мы знаемъ, безъ всякаго даже отношенiя къ божеству, просто

какъ олицетворенія представленій, какъ образы отвлеченныхъ понятій, какъ созданія народной поэтической фантазіи, и даже иногда какъ словопроизводство, грамматическое олицетвореніе (съ легкой руки Рима такъ болѣею частію и есть у всѣхъ новѣйшихъ Европейскихъ народовъ): но Чуръ, какъ мы видѣли, слишкомъ силенъ для того. Сила его постоянно, сквозь всю исторію, ощущается силою высшею и таинственною, проникаетъ заговоры, переходить въ поговорки и ходячія выраженія общежитія, имѣетъ постоянно внѣшніе образы, и при томъ нисколько не поэтическіе, не фантастическіе, не красивые, ибо чурка есть явная противоположность всему этому, синонимъ грубости и неотесанности. Потому непремѣнно предполагаемъ, что Чуръ былъ богомъ, можетъ стать не первоисточиннымъ, не однимъ изъ главныхъ, ибо тогда онъ сохранялъ бы божественность и въ положительной исторіи, но по крайности все же съ значеніемъ подлиннаго божества. Не находя его такимъ въ исторіи положительной, мы должны искать признаковъ и характера его божества въ эпохѣ до-исторической.

Эпоха до-историческая была у насъ языческою; язычество наше слагалось изъ особаго вѣросознанія; воплощалось въ бытѣ кочевомъ; проникнуть туда можно только однимъ вѣрнымъ путемъ — языкознанія.

Всякой филологъ знаетъ, что въ Индо-европейскихъ языкахъ звуки *с*, *ш*, *ч* (*щ* какъ *ш* и *ч*) и *к* ближайше между собою сродны, такъ, что если въ трехъ-четырехъ корняхъ другіе гласные или согласные звуки одинаковы, и различіе въ томъ лишь, что при этомъ въ одномъ звукѣ *с*, въ другомъ *ш*, въ третьемъ *ч* (*щ*), *к*, и т. д., то это различіе только внѣшне-звуковое, въ самомъ же дѣлѣ корни эти совершенно должны быть одинаковы. Потому, если при Чуръ (*чуръ*) нашли бы мы корни или цѣлыя слова *кур*-, *шур*-, *шур*- или *сур*-, то это было бы совершенно одно и то же, раздѣленное какимъ либо мѣстнымъ выговоромъ, словоупотребленіемъ, и т. п.

Такъ мы и находимъ.

Санскритское *сур*- значитъ «блестать», «господствовать», и потому имѣетъ при себѣ существительное *сур-а*, «богъ», т. е. блестящій, господствующій (подобно какъ отъ *диа*— «блестать» происходитъ *дѣв-а*, богъ, латинск. *deu-s*; окончаніе существительныхъ муж. рода на *а* въ Санскритскомъ постоянно соответствуетъ нашему *ъ*).

Чтобы опредѣлить, какого свойства и характера этотъ богъ *сур-а*, по нашему *сур-ъ*, мы беремъ первичную форму, образовавшуюся изъ корня *сур-*: эта первичная форма въ санскритск. есть *свар* (т. е. *су-а-р*, образовавшаяся изъ *сур-* чрезъ поднятіе звука *р* въ *ар*, при чемъ *у* произнеслось какъ *е*), съ значеніемъ «небо,» т. е. блестящее, звѣздное, предметъ поклоненія первой человѣческой религіи въ язычествѣ, звѣздной, астральной, Сабизма. Вотъ къ какому роду божествъ принадлежитъ *сур-а*.

То же самое слово *свар*, съ приставкою *га*, «идуцій,» «ходящій,» образуетъ форму *свар-га*, т. е. ходящее, кружащееся небо, самый первый моментъ астральной религіи, отозвавшійся въ самой первой формѣ человѣческаго быта, въ бытѣ пастушескомъ, началъ нѣсущаго кочевья. У Индійцевъ *свар-га* означало «небо Индры,» у Славянъ это древнѣйшій богъ ихъ—*Сварогъ*, извѣстный по первичнымъ русскимъ источникамъ, но только по одному имени.

Далѣе отъ *сур-*, черезъ *свар*, образуется въ Санскритѣ дальнѣйшій корень *сўр-* и дальнѣйшая форма существительнаго *сўр-а* (т. е. съ долгимъ *у*)—«солнце,» лат. *sol* (сол-ь, наше *сол-онь*, *сол-унь*, *сол-н-це*). греч. *ἥλιος* (гелиось), солнце, *σελάς* (селась), блескъ, лучь, *σελήνη* (селенѣ), луна, и т. д. Рядомъ еще и форма *сур-ъи*, также «солнце.» Такому поступанію въ развитіи формъ слова отвѣчало и поступаніе древней языческой религіи, отъ чистаго Сабизма, кружащагося неба, къ опредѣлившимся въ небѣ свѣтиламъ и звѣздамъ. Въ этихъ свѣтилахъ, особенно въ главномъ, солнцѣ, какъ въ образѣ и символѣ, поклонялись божеству втораго періода, наступившему въ вѣросознаніи послѣ кружащагося неба, богу страшному, жгучему, требовавшему сожиганій и кровавыхъ жертвъ. Почти всѣ древніе, по крайности историческіе народы прошли чрезъ это божество въ вѣросознаніи, чрезъ этотъ періодъ поклоненія, и въ немъ же, смотря по разнымъ оттѣнкамъ божества, выработали свой отличительный характеръ, прородившій впоследствіи различныя народности. У Грековъ это былъ *Кронось*, *Кронъ*, наступившій послѣ *Урана* (*οὐρανός*, уранось, небо). У Славянъ это *Даж-богъ* (корень видѣнъ въ санскр. *даг-*, «горѣть» и «жечь,» у насъ же уцѣлѣлъ собственно въ одномъ лишь словѣ—*дег-оть*, производство котораго было однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ промысловъ Славянъ). Божество это извѣстно у Славянъ, и именно у Русскихъ, не по одному уже только имени, а съ нѣкото-

рыми характеристическими подробностями. Оно отождествляется, по первичнымъ нашимъ источникамъ, съ солнцемъ, какъ символомъ, а солнце именуется *Сварожичемъ*, *Сыномъ Свароговымъ*; Русскіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ именуютъ себя «*Дажбожи внуци*», т. е. обязанные всемъ своимъ народнымъ происхожденіемъ Дажбогу, хотя и не прямо, но непосредственно, а чрезъ отца. И дѣйствительно, филологическія разысканія, въ которыя здѣсь далеко было бы пускаться, убѣждаютъ несомнѣнно, что Славянская, а вѣстѣ подчиненно, и Русская народность, или все, сколько ни есть здѣсь народныхъ началъ, все это зачалось на первыхъ порахъ въ періодъ Дажбога и оттуда вытекло къ дальнѣйшему развитію. До этого божества, до этого періода въ вѣросознаніи, Славяне поглощены были общою массою языческаго челоѣчества, и только съ этого періода отдѣлились, отсюда понесли стѣмена и начала къ своему послѣдующему, обособленному бытію. Въ томъ же періодѣ, Крощическомъ или Дажбожескомъ, проникла въ вѣросознаніе и стихійность, выразившаяся у народовъ божествами болѣе мелкими и между прочимъ женскими, съ характеромъ и образомъ стихій, каковы на примѣръ у насъ *Велесъ* или *Волосъ*, *Купала* (Кивела, Кибела или Кувела, Кубела), и т. п.; здѣсь же, соответственно вѣросознанію, начался, послѣ пастушескаго, и *кочевой бытъ*, которому приписываемъ мы такъ много при объясненіи русско-славянской народности, съ котораго собственно и начинаемъ всюду ея изслѣдованіе.

Во всемъ, что относится къ этому періоду, Славяне роднятся близко съ прочими историческими народами, ибо, какъ замѣтили мы, всѣ они прошли одну и ту же ступень, болѣе или менѣе, такъ или иначе, а ближайше роднятся съ Индійцами, съ которыми вѣроятно тѣснѣе сосѣдили въ комыбели всѣхъ народовъ, Азія. Но въ концѣ этого періода имѣло совершенно раздѣленіе народовъ, и съ тѣхъ поръ, у сложившихся мало по малу и обособившихся отдѣльныхъ народовъ мы встрѣчаемъ выразившіяся въ языкѣ представленія совершенно особыя, тому или другому народу исключительно принадлежащія. Если же нѣкоторыя представленія этого рода и сходны, если слова, ихъ означающія, и близки по корнямъ, то это именно уже *по корню*, по отношенію народовъ къ кореннымъ началамъ, къ періоду, который назвали мы Дажбожескимъ. Въ объясненіе приведемъ здѣсь нѣсколько словъ и выразившихся въ нихъ представленій изъ языка сложившихся Индійцевъ—Санскритскаго, и Славян-

скаго или Русскаго, по позднѣйшимъ памятникамъ сего послѣдняго, извѣстнымъ и употребительнымъ уже въ эпоху чисто-историческую, среди окончательно-сложившагося міра-народа:

Тотъ же корень *сур-*, который мы видѣли, въ Санскритѣ имѣетъ при себѣ другой, ближайше сродный, также съ развѣтвленіями, но съ шепелеватымъ *с*, которое ученые пошутъ *с* и произносятъ то какъ среднее между *с* и *ш*, то просто какъ *ш*. Такъ при формѣ, которую мы видѣли, *сúr-а*, «солнце», въ Санскритѣ есть корень *сúr-* и овъ одинаковъ съ корнемъ *сúr-*, въ значеніи — «быть твердымъ», «неподвижнымъ»: очевидно это же значеніе сбереглось въ нашемъ *чур-ъ*, *чур-ка*, и проч., колода и камень, священные своею неподвижностью, охраненіемъ межей и перекрестковъ. Сдвиньте ихъ, и вы нарушите святыню, и межа безъ защиты высшей силы. — Во вторыхъ, *сúr-* и *сúr-* значить «бить, поражать, уязвлять»: не можемъ не припомнить нашего выраженія, употребительнаго въ народномъ творчествѣ, особенно въ сказкахъ, про героевъ: «копьемъ *шурь* метать», «*шур-мовать* (позднѣе изъ этого передѣлали, по иностранному образцу, *штурмовать*).»

Потомъ, въ Санскритскомъ же, *сúr-* значить «быть храбрымъ» и рядомъ нмѣ существительное *сúr-а*, «герой». Здѣсь, какъ всегда бываетъ позднѣе, значеніе божества опустилось уже до значенія героя, высшею силою выдвинувшагося изъ ряда людей.

Если вообще, сказали мы, *с*, *ш*, *ч* (*щ*) и *к* ближайше сродны, то еще болѣе многочисленные примѣры извѣстны филологамъ, что Санскритскому шепелевому *с* въ Славянскихъ нарѣчіяхъ постоянно соответствуютъ помннутые звуки. Отсюда слову *сúr-а* прямо будетъ у насъ соответствовать:

а) *Сур-ъ*, съ значеніемъ «героя», въ выраженіи «Волгской *Сурь*,» герой повольницы, пускавшейся по Волгѣ, прозвище, придаваемое въ былинахъ извѣстному удалцу Новгородскому, «Садкѣ, богатому гостю», родоначальнику послѣдующихъ Поволжскихъ, Уральскихъ, Донскихъ и т. п., козачковъ. Здѣсь опять уже значеніе божества, лежащее въ корнѣ слова, низшло къ представленію героя. Но въ этомъ героѣ замѣтны еще слѣды существа демоническаго, высшаго, чѣмъ чловѣкъ, и даже отчасти божественнаго: постоянное прозвище Садки есть «гость *богатый*,» а *бог-атство* ближайше сродно съ словомъ *бог-ъ* (у другихъ Славянъ *збоже*; *у-бог-ъ*, *не-бог-ъ*, отчужденный отъ бога, а вмѣстѣ и богатства); ему воды

давали вмѣсто рыбы «деньги дробныя» и «червонцы», при чемъ нужно вспомнить, что *сар-ы*, одного корня съ *сур-* и *ср-*, значать у насъ по областямъ «деньги (ср. тождесловное выраженіе, вошедшее въ общежитіе: «сорить деньгами»);» онъ былъ пріятель съ Волгой, говаривалъ съ нею и Ильменемъ, исполнялъ ея порученія, бывалъ въ подводномъ царствѣ, имѣлъ дѣла съ Морскимъ Царемъ. Ясно значеніе демоническое, близкое къ божеству, и притомъ къ божеству періода стихійнаго, кочеваго, ибо, кромѣ своего имени—*сур-ъ*, Садко собственнымъ лицомъ былъ представитель того движенія силъ, которое исходило въ сложившемся народѣ изъ эпохи болѣе древней; относительно позднѣйшей рѣчной повольницы онъ былъ такой же родоначальникъ, какъ стихійные Старшіе богатыри были родоначальниками богатырей Владиміровыхъ; онъ по одной Волгѣ гулялъ двѣнадцать лѣтъ, звалъ ее «со вершины до устья, до нижняго царства Астраханскаго,» кормилъ рѣки, плавалъ по Сициуму морю, Каспійскому (любопытно замѣтить, что санскр. корень *ср-*, вѣроятно отецъ самого *сур-*, *свар-*, *сър-* и *сър-*, съ согласными *срдж-*, *срп-*, и т. п., значить «итти,» «течь,» «бѣжать,» такъ что *сур-а*, «богъ,» значить не только «блестящій» и «господствующій,» но вмѣстѣ и «бѣгущій,» подобно какъ греческое *Θεος* стоитъ рядомъ съ *Θεῖν*, «бѣжать,» — представленіе стихійности, блужданія и кочевья; и какъ мы видѣли остатокъ корня *даг-*, породившаго имя Даж-бога, въ древнѣйшемъ нашемъ словѣ *даг-омъ*, такъ точно по нашимъ областямъ уцѣлѣло слово *сыр-ецъ*, одного корня съ *сур-* и *ср-*, въ значеніи «дегтя;» представленіе «*сыр-аго*» и «*сур-ова*,» «*сур-оваго*,» влажнаго и вмѣстѣ жестокаго, идетъ одинаково и къ стихійности, и къ стихійному божеству, и къ кочевому быту, и къ герою моря, рѣки, подводнаго царства).

б) Таково же, рядомъ съ санскрит. *сър-а*, славяно-русское *Шур-*, являющееся въ собирательномъ *шур-ьл*, съ окончаніемъ единичности *шур-инъ* (по формѣ *шур-ья* совершенно одинаково съ приведеннымъ выше санскрит. *сур-ья*, солнце, а областное *шур-м-га* со *свар-га*). Когда значеніе божества утратилось, а вмѣстѣ выдвинулось значеніе родовъ, развитіе коихъ кончало кочевой бытъ и дѣлало переходъ къ окончательному сложенію міра-народа, тогда слово, означавшее нѣкогда божество, перешло съ значеніемъ демоническимъ на новыхъ двигателей жизни, на представителей рода. Относительно мужа и жены, пары, сосредоточивающей родъ къ

одному очагу, действительно самые близкие представители всей остальной массы рода суть *шур-инь* и *деверь*: за них головами стоятъ остальной родъ. Потому и *дев-ерь*, стоящій рядомъ съ дѣвою, невѣстою, несомнѣнно имѣеть корнемъ *див-*, *дев-*, и сродно съ санскр. *देव-а*, «богъ», латинск. *deu-s; div-us* (sub *divo*—подъ небомъ), и т. п.

в) Еще больше это значеніе выступаетъ въ словѣ *Щуръ*. Если *пра-шурь*—прадѣдъ, то *Щуръ*—*Дядь*; если шуринъ и деверь суть ближайшіе представители рода въ его ширь, то *Щуръ* или *Дядь*—въ голову. Демоническое значеніе этого представленія и отношеніе его къ періоду прошлому, доисторическому, до сложенія міра—народа, видно изъ того, что *Дядь*, *Старцы* у всѣхъ народовъ было прозвищемъ божества, называвшагося *Даж-богомъ*, *Кровосомъ*, *Валомъ*, и т. п.; что этимъ же именемъ называется домовой, хранитель дома, существо демоническое; что также точно прозваны всѣ Калѣки Перехожіе (*Дяды*, *Dziady*, *Старцы*, и т. п.), самые прісыные потомки періода стихійнаго и кочеваго, представители его среди новой жизни; отъ того же, видѣли мы, Русскіе назвали себя «*Дажбожними внуками*».

г) Корень *Кур-*, при *сур-*, *сур-*, *шур-* и *щур-*, еще обильнѣе и яснѣе значеніями. Множество словъ, отъ него происшедшихъ, не только повторяютъ значенія, выше нами указанныя, но очерчиваютъ рѣшительно всю *Дажбожескую* эпоху, весь стихійный и кочевой періодъ, такъ что заниматься ихъ разборомъ было бы намъ слишкомъ долго и мы ограничимся только нѣкоторыми. Относительно вѣроознанія: греч. *κῦρ-* (у насъ произносилось *куръ*), *κῦρ-ος*, *κῦρ-ιος*, «высшая сила», «Господь»; относительно богопочленія, служенія божеству: *кур-ить*, куреніе, первоначально вездѣ посвящавшееся божеству; ср. присяжныхъ служителей—*куретовъ*; относительно стихійности: *кур-а*, *кур-ева*, итель, вьюга, движеніе стихій; относительно рода: греч. *κῦρ-η*, *κῶρ-η*; *κῶρ-α*, откуда переняли слово и наши Аэени; «дѣва», съ такимъ же значеніемъ божественности—въ Персефонѣ, потомъ демонической силы—въ Нимфахъ и т. п., даже въ самомъ родѣ, подобно какъ наше *дѣва*, «божественная», отъ помянутаго корня *див-*; въ дѣлѣ обычаевъ, заговоровъ, игръ, съ значеніемъ также демоническимъ: наше *кур-ила* (одинаковая форма съ *Чур-ила*), *кур-илка*, живъ-живъ, вѣчно горящій какъ *Даж-богъ*; наконецъ относительно быта, съ представле-

ніемъ кочеваго характера : у козачества, повторившаго собою, ради вызвавшихъ обстоятельствъ, кочевье среди сложившагося народа, главный таборъ назывался *кош-ь*, одного корня съ *коч-евьемъ*, а начальникъ *кош-евымъ*, при чемъ то же самое слово *Кош-ь*, какъ говорили мы прежде (выш. 3, «Зам.»), значить у насъ и *Коц-я*, полного представителя кочевья по народнымъ преданіямъ и творчеству; но *коши* дѣлились еще на *кур-и* и *кур-ени*, съ своими *кур-еными* атаманами и съ значеніемъ иногда отдѣльнаго шалаша, полатки, *холмы*, колыбы, куши, вежи, т. е. прямо формы кочеваго быта.

Итакъ, послѣ этого ряда разобранныхъ словъ и соответствующихъ имъ весьма выразительныхъ представленій, нельзя сомнѣваться, что *Чуръ*, совершенно одинаковый съ ними по словопроизводству, имѣлъ и въ представленіяхъ народныхъ ту же самую исторію, то есть: восходилъ къ отдаленной памяти перваго и главнаго языческаго божества, Сварога; явнѣе характеризовался въ чертахъ божества вторичнаго, Дажбога, повесъ на себѣ многія, всеславянскія черты Дажбожескаго періода, стихійности, кочевья; потомъ у сложившагоса міра-народа, частію Западно-Славянскаго, а всего болѣе у Русскаго, представлялся существомъ демоническимъ, съ остаткомъ силы хотя уже не божественной, по крайности высшей челоуѣка, и, наконецъ, здѣсь же доходилъ до образа простаго героя, разиѣтился на межахъ и перекресткахъ въ быту земледѣльческомъ, отозвался въ заговорахъ, играхъ, въ пѣсколькихъ производныхъ словахъ и обиходныхъ выраженіяхъ. Частное значеніе формы *Чур-ь*, отличное отъ *сур-ь*, *шур-ь*, *цур-ь* и *кур-*, лежитъ именно только въ прииѣненіи къ межамъ и перекресткамъ, къ заговорамъ, къ условнымъ выраженіямъ общежительной рѣчи; слѣдовательно значеніе самое уже позднее, самое внѣшнее, самое слабое; подробности мы рассмотримъ его ниже.

Теперь же, если сравнимъ это позднѣйшее значеніе *Чура*, возможное и дѣйствительно являющееся только въ совершенно сложившемся мірѣ-народѣ русскомъ, среди его положительной исторіи, дѣющейся доселѣ, сравнимъ съ значеніемъ божества старшаго, верховнаго, главнаго у Славянъ, дѣда русскихъ внуковъ, даже всякаго божества болѣе мелкаго, расплывчиваго и стихійнаго: то мы увидимъ огромное разстояніе, почти внѣшнѣ для насъ не наполненное, разстояніе отъ Неба и Сѣнца до Земли, цѣлую разстѣлину, пропасть.

Если же сюда прибавимъ еще *Чур-илу*, по имени происшедшаго отъ *Чура* и являющагося хотя героемъ, но со всеми человѣческими и народными формами богатырей эпохи Владимира, то разстояніе и пропасть еще болѣе возрастеть и увеличится, еще неизтѣримѣ намъ покажется.

Чѣмъ заполнить промежутокъ?

Онъ отчасти рисуется для насъ чертами, отысканными въ позднѣйшихъ демоническихъ существахъ и герояхъ; мы видимъ здѣсь разшельчавшія стихійныя божества, появленіе иредставленій о демоническихъ силахъ, существа съ надѣломъ значенія демоническаго, слѣды кочеваья, шаги рода отъ кочеваья къ міру-народу, и т. д.: но все это лишь черты, и притомъ самыя распылчавшыя, какъ сама стихія, блуждающіе огни кочеваго табора, куряки куреней, духа, едва ощутимые своимъ дыханіемъ, едва слышимые для слуха, безконечныя и неясныя уособицы рода, или одни внѣшніе знаки быта, то есть одни слѣды жизни, а не сама жизнь, и заполнить ту неизтѣримую пропасть они не могли, и мы допустить этого не можемъ, ибо тогда значило бы отказаться отъ наукъ, не знающей пустоты въ природѣ.

Русскіе—внуки Дажбога, это былъ Дѣдъ ихъ: а гдѣ же *Отецъ*, и какъ онъ именовался? Отецъ конечно у Русскихъ одинъ и одинаковъ со всеми прочими Славянами, отчество Руси Славянское; отчизна, изъ которой пришли они на попрше позднѣйшей исторіи, конечно отчизна всѣхъ Славянъ; домъ отческій, бытъ, семья, опять не нныя: цѣлый промежуточный періодъ жизни—Общеславянскій.

Пойдемъ же искать къ Славянамъ: у нихъ то же, и несравненно еще менѣе, чѣмъ у Русскихъ, менѣе источниковъ для свѣдѣній, менѣе древнѣйшихъ преданій, менѣе творческихъ изъ старинны образцовъ. Беда въ у всѣхъ доходите ощупью до Сварога, встрѣчаете объ немъ память, какъ о чемъ-то безитрно-далекомъ; потомъ болѣе яркіе слѣды Дажбога, въ родствѣ съ прочими древними народами, особенно Индійцами, цѣлая его исторія, вскрываемая изъ подъ позднѣйшихъ образцовъ, обычаевъ, выраженій, а всего больше изъ подъ формъ языка, въ глубинѣ корня; рядомъ яркіе слѣды стихійности вѣросознанія языческаго, кочеваго быта, родовыхъ уособицъ, и — только. Затѣмъ разломъ, пропасть, и вдругъ передъ глазами готовый уже народъ, на опредѣленныхъ, историческихъ мѣстахъ жительства, сложившійся изъ родовъ въ бытъ міра, земли, общины, верви, съ

началомъ положительной исторіи, съ летописями и прочими памятниками, гдѣ—на первый взглядъ—никакой почти повѣсти *доисторической*, гдѣ отъ старыхъ божествъ кое-какія лишь имена, и то съ признаками старости и ветхости, десятковъ размельчавшихъ божествъ безъ энергической силы, куча существъ демоническихъ и потомъ длинный рядъ героевъ, богатырей, юнаковъ, въ образахъ творческихъ, поэтическихъ, но уже принадлежащихъ исторіи положительной. Слышите первыя народныя сказанія и пѣсни: о чемъ? Они называютъ родоначальника, большею частію лишь по имени, потому говорятъ, что пришелъ онъ съ родомъ туда-то, здѣсь пришельцами совершенно то-то, совершенно кое-что баснословное, но на поприщѣ историческомъ, на томъ самомъ, которое и осталось за народомъ, а тутъ—два-три шага, и вы уже глазъ на глазъ съ исторіею положительной, и эпоха до-историческая, наступившая послѣ Дажбога и ближайше предшествовавшая исторіи,—этой эпохи какъ не бывало (исключеніе, какъ увидимъ послѣ, за нѣкоторыми лишь сказками). Ищете мифологіи: она обрывается на именахъ Сварога и Дажбога, оставляя вамъ лишь нѣсколько божескихъ именъ, но именъ божествъ стихійныхъ, расплывчивыхъ, неопредѣленныхъ, почти безъ образа, въ одной лишь звуковой формѣ, такъ что вскрывать значеніе этихъ *Мокошей*, *Погиздовъ*, *Симарылаевъ*, и т. п., вы обязаны тяжкимъ трудомъ филологическимъ, путемъ догадокъ, и то большей частью безъ успѣха. Вы надѣетесь всего болѣе на *языкъ*: языкъ и доведетъ васъ, но доведетъ до Кіева; до первой точки положительной русской исторіи, отъ которой вы принуждены идти не лицомъ къ исторіи, какъ бы слѣдовало, а пятиться задомъ впередъ, въ чертахъ исторіи положительной подбирая слѣды эпохи предшествовавшей. При стихійныхъ божествахъ, сказали мы, куча существъ демоническихъ, признанныхъ среди положительной исторіи: но это уже не мифологія въ ея собственномъ смыслѣ, это не исторія періодовъ въросознанія, и произносить здѣсь имя Мифологіи могли только наши школьники и невѣжды. Тѣмъ менѣе идутъ сюда ряды героевъ и богатырей, цѣль обычаевъ, народныхъ творческихъ образовъ: это слѣды, иногда просто туманныя пятна отъ былой жизни мифологической, но не сама жизнь; напоминанія, знаки, но не данныя. У божествъ нѣтъ культа, вѣстныхъ формъ, учрежденій, памятниковъ богопоклоненія, исключая опять кое-какихъ размельчавшихъ обычаевъ, перешедшихъ въ исторію положительную, ужившихся съ Христіанствомъ. За исключеніемъ край-

цахъ отыраековъ Западнаго Славянства; божье опредѣлявшися вѣрою, отъ столпцевей съ Западными народами и поглоченныхъ ими, замолкшихъ для исторіи, нѣтъ почти никакихъ у Славянъ идоловъ, языческихъ храмовъ, жрецовъ; нѣтъ даже борьбы съ Христіанствомъ, и Славяне переходятъ къ нему совѣтъ готовые; будто къ ступени самой ближайшей, и вносятъ съ собою въ жизнь Христіанскую такіе мирные слѣды язычества, которые уживаются съ Христіанствомъ просто какъ народность, какъ образъ и фовудъ для воплощенія новыхъ явленій бытія духовнаго, какъ слово для выраженія христіанскихъ идей; борьба, которую провнцательно усматриваютъ здѣсь наши повѣйшіе русскіе ученые, есть въ сущности ничто иное, какъ борьба изъменкой книги, послужившей источникомъ, съ дѣйствительною русскою жизнью и здравымъ разсудкомъ. За этой вытерсеной борьбою они не видали доселѣ той огромной пропасти, которая цѣпанута нами выше, которая дѣйствительно существуетъ какъ пробѣла для науки, между первыми началами доисторической жизни Славяно-Руссовъ и позднѣйшими проявленіями жизни исторической, поддвинутой какъ Паллада прямо въ голову, безъ всякихъ замѣтныхъ переходовъ и ступеней.

Пробѣла для науки: не было ли его и въ самой жизни, въ самой доисторической дѣйствительности? Трудно цовѣрнуть, на самый первый взглядъ. Между столпцеворніемъ, отъ котораго раздѣлялись и цощацъ народы, а вмѣстѣ пошелъ и народъ Славянский съ своимъ Дажбогомъ, до первыхъ вѣковъ по Р. Х., когда Славяне упоминаются, и до IX вѣка, когда начинаютъ говорить объ себѣ сами на цовнрищѣ цоложительной исторіи, лежало времени не мало и не могли Славяне наполнить его одной праздноствіемъ и бездѣйствіемъ. Отъ средней Азии и вершинъ Гималаевъ, гдѣ составили Славяне съ другими народами и всего больше съ Индійцами, чему понесли столько слѣдовъ въ языкъ, до береговъ Дуная, до Чернаго моря, и отъ Чернаго до Балтійскаго, на всей этой полѣ - Европѣ, очерченной одними цвнечемъ Скиѣи и Сарматіи, дорога не близкая, цуцъ не краткій и не легкій, конечно не совершенный безъ цвнчѣи, безъ цомѣхи, борьбы и цобытій. Кочевье на такомъ огромномъ цообранствѣ и въ теченіе такого долгаго времени не могло быть само безъ церіодовъ, начиная отъ безцѣльнаго и безсвнчательнаго блужданія, вынужденнаго сндою вѣросознанія, до скопнщѣ дружинныхъ, до цутей, цвнчрнцннцыхъ съ цѣнью, до сознаннаго влеченія къ той, а не

другой странѣ, до первыхъ признаковъ бытовых бедности; но на Славяне укрѣпились уже на этихъ мѣстахъ, для застаетъ ихъ исторія. Недовольно наполнить этого пространства однимъ, хотя и обширнымъ, представлениемъ о бытахъ, и ограниченности, открываемыхъ въ зрѣніи, до истины выработанныхъ словъ, впечатлѣвшихъ на себѣ видныя и шемноголожныя черты бытоваго быта, раздѣлись конечно развѣянныя и свои учрежденія (сначала всякъ плѣхъ учрежденій), которые при значахъ положительной исторіи, являются или примѣры, или нѣтъ, въ такомъ уже разнообразіи, въ такой ясности, связанной жизненной нрпности, что миръ — народъ, вѣщима, община, воры, и т. п., дадено превосходить современнымъ ить учрежденія другихъ народовъ. Не довольно и альтернативнаго выраженія (объяснѣнія) родовъ, какъ всталъ родъ на родъ, чтобы охватить реку обширности родовыхъ явленій и объяснить, маятъ до положительной еще исторіи, роды разложили самихъ себя, выдѣлили свободу началъ семейныхъ, дяныхъ, мирскихъ — общинныхъ. Отъ кружащегося Неба, Сварога, отъ палашаго, жгучаго, и исключительнаго, всемогущаго, стараго, скваннаго и всадивляющаго, однимъ словомъ Кромическаго Сварожиза, Даждьбога и Солнца, до Земли и Земляны, съ дучкою ея демоническыхъ существъ, пущенихъ въ марный обиходъ ежедневной жизни, въ повѣрья, заговоры, преданія, простые и грубые символы и образы, съ Земной Дружиною, съ богатырями Владимировыми, даже если причесть Ююла и родоназачликовъ, ихъ богатырей Старшихъ, — въ этомъ промежуткѣ, лежалъ цѣлый миръ стхій, чюгонибудь творившихъ же иъ сованца, иду летихиныхъ божествъ, даи насъ удѣлявшихъ, лишь игоищеня, были конечно, но одно ннра, а подъ именемъ цлалъ и чаріа, подмае событий, выражаяшая и въ блгооклоиеніи, во, видныихъ обрадахъ, на, носѣ, стхій, еще выработанныя представленія объ организацїи, организацїи, тиводный и человеческій, зодморфизма, и чаропоиароизма. Гдѣ все это, не въ томъ жалкомъ безобразіи, какъ открываютъ наши ученые, да въ значеніи вросознанія, творившаю душу славяно-руссаго: чаро, вѣка? Посмотрите на сказки, хотя бы введеныя нами, при дѣтскомъ выпускѣ, о бы Іванъ-богатырь, этомъ представителѣ русскаго чаро, вѣка въ эпоху общеславянскую, до положительной исторіи: сколько мучительной борьбы, сколько длинныхъ переходовъ, изъ одною царства природы въ другое; изъ одного вида бытія къ другому, обожко враговъ, сколько ума, ловкости и хитрости, перель дѣмъ какъ

выйти на свѣтъ Божій, стать въ ряду съ братьями, занять почетное мѣсто въ исторіи между другими старшими народами! Если въ сказкахъ только намѣчены эти пути, набросанъ перечень поденговъ въ родѣ послужнаго списка, то подъ этой сѣткою какъ же разнообразна и полна была жизнь, какъ сильно билась и трепетала притоками и круговращеніемъ силъ, сколько поднималось, низлагалось, и снова создавалось образовъ, сколько формировалось и развѣтвлялось словъ, именъ, выраженій? А языкъ? Отъ единства общеславянскаго языка, умесеннаго Славянами изъ смѣшенія Вавилонскаго, до этого поразительнаго разнообразія Славянскихъ нарѣчій при самомъ первомъ появленіи ихъ на поприщѣ исторіи, сколько должно было пройти разнообразія въ явленіяхъ духа, сколько подхвачено было разнообразныхъ впечатлѣній и представленій, сколько положено силъ на творчество слова? А творческіе образы народныхъ пѣснопѣній, сказаній, съ IX-го же вѣка хлынувшихъ потокомъ и готовыхъ, кажется, занять весь міръ своимъ обиліемъ? Могли ли они появиться безъ подготовки, безъ предварительныхъ опытовъ, съ разу послѣ Кривичскаго одѣивенія и стихійной распылчивости, не подававшейся явному образу, ибо человекъ тогда не доходилъ еще до глубины своего духа и долженъ былъ въ вѣросознаніи пройти прежде того образы другихъ царствъ природы? А самый духъ? Послѣ того какъ онъ былъ задавленъ козмическою силой, царившей въ вѣросознаніи, послѣ того какъ подчинялся не только внѣшности, но и самъ себѣ былъ внѣшнимъ, не зная себѣ средоточія, не ища силъ войти внутрь себя и ощутить себя въ свойственномъ себѣ образѣ, съ этихъ началъ языческой религіи, до той минуты, когда славяно-русскій народъ явился какъ бы вдругъ совершенно готовымъ къ Христіанству и какъ бы съ разу удостоился сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ Христіанскихъ вѣросознаній, Православія, въ этомъ опять промежуткѣ какая длинная и долгая должна была совершаться исторія! Съ разу такъ шагнуть не могъ ни одинъ народъ: одинъ, на примѣръ Еврейскій, всю жизнь готовился къ этому шагу и все-таки не смогъ его сдѣлать, и отверженъ; другой готовился мистеріями; третій въ помощь успѣлъ уже выработать себѣ классическую науку и философію.

Итакъ, означенный пробѣлъ существуетъ только для нашей науки: въ жизни и дѣйствительности его не могло быть.

Итакъ, наука должна искать этого искомаго. Нужно сознаться лишь, что это не такъ легко. Дѣйствительно, путь нами очерчен-

ный, во всѣхъ своихъ переходахъ, былъ непремѣнно пройденъ Славяно-русскою жизнью, но съ наступленіемъ положительной исторіи не уберечь и не передать намъ своей повѣсти прямо, ясно, цѣликомъ, въ готовомъ видѣ. Живой объ живомъ лишь думаетъ, и всякой народъ, тѣмъ болѣе такой безопасный, какъ Славяне, не могъ на-мѣренно заготовлять для потомковъ свою біографію, а безнамеренно и бессознательно не желалъ тратиться на вышнее выраженіе тамъ, гдѣ едва хватало силъ на разнообразную сущность дѣла. Другіе народы меньше, можетъ быть, прожили: но больше о себѣ оставили и насажали; нашъ народъ спѣшилъ въ исторію, и въ исторіи все еще доселѣ живетъ надеждою на будущее, предвѣя тамъ себѣ высшую задачу, а потому оставилъ насъ въ скудости данныхъ для уразумѣнія длинной эпохи доисторической. Лишь языкъ даетъ здѣсь такое богатство средствъ, какое не у всѣхъ народовъ; съ него и должны всегда начинать мы. Гдѣ же добытое нами не совѣтъ полно и ясно, тамъ мы должны обращаться къ народамъ, у которыхъ всѣ пройденныя поприща развитія болѣе ясны, и хотя не всегда одинаково глубоки, но по крайности выражены нагляднѣе въ творчествѣ.

Лучшая помощь въ этомъ дѣлѣ Греки, благодаря во первыхъ тому, что успѣли лучше всѣхъ выразить себя не однимъ творчествомъ поэзіи, но и другими искусствами, и особенно пластикою. Во вторыхъ, у нихъ съ особенной раздѣльностью выяснены выпукло всѣ періоды развивавшагося вѣросознанія, и тамъ, гдѣ у насъ относительно Славянъ осязательный пробѣлъ, тамъ у нихъ особенная яркость изображенія: Грекъ прошелъ всѣ пути языческаго вѣросознанія, отъ верхняго края до нижняго, отъ предѣла до предѣла; ни одинъ языческій народъ не сравняется съ нимъ въ этой полнотѣ; на каждомъ моментѣ онъ достаточно остановился, чтобы отвердить свое сознаніе; потому ясность и раздѣльность моментовъ вѣросознанія выразилась необычайно послѣдовательно и яркой повѣстью, то есть Мифологіей; повѣсть эта была въ образахъ, мифахъ; мифы нашли для своего воплощенія огромныя средства народнаго искусства. Обратно, въ его пластикѣ, поэзіи и прочихъ искусствахъ главное содержаніе—мифы; изъ мифовъ послѣдовательность, мифологія; въ мифологіи выражена геогонія и космогонія. Когда прочіе народы, выступавшіе на Европейское поприще, только что переваливали одинъ за другимъ необходимые моменты въ вѣросознаніи, медленно, подвигаясь впередъ, ихъ застѣгло приближеніе Христіанства, сшибало и

случае намеченные вперед пути их; а появивший дух, подоспѣвшее Откровеніе упразднило въ экономіи человѣческаго развитія, сдѣлавъ ненужнымъ прежніе долги, окольные пути язычества. Это началось уже отчасти съ Рима, а всего болѣе оказалось у новыхъ Европейскихъ народовъ; въ томъ числѣ и Славянъ: какбы инстинктивно, предчувствіемъ, все грозившееся зданіе міеологіи быстро рушится, епіша выдвинуть людей къ принятію Христіанства. Между тѣмъ въ Греціи успѣлъ уже до Христіанства совершиться весь процессъ міеологическій епізна, безъ посторонняго ускоренія, совершиться отъ Урана до послѣдняго края мистерій; изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ этотъ одинъ былъ предъзбранъ, чтобы за себя и за другихъ совершивъ подобный подвигъ. Потому въ эпоху языческой или доисторической, въ эпоху слагаемаго языка или, что то же, народа, въ эпоху, когда творился народъ въ духѣ, своимъ въросознаніемъ, когда выражалъ себя міеологіей, въ этой эпохѣ Греція всегда будутъ стоять образцемъ, по которому и изъ котораго должно познакомиться пробѣлы у другихъ народовъ; уяснить неясное, распутывать сѣтшанное. И нужно только дивиться бездариости нашихъ міеологовъ, когда, благодаря подручности нѣмецкихъ учебниковъ, они тянутъ въ намѣ для объясненія нѣмецкую міеологію, забывая, что сама она непременно нуждается для объясненія въ греческой; а по всему греческому мы близки не менѣе Нѣмцамъ.

Въ настоящемъ случаѣ, для пополненія нашего пробѣла, греческая міеологія важна тѣмъ, что послѣ Кроносическаго и стихійнаго періода, гдѣ у насъ ошутительный обрывъ, у Грековъ вступаютъ по порядку зооморфическія представленія, переходятъ въ антропоморфическія, углубившіяся въ себя духъ челоуѣчскій выносить на сцену и свой образъ, настаетъ лучшее время сочетанія идей и образа, всѣ прежнія божества въ въросознаніи перерождаются, открываются Олимпскія божествами преобразованными съ царемъ Зевсомъ, и весь періодъ Зевса является новымъ, политѣйшимъ и обильнѣйшимъ періодомъ міеологіи, творчества, искусства. Этотъ-то періодъ и долженъ для Славянъ уловить многое, пополняя черты ихнихъ образцовъ, подказывая недосказанное; тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ имѣть вліяніе на Славянъ и по соседству: разумѣемъ Орало-Пелазгическія племена и Дажь; въ числѣ коихъ по всѣмъ признакамъ были Славяне, а еще болѣе—поконное пребываніе Славянъ, хотя съ

перерывами, по берегамъ Дуная и на Черномъ морѣ, обрѣдены съ греческими населеніями.

Подтвердежь: возстановить образность и опредѣленность неясныхъ обликовъ и единокитъ именъ славянскихъ божествъ изъ этого періода, можно только посредствомъ оближений съ ниводотіей греческой. Мы думаемъ, на приѣздъ, что отчасти уже достигли этого, сравнивши *Велеса* или *Волова* съ греческимъ *Γελіωсомъ* (по смыслу съ *Θεωότης*), *Купалу* съ *Κυβέλοю*; *Соботки* съ *Σαβωτάями*, и т. п. Еще больше должны ждать мы отъ періода Зевесова или Олимпійскаго. Подойдемъ сюда и съ своимъ *Чуромъ*.

Изъ всего Олимпійскаго круга божествъ, по словопроизводству имени, мы можемъ останавитъ только на *Гермесѣ* или *Меркуріѣ*. *Ἑρμῆς*, въ позднѣйшемъ личномъ имени *Ἑρμᾶς*; по нашему будетъ *Ерма* (синонимовъ какъ *суга*). Мы не рѣшились бы разъяснить филологически это слово, если бы словопроизводствѣищцы ученыхъ не были бы здѣсь крайне сбѣжчивы и не навивняли бы насъ самимъ въ случаѣ поуданя. Въ *Ἑρμῆς* или *Ἑρμᾶς*, — ης и ας есть приставка, суффиксъ; звукъ *μ* образовательный, образовательное окончаніе, которыми создана форма слова, вѣроятно отъ страдательнаго причастія (ср. латинск. *ter-tel*) и, въ смыслѣ собирательномъ, одинаковое съ нашимъ *в*. Корень встаетъ *Ἑρ*, *τερ*; *ι* есть придыканіе, какъ дигамма одинаковое съ *с*, такъ что корень филологически останется тотъ же, если произнесемъ его *сер*—: а это будетъ то же, что знакомое намъ *ср*—, *сур*—, *сыр*—, такъ что къ формѣ *Ерма* ближайшая будетъ на приѣздъ *сур*—ма, такой же металлъ, какъ и металлъ Меркурія. Если же допустимъ здѣсь *сур*—, то должны допустить и *чур*—, *кур*—, и т. п.: действительно, и необходимо допустить. При имени Гермеса стоитъ въ греческомъ древнее слово *ἕρμα*, *терма*, подпора, подставка подъ корабль, когда вытаскивали ихъ на сушу: ясно, что это не больше, какъ употребляемый и у насъ подъ лодку обрубокъ, пень, колода, *чур*—ка, *чур*—бань (бъ здѣсь = а, = м, выше приведенному); второе значеніе того же слова, *ἀρετήριον ἕρμα*, есть камень, обозначающій точку разбѣга на пути, гдѣ составались бѣгунны: очевидно это то же, что *чурь* въ значеніи колоды или обрубка шпильтъ, на межѣ, перекресткѣ, или *чурь*—коль въ нашихъ играхъ; третье значеніе слова есть «холмъ», т. е. наше слово *кур*—гань. — Дайте, древнѣйшія изображенія Гермеса, называвшіяся *Германи*, *Ἑρμῆς*,

вытесывались, какъ известно, въ видѣ каменнаго четырехугольника, съ борогатою головою и фаллосомъ, а еще древнѣе, до развитія искусства, были просто обрубкомъ: ясно, что это наши *чур-ка*, *чурбанъ*, *чур-бакъ*, образы *Чура*. Гермы ставились по путямъ и дорогамъ, на перекресткахъ, на волахъ, по межахъ и въ садахъ, при вхождѣ въ улицы, въ домъ, такъ что Гермесъ былъ здѣсь хранителемъ, защитителемъ, силой священной по своей неподвижности: ясно, что это совершенно одно и то же съ нашимъ *Чуромъ* или *Чурами*. У Римлянъ это былъ *Ter-ten*, *Ter-terminus*, хранитель межей, предѣловъ, пороговъ, *Deus Terminus*, существо отчасти еще съ божескою, но больше съ демоническою слогою, а отсюда и всякая межа, предѣлъ, конь, ковецъ, цѣль.—Съ латинскимъ же *Ter-ten* стоятъ рядомъ еще греческое слово, *τέρμα*, *тер-ма*: межа, цѣль, ковецъ; точка, при которой колесницы на ристаніи должны были поворачивать; мѣта, къ которой бѣжали въ запуски, къ которой бросали дискъ (*чуръ-конь* славянской игры камнями, когда мечутъ, по сербски, «камен с рамена», камень съ плеча); всякой ковецъ, такъ что *τέρμα* въ нарѣчій значило «наковецъ.» Тенерь нашъ понятенъ не только наше употребленіе *Чура* и *чурожъ* на межахъ, предѣлахъ и перекресткахъ, но и то, почему *Чуромъ* *чураются*, въ заговорахъ и заклинаніяхъ обводи около себя кругъ, въ общежитіи нища защитить свою постановку, предѣлъ занятый человѣкомъ, и т. п. Самое *t* (*t*) въ *ter-ten* и *τέρμα*, происшедшее не иначе, какъ изъ *s* или *k*, доказываетъ справедливость нашего объясненія, предложеннаго выше, о томъ, что придыханіе *z* одинаково съ *s*, а отсюда съ *k* и *ч*, и что корень *ѣр-* дѣйствительно тождественъ съ *сур-*, *кур-*, *чур-* (такъ изъ *χῦρ-ος*, *χῦρ-ος*, известнаго намъ корня *кур-*, у Грековъ явилось, при *χοῖρ-ατος*, и *τῶρ-ατος*; такъ древній квасъ, *χοῖρ-μα* или *χῶρ-μα* является въ славянскомъ съ одной стороны какъ *кор-м-ъ*, *чор-ба*, съ другой какъ *сыр-еця*, квасъ и деготь). Наконецъ, чтобы рѣшительно доказать тождество нашего *Чура* съ *Гермесомъ*, стоитъ только вспомнить выраженіе—«*чуръ смѣлость*,» когда встрѣтится на пути находка; Греки восклицали въ этотъ случай: «*Ἐρμῆς κοινός*,» Гермесъ общій, Гермесъ вѣстѣ; и самая такая находка именовалась словомъ того же корня: *χῦρ-μα*, *кур-ма*.

Убѣдившись въ такомъ значеніи нашего *Чура*, мы можемъ черты его, какъ существа божественнаго, у насъ весьма слабыя и болѣе

демоническія, восполнить вѣтъ тѣмъ, что известно изъ Олимпійскаго періода о греческомъ Гермесѣ. Не значитъ ли отсюда, что у насъ или до крайности у Славянъ былъ свой Олимпъ, свой Зевесовскій періодъ мифологии? Никакъ, ибо еслибы у насъ было все это, то Владимиру не было бы нужды, при началѣ нашей исторіи, искусственно создавать новый Олимпъ подъ председательствомъ Перуна, и этотъ Олимпъ, если бы исходилъ изъ древности, коренился прочно на началахъ язычества, то не рухнулъ бы такъ скоро, не уступилъ бы такъ легко Христіанству. Значитъ только, что въ промежуткѣ между періодомъ Дажбожескимъ и стихійнымъ съ одной стороны, и съ другой— между сложившимся міромъ-народомъ при выходѣ въ положительную исторію, была въ нашемъ вѣтросозаніи, а отсюда и въ мифологии, нѣкоторыя черты, соответственныя греческому антропоморфизму, такъ что эти черты, какъ бы слабы онѣ ни были при переходѣ къ намъ, можно весьма уяснить и пояснить съ помощью яркихъ греческихъ образовъ. Такъ и Чура пополняется мы Гермесомъ.

Нѣкоторыя черты въ поклоненіи и мифахъ Гермеса доказываютъ, что первоначально и по происхожденію онъ имѣлъ прежде гораздо большее значеніе, чѣмъ въ послѣдствіи, что онъ былъ богъ первооткрывательный, и съ этой стороны на Олимпѣ, при всей своей служебности, выше прочихъ Олимпійцевъ и равенъ самому Зевесу: такъ и въ Чурѣ, путемъ филологіи, открыли мы древнѣйшее происхожденіе и близость къ божествамъ первымъ, Сварогу и Сварожичу. Даже Гермесъ въ древнѣйшихъ чертахъ своихъ представляется богомъ трехъ царствъ міра, верхнимъ, земнымъ и нижнимъ. Онъ связуетъ эти три царства, и, какъ связъ ихъ, какъ предѣлъ, представляется хранителемъ ихъ, откуда и перешелъ въ хранителя на землѣ всякаго предѣла и перекрестка; но онъ имѣетъ и сообщаетъ эти царства, богъ перехода, движенія, вѣстникъ изъ одного царства въ другое, спутникъ, сопровождающій при переходѣ отъ одного къ другому; онъ примиритель отдѣльныхъ сферъ міра, богъ, равно пріятный высшимъ и низшимъ: тѣ же значенія имѣлъ конечно у Славянъ и Чуръ, ибо, мы знаемъ по отрывкамъ быдинъ и сказкамъ, какъ для русскаго челоука, Ивана, въ эпоху общеславянскую, было много-много переходовъ по тремъ царствамъ; хранитель Ивана, спутникъ въ этихъ переходахъ, неожиданно являющійся помощникъ, руководитель къ исходу, былъ конечно никто иной, какъ Чуръ, и потому лишь ему вручилъ нашъ народъ въ послѣдствіи охрану путей на перекресткахъ, межей на пашнѣ, са-

мыль дорогихъ для сложившейся и обрѣдой Земли; потому же хранить онъ у насъ Миръ, Землю отъ гибельной силы другихъ сферъ, отъ стихій, отъ вторженія духовъ изъ сферы таинственной, когда въ заговорѣ очерчивается кругъ, когда ядно спасеніе здѣсь въ пропавшеніи илени Чура, одно средство—зачураться. Наконецъ, Гермесъ покровитель игръ, палестры, гимнасій, какъ хранитель жѣты на ристаніи и въ запускахъ, хранитель предѣловъ личности въ борьбѣ, защититель личной безопасности: таковъ же у насъ Чуръ на кону игръ, нашъ Чуръ-конъ. Прочія свойства увидимъ и сравнимъ еще ниже.

Дальнѣйшее и воздвигшее ступенью въ существѣ Чура является Чур-ило, предвѣникъ и во самому словопроизводству имени. Чуръ въ эпоху доисторическую несомнѣнно былъ божествомъ; при началѣ положительной исторіи онъ оказался существомъ демоническимъ, хотя и со слѣдами бывшей божественности: Чурило же, ступенью еще выше, является уже богатыремъ, богатыремъ, хоть и со слѣдами силы демонической; къ нему обратимому и перейдемъ мы. Слѣдуютъ такъ: черты Чура, родоначальника Чурилова, извѣстны намъ исторически, потому черты, открываемыя изъ эпохи доисторической и мифологической; помощью языкованія и сравненія съ греческими образами Гермеса, наконецъ образы, переданныя намъ въ былинахъ о Чуриль, все это сведемъ мы къ лицу Чурилы и соединимъ въ себѣ въ одинъ полнѣйшій образъ.

Былина открывается тѣмъ, что Чурилы не знаютъ въ Кіевѣ, въ средоточіи тогдашней русской жизни, не знаютъ, стало быть, Русскіе: давнее его значеніе, Чура какъ бога, миновало въ ознаніи, о немъ забыли, его не вѣдаютъ; значеніе демоническое перешло въ обычай, но не имѣло художественнаго образа, определенной формы; а значенію новое, собственно принадлежащее Чуриль, значеніе богатыря совершенно было еще неизвѣстно; богатырь только что родился, онъ очень молодъ, онъ начинаетъ первые шаги свои.

Доходятъ объ немъ слухи; толпа за толпою прибываетъ, чтобы рассказать объ его подвигахъ новую и новую повесть. Но рассказамъ выходить, что онъ началъ подвиги свои совершенно какъ Олегъ Вещій, Вольга, какъ этотъ первый представитель явившейся Русскому міру новой силы: онъ «куйныхъ-то янцовъ выловилъ, онъ кунную рыбу повываилъ;» онъ и товарищи его «соболи, кунницы новыловили, нечерски ясицы повывгнали, туры-бояни выстрѣлили,

всю бѣлую рыбицу повыловили; щуки-караси повыловили жъ и мелкую рыбицу повыдавили, всѣхъ ясныхъ соколовъ повыхватили и бѣлыхъ кречетовъ повыловили. Такиимъ образомъ появяется Чурило издали, какъ что-то тинистенное, незнакомое и высотѣ грозное, опустошающее именно какъ древній богъ, съ которымъ Чурило связывается происхожденіемъ, богъ Кроническій, Дажбогъ. Люди избиты, ранены; все въ смутеніи и ужасѣ. Вспомнимъ при этомъ, что во Гомерическому гимну Гермесъ именно царствуетъ надъ звѣрями, надъ быстроглазыми львами и бѣлозубыми вепрями; надъ собаками, и проч., т. е. надъ человѣческой охотою; потому онъ захватилъ себѣ всю эту добычу какъ собственность, и, какъ богъ трехъ царствъ, верхній, земной, преисподній, захватилъ всѣхъ птицъ въ воздухѣ, всѣхъ звѣрей по землѣ, всѣхъ рыбъ въ глубинѣ. Таково истинное значеніе Чурилы, какъ Чура, Гермеса.

Но, по представленіямъ Земли, уже сложившейся, дуга; вышедшаго изъ мнѳологическаго періода къ историческому; отбредоточившагося на челоѳкъ, всѣ эти звѣри и животныя принадлежатъ уже не Чурилѣ, а Кіеву—средоточію Руси, князю — главѣ Руси: потому дѣйствія Чурилы, по основному значенію совершенно правыя; при новомъ порядкѣ вещей представляются захватомъ, грабежемъ; на Чурилу жалятся князю какъ на грабителя. Здѣсь опять выступаетъ значеніе Чура какъ Гермеса: по представленіямъ греческимъ, также впрочемъ не самымъ древнимъ, именно уже въ народномъ творчествѣ, Гермесъ знаменитъ умѣнїемъ угоять чужихъ животныхъ, онъ называется въ этомъ смыслѣ даже *воромъ* и *грабителемъ*, а въ особенности *погонщикомъ быковъ*, которыхъ отгонялъ онъ, *δακτιλοβοῖν*. Любопытно, что въ польскомъ употребительное старое слово *ciuga*, цур-а (чур-а); значить «погонщикъ при обозѣ», малый, сѣдлавшій, державшій или гонявшій коней, то, что у насъ въ летописяхъ называлось *кощей*, слово, какъ знаемъ, истекшее изъ глубокой древности кочевья.

Разскажи сначала Владиміръ не вѣрить; жалобъ, «челобитыя не слушаетъ.» Ему не хочется признавать того, что давно миновало въ славяно-русской жизни, а теперь появлялось вновь; онъ не вѣрить, чтобы это было возможно. Но когда уже стоитъ стонъ отовсюду, когда въ волняхъ пронеслось имя Чурилы, Владиміръ, говоритъ былина, «за то слово спохватится: «кто это Чурила есть таковъ?»» Отвѣта нѣтъ: Чурѣ забыли, образъ его покрылся туманомъ, Русь Кіевская

слишкомъ молода, чтобы помнить отдаленное имя стараго божества, чтобы понять его появленіе въ новомъ человѣческомъ видѣ бытія.

Выступаетъ изъ толпы человѣкъ, котораго былины постоянно называютъ «старымъ» и объ которомъ мы поговоримъ подробнѣе еще ниже. Онъ, какъ старикъ, одинъ знаетъ происхожденіе и значеніе Чурилы: «я де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю;» онъ знаетъ о Чурилѣ пастари, ему памятны преданія и рассказы о Чурѣ, и не только памятны, ему вѣдомо значеніе древняго божества, понятію народженіе новаго богатыря-героя.

Старикъ рассказываетъ объ этомъ «давно вѣдомомъ.» По рассказамъ оказывается, что Чуриза живетъ на сторонѣ: тамъ онъ воспитался прежде своего вступленія въ Кіевъ, прежде появленія на конрищѣ богатырскомъ, историческомъ: онъ живетъ въ городкѣ, предшествующемъ Кіеву, въ Маломъ Кіевцѣ; онъ владѣтъ несметными богатствами.

Князь, княгиня, главные богатыри, богатыри прочіе, князья-бояре, прѣстые люди, все это поднимается изъ Кіева, чтобы отправиться и посмотрѣть на новое, только что явившееся начало, старикомъ впрочемъ «давно вѣдомое,» узнать его отчину, отчину, мѣстопробываніе, отеческій дошъ, въ которомъ лицо это воспиталось, изъ котораго выступило на подвиги, узнать его происхожденіе, его отца.

Проводникомъ берутъ того же старика.

Пріѣхали. Чурилы нѣтъ дома. Творчество съ необычайной тонкостію не выводитъ Чурилу съ разу на показъ: онъ, какъ явленіе новое и юное, появится послѣ. Прежде выведено и очерчено его мѣстопробываніе, указано, откуда произошелъ онъ, гдѣ его корень, кто отецъ. Потому мы здѣсь ожидаемъ встрѣтить старину, предшествовавшую Чурилѣ, изъ эпохи Чура, Гермеса.

И действительно. Сперва выходитъ на встрѣчу отецъ: *Пленъ, Пленко, Пленка*. Собственно это имя есть *Пльнь*, полонъ: мы пишемъ *e* потому лишь, что въ нѣкоторыхъ былинахъ произносится *Пльника, Пльниковичъ*; дѣло въ томъ, что *пльнь* значитъ въ корнѣ между прочимъ «узы,» «связь,» откуда *пльница, пльницы*, а эта послѣдняя форма переходитъ въ форму *пльнка, сътъ, влѣтка, влѣтчатка*. Самое имя *Пльна*, полонъ, показываетъ ясно, что за лицо было отцемъ Чурилы, что за происхожденіе Чурилы. Въ эпоху Кроническую, эпоху Дажбога, сознаніе человѣческое было въ плѣну у вышней, космической силы, было ею связано и въ узлахъ, было

само себѣ вышнѣмъ и не могло еще высвободиться къ средоточію человѣческаго духа. Потому самъ богъ этого періода представлялся въ плѣну, въ узакъ, въ цѣпяхъ, связаннымъ; все цѣпѣло отъ его прикосновенія; и когда, хотъ обманомъ, удавалось отродиться явленіямъ новой жизни, новымъ божествамъ, то онъ ревниво сиѣшилъ или пожирать ихъ, или налагать на нихъ цѣпи, связывать (ср. исторію Зевса и прочихъ сравнительно новыхъ божествъ); и Гермесъ, въ ряду съ другими, когда породился къ новому бытію, и прежде чѣмъ взомелъ на Олимпъ, подвергся той же участи, подпалъ тому же плѣну (отсюда-то значеніе *ἔρμι* какъ цѣпи, отсюда значеніе нашей *пльницы*). Въ кочевомъ бытѣ, сопровождавшемъ этотъ періодъ вѣросознанія, *пльнь* игралъ не менѣе важную роль: человѣкъ, повинувшійся вѣросознанію, зналъ только одно отношеніе къ другому человѣку — захватъ, добычу: *пльнь* означалъ первую изъ добычь, захваченнаго человѣка, *пльнника*, *поломенника*; на него налагали узы, *пльницы*; узы становились средствами, выраженіемъ, символомъ рабства, плѣнникъ былъ рабъ, рабъ былъ въ узакъ. Это была первая и важнѣйшая добыча, главный плѣнъ; и всякая добыча доставалась дѣйствіемъ того же захвата и полона: отсюда *пльнь*, *полокъ*, *ополониться* *полономъ*, — все это получало значеніе добычи вообще, имущества, богатства. Богатство было плѣномъ, плѣвъ былъ богатствомъ. Первымъ предметомъ сношеній и торговли были также *пльнники*, рабы: ими торговали; а какъ всякая добыча была *полономъ*, то *полокъ* же былъ и предметомъ торговли. Торговля въ этомъ кочевомъ быту была мѣстная, переносившаяся изъ мѣста въ мѣсто и переносившая съ собою полонъ; торговцы, даже выдѣлывшійся изъ общаго кочевья какъ особый слой, даже въ первыхъ порахъ исторіи, были людьми *перехожими*, *странниками*: отъ того ихъ названіе *гость*, отъ того ихъ постоянное прозвище — *богатый*, съ полономъ въ рукахъ. Итакъ, вся *полнота* этой жизни выражалась *полономъ*, *пльномъ*. Представленіе о *пльнѣ* и *полонѣ*, какъ существенномъ явленіи кочевья, до того было ярко въ нашихъ предкахъ, что даже среди положительной исторіи они ставили *поломенника* въ ряду лицъ, олицетворившихъ былой кочевой періодъ, въ ряду *калькъ переходившихъ* и *странниковъ*, подъ защитой церкви, въ богорадныхъ домахъ. Таковъ же былъ и *Пльнь*, отецъ Чурилы: онъ *гость*, гость *богатый*, его домъ *полокъ* *полономъ*, прежде всего рабами, потомъ всякой добычей и богатствомъ; онъ также

« старый ». Пльнь, въ жизни старой, и его-то дочь представляла старану, воспитавшую Чурилу, по нешт-то, по происхожденію и по лому отческому « давно вѣдать » Чурилу старикъ около Владимира. Но Пльнь былъ богатѣе гостемъ еще съ особымъ отгѣнкомъ. Когда натаиутыя отношенія къ божеству Кроническому, въ зловѣ Дажбога, разрывались, когда расторгались цѣпи и являлась, рядомъ съ суровостью, уступчивость, хотя неопредѣленная, возвращавшаяся опять къ суровости, когда являлась блуждающая стихійность, — тогда все это выражается въ мифологіи женскою половинкой Кроническаго бога, богиней, породившей новаго божества; божества новаго не шли далеко, ихъ опять пльнили и связывали, или похищали, но шагъ все-таки становился шагомъ. Таковъ весь характеръ стихійности, рвущейся къ цѣпамъ и возвращающейся къ точкѣ исхода, но все-таки болѣе уступчивой и мягкой сравнительно съ исключительнымъ Дажбогомъ; таковъ же характеръ и конечнаго быта, по пути безцѣльнаго блужданія, постоянно возвращавшагося къ себѣ самому, но, хотя круговратно, все-таки шедшему безсознательно къ быту новому. Вся эта стихійность и сама богиня ея въ многообразныхъ образахъ всего болѣе характеризуются водою, влагою, порождающею и питающею существа, и опять ихъ въ себѣ растворяющею, но способною ко всему новому именно по своей неопредѣленности, уступчивою болѣе чѣмъ огонь, символъ всепожирающаго Дажбога. Сообразно тому въ языкѣ, отъ одного и того же корня *пл-*, рядомъ съ формою *пл-льнь*, *пл-льница*, *пл-льнь*, являются древнѣйшіе корни *плм-*, *плм-*, *плм-*, *плм-*, *плм-*, съ согласными *в*, *т*, *д*, *к*, и т. д., откуда формы *плыть*, *вливать*, *плавать*, *плескаться*, *плескаться*, *плоскать*, *плоскать*, *плануть* (точить влагу); и слав. *плакнати* (омывать), *плесо*, *плесо*, *плескъ* у рыбы; *плыль* вода, *плоть*, *плутыч*, рыба *плотва*, и т. д. Пльнь, какъ отецъ Чурины, сохранилъ въ себѣ отгѣнокъ и вѣтъ развѣтвленій корня: но бывающъ, онъ живетъ на рѣкѣ, онъ былъ гость по морю, мореходный. Здѣсь припомнимъ, что, подобно двумъ половинкамъ Кроническаго божества, мужеской и женской, исключительной и уступчивой, жестокой и стихійной, самое имя *сур-овъ* (отъ известнаго намъ корня *сур-*) имѣетъ значеніе двойное, — съ одной стороны жесткаго и жестокаго, съ другой *сырого*, влажнаго, мягкаго; что корень *ср-*, *сур-*, обозначая съ одной стороны Сварога и Сварожича, Дажбога, обозначаетъ, мы видѣли, и стихійность божества, и кочевой бытъ, такъ

что изъ второй половины его значенія, породилась именованія — *сурь*, представитель торговли на рѣкахъ и моряхъ, гость богатый (*Садмо*), а при немъ *сары*, деньги, богатство. Такой же *сурь* былъ и отецъ Чурилы, Пазнь; его приурочиваютъ морю и называютъ отъ того *Сурожанци*, его помѣщаютъ и на рѣкѣ *Сорогъ* или *Сарогъ* и ономъ *Сароженица*. Рѣка *Сарра* или *Сорога* носитъ имя совершенно въ той же формѣ, какъ *сварра* и *сварогъ*, а съ другой стороны тождественно съ словомъ *сарога* — рыба *плотва*, следовательно съ корнемъ *мл-*, и называется въ пѣсняхъ иначе *Чер-гла*, родственно съ корнемъ *чур-*: *Сурож-ь*, славянское имя для Азовскаго моря, совершенно того же происхожденія и по формѣ, и по значенію, равнялся формѣ *Сварож-* (*Сварожичъ*, сынъ *Сварога*). Помимо же многочисленна и примѣнительно къ быту историческому, Пазнь этими чертами сблизается съ *Садмомъ*, съ *Суровцами* — *Суздальцами*, *Сурожцами*, и въ которыхъ мы говорили прежде; торговлею же охотился онъ съ Черноморскими греческими поселеніями и родилъ многолическіе образы Греческіе съ Русскими. Когда прибылъ Владиміръ со всею Русью въ двору Пазня, старецъ встрѣтилъ ихъ и отворилъ призывица промъ ворота, *хрустальныя*, *хрустальныя*, *оловянныя*, а ворота вели къ покоямъ: это тѣ же три царства, въ которыхъ царилъ Гермесъ, храня ихъ предъ нами, являясь у воротъ каждому какъ хозяинъ и вода боговъ и смертныхъ по своимъ покроямъ: это тѣ же три царства, и хрустальныя, и оловянныя, и мѣдныя, и т. д., но которыми мы знаемъ, блуждалъ Иванъ-богатырь, представитель русскаго чадовѣка, въ эпоху обще-славянскую, съ спутникомъ Чуромъ. Прошедши чрезъ три стѣны (см. Рыбник.), Пазнь началъ угрожать гостей, въ термѣ, напоминаясь, но словамъ пѣсень, звѣздное небо, съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами. Въ такомъ-то пѣдѣ старецъ зародился и воссѣдался Чурило; онъ былъ ея порожденіемъ и вмѣстѣ наследникомъ, преемникомъ. Потому въ быту является онъ *Гостиницымъ сыномъ* (въ родѣ Ивана Гостянаго); и самъ *гостемъ богатымъ*, съ несмѣтнымъ *богатствомъ*. Здѣсь мѣсто, однажды и навсегда сказать о *богатствѣ* Чурилы: трудно пересчитать его, въ рабахъ, провожатыхъ, домъ, зодотѣ, мѣдахъ, кѣмбахъ, платяхъ (споръ съ Дюкомъ Степановичемъ), и т. д. Всѣмъ этимъ онъ щедро одарилъ Владиміра и во всемъ этомъ опять прямо и ближайше сходится съ чертами Чура и Гермеса. Гермесъ — прибыль-

ной, » « помогающий, » *ἔριούσιος*; « податель благъ, » *δοῦτωρ βίων*; « податель богатства, » *πλουτοδοτής*; « покровитель торговыхъ гостей, торговли, » *ἐμπολαῖος*; « богъ торга, » какъ рынка, *ἀγοραῖος*; « богъ прибыли, » *κερδῶος*, и, какъ богъ всѣхъ сношеній и сообщеній,—богъ торговыхъ сдѣлокъ. Кстати: по происхожденію изъ эпохи криводушнаго Кроноса, и потомъ по отношеніямъ своимъ къ торговымъ оборотамъ, Гермесъ самъ носитъ имена « вкрадчиваго, » *αἰμυλομήτης*, и вообще порядочнаго обманщика, покровителя хитрецовъ, « оборотливаго на всѣ руки, » *πολύτροπος*, пользующагося минутой и научающаго пользоваться: въ Чурилѣ вообще этихъ свойствъ незамѣтно и выступаютъ они лишь въ любовныхъ дѣлахъ его, о которыхъ скажемъ ниже.

Наконецъ, ознакомивши насъ съ отцемъ и отчиной, происхожденіемъ, воспитаніемъ, средствами, наследованными отъ старшны, былина выводитъ самого Чурилу. Онъ подъѣзжаетъ ко двору прямо съ охоты, на которой оказался такъ грозенъ и страшенъ. Завидѣвъ и заслышавъ приближающихся, Владимиръ переволонился: « во грѣзѣмъ надо мною, князень, учинилося: князя, меня, въ домѣ не случилось (я не дома, а между тѣмъ —), ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды, или какой грозенъ посолъ. » Владимиръ, представитель тогдашней Руси, опять не знаетъ и не узнаётъ приближающагося; поѣхавъ нарочно въ домъ Чурилы, чтобъ увидать его, князь все-таки пугается приближенія новаго начала, олицетвореннаго въ Чурилѣ, ожидая встрѣтить что-то грозное и страшное, какииъ было вежкое древнее божество, какииъ былъ некогда и Чуръ, какииъ показалъ себя передъ тѣмъ и Чурило.

Но князь ошибся: прошла невозвратно времена Чура какъ Сварожича; смягчилось страшное значеніе и демонической его силы; безобразные обрубки, его символы, не вызывали уже поклоненія, а мирно размѣстились по полямъ. Переродившееся начало, прошедшее сквозь домъ богатаго гостя, Сура или Суровца, Пѣвна, готовое вступить въ ряды богатырей Владиміровой эпохи, подходило тихо, являлось красавцемъ-юношей, улыбалось пріятливо.

Какъ богъ тѣлесной ловкости, игра и юношескихъ упражненій, какъ Гермесъ, на самой дорогѣ своей Чурило играетъ съ молодежью-товарищами: « съ коня на конь перескакиваетъ, у молодець шапочки подхватываетъ, на головушки шапочки покладываетъ; » « на копье обопрется, на шестую лошадь на ходу перескакиваетъ. »

Какъ богъ палестры, окруженный пестрыми и шумными хоромъ играющей греческой молодежи, Чурило окруженъ молодыми товарищами: «кони были темно-параковые, а сбала были Латинскія; сапожки на молодцахъ сафьянные, шапочки на нихъ—золоты верхи;» «жеребцы подъ ними Латинскіе, кафтанцы на нихъ камчатные, одворядочки-то—голубъ скурлатъ, а в колпачки—золоты плаши;» «зони подъ ними одношерстные, узды на нихъ однодѣльные, кафтанчики на молодцахъ скурлатъ-сукна, источенкамы подпоясанные, сапожки на ножкахъ—зеленъ сафьянъ, носы во носъ шиломъ, пяты остры, око носовъ-носовъ ялице покати, подъ пята-пята воробышко летить, воробышко летить, перепуркивается.»

Самъ же Чурило «впередѣ всѣхъ скачетъ молодецъ краше всѣхъ,» «однѣ молодецъ получше всѣхъ.»

«Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла его лица:» совершенно какъ восточный полубогъ. Но замѣчательно еще, онъ бережется, чтобъ солнце не запекло лица его, какъ будто онъ приходитъ изъ далека, дѣлаетъ долгій путь, странствуетъ много. Для той же цѣли странники носили всегда особы шляпы или шапки, отличавшіяся отъ прочихъ: такъ и Чурило носить «золотъ калпакъ» и по этому калпаку, отличному, узнаютъ его даже тогда, когда самъ онъ прячется (ср. вып. 4, стр. 89; Рыбникъ: ч. I, стр. 270). Такъ и Гермесъ носилъ особую шляпу, веюду его между богами отличающую, *πέτασος*, съ широкими полями для защиты отъ солнца, ибо онъ такъ часто въ дорогѣ, богъ движенія, переходовъ (*πέτασος*, *летучая*, *крылатая*, отъ широкихъ полей или *крылаво*, *размахай*; отъ того же вѣроятно сообразенъ образъ творческій, вообразившій на шляпѣ этой *крылья*). Эту шляпу мы встрѣчали не разъ и въ былинахъ, ее знали у насъ и носили иногда богатыри, а чаще калѣки переходіе, странники; называлась она «шляпою земли греческой.»

Наружность Чурилы такова: «дѣтъ свѣчки горять, что ясны очи глядятъ, то Чуриловы;» «волосынки—золоты дуга, серебряная (вицѣ), шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ, а личико быдто маковъ цвѣтъ, очи быдто у ясна сокола, брови быдто у черна доболя.» Это изображеніе почти божеское. Такъ и Гермесъ, послѣ древнѣйшихъ изображеній его въ грубыхъ обрубкахъ, каковы былъ и Чурило въ нашихъ чурнахъ, послѣ изображеній въ зрѣломъ возрастѣ мужа, какъ бога торговли, съ позднѣйшей точки зрѣнія, какъ богъ на-

летры, гимназий и множества, явился красавцем-юношей, так что его статуя смешивалась с Автисомъ.

Изъ одежды Чурмы, восторженное описание которой можно видеть въ былинахъ о спорѣ его съ Дюкомъ, особенно останавливаются вѣсни на обуви; въ одной (печатанной) былинѣ изъ сборника П. Н. Рыбникова, рассказывается, что по садамъ Чурмы находили «серебряные гвоздны» изъ ведовшы, — вѣроятно сама обувь была золотая; въ другомъ мѣстѣ — сапожки — зельнъ сабянъ, пятаи гладки, носки плоски, кругъ пятаи хеть ицѣмъ пронати, педь пату воробей проскоди,» или (у Чурмы съ товарищами) — «нодь пату пату воробышко летить, воробышко летить, перепуркываетъ.» Тѣмъ же самымъ отличается и Гермесъ: золотыя савади, обувь, дававшая полеть.

И у Чурмы, и у Гермеса съ обувью соединенъ образъ крыльевъ и дождя; подобно какъ мы видали выше образъ окрыленной слякы, вращающей вслѣдствіе особенныхъ ей крыльевъ-волнъ, такъ и здѣсь, при обуви, соединенъ образъ крыльевъ и полета не отъ самой обуви, не отъ ея легкости, а отъ легкости летучей походки. У Чурмы, вѣдущаго изъ эпохи движенія, родившагося отъ бродячаго, перекочкаго гостя-сура, у Чурмы, какъ мы видали, представляющагося странникомъ, изъ далекой дороги; и у Гермеса, бога движенія и переходовъ, вѣстника и посредника, все главное дѣло въ ногахъ. У обоихъ должна была выработаться особенно изящная и легкая походка. Отлична и отличался Гермесъ, такъ и въ воображеніи былъ, не столько шель, сколько летель. Поразительнымъ образомъ замечается то же отличие въ Чурмѣ: «походка иванова,» иголкаская, изящная составляетъ такое же неотъемлемое его свойство, какъ склад у Сватогора, талантъ-участъ (счастье, удача) у Ильи Муромца, смелость у Алеши, важливость у Добрыни, красота у Юрѣя Прекраснаго, и притомъ свойство *прирожденное*, съ которымъ нужно было родиться, душею изъ рода, изъ старины (ср. вып. 2, стр. 31, слова Добрыниной матери, между прочимъ: «я любя рада тебѣ, дитячко, сродоиди, я, походкою твою, шепаявою! волотчи Чурму, во Шенковича»); да еще «нѣтъ мелоднеки походкой-попанкой противъ Чурмича и Оленковича» (Рыбникъ, ч. I, стр. 195). Наконецъ (вып. 4): «нодь нинъ травва-муравка сме топчется, лазоревый дѣтчинокъ не ломается.» — это совершенный Гермесъ въ походкѣ, но еще не въ полетѣ, и не въ крыльяхъ.

Когда Владимир убедился, что въ Чуриль ить уже ничего прова-
наго и страшнаго, когда распозналъ его отъ челоука живущею на въ немъ,
самомъ увидалъ лицо новаго порядка вещей, тогда онъ произнесъ:

« Гей, еси ты, Чурило Плендовичъ!

« Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,

« Подобаетъ тебѣ, Чуриль, въ Кіевѣ жить,

« Въ Кіевѣ жить, князю служить! »

Это актъ, которымъ, въ лицѣ своего представителя, сложившаяся
Русь навлекла Чурилу изъ отдаленной древности, заручила своему
новому міру, събалаа богатыремъ Киевскимъ, времени Владимірова.
Чурило, говорить ить снѣ, « не ослушася. » Съ тѣхъ поръ онъ бога-
тырь въ ряду другихъ богатырей.

Но и здѣсь, среди жизни Киевской и на службѣ Владиміру, бу-
дучи богатыремъ, Чурило носить еще въ себѣ проблески давняго
божескаго происхожденія, слѣды силы демонической, сходство съ
Чуромъ и Гермесомъ.

Чурило служить Владиміру, онъ введъ въ должности служебной,
князь Гермесъ служитель боговъ Олимпа и особенно Зевса. Можно
сказать, что Кіевъ во времена Владиміра, съ своими богатырями,
былъ для положительной Русской исторіи совершенно тѣмъ же, что
Олимпъ съ богами для мифологіи. Не въ мифологіи, гдѣ, сказали-
мы, у Славянъ не было Олимпа, а только среди исторіи, въ промо-
цію народнаго творчества! создали Русскій Олимпъ, повторяющій въ
образакъ богатырей, вокругъ Владиміра, въ Кіевѣ, среди дѣйствитель-
тельной жизни, то, что некогда сформировъ въ богахъ вокругъ Зевса.
Это было средоточіе, собравшее въ себя все дряччѣйшія, обшесла-
внѣнія: черты, все преданія, все образы изъ старины, съ тѣмъ,
чтобы всему этому дать характеръ уже иной и новый, характеръ
русскій, земскій, мірской, общинный, всемо-дружный, и короче—
историческій! Творчество народа въ охватило эту минуту, чтобы сдѣ-
лать ее для насъ пооданіями двѣдѣхъ быльи. Въ томъ, слышно,
такое ликование молодости, такое торжество пройденнаго пути и за-
чистой жизни новой, что это торжество, это ликование можно срав-
нить равнѣмъ лиць съ тѣмъ, которое охватило некогда древній міръ
при выходѣ его къ періоду Зевса и Олимпа, которое сказалося въ
Илиадѣ, Одиссѣи и Гомеридѣхъ. Сквозь этой новой жизни, Русской,

Кіевской, Владиміровой, только сквозить, только проглядывает мнѳологія, язычество, кочевье.

Продолжаешь собирать эти проблески и слѣды.

На службѣ Владиміру Чурило исправляетъ три главныя должности.

а.) Говоритъ ему Владиміръ: « Довлѣтъ (подобаешь) жить ти во Кіевѣ, у князя у Владиміра въ *курятникахъ*. » Образъ, по вѣдѣнію, не только странный, а даже какой-то пошлый: но онъ мгновенно получаетъ смыслъ, когда мы вспомнимъ, что у бога состязаній, Гермеса, атрибутомъ былъ *пѣтухъ*, символъ состязаній.—б.) Владиміръ водить Чурилу отъ службы къ службѣ, какъ Гермесъ водимъ былъ Зевесомъ: « не довлѣтъ ти жить въ курятникахъ, а довлѣтъ жить ти въ *постельникахъ*, стлать-то перина пуховая, кладывать зголовьнице высокое и сидѣть у зголовьнца высокаго. » « И живеть-то Чурила въ постельникахъ, стелеть перину пуховую, кладываетъ зголовьнице высокое и сидитъ у зголовьнца высокаго. » Онъ сидитъ въ головахъ постели, какъ сидитъ обыкновенно по народнымъ представленіямъ сонъ; онъ присутствіемъ своимъ напоминаетъ постель, наводитъ сонъ, тянетъ ко сну; въ одной пѣсни (печатающейся) изъ собранія П. Н. Рыбникова, молодая женщина не въ силахъ усидѣть съ нимъ съ глазу на глазъ и валится на постель; не въ состояніи будучи противоѣствовать той же силѣ, княгиня Апраксія говоритъ: « не годенъ Чурилушка въ постельнички, во наши во постели княженецкія. » Такъ точно Гермесъ наводитъ на людей сонъ, своею силой и по распоряженію боговъ; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ своимъ магическимъ *жезломъ*, *ῥάβδος*: Чурила дѣйствуетъ, какъ представитель игръ и состязаній, *игроу въ шахматы* (по пѣсни изъ собр. П. Н. Рыбник.) и *игроу въ гусли*. Онъ выставляется искуснымъ игрокомъ на гусляхъ: опять Гермесъ, изобрѣтатель семи-струнной лиры. — в.) Наконецъ Владиміръ опять говоритъ: « Не довлѣтъ ти, Чурила, жить въ постельничкахъ, а довлѣтъ ти жить въ *позовицкахъ*, ходить-то по городу Кіеву, звать князей-бояръ: » « сказана Чурилу служба князевая: ѣму вѣдять по городу по Кіеву, ѣму звать гостей съ гостинами жонѣ, ѣму звать князей со княжнущками, ѣму звать бояръ со боярынями; » « посылаетъ Владиміръ, стольной Кіевской, молода Чурила Пленковича, князей и бояръ звать въ гости къ себѣ; » и ходитъ Чурило, и созываетъ, и передаетъ приказанія отъ князя. Таковъ точно Гермесъ, не только самъ постоянный герольдъ, позовицкъ, вѣстникъ и глашатай Зевса и боговъ.

Олимпиа, но и богъ всѣхъ людей этого званія, съ постояннымъ прозвѣщенъ *Θεὸν κήρυξ* (корень есть κηρ-, то же, что кур- и чур-), «вѣстникъ; позовщикъ боговъ», *Διὸς ἄγγελος*, «глашатай Зевса», *κήρυξ μέγιστος τῶν ἄνω τε καὶ κάτω* «величайшій вѣстникъ веру и долу (ср., Чурило зоветъ и князей, и бояръ, и гостей, купцовъ).»

Съ этой же стороны, подобно какъ Гермесъ, богъ-посредникъ, богъ сношеній и сообщеній, равно пріятный высшимъ и нижнимъ, богъ особенно симпатичный греческому народу, Чурило особенно любимъ всѣми представителями тогдашней Руси, и княземъ, и Киевлянами, и женщинами. Когда Дюкъ хотѣлъ его убить, Владиміръ проситъ: « Не руби-тко ты Чурилы буйной головы, а оставь намъ Чурилу хоть для памяти; » «взмолился за Чурилу бабы Киевскія: «оставь Чурилу хоть на сбѣяна; такого, де, стольника (въ общемъ смыслѣ служителя) уже не будетъ. » И Дюкъ отпускается со словами: « Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрощенный, пусть ты Киевскими бабами уплапанный! ».

Сюда же примыкаетъ и любовное значеніе Чурилы. Былицы соединяютъ его съ значеніемъ постельника: такъ, сидя у изголовья, Чурило склоняетъ къ себѣ и жену Владиміра, знаменитую Апраксию, эту любительницу всѣхъ завязкихъ лицъ, вновь наступившихъ началъ, которымъ предается она, начиная отъ Тугарина до Чурилы, совершенно также, какъ въ мифологіи при старѣющемъ божествѣ женская половина его становится доступною новизнѣ и отдается блуду. Также точно предалась Чурилѣ и жена того старика, о которомъ поминали мы выше и который « давно вѣдалъ » про Чурилу. Всѣ женщины Кіева также точно относились къ Чурилѣ: онѣ, мы видѣли, плакали, какъ скоро ему угрожала опасность; «идеть-то Чурилища по Кіеву, — дѣвки-бабы въ окошко по полюсу бросаются; » «на его дѣвки глядятъ — золоты пелы (нагрудники) лонять, стары бабы глядятъ — пряницы лонять; » «жить-то Чурилы Госнодь повелѣлъ (такая вышла ему линия, дорога) — какъ стары старухи костыль грызутъ, а молоды молодницы мощны деруть, а красныя дѣвки въ голенища с... все глядючись на млада Чурилу Пленковича; » «гдѣ дѣвушки глядятъ, — заборы тремшатъ, гдѣ молодухи глядятъ, — лишь оконенки звенять, гдѣ стары глядятъ, — манаты на себѣ дѣрутъ. » На подобныя дѣла молодець былъ в Алеша: но у Чурилы совсѣмъ дѣло иное. Нѣтъ никакой возможности объяснить это крайнее изступленіе, овладѣвавшее женщинами, если не вспомнить, что Чурило имѣлъ давнее божеское

протожәне, что она представляется приходящимъ издала, и быть представителемъ новаго начала, къ себѣ влекущаго демониическую силу. Таковы именно были все южныя божества, являющіяся въ мифологии фаллическими: къ нимъ неудержимо влекло божанъ, а въ людяхъ женщины простирали поклоненіе нѣ до такого изступленія, что, на примѣръ, Вавилонянки, въ частности быту цѣломудренныя, подъ вліяніемъ влекущихъ новыхъ началъ вѣросозвѣсія, беззаветно отдавали себя въ руки приходящимъ издала, чужестранцамъ безъ разбору, лишь бы соблюсти старому богу и занять уступчивость новому. Вся Малая Азія, переходъ къ Европѣ, въ извѣстную эпоху населена была такими новыми божествами, со множествемъ именъ ихъ, именовъ, обрядовъ поклоненія, въ которыхъ часто женщины, представляя любимаго потеряннаго, съ рыданіями бѣгали по полямъ; и Малоазійскія Греки зачали изъ того же источника цѣпкой особый слогъ творчества, Элегію, гдѣ поновоначало, любимое и гибнущее, вызывало такія же слезы, какія зли Кіевлянки при ослѣповости Чурны. Такъ точно и Германск. божество уже Олимпическое, древнѣйшій въ своемъ сизологическомъ фаллосѣ, и фаллосъ же изображался на его древнѣйшихъ гермахъ, нашихъ чуркахъ, при чемъ державить можно Чешковъ *биг-ик*, пурчакъ, фаллосъ польск. *азилуло*, блудника, волониталъ.

Кромѣ этого существеннаго значенія, Чурна, извѣстна и двумя главными подвигами: въ столкновеніи съ *Дюкомъ* (которое знаемъ мы по 3-му выпуску и цѣпкамъ Рыбник.) и *Старшомъ* о которомъ говорили мы выше (см. Рыбник. и 4-й выск.). Но, чтобы понять, какъ должно, это столкновеніе, нужно предварительна объяснить. Чурна, перешедши окончательно въ рядъ богатырей, въ новый парадокъ вещей, была его представителемъ: но сказанъ этого богатыря вызвало иное значеніе, древнѣйшее, которого не могли забыть и которымъ творчество прідало образу Чурны особенную оригинальность; этого не могли забыть. И демониическая сила, перешедши въ образъ Чурны-богатыря, независимо отъ него продолжала дѣйствовать въ представленіяхъ Чуръ, известна была на мѣстакъ и перекресткахъ, въ заговорахъ, въ словоупотребленіи общекитицъ. Поэтому образъ Чурны необходимо двоякъ для творчества: съ одной стороны представлялся Чурало какъ есть, съ другой, въ особыхъ образахъ, въ отдельныхъ лицахъ, представлялась другая личность его, какъ далекая, старая, приходящая изъ старыя и издала, през-

владшая Чурилу; состояла из старинных въ чужеземныхъ жъ старинныхъ -
 щаяся съ нимъ и враждебная.

Таковы, ны видѣли, были самъ *Пильнъ*: черты его тѣ же самыя,
 что перешли въ Чурилу, но черты эти представляются древними,
 старыми, обособленными, и вышель образъ *отца*.

Такимъ же является *Дюко*: оупр однихъ коихъ съ Чурилою и вра-
 жествомъ, и богатствомъ, и наслѣдствомъ отъ старинныхъ, но въ пред-
 ставляется за вѣжливъ, удалена, приходящия въ вызвѣсь съ чертами,
 обвиваимъ къ Чурилѣ, но за вѣжливѣ, новостая, издадена, из-
 старя, какъ бы съ родимы Чурилы, пакнуло новой свѣжестью анако-
 мыхъ началъ, и эти начала опорѣ тобольства. Чурило, уже болѣе
 оторванный отъ роднаго, ворякъ, пришедшій въ Кіевъ, равнуется къ
 за вѣжливому, и новому образу, тѣмъ болѣе, что черты ихъ одинаки, и онъ
 значающа, и вродушная, и научничасть, и подстравасть князя про-
 тивъ Дюка, и принимаетъ она себѣ злую, и темную сторону; Герцога,
 какъ *Эрдошъ*, и хѣтитъ провестъ Дюка краснымъ словецъ, ныш-
 мины рѣчь, и какъ *Ермѣсъ Ломосъ*, богъ краснорѣчя, и полуаяра
 то, и въ Дюка, и имя *свѣстуна* (школа, печатающаяся въ образѣ
 П. Н. Рыбникъ), и сталъ иная, и знаеніемъ, они оба боратся между
 собой, и вродушны, и на гетой, и на другой сторонѣ, и сначала Чурило
 и доминиреть, и Дюка, иная, и Кіевская, и потому, и перемѣняетъ, и Дюкъ
 и доминиреть, и богатствомъ, и до чети, и Чурилу, но за Чурилу, и до
 итыгаются, и мѣнятъ, и спасаютъ, его, и до чети, и Дюкъ, и до чети, и
 Кіевъ, и до чети, и его, и разноязыки, и изъ Кіева, и вродушны, и на гетой,
 и сторону, (какъ *Семикъ*, и *Шкода*, и Чурилы), и вродушны, и на гетой,
 и масса, и непонятыхъ, и щѣ, и въ гуду, и богатства, въ родникъ, и
 началъ, и разбѣжались, и глаза, и развѣли, и уши. Такъ, и представшии, и
 окръ, и на гетой, и Чурилы, и Русь, и расцвѣталась, и вродушны, и на
 иудъ, и началъ, и сродушны, и съ его, и происхожденіемъ, и коренищю,
 и въ старинѣ, и на вѣжливѣ, и надалека. — Родства, и на, и лучше, и то же
 ства, Чурила, съ Дюкомъ, въ основныхъ, и представлѣнійхъ, доказывающа,
 и щѣ, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на,
 и Дюкъ, и еще, и непонящійся, въ образахъ, и тѣмъ, и на, и на, и на, и на,
 и изъ, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на, и на,
 и любящъ, и Шаркала, Чурило, совершенно, и опредѣлѣвшійся, и свѣрши-
 шійся, какъ зрѣлый, и плодъ, и законенный, и гибнеть, и въ этого, и зѣркаго,
 и чудовища, и подобно, и помянутымъ, и ошонимъ, и Малой, и на, и полубогамъ, и

героизм элегического строя, большею частию растерзанными от вепрей, быковъ или собакъ.

Есть третье существо, весьма схожее съ Плъномъ и Дюкомъ. Дюкъ старше Чурилы своимъ корнемъ, отческимъ домою, отъ котораго, не какъ Чурило, еще не оторвался онъ, который ему милѣ Кіева (тамъ лучше и калачи, и вино, и поком, и люди), къ которому онъ возвращается отъ Владиміра; съ другой стороны и моложе, и свѣжѣй Чурилы, ибо можетъ всегда явиться изъ дому въ Кіевъ, всегда въ запасъ для народа, всегда надеженъ въ будущее, не такъ закончился и созрѣлъ какъ Чурило. Существо же, о коемъ мы хотимъ говорить, положительно старше Чурилы, одного возраста съ Плъномъ, и даже, можетъ быть, еще древнѣе, почему и носить въ былинахъ постоянное прозвище «старого.» Потому Чурило, какъ младшій и болѣе сильный, долженъ непремѣнно посорить его въ борьбѣ. Но побѣда не рѣшена еще: старикъ озлобился и сдѣлался страшнѣе въ своемъ мщеніи за срамъ. Отъ того замѣтно колебаніе въ пѣсняхъ: то старикъ въ связяхъ съ Чурилой и дружбѣ, то во враждѣ; то посямляетъ его Чурило, то онъ мститъ Чурилѣ и убиваетъ его; то, наконецъ, оставляетъ его въ покоѣ и обрушиваетъ мщеніе на томъ существѣ, которое дало поводъ къ посямленію. Однимъ словомъ это въ лицахъ и подъ Кіевскими, Русскими, Владимірова времени именованія старая мифологическая новѣсть о борьбѣ божества стараго или устарѣваго съ юнымъ, о посямленіи старшаго молодую богиню и началомъ новымъ, о раздражительности и мщеніи старика, объ его окончательномъ низложеніи или же удачѣ, при которой новое начало гибнетъ, или, наконецъ, о терпимости, по которой старикъ вынужденъ отказаться отъ преслѣдованія и уступить началу новому. Таковъ извѣстный мифъ о *Гермесѣ* и *Аргосѣ* или *Аргоу*. Аргосъ древнѣй, еще Сабистическій, съ сотнѣю глазъ, напоминающихъ древнее кружащееся звѣздное небо, а потому, по происхожденію, сродный съ Гермесомъ, ибо Гермесъ вышелъ изъ той же Сабистической эпохи (ср. у Плъна въ термахъ то же звѣздное небо); но, во времена Олимпическія, Аргосъ озлобился на побѣдившаго новаго начала и ревниво стережетъ юную богиню Іо, склонную къ уступчивости; Гермесъ, по повелѣнію Зевса, овладѣваетъ ею, убивая Аргоса. Точь въ точь, іота въ іоту, исторія Чурилы съ помянутымъ старикомъ: съ тѣмъ лишь различіемъ, что побѣда то на той, то на другой сторонѣ, и роли обонхъ нѣсколько разъ мѣняются,

ибо старина здѣсь есть другая половина Чурилы, только болѣе древняя.

Мы съ извѣщеніемъ уклонились доселѣ и не произносили имени старика: до того оно побѣдоносно въ пользу нашихъ выводовъ. Въ писняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ (ч. 1, стр. 269, 270), онъ сохранилъ, удивительнымъ образомъ, свое древнее имя: это *Ерма*, то есть то же, что *Ермій*, *Гермесъ*, что слово *ѣрма*, разобраннымъ нами выше (чурка), что *Чуръ*; здѣсь еще поразительное доказательство, что *Чуръ* есть *Гермесъ*, что корень имени Гермеса—*ѣр*—однаковъ съ *чур*—, что *Чур-ило*, младшій сравнительно съ старикомъ Ермою, дѣйствительно есть дальтѣйшій и юный *Чуръ*, и т. д., и т. д. Позднѣе, утративши смыслъ этого имени, народъ изъ *Ермы* сдѣлалъ *Пермила*, *Пермяту*, *Бермяту*, производя слово отъ *Перми* или древней *Віарміи*, т. е. вывода это лицо изстари и издалека.

Ерма, по самому имени, вмѣщаетъ въ себѣ свойства Чура и Гермеса, т. е. божеское происхождение и демоническое значеніе. Поэтому, явившись въ Кіевѣ, онъ изображается старымъ. Онъ долженъ быть и въ связи съ Чурилой, какъ его вторая, старшая половина: дѣйствительно, онъ Чурилу «давно вѣдаетъ», знаетъ, гдѣ родъ, домъ, корень, происхождение Чурилы; онъ одинъ въ Кіевѣ и знаетъ про Чурилу, одинъ и рассказываетъ; онъ же ѣдетъ и провожатымъ, сводя, знакомя Русь съ преобразившемся Чуриломъ, съ Чурилою. Но Чурило отделился отъ старины, вступилъ въ жизнь новую, и потому долженъ столкнуться съ Ермою, и потому въ вызовъ Ермы на ознакомленіе и сближеніе Чурилы съ Русью есть роковое предвѣстіе о предстоящей страшной борьбѣ между тѣмъ и другимъ. Эта борьба разыгралась, какъ скоро, по приглашенію Владимира, Чурило вѣхалъ въ Кіевъ и поселился здѣсь.

Старый Ерма видалъ молодую жену, я, какъ знаменитый образецъ ревности, стоглазый Аргосъ—Іо, такъ хранилъ за часовыми жертву своей ревности (ср. вып. 4, стр. 88). Это то же, что въ мифологии юная богиня, склонная къ новому началу и потому возбуждающая ревность въ старомъ, въ своемъ мужѣ.

Поводъ къ сношеніямъ лежалъ для Чурилы въ той же должности, какую отличался и Гермесъ, въ должности вѣстника, позовщика; какъ Гермесъ былъ посланъ къ Аргосу Зевсомъ, такъ Чурило былъ посланъ Владиміромъ какъ позовщикъ въ домъ Ермы. Зашелъ Чурило

въ домъ во старому, къ его молодой жентъ, «и тутъ онъ мозамыш-кался; ожидаетъ его Владиміръ князь, что долго замѣшкался; и мало время повоздучи, пришелъ Чурило Пленковичъ; вѣстеры Владиміръ князь ми во что положилъ.» Значитъ онъ совозвалъ дѣлу Чурилы.

По нынѣ вѣсяемъ въ этотъ разъ, во по вѣсторымъ, и вѣрче, въ другой, дѣло происходило такъ, Чурило отправился въ домъ къ Ериѣ ночью, какъ воръ, подглядчикъ, какъ Гермесъ, называвційся «ночнымъ соглядатаемъ», *νυκτός ὀλομπυτής*. Выходила было заросые, но увидала жена Ериы и подхватила гостя въ торшину.

Оказывается, что она уже давно ждала посягателя, какъ своего свободителя отъ ревности старика, какъ ждала богини посвященія прваго начала: «у меня ставленые стряпца не обраные, а ставленныя пивьяца не выпитыя, а сраженныя ботва несъяденныя, — все ждала Чурилушку Пленковича.» Чурило, говорить цыца былинны, завелъ игру въ шахматы; но хозяйка наиграла не долго, ее разморило на постель.

Размарвало и Опрацію: за столомъ «рушила дивяня лебедь бѣлую, заглядываясь она на Чурилу на Дыцѣнковича, порвала княжна руку лѣвую, со стыду со сраму подъ столъ руку свѣсила.» Чурило «игралъ въ гусельники вровчати, спотыкалъ княза Владиміра, а княгину Опрацію больше того;» «потыкалъ князя игрою на гуселькахъ, а княжна Чурилу у души держала.» Князя это «не слюбилоси;» но, то былъ Владиміръ, съ Оливинческимъ слабой-ствіемъ и лемостію; онъ говорилъ жнѣ: «Пришла ты, княжна, мнѣ въ любовь, и а тебя въ этой вѣны прому: а то бы тебѣ головка съчи!» Онъ добился тайнѣ способомъ, что княжна сама рѣшила: «Негоденъ Чурилушка въ постельничанъ, во наши во постели княженецкія,» и сама же сбыва его въ празничанъ; а въ мезонцѣкахъ Чурило какъ разъ натолкнулся на Ериу, отъ котораго молодая давно ждала вѣбаденія. Ревнивый старикъ скоро узналъ, явилась въ домъ, гостя скрыли, но онъ узналъ его присутствіе, между прочимъ по козлаку: борьба разразилась. По однимъ пѣсанямъ, онъ сублилъ Чурилу; по другимъ, и вѣрчатѣе, сорвалъ гнѣкъ на жентъ, а Чурилу отпустилъ и даже добратался съ нимъ: «До тебя до мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка, мы си тобой, Чурило, побратуемся.» Мы говоримъ—вѣрчатѣе, ибо наше быленое творчество, нашъ опосъ по преимуществу избыгаетъ трагическнхъ катастрофъ, и, въ одной пѣсанн доуздывая нхъ, въ другой, старается уже сгладить ихъ и претать

дѣлать теченіе спокойное, гдѣ бы сто жившія стороны нашли хоть худой миръ; да лучше доброй ссоры; гдѣ бы враждующія начала не рязервали окончательно связяхъ послѣдовательности, своихъ отиращеній; гдѣ бы, наконецъ, возможно было мѣсто для шутки (мы это знаемъ изъ исторіи Даниила и Савтра). Такъ и здѣсь, при всей необходимости кровавой борьбы между старыми и новыми началомъ творчества пользуется тѣмъ, что есть между ними, одного внутри пиширшъ ихъвекъ. Не смотря, однако, на этотъ миръ, дѣло сдѣлаемо, подавля Чурилы совершентъ Ерма пограмянтъ и рбешечентъ; на завтра ма а отсюда на все будущее. Съ вечера рокового дня пороша порошила, съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ; такъ дому, тотъ дому Ерма оказались сдѣды, — начинается дѣло о сльдахъ, известное и въ миеахъ классическихъ по поводу кража Гермеса. Люди шли, видѣли. Иные, конечно, молодцы неомитан, двуются: «либо зайца скажалъ, либо бѣлъ горностай;» — такъ мерка была походка Чурилы, таковы были сдѣды отъ легивхъ и ваящныхъ перметическихъ ногъ его, — по той-то порашъ люди сльдова аематъ, малещеньки, малдымъ-то мады, веротещеньки. Но стары старики, — которые, ины видѣли, преимущественно, разумли Чурилу, сказали не то! Чѣвъ это оудки малещеньки, малдымъ-то мады, каротещеньки? Это, молода Чурила, сына Пайковича; а старыне тутъ усльдоуются, усльдоуются — сами говорятъ: «звать, это, ир, зайка скажалъ, не зайца скажалъ; не бѣлъ горностай; это шедъ Чурила Пайковичъ къ старому Бернать Васильевичу.» Старикъ, горобъ и вьсегда ему не, показаться между товарищами, ни передъ Владиширомъ, ни въ Кіивѣ. Таковъ былъ главный подвигъ Чурилы, главное событіе изъ его Кіевской жизни: *Посредителъ Ерма*, вотъ его прозвище съ тѣхъ поръ, и действительно, былины на этомъ больше и останариваютъ. Такъ дѣвъ, подобномъ же дѣду, Гермеса получилъ себѣ вѣчное прозвище — *Αργεφόντης*, «Убійца Аргоса.» Другіе богатыря Кіевскіе ивѣдали древнія, начала, извѣство, кочень, борьба, кровавой и съ памещію начала христіанскихъ; Чурило уразднилъ старое начало знани аъ немъ самимъ, его же средствами. И такъ, не былъ ли, и не есть ли Чурило мѣвъ? Сохраня Богъ самое живое существо, богатырь самый обравный, весь вьдоть, бѣзъ предекси, дашъ въ очертаніяхъ народнаго творчества. Своязъ образъ сказантъ мѣвъ по самый образъ; не есть мѣвъ, а образъ твор-

чeskій, поэтической, съ жизнью тогдашней поры, въ обстановкѣ всего тогдашняго порядка вещей. Мнѣсть есть образъ и оболочка въросознания, въросознание же есть сознание непосредственно обращенное къ божеству: а въ образѣ Чурилы одно непосредственное отношеніе—къ жизни дѣйствительной, одна непосредственная жизнь—жизнь народнаго искусства. Жизнь вытекала изъ пройденныхъ языческихъ началъ въросознания, но только лишь вытекала, а видъ ея бытія былъ новый, а сама она стала уже жизнью историческою. И тѣмъ болѣе Чурило, и все соприкасающіяся ему лица, суть лица живыя, что у другихъ богатырей дѣло идетъ о подвигахъ, вѣдннхъ, полевыхъ, ратныхъ, гдѣ возможное вторженіе и господство мнѣсть, а въ повѣсти Чурилы вся жизнь внутренняя, городская, посадская. Повторите съ этой стороны высказанную нами характеристика Чурилы какъ *богатыря-Посадскаго, Горожанина*.

Прибавимъ два слова объ имени *Чурило, Чурила*. Какъ въ греческомъ, какъ въ *Ермѣ*, звукъ *л*, сказали мы, есть принадлежность причастной формы, такъ и —*ило* есть причастное; *л* и *м*, сказали мы также, роднятся съ указательнымъ, повторительнымъ, или, какъ чаще называютъ, собирательнымъ *с*: отсюда *кур-ева* и соответствующее, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, *Чур-ила*. Имя это известно и въ народнаго творчества, въ положительной исторіи, въ быту: чешск. *čuridlo, čeridlo* (чуридло, черидло), харя, страшилще, вѣроятно по отношенію къ грубымъ образамъ Чура; чешск. *durudlo*, польск. *szmydo*, названіе растенія; въ обругъ Перемишля, въ Галицкой землѣ или Червоной Руси, откуда явился Дюкъ (см. «Замѣтку» въ 3-мъ выш.), *Чурыло*,—знаменитая фамилія, известная съ XV вѣка: одинъ изъ нея, Мартынъ, былъ знаменитый ратоборець въ XVI вѣкѣ противъ Татаръ и Волочовъ; тамъ же есть отрывки какихъ-то древнихъ пѣсень и сопровождающая ихъ пляска *Джурылло* или *Цюрылло* (Жегота Паули, ч. II, стр. 149, 150).

Распространившій на этотъ разъ объ мнѣологии, вскрывши ея слѣды подъ образами народнаго творчества и указавъ ея законное отношеніе къ сему послѣднему и къ исторіи положительной, вообще мы очень рады, что намъ удалось высказать нѣсколько своихъ воззрѣній на это дѣло по поводу Чурилы, Чура и Гермеса, черты которыхъ наиболѣе ясны и данныя наиболѣе близки къ наукѣ положительной. При разборѣ Зливтокъ, прибавленныхъ нами къ изданію

пѣснь, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниновымъ, рѣшима о славѣ современной науки, насъ заподозрили въ какомъ-то невниманіи къ ней по части мифологіи. Въ самомъ же дѣлѣ мы не находимъ мифологіи лишь тамъ; гдѣ ея нѣтъ: на нѣтъ и суда нѣтъ. А гдѣ есть ея слѣды, тамъ мы предпочитаемъ идти съ осторожностью и напѣрвенно стараемся, чтобы наши выводы не походили на разсужденія современныхъ русскихъ мифологовъ. Для нихъ безъ различія все равно въ язычествѣ, что вѣросознаніе и что народный бытъ, народное творчество, что космогонія и что отвлеченное воззрѣніе или исторически сложившееся понятіе, что мифологія и что демонологія, что космогонія и что явленія вѣншей природы. Для нихъ свѣтъ, огонь, тепло, холодъ, лѣто, зима, весна, зоря, ночь, солнце, мѣсяць, звѣзды, вѣтеръ, молнія, дымъ, конь, быкъ, и тому подобныя рѣдкія явленія природы, съ прибавкою въ третьей руки долетѣвшихъ фразъ объ язычествѣ, о первобытномъ воззрѣніи, о непосредственности бытія, о близости человѣка къ природѣ, и т. п., все это дало для плодовитыхъ изслѣдователей неизсякающую и неизблемую почву для построенія самой богатой Русской Мифологіи, угрожающей скоро затмить всѣ мифологіи дохристіанскаго міра. На памяти нашей въ *га-уранъ* (гавранъ, воронъ) нашли преемствъ *га* и *Урана*; *синюю молнію* слѣшали съ *синимъ кафтаномъ* и удачно разъясняли тѣмъ Перуна; *каменноя* мосты, производя отъ *камень*, перекинули въ мифическія воззрѣнія народа черезъ огненные рѣки и тѣмъ дали намъ возможность догадаться, что пѣсня — «ужь какъ по мосту-мосту, по каменному» вытекаетъ изъ орфической философіи. Стоитъ только чихнуть отъ насморка или промолвиться любой старушкѣ, чтобы этимъ изслѣдователямъ создать уже новое Русское божество отдаленной мифической эпохи, со всеми атрибутами грознаго явленія, ввести его въ антагонизмъ съ Христіанствомъ и съ любовью слѣдять за перипетіями отчаянной борьбы: игра, составляющая для ученыхъ такое же привлекательное занятіе, какъ ералашъ для остальнаго нашего общества. Нѣкоторые трудолюбцы, возлюбивъ этотъ скользкій путь, спасаютъ еще себя, придерживаясь, можетъ быть безсознательно, данныхъ языка, который, какъ всякая природа, не даетъ изслѣдователю отступиться слишкомъ глубоко и назвать, на примѣръ, ногу носомъ, желудокъ головою, растеніе камнемъ, металлъ воздухомъ. Но ревностные иль глашатаи и усердные подражатели, оторвавшись отъ природы, т. е.

въ этомъ случаетъ отъ языка, на пути къ наукѣ повисли въ воздухѣ. Отъ этого Магометова гроба и Турецкаго прогресса если не спасеть, какъ природный здравый смыслъ в способность къ самостоятельному научному труду, то недостаточна ему будетъ поплавающая подъ руку популярная Немецкая книжка, и жадательно, по крайности, во избѣжаніе соблазна, чтобы онъ для Миеологій, какъ науки, ознакомился, хотя съ такими крупными явленіями Запада, какъ даданныя нынѣ творенія Шеллингта. Тогда онъ пойметъ, что рататься въ мнимомъ язычествѣ, безъ разумія языка и безъ примѣненія началъ разума, не значитъ еще стать въ уровень съ требованиями современной науки; держаться возрвній самого народнаго творчества безъ рефлексій, и конатриваться въ явленіяхъ народнаго духа безъ пугливости веровать высшею, христіанскою ступенью его развитія, наконецъ пользоваться положительными историческими данными безъ тупости; — не значитъ еще не признавать истиннаго смысла въ миеологіи; отвергать язычество или не одобрять его, а только допустить его до историческаго

Михайло Казарянцъ возвращаетъ насъ отъ соприкосновенія съ миеологіею опять въ міръ болѣе вѣдшій. Онъ богатырь заѣзній, со стороны прибывшій въ Кіевъ. Знаемъ мы изъ *Коваръ*, также *Жидовица*, богатыря, являющаго въ пріисязіи смѣшаннаго со Збутомъ (см. 4-й и 5-й выпуски) и во то представителю. Послѣдъ, и врагъ Кіева и всего Владимірова упрядка и вѣщей. Не таковъ по волеу Михайло Казарянцъ, или Казарянцъ, прибывшій служить и послужившій Владиміру; стало быть мы должны искать его, родному въ другомъ мѣстѣ, или другой, не восточной повѣ. И дѣйствительно, онъ пріѣзжаетъ, связано въ бѣлинѣ, изъ *Волыица* на *Малмыцкскъ* Волыи, съ Червоной Русі. Повѣсть, очень совершенно одинакова съ повѣстью *королевичей* изъ *Крякова*, *Лукии* *Петра* *Петровичей*; та же повѣдка къ Кіеву, тотъ же вѣдшій воронъ на дарогѣ, та же отсылка къ Татарамъ, та же находка у Татаръ, и съ тѣмъ лишь различіемъ, что Михайло нашелъ здѣсь родную сестру, а Петра Петровичъ роднаго брата (ср. *Рубани*, ч. I, стр. 413—422.); даже по отношенію Михайло также названъ *Петровичемъ*. Между тѣмъ Королевичи изъ *Крякова* говорили мы выше, сходны съ двумя братьями *Збродовичами*, по отчеству также *Петровичами*. Намъ известно,

(вып. 2-й); что сестра их пошла съ Алексѣю и за него послѣ выдана; а Михайло Назарыинъ находитъ сестру у Татаръ и привозитъ ее въ Кіевъ, и точно также спасаетъ дѣвушку отъ Татаръ Алексѣя, совершенно съ тѣми же обстоятельствами разсказа; наконецъ также точно привозитъ въ Кіевъ Збродовичну Дунай, и привозитъ съ Запада (вып. 3). Стало быть, несомнѣнно почти, что по народнымъ представленіямъ два брата Збродовичи, два королевича изъ Кракова, и Михайло Назарыинъ, какъ одинъ изъ нихъ, совершенно одно и то же; а видно несомнѣнно, что всѣ эти лица съ Запада и Юго-запада сравнительно съ Кіевомъ, т. е. изъ Волыни, Галича, Червонной Руси и даже изъ Кракова, съ границъ Славянъ Западныхъ, изъ чюдь Ляховъ. А вивѣтъ съ тѣми не подлежить сомнѣнію, что стало быть эти лица одной родины съ Зальшанами, о которыхъ говорили мы выше, и съ Люкомъ, прѣзвѣсившимъ въ Кіевъ также изъ Волыни Галичъ (вып. 3). Однимъ словомъ, цѣлая масса лицъ изъ этого краю, Западнаго или Юго-западнаго, особенно съ Волыни, Галичской и Червонной Руси, отъ Татаръ или Карпатъ; всѣ они схожи чертами, вои въ Кіевъ и въ тогдашней Руси Владиміровою (затѣмъ, влугъ и не доѣзжаютъ до Кіева, прѣзжаютъ и скоро вонъ; или же остаются, но особинными подвѣтами не выдаются предъ настоящими Владиміровыми богатырями, или же наконецъ не различаются рѣзкими чертами какъ лица, а представляются творчеству кувана, какъ Зальшане, Збродовичи. Вспомнимъ же, что говорили мы о населеніи древней Кіевской области, или, лучше, области древняго Владимірова, старшаго русскаго вѣводства, при коемъ началась положительная русская исторія и которое вошло цѣликомъ въ былевое творчество; вспомнимъ, что это была Русь, позднѣе отсюда ушедшая, позднѣе обособившаяся Великою; но пятая ея подвѣглась на оставляемая ильница другая Русь, обособившаяся въ Малую, оставившая за собою ближайше родственную Русь Червонную, а въ крайнемъ предѣлѣ своемъ походившая отъ Татаръ, Европейской кочыбели послѣдняго разселенія Славянъ. Все это, разумется, дѣлалось постепенно, какъ во времена, такъ и въ пространствѣ, по самой постепенности племенныхъ особенностей, пачиная отъ Карпатской Руси на ея корню, черезъ Червонную, до Малой, и отсюда до Великой. Сначала, въ эпоху Владиміра, въ этихъ родственныхъ краяхъ, Подоліи, Волыни, Галичъ, и т. д. до Кракова и до Татаръ, родственное племя, смотря по степенямъ

родства, являлось съ Кіевомъ сношеніями, богатырями, переходящими людьми, и т. д.; то же повторялось конечно при ближайшихъ, послѣдующихъ за Владиміромъ князьяхъ, при чемъ однако племенные и историческія различія съ теченіемъ времени должны были рѣзче опредѣляться и разграничиваться; когда же, послѣ Татарскаго погрома, Русь, прежде бывшая въ Кіевской области (беремъ это названіе широко, какъ замѣтили выше), двинулась отсюда, унося съ собою живѣйшія преданія и старшее былевое творчество, когда расселилась въ другихъ краяхъ, тогда, оборачиваясь назадъ къ своимъ преемникамъ, пришедшимъ позднѣе по слѣдамъ, ата Русь, уже обособившаяся Великою, представляла нѣ въ своихъ творческихъ образахъ, воспоминавшихъ Кіевъ и Владиміра, въ слѣдующемъ видѣ: или какъ богатырей кучею, Збродовичей, Залѣшанъ; или и порознь, лицами, но все-же какъ отличныхъ отъ нея и особенныхъ; они, хоть бы и служили Кіеву, но представлялись пришлецами, заѣзжими; иные ѣхали до Кіева, но не доѣхали, т. е. не застали уже тамъ прежней Руси (какъ Королевичи изъ Крякова); иные пріѣзжали, совершенно равнялись богатырямъ Кіевскимъ, какъ Дюкъ Чуринъ, но уѣзжали назадъ на родину и двоили лицо одного и того же богатыря; третьи, какъ на примѣръ Михайло Казарининъ, вступали въ службу Владиміра, но не успѣвали совершить ему важныхъ подвиговъ, ибо Русь, представителемъ коей былъ Владиміръ, ушла отсюда, и проч., и проч. Таковы были представленія народнаго творчества, унесенныя изъ Кіевской области въ области Олонецкую, Архангельскую, Сибирскую и т. д. Между тѣмъ, въ самой жизни и дѣйствительности, Русь, вступившая на оставленныя пепелища прежней, усилывая на пути еще болѣе обособиться, съ разу почти является на новыхъ мѣстахъ жительства отличною, съ задатками козачества и потому съ самимъ козачествомъ, съ былевымъ творчествомъ козаческимъ, съ Думами, о которыхъ говорили мы выше: это уже Русь Малая. Преданія о томъ, что нѣкогда совершалось на почвѣ, занятой ею, въ творчествѣ Руси-преемницы остались лишь обрывками, образцы не полными, не живыми, или передѣланными въ новую форму козачества, болѣею частію какъ слѣды, собранныя по патамъ ушедшихъ, или затвердѣвшіе и кристаллизовавшіеся въ нѣлѣтней Малой Руси, Подоліи, Волыни, Руси Червонной, Татранской, вслѣдствіе прежнихъ связей и сношеній съ старымъ Кіевомъ, съ старою Русью, отклонившею въ родное лоно Великой. Пополнить или исправить недостатки

нашего объясненія со стороны исторической и филологической представляемъ такимъ историкамъ и филологамъ, какъ М. П. Погодинъ и П. А. Лавровскій. Мы же съ своей стороны утверждаемъ лишь, что таковы именно представленія народнаго великорусскаго былеваго творчества, образы, имъ созданные, говоряшіе положительно за себя какъ достаточныя данныя и не допускающіе другаго болѣе удачнаго объясненія. — Остается сказать намъ, отчего же Михайло, посланный передовымъ изъ Юго-западнаго края въ Кіевъ, передовой движенія, шедшаго оттуда на мѣста покладемыя и первый *козакъ*, назвавъ *Казаринномъ*, — Козарянинъ, Казарянинъ? Имя *Козарь*, что бы ни говорили, есть чисто-Славянское, хотя и усвоенное народу инаго племени, восточнаго. Корень *коз-* есть тотъ же, что *код-*, *кот-*, *кошт-*, *коц-*, *кош-*, *коч-*, корни, являющіеся въ словахъ *кочевье*, *Кошь* и *Коцей* (по сербски *козош*), *кошь* козацкій, и т. п., съ значеніемъ движенія, блужданія, бродячести, кочеваго быта, и т. д. Окончаніе *арь*, *арь* опять чисто-Славянское; прибавка дальнѣйшая, для выраженія единичности, *инь*, *инь*, *инь* опять чисто-Славянская. Когда кочевье миновало для сложившейся Руси, тогда его имя перенесено преимущественно на тѣ народы, кои еще продолжали кочевать или кристаллизовались и замерли въ такомъ бытѣ, не вышедши изъ него ни къ чему новому, — т. е. на народцы и народы вообще восточные, непрерывно надвигавшіе на Русь или съ ней сталкивавшіеся (Козары, Печенѣги, Половцы, Татары; отъ того же корня ведетъ начало сильно распространенное у Славянъ и Венгровъ имя *Гус-арь*, *Хус-арь*, которое покойный Шафарикъ ошибочно производилъ отъ *cursor*, *корсарь*, и которое значило кочевую, бродяжнующую жизнь, хайдучество по землѣ и по водѣ, потомъ конницу, конницу при правильныхъ и пѣшихъ строяхъ). Когда при стычкахъ съ ними и по внутренней необходимости движенія, у Земли Русской образовалась Земская Дружина, отчасти сходная съ пройденнымъ кочевьемъ (о сходствѣ и различіи смотри выше), отчасти уподоблявшаяся врагамъ-кочевникамъ (съ волками жить — по волчьему бытъ); то въ именахъ ея дѣтелей, богатырей, въ изображеніи ихъ дѣятельности, на языкѣ народнаго творчества весьма часто повторялся корень словъ, означающихъ кочевье (примѣры см. выше). Когда же наконецъ, въ послѣдующей Малой Руси явленія эти повторились въ громадныхъ размѣрахъ, когда все стало дружиною, все движеніемъ, все врагомъ

кочевниковъ, когда такимъ образомъ среди положительной исторіи повторилсь явленія кочеваго быта съ страшною и поразительною силой, тогда эти явленія обозначены всё и прямо словами древняго корня *коз-*: *коз-акъ*, *козачество*, *козацкій*, и проч. Самое здѣсь окончаніе *акъ* (санскр. *эка*, одинъ, являющееся не только въ *акъ*, но и *лъкъ*, *ецъ*, и т. п.) есть совершенно то же по значенію, что *инъ*, *инь* (одинъ) въ словѣ *Коз-ар-инъ*, *Коз-ар-ли-инъ* (впоследствии *козаки*, то же, что *гусары*, получили значеніе конницы, легкой и летучей, при строевыхъ и пѣшихъ полкахъ). Итакъ несомнѣнно, что слово *Козаринъ*, *Козарянинъ* совершенно то же, что *козакъ*, и Михайло Козарянинъ сдѣлался для Великой Руси передовымъ образомъ Козачества Руси Малой.

О *Соловьѣ Будиміровичѣ* мы не можемъ прибавить ничего особеннаго къ тому, что уже сказано нами при изданіи Пѣсень П. Н. Рыбникова («Замѣтка», стр. III). Образъ удалаго морскаго наѣздника, съ какаго-то отдаленнаго «острова» подѣзжавшаго на кораблѣ подъ самый Кіевъ, то есть подъ самыя поселенія древней Руси (подобно какъ Варягъ Олегъ подѣзжалъ кораблями на колесахъ подъ самый Царьградъ), стоявшаго здѣсь на якоряхъ, такъ что ходилъ къ Кіеву «посмотрѣть чернаго кáрабля, яснаго Сокола (вып. I, стр. 77),» и этимъ Соколомъ настигавшаго русскихъ богатырей въ плаваніи, удивлявшаго Русскихъ богатою добычей и плѣнявшаго невѣсть заморскими дяковинками, а между Русскихъ ни съ кѣмъ не сроднаго, — весь этотъ образъ есть прямой образъ удалца прибалтійскаго, былъ ли то отважный Норманнъ, или, скорѣе, одинъ изъ Поморянъ, изъ Славянъ Западныхъ, во всякомъ случаѣ изъ той доисторической эпохи, которую мы выше назвали Азатырскою, когда Рускіе жили близко къ Балтійскому морю и вели по немъ торговыя сношенія. Хотя образъ сей былевымъ творчествомъ и введенъ въ жизнь Кіевского, Владимірова времени, но онъ рѣзко отсюда выделяется, и возвышенное начало былины, посвященной Соловью, показалось для позднѣйшей Руси натянутымъ, породивши перелицовку (Кирша, Предисловіе, стр. XXXIII):

Высока ли высота—потолочная;

Глубока ли глубота—подпольная;

А и широко раздолье—под печью шестоукъ;
 Чистое поле—по подлавечью;
 А и синее море—въ локани вода.

Былины *О гибели русских витязей* и *Аникъ Воинъ* заключаютъ время Владимірово и даже весь рядъ богатырскихъ образовъ, съ нимъ связанныхъ: здѣсь Земская Дружина, въ своемъ древнемъ образѣ богатырства, умираетъ, гибнетъ или исчезаетъ. Мы видѣли уже, какъ представители эпохи доисторической, богатыри Старшіе, гибли при встрѣчѣ съ Землею, въ соприкосновеніи съ лицами новаго порядка вещей; слышали не разъ въ подвигахъ Кіевскихъ богатырей глухой гулъ или отзывъ глухой борьбы ихъ съ силами стихійными, съ остатками быта кочеваго. Когда борьба эта кончилась, когда совершена была задача, наступилъ мало по малу конецъ и богатырямъ Кіевскимъ, и Владиміровой эпохѣ творчества. Передъ нашимъ взоромъ не одинъ уже дѣятель этого періода, перваго для исторіи, втораго или даже третьяго относительно глубины доисторической, подвергся роковой участи: одинъ исчезаетъ безъ вѣсти, другой каменѣетъ, третій сходитъ въ подземелье, въ пещеры, въ мощи, или начинаетъ строить церкви, обращается въ калѣку переходящаго, поядается страшнымъ чудовищемъ, и т. д. Конечно, бѣлая часть этихъ образовъ сведена къ Ильѣ Муромцу, главному представителю Земли и ея Дружины: но не рѣдко участь одинаковая дѣлится и другими лицами, Чурилою, Добрынею (который въ одной печатаемой пѣснѣ изъ собранія П. Н. Рыбникъ, гибнетъ подобно Аникѣ), и т. п.; во всякомъ случаѣ и судьба Муромца, какъ представителя главнаго, падаетъ и дѣлится на прочіе его сотоварищей; а изъ двухъ былинь, въ которыхъ теперь перешли мы, въ первой гибнутъ эти лица въ борьбѣ съ «силою не здѣшнею» или «каменѣютъ», въ Аникѣ же подкашиваются Смертію. Когда С. П. Шевыревъ, въ своихъ Читаніяхъ о Русской Словесности, передалъ содержаніе первой изъ сихъ пѣсней со словъ г. Никотина, невольно у многихъ любителей и знатоковъ древности явилось сомнѣніе въ народномъ происхожденіи разсказа: напечатанное послѣ г. Л. Меемъ сполна (см. вып. 4) и оправданное отрывкомъ въ собраніи П. Н. Рыбникова (ч. I, стр. 118, 119), дѣло раскрылось яснѣе, вѣтъ всякихъ недоумѣній;

повѣсть же объ Анпкѣ издревле ходила и доселѣ ходитъ въ народѣ, — слѣдовательно сомнѣнія въ этихъ вѣщанкахъ народнаго творчества никакого быть не можетъ, хотя и записаны или переданы они не вездѣ точно и хотя дѣйствительно имѣютъ характеръ, отличный отъ прочихъ былинъ. Мы должны уяснить эту особенность, откуда ея происхождение, что за гибель и смерть, послужившая здѣсь содержаніемъ. Первый, Кіевскій періодъ положительной русской исторіи, взятый творчествомъ какъ единый, цѣльный моментъ, кончався во внѣшней дѣйствительности нашествіемъ Татаръ: это крайній предѣлъ, до коего доходятъ и мирозерцаніе былинъ Владиміровыхъ; хотя отдѣльные богатыри и бьются съ Татарами, и вторгаются въ эпоху Владиміра событія и имена Татарскія, но эта явная вставка не измѣняетъ сущности дѣла. Сила Татарская, и послѣ частныхъ побѣдъ богатырскихъ, не исчезаетъ, остается все-таки страшною, все-таки, говорятъ былинны, является «нездѣшнюю», «все растеть да растеть, все на витязей съ боемъ идетъ, » и нѣтъ конца-краю, и пересѣлись витязи, и бѣгутъ въ пещеры, и каменнѣютъ. Самыя лѣтописи, какъ мы видѣли (вып. 2, Прилож., стр. XVII—XIX), приводятъ богатырей погибать на Калкахъ, Добрыню, Алешу, Торопа, — слугу ихъ, и семьдесятъ прочихъ. Самая область Кіевская (въ помянутомъ, широкомъ смыслѣ), дѣлаясь становищемъ Татаръ, совершенно пустѣетъ; прежніе ея обитатели переселяются на окраины Руси, отселѣ обособившейся Великою, гдѣ ожидали ихъ совѣтъ нвыя мѣстности, отношенія, задачи, гдѣ бывшее творчество ихъ могло быть только воспроизведеніемъ прежняго или воспоминаніемъ, а не продолженіемъ, не новымъ послѣдовательнымъ и дальнѣйшимъ развитіемъ. Какъ здѣсь, въ новомъ быту переселившейся Руси, такъ и повсюду у Великой Руси, вслѣдствіе условій новой жизни, мало по малу измѣняются начала старой. Земская Дружина уступаетъ Княжеской свое мѣсто и значеніе: Земля безъ нея не пѣетъ прежнихъ героевъ для бываго дальнѣйшаго творчества, и замолкши объ нихъ, замолкаетъ объ самой себѣ, тѣмъ болѣе, что мало по малу уступаетъ Государству. Подошедшая и явившаяся Малюю, Русь поставлена особнякомъ: ея дружины, ея Козачество, напоятъ старую Дружину Земскую, но въ сущности совѣтъ уже иное, ибо здѣсь все Дружина, все Козачество, Дружина на мѣстѣ Земли, а не какъ передовая ея высылка, не какъ доля и отрывокъ. Тамъ свои Думы о герояхъ козацкихъ, но Думы совѣтъ нвыя,

чѣмъ Кіевскія, Владиміровы Былины; и какъ ни славны эти герои дѣла, займательно полное и рѣшительное безучастіе къ нимъ въ Руси Великой: ни одному не посвящена новая Былина, ни одинъ даже не упомянутъ по имени; разбѣдившись нарѣчіемъ, народъ Велико-русскій—такъ называемый простой—не знаетъ, не слушаетъ, даже не читаетъ напечатанныхъ этихъ Думъ. У него съ теченіемъ времени появляются свои *Украины*, какъ на примѣръ Сибирская, Волжская, Донская, съ своѣмъ *козачествомъ*, и ему посвящаются особыя, новыя Былины: но эти Дружины, по мѣстности, по врагу, съ коимъ боролись, по внутреннимъ условіямъ быта, по отношеніямъ къ Государству, изъ коего исходили, коему служили и къ коему возвращались, глубоко опять отличны отъ давней Дружины Кіевской, Земской. Даже въ своей особености отъ Государства, по которой Козакъ часто представлялся его врагомъ, эти Дружины не сходны были съ прежнею. Былины, имъ посвященныя, новыя, неизмѣримо слабѣе и мельче древнихъ по творчеству, далеко не всеобщіе и держатся преимущественно въ мѣстностяхъ лишь самыхъ Украинъ. Вся средняя полоса Великой Руси, Земля Государева, продолжаетъ былевое творчество въ новомъ совершенно видѣ, *Килжеское* и преимущественно *Московское*, вносилъ въ Царское, общее прочимъ краямъ лишь по столько, по сколько Москва своимъ Государствомъ имѣла на нихъ вліяніе, общее болѣе вышнему своею постановкой, вышними приемами, чѣмъ внутреннимъ характеромъ, и во всякомъ случаѣ низшее, слабѣйшее, глубоко отличное отъ древнѣйшаго Кіевского, Владимірова. Въ собственномъ смыслѣ общимъ достояніемъ Великой Руси остались тѣ лишь Былины, которыя исходили изъ періода Кіевского и всего лучше, почти сохранились на окраинахъ, Олонцкой, Архангельской, Пермской, Сибирской, и т. д. Вотъ почему Былины Владиміровы, распространяясь отъ окраинъ, несравненно легче и скорѣе принимаются всею сердцемъ Великой Руси, въ средней полосѣ ея и прочихъ мѣстностяхъ, чѣмъ на оборотъ: въ нихъ съ разу народъ чувствуетъ совершенно все свое родное, и такое древнее, которое своими общими началами роднитъ послѣдующія развѣтвленія. Но эта общая и наиболѣе всѣмъ родная старина держится только стариною: былины Кіевскія разбиваются на отрывки, мельчаютъ или начинаютъ забываться; вновь такихъ былинь твориться не можетъ; былины позднѣйшія, Княжескія и Московскія, во всемъ, что въ нихъ есть лучшаго творческаго, живутъ силою творчества стараго, его привычными

или повторяющимися приемами; новизна входит уже несравненно слабѣйшая внутреннюю силу. Такимъ образомъ само былевое творчество слабѣетъ, истощается силою, а на рубежѣ Старой и Новой Руси, или, лучше Руси и не-Руси, совѣтъ умираетъ, оставляя отъ себя лишь корчи умирающаго трупа или безжизненные черты въ вѣсняхъ Петровскихъ, Елисаветинскихъ, Екатерининскихъ, Александровскихъ, солдатскихъ. По временамъ, отъ тока струи народной, коснувшася издалека, трупъ этотъ вздрагиваетъ, какъ будто хочетъ ожить, но смерть не обманешь, а ея первая захваты начались еще при завершени Кіевскаго—Владимірова творчества; тамъ, при заключеніи цикла, первый шагъ приближавшейся смерти. Безъ обновленія и постоянного новорожденія началъ жизни, нѣкогда дѣйствовавшихъ, перестали вновь твориться и былины, остановившись лишь на прежнемъ содержаніи, лишь перебирая его въ своихъ отрывкахъ, а порожденія новой жизни и силы, былины позднѣйшія, не замѣнили для народа старыхъ и только разнесли въ себѣ тѣ же сѣмена смерти. Но въ природѣ всякой, а тѣмъ болѣе народной и духовной, не можетъ быть полнаго уничтоженія безъ замѣны, гибели безъ претворенія во что либо новое, пустоты безъ осѣмененія новыхъ плодовъ бытія. Творчество Былинъ претворилось въ творчество Стиховъ, Былины богатырскія, княжескія, московскія, козацкія, сопутственно своему послѣдовательному развитію, или, лучше, вымиранію, выдѣляя отъ себя силы въ творчество Стиховъ Былевыхъ, Міровыхъ, Евангельскихъ, Заповѣдныхъ; духъ былъ прежде въ сопряженіи съ плотью, идея съ формою, жизнь съ образомъ: теперь, нарушивши единство, царившее въ Былевожъ богатырскомъ творествѣ, въ Былинахъ, теперь начала выдѣляться особая духовная область, съ перѣтсомъ духа, откуда содержаніе такъ называемое *духовное*, произведенія *духовныя*; это особыя повѣсти, легенды, сказанія, притчи, и т. п., а во главѣ ихъ все-таки Стихи, болѣе близкіе по творчеству къ основнымъ его началамъ и къ Былинамъ. И весь этотъ родъ творческихъ созданій, такъ называемыхъ духовныхъ, прошелъ также свой путь, подобный пути Былинъ, путь послѣдовательнаго творчества, отъ Стиховъ Міровыхъ и Былевыхъ, Евангельскихъ, до Умиленныхъ, Душеполезныхъ, Задушевныхъ; когда же онъ и на этой почвѣ духовной жизни не удержался, когда отдался внѣшности, связался съ письменностью, ученостью, обрядностью, тогда оставленъ народомъ на поверхности, осужденъ былъ также повторять лишь

старое и замирать, а въ болѣе сокровенныхъ областяхъ народнаго вѣрующаго духа возможно стало еще болѣе глубокое овнутрененіе. Въ нѣдрахъ самаго Православнаго духа начался религіозный процессъ, подобный, хотя обратный, тому, который совершался нѣкогда въ чело- вѣчествѣ до Христіанства, началось исканіе истины Православнаго вѣросознанія на самой почвѣ вѣросознанія, подпавшей переработкѣ, раздору и борьбѣ. Явился расколъ, начавшій болѣе внѣшностью и обрядностью, но скоро переведшій борьбу въ самую сокровенную, въ самую внутреннюю область Православнаго духа: всю его исторію, на каждой ступени, сопровождали свои Стихи, Стихи особаго рода, также отъ Былевыхъ Старообрядческихъ до самыхъ духовнѣйшихъ Духоборческихъ. Такова въ короткихъ чертахъ, исторія народнаго творчества, которую можно характеризовать приведеннымъ довольно варварскимъ, но ближайше-выразительнымъ словомъ — овнутрененіе, одухотвореніе, на пути, отъ нарушенія равновѣсія между образомъ и жизнью, формою и идеей, къ чистой области духа. Хорошъ ли этотъ путь или нѣтъ, надежна ли цѣль или нѣтъ, хорошо или нѣтъ все это дѣло, — отвѣчать можетъ не теорія и не догматика, а единственно жизнь и исторія. Только одно вѣрно, что такому духу творчества отвѣчала своимъ ходомъ и жизнью Великой Руси, и она-то выражалась въ исторической послѣдовательности образовъ творчества; творчество народное передало намъ въ своихъ образахъ и исторію подлежащей ему жизни, и исторію себя самого. Такъ, мы видимъ, что въ жизни, подобно какъ въ выражавшемъ ее творчествѣ, нѣкогда нарушено было равновѣсіе, вслѣдствіе чего Земля скрылась съ по- прища внѣшней, государственной исторіи, и съ этой стороны названа *исчезающею, каменяющею, умирающею, гибнущею*. Но, съ дру- гой стороны прошла и цора ея внѣшности, ей предлежало пройти исторію болѣе внутреннюю, на этомъ пути очистить, чторосло на ней внѣшняго и грубаго, отъ старины язычества, отъ былого кочевья, отъ торжества побѣды надъ прошлымъ, не знавшаго пре- дѣла удали и обращавшагося въ грубую внѣшнюю силу, выражавшагося богатырствомъ Кіевскимъ; а богатырство грозило сдѣлаться деспо- тизмомъ физическимъ, безмѣрнымъ наливомъ грубыхъ силъ въ тягость всему народу. Потому, отбросивъ эту форму бытія, даже отчасти по собственному побужденію, народъ уходилъ отъ внѣшности внутрь себя, къ своимъ началамъ и основамъ, къ своему народному духу, цца тамъ спасенія: онъ, мы видѣли, шелъ въ *подземельи*, скры-

вазся въ пещеры, *умиралъ* для внѣшности, чтобы ожить внутренно, умиралъ не трупомъ, а *мощами*, соблюдающими жизнь среди самого умирания. Прежняя грубая и внѣшняя сила народа отдѣлялась какбы особое, отдѣльное существо, назначенное судьбою казнить народъ, вгонять его внутрь себя. Такъ въ Былини «о гибели витязей» Татары, сила грубая, внѣшняя, избрана карою для народа; богатыри справились бы съ нею, но расхвастались собственною внѣшнею силою, и она выросла надъ ними силою карающею; изъ Татаръ, «силы нездѣшной» по смыслу простому, т. е. чужеродцевъ, иноплеменниковъ, изъ этой силы побитой во внѣ, встаетъ «сила нездѣшная» въ качествѣ уже высшей, карающей, небесной: то, что въ этой силѣ поразило, смяло витязей, то была ихъ собственная грубая сила, обрушившаяся на главу ихъ карою; то же, что толкало эту силу, погнало на витязей, заставило карать ихъ, то была сила внутренняя. И повнцаясь неодолимому наступанію и безпрерывному росту этой силы внутренней, народъ бѣжитъ въ пещеры, Земля подъ землю, т. е. внутрь себя, къ духу своему, гдѣ она живетъ и творитъ, доколѣ есть духъ. Тамъ жилъ всегда тотъ духъ, былъ намъ основой, соблють намъ до настоящаго дня надежду спасенія, и въ последнее время, въ своемъ средоточіи внутреннѣйшемъ, проходить последнее, кажется, поприще развитія передъ выходомъ къ побѣдѣ.

Таковъ смыслъ этого *умирания для жизни*, выраженный въ образахъ народнаго творчества.

Былиня объ *Аникѣ Воицѣ* повторяетъ собою то же значеніе, и мы ограничимся однимъ внѣшнимъ разборомъ ея происхожденія и склада. Въ ней есть черты, указывающія на стороннее заимствованіе: имя *Аника* греческое и значитъ «непобѣдимый»; онъ «много христіанскія вѣры *облатынилъ*,» какъ истый врагъ Грековъ; онъ «много *ликъ Божиихъ порукавши*, много святыхъ *иконы переколовши*,»—онъ иконоборецъ, черта изъ внутренней жизненной борьбы Византіи; разоривши много церквей и монастырей, онъ «добирается до начальнаго града *Ерусалима*,» главной святыни Христіанъ: наконецъ въ одной рукописи, о которой скажемъ еще ниже, Смерть говорятъ Аникѣ: «Отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никтоже противо мене стояти не могъ... *Царь Александръ Македонскій* храбръ и мудръ и самъ бѣлъ сильный, и онъ говорилъ тако: «аще было (бы) колцо въ землю вѣдано..., азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ;» да и тутъ не смѣлъ со мною драться; да

еще каковъ былъ *Акиръ премудрыи*, и тотъ спиратся не смѣлъ, » то есть приведемъ здѣсь такіе примѣры и изъ тѣхъ сказаній, которые по рукописямъ шли къ намъ черезъ Грецію; а въ самой Былинѣ: Смерть приводитъ въ подобный примѣръ *Олоферна*, героя ветхозавѣтной священнои исторіи. Однимъ словомъ, вѣроятно это сказаніе сложилось первоначально гдѣ либо въ Греціи, съ примѣненіемъ къ буйству иконоборцевъ и ожидающей ихъ казни, равно къ самонадѣянности Латинянъ, соврацавшихъ народъ въ глазахъ Византіи и пробравшихся черезъ Грецію на завоеваніе Ерусалима. Сказаніе это имѣло у насъ, какъ слѣдуетъ, свою исторію по рукописямъ: на примѣръ, въ сборникѣ Царскаго XVII в., № 410, л. 272—278, подъ заглавіемъ—« Првнїе смерти съ животомъ; » начало: « Бѣ иткій человекъ, воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому и по раздолью широкому, избивалъ полки многія; » въ Погодинскомъ древлехраняищѣ, сборникѣ XVII—XVIII в., № 1773, л. 80—84, подъ заглавіемъ—« Повѣсть о бодрости человѣческой; » начало: « Человекъ иткій ѣздилъ по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою итѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ; » и нѣютъ друг. Идея въ основаніе сказанія положена чисто-христіанская; о внезапной карѣ на гордаго нечестивца, при чемъ олицетворяющая шару Смерть являлась образомъ чисто-христіанскимъ, даже отвлеченнымъ. Потому сказаніе, по разнымъ рукописямъ, весьма скоро пропиталось характеромъ всѣхъ остальныхъ духовныхъ произведеній, такъ что мало по малу выскользнуло даже самое лицо Аники и остался въ олицетворенномъ спорѣ одинъ отвлеченныя понятія Смерти и Жизни, откуда прямо выродилась уже Стихи нравственнаго содержанія, Душеполезныя и Умиленные. Но, совершенно независимо отъ сего, представленіе, лежащее въ сихъ образахъ, получило вполне самобытное развитіе въ народномъ русскомъ творчествѣ. Появилась *Былина*, не сказаніе, не Стихъ; она связалась своимъ содержаніемъ и приемами творчества съ былинами прочими, съ разными народными преданіями и сказками. Такъ, на примѣръ, вся эта былина объ Аникѣ Воинѣ есть почти слово въ слово извѣстная, только перелицованная, былина о смерти *Свѣтогоора*, которую мы знаемъ по собранію П. Н. Рыбникова (ч. I, стр. 32, 33), съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто Смерти встрѣчается Старшему богатырю, полному избытка силъ, маленькая Сумка, на которую онъ бросается, какъ на Чудо и Диво, на которая губитъ его; и въ этомъ мы видѣли образъ

Земли Русской, упразднившей и сгубившей стхійную силу представителей предшествовавшаго періода, язычества, кочевья. Такимъ образомъ это та же исторія умиранія старины, которую мы видѣли выше и объяснили въ разныхъ былинахъ. Ту же судьбу, постигшую Старшихъ богатырей, рассказываетъ Аникъ и сама Смерть, — о Святогорѣ, о Самсонѣ (Кольвановичѣ), Полканѣ-богатырѣ и прамомъ врагѣ сложившейся Новой Руси — Соловьѣ (разбойникѣ). Въ этихъ чертахъ былина — произведение уже чисто-народное, русское, притомъ съ памятью о дальнемъ прошедшемъ и въ связи съ самыми старшими былинами. Но, въ числѣ жертвъ своихъ, Смерть не именуетъ богатырей Владиміровыхъ, а только Старшихъ: вотъ минута времени, когда эта былина въ основѣ своей зародилась у Русскихъ. Послѣ того, мы знаемъ, подобная же участь умиранія постигла и богатырей Кіевскихъ: здѣсь-то, на этой ступени былина, словами Смерти, ставитъ Анику тотчасъ послѣ Старшихъ богатырей, равняя его совершенно богатырямъ Кіевскимъ. Дѣйствительно, онъ совершенно и ровень имъ, только съ точки зрѣнія и на ступени постигшей ихъ судьбы смерти и гибели. Соберемъ вѣсть эти черты Аники, уже подробно набросанныя нами выше при разъясненіи смысла въ умираніи богатырей Кіевскихъ. Во первыхъ, Аника представляется образцомъ до крайности грубой, невѣжественной, самонадѣянной и наглою силы, до какой только могло дойти древнее богатырство и отъ которой даже Святогору, гораздо старшему, было «грузно какъ отъ тяжелаго беремени,» а тѣмъ паче грузно было сложившейся Землѣ; припомнимъ о разказѣ, вставленномъ въ повѣсть объ Аникѣ и приведенномъ выше изъ рукописи, о кольцѣ, который еслибы вернуть въ землю, то поворотитъ бы весь свѣтъ: это та же титаническая сила и тѣми же словами обозначенная, какъ мы знаемъ изъ исторіи Илья Муромца; съ этою силою, въ этой грубости и самонадѣянности, прожилъ Аника нѣсколько сотъ лѣтъ, попирая святиню, собирая награбленное имѣніе; полетать въ поле выѣхалъ онъ съ «зловымъ намѣреніемъ,» добраваясь до самой высшей святини; а встрѣтивши Смерть, онъ не призналъ ея силы (привычки не бояться ея) и еще болѣе испортилъ свое дѣло хвастовствомъ и наглостью передъ нею. Тогда сила духовная, нравственная, таинственная и высшая, явилась мстить за себя, какъ кара, уничтожающая зло, какъ Смерть. Кое гдѣ образъ ея еще носить живые слѣды древности,—это Чудо, Диво, съ отгѣнкомъ живаго образа, отчасти

минологическаго ; но этотъ образъ все больше и больше становится отвлеченнымъ, какъ отвлеченно понятіе смерти, и былина превращается въ Стихъ. Если былина о гибели витязей отъ « силы нездѣшней » близка уже къ Стиху, то еще болѣе былина объ Аникѣ: многія мѣста здѣсь прямо вставлены изъ Стиховъ, наприм. описаніе Ерусалима, какъ въ Книгѣ Голубиной, или образъ ангеловъ, вынимающихъ душу Аники, какъ въ Лазарѣ богатою, а сдѣланное изъ « Аники Воина » « Прѣіе Смерти съ Животомъ » есть уже чистый Стихъ. Еще болѣе видны свойства Стиха въ мысли разсказа, въ точкѣ зрѣнія на предметъ, въ нравственномъ его значеніи. Тогда какъ удалство прежде служило богатырскою славой, здѣсь оно навлекаетъ казнь; прежде не проститься богатырю съ отцемъ-матерью и ухватъ такъ, чтобы никто не видалъ, было почти обязанностию богатыря, а теперь это ставится въ вину Аникѣ; прежде у богатырей просили помилованія и жизни, теперь сами они униженно просятъ и не получаютъ пощады, и т. д., и т. д. Сообразно тому, Аника Воинъ, какъ творческое произведеніе, называется у народа то Былиною, то Побывальщиной и Стариной—смотря по складу, то Стихомъ. Но въ какомъ бы то ни было видѣ, оно пустило глубокіе корни въ народъ и стало извѣстно почти всюду. Лицу Аники соответствуетъ въ сказкахъ *Никаморъ* (« побѣдитель мужей, » греческое), отождествляемый съ Чудищемъ, Вихремъ Вихрѣвичемъ, сѣдымъ Кожемъ, Дѣломъ (ср. сказки Г. Аванасьева, вып. 5, стр. 178—191). На старшихъ лубочныхъ картинкахъ (безъ году), откуда мы въ 4-мъ выпускѣ напечатали текстъ, имѣющій складъ Бабьей Старины, Аника изображается, — которыя картинки постарше — въ восточной красной шапочкѣ съ опушкой, съ мечемъ; а которыя помоложе, — въ шлемѣ и съ саблею, въ обоихъ случаяхъ съ узанскимъ копьемъ и значкомъ, на конѣ; Смерть — голый оставъ, за плечами крошна съ разными пилами, на картинкахъ помоложе — сверхъ того въ рукахъ чаша. При такомъ обще-народномъ характерѣ Аники, если бы и встрѣтилось гдѣ его имя въ дѣйствительной жизни, въ извѣстной мѣстности, то никакъ нельзя думать, чтобы образъ возникъ отсюда, а на оборотъ, къ дѣйствительной жизни перенесено изъ старины имя удалца Аники. М. П. Погоня въ пѣз своего путешествія по внутреннимъ областямъ Россіи передаетъ слѣдующій разсказъ (Москвит., 1843 года, № 11, стр. 245, 246): « За Спасо-Прялукскимъ монастыремъ верстахъ въ десяти отъ Вологды

начинается *Аникинъ лѣсъ*. *Аника* былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу, нѣкогда дремучемъ и непроходимомъ, кромѣ одной дороги въ Бѣлозерскъ, называемомъ и теперь *Оникіевскимъ*. Въ лѣсу есть пустыня *Заоникіевская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ (какъ у Бабы-Яги или Кошечки), гдѣ жилъ *Аника*, и откуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проезжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и нажилъ себя всякаго богатства, серебра и золота, и каменья самоцвѣтнаго. Однажды вышелъ онъ по обыкновенію на дорогу, — на встрѣчу ему старикъ съ котомкою за плечами. «Здорово, дѣдушка, откуда ты и куда идешь?» — Изъ Кіева, ходилъ поклониться Святыхъ Угодникамъ Печерскимъ, а теперь иду къ Соловецкимъ. — «Не тяжело ли тебѣ, старинушка, носить свою суму? У тебя, чаю, есть много лишняго, дай-ка я посмотрю, чего ты набралъ.» Разбойникъ снялъ котомку, и увидѣлъ въ ней узелки съ *землею* (заимѣйте), пескомъ, частицами антимона и Святыхъ мощей. Съ досады началъ онъ разбрасывать узелки и рассыпать *землю* (заимѣйте опять), сколько старикъ ни просилъ его со слезами о сохраненіи его сокровищъ. — Такъ берегись же ты, *Аника*, Богъ избежитъ тебя за обиду нищему старцу. Скоро наступитъ часъ твой. — *Аника* выхватилъ ножъ; и хотѣлъ было зарѣзать старика, но тотъ сталъ невидимымъ. *Аника* испугался и бросился въ лѣсъ къ себѣ домой, но избы его уже не было, одна лошадь паслася на полянкѣ. *Аника* сѣлъ на нее и поѣхалъ изъ лѣса, какъ вдругъ встрѣтилосъ съ нимъ, — слѣдуетъ разсказать, повторяющій то же самое въ формѣ извѣстной намъ Былины или Стиха. Какъ ни много вставлено здѣсь чертъ позднѣйшихъ, съ христіанской точки зрѣнія, но нельзя не узнать древней былины и совершенно того же содержанія, даже выраженій, какъ въ былинѣ о гибели Святогора при встрѣчѣ съ Сумочкой, *Землею* (*Рыбникъ*, ч. I, стр. 32, 33). «Показываютъ—пробавляетъ М. П. Погодинъ— гдѣ-то и могилу *Аникину*, высокій курганъ, на который всякій прохожій обязанъ бросить пруть (символъ казни, особенно для оборотней и оживающихъ мертвецовъ): «*Аничка, Аничка, вотъ тебѣ вичка.*» Это исполняется до сихъ поръ.» — Прибавимъ изъ народныхъ пословицъ объ *Аникѣ* слѣдующую наиболее выразительную: «*Оникой глядитъ—щелчкомъ свазитъ.*» — Г. Бунаковъ въ примѣчаніяхъ къ повѣсти объ *Аникѣ* (см. у насъ 4-й выпускъ и «Русск. Слово») подтверждаетъ слова М. П. Погодина, что старожилы Вологды раз-

сказываютъ « про нѣкоего Аника Вовна, разбойника, жившаго нѣкогда въ Аникіевомъ лѣсу, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ Вологды, по Кирилловской дорогѣ; » лѣсъ этотъ « представляетъ теперь площадь, обросшую мелкимъ кустарникомъ. » Отъ имени разбойника онъ названъ Аникіевымъ, а отъ лѣсу « Заонікіевская обитель, » основанная, по свидѣтельству г. Бунакова, въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Іосифомъ: значить, по заключенію Г. Бунакова, Аника дѣйствительный жилъ еще ранѣе. Если же, скажемъ мы, по народнымъ сказаніямъ прилагать въ этомъ случаѣ къ Аника лѣтосчисленіе, то по словамъ былинъ онъ жилъ нѣсколько сотъ лѣтъ и, стало быть, какъ разъ былъ современенъ до-татарскому періоду и богатырямъ, сгнбшимъ подъ конецъ этого времени. А если брать въ расчетъ его преимущество за Старшими богатырями, обозначенное въ Былинахъ (см. выше), то образъ Аники уходитъ будетъ все глубже и глубже въ даль и старину: напрасный путь и трудъ, ибо этотъ образъ искони-народный, и если какой либо Аника былъ лицомъ дѣйствительнымъ и извѣстнымъ разбойникомъ, что весьма вѣроятно, то не отъ него конечно возникъ общій народу русскому образъ, а на оборотъ имя знаменитое и повѣсть общезвѣстная перенесены изъ народнаго творчества на лицо дѣйствительное.

Здѣсь кончаемъ мы замѣтки о тѣхъ лицахъ, богатыряхъ, которыми посвящены особыя былины, отдѣльныя произведенія народнаго русскаго творчества. Многія предположенія, высказанныя нами въ началѣ изданія, съ теченіемъ его совершенно подтвердились и доказаны неопровержимо новыми выводами, съ помощію новыхъ данныхъ, новыхъ открытій, чему въ особенности помогло собраніе П. Н. Рыбникова; множество разбросанныхъ тамъ и сямъ догадокъ къ концу дѣла сгруппировалось почти въ цѣлое особое ученіе, подкрѣпленное вездѣ почти несомнѣнными данными изъ области народнаго творчества, отчасти изъ области положительной исторіи, и все это преимущественно при свѣтѣ языковѣдѣнія, иногда миѳологіи и другихъ вѣтвей науки. И хотя мы чувствуемъ съ большимъ сожалѣніемъ многіе недостатки нашихъ изслѣдованій, хотя, еще къ большому прискорбію, не встрѣчаемъ со стороны критики необходимыхъ намъ фактическихъ

пополненій, но, при всемъ томъ, считаемъ себя весьма счастливыми, что многія наши положенія, на принѣръ о существованіи и значеніи Старшихъ богатырей, о роли, которую играютъ въ былинахъ Русская Земля и Земщина, и т. п., положенія, до которыхъ дошли мы собственнымъ трудомъ изысканія и которыя высказали для науки въ первый разъ, приняты почти всѣми критиками съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ нѣчто давно извѣстное и непреложно истинное. Такой, признаться—неожиданный, успѣхъ налагаетъ на насъ нравственный долгъ, для пользы другихъ, высказать о періодѣ Кіевскомъ и Владиміровомъ еще нѣсколько общихъ и частныхъ замѣчаній, тѣмъ больше, что при изданіи пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, мы прощаемся съ этимъ періодомъ окончательно и больше къ нему уже не вернемся.

Мѣстность, взятая, какъ поприще событій, былевыми творчествомъ этого періода, самая обширная, самая широкая своими размѣрами и предѣлами, отъ Ерусалима и Царьграда, отъ горъ Сіонскихъ и Сорочинскихъ, до моря Алатырскаго-Балтійскаго, до острова Волина; отъ моря Чернаго или Теплаго, Сурожскаго и Хвалынскаго, отъ Дуная, до моря Бѣлаго, Студенаго; отъ Кракова до Сибирскихъ Украинъ, до Калмыковъ и Черкесъ Пятигорскихъ, до Бухаринъ и даже Индѣи «богатой.» На этомъ пространствѣ, послѣ Латышской земли, земли—Ляховинская, Литовская, Поморская, Заодонская, Загорская, Черкасская, Греческая, Сорочинская, Жидовская, и т. д.: Орды—Золотая, Заодонская, Большая, Немирная, и т. п.; Литва, Подоля, Волинь, Галичь, Чудь, Чукши, Корела, Могозая, Алюторы, Козары, Черкесы, Калмыки, Сорочина, Татары, Турки, Агаряне, и т. п.; предметы, именованные Латышскими, Нѣмецкими, Англицкими, Татарскими, Сибирскими, Черкесскими или Черкасскими, Греческими, Сорочинскими, Алівитарскими, Аравитскими, Ерусалимскими, Индѣйскими, и т. п. Все это, однако, лишь по отношенію къ землѣ Русской, къ Свято-Русь-землѣ, по связи съ нею, по притяженію къ ней, какъ къ главному и единственному поприщу дѣйствія. Въ самой же Руси все сосредоточено въ землѣ Кіевской, въ смыслѣ главной мѣстности для первой положительной русской исторіи, для эпохи Владиміра и богатырства. Ближайше сродна съ этой областью, но, согласно съ дѣйствительною исторіей, представляется съ ней въ непрерывномъ спорѣ и постоянномъ соревнованіи земля Черниговская. Нѣсколько еще подалеже земля Суздальская, въ которой полюютъ свои богатыри—поляницы и—позволимъ себѣ выра-

зяться—сурують (по рѣкамъ и морямъ) Суры и Суруцы , не зависимо отъ Кіева. въ которомъ чувствуютъ ихъ отсутствіе и жалѣютъ о томъ. Къ остальнымъ областямъ Руси, даже къ Новгородской, бывшее творчество Кіевское совершенно почти безучастно. Другія же страны лежатъ лишь около, какъ слишкомъ далекія или чужія; туда только ѣдутъ, или оттуда пріѣзжаютъ; тамъ лишь сосѣди-пріатели, а чаще враги. Въ этомъ последнемъ отношеніи, всѣ ближе облегающія страны съ ихъ народами дѣлятся, какъ замѣтили мы выше, на двѣ исключительныя, рѣзкія и различныя половины, Западную и Восточную. О первой говорили мы довольно, начиная отъ края ея, Литвы и Ляховъ, съ « грозными » тамошними *королями*, до ближайшихъ соплеменныхъ сосѣдей Юго-Западной Руси, пріѣзжавшихъ отдѣльными лицами, принимавшихъ къ себѣ Русь Кіевскую, а между тѣмъ подвигавшихся все ближе и ближе, чтобы со временемъ сдѣлаться преемниками. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о половинѣ Восточной, съ ея *царями*. Дальнія окраины ея, какъ на примѣръ Козары, Черкесы, Сорочинна, Турки, извѣстны почти лишь только по имени, въ самыхъ незначительныхъ столкновеніяхъ, какъ что-то крайне далекое и скорѣе будущее, чѣмъ настоящее; собственно же она вся наполнена и окрашена Татарщиной, такъ что, представляется, Татары входятъ въ глубь самой Сибири и Ерусалима, а краски такъ живы, что не позволяютъ сомнѣваться въ портретахъ, особенно при именахъ Ордь и такихъ лицъ, какъ Салтыкъ, Сартакъ, Ставрулъ, Салтанъ, Азвякъ, Бекетъ, Батый-Батыга, Мамай, и т. п. Но, когда все это сосредоточено главнымъ образомъ и съ большею опредѣленностію на Татарахъ, нельзя иногда не замѣтить подъ ихъ образами старшихъ ихъ предшественниковъ, восходившихъ въ дѣйствительности до временъ Владиміра. однимъ словомъ тѣхъ, какъ говорили мы въ 1-мъ выпускѣ (« Замѣтка, » стр. XXVI), « выходцевъ съ Востока, которые въ то время то и дѣло грозили государству, слагавшемуся на югѣ Руси. » Въ особенности же, поименно, выдаются здѣсь Половцы: такъ страшный *Шаркъ — великанъ* (см. Рыбникъ.) по всей вѣроятности есть грозный и старый *Шаруканъ*, ханъ Половецкій (*Шаръ-* или *Шаркъ-ханъ*, -ханъ); а еще болѣе знаменитый по пѣснямъ, *Тугаринъ*, почти несомнѣнно есть извѣстный *Тугорканъ* или *Тугарканъ* дѣтописей, у коего Святополкъ-Михаилъ взялъ дочь въ замужество и на внучкѣ котораго Мономахъ женилъ сына Андрея. Эти исторически-родственные съ нимъ связи выражены въ былинахъ тѣмъ, что Тугаринъ весьма

часто въ Кіевѣ какъ свой, союзится съ Кіевскими женщинами, кладеть рубя въ пазуху жентъ Владиміра. Но, какъ ханъ Половецкій, онъ же былъ и постояннымъ врагомъ, онъ и убитъ въ битвѣ съ Русью и—замѣчательно—похороненъ подъ Кіевомъ, напоминая о себѣ пѣснями своею могилою, подобно какъ, мы знаемъ, могила Олега Святославича подъ Овручемъ ввела его въ пѣсни объ Олегѣ Вѣщемъ (Рыбникъ, «Замѣтка», стр. XX, XXI). Лѣтопись говоритъ объ этомъ событіи подъ 1096 годовъ: Святополкъ и Владиміръ побѣдиша Половцевъ «и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его, и ннѣ князи... Назаутрѣ же налѣзоша Тугоркана мертвого, и взя и Святополкъ акы тьста своего и врага, привезше и къ Києву потребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ въ монастырь идуще (Лавр.).» Известно, что имя Тугарина перешло и въ сказки, и въ фамильное именованіе *Тугариновичъ*, а имя главного народнаго героя изъ Тугариновскаго періода, *Владиміра Мономаха*, конечно облегчило народному творчеству способъ перенести имена Половецкихъ Хановъ въ эпоху *Владиміра Святославича*, подобно какъ мы это видѣли въ исторіи Ставра. Наконецъ, что касается до самой формы слова *Тугаринъ*, то она легко могла быть прямо передѣлана изъ *Тугарканъ*, а еще вѣроятнѣе образовалась такимъ путемъ: *канъ* въ именахъ сего рода всегда есть *ханъ*, достоинство, званіе, собственное же имя будетъ *Тугаръ*; сюда и прибавлено привычное русское *-инъ*.—Возвращаемся снова къ областямъ Руси, означеннымъ въ былинахъ. Необходимо отличить здѣсь названія мѣстностей, вошедшихъ въ творчество съ другаго пути, не изъ былеваго, а изъ Стиховъ, соединенныхъ отчасти со сравнительствомъ, съ Калѣками переходящихъ, а отчасти съ усилившимся мало по малу перевѣсомъ духовности, нравственной точки зрѣнія, такъ сказать священности, о чемъ говорили мы выше. Такимъ путемъ проникли въ былинны имена, составлявшія камень преткновенія для прежнихъ изслѣдователей, на примѣръ *Ерусалимъ*, горы *Сіонскія*, рѣка *Сафатъ* (извѣстная еще изъ Ветхаго Завета долина), *Израй*, и т. п. Все это или занесено Калѣками Перехожими, или вставлено въ былинны какъ принадлежность странничества, на примѣръ въ Потыкѣ исторія *Іосифа*, или воспяталось и поддержалось начетливостью въ Священныхъ книгахъ и возобладавшимъ нравственнымъ направленіемъ народа. Если исключить эту вставку, то остальныя предѣлы и даже мѣстности самой Руси, какъ сказали мы, составляютъ только обстановку, выводятся

лишь по отношенію къ мѣстности Кіевской, къ событіямъ и героямъ сей послѣдней. Очень естественно, что за отсутствіемъ горъ въ собственной Руси, роль ихъ блѣдна и слаба, имена неопредѣленны: это или слишкомъ далекія горы, на прим. *Сорочинскія*, *Латырь*, или явно вымышленныя, на прим. *Скаты*, или совершенно темныя, на прим. *Палачь*, и т. п. Относительно горъ, говоримъ, это вполне естественно; но до какой удивительной степени творчество Кіевского періода совершенно безучастно къ остальнымъ областямъ Руси, видно уже изъ того, на примѣръ, что онѣ обозначены не отличіями народа, героевъ, личностей, обычаевъ, быта, преданій, а только чертами топографическими, какъ почва, какъ внѣшняя природа: гдѣ самыя *долія плеса* (Чевылецкія), самыя *широкія степи* (Саратовскія), самыя *великіе перевозы* (Нижегородскіе), самыя *черныя гряды* (Смоленскія), самыя *темныя лѣса* (Брянскіе, Муромскіе), самыя *быстрыя рѣки* (Понизовскія), и т. п. *Рѣки* такія даже, какъ *Волга*, *Ока*, *Кама*, извѣстны большею частію лишь по имени, и то чаще въ приставляемыхъ заповѣяхъ и приповѣвахъ; *Дунай* допущенъ лишь по исконной связи съ Славянами, и то переходитъ въ *Донъ* и высылаетъ свое олицетвореніе, богатыря Дуная, на службу Владиміру; сосредоточивается все около *Днѣпра*, *Почая*, *Ручая*, *Сороги* или *Черети*, и т. п. Изъ городовъ не только не извѣстна еще Москва, не только забытъ Новгородъ, а восточные города отданы еще восточнымъ выходцамъ, но даже и такіе старые города, какъ *Ростовъ*, *Муромъ*, *Рязань*, выводятся лишь какъ мѣстороженіе богатырей, отправляющихся на службу Кіевскую, и опять все сосредоточивается около *Кіева*, и самый Черниговъ получаетъ мѣсто только по пути къ Кіеву или по борьбѣ съ симъ послѣднимъ. Впрочемъ мѣстность Суздальская по крайности упоминается, и представляется, какъ замѣчали мы, совершенно отдѣльною, особенною и крайне широкою; ее начинается *Владиміръ*, или всякой городъ *Владимірскій*, какъ предѣлъ области Кіевской (ср. вып. 3, стр. 2, 3); она лежитъ за Ростовомъ съ одного края, за Рязанью съ другаго; ее провожаетъ глазъ до *Нижняго Новгорода*, а представленіе населяетъ ее помянутыми удалцами Суздальцами (между Смоленскими грядями и областью Сѣверской съ одной стороны, а съ другой—Рязанью, городами Владимірскими и Ростовомъ, лежала область Радимичей и Вятичей: то были, въ эпоху, о которой говоримъ мы, лѣсныя пущи и вообще дичь; пропикали туда съ трудомъ, лишь

за дашю; лѣтопись, сравнившая тамошнихъ жителей со зѣбрыми, а съ нею и вся Кіевская Русь не сочувствовала имъ; исторія того края начинается не ранѣе XIII вѣка: очень понятно, что творчество Кіевское и Владимірово ни однимъ словомъ, ни образомъ не касается этой области, выпуская этотъ промежутокъ вплоть до Суздальщины). Въ Суздальщинѣ жизнь совершенно особая, тамъ другая исторія, смѣнившая старую Кіевскую въ послѣдовательномъ теченіи времени: и хотя эта жизнь еще неизвѣстна, исторія не названа какимъ либо извѣстнымъ именемъ героя, но слухи оттуда, замѣтно, уже доносятся и переходятъ въ нѣкоторые творческіе образы: упомянуто нѣсколько городовъ, названо *Боголюбово*; рассказана смутно исторія *Суровца-Суздальца*; выводится нрѣдко *Смородина*, рѣка Суздальщины, о которой скажемъ подробнѣе въ слѣдующихъ выпускахъ; наконецъ рисуется городъ *Кидишь* или *Кидашь*, « славный городъ *Покидошь*, » къ которому переходимъ. Илья, въ одну поѣздку изъ Мурома, спасаетъ *Кидишь* или *Кидашь* отъ остѣвшихъ враговъ (вып. 1, стр. 79, 82, пѣсня изъ Арханг. губ.; въ другихъ пѣсняхъ здѣсь вставленъ Краковъ, или смѣшана *Кинешма*, на прим. вып. 1, Прилож., стр. XXXIII, или, какъ слѣдуетъ, по праву помѣщается Черниговъ); въ другомъ случаѣ (пѣсня изъ Сибиря) Суровецъ-Суздалецъ ѣдетъ къ « славному городу *Покидошу*, » является къ тамошнему князю, *Михайль Ефимоктьевичу* и занимаетъ у него такое же мѣсто, какъ богатыри Кіевскіе у Владиміра; однимъ словомъ, здѣсь *Покидошь* играетъ для Суздальщины роль какого-то главнаго средоточія, подобно Кіеву на другой половинѣ Руси. Стало быть, городъ этотъ во всякомъ случаѣ былъ очень важенъ и потому мы обязаны уяснить его значеніе. М. П. Погоди нѣкогда получилъ отъ г. Меледина изъ города Семенова и помѣстилъ въ Москвитинѣ (1843 г., № 12, стр. 507 — 511) слѣдующія любопытныя о семъ дѣлѣ преданія: « Въ Нижегородской губерніи, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ города Семенова, есть село Владимірское, Люнда тожь. Близъ села, за полемъ красуется озеро Свѣтлое, изъ котораго вытекаетъ небольшой источникъ; на юго-западной сторонѣ отъ берегу озера вдетъ.... бугоръ, протягивающійся на нѣсколько сажень. Бугоръ этотъ, разсѣкаясь съ самой вершины небольшимъ углубленіемъ, которое къ низу дѣлается болѣе и болѣе, у самаго озера раздѣляется на два мыса.... Молва, не смотря на свои видоизмѣненія, твердитъ единогласно, что подъ этой горкой скрыто сокровище, ка-

кое едва ли гдѣ было и будетъ когда ни будь.... Чтожь это за окробище? Окружные жители это мѣсто считаютъ святышею, и ихъ благоговѣніе, издавна укоренившееся, не ослабываетъ, но усиливается: они утверждаютъ, что въ нѣдрахъ земли подъ этимъ бугромъ есть городъ и что въ немъ до нынѣ живутъ святыя люди. Знатоки изъ окрестныхъ жителей указываютъ приходящимъ даже части города. Подъ этими холмами, говорятъ они, городскія стѣны; въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается углубленіе, большія ворота въ крѣпость; подъ бугромъ на правой сторонѣ Соборъ Воздвиженія Честнаго Креста; подлѣ него Благовѣщенія Пресвятой Богородицы; подъ бугромъ на лѣвой сторонѣ Успенія Божіей Матери. Всѣ эти храмы точно такіе же, какъ Соборы этого имени въ Москвѣ, Ростовѣ, Владимірѣ, Муромѣ и Маломъ Кятижѣ, что на берегу рѣки Волги (Городца), потому, говорятъ они, что всѣ эти города и соборы построены однимъ великимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ (?). Городъ Великій Кятижъ, по ихъ словамъ, построенъ въ 6676 (1168) году; онъ гораздо болѣе Малаго Кятижа, занималъ 150 сажень въ длину и 100 сажень въ ширину. Въ 6743 (1235) году, продолжаютъ они, когда на святой Русѣ съ безчисленными полчищами явился неистовый Татарскій царь Батый, и разоривъ много городовъ, избивъ много православныхъ, огнемъ и мечемъ опустошивъ окрестныя селенія, приступилъ къ Мадому Кятижу, между великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ и свирѣпымъ Бусурманскимъ царемъ было кровопролитѣйшее сраженіе; много пролито Христіанской крови, много погибло храбраго воинства Русскаго. В. князь Георгій былъ разбитъ и скрылся оттуда въ Великій Кятижъ на Свѣтлоярое озеро. Жестокій Батый, овладѣвъ Малымъ Кятижемъ, искалъ в. князя, но понапрасну обыскавъ весь городъ, въ ярости сталъ предавать разнымъ мукамъ и вѣззаніямъ Городецкихъ жителей, желая выпытать отъ нихъ: куда скрылся Георгій. Многие были тяжело изувѣчены, многие замучены, не открывъ тайны: но одинъ изъ нихъ, какой-то Гришка Городня (по другимъ Гришка Кутерма), не вытерпѣвъ пытки, открылъ Батыю, что князь убѣжалъ оттуда въ Великій Кятижъ, и тамъ скрывается. Батый, обрадованный этимъ извѣстіемъ, наградивъ за доносъ измѣнника в. князю, со всеми полчищами неистовыхъ Татаръ выступилъ изъ Малаго Кятижа, приказавъ Гришкѣ указывать путь. В. К. Георгій, разбитый подъ Малымъ Кятижемъ и потерявъ тамъ большую часть войска, успѣлъ набрать его, а

потому вступилъ въ другой разъ въ сраженіе съ многочисленными врагами; однакожь послѣ храбраго сопротивленія не устоялъ противъ нихъ, былъ побѣжденъ и убитъ 4-го Февраля. Но сила Божія, говорятъ они, посмѣялась надъ злѣйшимъ врагомъ православныхъ и не допустила его завладѣть этимъ городомъ: онъ покрылся землею, для всѣхъ сдѣлался невидимымъ, и въ такомъ положеніи останется до пришествія Христова. — Люди благочестивые по временамъ... слышатъ тамъ радостный благовѣсть и звонъ Богослуженія, иногда видятъ огонь отъ горящихъ свѣчъ; при удареніи же солнечныхъ лучей озеро отражаетъ тѣни церковныхъ крестовъ, а вода въ немъ всегда колеблется безъ всякаго вѣтра. Рассказываютъ, когда-то одинъ пастухъ, заблудившись у этой горки, нечаянно попалъ въ это подземное жилище, и тамъ видѣлъ величественныхъ старцевъ. Проведши у нихъ ночь, вмѣстѣ съ ними вкусилъ ихъ хлѣба, который, по тому ли, что былъ чрезвычайно вкусенъ, а можетъ быть потому, что пастухъ былъ слишкомъ голоденъ, такъ ему понравился, что онъ утаилъ себѣ кусокъ его. Пришлецу изъ верхняго міра не хотѣлось оставлять жилища этихъ подземныхъ старцевъ, но святые не позволили ему оставаться у себя, потому что онъ попался къ нимъ нечаянно; а не по желанію. Возвратись въ свое поле, онъ посмотрѣлъ украденный хлѣбецъ; — но хлѣбецъ сдѣлался гнилушкою. За эту кражу можетъ быть онъ не могъ найти входа, когда послѣ хотѣлъ попасть туда. Наконецъ утѣряютъ, что и нынѣ многіе проходятъ туда невидимымъ, сокрытымъ отъ насъ входомъ, и что войдетъ туда всякій, кто только, непременно пожелавши быть тамъ, уйдетъ не сказавшись никому, забывъ все земное и не взявъ съ собою ничего — даже хлѣба (потому что ангелъ пропятаетъ тамъ всѣхъ), и кто не отходя отъ этого мѣста во все время будетъ проситься взойти въ эту святую обитель, хоть бы пришлось и умереть тутъ (что и случается). — Увлеченные рассказами стариковъ, окрестные жители и многіе изъ сосѣднихъ провинцій каждый годъ, начиная съ весны до самой осени, идутъ цѣлыми вереницами къ этому озеру, что у нихъ называется: *ходить на Китижъ Богу молиться*. Сборища эти особенно многолюдны на праздникъ Вознесенія, на Троицынъ день, на день Владимірскія иконы Божіей Матери, на день Петра и Павла; но собирается много и въ другіе, праздничные, воскресные и даже простые дни. Прежде приходили туда одни старообрядцы; но нынѣ много собирается и православныхъ.... — Богомольцы обыкновенно приходятъ туда на ночь; каждый садится

на берегу озера и, подкрѣпивъ свои силы чѣмъ нибудь съѣстнымъ изъ своей походной котомочки и заливъ Свѣтлояркой водицей, отправляется немедленно на молитву. Всѣ расходятся по разнымъ мѣстамъ: одни идутъ на гору, другіе остаются близъ горы и не подходятъ ближе къ озеру, иные устанавливаются вкругъ часовенки, тамъ выстроенной. Грамотные люди носятъ съ собою свой образъ и книгу, нарочно для того приготовленные; здѣсь вынимаютъ ихъ и начинаютъ читать, кто что захочетъ: кто псалтырь, кто каноны, кто что-то въ родѣ всенощной. Къ грамотнымъ людямъ мало по малу пристають неграмотные, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и около каждаго грамотнаго является толпа; — онъ читаетъ — толпа молится. Я не могъ узнать на вѣрное причины, для чего они раздѣляются на особенныя артели.... Мольбы продолжаются; наконецъ всѣ расходятся спать. Поутру обыкновенно съ благоговѣніемъ умываются святой водицей изъ Свѣтлояраго озера и пьютъ ее, какъ для исцѣленія отъ болѣзней, такъ и для предохраненія отъ тяжкихъ недуговъ души, соблазновъ міра и козней лукаваго; послѣ непродолжительной молитвы расходятся посмотрѣть, гдѣ находятся подземная обитель царствующихъ тамъ угодниковъ. Въ простые дни многіе приходятъ къ этому озеру, чтобъ послушать.... рассказовъ у пустынниковъ, которые пришедъ туда по усердію, выкапываютъ въ землѣ землянки, и по долгу живутъ тамъ, пропитываясь подаяніемъ отъ проходящихъ на молитву, изъ конѣ каждый ставитъ себѣ въ обязанность принести съ собою нѣсколько хлѣба, свѣчъ и денегъ. Тогда-то эти пустынники.... складываютъ цѣлыя повѣсти чудеснаго, какъ самовидцы, проходящихъ укладываютъ на ночь ближе къ озеру и заставляютъ ихъ вслушиваться, приложивъ уши къ землѣ. Увѣряютъ между тѣмъ, что тотъ больше услышитъ чудеснаго, кто больше имѣетъ усердія къ этой святынѣ,.... и что усердныхъ берегъ этого озера ночью убаюкиваетъ, качая ихъ, какъ дѣтей въ люлькѣ, что, говорятъ они, всѣ усердные люди чувствуютъ сами. Походя по горамъ и около озера, посидѣвъ у проповѣдниковъ Китижа, наслушавшись рассказовъ какъ объ этомъ Китижѣ, такъ и о другихъ чудесахъ окрестныхъ мѣстъ, набравши въ стеклянки воды изъ Свѣтлояраго озера на домашнее употребленіе, оканчиваютъ тѣмъ свои подвиги и той же дорогой возвращаются домой *).

*) Напечатано съ выпускомъ тѣхъ мѣстъ, кои не относятся къ преданію народному, а выражаютъ только мнѣнія г. Меледина.

частью о *Китижъ-Большомъ*, а *Малыѣ* упомянуть лишь вскользь. Замѣтимъ, что народъ, нѣтъ быльи и разсказа г. Меледина, признаютъ нынѣ обыкновеннѣе не *Кадинъ*, *Квадошъ* или *Китижъ*, а «*Китѣжъ*». Въ послѣднее время занимался этимъ преданіемъ Н. С. Киселевъ. Вотъ что, между прочимъ, сообщилъ онъ намъ изъ своей недавней поѣздки къ тѣмъ мѣстамъ: «На пути изъ Нижняго въ деревню, случилось мнѣ нанастъ на преданіе о *Китежахъ* и убѣдиться хотя въ томъ, что оно въ вѣрованіи мѣстныхъ жителей (большую частью старообрядцевъ) живеть и передается изъ рода въ родъ, и устно, и письменнѣ. Когда едержатель постоялаго двора въ деревни *Гумнашакъ*, гдѣ я вѣнналъ лошадей, на вопросы мои перечекая помѣстья, въ которыхъ уже побывали владѣльцы, назвалъ *Городецъ*, я только далъ ему время выговорить имя помѣщика (графа Панина) и перебилъ его рѣчь вопросами другаго рода. *Городецъ* дѣйствительно оказался мѣстомъ *Малаго Китежа*; и, какъ только у меня невольнѣ вырвалось слово *Китежъ*, въ отвѣтъ на слово—*Городецъ*, Иванъ Степановичъ (имя дворника) забылъ, какъ вѣя, о помѣщикахъ, объ уставныхъ грамотахъ, совершенно переѣнналъ складъ рѣчи и началъ адѣтно—привычнымъ, мѣрнымъ складомъ, словами преданія, разсказывать о построеніи *Китежей*; о чудесномъ спасеніи *Большаго Китежа* отъ разгрома его *Татарскимъ царемъ Батыемъ*, во убиеніи святаго благовѣрнаго князя *Георгіа*; о додзвонной непрекращающейся жизни, подъ берегомъ озера *Свѣтлосараго*; о звонѣ, раздающемся съ невидимыхъ колоколемъ; о горящихъ свѣчахъ, огни которыхъ видятся людьми набожными въ вѣчно колыхающихся водахъ чудеснаго озера; о стройномъ и вѣнн невидимаго являра благочестивыхъ старцевъ, населяющихъ подземную обитель и всегда готовыхъ принять въ свое братство новыхъ пришельцевъ. И все это передавалъ онъ съ полною вѣрою и убѣжденіемъ, не допускающимъ въ немъ и тѣни сомнѣнія. Когда же, окончавъ историческую часть разсказа, онъ вспомнилъ, что говорилъ жителю столичному, хотя и внимательному слушателю, но—предполагается—слабому въ вѣрѣ, то онъ какъ бы почувствовалъ необходимость подтверждать разсказъ свой источниками и сказалъ, что это знаетъ не онъ одинъ, что, кромѣ малвы, ему читалъ это его дядя въ *книгѣ*; а въ *книгахъ* дядя его зналокъ и пустяковъ читать бы не сталъ. Потомъ, въ видѣ поученія, онъ прибавилъ: «Чтобы сподобиться видѣть и слышать эти чудеса, крикая вѣра нужна! Безъ истинной

вѣры только по пустому проходить. Вотъ хотъ, для примѣра, отъ насъ то же, подъ Городецъ, къ *крестовой соснѣ* (на валу бывшаго Малаго Китежа) ходять; тамъ, гдѣ старый городъ былъ, остался валъ; мѣсто зовется *Кресты*; у самаго этого мѣста, — сосна съ явленнымъ образомъ Божіей Матери; такъ богомольцы ходять туда и, изъ усердія, подъ сосну свѣчи кладуть: чья свѣча съ вѣрой принесена, та затеплится и за ночь сгоритъ передъ иконой, а другія, — хотъ домой неси: годъ пролежать, а цѣлы останутся. А отчего такъ? — вѣры мало. » — *Городецъ* не болѣе семи верстъ отъ Гумнищъ и видѣнъ изъ нихъ на противоположномъ берегу Волги, какъ на ладони. » — *Книга*, на которую ссылался Иванъ Степановичъ, вѣроятно была такая же точно рукопись, какую удалось отыскать и приобрѣсть Н. С. Киселеву; пользуясь его дозволеніемъ, мы спѣшимъ перепечатать отсюда любопытное преданіе, дополняющее народныя разсказы:

« Книга глаголемая Лѣтописецъ, въ лѣто 6676 ¹⁾ мѣсяца Сентября въ 5 день, Георгія Всеволодовича.

Бѣ сей святой благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычъ сынъ святому благовѣрному князю Всеволоду, а во святомъ крещеніи нареченъ бысть Гавріилъ Псковскій Чудотворецъ. Сей святой благовѣрный и великій князь Всеволодъ сынъ бѣ великому князю Мстиславу, вѣнукъ же святому и равноапостольному великому князю Владимиру Кіевскому самодержцу Рускія земли, святой же благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычъ правнукъ святому благовѣрному и великому князю Владимиру. Святой же благовѣрный и великій князь Всеволодъ первѣе княжи въ Великомъ Новѣградѣ; егда же бысть во время, возропташа Новгородцы на нѣ и рѣша сами съ собою промежь себя, « яко князь нашъ не крещенъ сый владѣеть же нами крещенными. » Совѣтъ же сотвориша и придоша къ нему и изгнаша его вонъ. Онъ же приде въ Кіевъ, къ дяди своему Ярополку и сказа ему все по ряду, за что изгнанъ бысть Новгородцы; онъ же слыша отъ него и вда ему Выпшъ-градъ; и ту молимъ бысть Псковичи княжити у нихъ, и приде къ нимъ во градъ и по времени воспрія благодать святаго крещенія, и нареченъ бысть во

1) 1168; въ рукописи счетъ, разумѣется, славянскими буквами; разставляемъ знаки препинанія и соблюдаемъ нынѣшнее гражданское правоисаніе.

святѣмъ крещеніи Гавріилъ и пребысть въ великомъ пощеніи и воздержаніи, и пребысть лѣто едино, въ вѣчный покой преставися, его же возлюби, въ лѣто 6646 (1138), мѣсеца Февраля въ 14 день, и погребенъ бысть съ сыномъ его благовѣрнымъ и великимъ княземъ Георгіемъ, и быша чудеса многа отъ святыхъ мощей его. Сей святой благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычъ, по преставленіи отца своего, пребысть на мѣстѣ его по умоленіи Псковичи. Бысть же сіе въ лѣто 6671 (1163), изволи святой благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодычъ ѣхать къ благовѣрному и великому князю Михаилу Черниговскому. Егда же приде къ благовѣрному князю Михаилу, тогда благовѣрный Георгій поклонися благовѣрному князю Михаилу и рече ему: «Здравъ буди, благовѣрный и великій князь Михаиле, на многа лѣта, сіяй благочестіемъ и вѣроу Христовою, во всемъ уподобися прадедомъ нашимъ и прабабѣ нашей, благовѣрной и великой княгинѣ Христолюбивой Ольгѣ, иже обрѣте себѣ сама избраннаго и честнаго бисера Христа и вѣру Его Святыхъ Отецъ, и благовѣрному Христолюбивому прадеду нашему царю Константину.» И рече ему благовѣрный и великій князь Георгіе Всеволодычъ ²⁾: «Что приде ко мнѣ—съ благимъ совѣтомъ и не съ завистнымъ окомъ? что бо приобрѣте отъ зависти дѣдъ нашъ Святополкъ, иже восхотѣ владѣти градами, и уби братій своихъ благовѣрныхъ и великихъ князей Бориса и Глѣба, изъ нихъ князя Бориса повелѣ копіемъ пробости, Глѣба же ножемъ заклати, въ лѣта княженія ихъ? оболсти бо ихъ дестію и совѣтомъ сатанинымъ, яко мати при смерти есть наша, они же, яко незлобивыя агнцы, уиодобшася Благому Пастырю своему Христу, не сопротивъ сташа врагу своему брату. Господь же прослави святыхъ своя угодники, благовѣрныхъ князей и великихъ чудотворецъ Бориса и Глѣба.» И даша цѣлованіе промежъ себе сани, и прадрно-ваша духовно, и, веселившася, и рече благовѣрный и великій князь Георгій къ благовѣрному князю Михаилу: «Дажь ми грамоту въ Русіи нашей по градомъ церкви Божіи строити, тако же в грады.» И рече ему благовѣрный и великій князь Михаилъ: «Яко же хочеши, тако и сотвориши, еже создати церкви Божія въ славу и хвалу Пресвятому имени Его Божію; и за сіе доброе твое изволеніе мзду примеши въ день пришествія Христова.» И пировавше многи дни, и егда изволи благовѣрный князь Георгій ѣхати во свое мѣсто, тогда благовѣрный

2) .Ошибка вмѣсто «Михаилъ.»

князь Михаилъ повелѣ грамоту написать в свою руку приложить къ грамотѣ. И егда благовѣрный князь Георгій поѣха въ свое отечество и градъ, тогда благовѣрный князь Михаилъ съ великою честью отпускаше его и провождаше, и егда бысть оба князи на пути, и поклонистася другъ другу, и цѣловаше другъ друга на пути, и въда ему благовѣрный князь Михаилъ грамоту. Благовѣрный же князь Георгій взя грамоту у князя Михаила и поклонися ему, тогда и той противу ему. И ѣха въ путь свой по градомъ. И егда пріѣха въ Новъ-градъ, повелѣ строити церковь во имя Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, въ лѣто 6672 (1164). Изъ Нова-града поѣха во Псковъ градъ свой, идѣже преставися отецъ его, благовѣрный и великій князь Всеволодъ, а во святомъ крещеніи Гаврилъ, Новгородскій и Псковскій Чюдотворецъ. И поѣха изъ Пскова града къ Москвѣ, и по семъ въ Москвѣ повелѣ строити церковь, во имя Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, въ лѣто 6672. Поѣха съ Москвы въ Переславль Загъской, а изъ Переславля града въ Ростовъ градъ: въ то же время бысть въ Ростовѣ градѣ великій князь Андрей Боголюбскій, и повелѣ князь Георгій во градѣ томъ Ростовѣ церковь строити во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, въ лѣто 6672, мѣсяца Маія въ 23 день, во дни великаго князя Андрея Боголюбскаго; и повелѣніемъ же и совѣтомъ благовѣрнаго князя Георгія начаша рыи копати на основаніе церкви, обрѣтоша мощи лежаща святителя Христова Леонтія Епископа Ростовскаго Чюдотворца, иже обрати въ Ростовѣ градѣ люди въ вѣру Христову и крести ихъ отъ мала и (до) велика. И возрадоса радостію великою благовѣрный князь Георгій, прослави Бога, давшаго ему таковое многоцѣнное сокровище, и отпѣ молебень святителю Христову Леонтію, и повелѣ ѣхать Андрею князю Боголюбскому во градъ Муромъ, и строити во градѣ Муромѣ церковь во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, славнаго Ея Успенія. Самъ же благовѣрный князь Георгій поѣха изъ града Ростова и пріѣха во градъ Ярославль, что на берегу Волги рѣки стоятъ, и сѣде въ стругъ, и поѣха на низъ по Волгѣ, и пріѣха и приста къ берегу въ Малый Китежъ ³⁾, что на берегу Волги стоятъ, и построи

3) Городецъ (версть 20 отъ Балахны, вверхъ по Волгѣ, на противоположномъ берегу).

его; и начаша его молити вси людіе града того, благовѣрнаго князя, чтобы образъ чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровскія виесть бы во градъ къ нимъ; онъ же по прошенію ихъ исполни. началъ пѣти молебень Пресвятѣй Богородицѣ, и егда сконча, восхотѣ образъ той нести во градъ, образъ же той не пойде съ мѣста того, ни мало не поступи; видѣвъ же благовѣрный князь Георгій изволенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ сама изволи мѣсто себѣ, и на томъ мѣстѣ повелѣ построить монастырь во имя Пресвятыя Богородицы Феодоровскія. Самъ же благовѣрный князь Георгій поѣха съ мѣста того сухимъ путемъ, а не по водѣ, и прѣѣха рѣку именовъ Узолу ⁴⁾, и вторую именовъ Санду ⁵⁾, и третію рѣку вѣѣха именовъ Санахту ⁶⁾, и четвертую рѣку прѣѣха именовъ Керженецъ ⁷⁾, и прѣѣха къ езеру именовъ Свѣтлояру; видѣ мѣсто то вельми прекрасно и многочудно, и по умоленію ихъ повелѣ благовѣрный князь Георгій Всеволодичъ строити на берегу езера того Свѣтлояра градъ именовъ Болшій Китежъ ⁸⁾; бѣ бо мѣсто то вельми прекрасно, на другомъ же брегѣ езера того роща дубовая. — Совѣтомъ же и повелѣніемъ и благословеніемъ благовѣрнаго и великаго князя Георгія Всеволодича начаша рыи копати, и утвердиша мѣсто, начаша класти церковь во имя Воздвиженія Честнаго и Живоворящаго Креста Господня, вторую же церковь во имя Пресвятыя Богородицы Успенія, третію же церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи; въ тѣхъ же тріехъ церквахъ повелѣ предѣлы дѣлати нимыи праздникомъ Господскимъ и Богородичнымъ, также и образы вѣсми святымъ написати повелѣ, и градъ той Болшій Китежъ на сто сажень въ длину и въ ширину, и бысть первая мѣра мало мѣста, повелѣ же благовѣрный князь Георгій еще на другое сто сажень прибавити въ длину, и бысть граду тому въ длину двѣсти сажень, а въ ширину сто и пятьдесятъ сажень. Начаша градъ той каменны строити въ лѣто 6673 (1165) мѣсеца Маія въ 1 день, на память святаго пророка Еремія (и) иже съ нимъ, строиша градъ той три лѣта и построиша его въ лѣто

4) Притокъ Волги.

5) Притокъ Лыны, впадающей въ Волгу.

6) Притокъ Керженца.

7) Притокъ Волги.

8) Близъ села Владимірскаго, на рѣкѣ Люндѣ, текущей въ Ветлугу; по имени рѣки и села также называется Люндой, около 100 верстъ отъ Городца.

6676 (1168) мѣсяца Сентября въ 30 день, на память святаго священно-мученика Григорія великія Армены и иже съ нимъ, и поѣха въ Малый Китежъ, что на берегу Волги рѣки стоитъ, благовѣрный князь Георгій Всеволодичъ. И по построеніи градовъ тѣхъ Малаго Китижа и Большаго, повелѣ переобрѣтать поприща, коль много межъ собою разстояніемъ ишѣютъ поприща, и намѣряша сто вереть; благовѣрный же князь Георгій Всеволодичъ, слышавъ сія отъ нихъ, воздаде славу Богови и Пресвѣтѣй Богородицѣ; повелѣніемъ же благовѣрнаго князя написаша книгу Лѣтописецъ; самъ же благовѣрный и великій князь Георгій Всеволодичъ повелѣ всю службу отслужить и молебень пропѣть Пресвѣтѣй Богородицѣ Феодоровской и по совершеніи службы той поѣха, въезде въ стругъ свой, (въ) прежереченый свой градъ Псковъ. людіе же проводима его съ великою честію и цѣловавша его отпустиша. Благовѣрный же князь Георгій Всеволодичъ, егда пріѣха во градъ свой ирежереченый Псковъ, многи дни пребысть въ молитвѣ, въ пощеніи и бдѣніи; и многи милостыни ⁹⁾ нищимъ и вдовицамъ сирымъ; по построеніи же градовъ тѣхъ поживе лѣтъ 75. Бысть же въ лѣта 6751 (1243) попушеніемъ Божинимъ, грѣхъ ради нашихъ, прииде на Русь воевать нечестивый и безбожный царь Батый, и раззоряше грады и огнемъ пожигаше, людіе же мечю предаваше, а владенцевъ ножемъ закалаше, владыкъ же дѣвъ блудомъ сквернаше, и бысть плачь велий. Благовѣрный же князь Георгій Всеволодичъ, сія слышавъ, плакаше горкимъ плачемъ и помолися ко Господу и Пречистѣй Богоматере, собра воя своя, поиде противу нечестиваго царя Батыя съ воя своими, и егда сразвшася воя обон вкупѣ, и бысть сѣча велия и кровопролитія; тогда у благовѣрнаго князя Георгія бысть мало воя и побѣже благовѣрный князь Георгій отъ нечестиваго царя Батыя въ низъ по Волгѣ, въ Малый свой Китежъ, и много брався благовѣрный князь Георгій съ нечестивымъ царемъ Батыемъ, не пушай его во градъ свой; егда же бысть ночь, тогда благовѣрный князь Георгій изыде тайно изъ града того въ Большой свой градъ Китежъ. На утрин же воста той нечестивый царь на градъ той съ воя своими, приступи приступомъ и взя его, и всѣхъ поруби людей во градъ томъ. И не обрѣте благовѣрнаго князя Георгія во градъ томъ, и нача мучити челоуѣка во градъ (томъ) и той челоуѣкъ, не могій мукъ терпѣти, и повѣда ему путь, и той иже нечестивы гнаше

9) Дале, раздале.

всѣдъ, и егда прише къ граду тому, нападе на градъ той со множествомъ вой своихъ. И взя той градъ Большой Китежъ, что на берегу езера Свѣтлояра, и уби благовѣрнаго князя Георгія мѣсяца Февраля въ 4 день. И поѣха изъ града того нечестивый царь Батый, и послѣ его нечестиваго царя Батыя взяша мощи благовѣрнаго князя Георгія Всеволодича. И послѣ раззоренія того запустѣша грады тѣ, Малый и Большой Китежъ, Малый Китежъ — что на берегу Волги стоитъ, Большой же Китежъ — что на берегу езера Свѣтлоярскаго. И не видимъ будетъ Большой Китежъ даже до пришествія Христова, яко же и въ прежнія времена бысть сіе, яко же свидѣлствуютъ житія святыхъ отецъ: Мановасійскій ¹⁰⁾ и патерикъ Скидкій и патерикъ Азбучный и патерикъ Иеросалимскій и патерикъ Святыя Горы, яко же сія святая книга согласна и въ нихъ писаны житія святыхъ Отецъ. И сокровенныя обители не одна, но многи монастыри, и въ тѣхъ монастырѣхъ много множество бысть святыхъ Отецъ, яко звѣздъ небесныхъ просіявшихъ житіемъ своимъ, и яко песка морскаго, невозможно предати и вся писанію списати. О нихъ же провидя Духомъ Святымъ блаженный пророкъ царь Давидъ удивляяся вопіеть, въ богодухновенной псалтыри глаголетъ: праведникъ яко финикъ процвѣтетъ и яко кедръ иже въ Ливанѣ умножится, насаждени въ дому Господни во дворѣхъ Бога нашего процвѣтутъ; и еще той же пророкъ царь Давидъ вопіеть: мнѣ же зѣло честна быша друзи Твои, Боже, зѣло утвердишася владычества ихъ, изочту ихъ, паче песка умножатся. О сихъ же провидя Духомъ Святымъ блаженный Апостолъ Павелъ въ посланіи книги своєю глаголетъ: провдохомъ во овчинахъ, въ козлиныхъ кожахъ, лишени, скорблице, озлобленіи, ниже не бѣ достоинъ весь міръ. Сего же слово святой Іоанъ Златоустъ въ поученіи своемъ глаголетъ въ недѣлю седьмую поста; то же слово приводитъ къ нимъ святой Анастасій горы Синайскія глаголетъ, и преподобный отецъ нашъ Иларіонъ Великій отъ святыхъ пишетъ: такожде убо въ послѣдніе дни и времена будетъ сіе, что грады и монастыри сокровенныя будутъ; яко же антихристъ царствовати начнетъ въ мірѣ, тогда побѣгутъ въ горы и въ пропасти земныя, челолюбивый же Богъ не оставитъ хотящаго спастися отъ усердія и умиленія и слезъ, все челоубку Богъ строитъ; самого Спасителя усты глаголаше въ пресвятомъ Евангеліи, рече.

10) Мановасійскій.

яко же вся ищущему и хотящему спастися дасться. И по убіенію святаго и благовѣрнаго и великаго князя Георгія Всеволодича и по погребеніи честныхъ мощей его, въ лѣто 6752 (1244), прииде той царь Батый въ Русское царство, и поиде же противу царя Батыя благовѣрный князь Михайлъ Черниговскій съ бояриномъ своимъ Феодоромъ, и егда сразишася воя обомъ вкупѣ, и бысть кровопролитіе велие, и уби той нечестивый царь Батый благовѣрнаго и великаго князя Михайла Черниговскаго, и съ бояриномъ его Феодоромъ, въ лѣто 6753 (1245) мѣсяца Сентября въ 20 день; и послѣ убіенія благовѣрнаго князя Михайла во 2-е лѣто и уби благовѣрнаго князя Меркурія Смоленскаго той нечестивый царь Батый въ лѣто 6755 (1247) мѣсяца Ноября въ 24 день; и бысть запустѣніа Московскаго царства, и прочихъ градовъ, монастырей и того Большаго Китежа въ лѣта 6756 (1248). Аще ли же который человекъ общается итти въ него, а не ложно отъ усердіа своего постытися начнетъ, и поидеть въ него и общается тако, аще и голодомъ умреть, а не изыти изъ него, аще ныи многи смерти претерпѣти, аще и смертію умрети, виждь, яко спасаеть Богъ такового человека: яко и стопы его вся изочтены и записаны будутъ Ангеломъ, на путь спасенія поиде. Яко же свидѣтельствуеть о семъ книги патерикъ Скицкій: бысть нѣкоторый отецъ, обрати нѣкую блудницу отъ братіа, блудница же поиде съ нимъ въ монастырь и прииде предъ враты монастыря того и умре и бысть спасена; и вторая такожде изыде въ пустыню со отцемъ и умре и приаша Ангели душу ея и возведоша на небо. Тако и той человекъ, аще случится и умрети по Божественному писанію, разсудися бѣжи бо той подобно сему духовному писанію бѣжа ¹¹⁾ отъ блудницы Вавилонскія темныя и скверныя, міра сего; яко же святыи Іоанъ Богословъ во Откровеніи книги своей написа о послѣднемъ времени, глаголетъ, яко жена сѣдя на звѣрѣ седниглавномъ нага и бестудна, въ рукахъ своихъ держитъ чашу, полную всякіа скверны и смрада наполненну, и подаетъ въ мірѣ живущимъ, любящимъ всѣмъ ея, первѣе патріархомъ, царемъ и княземъ и воеводамъ и всякимъ властемъ, и богатымъ и всякимъ людемъ, въ мірѣ семъ суетномъ любящимъ сласти ея; а ежели хотящимъ и желающимъ спастися, подобаеть бѣжати міра и сластей его, вся убо Господь приемлетъ къ Нему приходящія съ радостію и при-

11) «Разсудится подобно сему духовному писанію, бѣжа бо той,» и проч.

зываетъ. Но яко убо силы на небесѣхъ не видятъ лице Божіе, и егда грѣшникъ на земли покается, тогда ясно зрять лице Христово вся силы небесныя и открытца слава Божія Его, и видятъ лице Его, единыя убо (ради) души грѣшныя кающіяся радость бываетъ на небесѣхъ всѣмъ силамъ небеснымъ и всѣмъ святымъ Его, а силы убо Ангели и Архангели, Херувимы и Серафимы, Начала, Власти и Господствія, и Святыя сія суть Пророки и Апостоли и Святыя Святители и Преподобныя и Праведныя и Мученики и Мученицы и вси Святіи, единого (ради) грѣшнаго бываетъ радость всѣмъ силамъ небеснымъ и всѣмъ Святымъ его, а не хотящаго, ни тщащагося, не нищцаго, ни желающаго получить спасенія, того не нудятъ Господь нужею и неволею, но по усердію и по произволенію сердца все строятъ Господь человекѣу, егда кто неразвоеннымъ умомъ и вѣрою несумиѣнною общается и помышляти начнетъ ничто же суетно въ себѣ, ниже возвратитися вспять, ни повѣдати ни отцу, ни матери, ни сестрамъ, ни братіямъ; и таковому Господь открыеть и управитъ Господь въ таковое благоутишное пристанище, молитвами Преподобныхъ Отець нашихъ онѣхъ, иже трудятся день и ночь непрестанно, отъ устъ молитва яко кадило благоуханно, молятся о хотящихъ спастися истиннымъ сердцемъ, а не ложнымъ общаніемъ, о которыхъ хотящихъ спастися молятся, дабы которой человекъ обратился къ нимъ, и аще кто откуду обратится, таковаго приемятъ съ радостію, яко Богомъ наставляема и хотящаго итти въ таковое мѣсто свято, чтобы никакова помысла не имѣть лукава и развращенна и мутящаго умъ и отводящаго отъ мѣста онога человекѣа того, хотящаго итти. Но убо велии блюдиися опасно мыслей злыхъ, хотящихъ разлучити отъ мѣста того, и не помышляти сѣмо и овамо, и таковаго управитъ Господь человекѣа на путь спасенія, или извѣщеніе пріидеть ему изъ града того или изъ монастыря того, иже сокровенны бяху оба, градъ же и монастырь. Есть бо Лѣтописецъ книга о монастыри томъ. На первое слово возвратимся. Аще ли пойдетъ и мыслити начнетъ сѣмо и овамо, и поидеть—начнетъ славити вездѣ, и таковому закрываетъ Господь, но покажетъ ему лѣсомъ и пустынь мѣстомъ, не живущимъ, и ничто же таковой получить себѣ, но токмо трудъ его всеу будетъ и соблазнъ и поносъ и укорь ему будетъ, и за сіе отъ Бога казнь прииметь здѣ и въ будущиимъ вѣкѣ осужденіе и тму кромѣшную, иже таковому святому мѣсту поругася, иже на конецъ вѣка сего чудо яви: невидимъ градъ бысть, яко же и въ прежніи времена бысть

много монастырей невидимыхъ, иже писана въ житіи Святыхъ Отець, и тако пространнѣе узриши. Тако и сей градъ Большой Китежъ невидимъ бысть и покровень бысть рукою Божію, иже на конецъ вѣка сего многоматежнаго и слезамъ достойнаго покры Господь той градъ дланію Своею, и невидимъ бысть по ихъ моленію, прошенію, иже достойнѣе и праведнѣе тому припадающихъ, иже не узрять скорби и печали отъ звѣря антихриста, токмо о насъ печалуютъ, день и ночь о отступленіи нашемъ къ Богу. Запустѣніе же града того повѣдаютъ отцы, слышавше отъ прежде бывшихъ отецъ, по раззореніи градовомъ, по стѣ лѣтѣхъ послѣ нечестиваго и безбожнаго царя Батія, раззора бо всю ту страну Заузоольскую, и села и деревни огнемъ пожже, и лѣсомъ порасте вся та страна Заузоольская, и съ того времени невидимъ бысть градъ той и монастырь. Сію убо мы книгу Лѣтописецъ написали въ лѣто 6659 (1151), уложили соборомъ и предали Святѣй Божіей церкви, на увѣреніе всѣмъ православнымъ христіаномъ, хотящимъ прочитати или послушати, а не поругатися сему Божественному писанію; аще ли же которыи чловѣкъ поругаетца или посягнетца нами преданному сему писанію, да вѣсть таковой, то не намъ поругается, но Богу и Пресвятѣй Его Богоматери Владычидѣ нашей Богородицѣ и Присно-Дѣвѣ Маріи, въ немъ же славится и величается и именуется имя Ея, Матерь Божія; тѣмъ же и Она соблюдаетъ и хранитъ и покрываетъ дланію Своею и молится за нихъ къ Сыну Своему глаголющи: « Не презри, Сыне Мой любезный, моленія Моего, иже кровь Свою излія за весь міръ, тѣмъ же и сихъ помилуй и сохрани и соблюди призывающихъ имя Твое съ вѣрою несумнѣнною и чистымъ сердцемъ; » тѣмъ же и Господь покры ихъ Своею рукою. Иже мы написали и уложили и предали, къ сему нашему удоженію ни прибавити, ниже всяко премѣнити ни едину точку или запятую; аще кто прибавитъ или убавитъ или всяко премѣнитъ, да будетъ по Святыхъ Отець преданію подѣ заурешеніемъ, иже предавшихъ и утвердившихъ; аще кому не вѣрно мнится, то прочти прежде бывшихъ житія Святыхъ Отець, и увѣсть, яко много въ прежняя времена было сего. Слава иже въ Троицѣ славному Богу и Пресвятѣй Его Богоматере, соблюдающихъ и хранящихъ иѣсто оно всѣмъ Святымъ, аминь. » Рукопись эта, позднѣйшаго полуустава, заключаетъ въ себѣ очевидно, уже помно содержанія, а по одному даже лѣтосчисленію, не исторію, а народныя преданія; ея позднее происхождение обличается между прочимъ старообрядческими на концѣ встав-

ками объ антихристь. Она конечно моложе всякаго возможнаго Лѣтописца и возникла независимо, въ сторонѣ отъ него; но она иногда называетъ себя Лѣтописцемъ, иногда же ссылается на мѣстный Лѣтописецъ: и дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть лѣтосчисленіе, хотя и спутанное, тамъ замѣтны выписки изъ Лѣтописца. Приводя изъ него отрывки какъ основу, это позднѣйшее сочиненіе, повинуваясь народнымъ преданіямъ, проводитъ по ней своеобразные узоры и создаетъ цѣлую поэму, которая, съ помощію приведенныхъ выше народныхъ разсказовъ, является намъ въ образахъ довольно оконченныхъ и полныхъ. Былины времени Владимірова кончаютъ свое время указывая на Китежъ и выводя на сцену Суздальщину, какъ страну исторіи, послѣдовавшей для Руса Великой за первымъ Кіевскимъ періодомъ. Съ другой стороны приведенныя сейчасъ преданія, родясь съ преданіями многихъ народовъ о пропавшемъ подъ землею городѣ, о шумѣ и колокольномъ звонѣ подъ водою, восходятъ такимъ образомъ во времена доисторическія. Первый же шагъ сложившейся исторіи начинается здѣсь тою связію, которою Георгій связанъ съ Владиміромъ Святославичемъ, какъ его правнукъ. Послѣ такого начала, какбы зажегши преемственный огонь свѣтильника отъ Кіева, выступаютъ на сцену Суздальщина, въ обширномъ смыслѣ, въ княженіяхъ Владимірскомъ и Московскомъ: ей-то и отданъ весь главный разсказъ. Но разсказъ, сложенный творчествомъ въ родѣ былины, переходитъ ко времени Татарскому и заключаетъ княжескій періодъ Суздальщины точно также и на той же ступени, какъ заключился періодъ Кіевскій,—съ одной стороны построеніемъ церкви и спускомъ подъ землю, а съ другой—замыраніемъ среди Татарщины; при этомъ очевиденъ переходъ былеваго творчества къ Стихамъ, во вставленномъ разсказѣ о Борисѣ и Глѣбѣ, въ самой роли Георгія, который разѣзжаетъ по Суздальщинѣ, строя церкви, совершенно также, какъ знаменитый Егорій Храбрый. Потому относительно Суздальщины это рѣшительно то же самое, что для Кіевского періода былины—о гибели витязей, объ Аникѣ Воинѣ, и т. п. Когда мы перейдемъ къ пѣснямъ Княжескимъ, намъ нужно будетъ еще разъ возвратиться къ подобнымъ преданіямъ.

Что касается до *времени*, къ которому относятся *событія*, воспѣваемая въ былинахъ Кіевскихъ, до содержанія, развитаго на очерченной ими мѣстности, то здѣсь видно нѣсколько слоевъ. Это а) событія изъ времени доисторическаго, языческаго, стихійнаго, ко-

чеваго; они, какъ мы знаемъ, большею частію перенесены отрывками и бѣглыми чертами къ образамъ богатырей Владиміровыхъ, иногда совсѣмъ почти стерлись здѣсь или поблѣднѣли, оставивши только слѣды, иногда же, передъ взоромъ науки и средствами ея, вскрываются изъ подъ оболочки позднѣйшей довольно успѣшно и рисуютъ намъ эпохи *крайне отдаленныя, общеславянскія, общенародныя, даже самыя первоначальныя для человечества*; послѣднее случается обыкновенно тамъ, гдѣ образы Кіевскихъ богатырей не совсѣмъ опредѣленны и выразительны, не вполне представительны для новаго порядка вещей, а потому даютъ мѣсто стихіямъ прошлаго, вставкамъ изъ эпохи иной. — б) Всего больше сгущаются и такъ казаться плотничаютъ черты доисторическія и стихійныя въ богатыряхъ Старшихъ, которые съ одной стороны прямо обломкомъ минувшей древности, а съ другой приближаются уже къ эпохѣ исторической, къ началу положительной Русской исторіи, составляя переходъ съ одного берега на другой, отчаянно борясь на этомъ первобытномъ мосту и большею частію погибая передъ лицомъ началъ новыхъ. Въ нихъ — время по преимуществу *переходное*, не столько отдаленное, сколько уже приближающееся къ исторіи. — в) За снѣмъ наступаетъ время *историческое*, сперва въ началкахъ, вѣроятно еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до исторіи положительной и письменной, до Владиміра, до Христіанства, до первыхъ лѣтописей. Старшая изъ уцѣлѣвшихъ лѣтописей, Несторова, восходитъ еще къ этимъ началкамъ и на первыхъ страницахъ своихъ вставляетъ обрывки народныхъ преданій и былаго творчества, сперва безъ годовъ, а потомъ вводя ихъ мало по малу въ нить историческаго повѣствованія, въ наброшенную сѣтъ лѣтоисчисления. Кромѣ явной вставочности этого рода разсказовъ, рѣзко отдѣляющихся отъ историческаго повѣствованія и въ началѣ поставленныхъ даже безъ годовъ, самый языкъ ихъ дышетъ творчествомъ былевымъ. Таковы преданія и разсказы: о Волхахъ (Кельтахъ), нашедшихъ на Дунайскихъ Славянъ и вытѣснившихъ ихъ съ Дуная; о прозваніяхъ Славянъ по мѣсту, гдѣ они сѣли, при чемъ древнѣйшее словопроизводство именъ всегда связано съ былевымъ творчествомъ; о приходѣ Андрея и о томъ, что видѣлъ онъ въ Новгородскихъ баняхъ; преданіе, родственное съ прочими Славянскими, о трехъ братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди, откуда будто бы городъ Кіевъ, горы Щековница и Хоревница, рѣка Лыбедь;

особенно о Кіевѣ, о которомъ уже во времена Нестора ходило нѣскольکو сказаній, связанныхъ съ словопроизводствомъ («на перевозъ на Кіевъ»), такъ что Несторъ выбираетъ болѣе вѣроятное и обсуживаетъ; о томъ, какъ Обры (Авары) насильовали Славянъ, возвратившихся къ Дунаю, особенно Дулѣбовъ, впрягая ихъ, даже женъ, но нѣскольکو въ тѣлги и аставляя возить Обрина (разсказъ, повторенный отчасти въ исторіи Романа касательно Литвы); при этомъ сохраненъ и образъ Аваровъ, и притча объ нихъ: «быша бо Обръ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помрша вси (дѣйствительно, почти все истреблены Славянами), и не остася ни единъ Обръинъ. Есть притча въ Русь и до сего дне: «погибоша аки Обръ.»» Далѣе о томъ, какъ братья Ватко и Радимъ, эпические герои, къ которымъ всякое, и между прочимъ Славянокъ, творчество любятъ возводить происхожденіе племенныхъ вѣтвей, вышли изъ Ляховъ, сѣли на Окъ, а отъ нихъ пошли Вятичи и Радимичи (въ родѣ того, что мы знаемъ изъ былинъ о братьяхъ королевичахъ изъ Кракова или братьяхъ Збродовичахъ, передовыхъ лицахъ подвигавшагося съ юго-запада переселенія); какъ Козаре прилазили собирать дань съ Полянъ, а Поляне вручили имъ «отъ дыма (каждой избы, которая имѣетъ семейный очагъ и топится) мечъ;» и говорятъ старцы, начальники вѣча Козарскаго, своему князю: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ (добыли нашу добычу) оружемъ одною стороною, режше (то есть) саблями (отличавшими восточныхъ выходцевъ и кочевниковъ), а съихъ оружіе обоюду остро, режше мечъ; си имуть имати (они имѣютъ, будутъ брать) дань на насъ и на ихъхъ страцахъ.» «Се же, — прибавляетъ Несторъ, — сбысться все: не отъ своая воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья (такова сила слова въ эпоху бызаваго творчества, слова, вдохновляемаго божествомъ, пророческаго, и Козары, мы знаемъ, зашли въ былинны подъ страшнымъ образомъ Жидовина). Все эти сказанія стаятъ у Нестора еще вѣтъ сѣтъ годовъ, а потому по времени относятся отъ лѣтоисчисленія къ пяти, шести вѣкамъ назадъ, или же совсемъ неопредѣленны по времени, какъ отрывки древнѣйшихъ былинъ. Слѣдующія за тѣмъ черты уже прикнуты къ лѣтописной сѣти, и все-таки вырываются изъ подъ нея своимъ бызевымъ складомъ. Событія, разсказанныя въ нѣсколькихъ словахъ о Варягахъ подъ тремя годами, 859 — 862, обнимаютъ собою эпоху — можетъ быть — двухъ, трехъ сотъ лѣтъ, раздѣленныхъ огромными промежутками:

существованіе и управление Славянъ Русскихъ самихъ по себѣ; первоначальныя столкновенія съ Варягами, нашествія ихъ и появленіе заноснаго отъ нихъ порядка; заносное, и притомъ съ характеромъ насилія, надѣло, — изгнаніе Варяговъ; желаніе и попытки своими силами удержать порядокъ, однажды извѣданный, и приспособить его къ собственнымъ обычаямъ; несчастія отъ того послѣдствія и усобицы, ибо начала вѣшняго порядка могли быть даны и приняты только извнѣ, когда же хотѣли развить ихъ собственными силами, то произошла борьба съ началами внутренними, исконными, клонившимися къ общинѣ; сознаніе провѣтенныхъ безпорядковъ, къ которому могли прийти также не въ день, не въ мѣсяцъ; выработка понятія о началѣ третейскомъ, при которомъ призванное третье лицо не нарушило бы условій общины и развитіе болѣе широкаго понятія о самой общинѣ; рѣшимость добровольно вручить третейскую власть постороннимъ, хотя бы и близкимъ, и сроднымъ племенамъ; выборъ такого племени; соединеніе Чуди (жившихъ между нею Славянъ), Славянъ (Новгородскихъ) и Кривичей для одного дѣла; посольство; сборы Варяговъ; приходъ, условія съ народомъ, постепенное введеніе новаго устройства, и т. д. Появленіе для Земли и ея Дружины начала новаго, небывалаго дотоле, прибывшаго, всеобщій переломъ, отсюда проистекшій, главные черты новой Дружины, все это, мы знаемъ, выражено въ творческомъ образѣ Олега, прямо передвигаемъ въ былинны (ср. I ч. Рыбник.). Да и въ самой летописи, Олегъ, со множественствомъ судовъ приплывающій къ Киеву (ср. Соловья Будиміровича), выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на лодки Киевскихъ князей Аскольда и Дира — смотрѣть его товары и приказывающій убить ихъ, напоминаетъ сказанія первыхъ главъ Геродота и входитъ въ былинну, которую печатаемъ мы изъ собранія П. И. Рыбникова: Походъ Олега подъ Царьградъ съ 2.000 судовъ и 20 племенами; суда его на колѣсахъ, идущія по суку при восточномъ вѣтрѣ (ср. опять Соловья Будиміровича); ялъ, посланный царемъ и отданный княземъ; щитъ, какъ знакъ побѣды прибитый на вратахъ Царьградскихъ; парчевые паруса на судахъ Олеговыхъ дружинниковъ; и полотняные на судахъ прочихъ Славянъ Русскихъ; смерть Олега отъ любимаго коня, и т. п., все это, само по себѣ поэтическое, нашло мѣсто не только въ летописи, но отчасти и въ былинкахъ намъ извѣстныхъ (см. соотвѣтствіе творческихъ образовъ былинъ съ историческими въ «Замѣткѣ» къ пѣснямъ П. Н. Рыб-

ник., стр. XVII — XX). За слях походы Игоря подь Царьградъ . при которыхъ можно вспомнить и Украинскую Думу о подобныхъ княжескихъ походахъ , надъзвашую нѣкогда много шуму при появленіи въ печати. Первый походъ Игоря, въ коемъ онъ оснустошалъ Малую Азію и окрестности Царьграда, но былъ страшно пораженъ , особенно помощію греческаго огня ; и есть свидѣтельство, что объ этомъ ходили на Руси народныя рассказы ; у Нестора: « тѣмже пршедшимъ (когда пришли) въ землю свою, и повѣдаку каждо своимъ о бывшемъ и о лядьимъ (съ лодокъ) огни: — якоже молоня , рече (де, молъ, говорятъ , говорили), иже на небесѣхъ , Гръци шутъ у себе, и сію пуцающа жемаху (жгли) насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ. — » Второй походъ Игоря на Царьградъ , кончившійся миромъ , по присылкѣ отъ царя даровъ и по явно-поэтическому приговору Игоревой дружины: «Игорь же дошелъ Дуная, созва дружину и нача думати (совѣтъ держать), повѣда имъ рѣчь цареву (пересказать имъ предложеніа отъ царя). Рѣша же дружина Игорева: « а аще сице глаголетъ царь, то чтѣ хочемъ болѣ того (чего же намъ лучше?), — не бившеса имати злато, и сребро, и паволоки? Егда (развѣ) кто нѣсть , кто одолѣеть , мы ли, онѣ ли? Ли (или) съ моремъ кто свѣтеть (совѣщался, знаетъ мысли моря)? Се бо не по земли ходимъ (на Царьградъ), но по глубявѣ морьстѣй: обьча (обща) смерть вѣтъ. » Наконецъ сборъ дани Игоремъ въ Деревлянахъ; вызванный опять зинческимъ предложеніемъ дружины: « рекоша дружина Игоревя: «« отроци Свѣнелъжи (младшіе дружинники, воеводы Игорева Свѣнелъда) изодѣлися суть оружемъ и порты (одежей, благодаря поборамъ), а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы.» И когда Игорь слишкомъ далъ волю своей аичности, совѣтъ Деревлянъ съ княземъ своимъ Маломъ, выраженный въ формѣ *пословицы*, которая въ древности, сближаясь съ *притчею*, связана тѣснѣйше съ эпосомъ: « аще ся възвядить (повалится) волкъ въ овцѣ, то выносить (перетаскаетъ) все стадо, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьемъ его (Игоря), то вся ны погубитъ. »—Местъ Ольги надъ Деревлянами; какъ она подучила пословъ Деревлянскихъ поважничать, какъ ихъ несли Кіевляне къ терему въ лодкѣ, а на дорогѣ бросали въ яму и засыпали; какъ другіе сожжены въ банѣ; какъ покоренъ Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пуценныхъ ночью въ городъ

съ зажженными фитилями на хвостахъ (лѣю известное у Грековъ, Римлянъ, Скандинавовъ, въ разныхъ подобныхъ разсказахъ). Первое появленіе Святослава во главѣ дружины, въ походѣ на Древлянъ: онъ еще дитя, плохо владѣетъ копьемъ, но онъ пачинаетъ битву, бросая копье съ коня, и, когда такъ началъ, говорятъ воеводы: « князь уже почалъ: потягнѣте (потянитесь, ударьте на враговъ), дружина, по князю (за княземъ). » Самое лице Святослава, суроваго героя, который « легко ходилъ аки бардусъ » и ни на кого не нападалъ иначе, какъ приславши сказать: « хочю на вы ити. » Въ его отсутствіе (разсказъ подъ 968 годомъ) Печенѣги окружили Кіевъ, въ коемъ застѣла Ольга со внучатами, и нельзя дать вѣсти изъ города къ окрестнымъ въ области воеводамъ: выходятъ тогда отрокъ изъ города, закинулъ узду и бѣжитъ сквозь Печенѣговъ, спрашивая, не выдалъ ли кто коня его? « Онъ же изиде изъ града съ уздою, и ристаше сквозь Печенѣги, глаголя: « не видѣли коня никтѣже? » Бѣ бо умѣя Печенѣжски и мняхуть и своего. » Потомъ бросается въ Днѣпръ, переплываетъ подъ стрѣлами враговъ, даетъ вѣсть объ опасности города, и воевода Святославовъ Прѣтичъ подплываетъ къ городу на одной лодкѣ: онъ громко трубитъ, въ городѣ отвѣчаютъ воинственными кликами; Печенѣги въ ужасѣ разбѣгаются, думая, что это Святославъ; а Ольга со внучатами выходитъ къ лодкѣ и на ней спасается на другую сторону; князь Печенѣжскій приходитъ одинъ переговорить къ Прѣтичу, воевода увѣдомляетъ, что за нимъ идетъ Святославъ, и Печенѣгъ даетъ залогъ мира. Первую половину этого разсказа не сомнѣваемся видѣть въ слѣдующемъ отрывкѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ (вып. 1, стр. 91, 92):

Не тропкою, не дорожкой,
 Бѣжитъ-выбѣгаетъ тутъ добрый конь,
 Черкасско сѣдельце на боку несетъ,
 Булатное стремя по конытамъ бьетъ.
 За конемъ бѣжитъ добрый молодець,
 Шапкою машетъ, голосомъ кричитъ:
 « Охъ ты стой, ты постой, ты мой добрый конь!
 « Ужь ты меня унесъ отъ двухъ смертей,
 « Унеси ты меня, конь, и отъ третіей! »
 Изъ за лѣсу, де, лѣсу темнаго,
 Изъ за тѣхъ ли горъ высокѣхъ,

Выѣзжаетъ тутъ собака Турецкій ханъ;
 Обѣхали кругомъ, стали спрашивать:
 — Котораго ты рода, коего племени?
 — Барскаго ли ты рода, или княженицкаго? —
 « Я не барскаго рода, не княженицкаго,
 « Я того, де, рода крестьянскаго,
 « По имени я Илья Муромецъ,
 « Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 « А того, де, я селенія Корочарова;
 « И прошу я вашей милости:
 « Поймайте мнѣ добра коня! »
 Поймали ему и добра коня.

Здѣсь, справедливо мы вѣстили при 4-мъ выпускѣ, только вставлено имя Илья, а Татары и Турки—преемники старшихъ выходцевъ Востока, Печенѣговъ. А этотъ разгулъ Святослава по Болгаріи, его жите въ Переяславѣ Болгарскомъ (развалины извѣстны доселѣ), о которомъ говорятъ оубъ: « то есть, середѣ (центр) въ земли нашей; яко ту (либо сюда) вся благая сходится: отъ Грекъ золото, паволоки, вина, овощи (плоды) разноличныя; изъ Чехъ же, изъ Угоръ серебро и кони (кони); изъ Руси же скора (мѣха, кожи) и воскъ, медь и челядь (восполняющая убывавшую дружину); ». При осадѣ занятаго въ его отсутствіе Переяслава, рѣчь къ дружинѣ: « Уже намъ сдѣ части: потягнемъ мужьски (какъ слѣдуетъ мужамъ), братья и дружино (ср. позднѣйшую рѣчь Святослава Черниговскаго въ битвѣ съ Половцами, описаніе которой явно-пѣсенное)! » А эта знаменитая рѣчь въ битвѣ съ превосходными силами греческими: « Уже намъ нѣкамо (нѣкуда) ся дѣти, волею и неволею стати (приходится стать) противу: да не посрашимъ землѣ Рускѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ (не будемъ имѣть позора); аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати (а все-таки не убѣжимъ); но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжетъ, то промышлите собою (тогда уже сами промышляйте о себѣ)! » Потомъ испытаніе отъ Грековъ, любить ли Святославъ золото и дары, или оружіе, а потому, каковы свойства его; принесши дары: « и рече Святославъ, кромѣ зря (смотря совѣтъ въ другую сторону, не на дары), отрокомъ своимъ: « схороните (приберите, спрячьте). » Принесли ему оружіе: « оубъ же, приимъ (взять въ

руки), нача хвалити и любити (ласкати, прѣстать оружіе), и дѣлова царя (и поручилъ за то привѣтствовать императора).» И говорятъ тогда Греки: «люте се мужъ хоче быти (о, это будетъ человекъ бѣдовый!), яко (ибо) итѣнья не брежетъ (пренебрегаетъ), а оружіе емлетъ: внися по дань (договорись-ка, царь, дань ему давать; сравни, какъ признакъ мужества въ Боянкѣ, Тодоркѣ, Василіи Микулъшии, когда она не хватается за приманки, а беретъ за оружіе).» Наконецъ, эта несчастная битва въ порогахъ Дитировскихъ съ Печенѣгами, гдѣ Святославъ сложилъ свою голову, а князь Печенѣжскій Куря сдѣлалъ изъ нея чашу, «оковавше лобъ его, и пльху по немъ (пли, да поминали его).» Здѣсь вездѣ былевое творчество сопровождается въ лѣтописи исторію, отдѣльными вставками и самыми выраженіями; а былины этого періода сохранились до насъ большею частію въ отрывкахъ. — Но вотъ, г) наступаетъ подлинное время Владимірово, гдѣ исторія принимаетъ болѣе положительный характеръ и былевое творчество выдѣляется изъ нея самостоятельнѣе, образуя цѣлый рядъ былинь, цѣлый эпосъ. Впрочемъ въ лѣтописи еще видны вставки, видна связь съ былинами. Такъ, періодъ Владиміровъ, мы говорили уже, открывается цѣлою драмой, выдвигающею Владиміра. Олегъ Святославичъ Древлянскій, убивающій сына Ярополкова воеводы Свинельда, за то, что тотъ, охотясь, захватилъ въ поля его и заповѣдныя лѣса; мечь отцовская и Ярополкъ губить брата своего. Сюда, мы знаемъ, примыкаютъ былины объ Олегѣ Святославичѣ, смѣшавшія его съ Олегомъ Въщиимъ (ср. «Замѣтку» при издан. Рыбник.). Между тѣмъ Владиміръ съ самого рожденія окруженъ поэзіей, какъ любимый герой народныхъ пѣсень, Владиміръ ласковый, свѣтъ, красное солнышко. Онъ сынъ Малуши, дочери Малка изъ Любеча и сестры знаменитаго Добрыни, перешедшаго во множество извѣстныхъ намъ пѣсень и подвизавшагося то — по лѣтописямъ — во главѣ Новгорода, то — по лѣтописямъ и былинамъ — въ дружинѣ Владиміра, который самъ былъ княземъ Новгородскимъ. Не хотѣла выйти за Владиміра Рогнеда, дочь князя Полоцкаго Рогволода, говоря: «не хочу розути робичича (разути сына рабыни: разуванье мужа, символъ покорности и обыкновенное первое дѣло послѣ свадьбы, когда цѣвѣста переходитъ въ домъ жениха).» Мечь Владиміра, убійство Рогволода, поэтическія преданія о томъ, какъ жена Владиміра, Рогнеда, хотѣла убить его соннаго, какъ проспущаго мужъ, а Изяславъ съ мечемъ

въ рукѣ, просилъ лучше убить его, сына. Избіеніе двухъ Варяговъ-христіанъ, на конѣ палъ жребій игти въ жертву богамъ. Поэтическое завоеваніе вѣры; взятіе Корсуна, благодаря пущенной изъ города стрѣлы съ письмомъ, какъ можно перекопать водопротокъ (ср. въ Былевыхъ Стихахъ, какъ прилетаетъ обыкновенно стрѣла съ письмомъ и завязываетъ драму). Поэтическое преслѣдованіе идоловъ и изгнаніе Перуна, какъ плылъ онъ по Днѣпру, сопровождаемый рыданіями язычниковъ, какъ его отпихивали отъ берега до пороговъ, а тамъ его выбросило на «Перунану рѣнь;» какъ въ Новгородѣ плылъ онъ по Волхову, а подплывъ къ мосту, бросилъ на него свою палицу, и съ тѣхъ поръ на мосту въ его память совершалась по временамъ борьба, религіознаго характера по происхожденію. Совершенно-эпическое построеніе Переяслава. Сошлись войска Владиміровы на Трубежѣ съ Печенѣжскими, ни та, ни другая не смѣетъ начать.

« И пріѣха князь Печенѣжскій къ рѣкѣ,
 Возва Володимера и рече ему:
 « Выпусти ты свой мужь,
 « А я свой, да ся борета;
 « Да аще твой мужь ударить мовнѣ,
 « Да не воюемъ за (въ теченіе) три лѣта;
 « Аще ли нашъ мужь ударить,
 « Да воюемъ за три лѣта.»
 И развидостяся разно.»

То есть, по выраженію былвнѣ, вызываетъ поединщика, сумротивничка; ср. изображеніе нападеній Татарскихъ, вып. 1 и 4. Посылаетъ Владиміръ вѣстника по своему стану: нѣтъ ли такова челоуѣка, кто бы схватился съ Печенѣжнемъ? Нѣтъ нигдѣ (по словамъ былвнѣ— «старшій хоронится за малаго, а отъ малаго отвѣту нѣтъ»), а Печенѣги своего молодца (нахвальщика) выставили. Горюетъ Владиміръ. Но вотъ приходятъ старикъ; меньшей сынъ его (ср. роль меньшаго сына въ сказкахъ) остался дома (какъ сидень), а съ дѣтства никто еще не поборолъ его; малъ онъ, разъ, кожу, и, разсердившись на отца, разорвалъ мокрыя ремня. Призвали его къ обрадованному князю. «Постойте, говоритъ отрокъ, дайте попытать слау, нѣтъ ли быка?» Нашли большаго и

сильнаго, раздражали его горячимъ желѣзомъ, пустили, пообѣжалъ онъ, а отрокъ на бѣгу вырвалъ у него кусокъ мяса съ кожею. Выпустили борцевъ, а Печенѣжинъ смѣется надъ среднимъ ростомъ отрока. Размѣрили жежи, схватились борцы, славилъ отрокъ Печенѣжина въ рукахъ своихъ до смерти и ударилъ имъ о землю. Кликнули и бѣжали Печенѣги, а Русь въ догоню съѣчь ихъ. Владивиръ на бродѣ томъ заложилъ городъ, и назвалъ *Переяславлемъ*, «зане (ибо) *перелъ славу* (перехватилъ славу у Печенѣговъ) отроко-тъ (таково древнее словопроизводство, всегда связанное съ эпосомъ и пословицами)». » Всѣ черты, всѣ почти выраженія этого сказанія повторяются такъ или иначе въ сказкахъ и известнѣхъ намъ былинахъ, особенно гдѣ вставлены Татары, подтверждая такимъ образомъ нашу мысль, что подъ образомъ сихъ послѣднихъ слѣдуетъ видѣть иногда разныхъ прежнихъ выходцевъ Востока, особенно Половцевъ и Печенѣговъ. Это, въ настоящемъ случаѣ, знаменитый герой — *Усмошвецъ* (швецъ кожи). Онъ занесенъ въ позднѣйшія Украинскія Думы, какъ *Семень-швецъ*:

... « Мовъ Швець-Семень шкуру загубивъ. »

Откуда поговорка, на прик. онъ его смѣлъ, « мовъ (словно) Швець-Семень шкуру. » Въ русскихъ сказкахъ является *Нигита Кожемяка*, въ которомъ нельзя не узнать того же героя дѣтскими, обставленнымъ сказочнымъ складомъ: « Около Кіева проявился змѣй, бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возметъ дѣвку да и съѣсть ее. Пришелъ черѣдъ итти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взял. Полетитъ змѣя на свои промыслы, а царевну завалитъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась съ нею изъ дому. Навишетъ бывало царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навнжетъ собачкѣ на шею, а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царичею и пишуть къ царевнѣ: « узнай, кто сильнѣе змѣя? » Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: « сыщите въ

городъ Кіевъ Никиту Кожемяку, да пошлите его меня изъ неволн выручать.» Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ; держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ со страху, руки у него затряслись — и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько ни упрасивалъ царь съ царцею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтнихъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку: авось на ихъ слезы сжалятся. Пришли къ Никитѣ малолѣтние, стали со слезами просить, чтобы шелъ онъ супротивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насолилъ смолою, и весь такъ обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на-него. Подходить Никита къ берлогу змѣиной, а змѣй заперся и не выходитъ къ нему. «Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу,» сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминуемую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго-ли, коротко-ли бился съ змѣемъ Никита Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сдѣлай насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ по ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой.»—Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо между проложить.—Сдѣлавъ Никита соху въ триста пудъ, запрѣтъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева между пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. «Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили!» — Землю раздѣлили, проговорилъ Никита, давай море дѣлать; а то ты скажешь, что твою воду берутъ.—Взѣхалъ змѣй на середину моря, Никита Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна: вышвою та борозда двухъ сажень. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отчего эта борозда, — называетъ ее *валомъ*. Никита Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, нѣ взялъ за работу ничего, пошелъ опять кожи мять (записана въ Козловѣ, Тамбовской губерніи, П. И. Якушкинымъ; ср. Сказки г. Аопнасьева, вып. 5, стр. 85, 86).» Извѣстно далѣе, какъ Владимиръ, по разказу лѣтописи, угождалъ дружинѣ, — необходимое свойство лучшаго древняго героя, и раль, которую играетъ онъ во всѣхъ былинахъ; какъ разъ

СХЛІІІ

роптала она: « зло есть нашимъ головамъ ! да (потому что приходится) намъ ясти деревянными лѣжцами, а не серебряными, » и какъ Владиміръ велѣлъ сковать ложки серебряныя съ знаменитымъ изреченіемъ: кормленіе народа, свойство « хозиня ласковаго, » и проч. Наконецъ, въ отсутствіе Владиміра, Печенѣги обступаютъ Кіевъ; томимый голодомъ, народъ на вѣчь рѣшаетъ сдаться; но одинъ старикъ не былъ на вѣчь, а услыжавъ, въ чемъ дѣло, подаетъ благой совѣтъ: собрали кое-какъ съ народа по горсти овца, пшеницы, отрубей; женщины приготовили *цѣжъ* (цѣд-ить), изъ которой варится кисель; кое-какъ отыскали лукошко меду, забытое на погребѣ княжескомъ, и сдѣлали сыту (медовую жижу, которую ѣдятъ съ киселемъ). Одну надку поставили въ колодезь, другую въ другой. Назвали выборныхъ Печенѣговъ въ городъ, водятъ и показываютъ: накачаютъ въ одномъ колодезѣ цѣжу, да кисель варятъ; накачаютъ въ другомъ сыты, да ѣдятъ, сперва сами, потомъ Печенѣги. Дивятся враги обилію запасовъ; но князья наши, говорятъ, не повѣрятъ намъ, если сами не отвѣдаютъ. Вотъ налили корчагу цѣжи, да корчагу сыты, и отпустили къ Печенѣгамъ: князья Печенѣжскіе варятъ, кушаютъ, дивятся, теряютъ надежду заморить Кіевлянъ голодомъ, « вѣсташа отъ града, въ своей идоша (ср. ниже, какъ представители кочевья погибаютъ въ нашихъ сказкахъ отъ киселя и сыты). » Это событіе, вполне эпическое, рассказано подъ 997 годомъ, а черезъ строкъ 12-тъ лѣтописецъ говоритъ уже о смерти Владиміра (1015 г.), и съ тѣмъ вмѣстѣ конецъ вставочнымъ притчамъ. Прибавимъ сюда нѣсколько еще лѣтописныхъ подробностей, свидѣтельствующихъ о народномъ творческомъ настроеніи, проникавшемъ всю исторію Владимірова времени. 896 года. Воевода Владиміра *Волчій хвостъ* побѣдилъ Радимичей на рѣкѣ *Пищань*. Несторъ прибавляетъ: « Тѣмъ (потому) и Русь (собирательное) корятся (говорятъ въ укоръ) Радимичемъ, глаголюще: « Пищанци волчьа хвоста бѣгають. » 897 г. Владиміръ съ Добрынею побѣдилъ Воляжскихъ Болгаръ и хотѣлъ наложить на нихъ дань; сдѣлать подданными. Но Добрыня, будто бы, сталъ внимательнѣе разсматривать плѣнниковъ и выразилъ такъ выводъ своего наблюденія племяннику князю: « съглядахъ колодникъ (разсмотрѣлъ я плѣнниковъ), оже (и вижу, что) суть вси въ саповѣхъ: симъ данн намъ не даяти (не бывати имъ нашими подданными); поведемъ искати лапотниковъ (вотъ такіе будутъ наши!). » На основаніи этого, Владиміръ заключилъ съ Бол-

гаранти равноправный союз и договоръ, и договоръ въ формѣ перво-бытной, т. е. эпической, встречаемой и въ былинахъ, ибо вотъ что говорили Болгаре: «Тодѣ (тогда только) не будетъ межю нами мира (нарушимъ мы миръ), ои (если) камень начеть плавати, а хмѣль почнетъ тонуть.» Таковы эпическія формы всѣхъ древнѣйшихъ договоровъ и онѣ приводились въ дѣло рядомъ съ письменными, независимо отъ сихъ послѣднихъ. Подобнымъ образомъ въ договорѣ Игоревомъ выставляется слѣдующая статья со стороны Русскихъ язычниковъ: если не сдержатъ условій, «да не имутъ помощи отъ бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своиши, и да посѣчени будутъ мечи своиши, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь (въ сей) вѣкъ, въ будущій;» — въ договорѣ Святослава: «да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ колоти (разнорѣчіе—золоти) яко золото, и своимъ оружьемъ да посѣчени будемъ.» Наконецъ, нѣкоторыя такого рода мѣста какъ будто даже отзываются стихословеніемъ: Владиміръ осадилъ Ярополка въ городѣ Роднѣ и томилъ голодомъ, Несторъ прибавляетъ:

«Есть *притча* и до сего дне—

«Бѣда аки въ Роднѣ.»

Или о Добрынѣ:

«И пришелъ Добрыша Ноугорѣду,
Постави кумира надъ рѣкою Волховомъ,
И жряху ему люде Ноугорѣдствіи....»

и т. п., въ томъ же складѣ, на прим. о женахъ Владиміра. — Конечно Несторъ не пересказалъ намъ в сотой доли тѣхъ былинъ, которыя ходили въ народѣ о времени Владиміра; эпическій характеръ князя заслоненъ былъ предъ взоромъ монаха величавымъ образомъ Просвѣтителя земли Русской, героя Христіанства, которому посвятилъ Несторъ лучшія страницы свои, полныя одушевленія. Но недосказанное Несторомъ съ избыткомъ вознаграждается множествомъ былинъ, хорошо уже намъ извѣстныхъ. — д.) За Владиміромъ начинаются времена Ярослава и прочихъ Русскихъ князей, весьма отличныя въ лѣтписи отъ періода предшествовавшего: здѣсь начинается строгая, положительная исторія, переданная Несторомъ въ

качества самовидца или со словъ самовидцевъ. Правда, вставлявши прежде въ свою лѣтопись былины или черты изъ былинь, такъ часто ими пользовавшись, лѣтописецъ и здѣсь не могъ совершенно покинуть своихъ приемовъ; и дѣйствительно, событія изъ жизни нѣкоторыхъ князей переданы имъ подъ явнымъ вліяніемъ эпоса: но такія вставки не могли уже здѣсь такъ рѣзко выдаваться, не могли быть вставками столь замѣтными, какъ прежде. Другое дѣло, когда Несторъ повѣствовалъ о событіяхъ внѣ сѣти лѣтосчисления, или вообще отдаленныхъ, то есть такихъ, въ которыхъ самъ не въ силахъ былъ отдѣлать повсюду вымыселъ и образъ народнаго творчества отъ дѣйствительной исторической правды. Гдѣ же время было уже близко, именно послѣ Владиміра, гдѣ событія помнилъ самъ Несторъ или слышалъ отъ очевидцевъ, участниковъ, современниковъ мнущаго, тамъ, руководимый своимъ удивительнымъ историческимъ тактомъ и величайшей добросовѣстностью, онъ не виѣлъ нужды и считалъ неправымъ прибѣгать къ былинь, заслоня творчествомъ истинную картину дѣйствительности. И какъ выше образъ Просвѣтителя земли Русской нѣсколько заслонялъ у Нестора апическій характеръ Владиміра: такъ здѣсь, еще болѣе, строгій своею правотою типъ лѣтописца не дозволилъ выступить въ лѣтописи цѣльнымъ или яркимъ образомъ народнаго творчества. Тѣмъ не менѣе былевое творчество продолжалось и жило въ народѣ, это несомнѣнно: если Несторъ на первыхъ страницахъ своей лѣтописи, какъ мы видѣли, пользовался народными былинами, то конечно онъ занималъ ихъ не изъ рукописи, а слышалъ вокругъ, въ народѣ; и XI-й вѣкъ, по свидѣтельству Слова о Полку Игоревѣ, былъ вѣкомъ знаменитаго пѣвца Бояна, судя по всему — старшаго современника Несторова, воспѣвавшаго первые времена княжеской усобицы, творившаго пѣснь Старому Ярославу, Храброму Мстиславу, Роману Красному, Бояну, пѣвца Святъславля (Святослава Ярославича Черниговскаго), особенно Олегова, говорившаго призывку Всеславу Брячиславичу Полоцкому, и т. д. Вскрыть подобныя слѣды исчезнувшихъ былинь мы предоставляемъ себѣ впоследствии, по поводу пѣсней Княжескихъ. Но и пѣсни Владиміровы, Кіевскія, насъ теперь занимающія, развивались конечно не въ иное, какъ въ это же, Княжеское время, послѣ Владиміра: тамъ, гдѣ содержаніемъ ихъ было время исключительно и исторически-Владимірово, онѣ зашъвались тотчасъ же, при самомъ событіи; а развиваться, пополняться, опредѣляться въ

народной памяти, переходить въ привычку, могли онѣ не иначе, какъ послѣ Владиміра, то есть нѣсколько отступя отъ шинувшихъ событій; здѣсь только въ народномъ представленіи могъ создаться цѣлый особый кругъ Владиміровъ, въ который мало по малу стали входить образы не только уже древніе и Владиміровы, но и новыя, современныя. И мы знаемъ, дѣйствительно, что пѣсни Владиміровы, богатырскія, о которыхъ идетъ рѣчь, занимали свое содержаніе не только сверху, отъ эпохи доисторической, не только изъ времени богатырей Старшихъ, не только около себя, вокругъ, изъ Владимірова круга, но и снизу, изъ эпохи Княжеской и позднѣйшей, даже до Татаръ: такъ, мы видѣли, въ пѣсни Владиміровы вошли черты Суздальщины, вошли удальцы Суздальцы, и рѣка Смеродина, и города Китежи; такъ съ именемъ Ставра, Путаты и Тугарина связаны образы уже изъ эпохи Владиміра Мономаха, благодаря тождеству имени Владиміра старшаго и младшаго; такъ, наконецъ, вставлены черты борьбы не только съ Печенѣгами и Половцами, а даже и съ Татарами. Однимъ словомъ, здѣсь содержаніе занято уже не только изъ вѣка XI-го, вѣка Несторова и Боянова, но уже изъ вѣка XII-го и даже XIII-го. Лѣтописи, обвиняющія событія свѣзъ вѣбокъ, подтверждаютъ намъ то же самое: въ нихъ, мы видѣли (вып. 2, Прилож.), Добрыня съ Алешю и Торопкомъ являются въ службѣ позднѣйшихъ князей, а послѣ, съ прочими семидесятью богатырями, умираютъ на Калкахъ въ борьбѣ съ Татарами. Слово о Полку Игоревѣ, принадлежащее по составу къ послѣдней четверти XII-го вѣка, оглашаетъ для насъ весь этотъ вѣкъ разнообразными поэтическими подробностями, свидѣтельствуя о непрерывной нити народнаго былевого творчества. Тамъ же, гдѣ кончается Временникъ Нестора, изъ первой четверти XII-го вѣка и во все его теченіе Лѣтопись Волынская сохраняетъ намъ многочисленные отпечатки поэтической народной настроенности, вторитъ слову о Полку Игоревѣ при описаніи знаменитаго похода, и, гдѣ оставило насъ Слово, съ конца XII-го вѣка, выноситъ въ своемъ повѣствованіи множество образовъ изъ народныхъ былинъ, рисуетъ имъ время Романа, соединяясь здѣсь съ уцѣлѣвшими до насъ пѣснями (см. Рыбник.); время Данила, доходитъ до Татаръ, и въ томъ же тонѣ и направленіи вѣдетъ дѣло даже за первыя времена Татарскаго нашествія. И такъ мы убѣждаемся несомнѣнно, что народное былево творчество продолжалось непрерывно и въ эпоху Княжескую, послѣ Владиміра до

Татарь, заимствуя изъ текущей жизни множество матеріала, множество поэтическихъ элементовъ и образовъ. Только въ послѣднее время оно раздвоилось: съ одной стороны творились былины Княжескія, отчасти до насъ дошедшія, вообще же бывшныя поэтическія образы, сопровождавшія текущую жизнь въ ея послѣдовательности и вскрываемыя нами изъ подъ разсказа Лѣтописей, изъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ памятниковъ, особенно же изъ Слова о Полку Игоревѣ,— все то, о чемъ мы скажемъ впоследствии при былинахъ Княжескихъ; съ другой стороны въ народѣ сказалось предетавленіе о главномъ кругѣ—Владиміровомъ, и, при былинахъ Княжескихъ, отдѣлились и особенно развились другія, переносившія все въ эпоху Владиміра, все, даже позднѣйшее. Тѣмъ только и отличаются эти Владиміровы, Богатырскія былины отъ Княжескихъ: въ Княжескихъ—содержаніе текущее, съ сохраненіемъ послѣдовательности, съ болѣею вѣрностію дѣйствительности: во Владиміровыхъ содержаніе старшее и новѣйшее—все сведено къ одной эпохѣ Владиміра, все окрашено ея общимъ цвѣтомъ; въ Княжескихъ герои—Князья, подъ ихъ собственнымъ именемъ, съ чертами разныхъ мѣстностей или по крайности въ образѣ Княжескомъ: во Владиміровомъ все главные герои—Богатыри, все Кіевскіе, все по отношенію къ Кіеву, все лица одной эпохи; въ Княжескихъ, сообразно позднѣйшему содержанію, творчество слабѣе и ближе къ дѣйствительности: въ Богатырскихъ занимаютъ силы издалика, творчество шире и полнѣе, образы вѣстительнѣе, отъ самыхъ первыхъ доисторическихъ возрѣтій до самыхъ положительныхъ и наглядныхъ. Почему творчество избрало такой путь въ сихъ послѣднихъ, почему въ этомъ старшемъ, первоначальномъ и главномъ видѣ своемъ сосредоточило все около Владиміра, сдѣлавъ особый кругъ пѣсень,—это тайна самого творчества. Мы можемъ лишь догадываться, что тому были двѣ причины: одна, что время Владимірово было дѣйствительно самой лучшей эпохой нашей первоначальной исторіи, самымъ прочнымъ началомъ жизни новой, единственно-возможнымъ Русскимъ Олимпомъ, какъ выразилась мы выше; другая причина, что по коренномъ измѣненіи жизненныхъ началъ, по запустѣніи Кіевской области, по водвореніи тамъ Татарь, ушедшіе переселенцы и вообще потомки, преемники перваго періода Русской исторіи естественно обращали свои взоры назадъ и овраживали минувшее всѣми радужными цвѣтами, соединяя все черты пройденной эпохи, все образы, въ ней возникшіе, къ одному кругу, къ одному

любимѣйшему имени Владимира, къ одной мѣстности, къ одному характеру.—е) *Время Татарское*, или, вѣрнѣе, время *появленія* Татаръ и *первыхъ успѣховъ* ихъ, есть время заключительное для перваго періода нашей исторіи, не столько въ смыслѣ грубаго варварскаго нашествія, сколько въ значеніи перелома внутренняго, измѣненія отношеній въ самихъ коренныхъ народныхъ началахъ, того единственнаго условія, по которому возможно стало и вѣдшее господство Татарское. Здѣсь кончается и самый первый, старшій и лучший періодъ нашего бызеваго творчества, кончаются Былины Богатырскія, Владиміровы. Но на этомъ рубежѣ онѣ еще разъ, и уже послѣдній, сходятся съ лѣтописями въ изображеніи гибели богатырей, въ самомъ описаніи осады Кіева. Такъ Лѣтопись Волинская описываетъ слѣдующимъ образомъ нашествіе Батыя (подъ 1240-мъ г.): « Приде Батый Кіеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила Татарская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроки его обѣдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рѣжанія отъ гласа стада конь его, » и проч. Въ былинахъ, намъ извѣстныхъ, это событіе изображено многими яркими чертами и весьма близко къ лѣтописи; на примѣръ (вып. 4):

Подымался Батый царь, сынъ Батыевичь,
 Собралъ собака силы трехъ годовъ,
 Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
 За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
 За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
 Сорокъ королей, королевичей;
 Подошелъ собака подъ столичный Кіевъ градъ...
 Похваляется: « Дашь—не дашь, за боѣмъ возьму,
 « Спальныхъ богатырей подъ мечъ склоню,
 « Князя со княгинею въ полонъ возьму,
 « Божьи церкви на дымъ спущу,
 « Чудны иконы по плавь рѣки,
 « Добрыхъ молодцевъ полою станицами,
 « Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами,
 « Добрыхъ коней табунами. »

Или (вып. 1, со вставкою имени Калина вмѣсто Батыя):

Силы-то было видимо не видимо,
 Ни смѣтять силы, ни списать нельзя...
 ... Накатилась сила невѣрная,
 Что того было Калины царя,
 Обстала престольный Кіевъ градъ,
 Вокругъ на шестьдесятъ верстъ...
 Да изъ Орды, Золотой земли,
 Изъ той Могозен богатыя,
 Когда подымался злой Калинъ царь,
 Злой Калинъ царь, Калиновичъ,
 Ко стольному городу ко Кіеву,
 Со своею силою со поганюю:
 Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
 Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
 Сбиралось съ нимъ силы на сто верстъ,
 Во всѣ-тѣ четыре стѣроны.
 Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
 Зачѣмъ не разступится?
 А отъ пару было отъ коннаго
 А в мѣсяцъ—солнце померкнуло,
 Не видать луча свѣта бѣлаго;
 А отъ духу Татарскаго
 Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Соутственно и одновременно такому изображенію, мы видѣли, возникъ цѣлый рядъ былинь, образовъ и очертаній, заключающихъ былевое творчество Владимірово или Кіевское, въ которыхъ передается *умираніе* богатырства и цѣлаго порядка вещей, съ немъ связанныхъ. Дальше этого рубежа былины Владиміровы не переходятъ. Все, что было позднѣе, не вносится въ кругъ Владиміровъ; заносится лишь два-три имени, на примѣръ *Мамай*, поле *Куликово*, *Ермакъ*, но заносится такъ, что ихъ легко отдѣлить, какъ постороннюю вставку: Мамай не описанъ въ очеркахъ историческихъ, нѣтъ событій, исключительно принадлежавшихъ его времени, онъ осаждаеть Кіевъ, и во времена Владиміра; поле Куликово также лежитъ подъ Кіевомъ, на немъ подвизаются Кіевскіе богатыри, безъ

малѣйшей подѣлѣ изъ эпохи Дмитрія Донскаго ; Ермакъ не покоряетъ Сибирь, не служитъ Москвѣ, а служитъ Кіеву и Владиміру, при томъ такъ, что творчество само помогаетъ намъ отдѣлять эту личность отъ эпохъ богатырской, изображая Ермака племянникомъ Ильѣ, дитю двѣнадцати лѣтъ, крайне младшимъ, зашедшимъ изъ эпохи другой, назначеннымъ для эпохи позднѣйшей. Въ подобныхъ, слишкомъ явныхъ вставкахъ, творчество до того строго, что въ кругъ Владиміровъ не заноситъ ни именъ послѣдовавшихъ князей, ни событий Новгородскихъ, а тѣмъ менѣе какихъ либо именъ и событий Московскихъ. Для сихъ послѣднихъ существуютъ былины совсѣмъ пныя, строго различаемыя творчествомъ отъ былинъ Владиміровыхъ и Кіевскихъ, — былины Новгородскія, Княжескія, Татарскія, Московскія. Къ нимъ—то и перейдемъ мы въ слѣдующихъ выпускахъ.

Между тѣмъ, какъ ни долго останавливались мы на лицахъ, образахъ и чертахъ *Владимірова времени*, стараясь ихъ возстановить, пополнить или уяснить по даннымъ народнаго творчества, большею частію по самимъ былинамъ, отчасти же съ помощію другихъ источниковъ,—а все еще далеко до конца. Множество мелкихъ подробностей оставлены почти нетронутыми; даже такія лица, какъ Владиміръ и Апраксія, не нашли у насъ отдѣльнаго объясненія, на томъ впрочемъ законномъ основаніи, что въ творчествѣ образы ихъ дѣйствительно блѣднѣе образовъ богатырскихъ и составляютъ только зеркало, оттѣнокъ или отпечатокъ сихъ послѣднихъ, смотря потому, что подойдет и приблизится. Дѣла еще много впереди, не намъ однимъ, а и всѣмъ любителямъ, всѣмъ изслѣдователямъ народнаго былеваго творчества. Въ этомъ весьма много поможетъ имъ *Указатель*, одинъ—составленный нами къ 1-й части Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, другой—назначенный къ концу 2-й части изданія П. Н. Рыбникова. Въ обохъ нихъ мы совершенно исчерпываемъ содержаніе, приемы творчества и даже самый языкъ Пѣсенъ *Времени Владимірова*.

• •
•

Теперь же, въ заключеніе этого Времени, разставаясь съ его пѣснями навсегда при концѣ 1-й части собранія П. В. Кирѣевского, мы дополнимъ нѣкоторые данныя изъ *Сказокъ*.

Народныя Русскія Сказки дѣлятся на нѣсколько отдѣловъ, болѣе или менѣе интересныхъ для насъ по отношенію къ Былинамъ.

Однѣ въ собственномъ смыслѣ *Былевыя*, *Богатырскія*, рассказываютъ про тѣхъ же богатырей и почти то же, что и въ Былинахъ. Чѣмъ опредѣленнѣе лицо богатыря, тѣмъ ближе онъ зарученъ Былиннѣ, составляя неотъемлемое ея достояніе. Сказка на этой ступени повторяетъ лишь Былину, и есть въ основѣ своей ничто иное, какъ Былина, только разложившаяся и перешедшая въ Сказку черезъ посредство Побывальщины или Бабьей Старины, при чемъ исчезаетъ стіхъ; слагается особый сказочный складъ или распѣвъ, получаютъ мѣсто нѣкоторыя особые сказочныя приемы, краски, подробности. Таковы, на примѣръ, Сказки объ *Ильѣ Муромцѣ*, о *Добрынь Никитичѣ*, изъ Новгородскихъ о *Васькѣ Буславѣ*, изъ Княжескихъ объ *Акудинѣ*, и т. п. Онѣ живутъ еще отчасти устнымъ употребленіемъ, но уже чаще попадаются нынѣ въ рукописяхъ и переходятъ порою дѣлькомъ въ изданія лубочныя. Въ нашемъ изданіи мы приводили ихъ между прочимъ изъ Собранія г. Сахарова. Хотя нельзя не замѣтить, что здѣсь онѣ значительно подправлены и поддѣланы.

Другія, въ собственномъ смыслѣ *Сказки*, также *Былевыя*, но не *Богатырскія*: объ нихъ говорили мы подробно въ «Замѣткѣ» къ 3-му выпуску. Возникаютъ онѣ независимо отъ Былинъ, хотя не рѣдко и обмѣниваются съ ними нѣкоторыми чертами и даже героями. Во первыхъ, сюда переходить иные богатыри изъ Былинъ, благодаря расплывчивости своихъ чертъ, какъ это, на примѣръ, видѣли мы касательно *Потыка*; но, перешедши сюда, они большею частію уже теряютъ свое имя, удерживаютъ лишь кое-какія черты, и то разбросанныя по сказкамъ разнымъ, среди обстановки совершенно уже сказочной. Во вторыхъ, главный сказочный герой такого рода есть *Иванъ-богатырь*: девять десятыхъ сказокъ приходится на него; впрочемъ, названіе «богатыря» онъ можетъ носить только по родству съ Иваномъ Гостининымъ сыномъ и Гоудиновичемъ, впрочемъ съ отвѣченной лишь точки зрѣнія и въ самомъ общемъ смыслѣ, ибо въ разныхъ видахъ своихъ, какъ мы знаемъ, сближается чертами съ Микулою, съ Ильею, съ Добрынею, и т. п.; въ собственномъ же, сказочномъ видѣ своемъ дробится онъ на тысячу лицъ подъ именами «Крестьянскаго сына», «Купческаго», «Царевича», «Дурачка», и т. д. Въ третьихъ, такъ какъ это лицо, отъ самаго

глубокаго доисторическаго времени, чрезъ всю исторію, сопровож-
 лаетъ развитіе Русскаго человѣка, являясь представителемъ его съ
 разныхъ сторонъ, подлежащихъ вѣдомству Сказки, то при немъ не
 рѣдко встрѣчаются лица и имена чисто-богатырскія, только въ ска-
 зочной обстановкѣ. — Со всѣхъ трехъ, разобранныхъ сейчасъ сто-
 ронъ, сказки этого рода крайне важны для изученія нашего былеваго
 творчества, составляя, такъ сказать, его изнанку или перелицовку,
 во многомъ пополняя его образы, давая возможность при типахъ
 Русскаго народа, обособленныхъ Быльнами, усматривать черты
 Русскаго человѣка, черты неполетныя, легкія, расплывчивыя,
 иногда съ трудомъ уловимыя, обиходныя, житейскія, но, тѣмъ не
 менѣе, порою весьма глубокія, внутреннія и даже самыя древнія.
 Сказки эти преимущественно устныя и обыкновенно чисто-народныя;
 въ любочныхъ изданіяхъ не рѣдки; въ рукописяхъ же встрѣчаются
 мало, ибо записываться стали не такъ давно.

Мы пока остановимся на нихъ, чтобы воспользоваться кое-какими
 чертами для своего дѣла, сверхъ того, что уже было сказано при
 3-мъ и выше при 4-мъ выпускѣ, и воспользуемся преимущественно
 лучшимъ собраніемъ въ этомъ родѣ, г. А о л а с ѣ в а (пять вы-
 пусковъ).

Въ сказкѣ изъ собранія П. В. К и р ѣ в с к а г о (напечатанной
 у г. Аоан., вып. 3, стр. 39—45), *Илья Муромецъ*, между из-
 вѣстными своими подвигами, совершаетъ и такіе, которые свойствен-
 ны Ивану, избавляетъ королеву отъ змѣя и встрѣчается въ лѣсу
 съ *Бабой-Ягой*, справляясь съ нею подобно какъ съ Бабой-
 Горынычкой или Алатыркой.

Въ сказкѣ *Иванъ-дуракъ*, гдѣ онъ отождествляется съ Ми-
 кулою (Аоан., вып. 2, стр. 8—12), при Иванѣ помѣ-
 щается *Илья Муромецъ*, въ служебномъ положеніи; съ Ильею ря-
 домъ, и въ томъ же положеніи, какой-то сильный богатырь *Федоръ*
Лыжниковъ; *Добрыня* посланъ на всѣхъ трехъ отъ царя, но об-
 маномъ Ивана потерялъ свою голову. — Въ другой подобной же сказкѣ
 («Русск. нар. ск.» г. Б р о в и ц ы н а, стр. 27—43), гдѣ Иванъ
 является подъ именемъ «Голя Вояскаго» и также сходенъ съ Ми-
 кулою, роль, одинаковую съ Ильею и Федоромъ Лыжниковымъ игра-
 ютъ *Чурила Пленкочичъ*, «молодой богатырь», *Еруславъ Дза-
 ревичъ* и *Бова, Королевичъ сынъ*. — Наконецъ въ третьей сказкѣ
 того же рода (Аоан., вып. 5, стр. 48—52), Иванъ, тожде-

ственный съ Микулоу, подь именемъ *Юмы Береникова* обращаетъ въ службу себя *Илью* и *Алешу Поповича*.

Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ Иванъ является сначала въ видѣ уничиженномъ, въ бѣдности, въ горѣ, какъ горемыка-пахарь (подь именемъ «Юмы Береникова» онъ кривой сынъ старухи, какъ поѣхалъ пахать—«лошаденка худенькая, взяло его горе»): и, не смотря на то, какъ выпрягъ онъ кобылку изъ сохи и поѣхалъ на подвиги съ богатырями, онъ перепугалъ всѣхъ, богатыри почти-тельно ему служатъ. Съ этой стороны (вып. 3, «Замѣтка,» стр. XXII, XXIII) мы не усомнились указать въ немъ тожество съ знаменитымъ Микулоу, прибавивши только замѣчаніе: «тогда какъ черты Микулы въ высшей степени строги, Иваномъ овладѣваетъ въ сказкѣ шутка...; его исторія есть совершенно исторія Микулы Селяниповича, только на выворотъ и въ шутку.» На томъ же основаніи, по уничиженному виду, но по торжеству въ послѣдствіяхъ, сблизилъ мы, съ этимъ образомъ Ивана и Микулы, сказочнаго «Мужичка съ ноготокъ, борода съ локотокъ,» который помялъ бока самому Ильѣ Муромцу. Догадка наша по крайнему счастью оправдана теперь вышедшимъ недавно 5-мъ выпускомъ Сказокъ г. Аонасьева, гдѣ крохотное, но торжествующее лицо носятъ прямо имя *Микулки*; такъ (стр. 86—90) читаемъ: «Въ одной деревнѣ жили—были мужикъ да баба, дѣтей у нихъ не было. Стали они Богу молиться да просить себя дѣтища. Услышалъ Богъ молитву. Говоритъ однажды мужикъ бабѣ: «Старуха, нѣтъ ли у насъ какого полѣна, я нащиплю лучины?» Баба въ отвѣтъ:—Возьми, старикъ, въ печкѣ.—Мужикъ взялъ топоръ, досталъ полѣно и давай лучину щепать; щепаль-щепаль, и отрубилъ себя пальчикъ: изъ того пальчика сдѣлался мальчикъ, да такой рѣзвой, разумной, — только народился, а ужъ съ отцемъ съ матерью разговариваетъ. Возрадовались мужикъ съ бабою, возблагодарили Господа и назвали своего мальчика «*Микулка Четвертной*» (имя это предполагаетъ существованіе Микулы Большаго).» Это сказочный «Мальчикъ съ пальчикъ,» совершающій такіе же изумительные подвиги, какъ Голь Воянскій, Иванъ-дуракъ, Юма Берениковъ. Онъ и пашетъ, какъ Микула: «Пришелъ на отцовскую полосу: «Ъшь, батюшка, бляны, а я пахать стану.»—Гдѣ тебѣ пахать? ты еще за соху не ухватишься.—«Ничего, я малъ, да удалъ.» Усѣлся поверхъ сошника, взялъ возжи, и ну пахать землю.» Въ другой замѣчательнѣйшей сказкѣ (Аон., вып. 5, стр. 127 — 131), Иванъ-царѣ-

вичь, выражая собою развитіе Русскаго человѣка въ эпоху доисторическую, проходить разные виды бытія, въ томъ смыслѣ, какъ разъяснено нами при 3-мъ выпускѣ («Замѣтка», стр. XX, XXI); отъ страшнаго звѣря ищетъ онъ спасенія поочередно у коня, гусей, потомъ быка. Быкъ говоритъ: «Зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте: изъ нихъ выйдетъ Мужичокъ-кулачокъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ все сдѣлаетъ.» Такъ и случилось, Мужичокъ—мы знаемъ его тождество съ Микулою—сопровождалъ съ тѣхъ поръ Ивана повсюду среди подвиговъ и спасалъ. Образъ быка, заключающаго въ себѣ міръ, всѣ виды разнообразнаго бытія, извѣстенъ въ мифологіи, особенно Восточной и Славянской; когда онъ убитъ и разрѣзанъ, высвобождается міръ, человѣкъ выходитъ на свѣтъ Божій; это тотъ же образъ, что міръ изъ раздавленнаго яйца (см. «Зам.» 3-го вып., стр. XXI). Такъ и здѣсь: для Русскаго *человѣка*, послѣ долгихъ переходовъ развитія, высвободился міръ, въ смыслѣ уяснившагося вѣросознанія и сложившагося міра-народа; изъ этого новаго порядка вещей возстаетъ лицо Микулы, представителя Земли и Земщины, представителя *народа*, и съ тѣхъ поръ идетъ объ руку съ Русскимъ *человѣкомъ*, помогая ему на всѣхъ послѣдующихъ путяхъ историческихъ.

Вообще касательно *Ивана* и судьбы его, выражающихъ собою судьбы Русскаго человѣка въ эпоху доисторическаго развитія, 5-й выпускъ Сказокъ г. Аонасьева представляетъ столько поразительныхъ данныхъ, столько пополненій и уясненій къ нашей «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ, что мы не рѣшаемся даже выписывать, — нужно бы выписать все; прося читателей обратиться туда прямо, при руководствѣ нашей «Замѣтки», укажемъ здѣсь только нѣкоторые пути. Сюда относятся въ особенности Сказки: № 18, стр. 74—82, «Сивка-бурка, вѣщая маурка»; № 23, стр. 96—105, «Морской царь и Василиса Премудрая»; № 27 и 28, стр. 127—137, «Иванъ-царевичъ и Елена прекрасная», «Царь-медвѣдь»; № 35, стр. 164—175, «Иванъ-царевичъ и Катюша-дядька»; № 37, стр. 178—185, «Царевичъ и его слуга»; № 41 и 42, стр. 197—205, «Иванъ-царевичъ» и «Царь-дѣвица»; № 53 в.) и 54, стр. 237—250, «Кручина и утка съ золотыми янчками», «Царевичъ-Иванъ, Поваренко-Иванъ и Сученко Иванъ.» Во всѣхъ этихъ сказкахъ лицо, которому мы усвоили отвѣченно имя *Ивана-бо-*

гатыря, большею частію носить имя *Ивана, Иванушки*; онъ или *крестьянскій сынъ*, или *купеческій*, или *царевичъ*; иногда заразъ въ трехъ видахъ, какъ разстройшееся лицо, *Иванъ-Царевичъ, Иванъ Поваренко, Иванъ Сученко*; обыкновенно или *третій, меньшей сынъ*, или *поздно родившійся* у отца съ матерью, или даже *сирота* съ малолѣтства; порою даже *дуракъ*, въ смыслъ послѣдняго уничтоженія, въ заключеніе являющійся впрочемъ и умнѣе, и лучше другихъ; наконецъ при немъ иногда сестра, *Елена Прекрасная* или *Марья-царевна*, неизбѣжная спутница его, перешедшая во многія Славянскія преданія и въ знаменитый цвѣтокъ—*Иванъ да Марья*.— Онъ служитъ рабски разнымъ существамъ, исполняетъ ихъ уроки, совершаетъ за нихъ и ради нихъ подвиги; а они пользуются, завидуютъ ему, гоняютъ, прешатствуютъ: это или *старшіе братья*; или *Водяной Царь*, закабалившій его слѣдующимъ образомъ: онъ выручилъ отца его изъ бѣды, съ уговоромъ—«отдай мнѣ чего дома не знаешь:» вернулся царь,—а дома у него родился сынъ, и этотъ сынъ сталъ крѣпостнымъ у Водянаго царя, долженъ былъ совершать на него подвиги: или это появившійся въ царствѣ отца его *Медвѣдь Жельзная Шерсть*, который поѣдалъ всѣхъ людей, добрался и до Ивана-царевича, нужно было спастись отъ него,—то есть это то же, что приведенный нами въ «Замѣткѣ» 3-го выпуска Норка-звѣрь; или подобный же *Царь-Медвѣдь*, зполонившій себя Ивана какъ и Водяной Царь: отецъ на охотѣ нагнулся въ колодець испить воды, Царь-Медвѣдь ухватилъ его за бороду и отпустилъ съ однимъ условіемъ—«дай то, чего въ домѣ не знаешь;» зарученный такимъ образомъ въ рабство, Иванъ долженъ былъ прятаться отъ Царя-Медвѣдя въ подземелье и совершать переходы, чтобы убѣжать врага; или это осердившійся отецъ, который обреченъ сынъ на блужданіе за то, что спасъ врага (ср. «Замѣтку» при 3-мъ выш., стр. XXIV); или *вѣроломный слуга* на дорогѣ, пользующійся подвигами и самымъ именемъ Ивана-царевича; или суровый и жестокій *хозяинъ*, задающій работнику тяжкіе уроки; или злая *мачиха*; наконецъ, сама, исконная Ивановъ невѣста, *Анна Прекрасная Королевна*, которая забираетъ въ руки жениха и заставляетъ его совершать труднѣйшіе подвиги. Лицо это обрисовано въ сказкѣ совершенно какъ *Волшанъ Волшановичъ* въ былинѣ у П. Н. Рыбникова (см. «Зам.» при 3-мъ выпускѣ, стр. XVI—XIX); у ней даже знаменитая *Волшанская книга*, по которой отгадываетъ она загадки. Мѣсто это

стоятъ изъ сказки выписать. Иванъ-царевичъ и Катомъ-дядька « собрались въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную Королеву. Бѣдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говорить Иванъ-царевичъ: « Бѣдемъ мы, дядя, столько времени, приближаемся къ землямъ Анны Прекрасной Королевы, а не знаемъ, какую загадку загадывать. » — Еще успѣемъ выдумать! — Бѣдутъ дальше. Катомъ-дядька, Дубовая Шапка, глянулъ на дорогу, — на дорогѣ лежитъ кошелекъ съ деньгами; сейчасъ его поднялъ, высыпалъ оттуда всѣ деньги въ свой кошелекъ, и говоритъ: — Вотъ тебѣ и загадка, Иванъ-царевичъ! Когда пріѣдешь къ королевнѣ, загадай ей такими словами: ѣхали, де, мы путемъ-дорогою, увидали — на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли, да въ свое добро положили. Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаешь, только *взглянуть въ свою волшебную книгу*; а какъ узнаешь, то и велитъ отрубить тебѣ голову. — Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ-царевичъ съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала Прекрасная Королева; въ ту пору-времячко была она на балхонѣ, увидала пріѣзжихъ, и послала узнать, откуда они и за чѣмъ прибыли? Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: « Пріѣхалъ я изъ такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную Королеву. » Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичъ во дворецъ шелъ, да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ: — У меня, молвила, такой завѣтъ положенъ: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ вѣтъ за мужъ, а чью отгадаю, того злой смерти предать. — « Слушай, Прекрасная Королева, мою загадку, » говоритъ Иванъ-царевичъ: « ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали — на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли, да въ добро положили. » Анна Прекрасная Королева *беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать, да отгадки розыскивать, всю книгу перебрала, а толку не добилась.* Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ выходить за мужъ за *Ивана-царевича* (ср. выше исторію *Потыка*, какъ искала надъ нимъ жена премудрости, какъ онъ — по сказкѣ — отгадывалъ ей загадки, и, по совершеніи подвиговъ, получилъ въ даръ чистую уже женскую половину, Анну Прекрасную Королеву). — За тѣмъ начинаются подвиги Ивана, на пути выражаемаго ими развитія, и состоятъ въ слѣдующемъ: спускается въ подземелье и бродитъ по нему, по тремъ царствамъ отъ одного къ другому; строятъ хрустальный мостъ, садитъ

данный садъ, отличаетъ невѣсту изъ двѣнадцати одноликихъ, истребляетъ множество яствъ, прохоложиваетъ раскаленную чудовищемъ для него и невѣсты чугунную баню, прячется или спасается бѣгствомъ отъ разныхъ враговъ; для измѣнившей сестры достаетъ живой и мертвой воды, молока отъ разныхъ звѣрей, яицъ Жарь-птицы, убиваетъ разныхъ змѣевъ и войско ихъ; по повелѣнію невѣсты перетаскиваетъ большой чугунный столбъ, объѣзжаетъ дикаго коня, терпитъ отъ нея такое пожатіе руки, что «кровь въ лицо кинулась, глаза подъ лобъ ушли;» для измѣнника слуги дѣлаютъ конямъ золотой хвостъ, золотую гриву, по бокамъ часты звѣзды, коровамъ — золотые рога и проч., готовить кушанье на поварнѣ; для жестокаго хозяина ищетъ въ подземномъ царствѣ волшебнаго ящика, и т. д. — На этомъ пути подвиговъ встрѣчаетъ Иванъ, по обыкновенію, два главныхъ демоническихъ существа, представителей кочевья, иногда дружественныхъ, иногда враждебныхъ, *Ягу-Бабу* и *Кощея*, иначе *Дяда*, *Вихря*. — Значеніе всѣхъ этихъ образовъ, доселѣ нами перечисленныхъ, болѣе или менѣе объяснено въ «Замѣткѣ» къ 3-му выпуску. Здѣсь же разберемъ мы самыя средства, которыми успѣваетъ Иванъ совершить свои подвиги, способы, которыми онъ спасается, товарищей и помощниковъ ему среди странствованій, однимъ словомъ все то, чѣмъ достигъ Иванъ избавленія, побѣды и торжества. Во первыхъ, это предметы и существа разныхъ царствъ природы, еще до человека: въ вѣросознаніи, прежде чѣмъ дойти до внутренняго человѣческаго духа, гдѣ было спасеніе, предстояло Русскому человѣку, въ эпоху доисторическую и общеславянскую, пройти такіе виды бытія, въ которыхъ властвовалъ надъ нимъ духъ внѣшній, силы космическія, отъ стихійности до организмовъ животныхъ, а потомъ чрезъ всѣ эти образы, чрезъ зооморфизмъ. Только совершивши подобный путь, можно было выйти къ цѣли, а потому самыя образы природы, въ сказкѣ представленные уже совершенно внѣшними и наглядными, получаютъ здѣсь значеніе руководителей къ цѣли, помощниковъ, сотоварищей, спасителей. Вотъ они. — *Морозь-Трескунъ*: Воляной Царь, божество стихійное, ожесточившись на успѣхи Ивана, приказалъ истопить для него и невѣсты чугунную баню; до красна раскалили печь и стѣны, такъ что за пять верстъ нельзя подойти. Такую печь дѣлывали нѣкогда въ язычествѣ по волѣ Кроническаго божества, Ваала, Дажбога; ее знаемъ мы по многимъ описаніямъ, даже по Библии; то былъ символъ самого божества, жгучаго,

палащаго, все-пожирающаго, огненнаго; сюда сажали людей и жгли въ угоду бога. Такъ хотѣлъ сдѣлать и Воляной царь, младшій современникъ Славянскаго Дажбога, въ ожесточеніи своемъ взявшій средство сего послѣдняго; но Морозъ-Трескунъ, начало также стихійное, только другаго уже полюса, прихваченный Иваномъ на пути переходовъ какъ товарищъ, «пришелъ въ баню, въ одинъ уголь дунулъ, въ другой дунулъ,—ужь сосульки висять.» Одно начало превозмогло другое, однимъ божествомъ обезсвѣлено божество противное. Этимъ способомъ, въ вѣросознаніи, высвободился Русскій человѣкъ отъ Дажбога, стихій жгучей, наиболѣе упорной и исключительной. Въ бытѣ вѣроятно соотвѣтствовалъ ему тотъ періодъ, когда, въ переходахъ кочевья, выдвѣаясь мало по малу изъ прочихъ Славянъ, праотцы Русскаго народа перешли изъ странъ южныхъ, изъ климата знойнаго, сперва къ умѣренному и прохладному, потомъ даже въ страну морозовъ.— Въ другихъ сказкахъ помогаетъ Ивану *Викоръ Вихрѣвичъ*, *Громъ*, *Градъ*, и тому подобныя стихійныя начала, за оказанную имъ услугу или спасеніе ихъ отъ пльна: дѣйствительно, высвободившись въ человѣческомъ вѣросознаніи отъ древняго исключительнаго Кроническаго божества, стихійныя начала повели человѣка далѣе къ зооморфизму и анеропоморфизму, въ бытѣ же, чрезъ кочевье, способствовали ему выйти къ эпохѣ устройства народнаго. На этой же ступени появляются въ сказкахъ какія-то существа неопредѣленныя, почти безъ образа, въ родѣ отвлеченныхъ понятій, на примѣръ *Объдало* и *Опивало*: въ нихъ страшная сила, безмѣрная, нестройная, но все-таки и они на пользу человѣку. Воляной Царь, о которомъ говорили мы выше, разсердившись на Ивана и желая его притѣснить, выставляетъ безмѣрное множество яствъ и питья, задавая урокъ—поѣсть все и выпить; кланулъ Иванъ *Объдалу* и *Опивалу*: все съѣдено, еще мало стало, все выпито, просятъ еще опохмѣлиться. Нѣтъ сомнѣнія, что этими средствами Иванъ потребляетъ языческія требы, упраздняетъ жертвы, уничтожаетъ тризны, игравшія такую обширную роль въ доисторическую, общеславянскую эпоху, среди кочеваго быта.—Вотъ, послѣ стихій, появляются и *організмы*, притомъ по строго-выдержаннымъ ступенямъ, отъ низшихъ до высшихъ, отъ растений до человѣка: обыкновенно сперва *дерева*, потомъ *ракъ* или *щука*, далѣе *воронъ*, *соколъ* или *утка*, *волкъ* или *медвѣдь*, и т. п. Ихъ также предварительно спасаетъ Иванъ отъ какого либо страшнаго существа, то есть отъ древняго

божества, не допускавшаго жизни ничему органическому, и за то они послѣ выручаютъ его. Заключительною степенью, передъ появленіемъ *человѣка*, большею частію бываетъ *яйцо*, *быкъ*, *конь* или огромная *птица*. Въ «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ мы привели одинъ разсказъ объ *яйцѣ*: *щука* перевозитъ Ивана черезъ море; изъ найденнаго подъ *дубомъ* ящпка выскочилъ и побѣжалъ *зайць*, — онъ пойманъ *волкомъ*; когда изъ разрѣзаннаго зайца выпорхнула *утка*, *ворона* нагнала *утку*, въ которой было *яйцо*. Наконецъ *яйцо* въ рукахъ у Ивана: прошедши всѣ возможные виды бытія, онъ дошелъ до средоточія, до скорлупы, въ которой сосредоточена смерть и жизнь, смерть для Кощея, для бытія прежняго, стихійнаго, для быта кочеваго, начало жизни для бытія новаго. Только пожать *яйцо* въ рукѣ, и Кошей чувствуетъ уже страшную боль; онъ молится: «не бей меня, Иванъ-царевичъ! станемъ жить дружно, намъ весь міръ будетъ покорень», — сознание, что въ *яйцѣ* сокрыта міровая сила, и, пока *яйцо* не тронуто, міръ не развивается, остается въ бытіи сокрытомъ, въ одной возможности. Но Иванъ-царевичъ раздавилъ *яйцо*, — Кошей умеръ, начался новый порядокъ вещей. На этомъ же основана цѣлая сказка — объ *Уткѣ съ золотыми личками*, гдѣ, за свое спасеніе, утка несетъ Ивану золотыя яйца, и, даже послѣ того какъ она убита, въ *яйцѣ* источникъ богатства для Ивана и средство сдѣлаться царемъ. Тотъ же образъ въ другой сказкѣ: «Иванъ зоветъ царевну съ собою; «Какъ же я свое богатство брошу?» Взяла все свое *богатство*, въ золотое *яйцо* своротила и отдала Ивану; онъ положилъ то *яйцо* въ карманъ, и вмѣстѣ съ нею пошелъ назадъ, » изъ подземелья на свѣтъ Божій. Еще: *Кручина*, то же, что *Горе*, поселился въ крестьянскомъ домѣ, выскакиваетъ изъ запечки, все поядаетъ, виною голоду и всему злу. Но это же *Горе*, тотъ путь страданій, вывели Ивана въ люди: *Кручина* даритъ его отцу утку, утка несетъ *золотыя яйца*, и черезъ нихъ Иванъ богатѣетъ, достигаетъ царства. Есть еще одинъ образъ, необычайно поэтическій: Иванъ добивается любви Царь-Дѣвицы; но *любовь* Царь-Дѣвицы скрыта въ *яйцѣ*; Иванъ по указанію находитъ дубъ, «на той сторонѣ Окіана-моря,» снимаетъ съ дуба сулдукъ, вынимаетъ изъ него зайца, изъ зайца утку, изъ утки *яйцо*; Царь-Дѣвица «съѣла его, и въ ту жь минуту крѣпко-крѣпко полюбила Ивана.» Въ *яйцѣ* скрыто начало творческое, согрѣвающее, высшая человѣческая сила, дающая Ивану счастье и блаженство. —

Быкъ, по самому корню слова тождественный съ *бытіемъ*, заключаетъ въ себѣ, какъ говорили мы выше, тѣ же начала разнообразнаго бытія и, по убіеніи, открываетъ входъ въ міръ человѣческой. Мы видѣли уже, какъ *Царь-Медвѣдь* закабалилъ себѣ Ивана: въ этомъ видѣ, какъ знаемъ мы изъ многихъ мифологій, представлялся древній богъ, послѣ того какъ его бросали и онъ ожесточался на новый порядокъ вещей, на существа юныя. Иванъ-царевичъ съ сестрою прячутся отъ него въ подземелье: но Медвѣдь отрылъ ихъ и помчалъ. Прилетѣлъ *Соколъ*, хотѣлъ спасти ихъ, поднялъ на крыльяхъ, но Медвѣдь «обжогъ ему пламенемъ крылья.» Хотѣлъ помочь *Орелъ*, но та же участь. Тогда «откуда не взялся *Бычокъ*, замоталъ головой и спрашиваетъ: «Иванъ-царевичъ, Марья царевна! Вы какими судьбами здѣсь очутились?» Они рассказали. «Хотите, я васъ унесу?»—Куда тебѣ! насъ уносила птица-соколы да птица-орелъ, и то не смогли; ты и подавно не сможешь! — «Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мнѣ на спину.» И точно, бычокъ спасъ, *залипая глаза* Медвѣдю, и принесъ на полянку. «Вотъ вамъ домъ,» сказалъ бычокъ; «живите не тужите! А на дворѣ приготовьте сейчасъ костѣръ, зарѣжьте меня, да на томъ кострѣ и сожгите.»—Ахъ, говорятъ царскія дѣти, за чѣмъ тебя рѣзать? Лучше живи съ нами; мы за тобой будемъ ухаживать, станемъ тебя кормить свѣжею травою, поить ключевой водою.—«Нѣтъ, сожгите меня, а щепель постройте на трехъ грядкахъ: на одной грядкѣ выскочить *конь*, на другой *собачка*, а на третьей выростетъ *яблонька*.» Конь вымчалъ Ивана, изъ кочевья къ сложившемуся народу; собака загрызла зчтя, этотъ символъ лукавства и двусмыслія, а виѣсть и древняго божества; яблонь спасла какъ привѣтъ осядлости, какъ знаменитое въ мифологіяхъ дерево *Гомъ*. Быка увидимъ еще ниже.—*Конь*—знамя перваго раздѣленія народовъ, первый выходъ человѣка на путь развитія, первое существо, начинающее періодъ народнаго обособленія, воспитое съ такимъ увлеченіемъ въ древней восточной поэзіи, главный другъ и товарищ кочевника, вынесшій его наконецъ изъ безконечнаго блужданія къ осядлости. Съ тѣмъ же характеромъ изображается онъ въ сказкахъ: черезъ него спасеніе. Иванъ блуждаетъ въ подземельѣ, наталкивается на Дѣда—Кошея. Дѣдъ его пытается: «Чего ты пришелъ?»—Биться. — Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дѣдъ ошибся, далъ Ивану сильной воды нанится, а самъ простой вышилъ. Сталъ Иванъ осливать; Дѣдъ

ему и говорить: «Не добивай меня! возьми себѣ въ погребѣ камень кресало (кремень съ огнивомъ) да трехъ сортовъ шерсть, — въ бѣдѣ пригодится!» Припаливши шерсть двухъ сортовъ, Иванъ получилъ сѣраго и воронаго коня, но они не годились. «Припалилъ рыжую шерсть,—бѣжить рыжій конь, изъ-подъ копытъ шматьа летятъ, изо рта пара пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скороль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?»—Плюнуть не успѣшь!—Съѣлъ на того коня, и очутился въ своей землѣ.» На томъ же представленіи основана цѣлая сказка «Сивка-бурка, въщипъ кнурка.» Въ награду за уваженіе, отецъ по смерти даритъ сыну Ивану-дураку *три конскихъ волоса*. «Дуракъ вышелъ въ заповѣдныя луга, прижогъ-припалилъ три волоса и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Сивка-бурка, въщипъ кнурка, батюшкино благословеніе! Стань передо мной, какъ листь передъ травой!» Бѣжить сивка-бурка, въщипъ кнурка, изо рта пыльюа пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листь передъ травой. Дуракъ *въ львое ушко влѣзь — напился-наился, въ правое влѣзь — въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодець,—не выдумать, не загадать, ни перомъ написать.*» Тѣмъ же способомъ, *проходя черезъ коня*, Иванъ добылъ себѣ царевну, богатство и царство.—О *Птицѣ*, спасающей представителя русскаго человѣка, Ивана. мы говорили уже при 3-мъ выпускѣ («Зам.» стр. XVIII—XX): *Могулъ-птица, Нога, Нога, Страфиль, Стратимъ*, в т. .д Въ сказкахъ, о которыхъ идетъ дѣло, изъ 5-го выпуска г. Аоанасьева, является часто съ тѣмъ же значеніемъ *Орелъ* и *Соколъ*. Но *Жарь-птица* по прежнимъ сказкамъ извѣстна была намъ только лишь какъ цѣль, къ которой стремится достигнуть Иванъ для своего спасенія, по задачѣ отъ притѣснителей; теперь же, вып. 5, стр. 204, она еще яснѣе, она выноситъ Ивана отъ Яги-Бабы на свѣтъ Божій: «Налетѣли со всѣхъ сторонъ всякія птицы; прилетѣла и *Жарь-птица*. «Садись скорѣй на меня, сказала *Жарь-птица*, и полетимъ куда тебѣ надобно, а то Баба-Яга съѣстъ тебя!» Такъ она и спасла его.—Наконецъ, за животными, появляется *Человѣкъ*: дошедши до сознанія внутреннего своего духа, до самосознанія, до предѣловъ собственно-человѣческаго бытія, открывши себѣ истинное средоточіе, *человѣкъ Русскій* развернулъ отсюда и высшія представленія вѣросознанія, близкія къ Христіанству, и выработалъ окончательно языкъ для выраженія жизни духовной, отдѣлилъ отъ себя міръ пройденный

какъ внѣшній, какъ природу, положилъ основы разумному человѣческому быту, а этотъ бытъ есть бытъ сложившагося народа, есть мирь-народъ какъ форма человѣчества, съ осядлостью, съ учрежденіями, съ исторіей, съ Христіанствомъ. Потому въ концѣ переходовъ своего развитія Иванъ спасается, по свидѣтельству сказокъ, *Человькомъ*. Но и тутъ въ образахъ творчества есть ступени. Сначала, на примѣръ, Иванъ въ подземельѣ находитъ *чудесный лщикъ*: изъ него, по приказу, выскакиваютъ *люди* и спасаютъ Ивана. Потомъ являются существа, не совсѣмъ еще человѣческія и народныя; *Никаморь-богатырь* и *Бѣлый Поляникъ*. Они помогаютъ Ивану въ эпохѣ еще блужданія и кочевья: добываютъ стада, золоторывыхъ коней, золоторогихъ коровъ, побиваютъ змѣевъ и толпы неприятели, сопровождаютъ на охотѣ; здѣсь самъ Иванъ еще кочевникъ, пастухъ стада; когда выноситъ его конь изъ этого періода, Иванъ даже побиваетъ прежнихъ помощниковъ, какъ убилъ, на примѣръ, Бѣлаго Поляника (это конечно то же, что Поляница, представитель кочевья). Далѣе спасаетъ Ивана *Катома-олдыка Дубовая шапка*: *Катома* то же что *сума*, знамя переходной жизни и всѣхъ Калѣкъ; *Дубовая шапка* то же, что *шляпа земли греческой* или *колоколъ* на головѣ Калѣкъ переходныхъ. Мало того: потерявъ ноги, Катома становится *безногимъ богатыремъ* и соединяется для спасенія Ивана съ *богатыремъ слѣпымъ*,—все это Калѣки, главныя лица и представители кочевья. Сообразно тому и помощь изъ Ивану ограничивается тѣмъ же завѣтнымъ кругомъ кочевого быта: они объѣзжаютъ Ивану ретиваго коня; они садятся на передкѣ его повозки возницею; они, по словамъ сказки, ташатъ его «по кочкамъ и рытвинамъ,» по извѣстному намъ *приточному* пути; они задаютъ неразгадаемыя притчи и загадки,—лучшее выраженіе того не разрѣшеннаго бытія: они живутъ охотою и по духу слышатъ звѣрей, какъ истый кочевникъ; наконецъ учатъ Ивана пасти коровъ, и т. д. Здѣсь еще *путь* къ народу, но не самый *выходъ*. Настоящими спасителями Ивана, доведшими его до Земли, до Мира-народа, до Христіанства и всего того, чѣмъ заключился путь блужданія и зачался совершенно новый порядокъ вещей, являются въ сказкахъ *Микула* и *Василиса Премудрая*. Какъ послѣднее завершеніе долгаго пути развитія, какъ цѣль конечная, Микула зародился въ представленіи Русскаго человѣка еще по ту сторону сложившагося мира-народа, еще въ эпоху доисторическую, общую всѣмъ Славянамъ, даже

въ самомъ началѣ ея, какъ начало къ себѣ влекущее, изъ за котораго и предпринять былъ путь развитія, поднять тяжкій трудъ безчисленныхъ подвиговъ. Но, присутствуя въ сердцѣ Русскаго человѣка, носимый имъ какъ завѣтное сокровище, этотъ типъ вначалѣ былъ еще сокрытымъ, какъ сокрыта была сама внутренняя область духа; онъ даже не былъ еще типомъ, не былъ образомъ, а только таящимся сѣменемъ. Царившее божество въ вѣросознаніи, царившее какъ духъ внѣшній, развитой въ дѣйствительности бытъ кочевья, шумъ битвы на пути, скрипъ телегъ въ переходахъ, гамъ табора, весь этотъ міръ нестройности и внѣшности заслонялъ собою образъ Микулы, заглушая его влекущій изъ внутри голосъ, низводилъ его существо въ бытіе сокрытое, инстинктивно лишь ощущаемое, но сознанию невѣдомое, творчеству недоступное. И когда такое бытіе было разорвано, убито, тогда на рубежѣ стараго порядка вещей Микула явился еще, какъ мы видѣли, въ уничиженномъ видѣ, Мужичкомъ съ локотокъ. Мальчикомъ съ пальчикъ. Такимъ лишь знаютъ Микулу сказки, такимъ лишь вводятъ его въ сотоварищи Ивану, заставляя блуждать съ нимъ передъ вождедѣннымъ концемъ освобожденія; и только начиная догадываться, что этотъ Мужичокъ съ ноготокъ, этотъ Мальчикъ съ пальчикъ способенъ совершать чудеса, съ недоумѣніемъ останавливается сказка передъ этимъ образомъ: она выходитъ изъ недоумѣнія, обращая Микуду въ образъ шуточный, въ насмѣшливую перелицовку, какъ будто такая дѣйствительность была невозможна на самомъ дѣлѣ. Но, чего не смогла Сказка, изображающая намъ русскаго *человѣка*, на *пути* развитія, гдѣ загнулась она въ недоумѣніи и оставила слово недосказанное, тачъ подоспѣла Былина. Лишь съ утвержденіемъ новаго порядка вещей дозрѣлъ образъ Микулы: лишь Владимірово, Кіевское творчество вывело его предъ наши взоры во всемъ торжествѣ победы. Такова же была Васялиса. Дочь Водянаго Царя, она зародилась еще изъ волны, какъ Афродита, она также давно зачалась какъ Афродита, одна изъ самыхъ старшихъ богинь Востока. При всякой уступчивости одного божества, смѣнявшагося другимъ въ вѣросознаніи, она была женскою его половиною, выражавшею уступчивость и стихійность, и, изъ матери всякаго новаго начала, переходила въ подругу его, энергическую спутницу судьбы его. Она сопровождала Русскаго человѣка, въ лицѣ Ивана, по всему пути доисторическаго развитія: она именно та *царевна*, которой добывался Иванъ, по словамъ всѣхъ нашихъ сказокъ, изъ

за которой совершалъ тяжкіе подвиги, то полная любви — какъ Афродита, бѣгущая съ Иваномъ отъ преслѣдованій отца, безвозвратно ему преданная, нерѣдко даже имъ забытая, то измѣнчивая и капризная, въ капризѣ своемъ требовательная и энергическая, какъ та же Афродита, какъ извѣстная у насъ Царь-Дѣвица, иритѣснительница жениха, орудіе горькихъ испытаній его (иногда она въ томъ же двойномъ значеніи является сестрою Ивана). Ее отучалъ отъ строптивости и укрощалъ Катомъ-дядька въ эпоху кочевья; ея любви искалъ Иванъ въ ябцѣ за далекимъ Окіанъ-моремъ. Только передъ концемъ пройденнаго поприща она становится уже образомъ опредѣленнымъ; только послѣ долгихъ страданій Ивана, когда на помощь ему появились уже люди и близьокъ былъ выходъ ко спасенію, является она съ нимъ объ руку, достойна руки его, даетъ ему счастье, сама уже развитая и окрѣпшая въ своемъ типѣ, не только *Василиса Прекрасная*, *Льпообразая*, но и *Василиса Мудрая*, и *Премудрая*. Такъ и Былины знаютъ еще дочь Микулову *Поляницею*, героинею поля и кочевья, переходовъ и дѣвическихъ подвиговъ, до замужества. Сказки кончаютъ свадьбою: Былины продолжаютъ даѣе. Здѣсь она дочь Микулы, представителя новаго порядка вещей, и дѣлится на двѣ половинны: обѣ прекрасныя, но одна сестра, Настасья, вся любящая и нѣжная, какъ одна сторона Афродиты; другая Василеса, величавая и строгая, грозная и мужественная. Только позднѣйшее творчество способно было раздѣлить этотъ образъ на черты болѣе опредѣленныя, сдѣлать изъ одного—два существа близкія и родственныя, но не славяемыя. По Былинамъ, воспитавшись въ лучшемъ и старшемъ домѣ Земщины, Василеса выходитъ за Богатыря, за Дружинника, и сопутствуетъ ему въ тѣхъ Дружинныхъ подвигахъ, которые зачинались отъ Земли: по Сказкамъ она воспиталась среди началъ стихійныхъ и кочевыхъ, идетъ за того, кто стремился выйти изъ Кочевья къ Землѣ, и помогаетъ ему на этомъ пути, и способствуетъ его водворенію, его счастью. Роли противоположныя, сходящіяся только въ смежныхъ концахъ своихъ. Дѣло такъ важно, что мы подробно разберемъ данныя и объ Микулѣ сказочномъ, и объ сказочной Василесѣ Премудрой. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь на царствѣ, король на королевствѣ, и были у него дѣти: сынъ Иванъ-царевичъ и дочь Елена Прекрасная.» Судя по прочимъ даннымъ, это безмятежное время было еще по ту сторону рѣшительнаго раздѣленія на-

родовъ, когда царилъ древнѣйшій богъ въ вѣросознаніи, когда начало Русское (съ содѣствующей женской половиной) только лишь зарождалось въ общеславянскомъ лонѣ: такъ называемое *золотца время*, отозвавшееся въ другихъ сказкахъ тѣмъ, что Иванъ переходитъ три царства — золотое, серебряное, мѣдное, получаетъ три такихъ же кольца, и т. п. «Появился въ его царствѣ Медвѣдъ Желѣзная Шерсть и началъ его подданныхъ жечь. Бысть Медвѣдъ людей, а царь сидитъ да думаетъ, какъ бы ему спасти дѣтей своихъ. Велѣвъ оцъ построить высокой столбъ, посадилъ на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную, и пиши *) нитъ поклавъ туда на пять лѣтъ.» Изъ другихъ мифологій и выше видѣ Русской мы знаемъ, кто такой этотъ Медвѣдъ: подъ его образомъ древнѣйшій богъ. Это былъ для Славянъ Сварогъ: но, когда началось движеніе въ прежнемъ невозмутимомъ началѣ, когда народилось начало новое, древнее божество ожесточилось, сдѣлалось исключительнымъ, мстительнымъ, всепожирающимъ, Сварогъ преобразился въ Сварожича, въ Дажбога, и явился въ образѣ лютаго звѣря. Этой минутѣ для всѣхъ народовъ соответствовало построеніе знаменитаго столба, которымъ думали спасти колебавшееся единство вѣросознанія, удержать распаденіе, остановить раздѣленіе народовъ, или по крайности соизать средоточіе для сближенія, спастись въ этомъ внѣшнемъ единствѣ... «Перелѣзъ Медвѣдъ всѣхъ людей, » разными средствами, которыя здѣсь долго бы было объяснять, узнавъ о столбѣ, гдѣ спасались братъ съ сестрою, «привѣмалъ Медвѣдъ ко столбу и началъ его раскачивать. Испугался Иванъ-царевичъ и бросилъ ему пиши, а Медвѣдъ наѣлся да лѣтъ спать. Спитъ Медвѣдъ, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки.» Средство спасенія не удалось: послѣ постройки столба наступило рѣшительное раздѣленіе народовъ. Древнѣйшій богъ, въ ожесточенномъ видѣ своемъ, тѣмъ болѣе налетъ, тѣмъ болѣе подкаръвалъ народившееся новое начало, зная, что оно скрывается, что его нужно искать и преслѣдовать. Въ такую страшную минуту отдѣлилось Славянство отъ прочихъ народовъ, отъ своей первобытной родины, и вступило въ періодъ, когда подъ влияніемъ Дажбога началось обособленіе, періодъ развитія самостоятельнаго. Здѣсь Русское начало, юное и неопытное, въ общемъ Славянскомъ единствѣ, искало явны одного — спасенія отъ грознаго божества. Божество то преслѣдуетъ,

*) Замѣняемъ позднѣе вставленное въ сказку слово «привѣмалъ»

то нѣсколько уступаетъ — спать или отстаётъ, потому снова его реакція — новая жестокости, и опять шагъ впередъ, тихонько отъ него. Тогда-то, въ минуту уступчивости божества, выраженной обыкновенно стихіями, особенно водою, началось кочевье: «бѣгутъ безъ оглядки.» Но кочевье, порывавшееся впередъ къ цѣли, на каждый шагъ впередъ возвращалось опять назадъ, въ то же кочевье, въ исходную точку; спасенія еще не было; божество нагоняло и грозило безпрестанно. Такъ длился безконечный путь блужданія, пока древнее божество утомилось, умерло или исчезло; пока стихійность дошла до организма, хотя бы сперва и низшаго, животнаго; пока въ самомъ кочевьѣ, въѣшнемъ бытѣ, опредѣлялись условія и виды жизни; пока съ ними освоились, нашли возможность выработать изъ нихъ что либо лучшее; пока, на примѣръ, опредѣлялась торговля, обогнались обычаи, проглянули вдали приманки осядлости; пока въ стадахъ нашли фондъ для имущества постоянного, предметъ торговли; свыклись съ конемъ, который ичалъ въ кочевьѣ, не послѣ и вымчалъ отсюда; съумѣли ясно различить разнообразныя виды бытія, выраженные въ мифологій разбѣзаннымъ быкомъ; по образу той же мифологій, нашли у птицъ яйцо, заключающее тайну міра; пѣвнялись садомъ, какъ знакомъ осядлости, съ Жарь-птицей, которая могла вывести на свѣтъ Божій изъ самого подземелья, и проч. Все эти образы, какъ средства спасенія, иногда удавшіяся Ивану, иногда нѣтъ, мы уже видѣли. Въ сказкѣ, о которой идетъ рѣчь, этотъ путь изображенъ такъ: «На дорогѣ стоитъ Конь. «Конь, конь, спаси насъ!» говорятъ они. Только что сѣли на коня, Медвѣдь ихъ и догналъ. Кона онъ разорвалъ на части, а ихъ взялъ въ пасть и принесъ къ столбу (т. е. воротилъ назадъ). — Дали они ему пища, онъ наѣлся и опять заснулъ. Спитъ Медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки. По дорогѣ идутъ Гуси. «Гуси, гуси, спасите насъ!» Сѣли они на гусей и полетѣли; а Медвѣдь проснулся, опалилъ гусей полымьемъ (именно какъ жгучій Дажбогъ), и принесъ ихъ къ столбу. — Дали они ему снова пища: онъ наѣлся и опять заснулъ. Спитъ Медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки. На дорогѣ стоитъ Бычокъ-третьячокъ. «Бычокъ, бычокъ, спаси насъ! За нами гонится Медвѣдь Желѣзная-Шерсть.» — Садитесь на меня, а ты, Иванъ-царевичъ, сядь задомъ напередъ, и какъ увидишь Медвѣдя, скажи мнѣ. — Только что догонитъ ихъ Медвѣдь, Бычокъ-третьячокъ

и зацѣпить ему глаза *). Три раза Медвѣдь догонялъ, три раза Бычокъ зацѣплялъ ему глаза. Стали они переправляться черезъ рѣку, Медвѣдь за ними.—да и утонулъ.» Грозное божество погнбло въ той стихіи, которая явилась въ его же періодъ, но, означая въ мифологіи уступчивость и мягкость, низвела его съ поприща, лишила жестокости, отвела въ бытіе скрытое. Здѣсь тотъ рубежъ, который въ мифологіи обозначается обыкновенно господствомъ воды, потопляющей древняго бога, омывающей настоящее лицо земли, или, что то же, богини, обманывающей мужа, матери, порождающей организмы, новыя начала, которые шагъ за шагомъ идутъ уже къ побѣдѣ. Ниванъ на другомъ уже берегу: передъ взоромъ начинаеть раскрываться новая жизнь, со всемъ ея разнообразіемъ, силы рвутся къ двательности; нужна новая ница для совершенія подвиговъ. «Захотѣли они бсть. Вотъ Бычокъ имъ и говоритъ:—Зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте; изъ нихъ выйдетъ Мужичокъ—Кулачокъ, самъ съ ноготокъ, борода съ закотокъ. Онъ для васъ все сдѣлаетъ.—Время идетъ да идетъ, съѣла она Бычка и захотѣли опять бсть; вдарили легонько по косточкамъ, и вышелъ Мужичокъ—Кулачокъ.» Смыслъ разрѣзаннаго быка намъ уже известенъ; прошло съ тѣхъ поръ довольно времени и появляется наконецъ въ вѣросознаніи антропоморфизмъ, боги изъ стилизмики и животноеобразныхъ становятся человекообразными, вся жизнь получаетъ мало по малу характеръ человѣческій въ истинномъ смыслѣ, человекъ доходитъ до сознанія своего дуа, отдѣляетъ себя отъ остальной природы, какъ уже вѣшней, и, приобретая истинную человѣчность, человечество, дотолъ блуждавшее въ неопредѣленности племенной, но дорогѣ къ народности, наконецъ получаетъ эту народность, слагаетъ ее въ болѣе или менѣе опредѣленный образъ. У Славянъ, мы говорили выше, соответствуетъ этому періоду время единенія съ Греками, сосѣдства и взаимнодѣйствія, когда, на первыхъ порахъ ослѣдлости, и божества получили челоовѣкообразность, на призывъ Чуръ приравнялся къ Гермесу, Волосъ къ Геміосу и Фобу, обряды сроднились—по внутреннему единству—съ греческими, на призывъ Кулака, Сobotки, Коляда, и т. д., началось даже творчество въ первыхъ попыткахъ, въ зародышѣ своихъ образовъ. Это было время, когда и въ племенномъ единствѣ Славянскомъ показалаь разнѣ: на-

*) Какъ зацѣпить—это уже наивность сказки.

чали выработываться отдѣльными Славянскія народности. Между ними зародившаяся народность Русская избрала своимъ идеальнымъ образомъ Микулу, впоследствии столь блистательно развившуюся Русскую Землю и Женщину, ширь-народъ, общину, варвь, вѣче, и т. д. Но сначала Микула малъ, слабъ, въ видѣ уничиженномъ: онъ съ ноготокъ, съ кудачокъ, хотя по древности происхожденія, какъ локомая цѣль пути, онъ въ то же время бородачь, и борода его съ локотекъ; онъ Мальчикъ съ пальчикъ, Микулка Четвертой (въ четверть), столь же нечаянно, вдругъ появившіеся, но давно локомые (старикъ давно появился объ этомъ дѣтищѣ). Отсѣлъ, какъ цѣль уже опредѣляющаяся и получившая образъ, руководить Микула Русскимъ челоѣкомъ на дальнѣйшимъ пути, помогая выдѣлываться изъ Славянскаго племени. Тогда начинаютъ препятствовать дальнѣйшему пути не только чужіе и сосѣдніе народы, но даже и средные, и близкіе, соплеменные, самое Славянское племя, въ которомъ начало обособляться нѣсколько отдѣльных, угловатыхъ народностей. Это выражается въ сказкахъ притѣсненіемъ Ивану со стороны старшихъ братьевъ, дядекъ, вообще родственниковъ, даже ближайшей подруги, какъ сестры или невесты. Значеніе сей послѣдней нами выяснено уже выше: это та же древняя Вода, та же древняя Богиня. Сначала, при ожесоченномъ богѣ, она выражаетъ уступчивость его и смягченіе: въ ту пору она большею частію подружка старика, мать (матерь—матерія) новаго начала, дѣтей и внучатъ. Мало по малу она сама юнѣетъ, и подрукою сонутствуетъ началу новому. Но она все-же стихія, а стихійность, когда пришло время ей упрямиться челоѣкообразностью, народностью, въ свою очередь дѣлалась гибкою и завинала змергію жестокости отъ древняго бога. Такъ мы видали Царь-дѣвицу, начавшую на Ивана преслѣдованія, и много было у него такихъ жестокихъ или измѣнчивыхъ невестъ: въ этомъ случаѣ онѣ обыкновенно представляются въ сказкахъ дочерьми Чудница, Водянаго Царя, Зѣта, или просто Старика, т. е. древняго бога. Не скоро опять удалось Ивану смягчить и эту сторону: отыскавши ея любовь въ яйцѣ, укротивши капризный нравъ посредствомъ дядекъ, пристроивъ невесту въ семью свою, сдѣлавши «любимую семейшкою», «началомъ вѣрнымъ и любящимъ среди семейства. Истинное семейство сложилось только при окончательно сложившемся народѣ, послѣ борьбы съ родомъ и племенемъ. Отсюда-го у всѣхъ почти Славянъ, при началѣ ихъ исторіи положительной,

множество образовъ грозныхъ дѣвъ, владычицъ мужни и притѣняющихъ ихъ, пека одождать мужъ;—на приирь у Чеховъ Любуша и Дѣвки, потомъ Премысль. У насъ же одождать Микула: онъ помогъ Ивану сдѣлаться изъ чловѣка мужемъ, а по языку сказокъ—сдѣлаться мужемъ укрощенной невесты, обвѣнчаться. Иванъ, Русской чловѣкъ, перешелъ со временемъ въ Микулу, въ Русскаго мужа и мужика, въ Русскій народъ. Но, пока это сдѣлалось, Микула же помогалъ Ивану среди родовыхъ и племенныхъ началъ обще-славянскихъ, хотя сначала въ видѣ еще сарбомъ и уничиженномъ. Такъ точно и Елена Прекрасная, сначала любящая сестра Ивана, дѣлающая съ нимъ путь, измѣняетъ при достиженіи дома, осѣдлости, цѣля. Продолжаетъ сказку. «Вотъ пошли они въ дѣсь, а въ томъ дѣсу стоялъ домъ.» только бы жить да поживать въ семьѣ Славянскихъ народовъ, Ивану съ сестрицею. Но эта семья еще далеко была отъ семьи внутренней, вышшей сложиться лань въ томъ народѣ: въ ней оказался раздоръ. «А домъ тотъ былъ разбойничій; Кулачокъ убилъ и разбойниковъ, и атамана, и заперъ ихъ въ одной комнатѣ, а Еленѣ не велѣлъ туда іодить. Только она не вытерпѣла, посмотрѣла и влюбилась въ голову—атамана.» Тогда съ атаманомъ задумала она известъ Ивана; и задавала ему разные уроки, на которыхъ онъ долженъ былъ погибнуть: выручалъ только Микула. «Потомъ атаманъ и Елена Прекрасная видятъ, что вѣтви некая известъ Ивана-царевича; послали его достать яицъ Жарь-птицы. Отправился Иванъ-царевичъ съ Мужичкомъ—Кулачкомъ доставать яицъ. Нашли они Жарь-птицу, хотѣли было взять яицъ, она рассердилась и проглотила Мужичка-Кулачка, а Иванъ-царевичъ пошелъ безъ яицъ домой. Приходить къ Еленѣ Прекрасной, рассказалъ ей, что не могъ достать яицъ и что Жарь-птица проглотила Мужичка-Кулачка. Елена Прекрасная съ атаманомъ обрадовалась и говорить, что теперь Ивану-царевичу безъ Кулачка ничего не сдѣлаетъ: велѣла его убить.» Знаменитая птица, нѣкогда вынесшая Ивана на свѣтъ Божій, теперь, по мѣшваніи зооморфизма, сама является врагомъ, и, донесши Ивана до первой осѣдлости, въ пламенномъ родствѣ Славянскомъ, мѣшаетъ дальнѣйшему опредѣленію народности Русской, поглощаетъ Микулу. Время, однако, ушло уже далеко: нельзя было Микулу поглотить навсегда. Когда Иванъ горевалъ о приближающейся смерти, приносится вѣсть, «что Мужичокъ-Кулачокъ спасся отъ Жарь-птицы и сей-часъ придетъ къ нему.» Такъ

и было. Начинается ищенье: атаманъ разорванъ, Елена пострадена. « Откуда ни возникъ Мужичокъ-Кулачокъ, — велѣлъ волчонку, медвѣжонку и львѣнку разорвать атамана на мелкіе кусочки, а Елену взять — привязалъ голую къ дереву, чтобъ ее тѣло съѣли комары и мушкетеры, а самъ отправился съ Иваномъ-царевичемъ путь-дорогою. » Отъ племенныхъ и родовыхъ связей отдѣляясь; нужно было продолжать развитіе, становиться мужемъ, народомъ, — связъ, выраженная въ творчествѣ бракомъ. Одна половина спутницы, одна сторона женской половины, грозная, предательская, въ лицѣ Елены укрощена, постражена: нужно было иснать любящую, вѣрную; сестра устранена (слово *се-стр-а*, удвоенный корень *стр-*, извѣстный и въ санскритскомъ, — *стр-*, « стереть, » « протереть, » имѣетъ при себѣ форму *стр-ана*, сторонній, союзный, соплеменный народъ, *страны* — облегающіе народы, иногда — язычники, язычество, связанное общими узлами): нужно добывать невѣсту. Но и ее нужно было добывать съ бою, и въ невѣстѣ Ивана свачала преобладаетъ тотъ же характеръ, жестокой, предательскій, какой мы видѣли въ Царь-Дѣвкѣ, въ Королевицѣ Аниѣ Прекрасной, пока перешелъ отъ, упротившись, въ характеръ Василисы, и она-то сдѣлалась настоящею женою. « Завидѣвъ большія палаты. Говоритъ Мужичокъ-кулачокъ: « Не хочешь ли, Иванъ-царевичъ, жениться? Вотъ въ этомъ домѣ живетъ Богатырь-Дѣвка; она ищетъ такого молодца, чтобъ ее одолѣть. » Вотъ и пошелъ къ тому дому. Не дошелъ ни много, съѣлъ Иванъ-царевичъ на лошади, а Мужичокъ-кулачокъ съзади его (какъ опора мужества), и начали вызывать Богатырь-Дѣвку драться. Дралась-дралась; Богатырь-Дѣвка ударила Ивана-царевича въ грудь, Иванъ-царевичъ чуть-чуть не упалъ, да его Кулачокъ удержалъ (опять спаситель его). Потомъ Иванъ-царевичъ ударилъ Богатырь-Дѣвку копьемъ, и она тотчасъ свалилась съ коня. Какъ сиѣлъ Иванъ-царевичъ Богатырь-Дѣвку, она и говоритъ ему: « Ну, Иванъ-царевичъ, ты теперь можешь меня взять за мужа. » Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается (въ настоящемъ случаѣ — глубокое сознаніе о томъ, какъ долго длался такой періодъ). Иванъ-царевичъ женился на Богатырь-Дѣвкѣ. « Ну, Иванъ-царевичъ, говоритъ Мужичокъ-кулачокъ, если на первую ночь сдѣлается тебѣ дурно, то выходи ко мнѣ, я въ бѣдѣ помогу. » Вотъ легъ Иванъ-царевичъ спать съ Богатырь-Дѣвкою. Вдругъ Богатырь-Дѣвка положила ему на грудь руку (ср. выше, какъ Анна Прекрасная славилась

Ивана), Ивану-царевичу сдѣлалось дурно, началъ онъ проситься выйти. Вышедши, клякнувъ Мужичка-кулача, разсказалъ ему, что Богатырь-Дѣвка его душитъ. Мужичокъ-кулачокъ пошелъ къ Богатырь-Дѣвкѣ, началъ ее бить да приговаривать: «Почитай мужа, почитай мужа!» Съ этого времени стали они жить да поживать, да добра наживать.» Теперь, кажется, дошли до конца. Но народъ еще послѣдовательнѣе: сложившись, онъ хочетъ помириться съ родомъ, родовымъ бытомъ, изъ котораго вышелъ, но съ которымъ можетъ помириться какъ великодушный побѣдитель; такъ обыкновенно, когда мужъ, послѣ борьбы съ родными, столь частой во всякомъ быту, сводитъ свой кругъ семейной внутренней жизни, жена является часто обратнымъ дѣятеlemъ, возвращающимъ къ роду, примирительнымъ началомъ. «Послѣ началъ Богатырь-Дѣвка просить Ивана-царевича, чтобъ отвязалъ Елену Прекрасную и взялъ бы ее къ себѣ жить. Онъ сейчасъ послалъ отвязать и привести ее къ себѣ. Долго жила у него Елена Прекрасная. Одинъ разъ говоритъ она Ивану-царевичу: «Братецъ, дай я тебѣ пощу?» Начала искать и пустила въ голову мертвый (змѣиный) зубъ,» — остатокъ старой злости. Едва высвободившись, «Иванъ-царевичъ велѣлъ Елену Прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю (Аван., 5 выш., № 27, стр. 127—131).» Этими выражено конечно, какъ Русскій народъ окончательнo развязался съ родовымъ бытомъ, хотя уже не при самомъ началѣ положительной исторіи, а въ дальнѣйшей борьбѣ; старое начало само обличило свою несостоятельность, само погубило себя; въ другихъ же сказкахъ Иванъ прощаетъ прежнимъ своимъ недругамъ, старшимъ братьямъ, роднымъ, хотя также окончательнo посрамивши ихъ и низложивши. Дальнѣйшую исторію Ивана и Микулы мы знаемъ уже по былинамъ. На рубежѣ міра Сказки и Былины, эпохи доисторической и исторической, Русскаго Человѣка и Русскаго Народа, Иванъ переходитъ въ Микулу: таковъ, мы знаемъ, Иванъ-дуракъ или Голь Воянскій, покоряющій богатырей; одною стороною Сказочный, другою Былинный; слабый, худой, бѣдный, и торжествующій, побѣдоносный; съ одной стороны «простой» человѣкъ, съ другой—въ опредѣленіяхъ уже народныхъ, обставленный историческими дѣями; съ одной стороны способный сдѣлаться всякимъ богатыремъ (мы видѣли родство его не только съ Иваномъ Гостинымъ и Годиновичемъ, но и со многими прочими), съ другой уже отличный отъ нихъ. Здѣсь Сказка и Былина колеб-

лются еще между собою въ предѣлахъ. Шагъ одинъ отъ этого переходнаго рубежа, и намъ является окрѣпшее народное творчество, въ его лучшую эпоху — Владимірову, среди окончательно-сложившагося народа, среди положительной исторіи; окрѣли образы, развились стихи, явились Былины. Здѣсь значеніе Русскаго человѣка и Русскаго народа слито въ единый творческій образъ, въ одно единство, совокупившее идею и форму, доисторическое происхожденіе и историческое лицо, свойства Ивана и цѣльность свойствъ въ Микулѣ. Вмѣсто двухъ лицъ, для Былинъ является одно: Микула, старшее лицо Былины, ибо старшее лицо Земли. Съ минуты этого единства, пути Былины и Сказки раздѣлились снова: Сказка пошла своимъ, дробя Былину, разлагая ее на части, или разнося образы, нѣкогда добытые, летучими чертами по вѣтвямъ мелочамъ и частностямъ, по вѣтвямъ изгибаемъ Русской обиходной жизни; Былина, затеплившаяся отъ Сказки, пошла своимъ путемъ, сосредоточивая летучія черты доисторическія въ стройный образъ, и образъ за образомъ, рядъ ихъ за рядомъ, закрѣпляя связями были, обособляя именами и обстоятельствомъ исторіи. Начало Былины въ Микулѣ: отъ Микулы идутъ развиваясь прочіе богатыри, какъ Дружина Земская идетъ отъ Земли. Дружина — явленіе, мы знаемъ, соответствующее доисторическому броженію, но обратно, отъ сложившейся Земли; Богатыри, каждый отдѣльно, соответствуютъ разнымъ чертамъ Ивана, но опять обратно, веда эти черты черезъ Микулу и возвращаются къ нему какъ средоточію. Въ творчествѣ, въ Былинѣ, зѣтвомъ, соединяющимъ ихъ съ Микулою, являются естественно женщины: женственная сторона Микулы роднитъ его съ прочими богатырями. Наиболѣе исключяющей всякую женственность, Илья болѣе всего повторяетъ самого Микулу, Землю; прочіе и главнѣйшіе богатыри женятся на дочеряхъ Микулы (таня и Микулова кобылка даетъ витязямъ лучшихъ коней). Въ эту минуту русской исторіи можно было найти истинную семью лишь въ лонѣ міра-народа (*семь*, какъ міръ-сходка, равенъ *семь*, слова одного корня и образованія); здѣсь только возможна стала истинная семья, какъ семейство и какъ жена (*семеюшка* въ былинахъ значить то и другое). Потому по былинамъ лучшія жены воспитались въ лонѣ Микулы, въ его дождѣ. Соединились вмѣстѣ и обѣ стороны древней, доисторической женщины: грозная, мужественная, энергическая, и любящая, нѣжная, слягчающая. Но, прошедши черезъ Микулу, соединились не по старому. Настасья Микулицна въ

жизни дѣвичьей. та же недоступная, вѣчная богиня и героиня; богатырь-Дѣвка, грозная поляница, « женщина великая; » ее долженъ Добрыня взять съ бою; какъ нѣкогда Иванъ свою невѣсту; но женою богатыря, дочь Микулы является крайнюю степенью любви, нѣжности и преданности. Василиса начинаетъ любовью и нѣжностью, когда она при энергическомъ мужѣ Данилѣ, когда Данило, подобно Ивану, борется изъ за нея со всѣми родными и близкими; когда же онъ палъ въ борьбѣ, когда его смѣнило слабое лицо Ставра, тогда при Ставрѣ становится Василиса мужественною, чтобы своею энергіею помирять мужа съ родомъ-племенемъ, богатырями родственными, съ обществомъ, съ княземъ, какъ мирила Ивана съ сестрою Еленою богатырь-невѣста его. Очевидно, въ обѣихъ сестрахъ присутствуетъ та и другая сторона Русской женщины: обѣ сестры образъ цѣльный, художественный, обѣ Прекрасныя. У одной лишь преимущество одного свойства, у другой другаго: Настасья, какъ жена, есть по преимуществу *Любщая* и *Нужная*, Василиса *Премудрая* и *Грозная*. Обѣ онѣ порожденіе *одного Микулы*. — Перейдемъ къ другой сказкѣ, о Василисѣ Премудрой, гдѣ передъ нами повторится та же исторія, хотя въ иныхъ и, можетъ быть, еще болѣе яркихъ образахъ. Сказка начинается нѣсколько позднее предыдущей: здѣсь нѣтъ уже ни столба, ни древнѣйшаго бога въ ожесточенномъ образѣ Медвѣдя. Дѣйствуетъ *Водной Царь*, самъ стихія, уступчивая. Почему же разсвирѣпѣлъ онъ, почему изъ древней богини—воды переродился въ образъ мужескій и энергическій, а отъ древняго бога занялъ жестокость и мстительность? — Наэтѣ дается объясненіе въ началѣ сказки: отецъ Ивана—царевича пытался уже выйти изъ стѣпности и броженія; его уже выносили *орелъ* надъ моремъ; но потомъ снова бросали въ море; подъ конецъ орелъ подарилъ ему сундучокъ, заключавшій счастье, а отпирать велѣтъ негодить, время еще не созрѣло; царь не вытерпѣлъ, раскрылъ: «заттуда столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь; едва на островъ помѣстились.» Сравните выше высвобожденіе разнобразныхъ организмовъ: только это было еще преждевременно, царь не могъ съ ними справиться. «Какъ увидалъ это царь, возгорѣлся, зачалъ плакать и приговаривать:—Что же мнѣ теперь дѣлать? Какъ оцѣтъ соберу все стадо въ такой маленькой сундучокъ?—И видитъ онъ—вышелъ изъ воды человекъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «Чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?» — Какъ же мнѣ

не плакать, отвѣчаетъ царь: какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькой сундучокъ?—«Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ все стадо, только съ уговоромъ: отдай мнѣ, чего дома не знаешь.» Царь согласился. «Вотъ тотъ человекъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь съѣлъ на корабль и поплылъ во свояси.» Мы знаемъ уже, что этотъ неожиданный помощникъ былъ Водяной Царь, а обѣщанный ему въ казалу — родившійся у царя Царевичъ. Такимъ образомъ, пытаюсь выйти изъ стихійности, царь не нѣтъ силы справиться съ преждевременнымъ появленіемъ силъ органическихъ: онъ опѣшилъ, загоревалъ, воротился назадъ, подобно какъ прежде орелъ, вынося его изъ моря, снова бросалъ туда обратно; призвана на спасеніе прежняя стихія; она скрыла, сдѣлала организмы, приобрѣла характеръ исключительности, подвинулась грознымъ Водянымъ Царемъ и за услугу потребовала себѣ жертвы, обрекла на службу себѣ ненавистное новое начало, только что нарождающееся. Начинаются для юности подвиги страданій подъ страхомъ и преслѣдованіемъ прогнѣваннаго стихійнаго божества. Иванъ, брошенный отцемъ и матерью на собственную роковую участь, идетъ какъ жертва на взморье. На пути, какъ водится всегда, избушка Яги-Бабы: спасибо, она указала путь къ Водяному Царю и научила средствамъ спасенія,—какъ отыскать помощь Василисы, какъ взять съ собою Оливалу и Обѣдалу, да Мороза-Трескуна. Иванъ къ берегу моря, за кусты. «Тутъ прилетѣли двѣнадцать колющихъ, ударились о сыру землю, обернулись красными дѣвцами и стали кушаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, слѣдитъ за кустомъ—не ворохнется. Дѣвцы выкуцались и вышли на берегъ. Одинадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой. Остаталась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца: «Отдай, говоритъ, мою сорочку; придешь къ батюшкѣ, Водяному Царю, въ то времячко я тебѣ сама пригожусь.» Царевичъ отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась колющею и улетѣла въ слѣдъ за подружками.» На синей равнинѣ моря поднялось изъ глубины существо прекрасное, дочерью Водянаго Царя, вспорхнула Колпицею, какъ въ другихъ сказкахъ Лебедью. Русская Ауродита, она также прекрасна, и также молода еще какъ самъ царевичъ. Въ человѣчскій образъ она одѣвается еще только оборотнемъ, она принадлежитъ все еще породившей ее стихіи. Въ ней будущая Василиса, не только Прекрасная, но и Премудрая, не только

Афродита, но и Деметра, любящая Ивана, блуждающая съ нимъ также точно по тремъ царствамъ, отыскивая сѣмена: челоѳческаго духа, какъ блуждала нѣкогда греческая богиня въ тоскѣ во дочери, ища ее всюду, похищенную, потомъ спасенную и сдѣлавшуюся высшимъ, крайнимъ божествомъ челоѳческаго духа, какое могло только породиться въ язычествѣ и открыться въ мистеріяхъ. Но это будущее еще далеко: Василиса должна еще вернуться въ колпцу, прожить дочерью стихійнаго бога; она, какъ говорятъ въ подобномъ случаѣ другія сказки и былины, «еще некрещеная и поганая,» не можетъ цѣловать челоѳка Русскаго, не можетъ еще сдѣлаться его женою. Она должна помочь Ивану въ самомъ еще лонѣ стихій. Иванъ не торопится, даетъ пройти законному времени. Начинаются его подвиги на крѣпостной службѣ господину. Водяной царь велитъ построить черезъ море большой хрустальный мостъ: переходъ изъ стихійнаго бытія въ иное, черезъ море на сушу, отъ Стихій къ Землѣ. Онъ велитъ посадить «зеленой садъ, большой да вѣтвистой, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты распѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли:» приманчивый образъ остроты, рубежъ кочевья. Онъ приказываетъ отличить невесту изъ двѣнадцати одноликихъ: опытъ зоркости взгляда, способенъ ли онъ различать виды бытія. Каждый разъ при назначеніи новаго подвига, царевичъ заливается слезами, въ немъ силъ еще мало; каждый разъ помогаетъ ему Василиса, силою высшею, занятой отъ отца; каждый разъ царинный богъ возвращаетъ новое начало снова и снова въ свою службу, погружая его въ состояніе безвыходное. Но онъ же убѣждается съ каждымъ разомъ, что новое начало окрѣпло, что оно въ силахъ совершить подвиги неслыханные, вступить въ періодъ жизни новой. И вотъ онъ лучше разгнѣванъ, предчувствуя смерть; онъ ожесточается всею мстительностью, онъ заимлетъ энергію у жгучаго бога — Дажбога. Онъ разставляетъ требы, заставляетъ совершать тризны; онъ топить чугунную баню, хочетъ истлѣть въ ней и жениха, и даже опостылѣвшую собственную дочь свою. Мы помнимъ, какъ помогли здѣсь трое сотоварищей царевича: требы потреблены, уничтожены, раскаленная печь подернулась ипеемъ. Для русскаго челоѳка виновали и жертвы языческія, и кровавыя тризны, и пепелища костровъ, устѣвшихъ весь доисторическій путь его. Божество старое дошло до крайней степени ярости, обезчещенное передъ собственнымъ взоромъ своимъ; Василиса созрѣла подвигами, очистила

нии существо свое, готова навсегда принять образ вполне-человеческий, стать спутницей и подругой. Иванъ чувствует вблизи искомый рубежъ, онъ отдался и отъ моря, и отъ палищаго юга, онъ ознакомился съ силою морозовъ стверныхъ. Остается бѣжать къ рубежу. « Уйдемъ отъ бляшки Воданаго Царя, говорить царевичу Василиса Премудрая; онъ на тебя больно сердить, не причинилъ бы зла какому! » — Уйдемъ, — говорить царевичъ. Сей часъ осыдлали коней и поскакали въ чистое поле. » Мчатся, конь вымчитъ ихъ изъ кочевья. Но должна быть погоня: начало покинутое должно еще отозваться. Иванъ припадаетъ ухомъ къ Землѣ: неопытный слухъ его ничего не слышитъ, ему чувствуется одна только Земля, до которой успѣлъ онъ добраться. Не то съ Василисой: начало всегда чуткое и воспринимчивое; женщина слышитъ и въ Землѣ, въ новомъ порядкѣ вещей, отголоскъ стараго, истительную погоню. Здѣсь-то должно выступить съ торжественнѣйшимъ свойствомъ ея Мудрости: она, мы видѣли въ сказкахъ, миряла супруга съ покинутымъ родомъ-племенемъ, пока само родовое и племенное начало не доказало своей несостоятельности (сестра Ивана, Елена Прекрасная); она въ былинахъ миряла мужа съ богатырями и княземъ, подмѣтивъ ихъ собственную склонность поддаться обману, ослабить самихъ себя и дать въ сѣти (исторія Ставра). Черта вполне уже историческая: только тогда лишь, когда новья начала сложились и окрѣпли окончательно, тогда, среди торжества побѣды, примирительно обращаются они къ старинѣ, признавая ея силу, допуская ея дѣйствіе, предоставляя ей умереть своею смертію или самой погубить себя. Наѣзжаетъ погоня: Василиса «оборотила коней—колодаземъ, себя—ковшикомъ, а царевича—старить старичкомъ (по другимъ—«коней дремучихъ глосомъ, себя колодаземъ, а царевича старцемъ»). Погоня думала найти *новое*: начало, чтобъ потребить его; вмѣсто того, передъ взоромъ ея, раскинулось то же *старое*, то же *былое*: чистое поле, безграничная степь, одинокій колодазь для жаждущихъ путниковъ и обозовъ, да *стариль*, тивическій житель этого кочевья, образъ самого кочевала быта. Перехожій Казѣка. Эта видимость, долго еще не покинутая Русью при самомъ даже началѣ исторіи, а и подавно передъ выходомъ къ осыдлости, принадлежала еще старинѣ и скрывала собою, защищала и спасала начала новья; она даже миряла со старинною, притупляла ревнивые взоры ея. «Погоня воросилась къ Водяному Царю: «пѣтъ, говорить, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что

старика возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плавааетъ.» — Что жъ вы ихъ не брали? — закричалъ Водяной Царь, и тутъ же предалъ гонцовъ лютой смерти.» Такъ онъ заподозрилъ даже то, что принадлежало ему самому и кочевью, и тутъ почувялъ измѣну. Погоня новая. «Васялиса оборотила царевича — старымъ попомъ, а сама одѣлалася ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Натхала погоня: «Эй, старичекъ, не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?» — Видѣлъ; родимые, только давнымъ давно: они еще въ тѣ поры проѣхали, какъ я молодежь былъ; эту церковь строилъ.» — И вторая погоня воротилася къ Водяному Царю.» Когда прибылъ Иванъ съ подругою къ Землѣ и Миру-народу, застроилася церковь Божія; когда иноваль онъ, обрзтившись въ Микулу, а подруга въ дочь Микулову, когда настигла поздняя погоня старыхъ началъ, вскакившихъ возврата. — возврата уже не было. Христіанство окрѣпло, Церкви покрыли мѣста прежнихъ требищъ; Христіанство даже само покрылось давностью, съ языческой стариною спорило стариною собственною, укрывши въ себя начала духа, прибывшія изъ далекаго язычества. По сторонамъ, среди закипѣвшей новой жизни, раскинулись всѣ примавки ея, сильныя, чтобы потопить въ себѣ всю древнюю стихійность, язычество, кочевье. Васялиса разстилаеть медовую рѣку съ берегами кисельными: «Водяной царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ, до того, что лопнулъ. Тутъ и духъ испустилъ.» Сравните выше, какъ остатки кочевничковъ, Печенѣги обольщены въ Кіевѣ киселемъ и сытою, какъ потерялись они передъ этимъ невиданнымъ богатствомъ окрѣпшей Руси (по другимъ сказкамъ, Васялиса еще оборотила царевича сономомъ, себя ракитовымъ кустомъ; «Водяной Царь бросился къ ракитову кусту, хотѣлъ всѣ сучья обломать: отколъ не возишься соколъ, налетѣлъ на него и выклюнулъ ему оба глаза; поплѣлся Водяной Царь въ свое царство ошушью.»). Духъ, высвобожденный умравшимъ старымъ порядкомъ вещей, принять новымъ какъ священнѣйшее наследіе, для развитія историческаго и христіанскаго. — Вотъ подошли наконецъ къ дому, къ семьѣ. Здѣсь, замѣтили мы и выше, оставалось одно искушеніе, со стороны началъ, съ которыми всего позднѣе боролся человекъ Русскій при выходѣ къ народу, на самомъ послѣднемъ рубежѣ спасенія, — началъ родовыхъ, быта родоваго. Мы видѣли уже и выше воплощеніе ихъ въ лицѣ сестры Ивановой, Елены Прекрасной. Такъ и здѣсь, «Васялиса Премудрая говорить:

«Ступай, царевичъ, впередъ: доложишься отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду. Только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй сестрицы, не то меня позабудешь.» Приѣхавъ царевичъ домой, сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестру, — и только поцѣловалъ, — какъ въ ту жь минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не было.» Вкусивши счастья, Иванъ забылъ то, чему всего болѣе обязанъ былъ своимъ спасеніемъ, что влекло его впередъ, сопровождало на пути, манило будущностию и готово было въ полному осуществленію. Василиса ему напомнила. Забытая, она испекла царевичу пирогъ и послала со старухою. «Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзалъ его по полахъ, какъ вылетѣли оттуда голубъ и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубъ говорить: «Голубушка, дай и мнѣ творожку.» — Не дамъ, отвѣчаетъ голубка, а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую. — Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ (Аван. выв. 5, стр. 96—105; ср. въ сказкахъ Ивана, забытаго невестой, въ «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ, и забытаго Добрыню). » Отсюда опять начинаются уже Былины, почва Историческая.

Вотъ путь, которымъ пополняется *пробль* въ народномъ творчествѣ и всегда можно пополнить *пробль* науки, отмѣченный нами выше: между первыми зародышами доисторической жизни Славяно-Руссовъ и между сложившимися формами ихъ исторіи, время Стихійности и Кочевья, Зооморфизма и Антропоморфизма, Племеннаго и Родоваго быта. Если при началѣ нашей положительной исторіи и подъ вліяніемъ ея, данныя для того крайне скудны, какъ бы ни перебирали мы Лѣтописи, Сказанія, Преданія и Былины, то за то этотъ ощутительный недостатокъ значительно вознаграждается *Сказаніями*; а если, какъ замѣчено, прибавить сюда черты, отвлеченныя изъ Былинъ, Преданій, Сказаній и Лѣтописей, да утвердившись на народной точкѣ зрѣнія, взять въ пособіе яркіе образы творчества Греческаго, то путь для науки въ этомъ случаѣ рѣшительно упрощенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поразительно и ни ярко всѣ эти образы передаютъ намъ повѣсть давнихъ временъ доисторическихъ, когда слагался Русскій народъ черезъ всѣ переходы язычества и кочевья, какъ ни законченно и ни художественно само это творчество, при всей неудо-

вности содержація, служившаго ему предметомъ: но все-таки, когда вспомнимъ, что нашъ очеркъ только самый лишь бѣглый, приведенныя сказки—только тысячная доля извѣстныхъ, а эта извѣстная доля—милліонная часть несобраннаго, продолжающаго жить въ народѣ,—когда сообразишь все это, то безъ пристрастія скажемъ положительно, что Русскій народъ, въ связи съ прочими Славянами, даже въ остаткахъ своего творчества, современныхъ намъ, передалъ повѣсть своего бытія доисторическаго глубже, выразительнѣе и обильнѣе многихъ современныхъ народовъ Европы. Здѣсь всего ближе мы можемъ сравнить его съ Греціею. Вотъ достойное поле для тысячи будущихъ русскихъ мѣологовъ, и улика для настоящихъ, промѣнявшихъ эти величавые образы доисторической жизни, съ которыми трудно разстаться всякому любителю древностей, на гончую охоту, со свѣтильникомъ Нѣмецкой мѣологіи, за крохами, случайно оброненными изъ язычества въ жизнь историческую и христіанскую.

« Не ужели однако, — возразятъ намъ, — эти сказки, достойныя современности, мѣновой и мелкій товаръ въ обиходѣ жизни, жертва произвола перескакишковъ и почва прибауткамъ краснобаевъ, цѣлостяно все твердятъ лишь повѣсть доисторическую, держатъ народъ на эпохахъ, за тысячи лѣтъ минувшихъ, несутъ оттуда громадные событія, столь различныя отъ измельчавшей ежедневности? Не ужели этого всего и только этого нужно намъ искать и можно находить въ сказкахъ? » Нѣтъ, не все такъ, не все въ одномъ этомъ смыслѣ и видѣ.

И во первыхъ, мы говорили не разъ, Сказку продолжаетъ Былина, собирая черты, дополняя образы, закрѣпляя ихъ обстановкой исторической. Тогда какъ въ Сказкѣ исторія по преимуществу внутренняя, повѣсть *славащагося* народа: Былина, начиная съ этого *слажмашагося* существа, ведетъ дѣло обратно, въ своихъ художественныхъ образахъ, облеченныхъ плотію историческою, выводя міръ бытія внѣшняго. Тамъ путь челоѣка къ народу, отъ челоѣка Русскаго къ Русскому народу, изнутри ко внѣшности образа: здѣсь отъ народа къ челоѣку, отъ внѣшности къ чертамъ внутреннимъ. Говоря языкомъ иностранныхъ ученыхъ, впрочемъ очень давно занятымъ отъ Греціи, къ Сказкѣ сторона *эотерическая*, въ Былинѣ *экотерическая*. Мы видѣли это, сопоставивъ многихъ богатырей съ героями сказочными. *Потыкъ* въ самоѣ богатырствѣ, среди новаго порядка вещей, въ образахъ Былины, сохранившій бо-

дѣе другихъ свойства и черты эпохи пройденной, какъ богатырь-бродяга, потомъ богатырь-калъка, тѣмъ самымъ всего ближе и ярче повторять собою сказочнаго Ивана. Только съ тѣмъ же различіемъ, выводя внутренній міръ во внѣшность. Такъ, мы видѣли уже по Сказанію, при немъ сопоставленнымъ, что онѣ, на притѣрь, вскрываютъ нечистую силу въ самой утробѣ женскаго существа; здѣсь быють гадевъ, отсюда выгоняють, а Потыкъ въ Былинѣ борется съ тѣмъ же самымъ во внѣшности, въ мірѣ окружающихъ явленій. Таково же введоу отношеніе его къ главному герою сказочному; и сближеніе здѣсь поразительное: одинакова исторія непрерывной борьбы еквозъ всю жизнь и одинаковъ выходъ къ спасенію, законченный счастливой женитьбой, только у Потыка все во времена Владиміра, все доисторическое въ подробностяхъ историческихъ. То же блужданіе за женщиной, она та же Лебедь, тотъ же оборотень, и мужа также оборачиваетъ; также двойственна, или съ двойствомъ существа въ одномъ лицѣ, или дѣля одно существо на два лица; такая же «Анна Прекрасная Королевна», какъ и въ сказкахъ; тотъ же путь къ спасенію калѣкою переходимъ или сотоварищами-помощниками; тотъ же спускъ въ подземелье и веревка въ языку колокола (въ сказкѣ о чудесномъ ящикѣ, хозяинъ спускаетъ Ивана искать его въ подземельѣ, съ приказаніемъ: «если достанетъ ящикъ, трести заранѣе за ремень; какъ колокольчики зазвонятъ, хозяинъ услышитъ.»). Подобная же исторія *Лобрыни*: чтобы убить *Змѣю*, владѣвшего существомъ *Марьи Дивовны* и *Марины* (это одно и то же лицо), *Добрыня* спускается въ его нору, оборочень оборотнемъ, проходитъ виды грубаго животнаго бытія, грубуетъ самъ; послѣ побѣды, высвобождаетъ одну половину женскаго существа, *Марью Дивовну*, другую—недостойную—убиваетъ; пользуется помощію родоваго начала—сестры, и, уже послѣ того, вступаетъ въ семью, женится на *Настасѣ Минулишнѣ*; но и здѣсь, сперва беретъ ее съ бою, какъ богатырь—дѣвку и поляницу, наконецъ находитъ въ ней любящую и нѣжную семейшку.—Такимъ образомъ, все это содержаніе движется во времена Владиміровы, и вотъ сторона, въ которой доисторическій міръ сказки повторился въ мірѣ историческомъ, внутренняя жизнь получила живые и наглядные образы Были. Былинами мы можемъ всегда повѣрять Сказку и убѣждаться, что ея образы не суть отвлеченныя мысли или толкованія, что они всегда способны повторяться во всякой дѣйствительности, только на разный ладъ, что

они не только рисуют прошлое далекое, но также точно близки и ко всему последующему и къ современному. Наши толкованія всегда болѣе или менѣе отвлечены: но самая мысль въ народномъ творчествѣ не отвлечена, это — образъ жизни, а потому онъ всегда движется въ жизни, и тамъ всегда можно искать, и находить его.

Еще болѣе это видно въ самой Сказкѣ: помимо отношеній къ Былинамъ, она, сопровождавшая нѣкогда весь доисторическій путь Русскаго человѣка неумолчною повѣстiю, какъ снимокъ и отпечатокъ, получила и послѣ того, съ началомъ народа, свою особую исторiю, свои судьбы развитiя. Силы, слагавшія русскій народъ, не изсякли и тогда, когда онъ сложился: онъ только получили обратное направленіе, отъ народа къ человѣку, или какъ взаимодѣйствіе стороны народной и человѣческой. Силы эти продолжаютъ дѣйствовать и въ сложившемся народѣ, ибо не всѣ еще, сколько вышло ихъ изъ древности, поступили онъ въ опредѣленный складъ вѣросознанія, не всѣ еще и не до послѣдней глубины проникнулись Христіанствомъ, не всѣ закрѣпились въ опредѣленную форму быта, не вылились всѣ въ сосудъ народный, не всѣ выразились и Былевымъ словомъ. Въ народѣ сторона человѣческая продолжаетъ бить во всѣ эпохи неостывающимъ ключемъ; силы ея продолжаютъ вѣчно бродить какъ стихiя—или не нашедшая еще образа, или его ищущая, вѣчно носить въ себѣ сѣмена—или еще неоплодотворившіяся, или даже совершенно новыя; скорѣе народъ откажется отъ своего народнаго опредѣленія, чѣмъ поступится этими летучими силами, способными всегда поднять его даже изъ уничиженія. Отсюда и безконечный лепетъ Сказки. Творчество ея вывело основу всякому творчеству; и если послѣ того ткань уже соткана, даже на иномъ поприщѣ, на примѣръ въ Стихѣ и Былинѣ, то и послѣ того Сказкѣ всегда останется возможность узоровъ, можно будетъ прошить ткань шелками, или просто набить грубою набойкой. То, что имѣетъ въ сказкѣ смыслъ относительно далекаго прошлаго и доисторическаго, то не теряетъ смыслъ и для последующаго, и для современнаго, только смыслъ этотъ будетъ разниться, и разниться не въ существѣ сказки, но въ головѣ того, кто смыслитъ. Хотя народъ при главнѣйшихъ сказкахъ всегда увѣренъ и увѣряетъ самъ другихъ, что это было крайне давно, но отсюда не значить, чтобы онъ видѣлъ въ сказочной нити непременно что-либо доисторическое, тѣмъ менѣе опредѣленную известную мнуну доисторической жизни: онъ видитъ только свое родное, а по-

тому для него оно могло быть и встарь, могло быть и недавно, может быть и теперь. Наоборотъ, если сказка рисуетъ вамъ совершенно картину настоящей минуты, то не значить еще отсюда, чтобы она подалше и поглубже своей оболочки не заключала бы въ себя событія далекаго и даже доисторическаго. Все это отъ точекъ зрѣнія: станете ли на современную или прошлую, непосредственную или учепую и философскую, народную въ строгомъ смыслѣ или человѣческую въ болѣе широкомъ. Сущность при этомъ безъ перемѣны, ибо, повторяемъ, однѣ и тѣ же силы свуютъ въ ней. Такъ одно и то же рассказанное событіе можетъ, на прѣмѣръ, значить судьбу всего Русскаго народа, слагавшагося изъ ствѣхъиъ человѣческихъ, и судьбу частнаго русскаго человѣка, порожденнаго среди народа; можетъ указывать отношеніе Руси къ соплеменнымъ Славянамъ, къ родовому быту, какъ явленію громадному, прошедшему, и современное отношеніе къ родственникамъ: передавать исторію образованія міра, общины, вѣча, сходни, и вмѣстѣ исторію семьи; первое начало супружескихъ отношеній, и свадьбу Петра, Василья, Трифона; явленіе космической силы, владѣвшей человѣкомъ, еще не отдѣлявшейся въ значеніи вѣтшней природы, и явленіе животныхъ, птицъ, рыбъ, какъ существъ предметныхъ, вошедшихъ даже въ обиходъ ежденной жизни, подчиненныхъ, домашнихъ; кочевье, какъ тысячелѣтній бытъ, и странствованіе доселѣ любимое, доселѣ нѣющее мѣсто; медвѣдь можетъ быть образомъ древянаго ожесточеннаго божества, и тотъ же образъ знакомъ намъ какъ Машна, съ которымъ не легко сталкваться; помнится погоня божества за цѣлымъ народомъ, и знаютъ характеръ погони врага въ настоящую минуту, и т. д., и т. д. Отъ того-то Сказка,—не какъ Быльна,—не любитъ собственнаго имени, опредѣленнаго историческаго мѣста, лѣтосчисленія, названія эпохи и періодовъ: у ней вмѣсто того лицо общее, царство нѣкоторое или не наше, даль и ширь безконечная, теченіе разказа безъ версты и хронометра. Отъ того она, близкая ко всему доисторическому, столь же близка всему современному. Здѣсь ученому не обойтись безъ *мышленія*, съ его необходимыми признакомъ—*раздѣльностью* моментовъ. И вотъ почему, между прочимъ, пригласивъ будущихъ русскихъ мнѣозологовъ къ изслѣдованію по сказкамъ, съ другой стороны мы имѣемъ право и опасаться: не вздумали бы лные, обратно, все позднѣйшее и новое перетолковывать непремѣнно на старое. Въ этомъ весь грѣхъ и современныхъ изслѣдователей: въ чемъ видна

одна лишь народность, въ томъ они думаютъ видѣть уже язычество; въ чемъ преобладаетъ окончательная побѣда Христіанства, въ томъ они видятъ лишь надкладку язычества; гдѣ одни приемы внѣшняго быта, обрядъ, употребленіе, они ищутъ непременно значенія религіознаго и таинственнаго; гдѣ просто животное, тамъ у нихъ зооморфизмъ; гдѣ историческій *человѣкъ*, тамъ кажется имъ *доисторическое* существо (ибо отдѣльный человѣкъ конечно отличенъ отъ народа); гдѣ баба, тамъ уже Баба-Яга; гдѣ домовой, тамъ уже непременно древній богъ, и т. п. Здѣсь нуженъ извѣстный методъ изслѣдованія, а онъ невозможенъ безъ науки вообще и съ наукою одною лишь нѣмецкою. Надѣмся, что нѣкоторыя наши указанія и приемы не останутся въ этомъ случаѣ безъ пользы для послѣдователей.

Остается сказать о третьемъ родѣ сказокъ, *Лубочныхъ*. На страницы ихъ попали сказки изъ двухъ предыдущихъ отдѣловъ, и Богатырскія, и Былевья, и богатыри Кіевскіе, и собственно-сказочный герой Иванъ. Но кромѣ того здѣсь выработался особый родъ. Подѣсти и рассказы изъ рукописей, распространившіеся преимущественно съ XVII-го вѣка, гдѣ содержаніе взято изъ сказокъ заносныхъ и пришлыхъ. Восточныхъ и Западныхъ, а передано языкомъ письменнымъ, сплетался съ народными русскими преданіями и съ оборотами языка чисто-народнаго; этимъ путемъ все пришлое передѣлывалось болѣе или менѣе на Русскій ладъ, а съ другой стороны портилась чистота собственныхъ нашихъ сказокъ. Многое изъ такого рода сказокъ перешло на лубки и здѣсь, по мѣрѣ употребленія въ народѣ, еще болѣе обрусѣло, такъ что образовало особый родъ лубочныхъ сказокъ, несходный съ другими, опередившій рукописи, недовольно проникшій и въ употребленіе устное. Рѣдко можно ихъ нынче слышать или записать въ народѣ. Тѣмъ не менѣе, утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши изслѣдователи, что здѣсь нѣтъ «ни малѣйшихъ слѣдовъ народности,» значитъ только не читать этихъ сказокъ или не прилагать къ нимъ критики. Возьмемъ изъ нихъ двѣ главныя, одну—по происхожденію—Восточную, другую Западную, объ *Еруслапѣ Лазаревичѣ* и о *Бовѣ Королевичѣ*. Первую мы разсмотрѣли отчасти въ «Замѣткѣ» при 3-мъ выпускѣ, и воспользовавшись изъ нея многими данными для Ивана Русскаго богатыря, доказали, какъ важна она для Русскаго ученаго. Теперь остановимся на второй. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе покойнаго А. С. Хомя-

говла (высказанное въ «Молвѣ»), что первоначальная родина этой сказки въ Англіи, Бова—Англосаксонскій Бевиесъ и даже Беовульфъ, городъ Автопъ—Гамитонъ, царство Дадонское—Данское, Датское, и т. д.: но все это только по отдаленному происхожденію, а теперь, скажемъ съ А. С. Хомяковымъ, «едва ли Россія не лучше помянуть Англо-Сакскаго богатыря Бову, чѣмъ родина,» хотя опять въ обстановкѣ Русской. Лубочныхъ изданій мы знаемъ два разряда: 1-й нѣсколько старше по тексту, но сокращеніе, на 8-ми картинахъ и страницахъ; 2-й на 32-хъ; тѣхъ и другихъ извѣстно намъ пять, всѣ еще безъ году и цензуры, съ постепенными по шрѣ старшинства передѣлками. Прочтемъ саму сказку, безъ подробностей ея содержанія, но такъ, что увидимъ ясно Русскія вставки и передѣлки. — Милитриса губитъ мужа, сказавъ, что ей по беременности хочется мяса дикаго вепря и выпроводивъ его на охоту: то же самое встрѣчаемъ въ невѣстѣ Пвана Годниовича, захотѣвшей «мяса лебединаго» или «голубятины (у насъ вып. 3-й и Рыбник.).» — Отъ притѣсненій матери спасаетъ Бову «Дѣвка Чернавка,» не заперши дверей его темницы: то же самое извѣстно изъ исторіи Василья Буслаева (Кирши и Рыбник.). — Когда Бова бѣжалъ отъ матеря, его увидали и взяли на корабль *кыжские* (матросы), на самомъ же кораблѣ хозяевами были *гости корабельные* (мореходные купцы): лица и имена, являющіяся въ нашихъ былинахъ (ср. у насъ, у Кирши и Рыбник. былинны о Соловьѣ Буднировичѣ и Новгородскомъ Садкѣ). — Представъ хозяевамъ корабля, Бова говоритъ, какъ находимъ часто въ русскихъ сказаніяхъ: «Я роду Христіанскаго, пономаревъ сынъ, а мать моя убогая жена, на добрыхъ женъ платье моетъ и тѣмъ свою голову кормитъ.» То же повторяетъ онъ, явись къ Зензевю: «Я роду не Татарскаго, а Христіанскаго, простаго пономаря сынъ, а мать моя...» и проч., пав: «Я есть роду не царскаго и не королевскаго, а есть роду пономаревъ сынъ, а мати моя была убогая жена, на добрыхъ людей платья мыла, тѣмъ свою и голову кормила (ср. въ «Памятникъ старин. русск. лѣтер.,» вып. 2, сказку объ «Иванѣ Пономаревичѣ»).» — Гости, взявши Бову, плѣнились его красотой; взявъ за него перессорились и чуть не передрались, потомъ рѣшили — счесть его общимъ; пріѣхавши въ царство Зензева, не хотѣли было продавать ему Бову, а тотъ воспитанъ красотой королевича, и стержовались за огромную цѣну, при чемъ гости получили право торговать у Зензева безданно и безошлянно: совершенно исторія Пребрасмаго

Иосифа, рассказанная въ нашихъ Стихахъ (см. « Калѣки Перехожіе, » вып. 1). — Зензевей владѣлъ царствомъ *Армянскимъ* ; дочь его, полюбившая Бова, *Дружневна*. — Когда жилъ Бова у Зензевей, въ слугахъ у Дружневны, на одинъ пиръ « какъ собрались все гости, то сѣли за столъ и кушали, а ему приказали принести лебедя (кушанье) и держать въ рукахъ, а сама она (Дружневна) начала ругать, для того чтобъ на его красоту лица насмотрѣться ; и будто нечаянно уронивъ ножикъ, приказала Бовѣ поднять, и онъ поднявши сталъ его подавать, то она его поцѣловала въ голову: » совершенно также и притой же лебеди за столомъ ведетъ себя Апраксія относительно Тугарина и Чурилы по нашимъ былинамъ (ср. наши выпуски). — Между тѣмъ подлѣ Армянское царство подступаетъ царь *Салтанъ Салтановичъ*, хорошо извѣстный намъ по былинамъ врагъ Руси съ Востока ; его царство *Рахлинское* или *Арахлинское*, т. е. извѣстное по нашимъ Стихамъ *Рахлейское* (ср. « Калѣки переход., » вып. 2 и 3), а въ нѣкоторыхъ изданіяхъ разбираемой нами сказки даже *Задонское*. — Сынъ его, выступающій особенно противъ Зензевей, — богатырь *Лукаперъ* или *Лукоперъ* (*луко-пѣръ*), имя, если не по происхожденію, то по этой формѣ совершенно Русское, « нарицающій лукъ: » сравните обстоятельство, что при *Тугарканѣ* или *Тугаринѣ* стоитъ прозвище *Туголѣковъ*, а былины, пользуясь словопроизводствомъ, описываютъ у Тугарина, какъ и всѣхъ восточныхъ враговъ, особенно « тугой лукъ, » который носила куча людей и съ трудомъ натягивала. Кромѣ того, *Лукоперъ* богатырь является въ другихъ чисто-русскихъ сказкахъ и былинахъ; читаемъ, на примѣръ, въ сказкѣ *объ Иванѣ-богатырѣ Крестьянскомъ сынѣ* (по любочному изданію 1793 года, у насъ имѣющемуся): « работники рыши землю и увидѣли желѣзную дверь съ мѣднымъ колцомъ, и ту дверь Иванъ Крестьянскій сынъ одною рукою отломилъ, и оттуда выбросилъ, и увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго со всею збруею и доспѣхами богатырскими; и конь увидѣлъ по себѣ сѣдока, палъ предъ нимъ на колѣни и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: « Охъ ты гойеси, доброй молодецъ, Иванъ Кр. сынъ! Засаженъ я здѣсь силнымъ и храбрымъ богатыремъ *Лукоперомъ*, и сижу здѣсь лѣты несметныя, и ждалъ сюды тебя ровно 30 лѣтъ и 3 года, и на силу дождался; садись на меня и поѣзжай куда тебѣ надобно; я служить тебѣ буду вѣрой и правдою, какъ служилъ *Лукаперу* сильному богатырю. » По былинамъ *Лукопѣръ* также сильный богатырь, зять Батыя и

соответствующихъ ему лицъ—Каина, Мамая, и проч., т. е. восточныхъ враговъ-царей, подступившій съ тестемъ подъ Кіевъ (у насъ вып. 2). А вотъ самъ Лукаперъ въ сказкѣ и битва съ нимъ Бова, описанные чрезвычайно близко къ нашимъ былинамъ: « Въ то время пріѣхалъ подъ Армянское царство царь Лукаперъ и у того Лукапера голова какъ пивной котелъ и промежъ глазъ пядень мущеска (ср. въ нашихъ былинахъ описаніе Татаръ); такогого сильнаго и славаго богатыря нигдѣ не бывало, а съ нимъ пришло войска 500.000. Отецъ того Лукапера царь Салтанъ Салтановичъ сталъ на краю моря, а Лукаперъ въ лугахъ со любимыми своими. Лукаперъ король пишетъ къ королю Зензеву: « Выдай ты за меня дочь прекрасную Друживну, а ежели не выдашь любовію, то возьму и не честію, а градъ до основанія разорю и огнемъ сожгу. » Когда сталъ Бова собираться противъ Лукапера, « Друживна сказала:—На то есть, государь Бова, у батюшки моего конь и доспѣхи богатырскія, а стоитъ тотъ конь въ землѣ по козѣно.—Бова какъ о томъ услышалъ, радъ былъ и пошелъ къ конюшнѣ богатырской; и услышалъ конь, что Бова къ нему идетъ, разомахъ мочныя двери, и вышелъ на дворъ, конь охватилъ Бову ногами какъ человекъ, и началъ его Бова охорашивать и тѣшилъ добраго коня (ср. выше о конѣ приведенное мѣсто въ сказкѣ объ Иванѣ Кр. сынѣ); а Друживна послала въ казну, и скоро доспѣхи богатырскія и мечъ кладенецъ двѣнадцать человекъ на носилкахъ несутъ, чему Бова бысть радостенъ, и хочеть Бова садиться на добраго коня богатырскаго и ѣхать на дѣло ратное и на побойще смертное. »... « И скочилъ Бова въ прѣль черезъ градскую стѣну (ср. былинны); увидѣлъ Лукаперъ, что скочилъ храбрый витязъ Бова К., и стали сѣзжаться шесть сильныя могучія богатыри, и Лукаперъ на Бову заправилъ вострымъ концемъ, и ударилъсь сильныя могучіе богатыри промежъ собою какъ сильный громъ предъ тучею гранулъ, и Лукаперъ на Бовѣ доспѣхъ не могъ пробить, а Бова на Лукаперѣ пробилъ доспѣхъ на обѣ стороны и разсѣкъ Лукаперу голову до сдѣльной подушки, и Лукаперъ свалился съ коня мертвъ, а Бова началъ Лукаперово войско бить, и бился пять дней и пять ночей безъ отдыху, не столько мечемъ билъ, сколько конь копытами топталъ, и въ томъ числѣ немногіе люди ушли къ царю Салтану Салтановичу.—Побѣдившій Бова измѣнически послѣ того схваченъ и посланъ къ Салтану. Здѣсь влюбилась въ Бову дочь Салтанова и убѣждала его

перейти въ ихнюю вѣру — по однимъ изданіямъ — *Латышскую*, по другимъ — *Латышскую*. — Способомъ весьма извѣстнымъ въ прочихъ сказкахъ, освободившись изъ темницы отъ Салтана, Бова бѣжитъ и встрѣчаетъ встрѣчу, извѣстную въ древней Русской жизни. Дѣло въ томъ, что въ одно изъ прежнихъ путешествій Бова повстрѣчается съ *Старикомъ Пилиримо*, который напоилъ его питьемъ заблудшимъ и укралъ у него мечъ и коня : нѣкоторыя изданія изображаютъ здѣсь на картинкѣ *монаха*, на томъ основаніи, что у него упоминается *черное платье* и названъ онъ *старцемъ* (а это были *старцы-иноки*) ; но другія поправляютъ дѣло, рисуя просто старика, и называя его то *старикомъ*, то *пилиримо*, иногда съ объясненіемъ — « *пилирима* или *старика*, » иногда же еще наивнѣе : « и прѣхавъ Бова къ *старцу*, и почелъ говорить : « имя твоё какъ ? » и рече *старецъ* : « имя мѣ *Пилиримъ*. » Мы тотчасъ узнаемъ здѣсь извѣстное лицо *Калъки перехожаго*, обыкновенную встрѣчу на нашихъ древнихъ Русскихъ дорогахъ. Его-то и встрѣтилъ вторично Бова на пути отъ Салтана, и, въ отплату за прежнее воровство, взявъ отъ него между прочимъ зелье, которое дѣлало его *чернымъ* и *старымъ*, да въ добавокъ « одежду его *черную*, а коня и платье свое ему отдалъ въ путь. » Ясное дѣло, сказка хотѣла выразить, что Бова передѣлся *Калъкою перехожимъ*, грязнымъ, изношеннымъ *Старцемъ*, какъ обыкновенно передѣваются наши богатыри и сказочные герои, возвращаясь ко врагу, у котораго не хотятъ быть узаннымъ. Бова именно возвращался изъ плѣна Салтанова ко врагу. — У Зензеева на Дружневѣ сватался король Маркобрунъ ; царство его называется *Дадонскимъ*, въ чемъ, равно какъ въ имени *Дадона*, видятъ *Дановъ* или *Датчанъ*, враговъ Англіи : но въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ Бовы, Маркобрунъ появляется « изъ града *Данска*, » т. е. Гданска, обстоятельство уже Славянское, память при-балтійская ; въ другихъ же, еще далѣе, примѣнительно къ Руси позднѣйшей, Маркобруново царство именуется уже *Задонскимъ*. Какъ бы то ни было, но только Маркобрунъ, пользуясь бѣдствіями Бовы и плѣномъ его у Салтана, захватилъ Дружневу отъ Зензеева, привезъ къ себѣ и готовить свадьбу. Опъ-то и былъ теперь врагомъ Бовы, который по освобожденіи отъ Салтана появляется въ видѣ *Калъки перехожаго* (мотивъ нашихъ былинъ и сказокъ). По описанію его прихода, не остается сомнѣнія, что онъ передѣлся *Калъкою перехожимъ* : сказка говоритъ, что онъ

является къ Дружневѣ передѣвшись *Прожимъ старцемъ*, толкается передъ крыльцомъ между старцами; они бьютъ его *ключами*, называются тутъ же *нищими*, просятъ *милостыни*, одѣляются Дружневною; самъ Бова проситъ *милостыни* и въ старинныхъ изданіяхъ изображается на картинѣ съ *переметною сумою* и большой *ключою*. Въ такомъ видѣ Калѣкъ являлся, мы знаемъ, и Добрыня, являлись и другіе герои сказокъ, когда неждѣть ихъ предстояло выйти за мужъ за другаго. Мало того: Бова при этомъ заходитъ и на *поварню*, и отъ выпитаго зелья становится *чернымъ*: опять не разъ намъ встрѣченный образъ (см. «Замѣтку» при 3-мъ выш.), какъ женихъ въ свадьбу измѣнившей ему или приневоленной прежней подруги появляется изъ поварни, замаравшись сажею котельною. — Дружневна скоро узнала Бову, ему удалось съ нею бѣжать отъ Маркобруна: обманутой царь высылаетъ въ погоню *Полкана*; объ этомъ лицѣ намъ нужно поговорить нѣсколько подробнѣе. А чтобы имъ же заключить и разсказа не перерывать, здѣсь напередъ отдѣлимъ еще одинъ образъ, встрѣчаемый въ послѣдующемъ теченіи сказки. Именно. Среди странствованій, Бова пользовался гостепривѣтвомъ какого-то царя Урля, который изъ за него отдалъ Маркобруну въ закладъ двухъ сыновей; вотъ подошли къ дверямъ Урляевой спальни и слушаютъ, что говоритъ онъ съ женою про Бову: «Царь сталъ говорить своей супругѣ, что покинулъ у короля Маркобруна въ закладъ двухъ сыновъ своихъ, въ томъ, чтобъ выдать Бову съ Дружневною и Полканомъ; царица же сказала: «возлюбленный супругъ! не возможно ихъ выдать;» Урля, ударивъ царицу свою *по лицу*, и говоритъ: «у всякой женщины волосъ длиненъ, да умъ коротокъ!» Совершенно такой же споръ у царя съ царицею и даже съ такими же *личными* послѣдствіями изображенъ въ былинахъ объ Олегѣ Вѣщемъ и Садкѣ Новгородскомъ (см. Рыбник.). — Теперь и до конца, о *Полканѣ*. Когда мы упоминали объ немъ въ прежнихъ «Замѣткахъ» своихъ, то нѣкоторые выразили объ этомъ сомнѣніе, какъ о чемъ-то неизвѣстномъ для нихъ. Полканъ однако весьма извѣстенъ Русскому народу. Это для Руси то же, что Кентавръ для Грековъ, богатырь—въ верхней половинѣ своей человекъ, въ нижней конь, получеловѣкъ—полуконь. Покойный А. С. Хомяковъ во второй половинѣ имени его, *канъ*, видѣлъ то же слово, что *конь* (*полу-конь*), при чемъ сопоставлялъ греческое *кен-* въ словѣ *Кен-тавръ* (*коне-быкъ*, вѣрнѣе — *коне-туръ*) и *кон-* въ

древнѣйшемъ латинскомъ божествѣ *Ком-сь* (*Comsus, Com-sus*). Можетъ быть действительно таковъ ходъ древнѣйшихъ представленийъ въ словоупотребленіи же Русскаго народа *Полкань* значить «половинчатый (доля, пода, половина, полка, и т. п.).» Внѣшнее значеніе и изображеніе его въ народномъ Русскомъ творчествѣ таково. Въ былинахъ является онъ одинъ разъ на знаменитомъ кораблѣ Соколѣ, занесенномъ въ Кіевское творчество изъ древнѣйшаго періода при-балтійскаго, обыкновенно же поминается между Старшими богатырями и конечно даже собственнымъ видомъ своимъ прямо къ нимъ относится. Въ былинѣ объ Аникѣ Воинѣ также точно описано и Чудо, Чудлице, оказавшееся послѣ Смертью: голова и руки человѣческія, туловище звѣрное, ноги лошадиныя (или туловище лошадиное, ноги звѣриныя), волосы на головѣ до пояса. Въ преданіяхъ Полканъ и его образъ живутъ доселѣ, но въ новѣйшихъ сказкахъ, устно передаваемыхъ, встрѣчаются уже довольно рѣдко. Чулковъ въ своихъ передѣлкахъ народныхъ сказокъ знаетъ еще и ввелъ Полкана, даже цѣлый полкъ Полкановъ. Его же текстъ вошелъ въ лубочныя сказки о Добрынѣ: здѣсь на 7-й страницѣ и картинѣ изображается обыкновенно полчаше Полкановъ, а на 23-й самъ главный Полканъ. На первой Полканы всѣ голые, головы съ длинными волосами и бородами, въ рукахъ луки и стрѣлы; на второй, по старшему изданію, Полканъ весь также голый и безъ оружія, кромѣ колчана стрѣлъ за плечами и валяющагося на землѣ лука, голова огромная, волоса шапкою, маленькая борода; въ младшихъ изданіяхъ изображеніе грубѣе и лицо безъ бороды. Изъ народныхъ сказокъ (впрочемъ съ книжною подправкою языка) Полканъ преимущественно является въ лубочной «о Иванѣ-богатырѣ Крестьянскомъ сынѣ (по изданію изъ нашего собранія, 1793 г.),» на стр. 8—11. «По вѣкомъ времени подступила подъ Китай рать-сила великая, и требуетъ Полканъ богатырь отъ царя любезную его дочь,» и проч. Какъ водится, посылаютъ изъ города войско, Иванъ разбиваетъ рать Полканову съ помощію Сивки-бурки, до трехъ разъ. Въ третій разъ Иванъ «поскакалъ въ рать Полканову; тогда конь проговорилъ человѣчьимъ голосомъ: «Охъ ты гой еси, Иванъ Крестьянской сынъ! Теперь-то пришла мнѣ и тебѣ служба великая, обороняйся отъ Полкана и стой противъ его крѣпко, а не то, такъ ты и все воинство Китайское погибнетъ.» Иванъ Кр. сынъ разъяряетъ своего доброго коня, и вѣзжаетъ въ рать-силу Полканову, и началъ то воинско

рубить. Тогда увидя Полканъ, что силы его уже много побито, отчего онъ осержается, и нападаетъ на Ивана Кр. сына какъ лютой левъ. И сразились два сильные богатыря битися, и все войско имъ подивилось. И они бился долгое время, и ранилъ Полканъ Ивана Кр. сына въ лѣвую руку. Тогда Иванъ на Полкана осержается, и направляетъ острое копье, и прободаетъ ему сердце, а послѣ срубилъ ему и голову, и все войско Полканово прогналъ отъ Китая прочь.» На картинкахъ войско Полканово изъ обыкновенныхъ людей, какъ и слѣдуетъ (Чулковъ сочинилъ цѣлый полкъ Полкановъ); сязъ же Полканъ съ бородою и длинными волосами, тѣло до лошадиной нижней половны покрыто шерстью (хотѣли выразить, что «тулово звѣриное»), въ рукахъ сабля (восточный призывакъ). Но классическимъ поприщемъ для дѣйствій и изображеній Полкана служила въ особенности сказка о Бовѣ королевичѣ. Въ старшемъ по происхожденію и сокращенномъ по тексту изданіи ея (на 8 страницахъ и картинкахъ) текстъ таковъ: когда Бовъ, послѣ передѣванья Калѣкою, удалось бѣжать съ Дружневою отъ Маркобруна, «Маркобрунъ приказалъ изъ темницы выпустить сляного богатыря Полкана (здѣсь Полканъ—извѣстное намъ лицо «заточника», обыкновенно приберегавагося въ тюрьмѣ на отчаянный случай), которой нитѣтъ войскія поги, а по носѣ человекъ, нитя въ руку палецу желѣзную и лукъ (это самое древнее изображение Полкана); которой нагна Бову и ударивася крѣпко, и упале изъ рукъ у Бовы мечъ, и уцелѣ до половны въ землю, и кошемъ Бова уязи его.» Сказки первыхъ выходовъ этого изданія изображаютъ на картинкѣ Полкана съ бородою, простоволосаго (волоса распушенные) и голага; только съ грудей по животъ (туловище) — шерсть: въ одной рукѣ палеца (большая палеца), въ другой лукъ. На картинкахъ болѣе позднихъ, того же изданія, Полканъ также съ лукомъ и палецей, но въ нѣкоторыхъ кромѣ того съ браннымъ поясомъ, а въ одной — изображение позднѣйшее—въ круглой шапкѣ (въ родѣ круглой скуфы съ ободочкомъ), безъ лука и палецы, съ поднятою саблею. Изъ того же сокращеннаго изданія перешелъ текстъ на старыя лубочныя картинны, *Бова и Полканъ*: «Сильныи и храбрыи богатырь Бова королевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою по чистому полю, и напалъ на него Полканъ богатырь, и хотѣлъ ударить Бову королевича острымъ мечемъ, но вдругъ промахнулся; но Бова королевичъ, осердясь на него, и ударилъ острымъ копьемъ въ грудь его, и поразилъ о сыру землю

его: и обратилъ копье къ лицу на грудь его и предалъ злую смерть.»
 Здѣсь Полканъ простоволосый, съ бородой, голый, въ рукахъ сабли и копье.—Въ другомъ изданіи Бовы, на 32-хъ страницахъ и картинахъ, содержаніе несравненно полнѣе и развѣтлѣе, а Полканъ послѣ ошибки дѣлается другомъ и неизмѣннымъ спутникомъ Бовы, пока растерзанъ львомъ и оплаканъ королевичемъ; потому опъ на нѣсколькихъ страницахъ и картинахъ. Прочитаемъ одинъ изъ старшихъ образцовъ этого изданія. Когда Бова бѣжалъ съ Дружневною отъ Маркобруна, «и рече витязи: «Государь нашъ, король-Маркобрунъ! Есть у тебя богатырь Полканъ и сидитъ въ темницѣ много время (ср. выше); можетъ онъ достигъ Бову, понеже скачетъ онъ великой скокъ по семи верстѣ, отъ главы до пояса человѣкъ; а отъ пояса образъ копейный.» Слыша король Маркобрунъ отъ витязей такія рѣчи, послалъ скоро за Полканомъ; и приде Полканъ предъ короля М., и рече король М.: «Господинъ Полканъ, побѣги въ воюну, приведи ко мнѣ Бову Кор. и прекрасную королевну Дружневну, за то получишь великую милость.» Полканъ же не отречеся и погнался за Бовою и за Дружневною ... Бова же взялъ съ собою мечъ кладенецъ, и осѣдлалъ себѣ коня богатырскаго, и сѣлъ на него и поѣхалъ противъ Полкана. Полканъ же прибѣжалъ—закричалъ великимъ голосомъ: «О злодѣй Бова, не убѣжалъ ты отъ моихъ рукъ!» И вырвалъ Полканъ изъ корню дубъ, и ударилъ Бову по головѣ, а Бова хотѣлъ Полкана ударить мечемъ, и промахнулся, и ушелъ мечъ до половины въ землю, и Бова свалился съ добраго коня на землю (здѣсь на картинѣ Полканъ такой же, какъ въ старшихъ выходахъ 1-го изданія, только другаго рисунка: въ рукахъ вырванный дубъ, шерсти на тѣлѣ не видать, борода и распущенные волосы; отсюда до словъ Бовы Уриловой вѣдь выписываемъ текстъ нѣсколько позже). Полканъ схватилъ коня за узду и хотѣлъ имъ завладѣть, но конь началъ его бить задомъ и передомъ, и рвать зубами такъ сильно, что Полканъ бросился отъ него бѣжать, а конь гнался за нимъ до лѣхъ поръ, пока Полканъ, изъ силъ выбившись, у шатра Бовы Королевича упалъ замертво. Тогда подошелъ къ нему Бова, спрашивалъ: «Что, Полканъ, смерти хочешь или живота?» Тогда Полканъ сталъ говорить: «Братъ Бова! Ты помирись со мною, и назовемся мы братьями, то намъ на свѣтѣ не будетъ сопротивника.» И Бова съ Полканомъ назвались братьями: Бова большимъ, а Полканъ меньшимъ. И сѣлъ Бова на добраго коня, а Дружневна

на иноходца, поѣхали съ того мѣста, и Полканъ за ними въ слѣдѣ поскакалъ (здѣсь на картинѣ выходовъ позднѣйшихъ Полканъ въ помянутой круглой скуфейкѣ и съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ). » За тѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о гостепрѣимствѣ, которое наши бѣглецы у царя Урила; когда же Полканъ подслушалъ помянутый разговоръ царя съ царицею, и узналъ намѣреніе выдать ихъ Маркобруну, то убилъ Урила. «Потомъ Полканъ, посмотрѣвъ на царевъ дворъ, увидѣлъ полонъ дворъ Маркобрунова воиска. Онъ тотчасъ взялъ Бовинъ мечъ-кладенецъ и побилъ Маркобрунова воиска десять тысячъ (здѣсь въ позднѣйшихъ выходахъ надѣли на Полкана шапочку, дали въ руки длинное копье и «саблю,» не разутья стараго славянскаго отличія «меча,» двухсторонняго); и градъ Костель (castellum, гдѣ жилъ Уриль) затворилъ и заперъ крѣпко.» Потомъ разбудилъ Бону: «воставъ они противъ короля Маркобруна, и выѣхали изъ града, и захватъ Бова по правую руку, а Полканъ по лѣвую, и побили все воиско Маркобруново, и взяли изъ плѣну дѣтей царя Урила, а король Маркобрунъ въ *Задонское царство* (убѣжалъ) не съ большимъ остаткомъ воиска, и положилъ на себя клятву, ни дѣтамъ своимъ, ни мнучатамъ, ни правнучатамъ за Бовою не гоняться. И возвратились Бова съ Полканомъ и съ двумя сыновьями царя Урила во градъ Костель, и прибыли во дворецъ, и началъ Бова говорить Уриловой супругѣ: «Вотъ тебѣ, государыня, дѣти твои.» Достальное же воиско привелъ ко кресту за Уриловыхъ дѣтей крестъ цѣловать и повелѣлъ имъ царствовать по прежнему. Поѣхалъ изъ града Костела съ прекрасною кор. Дружн., и Полканъ за ними пѣшъ поскакалъ.» Когда пришло время Дружневнѣ родить въ полѣ, Бова «рече тако:—Братъ Полканъ, отойди подалѣе, Дружневна моя недомогаетъ.—И Полканъ отошедъ подалѣе и сталъ подъ дубомъ (здѣсь на картинѣ изображенъ Полканъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ, но во всѣхъ выходахъ сказки опять простоволосымъ).» Далѣе, на пути: «И Полканъ вставъ отъ сна своего, услышалъ конской топъ и людскую мольву, и сказалъ: «Братъ Бова! идетъ рать великая, я не знаю, кто съ нею идетъ и кому изъ насъ ее встрѣтитъ, тебѣ или мнѣ?» Бова Полкану: «Поля, братъ, а мнѣ недосугъ...» И Полканъ поскакалъ, и много людей прихватилъ, и плетеницею связалъ, и привелъ къ Бовѣ.» Отправляясь противъ силы Дадона, Бова «началъ наказывать брату своему Полкану: «Братъ Полканъ! Не покинь Дружневу и двухъ дѣтей.» А самъ

отходя подальше къ лѣсу простился съ Полканомъ, съ Дружневомъ и съ дѣтьми своими, и поѣхалъ онъ на дѣло ратное и на побойще смертное. И Полканъ отшелъ къ лѣсу спать, а Дружневна вышедъ изъ шатра съ дѣтьми своими гулять, увидѣла идущихъ на нее двухъ львовъ; Дружневна закричала великимъ голосомъ, Полканъ же слыша гласъ ея выбѣжалъ, и видя двухъ львовъ идущихъ на нее, побѣжалъ за ними и повмалъ одного, расчѣ по малымъ времени, съ другимъ же начелъ битися. Полканъ ударилъ льва мечемъ (здѣсь на картинѣ онъ простоволосый, съ длиннымъ копьемъ и кривой саблей, назван- ной мечемъ), левъ же ухватилъ его въ челюсти свои и Полканъ сталъ жертвъ вмѣстѣ со львомъ. » — Здѣсь кончается въ сказкѣ о Бовѣ роль Полкана. Оплакавши его, Бова отправился далѣе, чтобы отыскать царю Дадону, матихъ Милитрисѣ, и проч. Изъ всѣхъ же приведенныхъ описаній Полкана, старшее и вѣрное то, гдѣ онъ съ бородой, распущенными длинными волосами, нижнею конскою поло- виной, съ лукомъ, стрѣлами и палицей или вырваннымъ дубемъ; другія черты — позднѣйшія. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта повѣсть о Полканѣ въ своихъ подробностяхъ и въ такихъ чертахъ образа есть созданіе Русское народное, хотя и въ близости къ греческому Кан- тавру. При II-й части Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ, мы будемъ имѣть случай поговорить уже не о внѣшности и не о внѣшнихъ подвигахъ Полкана, а объ его внутреннемъ значеніи для нашего творчества, по поводу образа, въ которомъ является онъ подъ другимъ уже именемъ. — Въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ есть много и другихъ, болѣе мелкихъ подробностей, обличающихъ участіе чисто-русскаго народнаго творчества; а пока, надѣмся, мы доказали достаточно, какъ изъ этого рода сказокъ можетъ наука извлечь не мало данныхъ для пополненія свѣдѣній о нашихъ богатыряхъ и бога- тырскомъ времени.

Четвертый родъ русскихъ сказокъ уже не относится къ нашему дѣлу. Это (не говоря о присказкахъ, прибауткахъ, шуткахъ, по- баскахъ и т. д.) — сказки *Бытовыя*, рѣдко встрѣчаемая въ ста- рыхъ рукописяхъ, еще рѣже въ любочныхъ изданіяхъ, а въ устномъ употребленіи развиты весьма обширно и въ послѣднее время запи- санныя и изданныя въ большомъ обиліи. Замѣтимъ одно только, для очертки нашего поля: гдѣ встрѣчаются въ нихъ или дѣйствуютъ су- щества внѣшней природы, животныя, птицы, рыбы, и т. п., напрасно издатели видятъ тамъ *зооморфизмъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ какіе-то

слѣды мпѳологіи. Зооморфизмъ, въ опредѣленномъ значеніи этого научнаго термина, видѣтъ мѣсто лишь въ вѣросознаніи, во время языческаго развитія сего послѣдняго, какъ ступень его: вотому искателя язычества обязаны искать его по ту сторону сложившагося Русскаго человѣка и народа, въ эпохѣ доисторической. Тамъ они дѣйствительно и найдутъ зооморфизмъ, по пути, указанному нами выше, по Сказкамъ Былевымъ, и единственно почти въ повѣсти о знаменитыхъ пореходахъ Ивана. объ его блужданіи, смѣнѣ видовъ бытія. Здѣсь же, въ сказкахъ Бытовыхъ, будьте, пожалуйста, проще. Пусть лисицы и волки, раки и щуки, гуси и лебеди говорятъ, дѣйствуютъ по человѣчески, живутъ съ разумомъ: помните, что все это перенесено къ нимъ не только уже отъ сложившагося Русскаго человѣка, но даже и въ народной-позднѣйшей формѣ: здѣсь на внѣшнюю природу дѣйствуетъ человѣкъ и народъ, а не обратно; здѣсь и сама природа—*внѣшняя*. Не такъ она говорила съ человѣкомъ и не такъ на него дѣйствовала, когда онъ былъ подчиненъ ей, когда она не была еще для него внѣшнею, а царила надъ нимъ, и царяла не внѣшностью своею, а своею реальною слѣпою силой, силой космическою, наполнявшею сознаніе человѣка и не знавшею въ немъ внутренней области духа, пока духъ проснулся, окрѣпъ, привлекъ сознаніе къ себѣ самому, выразился въ образахъ человѣческихъ, отдался отъ природы внѣшней, началъ на нее дѣйствовать обратно, сложилъ народъ, началъ исторію. Такому поступанію отвѣчало поступаніе и въ образахъ творчества.

Вотъ путь, по которымъ, кажется намъ, слѣдуетъ изучать Русское народное Былево творчество, въ связи съ мпѳологіей, средствами языковѣдѣнія.

И. Б.

КОНЕЦЪ 4-ГО ВЫПУСКА

и

1-й части.

ОГЛАВЛЕНІЕ 4-ГО ВЫПУСКА.

	<i>Стран.</i>
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I.
Пѣсни Былевья. Время Владимірова.—Богатири:	
Илья Муромецъ.	1—46.
Онъ же и Никита Заолъшанинъ.	46—52.
Потокъ Михайло Ивановичъ. —	52—59.
Ставрѣ Годиновичъ.	59—68.
Гордень (Гордей) или Хотень (Хотинъ)	
Блудовичъ.	68—78.
Чурило Пленковичъ.	78—90.
Михайло Казарянинъ.	91—99.
Соловей Будиміровичъ.	99—107.

Съ какихъ поръ перевелись вѣтя- зи на Святой Руси.	108—115.
Аника Воинъ.	115—138.

Приложенія.—Замѣтка П. А. Безсонова
о пѣсняхъ, помѣщенныхъ во всѣхъ 4-хъ вы-
пускахъ I-й Части, съ соответствующими до-
полненіями, сказками, преданіями, и проч. . . . . I—СХСІV.

При семь особо: Указатель къ I-й части
Пѣсенъ, собранныхъ П. В. К., со-
ставленный П. А. Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й:
Лица, Имя Собственное (съ особымъ
счетомъ страницъ).

ПОГРѢШНОСТИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ I-Й ЧАСТИ.

Выпускъ 2,

Пѣсни, стр. 22, строка 2   Слѣдуетъ исправить:
снизу:

Извинился — — — — Поклонился
Стран. 56, строка 7 сверху:
Ухватилъ — — — — Ухватить
71, строка 16:
Ото сна — — — — Ото сна Алѣша
—, строка 23:
сводилъ ихъ — — — — сводилъ онъ
— 77, стихъ 270:
и вонъ ушелъ, — — — — взвился и вонъ ушелъ,

Вып. 3,

Пѣсни, стран. 20, стихъ 18:
О добромъ — — — — А о добромъ
Стр. 21, ст. 54:
ко городу ко Кіеву; — — — — ко городу Кіеву;
Приложенія; стр. VII,
строка 10 снизу:
города — — — — горы

Вып. 4,

Пѣсни, стр. 77, стихъ 162:
Хотень — — — — Хотѣнь
Стр. 103, стихъ 140:
путятшна — — — — Путятшна
Прилож., стр. XXIX, стр. 5:
не стрѣлай мени — — — — Не стрѣлай меня

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ИЗДАНІЮ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢВСКИМЪ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PRESS

CHICAGO, ILLINOIS

1963

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Изъ ряду устныхъ памятниковъ народнаго Русскаго творчества, Пѣсни Былевыя прежде всего требуютъ хорошаго изданія, какъ и даны многіе памятники древнѣйшей народной словесности Греческой, ии примѣръ Гомеръ, или Западно-Европейской, а у Славянъ—Чешской. Лучшее у насъ изданіе въ этомъ родѣ сдѣлано было Калайдовичемъ, 1818 г., «Древнія Россійскія Стихотворенія» но, чрезвычайно строгое относительно текста, оно не сообщаетъ подлежащихъ къ нему примѣчаній, слѣдуетъ порядку рукописи, съ которой печатано, не имѣетъ своего плана, а въ Предисловіи высказываетъ воззрѣнія, оставленныя далеко позади современной наукою. Въ Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ II-го Отд. А. Н. Былныя печатались отрывочно, безъ всякаго плана и воззрѣнія.

Изданіе Общества Л. Р. Сл. въ первомъ удовлетворяетъ требованіямъ современной науки: текстъ передается со всевозможною точностію и осмотрительностію; подъ нимъ всюду необходимы примѣчанія для уясненія смысла; выдержанъ планъ изданія и высказаны его основанія; въ Приложеніяхъ сообщено все главнѣйшее, что только можетъ служить къ пополненію и объясненію Былевыхъ пѣсень, сказки, преданія, замѣтки языковѣдныя, характеристики лицъ дѣйствующихъ и всей эпохи ихъ, опредѣленія видовъ, способовъ и пріемовъ самаго творчества, и т. п. Конечно, дѣла еще много шпреди: но по крайности оно поставлено такъ, что проложены прямые пути для дальнѣйшихъ усилій: теперь можно уже прямо пользоваться очищеннымъ матеріаломъ, вводя его въ строгую науку, дѣлая достояніемъ умственной жизни, а съ практической стороны можно теперь обратно распространять въ большинствѣ народа занятое у него же песенное, или воспринимать тѣхъ, кому слѣдуетъ ознакомиться ближе и соединиться съ народомъ, наше юношество, наше такъ называемое образованное и читающее общество.

Безпристрастіе требуетъ замѣтить, что таково же значеніе изданій: «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ», Ч. I, народныя былины, старины и побывальщины; «Калѣки Перехожіе», изданія

народныхъ Духовныхъ Стиховъ, ближайшихъ къ Былевымъ пѣснямъ, три выпуска.

Но для изданія Пѣсень, собранныхъ П. В. К., не доставало Указателя: онъ теперь и предлагается.

По возможности исчерпаетъ онъ все содержаніе Пѣсень, и притомъ ихъ же словами: касательно лицъ, именъ, предметовъ, словъ, реченій, оборотовъ, творческихъ приемовъ, и т. п.; въ дѣлѣ языка это будетъ не только словарь, но и прикладной словарь, глоссарій. Изъ Сказокъ, Преданій и т. п., помѣщавшихся въ Приложеніяхъ, займетъ онъ только въ общихъ чертахъ главное и особенное. Изъ Записокъ возьметъ онъ только лишнее противу народныхъ памятниковъ, но не воззрѣнія и разсужденія, а данныя. Прѣемы Указателя воспитаны конечно примѣрами другихъ подобныхъ изданій, образцами науки у другихъ образованныхъ народовъ: но они не заняты цѣликомъ и въ частномъ привнесенъ непременно должны быть Русскіе, своеобразные, соответственно содержанію самого народнаго творчества и зависящія отсюда воззрѣнія. Тамъ же, на примѣръ, кромѣ Руск., въ перечисленіи лицъ возможно дѣленіе градей на Князя съ Княгиней, на богатырей Старшихъ и Владимировыхъ, потомъ Калѣвъ Перехожихъ, Болѣвничъ, и т. п.

Такъ точно о Планѣ не находимъ нужнымъ сказать, что онъ гдѣ-то или слѣдуетъ изданію такой-то: его легко усмотрѣть изъ самого Указателя, и нужно усмотрѣть, нужно выучиться ему, ибо вѣсть съ чѣмъ читатель выучится плану самого народнаго творчества, а творчество выражаетъ собою единственно-свободный и лучший планъ, — планъ самой жизни.

Особымъ сокращеніемъ употреблены въ печати слѣдующія:
 «вып.» — выпускъ, чаще вресте «I, II, III, IV.» — «стр.» — страница, 1, 2, 3 и т. д. — «ст.» — стихъ, 1, 4, 22 и т. д. (считая сверху). — «№» — всѣя подъ №. — «разн.» — разнорѣчій къ тексту. — «пр.» — примѣчанія подъ текстомъ. — «Прилож.» — Приложенія къ выпуску. — «см. в.» или «в.» — смотри ниже, или выше. — «тж.» — тамъ же. — «Указ.» — Указатель; и т. п. *)

*) Такой же Указатель будетъ особо приложенъ ко II-й Части Пѣсень, собранныхъ П. В. Рыбниковымъ.

ЧАСТЬ I.

ВЫПУСКЪ 1, 2, 3, 4.

Отдѣль I.

(А) Лица Имя Собственное.

КНЯЗЬ, КНЯГИНЯ.

Князь. — 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, и дал. во всѣхъ IV-хъ выпускахъ безпрестанно; **Володимірь**: I, стр. 34, ст. 9; стр. 37—39; III, стр. 28—34, ст. 12 и дал.; стр. 32—38, ст. 47 и дал.; стр. 39—41, ст. 7 и дал.; IV, стр. 48, ст. 73; стр. 86, ст. 1, и др.; **Володимеръ**: I, стр. 25, ст. 20; стр. 28, ст. 110; стр. 29, ст. 157—159, и др.; **Ославиць**: III, стр. 32, ст. 2; **Сеславъевичъ**: III, стр. 78, ст. 311; **Сыславиць**: IV, стр. 86, ст. 2. — Князь: безпрестанно. — Киевскій: I, стр. 33, ст. 70; 80;

2; IV, стр. 86, ст. 1, 2, и др.; Киевскій и Владимірскій: I, стр. 82, 84, ст. 189, 265; Князь земли святигорская: IV, стр. 48, ст. 73; Великій князь: I, стр. 43, ст. 80; стр. 44, ст. 111; стр. 45, ст. 140; стр. 57; ст. 48; стр. 69, ст. 127; стр. 71, ст. 45 и дал. № 3: II, стр. 52, ст. 111; стр. 95; ст. 83; III, стр. 7, ст. 114; стр. 21, 23, ст. 57, 110; стр. 76; ст. 213; стр. 91, ст. 40, 62; стр. 103, ст. 85; IV, стр. 23, разн. и дал.; стр. 59, ст. 111; 18; стр. 60, ст. 49; стр. 61, ст. 77; стр. 70, 71, ст. 51 и дал.; стр. 92, 93, ст. 51, 84; Столбый, Стольный, Киевскій, Стольно-Киевскій:

I, стр. 44, ст. 124; стр. 71—73, ст. 47, 107, 117; II, стр. 21, ст. 104; стр. 26 и дал., ст. 95, 100, 121 и дал.; стр. 67, 68, ст. 16, 20; III, стр. 20, ст. 5; стр. 53, ст. 27, 54; стр. 71, ст. 53; стр. 77, ст. 268; стр. 82, ст. 48; стр. 85, ст. 35; стр. 103, 104, ст. 92, 98; IV, стр. 5, ст. 114; стр. 40, ст. 65 и дал.; стр. 63, ст. 119; стр. 72, ст. 130; стр. 79, 80, ст. 40 и дал.; стр. 84, ст. 193, 209; стр. 93, ст. 64, и др.—Царь (позднѣйшее): I, стр. 41, ст. 42, 46; стр. 86, ст. 319.—Государь, Осударь, Сударь: I, стр. 45, ст. 136; стр. 73, ст. 104, 118; II, стр. 18, ст. 2; стр. 53, ст. 2; стр. 75, ст. 171, 200; III, стр. 5, ст. 32; стр. 20, ст. 2; стр. 70, 71, ст. 12 и дал.; стр. 98, ст. 305; IV, стр. 24, *разн.*, и дал.; стр. 55, ст. 105, 113; стр. 59, ст. 2; стр. 68, ст. 2; стр. 78—83, ст. 2 и дал.—Батюшка: I, стр. 37—39, ст. 128 и дал.; стр. 66—70, ст. 23 и дал.; II, стр. 83, ст. 3, 16; стр. 90, ст. 3, 9, 30; стр. 94, 95, ст. 43 и дал.; III, стр. 28, 29, ст. 12 и дал.; стр. 33—38, ст. 44 и дал.; стр. 53, ст. 53; IV, стр. 41, ст. 73; стр. 47, ст. 22.—Солнышко: II, стр. 26, ст. 95, 100, 121; стр. 36—39, ст. 463 и дал.; Киевское солнышко:

III, стр. 32, ст. 2; стр. 78, ст. 311; Красное солнышко: III, стр. 82, ст. 44; IV, стр. 47, 48, ст. 17 и дал.; Солнце Киевско: II, стр. 53, ст. 125; Ласково солнце: I, стр. 45, ст. 130; II, стр. 19, ст. 33.—Надежа: III, стр. 85, ст. 35.—Свѣтъ: I, стр. 72, ст. 53; III, стр. 85, ст. 35; IV, стр. 47, ст. 17; стр. 78—80, ст. 18 и дал.; Свѣтлый: IV, стр. 3, ст. 69; Пресвѣтлый: IV, стр. 20, ст. 52.—Славный: I, стр. 82, 84, ст. 189 и дал.; II, стр. 53, ст. 2; стр. 83, ст. 2; III, стр. 4, ст. 2; IV, стр. 50, 51, ст. 28, 74.—Ласковый: I, стр. 44—46, ст. 119 и дал.; стр. 56, 57, ст. 18, 53; стр. 58, ст. 2; стр. 66, ст. 1; II, стр. 18, ст. 2; стр. 28, 29, ст. 188, 198; стр. 70, ст. 27 и дал.; стр. 83, *разн.*; III, стр. 5, ст. 32; стр. 10, 11, ст. 30—72; стр. 20, 27, ст. 2, 12, 269; стр. 41, ст. 2; стр. 52, ст. 2, и др.; IV, стр. 39, ст. 24, 34; стр. 52, ст. 2; стр. 55, ст. 105, 113; стр. 59, ст. 2; стр. 68, ст. 2; стр. 72, ст. 2; стр. 78, ст. 2; стр. 92, 93, ст. 40, 55, 75.

У него черны кудри: II, стр. 18, ст. 11; III, стр. 22, ст. 80; стр. 70, ст. 11; желтыя: III, стр. 42, ст. 20.—Когда сватается, объ немъ относится: «За Владимира можно дѣвка давать, хорошій

женитъ, во славу во почести: » III, стр. 55, ст. 106, 107.—По признанію самихъ враговъ, « нѣтъ его грозѣе во всѣхъ царствахъ, а богатырей его удалѣе во всѣхъ земляхъ: » IV, стр. 37, *разн.*— Пьетъ очень мало: IV стр. 43, ст. 162—167.—Труславъ вообще: I, стр. 84, 86, ст. 247, 319—321; особенно при наступленіи врага: I, стр. 68, ст. 67—87; стр. 72, 73, ст. 51—115; II, стр. 94, 95, ст. 49 и дал.; III, стр. 39, ст. 6—20 (даже плачетъ); IV, стр. 41—43, ст. 98—145.—Брезгливъ (зажимаетъ носъ отъ больной жены): III, стр. 98, ст. 302—311.—Ведитъ льстецовъ казнить—принимать, но потомъ слышаетъ льстивые совѣты, и снова, признавши правду, наказываетъ совѣтника котломъ смолы: III, стр. 29, ст. 23—48; стр. 34, 38, ст. 64—79, 228.—Княгини и богатыри боятся навести его на гнѣвъ, боятся удалыцы ходить во дворъ его и проказить: III, стр. 95, ст. 203; IV, стр. 71, ст. 77—82.—Сзываетъ былилицъ-волшебницъ: II, стр. 26, ст. 95, 96.—Любитъ охотиться и ѣздить на потѣшныхъ островахъ: III, стр. 91, 92, ст. 39—73; см. и исторію Чурилы.—У него весьма частые и при всякомъ удобномъ случаѣ пары: см. безпрестанно.—Принимаетъ и угощаетъ Казѣкъ Перехожихъ: III, стр. 97—99, ст. 277—365; IV, стр.

106, 107, ст. 229—248.—У него собирались вечерники для княгини и боярынь, для вдовъ: II, стр. 57, 58, ст. 146—191; III, стр. 20, ст. 1—3; IV, стр. 68—71, ст. 5 и дал.; стр. 73, ст. 7 и дал.; принималъ къ себѣ даже такія лица, какъ Марину, Маришку: см. ее.—Созывалъ на ширь черезъ особыхъ позовщиковъ: см. Чурилу.—Причитается дядюшкой Добрынь: II, стр. 19, ст. 32; стр. 53, ст. 124; имѣетъ родную сестрицу (?) Марью Дивовну (вѣроятно она же—Маришка): II, стр. 52, 53, ст. 98—137, см. ее; племянницу Зяву Путятичну: см. ее, Соловья Будиміровича и Добрыню: жену Апраксию (не совѣтъ вѣрную): см. ее, и безпрестанно; любимого тестя—грознаго короля Этмануила Этмануловича: II, стр. 18, 22, ст. 19, 20 и дал., см. его.

Скучаетъ холостою жизнію, ищетъ себѣ подходящей невѣсты: III, стр. 28, 29, ст. 12—22; стр. 33, ст. 34—44; стр. 53, ст. 38—39 и дал.; стр. 64—64, ст. 75—162; стр. 70—72; ст. 15—87.—Женится на старшей дочери Ляховинскаго короля, привезенной Дунаемъ въ Кіевъ: III, стр. 55, ст. 97—115.

Хотѣлъ у жива мужа жену отнять: II, стр. 22, ст. 161, 162; стр. 39, ст. 556; сомнѣвается, потомъ рѣшается отнять и отни-

даеть жену у живаго мужа, у Давиды Ловчанина (а его изъ за жены губитъ): III, стр. 29 — 31, ст. 32 — 115; то же у Давиды Дешильча, но потомъ раскаявается: III, стр. 33—38, ст. 59—228; см. и исторію Ставра и Василисы Микуличны.

Вездѣ ищетъ богатырей, вездѣ сираниваетъ: I, стр. 38, ст. 136; радуется прѣзду ихъ, проситъ служить: II, стр. 75, 79, ст. 173—179, 328 — 330; на прѣздѣ даритъ богатырямъ по добру коню: I, стр. 38, ст. 137, 138; даритъ по коню и за подвиги: II, стр. 45, ст. 4, 5; жалуетъ богатырей и всѣхъ приходящихъ мѣстами: I, стр. 39, ст. 192—195; стр. 44, ст. 121, 122; II, стр. 37, ст. 507—512; стр. 75, ст. 176 — 179; IV, стр. 47, 48, ст. 49 — 26; разряжаетъ по мѣстамъ: I, стр. 85, ст. 293—299; даритъ и жалуетъ всякими подарками: I, стр. 66, 67, ст. 18—32 (шубой собольною); III, стр. 38, ст. 227 (то же); IV, стр. 36, *разн.* (то же, и золотыми великими дѣнами); когда нужны богатыри, униженно имъ молится: II, стр. 94, 95 (Василью Казиміровичу); IV, стр. 42, 43 (Ильѣ Муромцу); старается иногда удерживать ихъ при себѣ для защиты Кіева (не всегда успѣшно): III, стр. 43, ст. 37 — 49; IV, стр. 24, 25 и дал., *разн.* — Назначаетъ богатырямъ подвиги; обык-

новеніе — настрѣлять къ столу княжецецкому гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ стрыхъ малыхъ уточекъ: безпрестанно, разнымъ богатырямъ; или — пересчитывать силы невѣрцы: III, стр. 44, 45, ст. 65 и дал.; Ильѣ Муромцу — закупать коней въ землѣ Латвиской: II, стр. 93, ст. 10, 11; Добрыню — закупать сѣдла въ землѣ Черкасской: II, стр. 93, ст. 12, 13; ему же — спасти племяннику отъ Змища: II, стр. 26, ст. 107 — 126, ср. Добрыню и Запаву; ему же — сѣздать въ орлы наирныя, очистить дороги прачотажія до Владимірова тестя короля Этмануила Этмануиовича, вырубить Чудь, прекротить Сорочину, Черкесь Пятигорская, Калыковъ съ Татарами, Чуиши и Алюторы: II, стр. 18, 19, 22, ст. 17—25 и дал.; ему же и Василью Казиміровичу — взать въ Большую Орду Заоданскую, по дарю Батью, взати дань-пошанины: II, стр. 83, 84, № 1; стр. 90, 91, № 2; Алешѣ Поповичу — закупати щено въ землѣ Сорочинской: II, стр. 93, ст. 14, 15; Давидъ Ловчанину — сѣздать на Буяць островъ и убить зѣтра мотаго: III, стр. 29, ст. 42 — 48; Давидъ Денисьичу — сѣздать въ луга Леванидовы, вымать птичку бѣлогораницу и убить львѣ мотаго: III, стр. 34, ст. 71 — 79; Думаю съ Добрынею — искать я сватать ему

невесту: III, стр. 54, ст. 80—86; то же Дунаю съ Добрынею и Алешою: *тж.*, стр. 64, ст. 156—171; то же Дунаю съ Екимомъ Ивановичемъ: *тж.*, стр. 71, 72, ст. 58—87; Чуриль—созывать на пиры и быть вѣстникомъ: см. его; в т. п. — Встрѣчаетъ Илью Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ въ первый разъ у себя въ Кіевѣ, не вѣрить подвигу Ильи, пугается сѣксту Соловьиного, принимаетъ Илью: I, стр. 29, 30, ст. 157—198; стр. 33, 34, ст. 80—105; стр. 37—39, ст. 126—195; стр. 41, ст. 42—46; стр. 44—46, ст. 104—173; стр. 82—85, ст. 174—304; IV, стр. 4—6, ст. 108—157; сажаетъ Илью въ тюрьму: I, стр. 67, ст. 50—55 и дал.; за рѣзкую правду сажаетъ его въ погребъ, но потомъ, признавши истину, выпускаетъ, цѣлуетъ, жалуется: III, стр. 34, 38, ст. 80—86, 222—228; знаменитая ссора съ Ильєю: см. Илью Муромца.—Содѣйствуетъ незаконной свадьбѣ Алешы Поповича, за что пристыженъ отъ Добрыни: II, стр. 8, ст. 146; стр. 15, ст. 50; стр. 17, ст. 31; стр. 21, 22, ст. 104, 105, 161, 162; стр. 32, 33, 39, ст. 335—366, 552—556 (тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло).—Хлопочетъ женить Ивана Годиновича: III, стр. 10, 11, ст. 46—80; стр. 20—

22, ст. 5—88. — Улаживаетъ свадьбу Хотена и уговариваетъ Часову жену не кручиниться и не гнѣваться на зятя: IV, стр. 72, ст. 130—134. — Бьется объ закладъ съ Иваномъ Гостинимъ сыномъ и, проигравши, стѣсненъ: III, стр. 4—8, № 3. — Изъ зависти къ Ставру, велитъ посадить его въ тюрьму, дворъ его запечатать, а молодую жену его, Василису Микulichну, взять ко князю; когда же она подступила къ Кіеву подъ видомъ грознаго посла, перепугался, не повѣрилъ Апраксіи, что это Василиса, разбилъ жену, пыталъ посла борьбою и стрѣльбой изъ лука, обыгранъ имъ въ шахматы и отдавалъ себя, за неустойку, въ кабалу съ женой, а послѣ обрадовался, когда Василиса, вмѣсто всѣхъ даней, взяла у него Ставра, увижался передъ нею, и, проведя ея съ мужемъ, остался ни съ чѣмъ: IV, стр. 60—68, ст. 39—263, ср. Ставра, Василису и Царя Бархата (сказочный Владимиръ). — Слышитъ въ Кіевѣ отъ разныхъ охотниковъ о первыхъ страшныхъ подвигахъ Чурилы и сначала не внимаетъ имъ; когда толпы увеличились съ жалобами, спрашиваетъ: «Кто это Чурила есть таковъ?» Узнавши объ немъ, ѣдетъ въ его дворъ съ княгинею и множествомъ провожатыхъ; тамъ пируетъ у Пленка; почувявъ приближеніе Чурилы, возвращавшагося

съ охоты, перепугаяся; всмотрѣвшись ближе, успокоивается, получаетъ отъ Чурилы дары, зоветъ его въ Кіевъ: «Не подобаеъ тебѣ въ деревнѣ жить, подобаеъ въ Кіевѣ жить, князю служить;» въ Кіевѣ даетъ Чурилу службу постельника и позовщика; синсходитъ къ его любовнымъ дѣламъ: IV, стр. 78—85, ст. 10—226; стр. 86, ст. 14—20, ср. Чурилу. — Принималъ у себя заѣзжаго Дюка Степановича и ѣздилъ къ нему въ Волянецъ Галичій, гдѣ былъ богато угощенъ, одаренъ и изумленъ богатствомъ: III, стр. 103—106, ст. 78—184. — Завѣзжій Михайло Казарянинъ привезъ ему въ подарокъ знаменитыхъ коней Татарскихъ: IV, стр. 98, 99, ст. 253—270. — Изъ за моря пріѣзжалъ къ нему въ Кіевъ Соловей Будиміровльчъ, впоследствии женившійся на его племянницѣ, Запавѣ Путятичнѣ, съ которою Владиміру не мало было хлопотъ: ср. ее в IV, стр. 101—107.

Какъ Князь Кіевскій, является часто въ спорѣ и противодѣйствіи съ Княземъ Сиверскимъ, Владыною или Воеводою Черниговскимъ: см. эти лица.

Въ его время завладѣлъ Кіевомъ, но убить Ильею Идолище: I, *Прилож.*, стр. XIV—XVI, XXI—XXII, XXXIV; IV, стр. 19—24, ст. 15—83; сообрались на Кіевъ Цареградскіе богатыри,

между ними Тугаринъ Змѣевичъ и Идолище, но Кіевскими богатырями полонены: IV, стр. 23—38, *разн.*; господствовалъ въ Кіевѣ Тугаринъ Змѣевичъ, насмѣхался надъ княземъ, владѣя княгиней: II, стр. 75—79, ст. 183—330; нападалъ на Кіевъ Тугаринъ Бѣлевичъ, врагъ Загорскій: I, стр. 56, 57, № 3; Змѣй овладевалъ въ Кіевѣ женщинами: ср. его, Запаву Путятичну и Марину; нападали на Кіевъ или подступали къ нему—Жидовицъ богатырь: см. его; — Калина, Калинь съ Татарами: I, стр. 68—76, № 2 и 3; — Батый съ Татарами: IV, стр. 38—46, № 6; — Мамай съ Татарами: I, стр. 58—63, № 4; — Орды невѣрныя, великія: III, стр. 39—41, № 4; — невѣрный царь Уланище: III, стр. 41—54, № 2; и др.; при этомъ Владимиръ наряжался поваромъ, марался сажею, передѣвался посломъ, отправляясь къ Татарамъ, а передъ богатырями унижался, моля о защитѣ: I, стр. 74, ст. 127, 128; IV, стр. 43, ст. 155—167 и см. в.—Взятъ былъ въ подданство и привозимъ въ Кіевъ изъ земли Загорской царь Афромея Афромеичъ: III, стр. 26, 27, ст. 230—247, 280—285.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. CL.

Княгиня.

Епракоя: II, стр. 15, ст. 51;
Апракоя: II, стр. 36, 39, ст. 464, 553, 555; III, стр. 82, 83, ст. 52—77; IV, стр. 40, 43, 44, ст. 66, 137, 144, 186; стр. 82, ст. 132; **Опракса, Опракоя:** III, стр. 51, ст. 247; стр. 64—68, ст. 147 и дал.; стр. 85—88, ст. 41—151; **Афро-синья** (испорчено изъ «Апракоя»): III, стр. 71—79, ст. 41 и дал.; **Апракоевна, Апракоевна:** I, стр. 46, ст. 169; II, стр. 22, ст. 140, 143; стр. 75—80, ст. 188; III, стр. 79, ст. 316 и дал.; стр. 92—99, ст. 75—366; IV, стр. 64, ст. 149; стр. 98, ст. 233, 235; стр. 102, 106, ст. 79; 220; **Апраквина** (изъ «Апракоевна»): IV, стр. 50, ст. 26.

Королевична (по происхождению): III, стр. 85—88, ст. 41—151; **Честна роду дочь, Королевична:** III, стр. 92, ст. 76; **Княгиня:** I, стр. 46, ст. 169; III, стр. 8, ст. 139; стр. 82—99, ст. 52 и дал.; IV, стр. 43, 44, ст. 137, 144, 186; стр. 72, ст. 131; стр. 82—84, ст. 114—194; стр. 86, ст. 9—20, и др.; **Жена** (Владимира): IV, стр. 40, ст. 66, см. его; **Душа:** I, стр. 46, ст. 169; II, стр. 22, ст. 143; III, стр. 92,

ст. 75; **Молода:** III, стр. 92—99, ст. 92—366; **Сдогадливас:** I, стр. 68, ст. 62.

Дочь грозна короля Этмануйла Этмануйловича: II, стр. 18, 19, 22, ст. 19, 20 и дал.; III, стр. 71, ст. 37 и дал.; старшая дочь Ляховинскаго короля и старшая сестра жены Дунаевой, сосватанная и привезенная въ Киевъ Дунаемъ: III, стр. 54, 55, ст. 60—115; ея описаніе (невестою): «возрастомъ не мала и умомъ на статѣ, въ грамоту дѣвица поученая, лицомъ бѣла какъ зимній снѣгъ, очи какъ у сокола, брови какъ у соболя, ходитъ словно лебедушка, глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день.» III, стр. 54, ст. 70—78; меньшая дочь того же короля и меньшая сестра жены Дунаевой, привезенная въ Киевъ также Дунаемъ, ея описаніе: «сидитъ она за тридцатью замками, чтобы и вѣтеръ не завѣлъ, да и солнце не запыкло, да и добры молодцы чтобы не завидѣли, станомъ Владимиру ровна и умомъ сверстна, очи у ней какъ у ясна сокола, брови какъ у черна соболя Сибирскаго» III, стр. 64—68, ст. 147—247; такой же рассказъ, съ той особенностью, что хвастовствомъ погубила сестру свою, жену Дуная, и съ описаніемъ—«сидитъ въ высокомъ терему за тридцать замками булатными, буйные вѣтры не вынутъ на ее, а красное солнце не печетъ лице, дѣвушка станомъ статна и умомъ

свершна, бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ, а ягодицы какъ макъ цвѣтъ, черныя бровя какъ бы соболи, ясныя очя какъ у сокола. честна королевична: III, стр. 71—79, ст. 37 и дал.; о происхожденіи Апраксіа ср. Жену Дуная—Дарью Збродовичну, Сестру Збродовичей—Настасью или Наталью, Сестру Алеши Поповича и Михайлы Казарянина.

Всюду почти рядомъ съ Владиміромъ: см. его; князь касательно семейныхъ дѣлъ думаетъ съ нею, совѣтуется: IV, стр. 103, ст. 109, 110; ей особенно нравятся подарки: IV, стр. 102, ст. 89, 90, и др.; у ней было въ Кіевѣ своихъ сто богатей: III, стр. 22, ст. 85.

Весьма часто невѣрна мужу; ей кладеть руки въ пазуху, держитъ у ней руки въ пазухѣ Идолыше поганое: IV, стр. 19, ст. 19; у ней милый другъ—Тугаринъ Зиѣвичъ, она свадитъ съ нимъ въ Кіевѣ радушкѣ, цѣлуется, позволяетъ класть себѣ руки въ пазуху, все бы глядѣла на него, пѣнаетъ за него Алеши Поповичу и за то обругана отъ сего послѣдняго «суюю волочайкою»: II, стр. 75—80, ст. 184—340; обзарила на Потока Михайлу Ивановича (во главѣ Калѣкъ), за несогласіе на любовь оклеветала его, наказана меракимъ дедугомъ, потомъ прощена Михайлою: III, стр. 82—

84, ст. 54—115; стр. 85—89, ст. 41—165; стр. 92—99, ст. 93—366, ср. Потока; была съ Владиміромъ въ гостяхъ у Чурилы, когда еще онъ не жилъ въ Кіевѣ, а когда переселился въ Кіевъ, держала его у души, и одинъ разъ, заглядѣвшись на него и порѣзавши руку, со стыду со ораму рѣшила, чтобы больше, во избѣжаніе соблазна, не служить ему при княженецкихъ постеляхъ постельникомъ, а ходитъ на сторону позовщикомъ: IV, стр. 82—84, ст. 114—194; стр. 86, ст. 9—20; ср. *Прилож.*, стр. XCIV.

Хлопочетъ переть князень за Илью Муромца и спасаетъ его отъ погубели, при чемъ напрасно заслужила отъ мужа ния «неразумной»: I, стр. 67—69, ст. 22—106; одна въ Кіевѣ узнаетъ передѣтую Василису Милуличну, при чемъ опять несправедливо выбрана «глупою и неразумною»: IV, стр. 62—64, ст. 106—152; содѣйствуетъ свадьбѣ Алеши Поповича: II, стр. 15, ст. 51; стр. 39, ст. 555, 556; примиренію зятя Хотена съ тещею Часовой вдовой: IV, стр. 72, ст. 130—134; въ свадьбѣ Давида Попова съ племянницею Владиміра Запавою служить свахою: IV, стр. 106, ст. 220.

Ср. IV, *Приложенія*, стр. CL.

*

КНЯЗЬЯ-БОЯРЕ КІЕВСКІЕ,

ДРУЖИНА КНЯЖЕСКАЯ.

ЖЕНЫ ИХЪ И ДОЧЕРИ.

47 | 18

Влудъ: IV, стр. 69—71, ст. 9 и дал.; стр. 73—75, ст. 8 и дал.; **Влудище:** IV, стр. 73, ст. 14, 39.

Во времена Владимира уже умеръ и оставилъ послѣ себя многіе пожитки, вдову и сына Хотена или Гордена: см. двухъ послѣднихъ.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

Чесъ (Чѣсъ): IV, стр. 69—72, ст. 8 и дал.; **Часъ (Цасъ):** IV, стр. 73—76, ст. 9 и дал.

Во времена Владимира уже умершій и оставившій вдову, девять сыновей и дочь Катерину или Авдотью: см. жену его, дочь и Хотена или Гордена.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

Вермята: IV, стр. 81, ст. 96; стр. 82, ст. 120; стр. 85, 86, ст. 217, 245; **Перमितьевъ:** IV, стр. 88, ст. 33, 37, 40; **Васильевичъ:** IV, стр. 81, ст. 96; стр. 82, ст. 120; стр. 85, 86, ст. 217, 245.

Старый: IV, стр. 81, ст. 95; стр. 82, ст. 12; стр. 85, 86, ст. 217, 245.

Въ Кіевѣ одинъ между всеми про Чурилу «давно вѣлаеть» и рассказываетъ Владимиру, гдѣ онъ живетъ и какъ живетъ: IV, стр. 81, ст. 95—103; сопровождаетъ Владимира въ поѣздкѣ къ дому Чурилову: стр. 82, ст. 120; пмѣлъ молодую жену въ Кіевѣ, Катерину Прекрасную: стр. 85, 86, ст. 217—219, 245—247; стр. 88—90, ст. 20 и дал.; см. ее; обезачешень Чурилою и по одной пѣсни прощаетъ его, жену же хочетъ убить: IV, стр. 85, 86, ст. 216—247; стр. 87—90, ст. 9—110.

Значеніе его имени, отношенія къ Чуру, Гермесу, Чурилѣ, и т. п.: см. IV, *Прилож.*, стр. LVIII, LXXX, XCII—XCV.

Путята: отецъ Путятина, Путятювича, Мишатычки Путятина сына: см. его.; отецъ Запавы Путятичны: см. ее.

Старый: IV, *Прилож.*, стр. LVIII.

По имени его назывался близъ Кіева, противъ двора его, тешный лѣсъ: IV, *Прилож.*, стр. LVIII; по быльнамъ уже умершей, родственникъ Владиміру, по лѣтописямъ изъ эпохи Владиміра Мономаха, и проч.: ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII, LVIII.

Путятинъ (сынъ?) **Путятюновичъ**: III, стр. 29, ст. 23, 33, 35; **Мишатычка Путятинъ сынъ**: III, стр. 33, 34, 35, 38, ст. 43, 64, 65, 89, 90, 99, 228.

Переметливъ былъ: III, стр. 34, ст. 65, 66.

Много ѣзжалъ по инымъ землямъ, много выдалъ и изъ ума пыталъ королевиченъ: III, стр. 33, ст. 45—47.

Подаетъ Владиміру коварный советъ отнять жену у живаго мужа, у Данилы Ловчаннина, а его погубить: III, стр. 29, ст. 23—41; то же касательно жены Данилы Деясыча, и самъ съ холопскою грубостью дѣйствуетъ отъ лица Владиміра, но потомъ, при несчастномъ исходѣ дѣла, посаженъ Владиміромъ въ котель смолы: стр. 33—35, 38, ст. 42—104, 228.

Ср. IV, *Прилож.*, ст. LVII, LVIII.

Микюла Микитичъ, Воевода Кіевскій, встрѣтившій на пріѣздѣ Илью: I, *Прилож.*, стр. XII (въ сказкѣ, сомнительно); ср. ниже.

Акундинъ Ивановичъ, Воевода Кіевскій при Владимірѣ: II, *Прилож.*, стр. XV (въ сказкѣ, сомнительно); ср. жену его.

Ср. ниже Отца Добрыни и Малу Вокскураатова сына, а также IV, *Прилож.*, стр. LVI—LVIII.

Влудова жена: IV, стр. 69, 70, ст. 9—64; стр. 73, 74, ст. 8—45; **Авдотья**: IV, стр. 69, ст. 34.

Честная вдова: IV, стр. 68, 69, ст. 7—9; **Молодая вдова**: IV, стр. 73, ст. 8 и дал.; **Жена богатая, дворянская**: IV, стр. 69, ст. 10, 11.

Многіе позитки остались ей съ сыномъ отъ мужа: IV, стр. 69, ст. 22; сынъ ея Хотенъ или Горденъ: си. его: пировала у Владиміра: IV, стр. 68, 69, ст. 7 и дал.; стр. 73, ст. 7 и дал.; напивалась на пиру до пьяна: IV, стр. 70, ст. 64.

На пиру у Владиміра посватала сына за дочь Часовой жены, отъ нея побита, обругана и обезчещена, пожаловалась сыну, вызвала его мше-

ние: IV, стр. 69, 70, ст. 13—65 и дал.; стр. 73, 74, ст. 9—45 и дал.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

Чесова, Чесовая (Чъсова, Чъсовая), **Часова** (Цясова) **жена**: IV, стр. 69—72, ст. 8 и дал.; стр. 73—76, ст. 9 и дал.; **Авдотья**: IV, стр. 69—72, ст. 14, 29, 52; 126.

Честная вдова: IV, стр. 68—72, ст. 7, 97 и дал.; **Молодая вдова**: IV, стр. 72, 73, ст. 126, 35 и дал.; **Жена богатая, дворянская**: IV, стр. 69, ст. 10, 41.

Итъла послѣ мужа девять сыновей какъ ясныхъ соколовъ: IV, стр. 69, 71, ст. 15, 16 и дал.; стр. 75, ст. 81 и дал.; **дочь Авдотью или Катерину**: см. ее; **пировала у Владиміра**: IV, стр. 68, 69, ст. 7, 8, и дал.; стр. 71, ст. 80, 81; стр. 73, ст. 9 и дал.

На пиру у Владиміра, когда Блудова жена посватала за своего сына дочь ея, прибила, обругала и обезчестила Блудову, когда же Блудовичъ Хотенъ круго началъ мстить, напустила было на него сыновей, но при неудачѣ принуждена наконецъ отдать дочь за Хотена и волею неволею, по убѣжденію Владиміра и княгини, помириться: IV, стр. 69—72, ст. 13—135; стр. 73—76, ст. 9—120.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII.

Авдотья Чесовична: IV, стр. 69—72, ст. 18—117.

Катеринуша Часовишна: IV, стр. 73—77, ст. 10—162.

Дѣвица какъ лебедь въ лая: IV, стр. 69, ст. 19.

дочь Часовой жены: см. ее.

Когда обиженный ея матерью, Хотенъ или Горденъ сшибъ ея теремъ и подавилъ садъ, бросилась было жаловаться къ матери, но потомъ принуждена выйти за него за мужъ: IV, стр. 70—72, ст. 65 и дал.; стр. 74—77, ст. 46 и дал.

Ср. Хотена или Гордена.

Катерина Прекрасная: IV, стр. 85, 86, ст. 219, 247; **Пермитыжа**: IV, стр. 88—90, ст. 20—89.

Госпожа, превысока госпожа, княгиня: IV, стр. 88—90, ст. 20—109.

Молодая жена Бермяты или Пермитьева (см. его): IV, стр. 85, 86, ст. 217, 218, 245, 246; стр. 88—90, ст. 20 и дал.

Отъ стараго мужа поддалась Чурилѣ (см. его), принимала его къ себѣ, весь народъ узналъ безчестіе по слѣдамъ, а по одной пѣсни мужъ готовится убить ее: IV, стр. 85, 86, ст. 216—247; стр. 87—90, ст. 9—110.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XCII—XCIV.

—
Запава: IV, стр. 102—107, ст. 104—265; **Забава:** II, стр. 26—28, ст. 105—196 и *пр.*; **Зыбава, Зыбата:** IV, *Прилож.*, стр. LVIII; **дочь Путятична, Путятична, Путятинна:** II, стр. 26—28, ст. 105—196.

Князева (Владимірова) племянница: II, стр. 25—28, ст. 91—195; **княженецкая племянница:** IV, стр. 102, ст. 103; **Дъвица на выданьѣ:** IV, стр. 105, ст. 185; **молода:** всюду въ означенныхъ мѣстахъ.

Ея знаменитые терема, садъ, загонъ земли непаханой и неораной: IV, стр. 102—104, ст. 101—176; *Прилож.*, стр. LVIII.

Унесена изъ Кіева Змишевъ Горыничшевъ и по повелѣнію Владимира спасена Добрыней: II, стр. 25—29, ст. 88—198.

Расположенная подарками прѣдъавшаго въ Кіевъ Соловья Будиміровича, сдалась ему, помолвилась, помѣнялась перстнями; когда мать Соловья отсрочила свадьбу и онъ уѣхалъ, насильно приневолена выйти за Давида Попова; когда же Соловей воротился, хотѣла броситься къ нему черезъ свадебный столъ, взяла его за руку, посадила съ собой, насмѣялась Давиду Попову: IV, стр. 102—107, ст. 101—267.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LVII, LVIII.

—
Анисья Севастьяновна, жена Воеводы Кіевского Акудины Ивановича: II, *Прилож.*, стр. XV (въ сказкѣ, сомнительно); см. его.

—
 Ср. ниже Мать Добрыни, Крестную мать его же, Сестру, Марью Дивовну, Марину.

*

БОГАТЫРИ СТАРШІЕ.

Старшіе богатыри дивуются на Илью: I, стр. 78—81, ст. 45—48, 134—137, 170—173; держатся въ сторонѣ отъ Кіева, не охотно идутъ на его выручку, со-

блазняютъ настоящихъ Кіевскихъ богатырей, принимаютъ ихъ въ гости, оставляютъ равнодушно на краю гибели, и т. п.: I, стр. 58—64, ст. 21—25, 71—100, 119—138,

166—170, 204—225; ср. I, *Прилож.*, стр. XXX—XXXII; IV, *Прилож.*, стр. XII, XIII, CIII—CXIII.

Святогоръ, Свѣтогоръ.

Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 146; на полѣ внѣ Кіева и спасаетъ Кіевъ по призыву Ильи: стр. 58, 60, 61, ст. 24, 79, 124; атаманомъ на Соколѣ кораблѣ, вмѣстѣ съ Ильею: стр. 22, *разн.*; всѣхъ больше по природѣ отличался силою: II, стр. 31, ст. 277; рядомъ съ Самсономъ, какъ славнѣйшій богатырь, однако скошенный смертью: IV, стр. 121, ст. 46; то же, рядомъ съ Олоферномъ, Соловьемъ и Самсономъ, какъ сынъ Самсона, Егоръ-Святогоръ: стр. 122, *разн.*; то же, рядомъ съ Олоферномъ и Самсономъ, Святигоръ: стр. 131, ст. 55; вѣроятно онъ же, по народному преданію: I, *Прилож.*, стр. XXX, XXXI; смѣшанъ въ народномъ преданіи съ Ильею: стр. XXXIV; ср. Аннику Воина в IV, *Прилож.*, стр. CIII—CXIII.

Суханъ Домантьевичъ.

Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 145; съ другими богатырями въ походѣ изъ Кіева на Царьградъ,

при чемъ взяты живьемъ Идолъ Скоропить в Тугарни: IV, *разн.*, стр. 24 и дал.

Полканъ. Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 146; младъ вогагырь, на Соколѣ кораблѣ съ Ильею: стр. 22, ст. 9; рядомъ съ Самсономъ, какъ образецъ славнѣйшихъ богатырей, скошенныхъ однакоже смертью: IV, стр. 117, *разн.*; какъ Чудище-Полканщице, Полканъ Полкановичъ, сводится въ народномъ преданіи съ Идолицемъ (см. его): I, *Прилож.*, стр. XXXIV; по сказкамъ — въ борьбѣ съ Иваномъ Крестьянскимъ сыномъ: III, *Прилож.*, стр. XVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIX—CXС; съ Добрынею (сомнительно): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIX; — въ борьбѣ и дружбѣ съ Бовою королевичемъ (имя его, наружность, и проч.): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXVIII—CXСIII.—Ср. ниже Аннику Воина и Смерть.

Колыванъ сынъ Ивановичъ. Стоитъ на богатырской заставѣ внѣ Кіева: I, стр. 7, ст. 5. Сравни:

Иванъ Колывановичъ. На полѣ внѣ Кіева и спасаетъ Кіевъ по призыву Ильи: I, стр. 58, 60, 61, ст. 25, 80, 125. Сравни:

Самсонъ Кольвановичъ. Вокругъ Владиміра, во время пріѣзда Ильи въ Кіевъ: I, стр. 45, ст. 144; стоятъ вѣдъ Кіева, на Дунай-рѣкѣ, на богатырской заставѣ: IV, стр. 44, ст. 192, 194; племянникъ Ильи (?): стр. 44, ст. 192, 194, 195; грязнетъ въ Дунай, спасается Ильєю: стр. 44, ст. 192—195; въ битвѣ держитъ руку правую: стр. 44, ст. 202. Сравни:

Самсонъ Васильевичъ. Стоятъ на богатырской заставѣ вѣдъ Кіева: I, стр. 7, ст. 6. Сравни:

Самсонъ. На Соколѣ кораблѣ (ошибкою названъ Симеономъ): I, стр. 40, ст. 8; на полѣ вѣдъ Кіева и спасаетъ Кіевъ по призыву Ильи: стр. 58, 60, 61, ст. 23, 78, 123; рядомъ съ Полканомъ, какъ образецъ славнѣйшихъ богатырей, однакоже скошенъ смертью: IV, стр. 117, *разн.*; то же, рядомъ съ Святогоромъ: стр. 121,

стр. 45; то же, рядомъ съ Олоферномъ, Соловьешъ и Святогоромъ, какъ богатырь надъ семьдесятью землями, съ тремя ангельскими волосами: стр. 122, *разн.*

Молоферъ, Малафей (Олофернъ). Рядомъ съ Святогоромъ и Самсономъ, въ числѣ славнѣйшихъ богатырей, покрившихся однакоже смертью: IV, стр. 131, ст. 56; то же, рядомъ съ Соловьешъ, Святогоромъ и Самсономъ: стр. 122, *разн.*

Соловей: см. его ниже.

Дунай или Донъ Ивановичъ (по происхожденію Старшій богатырь): см. его ниже.

Ср. Збродовичей, Заѣшанъ, и нѣк. друг.

ДРУЖИНА ЗЕМСКАЯ,

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ,

на службѣ Владиміру.

Богатыри Туземные.

Илья Муромецъ: безпрестанно; **Илейво:** I, стр. 36, ст. 70; IV, стр. 2, ст. 35; стр. 18,

стр. 4 в дал.; стр. 23, ст. 34 и дал.; стр. 41, ст. 87; стр. 47, ст. 9 и дал.; **Илеюшка:** IV, стр. 23, ст. 47; **Илюха:** I, стр. 51, ст. 200; **Илюшка:** I, стр. 25,

ст. 4, 15; стр. 29, ст. 170; **Илющенъна**: I, стр. 16, ст. 1, 3, 5; стр. 40, ст. 10.—**Сынъ или свѣтъ Ивановичъ**: I, стр. 1, ст. 4; стр. 3, ст. 7; стр. 11, ст. 28; стр. 14, ст. 107; стр. 19, ст. 8; стр. 35, ст. 33; стр. 47, ст. 37 и дал.; стр. 82, ст. 196 и дал.; стр. 91, ст. 19; III, стр. 4, 5, ст. 20, 40; IV, стр. 7, ст. 34 и дал.; стр. 15, ст. 75; **Ивановъ сынъ**: I, стр. 29, ст. 170.

Отецъ его Иванъ Тимошевичъ, Мать (по преданію) Ефросинья Яковлева: см. ихъ ниже; Рода крестьянскаго: I, стр. 91, ст. 17; Дѣтина сельщина, деревенщина (въ укорь): I, стр. 82, ст. 191, 192, 206.

Старый, Старикъ: I, стр. 51, ст. 178—184; 53, ст. 44, 45; 86, ст. 1, 2, 3 и дал. № 2; IV, стр. 11, ст. 176—183; 14, ст. 61; 46, ст. 247; Старчище: I, стр. 55, ст. 108, 109, 117; Старъ-матѣрь человекъ: I, стр. 18, ст. 34, 38; 23, ст. 3; Базыга старая (въ укорь): I, стр. 10, ст. 100; Матѣрьны: I, стр. 51, ст. 178; IV, стр. 11, ст. 177.—Старикъ невеселый: I, стр. 55, ст. 107, 116; Угрюмый: I, стр. 55, ст. 115.—Старъ-Старый козакъ: I, стр. 4, ст. 5, 6; 12, ст. 48, 49; 13, ст. 71, 91, 101, 106, 123; 15, 16, № 1; 17, № 3; 58, ст. 13 и дал., № 1; 90, ст. 6; 93,

ст. 4; III, стр. 34, 38, ст. 80, 81; 225, 226; IV, стр. 18, ст. 1 и дал.; 41, ст. 87 и дал.: Матердой козакъ: IV, стр. 108, ст. 11, 12; Старѣйшій козакъ (позднѣйшее): I, стр. 92, ст. 3; Донской козакъ (позднѣйшее): I, стр. 18, ст. 4; 20; ст. 56.—Старшой (старой?): I, стр. 88, ст. 56; Старшинушка (старинушка?): I, стр. 18, № 4.—Атманъ: I, стр. 46—52, № 1; 52, ст. 3; 90, ст. 5 (позднѣйшее); IV, стр. 6—12, № 2.—Есаулъ (позднѣйшее): I, стр. 91, ст. 12; 13.—Богатырскій сынъ (по преемству отъ Старшихъ богатырей, см. н. отношеніе къ нимъ): I, стр. 21, ст. 9; Большой, Большой, богатырь: I, стр. 47, ст. 36 и дал.; IV, стр. 7, ст. 34 и дал.; 10, ст. 131.—Сильный воинъ: I, стр. 2, ст. 33.—Славный: IV, стр. 24, *разн.*—Стоятель, Оверегаткль (Кіева, князя и проч.): I, стр. 68; ст. 85, 86.—Паленица, Поленница, великая (порою): I, стр. 73, ст. 93; 83, ст. 233.

Завѣлѣлася головушка: I, стр. 19, ст. 13; новѣлѣла головушка: стр. 31, ст. 14.—Завѣлѣлася сѣдая борода: I, стр. 15, ст. 2; сѣдая, частая, мелкая бородашка: I, стр. 19, ст. 14; посѣдѣла бородашка: стр. 31, ст. 15.

На немъ СЕРЬМЯЖКА, СКР-
НЯЖЕЛЬКА СЪРАЯ: I, стр. 15,
ст. 15; 17, ст. 18; 48, ст. 40;
СМУРЬ КАФТАНЪ: I, стр. 16,
ст. 1; 26, ст. 45; СЪРОЙ КАФ-
ТАНЪ: I, стр. 18, ст. 9, 10; КАФ-
ТАНЪ РУДОЖЕЛЪТЪ: I, стр. 16,
ст. 2; 22, ст. 11; КАМЗОЛЕЦЪ:
I, стр. 20, ст. 37; ШУВА, ШУ-
ВЕНКА, ШУВЕНОЧКА: I, стр. 16,
ст. 13; 22, *разн.*; 32, ст. 42; 40,
ст. 10; КОЛНАНЪ, КОЛПАЧОКЪ:
I, стр. 20, ст. 38; 26, ст. 46; IV,
стр. 47, ст. 36 и дал.; ШАПОЧ-
КА: I, стр. 22, *разн.*; 32, ст. 43;
КУШАЧОКЪ: I, стр. 26, ст. 46;
РУКЛАВИЧКИ: I, стр. 32, ст. 44.

НѢТУ у него, старого, молодой
жены, нѢТУ МАЛЫХЪ ДѢТОЧЕКЪ: I, стр.
86, ст. 14, 15; ЖЕНИТЬСЯ ему—не
хочется: I, стр. 17, ст. 14; — не
ко младости: I, стр. 19, ст. 26;
21, ст. 22; 32, ст. 26; — не къ
лицу: I, стр. 26, ст. 41; куда ему,
старому, съ молодой женой?: I, стр.
87, ст. 18—21.

Борется съ Борисомъ Збутомъ
Козловымъ, Сокольниковъ и проч.
(см. его), сыновъ своимъ, на
Сафать-рѣкѣ: I, стр. 2—14 (см.
битву съ Жидовинномъ, съ которымъ
смишанъ Збутъ); то же на Дибрѣ:
I, стр. 8; ср. IV, *Прилож.*, стр.
VII, VIII.

Отношенія Илья къ матери
Збута: I, стр. 2—15; къ Баби-
щѣ Мамаши: I, стр. 64—66, ст.
226—279; къ Прекрасной Короле-

вичи: I, стр. 88, 89, ст. 70—
98 (убиваетъ ее), см. это лице и
ср. IV, *Прилож.*, стр. I, V, VII,
VIII.—Отношенія къ «Разъѣдной
походной красной дѣвицѣ»: I, стр.
5; 92, 93; *Прилож.*, стр. XXV.

Женатъ былъ на Славинѣ
(ошибочно, смѣшано съ другими
богатырями): I, стр. 57, 58,
см. ее.

На Соколѣ кораблѣ вѣстѣ съ
Старшими богатырями, Свя-
тогоромъ и Полканомъ (см. ихъ):
I, стр. 22, 23, № 7; съ Самсо-
номъ (см. его): стр. 40, 41, № 5,
а самую борьбу ср. ниже о Ставиш-
никахъ; преданіе: *Прилож.*, стр.
XXXIV; IV, *Прилож.*, стр. VII,
СII.—Между Старшими богатыря-
ми: I, стр. 7, ст. 4; 60, ст. 90 и
дал.; IV, стр. 44, ст. 180—204;
24—38, *разн.*—Между ними самъ
напивается пьянъ и становится лѣ-
нивъ: I, стр. 60—62, ст. 90—
138.—Ему дивуются Старшіе бо-
гатыри, по ихъ сужденію—«нѢТУ
на поѣздку Илья Муромца, у него
поѣздочка молодецкая, вся посту-
почка богатырская»: I, стр. 78—
84, ст. 45—48, 134—137,
170—173.—Склоняетъ ихъ спа-
сать Кіевъ, ѣздитъ къ нимъ въ гос-
ти и т.п. отношенія: I, стр. 59,
60, 62—64; IV, стр. 44; *При-
лож.*, стр. XII, XIII.—Въ пре-
даніи (касательно смерти) смѣши-
вается съ Святогоромъ: I, *При-
лож.*, стр. XXXIV.

Ищетъ коня между враговъ (смѣшанъ съ древнѣйшимъ героемъ): I, стр. 91, 92 и IV, *Прилож.*, СXXXVII, СXXXVIII.

По сказкамъ и преданіямъ въ школъ учился грамотѣ съ Калѣчищеиъ Прохожимъ: I, *Прилож.*, стр. XXI, XXXIV (по итѣніямъ прямо изъ сидней пустился на подвиги).

По преданію свдѣлъ сиднемъ за грѣхи Дѣла, ушедшаго въ монастырь Кіевскій: I, *Прилож.*, стр. XXXII.

Воспитывается, свдѣтъ сиднемъ, отпавается и поднимается на ноги Калѣками Перехожими, собирается на подвиги: I, стр. 1, 2, 3; стр. 21, ст. 5—9; стр. 77, 78; *Прилож.*, стр. I, II, IV, V; IV, стр. 1, 2, ст. 1—43; *Прилож.*, стр. CVIII—CX.

Съ Калѣками Перехожими. Узнаетъ отъ нихъ объ Идолщѣ: см. борьбу съ нимъ. — Передѣвается въ ихъ образъ, занимаетъ оружіе: IV, стр. 41, 42, ст. 101—132; 18—21, № 4; 22—38, № 5. — Братанъ Калѣки Давиды Игнатьевича (см. его): IV, стр. 22, ст. 7, 8; упрекаетъ его за то, что не стоялъ за Ерусалимъ: IV, стр. 23, ст. 31, 32. — Упрекаетъ Калѣку Иванища Свльнаго (см. его), что не стоялъ за Кіевъ: IV, стр. 21, ст. 87, 88; силою противъ него вдвое менѣе, а смѣлостью слишкомъ вдвое болѣе: *тж.*

Первые опыты силы, послѣ того какъ отпоили его Калѣки: IV, стр. 2 (поднимаетъ огромный чашъ); I, *Прилож.*, стр. I, II (вырываетъ деревья съ корнями; сказки); XXXII, XXXIII (сжимаетъ мечи въ кулакъ, сдвигаетъ гору и заваливаетъ рѣку; преданіе); сводится здѣсь съ Александромъ Македонскимъ: IV, *Прилож.*, стр. CVIII, CX.

Выборъ коня, конь изъ шалудиваго жеребенка: I, стр. 25, ст. 6—13; *Прилож.*, стр. II (сказка), XXXII (преданіе).

Выездъ изъ дому къ Кіеву, выборъ дороги, встрѣча со Встрѣшниками, Станщицами, Камышниками, Ворли-разбойниками: I, стр. 2, ст. 53—58; 15—28; 31, 32, ст. 41—65; 34, 35, ст. 1—34; 86—88, ст. 1—69; *Прилож.*, стр. II, III, V—VII, XVII, XVIII (сказки), XXXIII (преданія).

Спасеніе Чернигова: I, стр. 26, ст. 54—63; 35, 36, ст. 34—77; *Прилож.*, стр. VII—IX, XVIII, XXXIII; то же — Крякова: IV, стр. 4, ст. 88—107; то же — Кидиша или Кидаша: I, стр. 79, 82; то же — Кнешмы (въ преданіи смѣшано съ Кидишемъ): I, *Прилож.*, стр. XXXIII. — При этомъ Илья выражаетъ нерасположеніе къ Воеводѣ Черниговскому (см. его): I, стр. 36, ст. 60—77.

Поѣздка противъ Соловья-раз-
войника (см. его), битва съ нимъ
и его семьей, очищеніе дороги пря-
моѣзжей и прямохожей къ Киеву: I,
стр. 2; стр. 28, 29, ст. 113—
143; 30, 31, № 2; 33, ст. 61—
76; 36, 37, ст. 85—125; 41, ст.
38, 1—17; 42, 43, 44, ст. 18—
99; 78, 79, 81, ст. 49—91,
138—163; *Прилож.*, стр. III
(искажено); IX—XII; XV—
XX; IV, стр. 2—4, ст. 41—87;
Прилож., стр. I, VII, VIII.

По дорогѣ Илья шоститъ шост-
ты черезъ рѣки: I, стр. 38, ст.
145, 146; 81, ст. 155—158.

Первый приѣздъ въ Киевъ
ко Владимиру съ Соловьемъ (см.
его), гдѣ Илья и убиваетъ его: I,
стр. 29, 30, ст. 152—198; 33,
34, ст. 77—106; 37—39, ст.
126—188; 41, ст. 42—46; 44—
46, ст. 104—173; 82—84, ст.
174—259; *Прилож.*, стр. III (ис-
кажено); XII—XIV; XX, XXI;
IV, стр. 4—6, ст. 108—157.

Борется съ поганимъ Идо-
лицемъ (см. его), убиваетъ. Въ
Ерусалимѣ: IV, стр. 22—38,
№ 5; *Прилож.*, стр. IX—XI,
XXX; въ Царьградѣ (хватаетъ
Идола живьемъ, но отпускаетъ):
IV, стр. 23—34, *разн.*; *При-
лож.*, стр. IX—XI, XXX; въ Ки-
евѣ: I, *Прилож.*, стр. XV, XVI,
XXI, XXII; IV, стр. 18—21,
№ 4; *Прилож.*, стр. IX—XI,
XXX.

На службѣ Владимиру.
Вмѣстѣ съ другими богатырями въ
походѣ изъ Киева на Царьградъ, гдѣ
хватаютъ живьемъ Идола Скоропнята
и Тугарина Змѣевича, но отпускаютъ
ихъ, а другихъ Цареградскихъ бога-
тырей, собиравшихся на Киевъ, по-
биваютъ: IV, стр. 23—38, *разн.*—
На богатырской заставѣ, борьба съ
богатыремъ Жидовинномъ (см. его):
I, стр. 7; 46—52, ст. 3—214;
IV, стр. 6—12, ст. 2—208; то
же, но Жидовинъ смѣшанъ со Збу-
томъ (см. его): I, стр. 52—56;
IV, стр. 12—18.—Усыланъ былъ
въ землю Латынскую, закупать ко-
ней богатырскихъ: II, стр. 93, ст.
10, 11.—Полонилъ въ Большой
Ордѣ у Тугарина Змѣевича и при-
везъ Владимиру вороного коня: III,
стр. 4, 5, ст. 19—21, 39—41.—
Въ послахъ къ Татарамъ: I, стр.
74, 75, ст. 127 и дал.—Въ битвѣ
съ Татарами за Киевъ; съ Мама-
емъ: I, стр. 62, 63, ст. 169—
191; съ Калиною: I, стр. 68, 70,
ст. 67—70, 142—149; съ Кали-
номъ: I, стр. 70—76, № 3; съ
Батыемъ: IV, стр. 43—46, ст.
146—263.—Упрашивая на подвиги,
ему бьетъ Владимиръ челомъ до
сырой земли, умаляетъ: I, стр.
85, ст. 300—303; IV, стр. 42,
ст. 133; 48, ст. 68—71.

Побывалъ во всѣхъ горо-
дахъ: IV, стр. 47, ст. 3.—Бит-
ва съ Туркомъ (позднѣйшее): I,
стр. 93, 94, № 5.

По сказкамъ бьется за королеву съ дѣнадцатиглавымъ змѣемъ: I, *Прилож.*, стр. III, IV.— Встрѣчается съ Ягою-бабой: IV, *Прилож.*, стр. СII. Служитъ покорно Ивану-дураку — Голю Воянскому: см. его.—Отождествляется съ Иваномъ Крестьянскимъ сыномъ, Иваномъ Попяловымъ, Ивашкою Запечнымъ: см. ихъ.—Терпитъ отъ Невелички, Мужичка съ ноготокъ, Оомы Беренникова, Микулы: см. послѣдняго.

Съ прочими Богатырями Киевскими (о Старшихъ см. в.). Ставится и держится обыкновенно вперед: I, стр. 7, ст. 1—8; 46, ст. 1—8; 52, ст. 1—7; IV, стр. 6, 7, ст. 1—8; 24—37, *разн.* (стр. 34: «Илья М. съ товарищи.»).—Ему, какъ атаману на богатырской заставѣ, бьютъ челомъ: I, стр. 48, ст. 89 и дал.; IV, стр. 9, ст. 90 и дал.— Назначаетъ подвиги другимъ богатырямъ: I, стр. 63, ст. 180—186.— Въ битвѣ ударяетъ въ середку силы, въ лѣтлицу (другіе богатыри въ правую или въ лѣвую руку): IV, стр. 44, ст. 204.— Выѣзжаетъ на врага полемъ другихъ богатырей какъ главный и старшій, тогда уже не кѣмъ больше замѣниться: I, стр. 49, ст. 131, 132; 53, ст. 45; IV, стр. 10, ст. 130—132.— Братъ названный Добрыня: I, стр. 11, ст. 4, 10; *Прилож.*, стр. XXI; II, стр. 2, ст. 28; 3, ст. 12—14; 17, ст. 9,

10; учить его драться: I, стр. 14, ст. 115—124; удерживаетъ его отъ убійства: I, стр. 14 и 15, ст. 130—132, 141, 142; его узнаетъ одинъ Добрыня въ Киевѣ, когда другіе не узнали: IV, стр. 48, ст. 55, 56.— Первое знакомство съ Добрыней и Алешей Поповичемъ: I, *Прилож.*, стр. XX; первое знакомство съ Алешей Поповичемъ и ссора съ нимъ: I, стр. 39, ст. 200—204; братъ названный съ нимъ: см. ниже о гибели витязей; уговариваетъ его къ воздержности: I, стр. 9, ст. 77—79; полюетъ съ нимъ: II, стр. 80, ст. 3 и дал.; дружкою у него на свадьбѣ: II, стр. 8, ст. 147.— Братается съ Васильемъ Пьяницей: I, стр. 76, ст. 224, 225.— Дядя Ермаку Тимофеевичу: I, стр. 61, 65, ст. 102, 136, 271; заботится объ немъ, бережетъ его, учить его драться, и т. п.: I, стр. 63—65; III, *Прилож.*, стр. XXXV; IV, *Прилож.*, стр. XIII.— О братствѣ названомъ съ другими богатырями см. н. о гибели витязей.

Имѣетъ отъ отца особую нравственную христіанскую заповѣдь: I, стр. 34, 35, ст. 12—17, 42, 43; *Прилож.*, стр. V, XVII, XXXIII.— Налагаетъ на себя заповѣдь не биться по дорогѣ: I, стр. 41, ст. 11—15; *Прилож.*, стр. IV и дал.— Отказывается отъ всякой власти и платы за подвиги: см. спасеніе Чернигова, Крякова, битву

съ Соловьемъ и Идолицемъ въ Ерусалимѣ.—Богатство ему не надобно: I, стр. 17, ст. 13; 18, ст. 39—44;—не къ разуму: стр. 19, ст. 27; 32, ст. 27;—не къ радости: стр. 21, ст. 23;—непрочное: стр. 26, ст. 40;—некуда дѣвать: *Прилож.*, стр. XVIII; на золото на серебро не зарится: стр. 80, ст. 128; куда ему, старому, съ золотой казной?: стр. 86, 87, ст. 13—17.—Больше всѣхъ богатырей, передъ подвигомъ и борьбой, иногда среди борьбы, молится, просить отъ неба помощи и на нее обыкновенно надеется: I, стр. 54, ст. 68—71; 73, ст. 116—120; 77, 78, ст. 27—37; *Прилож.*, стр. XVIII; IV, стр. 16, ст. 103—110; 46, ст. 252—254.—Спасается отъ ударовъ нагруднымъ крестомъ и ладонкой: I, стр. 4, ст. 31, 32; 6, ст. 52, 53; 55, ст. 130, 131; IV, стр. 18, ст. 165, 166.—Ему удумана и написана была отъ Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ судьба не быть въ чистомъ полѣ убитому: I, стр. 51, ст. 187—191; IV, стр. 11, 12, ст. 186—190.—Стоялъ онъ за вѣру Христіанскую, еще болѣе за церковь Божию, стоялъ за благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ, онъ былъ богомольный, день и ночь за него Богу молился: IV, стр. 16, ст. 104—110.—Склоняется онъ на подвиги не ради князя и княгини, ни церковей, ни монастырей, а ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей, за

вѣру Христіанскую: IV, стр. 42, 43, ст. 135—145; въ томъ же смыслѣ склоняетъ и другихъ богатырей на подвиги: стр. 44; ср. стр. 45, 46, ст. 220, 254.—Ставитъ часовни на мѣстѣ подвига: I, стр. 35, ст. 28—33; *Прилож.*, стр. XXXIII.—Строитъ церкви: I, стр. 89, ст. 118, 120.—Негодуетъ на кровосмѣшеніе: I, стр. 37, ст. 117—125; на пьянство: стр. 39, ст. 178—182; на измѣну: I, стр. 70, ст. 139—141.—Ѣсть только по кашачику, пьетъ по стаканчику: IV, стр. 21, ст. 66, 67; хлѣба ѣсть за разъ по три просвиры, вина духомъ пьетъ по одной чарочкѣ: стр. 28, ст. 97, 98; была его особая чара похвальная, въ полсема (6 1/2) ведра: II, стр. 94, ст. 63—65.—По собственному его признанію, между 32-ми богатырями Кіевскими «удалъ добръ необычно есть славенъ богатырь Илья Муромецъ»: IV, стр. 30, *разн.*; по признанію жены Дуная (узнавшей о томъ въ Кіевѣ), нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе Ильи: III, стр. 55, ст. 124; кто споритъ съ другими богатырями, а съ Ильєю, признается, говорить нечего и спору нѣтъ: IV, стр. 24, *разн.*; всѣхъ больше по природѣ отличался таланомъ—участію (роковымъ счастьемъ): II, стр. 31, ст. 276.—Но, не смотря на то, прежде битвы испытываетъ средства примиренія: I, стр. 74, ст. 121—158; IV, стр. 43, ст. 146—172.—На дер-

воетъ не отвѣчаетъ тѣмъ же: I, стр. 39, ст. 200—204. — Бьется съ врагомъ не охотно, а побивши отпускаетъ его, чтобы разносить славу о святой Руси: I, стр. 35, 36, ст. 42, 43, 50—59. — При встрѣчѣ съ врагами, часто не бьетъ ихъ изъ жалости, а только пугаетъ силой и ловкостью: I, стр. 16, ст. 28—30, 19; 17, ст. 20—23; 18, ст. 26—31; 20, ст. 43—48; 21, ст. 31—33; 24, ст. 25—32; 27, ст. 84—91; *Прилож.*, стр. VI, VII, XVII, XVIII. — Въ дракѣ бросаетъ врага къверху, подхватываетъ и кладетъ на Землю: I, стр. 6, 12, 13; IV, стр. 16, ст. 113—116. — Вбрасываетъ къверху и расшибаетъ о въ Землю: I, стр. 6, 51, 76; 84, ст. 255—258; IV, стр. 12.

Ссора Илья съ Владимироукомъ. Спорить съ нимъ и съ князьями-боярами, враждовать ихъ: I, стр. 58, ст. 13—25. — Высказываетъ рѣкую правду Владимиру, за то посаженъ въ тюрьму, но, когда оказалась правда на дѣлѣ, выпущенъ и пожалованъ: III, стр. 34, 38, ст. 80—86, 222—228. — Одно время, поссорившись, долго не были въ Киевѣ: IV, стр. 19, ст. 13, 14; стр. 43, ст. 140—145. — Еще временныя ссоры: I, стр. 29, ст. 157—164; 39, ст. 196—204; 67—70, ст. 38—141. — Ссора главная и рѣшительная: I, стр. 84—86, ст. 265—321; IV, стр. 46—

49, № 7; *Прилож.*, стр. XII, XIII.—XVI.— При этомъ Илья бьетъ въ сердцахъ и свирѣпѣетъ: I, стр. 84, 85, ст. 265—278; выдаетъ себя за Никиту Заолшанниа: IV, стр. 46—49, № 7, ср. № 8.

На Сафать-рѣкъ, вмѣстѣ съ другими шестерыми Русскими вѣтязями, побиваетъ Татаръ, но за похвальбу и самонадѣянность глѣбнетъ отъ силы ноздѣмней, рубить ее — не дорубится, въжить въ пещеры, каменветъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится братомъ названнымъ Годенка Блудовича, Василья Казимировича (Цыяны), Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Адеши и Добрыни.

Кончина Илья Муромца. Проналъ безъ вѣсти: I, стр. 86, ст. 322—324; оменталь: 89, ст. 119, 120; IV, стр. 52; въ каменномъ гробѣ (смѣшанъ съ Святогормомъ, см. в.): I, *Прилож.*, стр. XXXIV. (преданіе); ср. выше, на Сафать-рѣкъ, ч. IV, *Прилож.*, стр. XV, CIII—CXIII.

Мощи Илья: I, *Прилож.*, стр. XXII.

Добрыня: безпрестанно; Добрынюша: III, стр. 64, ст. 168, 171; Добрынюшва: I, стр. 11, ст. 11, 15; II, стр. 16, ст. 65; 23—40, ст. 1 и дал.; 40—43,

ст. 8 и дал.; 49—53, ст. 11 и дал.; 84—88, ст. 19 и дал.; III, стр. 88, ст. 150; 95, 96, ст. 192—227; IV, стр. 43, ст. 148; 48, 49, ст. 49, 50, 73, 74. — **НИКИТИЧЬ**: безирестанно; **СЫНЪ** или **СВѢТЬ НИКИТЪОВИЧЬ**: II, стр. 2, ст. 14; 4—8, ст. 4 и дал.; 40—43, ст. 5 и дал.; **МИНИТИНЪ СЫНЪ**: II, стр. 48, 49, ст. 1, 28; **НИКИТИНИЧЬ, СЫНЪ НИКИТИНИЧЬ**: II, стр. 28, ст. 164, 167; III, стр. 88, ст. 150.

Отецъ его Микита Романовичъ, Микита Рязанецъ богатый гость: см. его; Мать разныхъ именъ: см. ее; Крестная мать Анна Ивановна, былъ у ней любимымъ крестникомъ: см. ее; Тетка родная, любимая, Марья Дивовна, которую освободилъ отъ Змѣя, сестрица Владиміра (?): см. ее; Племянникъ Владиміру: II, стр. 19, 22, ст. 32, 158; 45, ст. 1; 53, ст. 124; ивѣлъ Родную сестру, большую, т. е. старше его, Катерину Никитишну: II, стр. 43, ст. 86—94; 45—48, ст. 8, 14, 15 и дал.; ср. ее; о Маринѣ и женѣ см. н.; зять Соловья-разбойника (ошибочно): I, стр. 28, ст. 126. — Родомъ изъ Рязани, сынъ гостя: II, стр. 49, ст. 1—11; то же по лѣтописи: *Прилож.*, стр. XVIII. — Его отцовскій домъ названъ княженецкимъ: II, стр. 1, ст. 19; мать княгиню: см. ее; самъ онъ княземъ: II, стр. 11—14, ст.

10 и дал. — Отца-матери хорошаго, роду-племени ученаго: II, стр. 91, ст. 46 и дал., ср. ниже. — По лѣтописямъ, родомъ изъ Любеча, сынъ Малка, братъ Малуши, дядя Владиміру: II, *Прилож.*, стр. XVII, XVIII.

Однаково съ Алексѣемъ Поповичемъ, особенно передъ всими богатырями, ивѣтъ прозвище «Молодаго». Молодъ, Никитичъ и младъ, Молодой — и младъ (удвоенно), Молодешенекъ: I, стр. 7, ст. 7; 11, ст. 11; 14, ст. 115; 15, ст. 143; 46—52, № 1; II, стр. 2, ст. 14; 4—8, ст. 4 и дал.; 19—22, ст. 30 и дал.; 45—47, ст. 9 и дал.; 49, 50, ст. 11, 27; IV, стр. 7—12, № 2; 48, 49, ст. 50, 74 и др.

Подъ-аташанке (на богатырской заставѣ): I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 7—12, № 2. — Рязанчикъ, по лѣтописи: II, *Прилож.*, стр. XVIII. — Златой поясъ или Златопоясъ, тамъ же: стр. XVIII, XIX.

Желты кудри: II, стр. 29, ст. 233; ивѣлъ отъ природы иривъ точку, на лѣвой ногѣ роднику: II, стр. 7, ст. 119—122; то же на правой ногѣ: стр. 16, ст. 65—68; глядя на него, старые люди цереговариваютъ — «знать, де, полеука соколиная, видѣтъ, де, по вѣдкѣ молодецкая, что быть Добрынь Никитичу»: II, стр. 21, ст. 108—112.

Въ мирное время, — дома, носилъ Платъе Латинское, въ поѣздахъ и на подвигахъ Богатырскихъ: II, стр. 7, ст. 110—118.

Подъ какимъ чудомъ родился: II, стр. 1, 2, 9, 10, 11.

Рожденіе и воспитаніе: II, стр. 40, ст. 1—9; 49, ст. 1—15 (учился читать и писать).

Молодъ началъ ѣздить на поѣздки, за что мать его журила: II, стр. 23, 24, ст. 1—5, 41—44.

Старые люди пророчили, что быть Змѣю убитому отъ Добрыни Никитича: II, стр. 51, ст. 55—57.

Первые подвиги — ѣздилъ на гору Сорочинскую, топталъ молодыхъ Змѣиныхъ шей, выручалъ плененныхъ русскихъ: II, стр. 23, 24, ст. 1—5, 27—29, 41—44.

Илья съ 12-ти лѣтъ дружна храбрую товарищю первыиъ лѣтъ: II, стр. 50, ст. 18, 38—43.

Купанье въ рѣкѣ, битва (двукратная) съ Змѣищемъ Горыничемъ (см. его), побѣда Добрыни (когда ему было еще 12 лѣтъ): II, стр. 24—28, ст. 54—87, 174—178; 40, 41, ст. 1—34; 50—53, ст. 16—137. — При этомъ высвободилъ тетюшку, сестру Владимірову, Марью Дивовну: см. ее и ниже Марину; выручилъ изъ змѣиной норы много царей, царевичей, королей, королевичей, простой силы и смѣты лѣтъ: стр. 28, ст. 179—183; также точно Запаву (Забаву), племянницу Владиміра, по его назначе-

нію (см. выше службу Владиміру): стр. 25—29, ст. 88—198; 30, ст. 253—255; см. ее.

Бьется съ Бабой Горыничкою, не умѣетъ еще драться, изнемогаетъ въ борьбѣ, и, когда его выучилъ Илья, убилъ Бабу изюдтишка: I, стр. 11, 14, 15, см. ее; при этомъ отождествляется съ такимъ же двѣнадцатилѣтнимъ Ермакомъ: см. его.

По сказкамъ бьется съ Полканомъ (сомнительно): см. его.

Гульба Добрыни по Кіеву (см. и службу Владиміру), Дѣло съ Маринной, битва со Змѣемъ (см. оба эти лица), оборочень въ лошади или въ тура, спасается черезъ сестру или крестную мать (см. ихъ), наказываетъ Марину: II, стр. 41—43, ст. 39—111; 43, 44, ст. 1—37; 45—48, ст. 6—108; 48, 49, ст. 6—29; 53—60, ст. 6—246; см. *Прилож.*, стр. XI—XVI; IV, *Прилож.*, стр. XIV, и выше Марью Дивовну. — При этомъ хотѣлъ на Маринѣ жениться: II, стр. 45, ст. 6, 7, 22; и дѣйствительно женился въ чистомъ полѣ, кругъ ракитова куста вѣнчался: стр. 59, ст. 217, 218. — Когда же обращень былъ въ тура, былъ всѣмъ турамъ атаманъ, золотые рога: II, стр. 57, 58, ст. 138, 139, 164—166.

До того заклятый врагъ Змѣю, что стрѣла его, пущенная совсѣмъ въ другой цѣли, неожиданно зале-

таеть еще въ пещеру бѣлокаменную и убиваетъ тамъ Змія троеглаваго: II, стр. 89, ст. 173—175.

Женится. Выбираетъ невѣсту будучи двѣнадцатъ лѣтъ: II, стр. 11, ст. 12—14; понравился Настасья Мякулишичъ, когда она полевала, и она сама его выбираетъ въ мужа: стр. 29, 30, от. 199—255; ср. *Прилож.*, стр. XVI, XVII, Настасью и тестя Миколу.

Прѣѣзжаетъ изъ Великаго Новгорода ко Владиміру въ Кіевъ (сначала не узнавъ княземъ); борется съ Тугариномъ Змѣевичемъ (ср. его) и убиваетъ его: II, *Прилож.*, стр. III—X (сказка); по нѣкоторымъ пѣснямъ то же, по другимъ же дѣйствуетъ здѣсь Алеша Поповичъ (ср. его): II, стр. 79, *разн.*; ср. о походѣ противъ Тугарина на службѣ Владиміру.

На службѣ Владиміру. Три года у Владиміра стольничалъ, три года харешничалъ, три года приворотничалъ, всего девять лѣтъ: II, стр. 41, ст. 35—38; три же года хлѣбничалъ, три приторговывалъ (?): стр. 48, ст. 1—5; три года чашничалъ: стр. 53, ст. 1—5; не выжилъ себѣ отъ Владиміра ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, только выжилъ добра коня: стр. 45, ст. 2—5; на десятый годъ погулять захотѣлъ (см. выше гульбу по Кіеву и дѣло Мариной): стр. 41, ст. 39; 53, ст. 6; *Прилож.*, стр. X, XI; IV, *Прилож.*,

стр. XIV: — Стоитъ на богатойскій заставѣ Подъ-Атланъемъ (см. выше), гдѣ борется, хотя неудачно, съ богатыремъ Жидовиномъ (см. его): I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 7—12, № 2; иб же, только Жидовинъ смѣшанъ съ Звукотомъ (ср. его): I, стр. 7; стр. 52, 53; IV, стр. 12—14. — По назначенію Владиміра спасаетъ его племяннику Занаву отъ Змѣя: см. выше. — Усыланъ бѣгъ Владиміромъ въ Землю Чужьаскую закупать сѣдла: II, стр. 93, ст. 12—13. — Бѣдетъ за невѣстому Владиміру къ королю Ляховинскому, вѣдетъ съ Дунаемъ (ср. его), какъ любимыи его товарищъ: III, стр. 154, 55, ст. 89—111; стр. 64—66, ст. 168—208. — Бѣдетъ въ угоду Владиміру противъ Данилы Денисовича: см. иб. — Въ угоду Аираксію, поправляетъ дѣла съ Кадякши и Перехожими и Потыкомъ (ср. иб), благодаря своей вѣжливости: III, стр. 88, 89, ст. 150—165; 95, 96, ст. 192—229. — Вѣдетъ съ другими богатырями участвовать въ походѣ изъ Кіева на Царьградъ, при чемъ вѣнты живень Идолъ Скоропитъ и Тугаринъ (ср. выше), а прочіе Царьградскіи богатыри побиты: IV, стр. 24—38, *разн.* — Вокругъ Владиміра во время нападенія Татаръ и въ послѣдъ къ нимъ: IV, стр. 40—43, ст. 68, 72, 88, 121, 148. —

По Лѣтописямъ — воюеть съ Владиміромъ противъ Болгаръ: II, *Прилож.*, стр. XVIII; IV, *Прилож.*, стр. CXLIII; CXLIV; управляетъ Великимъ Новгородомъ, поддерживаетъ вѣнчество, потомъ распространяеть Христіанство: — II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX; *вр.*; IV, *Прилож.*, стр. CXLIV, CXLV.

а) На службу же Владиміру: а) Влетъ изъ домуискать врата роднаго или названнаго Илью Муромца: II, стр. 2, ст. 27, 28; 3, ст. 12—14; 17, ст. 9, 10.

б) Създаль въ дальны Орды Неврныя, очистиль дорогу прямоую до теста Владимірова грозна короля Этмануила Этмануловича (сж. его), вырубиль Чудь Блгоглазую, прекротиль Сорочину долгополю, Черкесъ Пятигорский, Калмыковъ съ Татарами, Чукши и Алюторы: II, стр. 18—22, ст. 17—25, 38—46, 86—99, 145—153.

в) Быль подь Царемъ-градомъ: II, стр. 33, 35; ст. 370, 425.

г) Взяль отъ Владиміра съ Васильемъ Казимировичемъ къ Батыю царю Заданскому (сж. эти лица) съ данями и пошлинами, но-сберечь ихъ, обыгравши царя въ тавлеи, поборовши его борцовъ, перестрѣливши изъ лука: II, стр. 84—89, ст. 19 и дал., № 1; 90—92, № 2.

Въ одну изъ этихъ поездокъ за-тълосъ у Добрыни Дьялоисъ Алексію Поповичемъ за жену: 1., Въездъ изъ дому на поидитъ, прощанье съ матерью вженю: II, стр. 1, 2, ст. 19—31; 2, 3, ст. 17—31; 3, ст. 5—14; 4, 5, ст. 1—52; 11, ст. 15—26; 14, 15, ст. 1—35 (образа сяненадышенъ; предчувствію); 42—47; 17, ст. 1—17; 26, 27; 19, 20, ст. 54—85 (увкаль, когда не прошли еще дни свадебныя); 31, ст. 285—295 (ср. прощаніе Гектора съ Андремахой). 2., Заповѣдь, дайная женѣ при отъездѣ, сколько платъ Добрыню в не выхидитъ за Алексію Поповича; искушеніе жены; свадьба; Добрыня узнаеть; возвращается, видеть на нирь передъвшисъ, береть жену; наздь, наказываеть Алешу (Улессъ), пристыжаеть князя и кнѣзю: II, стр. 3, ст. 25—31; 5—9, ст. 39—200; 11—14, ст. 27—116; 15, 16, ст. 35—88; 17, 18, ст. 15—34; 20—23, ст. 76—175; 31—40, ст. 293—594. — Въ частности: — иучи на свадьбу Алешу передъ-зается Калъкою: II, стр. 131, ст. 73, 80 и дал.; Своюго-хомъ: стр. 16, ст. 69; 36—38, ст. 449—517; — какии; образомъ и съ какии словами прощаетъ жену: II, стр. 14; ст. 111, 112; 38, 39, ст. 548—551; 40, ст.

569, 590;—престыжатъ инязи и книжню—«диво видю Владиміру хочеть у жива мужа жену отнать» II, стр. 22, ст. 161, 162; «дивую я солышку Владиміру съ молодой книжню со Апраксіей, — оми у живаго мужа жену просваталъ» стр. 39, ст. 552—556;—наказываетъ Алешу—смертныиъ воемъ: II, стр. 48, ст. 33, 34; ухвативши за кудри, ударамъ шлепуги: стр. 39, 40, ст. 578—583.

Показалъ на цыру молодой женой и за то осѣять (поддѣйшее): II, стр. 60, 61, № 1.

Въ сказкахъ отождествляется съ Добрынею Иванъ-царевичъ, у котораго также захватываютъ жену, который также яляется неканчалъ и жена къ нему бросается: см. его.

Между прочими богатырями и лицами. Между Калыками переходными—въжливостью достигаетъ ихъ расположений, склоняеть послушаться, выдать виноватаго: см. выше; поредѣвается Калыкою: см. выше.—Между богатырями Старшими: I, стр. 7, ст. 7; IV, стр. 24 и дал., разн.—Нарочити и богатырями—Подъ-атаманъ: на богатырской заставѣ (см. в.), ему быть челомъ: I, стр. 48, ст. 90 и дал.; IV, стр. 8, ст. 91 и дал.—Брать-названный и даже родной (т. е. родимый, какъ родной) Ильи: I, стр. 11, ст. 4, 10; 14, ст. 109; II, стр. 2, ст.

27, 28; 3, ст. 12—14; 17, ст. 9; 10; учится у него биться: см. в.; скорѣе вѣтъ въ Кіевъ умабѣть—потому что лучше другихъ знаетъ—Илью: IV, стр. 48, ст. 55, 56; упрекаетъ Владиміра за Илью: ст. 52—56.—Названный братъ Алеша: II, стр. 20, 23, ст. 84, 178; 32, ст. 311, 312; 39, ст. 559; и однакоже врагъ его за жену: см. выше; противуполагается, ему по своей въжливости: см. н.; бороться горадѣ Алеша: III, стр. 56, ст. 10, 11.—Братъ названный Василья Казиміровича: II, стр. 85—88, ст. 60 и дал.; 91, ст. 44; любимый товарищъ его и вся надежда передъ врагами: см. выше.—Названный братъ Данилы Денисьича, и, не смотря на то, идетъ противъ него въ угоду Владиміру: III, стр. 36, 37, ст. 155—166; за то послѣ плачетъ по Данилѣ и Васильясъ: стр. 37, 38, ст. 173, 174, 212.—Любимый товарищъ Дуная (см. выше); признается иногда выше, иногда слабѣе его: IV, стр. 13, ст. 21—26; I, стр. 53, ст. 26—30.—Предпочитается Алешѣ Поповичу, Василью Казиміровичу, Гридкѣ Боярскому: I, стр. 48, ст. 67 и дал.; IV, стр. 8, ст. 69 и дал.; 13, ст. 15—26.—Названный братъ Потока: IV, стр. 52, ст. 6—12.—О братствѣ названомъ съ другими см. н. гибель на Сагать-рѣкѣ.—Былъ съ Владиміромъ у Чу-

рилы въ гостяхъ, когда тотъ не жилъ еще въ Кіевѣ: IV, стр. 82, ст. 119.—При немъ слуга—Торопъ или Марко Паробонъ: см. ихъ.

Гораздъ былъ илзавать: II, стр. 25, ст. 63—65.—Бороться (горазда Алоши, см. в.): II, стр. 86, 87; ст. 94—114.—Стрѣлять изъ лука: II, стр. 88, 89, ст. 137—175; 91, 92, ст. 68 и дал.—Оборачиваться (оборотнежь): II, стр. 45, ст. 16 и дал.—Играть въ тавлен: II, стр. 85, ст. 62—71.—На гусляхъ и пѣть подь нихъ: II, стр. 7—9, ст. 136—186; 13, ст. 74—93; 16, ст. 69—77; 36, 37, ст. 447—507.—На подвиги вызывался самъ охотю: II, стр. 19, 20; ст. 34—37, 67—73; не ровонъ былъ: стр. 51, ст. 74; на ножку повертокъ: стр. 25, ст. 76; однакожь порою трусилъ передь врагомъ и давалъ тягъ: I, стр. 48, 49; IV, стр. 9, 10; 14, ст. 41—50.—Какъ Илья, ожалившись, иногда не стрѣляетъ во враговъ, а въ дерево, и тѣмъ пугаетъ: II, стр. 89, ст. 169—172 и *разн.*—Иногда скучалъ своей участью, что ѣздилъ по чисту полю, убивалъ нещовинныя души, проливалъ кровь напрасную, слезилъ отцовъ-матерей, вдовилъ молодыхъ женъ, пускалъ епретать малыхъ дѣтушекъ: II, стр. 30, 31, ст. 259—273.—Была его особая чара, заздравная, въ

полпята ($4\frac{1}{2}$) ведра: II, стр. 95, ст. 67—69.

Особенно горячая любовь къ матери; простилъ Алешу даже за жену, но не простилъ за то, что она печалила мать ложною вѣстью: II, стр. 39, ст. 562—577 и дал.; ер: все дѣло, прощанье передь отъѣздомъ, возвращеніе къ матери.

Главной отличіе—опъ отъца-матери хорошаго, роду-племени ученаго, умѣеть слово молвить, передь чужимъ царемъ поклониться и похвалиться: II, стр. 91, ст. 46—50; всѣхъ больше уродился статією—въ жествомъ, другихъ статією (въ такой нѣрѣ) Богъ не далъ и не пожаловалъ (по признанію матери): стр. 31, ст. 282—284; у: кѣрб въ жство рожденное (по природѣ) и ученое (по воспитанію): III, стр. 95, ст. 199 (противуполагается Алешѣ Поповичу; ер: выше дѣло съ Калѣками); нѣтъ его въ жднвѣзл во всемъ Кіевѣ: III, стр. 68, ст. 256; человекъ учливый; спрашивааетъ встрѣчнаго про нима про отчину: I, стр. 53, ст. 27, 28; знаетъ, какъ съ богатыремъ съдхаться, знаетъ, какъ богатырю честь отдать: IV, стр. 13, ст. 25, 26.

Коичина Доврына. То Гнетъ въ рѣкѣ Смородинѣ: II, стр. 64—63, № 2.—На Сасать-рѣкѣ съ другими шестерыми Русскими вѣтязями воюетъ противъ Татаръ; ловитъ Татаринюмъ; воскрешетъ Алешей посредствомъ мертвой и жи

вой воды; побѣдвши Татаръ и похвалявшися побѣдой, ѡбидеть отъ силы нездѣшней, рубить ее — не до-рубится, бѣжитъ въ пещеры, ка-мени вѣтъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится названнымъ братомъ Годенка, Блудовича, Вдасяля Казимировича, Вдасяля Буслаевича (сомнительно), — Ивана Гостиняго сына, Алеша и Ильи. — По сказкамъ убитъ обманомъ отъ Ивана-дурака (см. его), тождественнаго съ Годяемъ Воронежскимъ и Малулою, ср. IV, *Прилож.*, стр. СЪЦ. — По летописямъ былъ въ войскахъ Константина Ростовскаго и Ярославскаго: II, *Прилож.*, стр. XIX; убитъ при Каяхъ: стр. XVIII.

Алеша, Олеша, Поповичъ: безирестанно; **Алешень-ша:** II, стр. 3, ст. 27; 8, ст. 145; 21, ст. 105; 26, ст. 99; 38—40, ст. 546 и дал.; 70, ст. 4; *Прилож.*, стр. XXIV; III, стр. 93, 94, ст. 140—187; **Алешка, Олешка:** II, стр. 15, 16, ст. 41, 52, 55, 87; 17, ст. 22, 23, 30; 31, ст. 278; 39, ст. 578—580. — **Поповичъ сынъ, Сынъ поповичъ:** I, стр. 52, ст. 6; II, стр. 66, ст. 7 и дал.; **Поповъ, Поповой:** сынъ: I, стр. 46, ст. 6; II, стр. 65, *разн.*; *Прилож.*, стр. XXIV; IV, стр. 7, ст. 6. — **Ивановичъ:** III, стр. 88,

ст. 124. — **Григорьевичъ:** II, стр. 39, ст. 558. — **Леонтьевичъ:** II, стр. 26, 28, ст. 99, 194. — **Александръ Поповичъ** (по летописямъ): II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX, XXIV.

Сынъ Федора, стараго пона соборнаго въ Ростовѣ: II, стр. 75, 76, ст. 172, 238; 82, ст. 80, 89; имѣть сестру (см. ее), дочь также пона Ростовскаго: II, стр. 80—82, № 1, и ниже; брата родимаго **Евима Ивановича:** см. его, и ниже; зять **Соловья-разбойника** (ошибочно): I, стр. 128, ст. 126; рженъ см. н.

Подобно Добрыню, преимущественно передъ другими, имѣть прозвище «молодаго.» **Младъ, Молодой — млады:** II, стр. 20—23, ст. 85, 105, 130, 171, 174; 69, ст. 67, 77; 70—80, ст. 4 и дал.; 80—82, ст. 4 и дал.; III, стр. 94, ст. 174, 185; IV, стр. 24 и дал., *разн.*; 108—114, ст. 9—183.

Благъ (на богатырской заставѣ): I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 7—12, № 2. — **Желты кудри:** II, стр. 39, ст. 578.

Спасаетъ отъ Татаръ сестру свою: II, стр. 80—82, № 1, см. ее, Михайлу Казаринна и сестру сего послѣдняго.

Повздка его изъ дому, изъ Ростова, первый приездъ въ Киевъ ко Владимиру, приемъ отъ

князя и княгини, рѣшимость служить вѣрой и правдою: II, стр. 70—80, № 1; у Владимира по своему отчеству, поповскому, получаетъ большое мѣсто, передній уголокъ: II, стр. 75, ст. 176.

Бьется два раза съ Тугариномъ Змѣвичемъ (ср. его): а) По дорогѣ изъ Ростова въ Кіевъ, близъ Сафать-рѣки, въ полѣ: II, стр. 72, 73, ст. 68—124.

б) Въ Кіевѣ и выѣхавши изъ Кіева въ поле, близъ Сафать же рѣки: II, стр. 75—79, ст. 184—319 (въ послѣднемъ случаѣ, по нѣкоторымъ цѣдямъ, также точно бьется Добрыня, см. его выше); при этомъ руку Алеша противъ Кіевлянъ держитъ Владыка Черниговскій (ср. его): II, стр. 77, ст. 269.

Въ обоихъ случаяхъ убиваетъ Тугарина.

Послѣ этого подвига, Владимиръ упрасиваетъ его служить въ Кіевѣ, княгиня же Апраксѣвна ругаетъ его за Тугарина деревенщиной и засельщиной, а самъ онъ княгиню сурою волочаѣкою: II, стр. 77, 79, 80, ст. 275, 276, 325—340.

На службѣ Владиміру. Стоитъ на богатырской заставѣ, Есауломъ (см. в. ии.): I, стр. 7; стр. 46—52, № 1; стр. 52, 53; 58, 60, 61, ст. 23, 78, 123; IV, стр. 7—12, № 2; стр. 12, 13.—Борется съ Борисомъ Збутомъ, но побить отъ него

(ср. в. Добрыню): I, стр. 8, 9.—Участвуетъ съ другими богатырями въ походѣ изъ Кіева подъ Царьградъ, оставался тамъ заложникомъ, чуть не испортилъ всего дѣла, послѣ взяты тамъ живьемъ Идолъ Скоропитъ и Тугаринъ (ср. выше), другіе же Цареградскіе богатыри побиты: IV, стр. 24—48, *разн.*—Указываетъ Владиміру, черезъ кого искать невѣсту, ѣдетъ за нею, сопровождая Дуняя: III, стр. 62—66, ст. 90—208 и *разн.*—Подслуживается Апраксѣ, отыскивая ей любовника, и по ея приказу мошенничаетъ, зашивая чашу князя въ сумку Потяка: III, стр. 93, 94, ст. 140—165; послѣ гонится за Калѣками, грубитъ и за то побить отъ нихъ (противупологается Добрынь): III, стр. 88, ст. 124—146; 94, 95, ст. 172—189.—Усыланъ былъ Владиміромъ въ землю Сорочинскую закупать шено: II, стр. 93, ст. 14, 15.—Вокругъ Владимира во время нападенія Татаръ и въ послахъ къ нимъ: IV, стр. 40—43, ст. 68, 72, 89, 122, 148.

Съ прочими богатырями и лицами. Съ Калѣками перехожими: соблазняетъ ихъ, вредитъ имъ, вздоритъ съ ними, побить отъ нихъ, см. в.; для битвы съ Тугаринымъ занимаетъ у нихъ платье и оружіе: II, стр. 72—74, ст. 75 и дал. — Съ богатырями 5.

Старшими: I, стр. 7; стр. 58, 60, 61; IV, стр. 44, ст. 180—204; стр. 24—38. — Съ прочими богатырями — ссорится съ Ильею на первомъ знакомствѣ: I, стр. 39, ст. 200—204; Илья уговариваетъ его не пить зелена вина (слишкомъ), не ѣсть сладки кушанья: I, стр. 9, ст. 77 — 79; грозить Алешѣ за дочь гостиную: I, стр. 5; знаетъ за нимъ порокъ — хвататься за чужую чашу: IV, стр. 14, ст. 52, 53 и пр.; служить однако ему на свадьбѣ дружкою: см. н. — Съ Добрынею Алеша названный братъ: II, стр. 20, 23, ст. 84, 173; 32, 39, ст. 311, 312, 559; и однако подговариваетъ Владимира послать Добрыню на явную опасность: II, стр. 26, ст. 99 — 106; чуть было совѣтъ не отнять у Добрыни жену и за то побить отъ него: см. в. в. н.; Добрыня считалъ его своимъ недругомъ (чувствовалъ, что онъ всегда можетъ сдѣлаться такимъ): II, стр. 15, ст. 40; потому особенно, въ случаѣ своей смерти, запрещалъ женѣ выходить за него: см. н.; послѣ же высказалъ, что не диво Алешѣ у жива мужа жену отнять: II, стр. 22, ст. 160, 162; въ спорѣ за жену, мать пугала Добрыню — «гдѣ тебѣ съ Алѣшинойкѣй тягаться!»: II, стр. 8, ст. 145; вообще Алеша противопоставляется Добрынѣ въ дѣлѣ вѣжливости: см. в. в. н. — Сопровождалъ Дуная въ поѣздѣ за невѣстою Владимира: см. в. —

Названный братъ Потока: IV, стр. 52, ст. 6—12; и однако дѣйствуетъ противъ него: см. отношенія къ Калѣкамъ. — О названомъ братствѣ съ другими богатырями см. н. о гибели витязей на Саагъ-рѣкѣ. — Имя братца роднаго (роднаго или какъ роднаго?) Екимъ Ивановича: см. его; по ошибкѣ чуть не убить имъ: II, стр. 73, 74, ст. 126 — 147. — Слугу Торопа: см. его. — Какъ Еслугу на богатырской заставѣ (см. в.), ему прѣзжѣ влалъ въ казну на всю братію приборную: I, стр. 48, ст. 91, 92 и дал.; IV, стр. 9, ст. 92, 93 и дал.; здѣсь же признавали его поудалѣе всѣхъ (собственно — смѣлѣе, см. н.), конь у него порыскалъ: I, стр. 8, ст. 39, 40, 50, 51; другіе богатыри иногда его уговариваютъ — унять сердце богатырское, потерпѣть малешенько, не говорить чего нельзя: IV, стр. 31, *разн.* — Въ битвѣ онъ держитъ руку левую: IV, стр. 44, ст. 203.

Гораздъ вороться: III, стр. 56, ст. 10; — ножи хватать (когда въ него бросать): II, стр. 68, ст. 46; вертокъ былъ (увертываться отъ брошеннаго чингалища): стр. 77, ст. 249, 250. — Догадливъ былъ: III, стр. 94, ст. 161. — Воръ (вороватый): II, стр. 3, ст. 28; *Прилож.*, стр. XXIV. — Ему говоритъ Татаринъ: «ваши роды (поповскіе?) не уклончивы (дерзки, напористы),

не устойчивы (не стойки); » IV, стр. 11, ст. 108, 109 и пр.— Убиваетъ врага обманомъ, изподтиска, не надѣясь прямо: II, стр. 73, 78, ст. 104 — 112, 305 — 312.— Разъ молился Богу о помощи на врага, и его молитвы были доходны ко Христу: II, стр. 78, ст. 285 — 288.— Любишь поѣсть и поить: см. в.; но его особая чара, веселая, меньше чѣмъ у Ильи и Добрыни, въ полтретья ($2\frac{1}{2}$) ведра: II, стр. 95, ст. 71—73.— Онъ роду поповскаго, а потому его поповскіе глаза завидушіе, руки загревушія, увидятъ много золота-серебра, — злату позавидуетъ: I, стр. 48, ст. 60—65; IV, стр. 8, ст. 62—67; ср. выше его должность Есаула при богатыряхъ, виды на чужую чашу, прятанье чары въ сумки Калѣкъ.— Роду поповскаго, захлыщевый: I, стр. 53, ст. 24.— Гордливъ-спѣсивъ, не умѣетъ съ богатыремъ какъ сѣхаться, не умѣетъ богатырю честь отдать: IV, стр. 13, ст. 18—20.— У него въ жство нерожденное (нѣтъ по природѣ, противоплагается Добрынь): III, стр. 94, ст. 176.— Онъ ругатель, ругаетъ прѣзжихъ: I, стр. 9, ст. 61—64; Идолица: IV, стр. 31, *разн.*; княгиню Апраксѣну: см. в.; Калѣкъ: III, стр. 88, ст. 129—137; 94, 95, ст. 172—189.— По свидѣтельству другихъ богатырей, гораздъ говорить язы-

комъ Татарскимъ, лучше всѣхъ браится, каковъ трезвъ, таковъ и пьянъ: IV, стр. 27, *разн.*—Отъ того обыкновенно терпитъ неудачу въ переговорахъ: ср. выше съ Калѣками, съ Идолицемъ, передъ царемъ Константиномъ въ Царьградѣ: IV, стр. 31, *разн.*—Цетерпѣливъ (на слова, на битву, на отъѣзд): IV, стр. 31—33, *разн.*—Иногда несетъ вздоръ, и то ни се: IV, стр. 31, *разн.*—Лжетъ: II, стр. 12, ст. 40—47; 32, 35, 39, ст. 325 — 334 и дал.; ср. выше, что Добрыня, простивши ему за жену, не простилъ за ложь передъ матерью.— Какъ захватятъ его въ обманъ, хочеть извернуться невинностью и смиреніемъ: II, стр. 39, ст. 559—564 (проситъ у Добрыни прощенія, что тодько посидѣлъ подлѣ его жены).— Судейскій перелестничекъ (обманщикъ): II, стр. 5—7, ст. 52 и дал.; *Прилож.*, стр. XXIII.— Насмѣшливъ, насмѣшникъ, пересмѣшникъ: I, стр. 5, ст. 27; II, стр. 3, ст. 28; 17, ст. 23; особенно—женскій, см. ниже.— Не умѣяль грамотъ: II, стр. 70, ст. 15—20.

Два главныхъ его отличія:

а) Смѣлый: II, стр. 31, ст. 278; 32 — 38, ст. 312, 341, 363, 366, 379, 546; нѣтъ его смѣлье во всемъ Кіевѣ: III, стр. 68, ст. 255; всѣхъ больше по при-

родъ отличался смѣлостью (какъ Илья талановъ - участю и силою, Добрыня въжествомъ): II, стр. 31, ст. 278.

б) Насмѣшникъ женскій: II, стр. 12, ст. 35.—Бавій пересмѣшничекъ: стр. 5—7, ст. 31 и дал.—Охочь бѣлѣ смѣяться чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ: стр. 3, ст. 29—31.—Любилъ смѣяться на чужихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ: стр. 17, ст. 24, 25.

Изъ за него бѣжить изъ отцовскаго дому Дочь гостинная и дѣлается Разъѣздною походною красной дѣвицей (см. ее): I, стр. 5.

За него, въ случаѣ смерти своей, Добрыня, уѣзжая изъ дому, запрещаетъ женѣ выходить за мужъ: II, стр. 3, ст. 25—31; 5, ст. 50—52; 11, 12, ст. 27—35; 15, ст. 40, 41; 17, ст. 22—25; 20, ст. 84, 85; 31, 32, ст. 311, 312.

Однако разными продѣлками Алеша склоняетъ или приневоливаетъ Настасью Микულიшну (см. ее), при содѣйствіи Владимира и княгини, вѣнчается, играетъ свадьбу: II, стр. 5, 6, ст. 62—64; 12, ст. 40—54; 13, 14, ст. 75—106; 15, 16, ст. 48—55; 17, ст. 30, 31; 21, ст. 100—107; 32, 33, 35, 39, ст. 325—341 и дал.—При этомъ Владимиръ ему сватомъ: II, стр. 15, ст. 50; 17,

стр. 31; 39, ст. 554; княгиня Апраксія свахою: стр. 15, ст. 51; 39, ст. 555; на свадьбѣ Владимиръ тысяцкимъ: стр. 8, ст. 146; дружкой Илья Муромецъ: стр. 8, ст. 147.

Добрыня возвращается, приходитъ на свадебный пиръ, ведетъ расправу: см. Добрыню.

Алеша лишается молодой жены. Будто Алеша и женатъ бывалъ, будто Алеша и съ женой жила: II, стр. 14, ст. 115, 116; здравствуй, женившись, да не съ кѣмъ спать: стр. 23, ст. 175; не дай Богъ женальбы Алешинной: только-то Алешенька жевать бывалъ, съ женой сыпалъ: стр. 40, ст. 584—587.

Наказывается Добрынею. За кудри и страшную потѣсовкой: II, стр. 39, 40, ст. 578—583; смертнымъ боемъ: стр. 18, ст. 33, 34.

Тихонько ходитъ къ дѣвицѣ Натальѣ или Настасьѣ Збродовичья (см. ее), хвастаетъ тѣмъ на пире передъ Братями Збродовичами (см. ихъ), губить хвастовствомъ дѣвушку, подводя подъ несть братьевъ («а Богъ суди Алешу—не далъ пожить на свѣтѣ»); по другимъ пѣснямъ спасаетъ ее отъ нести, взявши за себя: II, стр. 64—69, № 1, 2 и 3.

Приближенія его пугаются дѣвушки, объ немъ поютъ въ хоровадныхъ пѣсняхъ: II, *Прилож.*, стр. XXIV.

Ковчина Алеша Поповича. На Своятъ рѣкъ вѣстятъ съ шестерыми другими Русскими вѣтяжми; видя Добрыню убитаго, вызываетъ на бой Татарина, одолеваетъ его, падаетъ и за то получаетъ отъ ворона мертвой и живой воды; которою воскрешаетъ Добрыню; потомъ, побивши прочихъ Татаръ, губитъ всѣхъ товарищей дерзостью, вызывая на бой «сиау не здѣшнюю»; сколько ни рубитъ ее, но корубится, бѣжитъ въ пещеры, каменистыя; при этомъ выводится братомъ названнымъ Годенка Блудовича, Василья Казимировича, Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Добрыни и Ильи: IV, стр. 108—115.— Но ль тописанъ убитъ при Калкѣ: II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX.

Въ позднѣйшей передѣлкѣ, въ Малорусской Думѣ, какъ Пырятинскій Поповичъ: IV, *Прилож.*, стр. XX—XXVII.

По сказкамъ служить Иवानу богатырю (Микулѣ, Оомѣ Беренникову): см. Микулу въ IV, *Прилож.*, стр. СЛН, СЛМ.

Василій: I, стр. 72, 76, ст. 69, 75, 219, 223, 225; II, стр. 83—87, ст. 4 и дал.; 90, ст. 27; 93, 94, ст. 16, 19 и дал.; IV, стр. 108, ст. 6; Васинька, Васю-

та, Васютка, Васюточка: II, стр. 93—96, ст. 21 и дал., и разн.; Васюка: I, стр. 46, 47, ст. 8, 35, 39, 42; 52, ст. 7, 20; 87, разн.; IV, стр. 7, ст. 8, 33, 39, 41.—Казимировичъ, сынъ Казимировичъ: II, стр. 83—87, ст. 4 и дал.; IV, стр. 108, ст. 6; Казнѣровичъ (Казимировичъ): II, стр. 90, ст. 27; 93, 94, ст. 19 и дал.—Игнатъевъ: I, стр. 76, ст. 219.—Пьяница, сынъ Пьяница: I, стр. 72, 76, ст. 69, 75, 219, 223, 224; II, стр. 93, 94, ст. 16, 21, 45.—Долгонолый: I, стр. 46, 47, ст. 8, 35; IV, стр. 7, ст. 33; Долгополистой: I, стр. 52, ст. 7, 20; Долгополище: IV, стр. 7, ст. 8.

На Службѣ Владиміру. Посылается съ посольскимъ деломъ, везти дани-пошлины, къ Батю царю Заоданскому; беретъ въ товарища Добрыню; какъ посоль говоритъ рѣчи Батю, на подвиги же выставляетъ Добрыню (см. его): II, стр. 83—89, № 1; 90—92, № 2.—На богатырской заставѣ: I, стр. 46, 47, 52; IV, стр. 7, 8.—За отсутствіемъ прочихъ богатырей; остается одинъ въ Кіевѣ и богатырствуетъ по неволѣ: I, стр. 72, ст. 54, 55, 69 и дал.; II, стр. 93, ст. 9—16 и дал.—Вышибаетъ глазъ у Малева зятя и убиваетъ его: I, стр. 72, ст. 69—80; то же у Ба-

Тыева (см. ихъ): II, стр. 95, ст. 76 — 78 и дал. — Побиваетъ Батыя, притворившись слугою ему: II, стр. 95, 96, ст. 90 и дал., и *разн.* (ср. Батыя и Калына).

Братается съ Ильею: I, стр. 76, ст. 224, 225; товарищ Ильи: стр. 76, ст. 218. — Братъ названный Добрыни и на него послѣ Бога больше всего надѣется: II, стр. 84—88, ст. 19, 60, 92, 135; 91, ст. 44—50. — О названомъ братствѣ съ другими см. и гибель на Сафатъ-рѣкѣ. — Ему съ Добрынею прислуживаетъ Марко и Аробокъ: см. сего послѣдняго.

У него поля долгиа, по землѣ ходить — заплетается, на бою на дракѣ заплетется, въ полахъ замѣшается: I, стр. 47, ст. 39—41; 52, ст. 21; IV, стр. 7, ст. 38—40. — Когда не богатырствуетъ, сидитъ на кружалѣ, въ кабакъ: I, стр. 76, ст. 220; II, стр. 93, 94, ст. 19—49 и дал.; лежитъ тамъ на печи нэгъ — ни нички; кто оттуда позоветъ грубо, слѣзаетъ съ печи, запираетъ кабакъ, обираетъ пришедшихъ, бревномъ бьетъ ихъ по бедрамъ, гонить до двора княжескаго, а на ласковый зовъ пускается въ подвиги: II, стр. 93, 94, ст. 20—62 и дал. — Оттуда Владиміръ его вымалываетъ на подвиги: II, стр. 94, ст. 46 и дал. — Пьютъ одинъ столько, сколько пьютъ вмѣстѣ Илья, Добрыня и Алеша: II, стр. 94, 95,

ст. 62—74. — Получаетъ уврекъ, что «пропилъ свою голову:» II, стр. 96, *разн.*

Гибнетъ съ прочими шестерыми Русскими витязями на Сафатъ-рѣкѣ отъ силы нездѣшной, бѣжитъ въ пещеры, каменветъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится братомъ названнымъ Годенжа Блудовича, Василья Буслаевича (сомнительно), Ивана Гостинаго сына, Алеша, Добрыни и Ильи.

Ср. Василья Ивановича, грознаго посла.

Иванъ-богатырь, связь съ другими богатырями, главное значеніе и исторія его подъ разными именами: III, *Прилож.*, стр. XI—XXXVI; IV, *Прилож.*, стр. СLI—СXCIII.

а) По былинамъ:

Иванъ: III, стр. 5—8, ст. 29 и дал.; 70, 71, ст. 30, 55; IV, стр. 108, ст. 8; **Ванюшка:** III, стр. 2, 3, ст. 17, 45, 55. — **Гостиный сынъ:** III, стр. 2, 3, ст. 17, 45, 55; стр. 5—8, ст. 29 и дал.; 70, 71, ст. 30, 55; *Прилож.*, стр. XXIX, XXX (сказки); IV, стр. 108, ст. 8.

Бываетъ въ Золотой Ордѣ, у (будущаго) тестя Владимірова короля Етмануѣла Етмануѣловича: III, стр. 71, ст. 37, 38 и дал.

Пируетъ у Владиміра: III, стр. 4, пр., и 2, 4; занимаетъ здѣсь мѣсто богатырское: III, стр. 5, ст. 28, 30; 70, ст. 29, 31.

Указываетъ Владиміру невѣсту и подаетъ совѣтъ свататься: III, стр. 71, ст. 37—57.

У него особый конь, Бурушка-наурушка, описаніе коня и ѣзды его: III, стр. 2, 3, ст. 22—31, 60—68; — Сивогривый жеребецъ: стр. 3, 4, ст. 1—9; — Бурочко, косматочко, троелѣточко, и проч.: стр. 6—8, ст. 62—139; — Сивка-бурка, вѣщая каурка, и проч.: *Прилож.*, стр. XXIX, XXX (сказки); IV, *Прилож.*, стр. CLX, CLXI; ср. ниже другихъ Ивановъ.

Хвалится конемъ и бѣется объ закладъ бѣжать на немъ въ срокъ отъ Кіева до Владиміра: III, стр. 2, 3, ст. 32—44, 3, 4; — отъ Кіева до Чернигова: стр. 4—6, № 3. — Выигрываетъ закладъ: III, стр. 3, 4, ст. 60—68, 1—9; стр. 7, 8, ст. 116—149. — За него держитъ поруки и послѣ побѣды взыскиваетъ закладъ Владыка Черниговскій (ср. его): III, стр. 5, 8, ст. 55—58, 144—149.

Гибнетъ вмѣстѣ съ другими шестерыми Русскими витязями на Сафатъ-рѣкѣ отъ силы нездѣшней, бѣжитъ въ пещеры, каменѣтъ: IV, стр. 108—115; при этомъ выводится названнымъ братомъ Годенка Блудовича, Василья Казимировича, Василья Бус-

лаевича (сомнительно), Алеши, Добрыни и Ильи.

Иванъ: III, стр. 9—19, ст. 15 и дал.; 20—27, ст. 4 и дал.; **Иванушко**: III, стр. 9—19, ст. 13 и дал.; 20—26, ст. 7 и дал. — **Годиновичъ**: III, стр. 9—19, ст. 13 и дал.; 20—27, ст. 4 и дал.

Богатырь: III, стр. 12, ст. 104 и др.; удалъ молодець: III, стр. 24, ст. 164.

Русы кудри: III, стр. 17, ст. 270, 274.

Имѣлъ своихъ сто богатырей: III, стр. 22, ст. 86.

Если за него итти было невѣсть, то слыть холопкой, избы мести, заходы скрести: III, стр. 21, 22, 25, ст. 49, 50, 77, 78, 199, 200.

Дѣло изъ за невѣсты. На пиру у Владиміра скучаетъ холостой жизнью, не слушаетъ совѣта князя, отправляется искать невѣсты Авдотьи, Ляведи Бѣлой (см. ее), у Царя или Короля Черниговскаго (см. его), у котораго прежде служилъ въ столовыхъ ключникахъ; получаетъ отказъ въ невѣсть, обѣщанной Одолищу по глагому (см. его); беретъ Авдотью, увозитъ, спитъ съ нею въ шатрѣ; одолѣлъ было настягшаго Одолища, но по измѣнѣ выданъ Авдотьею, связанъ; по печальной смерти Одолища, успѣлъ освободиться,

убилъ невѣсту; безъ нея пріѣхалъ въ Кіевъ и подвергся насмѣшкѣ за неудавшуюся женидбу: III, стр. 9 — 19, № 1 (« женился, да не съ кѣмъ спать, » какъ Алеша).— Отправленъ Владиміромъ свататься въ Черниговъ за дочь Дмитрія гостя богатаго, Настасью (см. ихъ); потерпѣлъ сначала неудачу; потомъ взялъ съ собою богатырей, но распустилъ ихъ за охотой; явившись одинъ въ Черниговъ, увезъ насильно Настасью, но не достигнуть ея настоящимъ женихомъ, царемъ Афромеемъ (см. его), и по измѣнѣ Настасьи связанъ; подоспѣвшіе изъ Кіева богатыри спасли его, царь отправленъ въ Кіевъ плѣнникомъ, а Иванъ наказалъ Настасью смертию и вернулся въ Кіевъ безъ жены: III, стр. 20—27, № 2.

Какое дѣло имѣлъ съ Одоищемъ и царемъ Афромеемъ, такое же точно съ Кошемемъ Триплетовымъ (см. его): III, *Прилож.*, стр. XXXI.

Ср. **Ивана-царевича** (по сказкамъ): ср. III, *Прилож.*, стр. II; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIV.

Ванька вдовкинъ сынъ. Его дѣло съ царемъ Волшаномъ (см. его) и дочерью сего послѣдняго, спасеніе черезъ Могульптицу (см. ее): III, *Прилож.*, стр. XVI—XIX.

Ср. **Ивана-царевича** и **Анну Прекрасную Королеву**.

б) По сказкамъ:

Иванъ-русскій-богатырь. Борется съ Ерусланомъ (см. его), побѣжденъ имъ, но потомъ братается; бьется съ царемъ Θεодуломъ Змѣемъ (см. его) изъ за его дочери Кондурин и добываетъ ее: III, *Прилож.*, стр. XII—XVI.

Иванъ-богатырь и **Лягушка**: III, *Прилож.*, стр. XXXII; ср. **Ивана-царевича**.

Иванъ или **Ивашка Вѣлая Епанча**, служитъ у царя Далматта (см. его): III, *Прилож.*, стр. XVI; IV, *Прилож.*, стр. XII.

Иванъ или **Ивашка Вѣлая Рубашка**: IV, *Прилож.*, стр. XLIV—XLVI.

Ср. **Ивана-царевича**, **Бѣлаго Полянина**, **Дворянина Бѣлаго Палицу**.

Иванъ подъ именемъ **Голя Воянскаго** и **Θомы Береникова**, одинаковый съ **Иваномъ-дуракомъ** (см. его), тоже, что **Мигула**, только сказочный, въ шутку и на выворотъ; ему служатъ **Илья**, **Алеша Поповичъ**, **Чурило**, **Ерусланъ**,

Бова: см. Микула и эти лица, а также IV, *Прилож.*, стр. CLII, CLIII.

Иванъ - царевичъ. Подвигается по наказу царя Далмата: см. его и Ивана Бѣлую Епанчу, а также III, *Прилож.*, стр. XVI.

Битва съ Норкою-звѣрьшъ, спасеніе черезъ птицу, подвиги изъ за Жарь-птицы: III, *Прилож.*, стр. XIX, XX, ср. и.

Убиваетъ Кошея: ср. его и III, *Прилож.*, стр. XX, XXI.

Ему помогаетъ Булатъ-молодецъ: см. его и III, *Прилож.*, стр. XXVI. — По указанію Булата, получаетъ такого же коня, какъ Иванъ Гостинный сынъ: см. его, Ивана Крестьянскаго сына, Ивана-дурака, Ивана Купеческаго сына, а также III, *Прилож.*, стр. XXVI — XXIX.

Отецъ его Выславъ (см. его); соперникъ царь Аѳронъ (см. Аѳромея); теряетъ невѣсту Елену (см. ее), поспавши съ нею въ шатръ: III, *Прилож.*, стр. XXXI, XXXII; ср. Ивана Годяновича.

Какъ Добрыня (см. его), теряетъ было жену, но является на свадебный пиръ врага и узнавъ ея: III, *Прилож.*, стр. XXV, XXVI.

Иванъ-царевичъ и Марья-царевна (Марья?): III, *Прилож.*, стр. XXXII.

Иванъ-царевичъ и Лягушка: см. *тж.* и ср. Ивана-русскаго-богатыря, Ивана-богатыря.

Подъ именемъ Силы-царевича и въ сходствѣ съ Потыкомъ: см. сего послѣдняго и IV, *Прилож.*, стр. XLIV—XLVI.

Полная его исторія, гдѣ являются Микула, Марья-царевна, Елена Прекрасная, Богатырь-дѣвица, Анна Прекрасная, Василиса Премудрая, Катомъ Дядька, Никаноръ-богатырь, Бѣлый Поляничъ: см. эти лица и IV, *Прилож.*, стр. XLIII—CLXXVIII.

Иванъ Крестьянскій сынъ.

Какъ Илья Муромецъ (см. его), сидитъ сиднемъ, потомъ отпавается Калѣками, встаетъ: III, *Прилож.*, стр. XXIII — XXV.

Достаётъ, какъ Иванъ Гостинный сынъ (см. его), такого же коня, служившаго Луконеру богатырю (см. его), сходство здѣсь съ Бовою (см. его): III, *Прилож.*, стр. XXVII, XXVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI; ср. Ивана-царевича, Ивана-дурака, Ивана Купеческаго сына.

Битва съ Полякомъ, подобно Бовѣ: см. эти лица и III, *Прилож.*, стр. XVIII, XXV; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIX, CXС.

То же — III, стр. 127.

Ивашка Запечный, сидень: III, *Прилож.*, стр. XXV;

Иванъ Попяловъ, сидень: III, *Прилож.*, стр. XXV.

III, стр. 11 и 12.

III, стр. 117, 118.

Иванъ Купеческій сынъ, сказка обь **Иванъ - Кручинъ**, **Купеческомъ сынъ**: III, *Прилож.*, стр. XXIX, XXX.

Владѣть такимъ же конемъ, какъ Иванъ Гостиный Сынъ: см. его и Ивана - царевича, Ивана Крестьянскаго Сына, Ивана-дурака.

Добываетъ Царь - Дѣвицу: см. помянутыя лица, Анну Прекрасную и IV, *Прилож.*, стр. CLV и дал.

III, стр. 117, 118.

Иванъ-дуракъ, **Иванушка-дурачокъ**, владѣющій такимъ же конемъ, какъ Иванъ Гостиный Сынъ: см. его, Ивана-царевича, Ивана Крестьянскаго Сына и Ивана Купеческаго сына, а также III, *Прилож.*, стр. XXVIII, XXIX. — Сказки шутивыя въ томъ же родѣ: стр. XXXII.

Подчиняетъ Илью и Феодора Лыжниковъ, убиваетъ Добры-

ню: см. ихъ и Ивана Голя-Воянскаго, Оому Беренникова, а также IV, *Прилож.*, стр. CLII.

III, стр. 127.

III, стр. 117, 118.

Иванъ Водовичъ, сражающийся съ Чудомъ - Юдомъ: см. его и III, *Прилож.*, стр. XXXII.

Сказка обь **Ивашкѣ Медвѣжьемъ Ушкѣ**: III, *Прилож.*, стр. XXXII.

Иванъ Сученко и **Иванъ Поваренко**, братья Ивана-царевича (одно разтронвишееся лицо): см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLIV, CLV.

Иванъ Пономаревичъ, въ сходствѣ съ Бовою: IV, *Прилож.*, стр. CLXXXIV.

III, стр. 117, 118.

III, стр. 117, 118.

Данило: III, стр. 29 — 32, ст. 26 и дал.: стр. 32 — 38, ст. 16 и дал. — **Денисьевичъ**, **Денисьичъ**: III, стр. 32—38, ст. 16 и дал. — **Ловчанинъ**: III, стр. 29—32, ст. 26 и дал.

Охотникъ: стр. 29, 30, ст. 35—85; стр. 34, ст. 71 — 77; стр. 35, ст. 120.

Живеть въ Черниговѣ: III, стр. 34, 37, ст. 89 — 91, 179, 180.

Мужъ грозной Василисы Микულიшны: см. ее; братъ родной Никиты и названный Добрыни: см. ихъ.

III, стр. 117, 118.

III, стр. 117, 118.

III, стр. 117, 118.

Когда умеръ, по намъ плачуть богатыри: III, стр. 37, ст. 173, 174.

На службѣ Владиміру; изъ за жены посылается Владиміромъ къ вѣрной гибели на Буянь островъ, горюетъ, что «погубляютъ его перемѣты женскіе,» ѣдетъ, на Буянь убиваетъ страшнаго зѣвря, побиваетъ посланныхъ противъ него слугъ Владиміра, но раздумавшись, что вѣрно князю неугоденъ сталъ, самъ убиваетъ себя: III, стр. 29—32, ст. 23—440.—То же, предчувствуетъ себѣ гибель, посылается въ луга Леванидовы, въ послѣдній разъ охотится въ полѣ, отправляется по приказу князя, побиваетъ посланную на него смлу Русскую, во всего болѣе оскорбленный, что противъ него и братья, убиваетъ себя: стр. 32—37, ст. 46—176.

Ср. за сямъ Данило Игнатьевича.

Ср. III, *Прилож.*, стр. II—IV; IV, *Прилож.*, стр. XVI, XVII.

Никита Денисьичъ: III, стр. 36, ст. 160.

Родной братъ Данилы (см. его), богатырь; въ угоду Владиміру ѣдетъ вредявъ роднаго брата: III, стр. 36, 37, ст. 155—166; однако плачетъ во братъ и его женѣ: стр. 37, 38, ст. 173, 174, 212.

Данило, Данилушко, Данильцо, Даниличко: III, стр. 39—41, ст. 2 и дал.; стр. 42—50, ст. 16 и дал.—Игнатьевичъ: III, стр. 39—41, ст. 2 и дал.; стр. 42, 43, ст. 16 и дал.

Сильный—могучій богатырь: III, стр. 39, ст. 3, 8.

Былъ для Кіева застоюшкой великой: III, стр. 39, ст. 46.

Двора широкаго; у него не было, золотой казны не лучилося, сила была въ немъ ровная: III, стр. 42, ст. 27—29.

Служилъ Владиміру пятьдесятъ годовъ, убилъ ему пятьдесятъ царевъ, а мелкой силы—смѣты нѣтъ: III, стр. 43, ст. 30—32.

Когда минуло ему девяносто лѣтъ, усильно выпросился у Владиміра въ монастырь, спасти душу грѣшную, постригся и посхимился: III, стр. 39, 43, ст. 1—5, 30—49.

Когда его останавливали, указалъ на преемника—сына, для защиты Кіеву: III, стр. 43, ст. 45—47.

Въ монастырь является какъ старостарчище, старой, старикъ, монакъ, съ колпакомъ и клоной Калѣкъ Перехожихъ: III, стр. 45—50, ст. 106—230.

Не-охотно-пустилъ молодого сына на трудный подвигъ, далъ ему потомъ благословеніе, научилъ, какъ достать бурушка косятаго и збрую богатырскую, которыми нѣкогда владѣлъ самъ: III, стр. 46, 47, ст. 114—150; стр. 40, ст. 34—50.

Во время подвиговъ сына молился Богу и молитвами спасъ его: III, стр. 47, 50, ст. 151—158, 238, 239.

Искалъ сына по побойшу, не узнавши чуть не убилъ его, потомъ оставленъ сыномъ по прежнему въ монастырѣ молиться Богу: III, стр. 41, ст. 69—72; стр. 49—54, ст. 210—242 в *разн.*

Ср. сына его **Ивана** или **Михайлу**.

См. ега же въ **Калъкахъ**.

Ср. III, *Прилож.*, стр. II—IV.

Сынъ Давиды Игнатъевича.

Иванъ: III, стр. 39, 40, ст. 22 и дал.

Михайло, Михайлушко: III, стр. 44—50, ст. 80 и дал.

Даниловичъ: III, стр. 39, 40, ст. 22 и дал.; стр. 44—50, ст. 80 и дал.

Двадцатилѣтній: III, стр. 39, ст. 22; стр. 45, 46, ст. 89, 119. — **Молодохонекъ**, **зеленехонекъ**, до битвы съ Татарами на войнахъ не бывалъ: III, стр. 40 ст. 31—48. — **Мадешенекъ**, **глушешенекъ:** стр. 45, ст. 87, 88 в *разн.*

Спасается молитвой отца и своею собственной: III, стр. 47—49, 50, ст. 149—158, 185—190, 238, 239.

За отбытіемъ отца изъ богатырей въ монастырь, вызывается идти въ Орды, беретъ благословеніе отъ отца, нечѣмъ было въ полѣ, упавши съ коня, но, поправившись, побилъ Татаръ одними Татарскими, вернулся къ отцу въ монастырь, не узнавший чуть не убить нѣтъ, послѣ съ почестію принять **Владимиромъ:** III, стр. 39—41, № 4. — То же, но съ тѣми особенностями, что взявъ прежде благословеніе отъ матери, по указанію отца досталъ бурушка косматаго и зброю богатырскую, побѣдилъ невѣрную силу по молитвамъ отца, отсѣкъ голову царю Уланцу и привезъ ее въ Кіевъ: стр. 44—51, ст. 79—251.

Ср. Отца его, **Давиду Игнатъевича**.

Дунай Ивановичъ: I, стр. 52, ст. 4; III, стр. 53—80, ст. 50 и дал.; IV, стр. 13, ст. 21.

Донъ Ивановичъ: I, стр. 58, 60, 61, ст. 24, 79, 124.

Тихій: III, стр. 53, ст. 51, 58. — У него повороты тихіе: IV, стр. 13, ст. 22 в *прил.* — Въ Кіевѣ дѣвки и жонки металась въ окна поглядѣть на него, говоря: «еще гдѣ эдаки молодцы да спорожались?» III, стр. 63, ст. 135—137.

Между Старшими богатырями на полѣ Куликовѣ: I, стр. 58, 60, 61. — На богатырской

заставъ: I, стр. 52, 53, ст. 4—42; IV, стр. 12, 13.—Гораздъ былъ съ дѣвцами драться: III, стр. 76, ст. 239.—Иногда труситъ врага: I, стр. 53, ст. 31—41.

Добрыня былъ его «любимымъ товарищемъ»: см. Добрыню и III, стр. 54, ст. 89, 90.—Признается между богатырями лучше и надежнѣе Васьки Долгополаго, Алешки Поповича и даже Добрыни: см. ихъ и I, стр. 52, 53, ст. 19—30; иногда ненадежнѣе Добрыни: см. его и IV, стр. 13; ст. 21—23.

При Настасьѣ Королевичнѣ смѣшивается съ Потыкомъ (см. ихъ) и Ванькою Ключникомъ: III, стр. 59 — 61, ст. 8—64.

Служилъ во семи ордахъ, семи королямъ (и не могъ выжить себѣ красной дѣвицы): III, стр. 77, ст. 255—257.

Гулялъ изъ земли въ землю, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховицскому, служилъ у него въ разныхъ службахъ 9 или 12 лѣтъ: III, стр. 54, 55, ст. 60 — 68, 98—101; стр. 58—67, ст. 1—7, 24, 25, 140 — 143, 179 — 183, 239, 240; стр. 73, ст. 110, 113.

Его любилъ король и королица, а Настасья Королевична у души держала, когда же онъ ею расхвстался, спасла отъ гибели: III, стр. 59—61, ст. 8—64.

Оттуда перешелъ въ Кіевъ, пропился на кабаки и оголѣлъ, пока вызванъ Владиміромъ на дѣло: III, стр. 64—63, ст. 65—138.

Какъ знатокъ невѣсть, посланъ Владиміромъ добывать невѣсту и добылъ ее въ товарищахъ съ Добрынею, Алешею или Екимомъ Ивановичемъ, частію добромъ, частію борьбою: ср. ихъ и III, стр. 53—55, ст. 47—111; стр. 63—66, ст. 139—199; стр. 71—76, ст. 58—213.

При этомъ сестру жены Владиміровой ваялъ за себя, у отца ея просьбой, а саму ее съ бою: III, стр. 55, ст. 108, 109; стр. 66 — 67, ст. 200 — 245; стр. 76, 77, ст. 214 — 267. — Ср. жену Дуная, Дарью или Настасью.

Свадьба съ нею въ Кіевѣ: III, стр. 68, ст. 248, 249; стр. 77, 78, ст. 268—310.

Въ Кіевѣ съ женою жилъ время не малое: III, стр. 78, ст. 310.

Изъ за спору разъярившись, пьяный, погубилъ жену и въ утробѣ у ней младенца: III, стр. 55, 56, ст. 116—137; стр. 56—58, ст. 1—63; стр. 68, 69, ст. 250—284; стр. 78—80, ст. 311 — 377. — Ср. сына Дунаева.

Въ отчаяніи погубилъ себя и отъ крови его протекла Дунай рѣка: III, стр. 56, ст. 137—139; стр. 58, ст. 64 — 70; стр. 69, ст. 285—293; стр. 80, ст. 378 — 383.

Ср. III, *Прилож.*, стр. VI.

Потожь или Потыжь Михайло Ивановичь: IV, стр. 52—58, ст. 8—230.

а.)

Свято-русский могучий богатырь: IV, стр. 52, ст. 7 и дал.

Братъ названный Добрыни и Алеши: см. ихъ и IV, стр. 52, ст. 4—12.

Посланъ Владиміромъ на охоту, встрѣтилъ Лебедь Бѣлую, она обернулась Авдотьюшкой Лиховидьевной; полюбилъ ее, положили зарокъ—кто умретъ прежде, другому живому птии вмѣстѣ въ могилу; отправились къ Кіеву, Потокъ отсталъ; возвѣстилъ Владиміру о находкѣ, послѣ вечерни уприсилъ поповъ вѣнчать, повторилъ присягу на зарокъ; въ первый разъ жилъ съ женою полтора года, и когда она обмерла, съ конемъ и збруею полѣзъ съ нею въ могилу; тамъ убилъ змѣя лютаго, головою его пробудилъ Авдотью, задергалъ изъ могилы веревку къ церковному колоколу и заревѣлъ зычнымъ голосомъ, вынуть; поновленъ съ женою святою водою; во второй разъ жилъ съ женою до старости, и, когда умеръ, ее живую погребли съ нимъ: IV, стр. 52—59, ст. 1—233. Ср. жену его Авдотью Лиховидьевну, Лебедь Бѣлую,

Анну или Настасью Прекрасную Королевичну. (б.)

Во главѣ Калѣкъ: Подъ именемъ Михайлушки Касьянова: III, стр. 84—84, ст. 15—115;—Омы Ивановича: стр. 84—89, ст. 2—189;—Касьяна Михайловича: стр. 90—99, ст. 9—359.—Зашедши въ Кіевъ, навлекъ гнѣвъ княгини Апракси (см. ее), оклеветанъ, калѣками наказанъ, но потомъ событиями спасенъ и оправданъ: III, стр. 84—99, № 1, 2, 3.

Во главѣ же Калѣкъ, отъ лица его молодецкаго, какъ бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе: III, стр. 93, ст. 113—115.—За его правду великую, вложили ему убитому ангелы душу: III, стр. 89, ст. 174—187.—Выскакивалъ изъ земли какъ ясенъ соколъ, на его лицо молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы, кудри на немъ до самого пояса, никакого духу не вѣруеть, дуетъ духомъ своимъ святымъ на больную княгиню, исцѣляетъ ее, крестомъ ограждаетъ и благословляетъ: стр. 97—99, ст. 267—325.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. XXXI—L: какъ богатырь и во главѣ калѣкъ; сказки объ немъ; CLVI, CLXXIX, CLXXX: отношенія къ сказочному Ивану-Богатырю, ср. его.

Михайлушка Касьяновъ,
Оома Ивановичъ, Касьянъ
Михайловичъ, смѣшанныя имене
 на Потока или Потока Ми-
 хайлы Ивановича: см. его.

Михайло Михайловичъ,
 братъ Потока, подъятаманъ во гла-
 вѣ Калѣкы: III, стр. 90—97, ст.
 32, 33, 214 — 222, 259, 260,
 283—286.

Ставрѣ: IV, стр. 59—68, ст.
 13—260. — **Годиновицѣ:** IV,
 стр. 59, 66, ст. 13, 222.

Бояринѣ: IV, стр. 59—68,
 ст. 19—260.

Изъ земли дальшой: IV, стр. 68,
 ст. 264.

Имя богатый дворъ и домъ, по
 словамъ его — не хуже Кіева: IV,
 стр. 59, 60, ст. 17—26.

Игралъ на гусяхъ, умѣлъ сы-
 грыши Цареградскіе, плясовыя ино-
 странныя (Ерусалимскія), величаль-
 ныя, Стихи священныя, какъ скомо-
 рохъ, веселый молодець: IV, стр.
 66, 67, ст. 218—233 и прим.

Женатъ былъ на Василисѣ
Мякулиши: см. ее.

Похваставши своимъ дворомъ и
 домою, возбудилъ зависть Влади-
 мѣра, посаженъ въ тюрьму, дворъ его
 велѣно запечатать, а жену взять ко
 князю; когда Василиса явилась пе-
 редъ тѣмъ въ Кіевъ, выпущенъ изъ

тюрьмы по ея желанію, игралъ при
 дворѣ князя и цѣль; выпрошенъ же-
 ною вѣсто даней съ Кіева, не у-
 зналъ было ея, но, когда она от-
 крылась, воротился съ нею домой,
 обязанный ей спасеніемъ отъ Вла-
 димира: IV, стр. 59—68, ст. 12—
 264.

Ср. III, *Прилож.*, стр. III; IV,
Прилож., стр. XVII, LI, LII
 (между прочимъ по лѣтописямъ).

Хотѣнѣ: IV, стр. 74—77, ст.
 50 и дал.; **Хотѣнши:** 75 —
 77, ст. 81 и дал.; **Хотѣншино:**
 73 — 76, ст. 11 и дал. — **Гор-**
денѣ: 69 — 72, ст. 21 и дал.;
Годенно: 108, ст. 5. — **Блу-**
довицѣ: 69—71, ст. 27 и дал.:
 108, ст. 5; **Сынѣ Влудовицѣ:**
 69, 70, ст. 38 и дал.; **Сынѣ Влу-**
довѣ: 73 — 75, ст. 11 и дал.

У матери вдовы одинъ былъ сынъ,
 какъ ясенъ соколъ: IV, стр. 69, ст.
 20, 21; см. мать, Блудову жену.

Многіе пожитки остались ему отъ
 батюшки: IV, стр. 69, ст. 22, 23.

Упрекали его именемъ отца, а
 самого, что уродуетъ (чудить, про-
 казять): IV, стр. 73, 74, ст.
 14—73.

Страшенъ былъ Кіевскимъ мо-
 лодцамъ: IV, стр. 75, ст. 88.

Поднялся за обиду, болѣе за оби-
 ду матери, на Часовую жену и
 дочь ея, Катерину или Ав-
 дотью (см. ихъ); спибъ у Ча-

совичны теремъ, педавилъ садъ, по-
колотилъ Часовичей, вынудилъ Ча-
совую отдать дочь съ богатымъ при-
давымъ; убитыхъ шурьевъ оживилъ
мертвою и живую водой, доставши
отъ вѣрона (вставка); съ помощію
Владимира и Апраксіи помирился съ
гордою тещей: IV, стр. 69 — 72,
ст. 38 — 135; стр. 73 — 77, ст.
23—162.

Гибнетъ съ прочими шестерыми
русскими витязями на Сафать-рѣкѣ
отъ силы нездѣшней, бѣжитъ въ
нещеры, каменье: IV, стр.
108 — 115; при этомъ выводится
названнымъ братомъ съ Василь-
емъ Казимировичемъ, Ва-
сильемъ Буслаевичемъ
(сомнительно), Иваномъ Гос-
тинымъ сыномъ, Алешкою,
Доврынею и Ильею.

Ср. III, Прилож., стр. V; IV,
Прилож., стр. LV—LVII.

**Чурило, Чурила Пленко-
вичъ** (Плѣнковичъ): I, стр.
24, ст. 47; II, стр. 31, ст. 280,
281; III, стр. 78, ст. 294; стр.
104, ст. 111, 133; IV, стр. 81—
86, ст. 94—244; стр. 87—90,
ст. 4—105. — **Чурива**: IV, стр.
86, 87, ст. 10 — 28. — **Чури-
лушка, Чуривушка**: III, стр.
87, ст. 98; IV, стр. 86, 87, ст.
14 — 27. — **Сынъ Пленко-
вичъ**: III, стр. 87, ст. 98, 118;
стр. 104, ст. 111; IV, стр. 83,

ст. 160. — **Плѣнковичъ, сынъ
Плѣнковичъ**: IV, стр. 87, 88,
ст. 4—32. — **Цыплѣнковичъ**:
IV, стр. 86, 87, ст. 10—22.

Отецъ его Пленъ (Плѣнь),
Плѣнка (Плѣнко), старой, Са-
роженниъ: см. его.

Молодой: III, стр. 104, ст.
111; IV, стр. 83, 84, ст. 160,
210; стр. 87, 88, ст. 4, 18.

Наружность. Двѣ свѣчки го-
рятъ, то ясны очи глядятъ, то Чу-
риловы: IV, стр. 90, ст. 101, 102;
когда идетъ, передъ нимъ несутъ
подеолнечникъ, чтобъ не запекло
солнце бѣла его лица: стр. 83, ст.
173, 174; сапожки—зелѣнь сафья-
нъ, пятки гладки, носки плоски,
кругъ пяты хоть нѣдѣмъ прокати,
подъ пята воробей проскочи: стр.
87, ст. 23—26; бѣлыя руки, зла-
ты перстни: стр. 88, ст. 21, 22;
золотъ калпакъ: стр. 89, ст. 45;
перчатки шелковы: ст. 59; зелѣнь
кафтанъ: ст. 73; сафьянны сапожки:
стр. 90, ст. 87; всѣхъ больше
по природѣ отличался походкою
щепливою (щегольской): II,
стр. 31, ст. 280, 281; когда гу-
лялъ, подъ нимъ травка-муравка не
тончется, лазоревый цвѣточикъ не
ломится, зелѣнь кафтанъ на немъ
не трахнется: IV, стр. 87, ст.
5—8; слѣды его малешеньки, ма-
лымъ-то малы, коротешеньки, слов-
но зайка скакалъ либо бѣлъ горно-
стай: стр. 85, 86, ст. 239—244;
стр. 87, 88, ст. 12—18; на него

заглядываясь на князя Апраксию такъ что, порвала руку: стр. 86, ст. 10, 11; когда щель по Киеву, заглядывались все люди: гдѣ дѣвушки глядятъ, — заборы трещать, гдѣ молодухи глядятъ, лишь оконечки звенять, гдѣ стары глядятъ, махать на себѣ деругъ: стр. 87, ст. 27—31.

Его дружина храбрая: за три ста, за пятьсотъ и за тысячу, жеребды подъ ними Латинскіе, кафтанцы на нихъ камчатные, однорядочки — голубь скурлатъ, колпачки — золоты плаши: IV, стр. 78—83, ст. 26—31, 56, 57, 87, 91, 159, 160, 170, 171.

Первые подвиги Чурилы съ дружиною въ царствѣ живономъ, на рѣкѣ Черегѣ: IV, стр. 78—81, ст. 14—91; Чурилы не знаютъ въ Киевѣ: тамъ и стр. 81, ст. 92—94; одинъ только Бермята Владильевичъ (см. его) про него давно вѣдаетъ и рассказываетъ въ Киевѣ: стр. 81, ст. 95—113; живетъ Чурида въ Маломъ Кѣвѣ въ описаніе двора его, воротъ, богатствъ: стр. 100—113; ѣдутъ къ нему, Владимиръ съ Апраксѣвной, князя бояре, богатыри, Добрыня, Бермята, всего 500 человекъ: стр. 82, ст. 114—122; отѣдъ его, Пльнь: трои ведога; угощенье въ отсутствіи Чурилы: стр. 82, ст. 123—144; Чурида подѣзжаетъ ко двору своему, Владимиръ перепуганъ, Пльнь

успокоиваетъ: стр. 82, 83, ст. 145—166; Чурида вѣзжаетъ съ дружиною, передъ лицомъ его несутъ подсолнечникъ, впереди скороходъ: 83, ст. 167—182; Чурида богато даритъ князя и княгиню: стр. 83, 84, ст. 183—194; Владимиръ назначаетъ ему жить въ Киевѣ и служить князю: стр. 84, ст. 195—199; Чурида не послушался, прѣзжаютъ все въ Киевъ: ст. 200—208; въ Киевѣ онъ былъ счастливъ добръ: III, стр. 104, ст. 110; ср. выше дѣйствіе его красоты; завѣдуетъ у князя драгоценными платьями, хранитъ золоту казну: III, стр. 78, ст. 293—299; въ спорѣ съ Дюкомъ (см. его) о богатствѣ и въ гостяхъ у него съ Владиміромъ: III, стр. 104, ст. 110—133; вѣстникомъ Апраксию къ Каликамъ (побить ими): III, стр. 87, 88, ст. 98—120; служить столъникомъ: IV, стр. 85, ст. 230; постельникомъ у княженецкихъ постелей: стр. 86, ст. 14, 15; на этой службѣ заглядывается на него Апраксию (см. ее), и рѣшаетъ, что ему лучше быть позовщикомъ: ст. 14—20; у Владимира позовщикомъ: стр. 84, 85, ст. 209—215; заходитъ въ старому Бермятѣ, замѣшкивается тамъ, ночью проникаетъ не смотря на часовыхъ, пируетъ съ Катериною Прекрасною (см. ее): стр. 85, ст. 216—222; Владимиръ это ни во что

кладеть: ст. 223—226; по доносу сѣнной дѣвушки узнаеть Бермята о гостѣ, допрашиваетъ жену, грозитъ ей казнию, съ Чурилой братуется: стр. 88—90, ст. 26—110; здѣсь измѣняютъ Чурилу извѣстная одежда его и очи: *тж.*; Бермята осрамленъ передъ всѣмъ народомъ, когда найдены по снѣгу слѣды Чурилы и старики узнали ихъ: стр. 87, 88, ст. 231—247; стр. 87, 88, ст. 9—18.

Служить въ сказкахъ, какъ «молодой богатырь», Ивану Голю Воянскому: см. его и IV, *Прилож.*, стр. СLII.

Ср. III, *Прилож.*, стр. V; все же прочія подробности: IV, *Прилож.*, стр. LVIII—XCVI (объ его имени, значеніи, отношеніяхъ къ Чуру, Гермесу, и т. п.).

Гришка Боярскій, Боярскій сынъ: I, стр. 46, 47, ст. 7, 43; IV, стр. 7, 8, ст. 7, 42.

Его Описаніе. Рода боярскаго; потому хвастливъ; на бою дракъ прихвастается: I, стр. 47, ст. 49—51; IV, стр. 8, ст. 49—51.

Стоять на богатырской заставѣ: I, стр. 46, 47; IV, стр. 7, 8.

Кравчимъ жить: I, стр. 46, ст. 10; IV, стр. 7, ст. 10.

Дворянинъ Вѣлая Палица: IV, *разн.*, стр. 24 и дал. (между Старшими богатырями); *Прилож.*, стр. XII; ср. Бѣлаго Полянина, Ивашку Бѣлую Эпанчу, Ивашку Бѣлую рубашку.

Глапить (Гланить?): IV, *разн.*, стр. 24 и дал. (между Старшими богатырями); *Прилож.*, стр. XII.

Федоръ Лыжниковъ, сильный богатырь, вѣдетъ съ Ильею въ службѣ у Ивана-дурака: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. СLIII.

Екимъ Ивановичъ: II, стр. 70—78, ст. 5, 17, 21, 28, 42 и дал.; III, стр. 72—75, ст. 83, 86, 141—164, 206, 207.

Молодой: II, стр. 70—78, ст. 5, 42, 51; III, стр. 72, ст. 83. — Богатырь: II, стр. 70, ст. 6 и дал. — Въ грамотѣ поученый человекъ: II, стр. 70, ст. 18. — Пугливъ: II, стр. 73, ст. 126—129.

Братецъ, родимый братецъ (названный?) Алеша Поповича: II, стр. 70, 74, ст. 17, 29, 144. — Съ Алешей они оба изъ Ростова: II, стр. 70, ст. 1—5. — Бѣдила съ Алешей плечо о плечо, стремя-

но въ стремлено: II, стр. 70; ст. бр. 7; *разн.* Алешей, III, стр. 72, ст. 83, 84. — По ошибкѣ чуть не сублилъ Алешу: II, стр. 174, ст. 139—144.

Съ Алешей прибылъ изъ Ростова въ Киевъ, принять Владимироу съ, судилъ Алешу отъ удара Тугарина: II, стр. 70—78.

Товарищъ и паробокъ Дунай въ подаетъ слово женою Владимиру; орою тѣлѣнною побилъ, слау грозного короля Етианау йла: III, стр. 72—75, ст. 82—211.

Ср. Марко Паробка и Товарища: II, стр. 70—78.

Марко паробокъ: прислужникъ Василья Казимировича и Добрыни съ, воззвъ къ Блѣтлю съ даяни: II, стр. 84—88, ст. 20, 153. — Ср. Екимъ Ивановичъ и Торопа.

Торопа, Торопово, слуга Добрыни: II, стр. 79; *разн.*; *Прилож.*, стр. IX; X. — Слуга Алешы (или Алехандра) Цыковина: II, *Прилож.*, стр. XVIII, XIX (летопись; гибнетъ при Калкѣ; участвуетъ въ войскѣ Константина Рюрика и Ярославскаго). — Ср. Екимъ Ивановичъ и Марко паробка («Торопка» вѣроятно передѣлано изъ «паробка» или на оборотъ).

Умомшвецъ, Семень швецъ, Никита Кожемяка.

Подълетися, преданіямъ и сказанамъ, богатырь Киевскій при Владимирѣ: IV, *Прилож.*, стр. CXL—CXIII.

Богатыри сѣученные.

Мужики Залѣшана. Вокругъ Владимира, въ раду Старшихъ богатырей: VI, стр. 45; ст. 148.

Никита: IV, стр. 44, ст. 203 (въ раду старшихъ богатырей, на Дунай-рѣкѣ); стр. 47, 48, ст. 18, 28, 30, 35, 42; стр. 50, 51; ст. 48, 50, 70; *Никитишна*: IV, стр. 47, 48; ст. 33, 34, 40, 41, 47, 55; стр. 51, ст. 58. — *Ивановичъ*: IV, стр. 51; ст. 70.

— *Залѣшанинъ*, *Заолѣшанинъ*: IV, стр. 47, 48; ст. 18, 30, 55; *разн.*, стр. 24, 27, 31, 32, 35, 36.

Дворянинъ: IV, *разн.*, стр. 24, 27, 31, 32, 35, 36. — *Богатырь*: IV, *разн.*, стр. 35. — *Между Старшими богатырями*: IV, *разн.*, стр. 24—38; стр. 44, ст. 203. — *Въ битвѣ держитъ съ Алешей руку лѣвую*: IV, стр. 44, ст. 203.

Нештынедокъ и великъ богатырямъ вокругъ Владимира; и Илья, желая, чтобъ его не узнали, выдаетъ себя за Никиту: IV, стр. 46—49; № 7.

Звродовичи; Королевичи 95

Ось незнамъ человекъ: IV, стр: 49, ст. 2.—Въ числѣ заважныхъ молодцовъ: IV, стр: 50, ст. 31, 32.—Пришесть служить Владимиру: IV, стр: 50, ст. 33—36. — Не боятся ни Татарь, ни Киевскихъ богатырей: IV, стр: 50, ст. 37—47.—Что поднесуть, положить въ карманъ: IV, стр: 51, ст. 56; 57.—Навоишьши Мстхъ ухадъ: IV, стр: 51, ст. 57.— 17: 802

Въ числѣ другихъ богатырей, въ походѣ въ Киевъ: князь Курьянъ радя IV, *разн.*, стр: 24—38 (заимствуетъ здѣсь второкъ мстхъ, послѣ Ильи Муромца), при чемъ въ бытѣ живеть Идль: Скоронитъ и Тугаривъ.—Степеннъе Адеши в стараетса поправитъ его Толюбкы: IV, стр: 31, *разн.*—На вничь онъ старается свифеиъ Бдрукы: IV, *разн.*, стр: 31, 32.—Выбираетса по сломъ отъ другихъ богатырей къ Владимиру: IV, *разн.*, стр: 35, 36. 802

Ср. IV, *Прилож.*, стр: XVII—XCVIII—CII.

Ср. Михайлу Кизарянина, Королевичей князь Крѣмова, Звродовичей и Дюби. 802

Братья Звродовичи; Звродовичи.

Семь ихъ вду стр: 45, ст. 147 (между Старшвины богатырей и, вокругъ Владиміра): 802

96 нѣтъ Крѣкову Притченки

— Два брата: Н, стр: 67—69, № 3.— Два Петровича: стр: 67—69, ст. 43, 49, 79.— На перу у Владиміра: И, стр: 67, ст. 4 и др. 811—881

Хвѣ чають сестрью Наталью юную: Исаѣя съиъ Звродовичной (ш. ее); по вызову Алеши (ср. его), испытываютъ ее; убиваются въ вѣнчестѣ; и хотеть убитъ, но, по предложенію Алеши, отдать ему въ замужество: И, стр: 67—69, № 3; то же, убиваютъ ее: И, стр: 84—87, № 4 п. 2.— Ср. IV, *Прилож.*, стр: XIX, XX; XCVIII—CII, CXXXIV.— Ср. Михайлу Кизарянина, Королевичей князь Крѣкова, Звродовичей и Дюби. 802—807, стр: 105—106, № 1. 811—881, 802

Королевичи князь Бравова, Дима и Петр Петровичи.

IV, *Прилож.*, стр: XX, XCVIII—CII, CXXXIV; ср. Михайлу Кизарянина; Звродовичей, Зальшанъ и Дюби. XIX—III. 802

Притченки IV, стр: 63, ст. 129.

802

Капайдонны IV, стр: 63, ст. 129.

Въ Киевѣ нарочны борцы, удалы молодцы, Дементьичи IV, стр: 63, ст: 129, 130 въ числѣ ихъ. 802

Два брата **Жакиловы**: I, стр. 43; ст. 149 (между Старшиной и Богатырями) вокруг Владимира).

Обман: I, стр. 94; ст. 37; II, стр. 20; ст. 220; стр. 94; ст. 58.

Свиря: I, стр. 24; ст. 738; II, стр. 26; ст. 226; стр. 94; ст. 57.

Ср. IV; Прилож., стр. XIX; **Жакиловы** (описание) в летописи описаны до доброй воли.

Богатыри в Киевской летописи описаны в Киевской летописи.

Дюнь Степановичъ или **Синь Степановичъ**: III, стр. 100; ст. 3; стр. 101—105; ст. 7 в дал.; **Степановъ**: III, стр. 103—106; ст. 94 в дал.

По прозванию Бягскои сынъ: II, стр. 101; ст. 48; молодой: II, стр. 101; ст. 7.

Изъ Фелыцы Гмлячя, наз (за) Карелы богатыя, / приехал ко Владимиру въ Киевъ, принять и угощень, / рассказал о своемъ богатствѣ, спорилъ съ Чури-

люю, брзгалъ угощеньемъ, / приехал у себя дома, удивилъ богатствомъ, / одарилъ Владимира съ князьми / бранни богатырми: III, стр. 100—106; ст. 1 и 2.

Ср. Чурилу; Михайлу 46; **Зарянина; Королевичей** изъ **Кривога, Звродовичей** изъ **Льшань**.

Ср. III, Прилож., стр. VI, VII; **IV; Прилож.**, стр. XCI; XCII.

Михайло: IV, стр. 91—99, ст. 6—266. — **Петровичъ**: IV, стр. 93—99, ст. 63—267. — **Казарянинъ**: IV, стр. 91—99, ст. 63—266.

Душа, **Михайло**, стр. 93—99, ст. 63—267. — **Богатыря**: IV, стр. 93; ст. 68 в дал.

— **Родомъ изъ Далечи Гмлячя** (Галицкой Руси), изъ Волынца / города изъ Гмлячя (съ Волыни): IV, стр. 91, 97; ст. 1, 2, 191. — **Сынъ гостя**: IV, стр. 97, ст. 190—196. — **Изъ матушки** ср. с. IV, стр. 97; ст. 199—204. — **Сестру** / **Матру** / **Петровичу**: ср. с. ст. 191.

Вызвалъ изъ дому изъ Киева / чтобы помолитися Чудотворцамъ въ Киевѣ, / поклониться князю Владимиру, / послужить ему вѣрой и правдою; / но / заочью / не / извѣстную / сирѣхалъ, / принять / заское; / получила / урокъ — / настрѣзять / пяти / къ / стому / княжескому; / на / охотѣ / встрѣтилъ / въ

шаго ворона, который указалъ ему на Русскую полоняну въ рукахъ Татаръ; наустяся, Татаръ побилъ, въ волонянкѣ узнавъ родную сестру Марю (ср. ее), освободилъ ее въ богатой добычей вернулса въ Кіевъ; угодалъ особенно Владимиру привезенными тремя Татарскими конями: IV, стр. 91—99.

Ср. Адешу Поповича, Королевичей изъ Кракова, Збродовичей, Залъшанъ и Дюка.

Ср. IV, *Прилож.* стр. ХСVIII—СХII.

Ср. IV, стр. 100—106, ст. 11—233.

Соловей Будиміровичъ, сынъ Будиміровичъ: IV, стр. 400—407, ст. 12—261.

Славный гость, богатый; IV, стр. 400—406, ст. 11—233. — Кунавъ: IV, стр. 400, ст. 44 в прим. — Молодой, молодой: всюду въ означенныхъ мѣстахъ. — Сударь: IV, стр. 404, ст. 54, 57.

Изъ за моря синаго, отъ царя заморскаго (изъ царства заморскаго), отъ славнаго города Лядкица: IV, стр. 99, 106, ст. 5—8, 240, 241. — Ишьа матушку, честну вдову Амеюлу Тимоевну: см. ее.

Между множествомъ кораблей его особенно славенъ Сокодь (его описаніе): IV, стр. 400, 406, ст. 14—40, 230.

Въ тотъ годъ это особенно славны были: Замкасыи Соловья (предуманное имя волостно прозвища): IV, стр. 404, 402; ст. 61, 87.

Игралъ въ звончатыхъ гусляхъ: IV, стр. 404, 405, ст. 66, 179. — Витьа была цѣ цѣтуньями: IV, стр. 407, ст. 249.

Пробывши изъ за моря въ Кіевъ, расположилъ куды съ книжнєю дорогами подарками; выпросилъ мѣсто себѣ въ саду у княжеской дворянницы Зупуны Путятинны (см. ее), построилъ тамъ дивные терема и удивленную Запаву скоро сосваталъ за себя, обитавшии перстнями; но провѣдавша мать его велика прежде сѣзидать за моря и расторговаться; въ отсуствіи Соловья Давидъ Поповъ (см. его), скоро вернувши ся изъ позадни, началъ, что андыл, какъ Соловей попался за моремъ въ прѣданыи: Запаву выдала за Давида, сдать за каменнымъ столонъ; какъ радъ вернулса Соловей съ товарищами переодѣлся, калитица, принять на шару, скоро уидѣвъ, Запаву бросилса къ нему, Давидъ вооравленъ, Владимиръ — прежде того обгорченый вѣстью о Соловь — повеселѣлъ: IV, стр. 99—107.

Ср. IV, *Прилож.* стр. VII, СII, СХХХV.

Богатырь Младшій
Позднѣйшій

Ермакъ Тимоѣевичъ: I, стр. 64—66, ст. 162—283.

Молодой: I, стр. 64—65, ст. 103 и дал. — Племянникъ Ильи Муромца: I, стр. 64, 65, ст. 102, 136, 271.

Борется съ Мамаемъ за Клевъ: I, стр. 62, ст. 154—162.

Борется съ Бавищей Мамаиш-

КАЛѢКЪ ПЕРЕХОЖІЕ.

Иваннще: IV, стр. 48, 24, ст. 5, 6, 7, 85, 87.

Сильный (прозвище): IV, стр. 48, 24, ст. 5, 85.

Калѣка переходя, со всеми обычными прозвищами, признаками и свойствами: IV, стр. 48—24, № 4.

Силы въ немъ вдвое противъ Ильи, а смѣлости и вѣтъ в половину: IV, стр. 24, ст. 87, 88.

Идетъ изъ Клева, попадаетъ Ильѣ, передаетъ ему вѣсти, суужаетъ плаще, кляку, и прочее: IV, стр. 19, ст. 11—19.

Данило: IV, стр. 22, 23, ст. 7, 11, 13, 19, 31, 33, 39. —

но и по указанію Ильяможаиваетъ ее: I, стр. 65, 66, ст. 247—283.

Не послушенъ зову Старшихъ богатырей, отдѣляется отъ нихъ: I, стр. 61, 62, ст. 135—139. — Выбивается безъ нихъ изъ сѣль и спасается Илькою: I, стр. 62, 65, ст. 162, 264—273 и дал. — Тѣшится съ Ильєю въ гостяхъ у нихъ: I, стр. 64, ст. 213—225. — Отношенія къ Старшимъ богатырямъ: ср. IV, Прилож., стр. XIII, CXLIX, CI.

Игнатъевичъ: IV, стр. 22, 23, ст. 7, 11, 13, 19, 31, 33.

Братанъ (братъ названный) Ильѣ: IV, стр. 22, ст. 14 и дал.

Калѣка переходя, со всеми обычными прозвищами, признаками и свойствами: IV, стр. 22—38, № 5.

— Премде былъ богатырь, а теперь «голова стала при старости, нога за ногу завинается, рука за руку заплетается»: IV, стр. 23, ст. 32—37.

Идетъ изъ Ерусалима, попадаетъ Ильѣ, передаетъ ему вѣсти, суужаетъ плаще, кляку, и прочее: IV, стр. 22, ст. 14 и дал.

Ср. его выше, въ Богатыряхъ. Ср. IV, Прилож., стр. XI.

Никита: IV, разд., стр. 26.

Родомъ Карачевецъ: IV, разд., стр. 26.

Атаманъ Кладецъ, пере-
хочникъ, описанный какъ Калтка:
IV, разд., стр. 26, 27.

Встрѣчается богатырями Киев-
скими на дорогѣ изъ Царяграда

да, передаетъ вѣсти, сеужасть
платке, и проч.: IV, стр. 26,
27, разд., стр. 26.

Ср. выше Цотокана и Цоты-
ка, подл. разныи писани, в его
вратахъ —

ЛИЦА ПРИ БОГАТЫРЯХЪ.

Родственныя или близкія, отцы-матери, сестры, невесты,
жоны, дѣти, тещья, тетки, матери крестовыя, дядьки, помощники,
или въ какой либо связи, или только встрѣчныя, сходныя,
а иногда и совсѣмъ сдѣланные, дѣла, убоженныя, также
богатыри, поляницы, князь, и прочіе въ Киевѣ, безо всякого съ-
нвѣдѣна, савѣдѣна, савѣдѣна, въ времени дѣланьяго или познѣ-
наго, но не прямыя враги.

Тещь Владимира:

а) Етмануидо Етмануидовичъ, грозный король,
любимый тещь Владимира:
II, стр. 18, 19, 22, ст. 19, 20 и
дал.; III, стр. 71—75, ст. 37—
198; IV, стр. 61, 62, ст. 75,
102. — У него кудри черныя:
III, стр. 73, ст. 120.

б) Король Ляховицскій:
III, стр. 54, 55, ст. 61, 69, 92,
96, 97, 105; стр. 58—65, ст. 4
и дал. — Въ землѣ Ляхови-
цской: III, стр. 54, ст. 60; — въ
Литвѣ: стр. 58—63, ст. 3 и
дал.; — въ Золотой Орды (сѣ-
шано): стр. 71—75, ст. 37 и дал.;

IV, стр. 61, 62, ст. 74, 91, 95,
101; то же.

У него двѣ дочери, одну со-
сваталь, и вывезъ въ Киевѣ Дунай
за Владимира, другую заваъ ра-
свѣя, живши прежде у короля 9
или 12 лѣтъ: III, стр. 54, 55, ст.
60—115; стр. 58—66, ст. 3—
199; стр. 71—75, ст. 37—198.

На хотѣлъ было отдасть дочь за
Владимира и привуздень Дунаемъ:
III, стр. 65, 66, ст. 176—197;
стр. 73—75, ст. 107—198.

Ср. Владимира, Анраксію,
Дунай и жену его, Добрыню.

Ср. выше 71 годнидъ
— стр. 18—21, 81, 111

Иванъ Тимоѳеевичъ, отецъ Ильи Муромца: I, стр. 25, ст. 5—17; стр. 34, 35, ст. 1—18, 42, 43 (даетъ Ильѣ особую заповѣдь); старой хресъянннѣ: стр. 34, ст. 12; IV, стр. 2, ст. 20—42; старикъ: I, стр. 77, ст. 3 и дал. Ср. *Прилож.*, стр. IV, XVII.

Ефросинья Яковлева, мать Ильи Муромца: I, *Прилож.*, стр. XXXII (преданіе).

Савишна, жена Ильи Муромца: I, стр. 57, ст. 34—36. — Бьется съ Тугаринномъ вмѣстѣ мужа (смѣшана вѣроятно съ женою Данилы или Ставра): I, стр. 57, 58, ст. 34—65; ср. *Илью*.

Отецъ Добрыни.

Микита Романовичъ: II, стр. 4, 5, ст. 25—28 (умеръ старикомъ, оставивъ Добрыню малолѣтнимъ; жена его Тимоѳеевна).

Никита, Рязанецъ, богатый гость, долгаго вѣку: II, стр. 49, ст. 1—11 (умеръ старикомъ, оставивши жену Амелѳу Тимоѳеевну и малолѣтняго Добрыню).

Ср. выше князей-бояръ.

Мать Добрыни.

Афимья Александровна: II, стр. 2, ст. 24; стр. 14, ст. 18; стр. 19—21, ст. 58 и дал.; стр. 40, ст. 3; стр. 57, 58, ст. 149, 169.

Афимья Ивановна: II, *Прилож.*, стр. XIV, XV (сомнительно).

Тимоѳеевна: II, стр. 4—8, ст. 6, 15, 23, 33, 102, 116, 135, 142, 151 (мужъ ея Микита Романовичъ).

Мамелѳа Тимоѳеевна: II, стр. 34, ст. 405, 408; **Амелѳа Тимоѳеевна**: II, стр. 49, 50, ст. 8 и дал. (мужъ ея Рязанецъ Никита, богатый гость).

Вдова: II, стр. 2, ст. 24, 30, 31; 3, ст. 22, 23; 4, 5, ст. 25—28; 14, ст. 18; 19, ст. 58 и дал. (матера вдова); стр. 34, ст. 405, 408 (честна, пречестна вдова); стр. 40, ст. 2 (молода вдова: во время малолѣтства Добрыни); стр. 49, 50, ст. 8, 23 (матера жена, вдова многоразумная); стр. 57, 58, ст. 149, 169 (честна вдова).

Княгиня: II, стр. 5—8, ст. 6 и дал.

Особенно любима была сыномъ: см. Добрыню. — II сама особенно любила Добрыню, и частенько по немъ плакивала: ср. II, стр. 15, ст. 42—47; 31, ст. 286—292; 35, ст. 442; 39, ст. 565—577; 58, ст. 172—179. — Учила Добрыню грамотѣ и писать: II, стр. 49, 8.

ст. 12—15.—Жила въ Киевѣ, ходила въ гости ко Владиміру: см. его и II, стр. 52, 53, ст. 103 и дал.: 57, 58, ст. 146 и дал.—Пока Добрыня утѣжалъ, она сѣлазась старехонька: II, стр. 21, ст. 118.—Ср. княгинь-жорынь.

Жена Добрыни.

Настасья: II, стр. 3, ст. 27; 17, ст. 14, 15, 17; 20—22, ст. 64 и дал.: 30, ст. 237, 241; 31—40, ст. 295 и дал.

Мивулишна, Никулична: II, стр. 11, 13, ст. 14, 69; 20—22, ст. 64 и дал.: 30, ст. 237, 241; 31—40, ст. 295 и дал.

Настасья Гурьинна (испорчено изъ Мивулишна): II, стр. 17, ст. 14—16.

Акулина Мивулишна: II, стр. 11—14, ст. 14 и дал.; № 6 (Окулиншна).

Памельеа Тимоеевна: II, стр. 5, ст. 44.

Аграфена Григорьевна: II, стр. 14—16, ст. 7 и дал.

Въ дѣвухахъ полсала въ чистомъ полѣ: паленица, женщи-на великая; ежели попадался богатырь старый, рубила голову, а молодого въ полонъ брала: II, стр. 29, 30, ст. 200—252.

Встрѣчаетъ Добрыню въ полѣ, какъ цаленица, побиваетъ, сажаетъ въ барманъ, и, когда попра-

вдася, рѣшается за него выйти: II, стр. 29, 30, ст. 200—249.

Выходить за Добрыню: II, стр. 11, ст. 12—16 (когда онъ былъ двѣнадцати лѣтъ): стр. 30, ст. 250—252 (въ Киевѣ).

Получаетъ заповѣдь при прощаніи съ мужемъ, когда онъ утѣжалъ: II, стр. 3, ст. 25—34; 5, ст. 39—52; 11, 12, ст. 27—35; 15, ст. 37—41; 17, ст. 15—25; 20, ст. 76—85; 31, 32, ст. 293—312.

Упорно и долго ждетъ мужа, потомъ, обманутая, цапуганная и соблазненная выдана за Алешу Поповича: II, стр. 5, ст. 53—64; 12, ст. 36—54; 15, 16, ст. 48—55; 17, ст. 28—31; 21, ст. 100—107; 32, 33, ст. 313—369.

Хоть и выдана за Алешу, но онъ былъ ей немилъ: II, стр. 16, ст. 87.

Узнаетъ Добрыню на свадебномъ пирѣ, бросается къ нему, молить о прощеніи, получаетъ: II, стр. 9, ст. 187—194; 13, 14, ст. 73—112; 16, ст. 82—88; 22, ст. 163—169; 38—40, ст. 531—551; 588—590.

Смѣшана по имени со старшею сестрою Василисою Мивулишною (ср. ее), женою Дашлы: III, стр. 29—32, ст. 27 и дал.

Отношенія ея къ Василісѣ: IV, *Прилож.*, стр. CLXIV, CLXXII, CLXXIII.

Ср. Добрыню.

Катерина Никитична: II, стр. 45—48, ст. 45 и дал.

Сестра Добрыни: ср. его и II, стр. 43, ст. 86; 45—48, ст. 8 и дал.—Старше его: II, стр. 45, 46, ст. 8, 14, 47.

Удочеряет брата на жениться на Мерседо (ср. ее): II, стр. 45, ст. 8—13.—Спасает брата, пугая Марину и действуя на нее чарами: II, стр. 43, ст. 86—97.

Умѣла оборачивать (въ оборотна): II, стр. 43, ст. 90, 91; 46; 48, ст. 56, 106;—и сама оборачивается: II, стр. 46, ст. 49, 50.

Марья Дивовна: II, стр. 52, 53; ст. 99, 137.

Родная, любимая тетка Добрыни (ср. его), сестрица Владимира (ср. его) или матери Добрыниной (?): II, стр. 52, 53, ст. 98, 106, 124, 125, 130, 132; 137.

Была въ пѣну у Змища Герынчица (ср. его) и освобождает Добрыню: II, стр. 52, 53, ст. 97—137; тождество въ семь случаев съ Машею: см. ее в IV, *Прилож.*, стр. СLXXX.

Ср. выше нягнѣ-воярнѣ вокругъ Владимира.

Анна Ивановна: II, стр. 57, 58, ст. 150, 174, 180, 183. —

Настасья Ивановна: II, *Прилож.*, стр. XVI, XVI (ошибительно).

Добрыни на матушка крестован, любимая кумушка его матери: II, стр. 57, 58, ст. 151, 171, 173, 176; ср. оба эти лица.

Молодая: II, стр. 57, 58, ст. 150, 174, 183.—Честна вдова: II, стр. 57, ст. 150.

Жила въ Кіевѣ, хаживала на вечеринки ко Владимиру: II, стр. 57, 58, ст. 146 и дал.; ср. его и княгинѣ-воярнѣ вокруг.—Считаетъ себя въ Кіевѣ хитрѣ и мудрѣ Марины: II, стр. 58, ст. 190.—Но не хвастается на шру: II, стр. 58, ст. 191.—Умѣла оборачивать (въ оборотна): II, стр. 58, 59, ст. 192—194.—Бьетъ и напугиваетъ Марину, тѣмъ спасаетъ крестника: II, стр. 58, 59, ст. 185—194; ср. Добрыню и Марину.

Мивуда Микитичъ, отецъ Добрыниной жены (см. ее), тещъ Добрыни (см. его): II, *Прилож.*, стр. XVI, XVII.

Мивуда (Селяницовичъ) въ сказахъ какъ Иванъ Голь Воянскій, въ шутку и на выворотъ: III, *Прилож.*, стр. XXII, XXIII; см. Ив. Г. В.—Въ сходствѣ съ Иваномъ-дуракомъ,

Микла. Окедоръ понь. 111

Големи Войнскими (ср. ихъ),
Омою Берениковыми, Мужичокъ-кулачокъ, съ
ноготокъ, ворода съ локо-
токъ, Микла Четверт-
ной: IV, *Прилож.*, стр. СЛШ—
СЛIV.

Сотоварищъ и помощникъ Ива-
на-богатыря: см. его и
IV, *Прилож.*, стр. СLXII—
СLXXIII.

Окедоръ, отецъ Алеша По-
повича (ср. его), старшій понь
сворный въ Ростовъ: II,
стр. 75, 76, ст. 171, 172, 237,
238; 82, ст. 80, 83, 84; кромѣ
Алеша имѣлъ еще дочь и (въро-
ятно) сына Екима Иванови-
ча: ср. эти лица.

Сестра Алеша (см. его),
дочь попа Ростовскаго, спасенная
братомъ отъ Татаръ: II, стр. 81,
82, № 1.

Дочь Гостиня, бѣжавшая
отъ Алеша Поповича (ср.
его), разъѣздная, походная красна
лѣвица: I, стр. 5.—Встрѣчается,
бѣжавши, съ Ильей (ср. его):
тамъ.

Ср. Сестру Михайлы Ка-
зарянина, Жену Дуная,
Дарью Звродовичну, сест-

112 Звродовична и друг.

ру Звродовичей Наталью
или Настасью, Авраксью,
также IV, *Прилож.*, стр. ХCVIII,
ХСIX.

Наталья или Настасья
Звродовична, Звродович-
на, сестра братьевъ Звродови-
чей (см. ихъ): II, стр. 68,
69, ст. 25, 39, 59, 65, 74,
80, 85.

Бережется братьями, которые ея
хвастають, но обличается хвастов-
ствомъ Алеша Поповича (см.
его), испытывается братьями, го-
товится къ смерти, но спасается
Алешою, который беретъ ее за
мужь: II, стр. 67 — 69, № 3;
то же испытаніе, но убивается
братьями; стр. 64 — 67, № 1
и 2.

Ср. Жену Дуная, Дарью
Звродовичну, Авраксью,
Сестру Алеша Поповича и
Михайлы Казарянина, так-
же IV, *Прилож.*, стр. ХCVIII,
ХСIX.

Василій Ивановичъ, гро-
зенъ посоль: IV, стр. 61, 62, ст.
63, 96, 110 и дал. — Образецъ
(типъ) посла: ср. Василья Ка-
зимировича или Игнатъевича.

Невѣста Ивана Годинови́ча.

а)

Авдотья, Лебедь Вѣдая: III, стр. 11 — 19, ст. 67 и дал.;

Авдотьюшва: III, стр. 13 — 18, ст. 137 и дал.

Дочь цзя или короля Черниговскаго: ср. его и III, стр. 11—15, ст. 66 и дал.

Просватана у отца за Одолища поганана (ср. его) изъ невѣрной орды, но скоро сдалась, упрекнувъ отца, Ивану Годинови́чу (ср. его), скоро же передалась Одолищу и за то убита Иваномъ: III, стр. 13—19, ст. 137 и дал.

Ея описаніе. Ростомъ не мала, умомъ — по однимъ крѣпка, по другимъ (и въ дѣйствительности) слава, лицо бѣло какъ осенній снѣгъ, брови черны какъ у соболя, очи ясны какъ у сокола; на головкѣ бѣлы лебеди, на лѣвомъ плечѣ черны соболя, на правомъ ясны соколы, на прешестяхъ (въ станкѣ) сизы голуби, на подножкахъ черны вороны: III, стр. 11, 14, ст. 68—80, 164—165.

б)

Настасья Дмитревна: III, стр. 21 — 27, ст. 41, 42 и дал.

Душка: III, стр. 23—27, ст. 121 и дал.

Дочь Дмитрія богатаго гостя Черниговскаго: ср. его и III, стр. 21—24, ст. 37 и дал.

Просватана у отца за цзя Афромея Афромеевича (ср. его) въ землю Загорскую, но увезена Иваномъ Годинови́чемъ (ср. его), однако передалась Афромею и за то убита Иваномъ: III, стр. 21—27, ст. 41—266.

Димитрій Гость: III, стр. 20—24, ст. 20, 35, 37, 65, 113, 117, 119, 122, 137, 144.

Богатыи: III, стр. 20—23, ст. 20, 113, 117, 122.—**Славныи:** III, стр. 24, ст. 144.

Живеть въ Черниговѣ: III, стр. 20, ст. 19 и дал., № 2.—**Не уважаетъ Владимира:** III, стр. 21, ст. 37 и дал.

У него дочь Настасья (ср. ее), которую просваталъ было за цзя Афромея (ср. его) изъ земли Загорской, но приневоленъ отдать за Ивана Годинови́ча: ср. его и III, стр. 21 — 24, ст. 37—151.

Ср. Короля или Цзя, Владыку, Воеводу Черниговскаго.

Королевна Труда (Гертруда?): IV, *Прилож.*, стр. XLV; въ сказкѣ, невѣста Ивана-богатыря, подъ именемъ Силы-царевича: ср. его.

Елена Прекрасная, сестра **Ивана-богатыря** (Ивана-царевича), сопровождающая его въ переходѣхъ, подь конецъ ему враждебная (по сказкамъ); иногда невѣста Ивана); III, *Прилож.*, стр. XXV, XXVI; IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLXIV — CLXXI; CLXXVI; ср. **Ивана-богатыря**.

Марья Царевна, сестра **Ивана-богатыря** (Ивана-царевича); III, *Прилож.*, стр. XLII; IV, *Прилож.*, стр. CLVI, CLX; ср. **Ивана-богатыря**.

Выславъ, отецъ **Ивана-царевича**; ср. его и III, *Прилож.*, стр. XXXI, XXXII.

Булатъ молодецъ, помогающій за благодаріе **Ивану-богатырю**; см. сего послѣдняго (по сказкамъ).

Низаноръ-богатырь, помогающій **Ивану-богатырю** (ср. его; по сказкамъ); IV, *Прилож.*, стр. CXI, CLXII; ср. **Аннѣ у Воина-царевича**.

Катома-дядька, **Дубовая Шапка**, помогающій **Ивану-бо-**

гатырю (ср. его; по сказкамъ); IV, *Прилож.*, стр. XLVI, CLVI, CLXII.

Морозъ-Трескунъ, **Объѣдало** и **Опивало**, **Вихоръ Вихрѣвичъ**, **Громъ**, **Градъ**, товарищи и помощники **Ивана-богатыря** въ его переходѣхъ (ср. его; сказки); IV, *Прилож.*, стр. CLVII, CLVIII.

Кручина (по сказкамъ, въ былинѣхъ — **Боре**), также помощникъ **Ивана**; ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLIX.

Ерусланъ или **Еруслонъ Дазаревичъ**. — Его дѣло съ **Иваномъ-Русскимъ-богатыремъ** и **Иваномъ-Белюю Епанчей**; ср. ихъ и III, *Прилож.*, стр. XII — XVI (сказка); — Въ службѣ у **Ивана-Голя-Войнскаго**; ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLII.

Бова Королевинъ сынъ, Королевичъ. — Въ службѣ у **Ивана-Голя-Войнскаго** (ср. его; по сказкамъ); IV, *Прилож.*, стр. CLII. — Въ связи съ нѣкоторыми Русскими богатырями и особенно сказочнымъ **Иваномъ**; ср.

Жена Дуная: 117 |
его и тж.; стр. CLXXXIII —
СХСIII. — Там же смотри Друж-
невну и прочія связанныя съ Бо-
вою лица.

Жена Дуная:
Дарья Бродовишна (Збро-
довична): III, стр. 56, ст. 16.

Настасья королевична:
III, стр. 59 — 69, ст. 10 и дал.;
71—80, ст. 40 и дал.

Меньшая дочь короля Мяхо-
винскаго (ср. его), совзатанная
Дунаемъ (ср. его) при случаѣ,
когда совзаталъ онъ старшую за
Владимира (ср. его): III, стр.
54, 55, ст. 69 — 109; старшая
дочь того же короля и старшая сест-
ра Апраксии, жены Владимиро-
вой (ср. ее); полюбила Дуная, ког-
да онъ жилъ въ службѣ у ея отца;
когда онъ ею развѣстался и погубъ
было, списла его; взяла ное во чне-
то поле поляковать, взята Дунаемъ
съ бою: III, стр. 59—67, ст. 10—
245; старшая дочь гроднаго короля
Етмануила Етмануиловича
(ср. его) и сестра Апраксии, взята
Дунаемъ съ бою: III, стр. 71—77,
ст. 40, 214—267.

Оскорбила мужа на пиру, похва-
стлась своею меткою стрѣльбой;
поздно схохватилась просить про-
щения, убита опьянѣвшимъ мужемъ,
по смерти же въ распоротомъ жи-
вотѣ у нея найдено дивное дитя (по
нѣкоторымъ двое дѣтей): III, стр.

118 | Жена Потокана Авдотья,
55, 56, ст. 116—137; 56—58,
ст. 15—63; 68, 69, ст. 252 —
284; погубла также точно по хва-
стовству сестры Апраксии: стр. 78—
80; ст. 311 и дал.

Ср. сестру Збродовичей,
Наталью или Настасью,
сестру Михайлы Казарича,
нина и Алеши Поповаича;
Апраксию, также IV; При-
лож., стр. ХСVIII, ХСIX.

Сынъ Дуная (ср. его):
Удалъ молодець, пролил ей прежде
времени, когда отецъ равнороль ея
матери утробу; а если бы доносился
еще три часа, то сынъ былъ бы въ
семь семеричъ попрыжъ и облуче
самого Дуная: III, стр. 80; ст.
372—377.

Жена Потокана или Потыка

Жена Потокана или Потыка:
— 77—77 (2).

Авдотья: IV, стр. 94 — 58,
ст. 73 — 231; Авдотьюшка:
IV, стр. 53—56; ст. 53—162.

Лиховидьевна: IV, стр. 53—
58, ст. 53—231.

Лебедь Вѣлая: IV, стр. 53,
ст. 36—55; 54, ст. 81.

Ср. Потокана или Потыка:
IV; Прилож., стр. XXXI —
(сказки о ней, гдѣ она, между про-
чимъ; подъ именемъ королевичы
Трады, ср. сію посылкою):

Изъ Лебеди Бѣлой обернулаеъ душой красной дѣвицей, полюбилась Потоку, положила съ нимъ зарокъ—кто прежде умретъ, обонитъ лечь въ могилу, полетѣла Лебедью къ Киеву, перегнала Потока, послѣ вечера вѣчались тамъ и снова приняли присягу на зарокъ, жила съ Потокомъ въ первый разъ только полтора года, искала мудрости надъ мужемъ своимъ — какъ бы погубить его, обмерла, погребена вѣстѣ съ живымъ мужемъ, тамъ спасена мужемъ отъ змѣи и головою его воскрешена, еретница, святой водой поновлена, и во второй разъ жила съ Потокомъ до смерти его, а тогда живая погребена съ мужемъ: IV, стр. 53 — 59, ст. 35—232.

6)

Анна Прекрасная Юродивная, вторая (очищенная) жена П о т о к а : ср. его и IV, *Прилож.*, стр. XXXIX — XLVII (иногда Н а с т а с ъ я), CLXXX.

Она же Богатырь-Дѣвица, Царь-дѣвица, невеста Ивана, дѣйствующая одинаково съ Волшаномъ (ср. его), по волшебной книгѣ, потомъ (по укрощеніи) жена Ивана (сказки): ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLV — CLVII, CLIX, CLXX, CLXXI.

Родство ея съ Василисой Премудрой (ср. ее; двѣ поло-

120 Василиса Микулична
вныи одного существа); IV, *Прилож.*, стр. CLXIII—CLXXX.

Василиса Микулична : III, стр. 33—38, ст. 53 и дал.; IV, стр. 62, ст. 112.

а)

Жена Давиды (Ловчанина, Денисьевича; см. его): III, стр. 29—32, ст. 26 и дал.; 33—38, ст. 50 и дал.

Грозная (прозвище): III, стр. 29 — 31, ст. 27, 60, 69, 115, 116, 122. — Ея описаніе. Есть съ кѣмъ думу подумати, слово промолвити, есть кѣмъ при пирѣ при бесѣдушкѣ похвалятися, есть кому поклонитися: III, стр. 29, ст. 19—34; не нахаживали такой красавицы, не выдывали такой пригожацы, лицомъ красна и умомъ сверетна, Русскую умѣла больно грамоту и четью-пѣтью горазда церковному; есть дого назвать матушкой и ведичать государыней: стр. 33, ст. 50—58.

Передѣвалась молодцомъ; бѣдила въ полѣ (поляницей): III, стр. 35, ст. 107 — 109. — Не гнѣвалась на грубыя слова мужа: III, стр. 35, ст. 129. — По ней, когда умерла, плакали богатыри: III, стр. 38, ст. 212. — Звали ее матушкой: III, стр. 38, ст. 215.

Изъ за нея Владимиръ (ср. его) губить мужа ея, хочеть ее

взять за себя, но она, не извѣняя любви, убиваетъ себя надъ тѣломъ мужа: III, стр. 29—32, ст. 23 и дал.; 32—38, ст. 50 и дал.

Смѣшана съ Настасьей Миклушиной, женою Добрыни: ср. ее III, стр. 29—32, ст. 27 и дал.

Ср. III, *Прилож.*, стр. III (по сказкамъ, Василиса Попова, Василиса Прекрасная, Василиса Золотая Коса); IV, *Прилож.*, стр. XVI, XVII.

6)

Молодая Ставрова жена: IV, стр. 60—68, ст. 48, 50 — 259: ср. Ставра.

Ея описаніе. По двору идетъ — будто уточка плыветъ, а погоренкѣ идетъ — частенько ступаетъ, а на лавицу садится — колѣнца жметъ, ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, носила перстни: IV, стр. 62, 63, ст. 114—118 и прим. — Волосы черныя: IV, стр. 62, ст. 58 и прим.

Узнавши, что мужъ ея, Ставрѣ, посаженъ въ Кіевѣ въ тюрьму, а ее велѣно взять ко Владиміру (ср. его), остригла волосы, одѣлась грознымъ посломъ (ср. выше прозвище грозня), назвалась Васильемъ Ивановичемъ (ср. его), поѣхала въ Кіевъ, никѣмъ не узнана (кромя Апраксин, которой не повѣрилъ; ср. ее), поборола борцовъ, перестрѣла богатырей изъ лука, обыграла Владиміра въ шах-

маты, довела до того, что онъ отдавалъ себя съ женою въ кабалу, попросила веселыхъ молодцовъ-скомароховъ, и, когда привели Ставра, помирилась на немъ, взяла вмѣсто даней его одного, не узнана сначала самими мужемъ, отѣхавши отъ Кіева открылась ему и спасши его воротилась съ нимъ домой: IV, стр. 60—68, ст. 45—264.

Ср. III, *Прилож.*, стр. III; IV, *Прилож.*, стр. XVII; стр. LI—LV (въ сказкахъ, Василиса Золотая Коса, Василиса Прекрасная, Премудрая, Мудрая и Лѣнообразая, Попова).

Василиса Премудрая, подруга, невѣста, жена Ивана-богатыря (ср. его; въ сказкахъ): IV, *Прилож.*, стр. CLXII—CLXXVIII.

Царь Вархатъ: IV, *Прилож.*, стр. LIII—LV (въ сказкѣ, относительно Васильясы занимаетъ мѣсто мягкаго и ласковаго Владиміра: ср. эти лица).

Пленъ (Плѣнъ): IV, стр. 82, ст. 124; Пленка (Плѣнка): IV, стр. 82, 83, ст. 130—152.—Сароженинъ: IV, стр. 82, 83, ст. 130—152 и прим.

Старой: IV, стр. 82, 83, ст. 124—152.

Отець Чурилы (см. его); принимаетъ у себя въ дому, въ Маломъ Клевцѣ, на рѣкѣ Черрегѣ или Сарогѣ, прѣбывающаго Владимира (ср. его) съ княгиней, князьями-боярами, Бермятою (ср. его), богатырями, Доврынею (ср. его), и т.д.: отворяетъ трѣи ворота; угощаетъ; успокоиваетъ, когда перенугались подѣзжавшаго Чурилы: IV, стр. 82, 83, ст. 123—164.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. LXXX—LXXXIII.

Дюкова матушка: III, стр. 102—106, ст. 156—184; ср.

Жила въ Волицѣ Галичѣемъ (на Волини и Галицкой Руси), за Корелюю богатою: III, стр. 101, ст. 2, 3.

Честна вдова, много-разумная: III, стр. 105, 106, ст. 159, 174, 179.

Покупала у гостей-корабельщиковъ перья орла Камскаго и перила стрѣлы сыну: III, стр. 102, ст. 44—57. — У ней печки были муравлены, подики мѣдные, помелечко шелковое, въ сыту медвяную обмакивають, колачики съѣшь—больше-хочется: III, стр. 104, ст. 124—129. — У ней въ высокихъ теремахъ хорошо было изукрашено,

на диво: III, стр. 105, ст. 156—162. — У ней былъ въ гостяхъ Владимиръ (ср. его) съ князьями-боярами и Чурилою Пленковичемъ (ср. его), одаренъ былъ отъ нея дорогими подарками: III, стр. 105, 106, ст. 155—184.

Сестра Михайлы Казарянина. III, IV, ст. 137—243.

Марѳа Петровична: IV, стр. 95—98, ст. 137—243.

Дочь гостинная изъ Волицы города изъ Галичья: IV, стр. 97, ст. 190—198. — Русская дѣвица Положнячка: IV, стр. 95—96, ст. 138—182. — Красна дѣвица, молода, родная сестра, сестрица родимая Михайлы: IV, стр. 95—98, ст. 137—242. — У ней русая коса: IV, стр. 96, ст. 154—158.

Со своей матушкою гуляла въ саду; наѣхали Татары, полонили, отвезли въ чисто поле; тамъ горько плакала, а Татары утѣшали, что отдадутъ за мирнаго Татарина; Михайло Казарянинъ узналъ о томъ отъ вѣщаго ворона, побилъ Татаръ, отнял сестру и привезъ въ Кіевъ: IV, стр. 95—98, ст. 130—243; ср. Михайлову сестру Алешу Поповича, сестру Збродовичей, Наталью или Настасью, жену Дуная Дарью Збродовичну,

Мать Соловья Будимир. 125

Апраксiю, также IV, *Прилож.*, стр. ХСVIII, ХСIX.

Мать Соловья Будимировича; ср. его.

Соловьева матушка: IV, стр. 104, 105, ст. 163, 190.

Амелова Тимофеевна: IV, стр. 105, 106, ст. 191, 232.

Честна вдова: IV, стр. 105, 106, ст. 191, 232.

Провѣдавши о томъ, что сынъ ея совсватался на племянницѣ Владиміровой Запавъ Путятинъ (ср. ее), отсрочила свадьбу, заставивъ сына съѣздить прежде за моря синія и тамъ разторговаться: IV, стр. 105, ст. 190—195.

Остальныхъ женщинъ при богатыряхъ см. выше въ числѣ Княгинь-боярынь вокругъ Владиміра.

Давидъ Поповъ: IV, стр. 105—107, ст. 197—266.

Голой шапъ (голо-шапъ, пустынный щеголь): IV, стр. 105—107, ст. 197—266.

Торговецъ, ѣздившій за моря: IV, стр. 105, ст. 197, 198.

Въ одно время съ Соловьемъ Будимировичемъ (ср. его) поѣхалъ торговать изъ Кіева за моря; скоро исторговался, скорѣй назадъ

126 **Давидъ Поповъ.**

прибѣжалъ, привезъ влохiе подарки, нагаль на Соловья, что будто бы видѣлъ въ заморскомъ городѣ Леденцѣ; Владиміръ (см. его) съ женою рѣшила за него выдать племянницу, Запаву Путятинну (см. ее), обвинчали; но Соловей вернулся благополучно, Запава перешла къ нему, а Давида осрамила: IV, стр. 105—107, ст. 197—267.

а)

Владыка Черниговскій: II, стр. 77, ст. 269 (держитъ споръ и закладъ противъ Кіевлянъ за **Алешу Поповича**); III, стр. 5, 8, ст. 54—58, 143—149 (противъ Кіевлянъ и Владиміра за **Ивана Гостинаго**; выигравши споръ, захватываетъ въ Кіевѣ корабли съ товарами, надѣется захватить князей и бояръ).

б)

Воевода Черниговскій: I, стр. 36, ст. 60—77 (за спасеніе Чернигова, хочетъ перенять **Илью** къ себѣ на службу, а тотъ нейдетъ); *Прилож.*, стр. XVIII (благодаренъ за спасеніе Чернигова, угощаетъ **Илью**).

в)

Король или царь Черниговъ (=Черниговскій): III,

Черниговецъ; Данило; 127
стр. 11 — 15, ст. 66, 75, 110,
202; Черниговецъ, вольный
Черниговецъ: III, стр. 12 —
15, ст. 123, 135, 178, 205,
207 — 211. — Въ спорѣ и неудо-
вольствіяхъ съ Владиміромъ:
III, стр. 11, ст. 74, 75. — У него
служилъ Иванъ Годиновичъ
въ столовыхъ ключникахъ: III,
стр. 13, ст. 125 — 128. — У него дочь
Авдотья Лебедь Бѣлая (ср.
ее), которую просваталъ было за
поганого Одолица (ср. его) изъ
небѣрной Орды, но приневоленъ от-
дать за Ивана Годиновича:
III, стр. 11 — 15, ст. 64 — 214.

III **Князь Сиверскій** (Сѣвер-
скій): I, *Прилож.*, стр. XVIII
(за спасеніе Чернигова угощаетъ
Илью).
Ср. Дмитрія Гостя Чер-
ниговскаго, Ивана Годи-
новича, Ивана Гостицаго,
Алешу Поповича, Илью и
Владимира.

Данило Заморнинъ, с ко-
морохъ: II, стр. 16, ст. 69 (за
него выдаетъ себя Добрыня; ср.
его).

Василій Буслаевичъ: IV,
стр. 108, ст. 7. — Гибнетъ вмѣстѣ
съ другими шестерыми Русскими ви-

128 **Буслаевъ; Малюта**.
тязями на Сафать-рѣкъ отъ си-
лы нездѣшней, бѣжить въ пе-
щеры, каменѣтъ (сомнитель-
но): IV, стр. 108 — 115. При
этомъ выводится названнымъ братомъ
съ Годенкомъ Блудови-
чемъ, Васильемъ Казими-
ровичемъ, Иваномъ Гости-
нымъ сыномъ Алешю,
Добрынею и Ильєю.

Малюта Воскурлатовъ
сынъ, близкій ко Владиміру,
указываетъ ему, черезъ кого искать
невесту, отыскиваетъ Дунаю и
приводитъ ко Владиміру: III, стр.
62, 63, ст. 90 — 137 (смѣшанъ съ
Алешю Поповичемъ); ср.
IV, *Прилож.*, стр. LVIII, и вы-
ше, въ Князьяхъ-боярахъ во-
кругъ Владиміра.

Скурлаты (палачи, отъ имени
Малюты Скурлатова): I, стр.
67, 68, ст. 57, 91.

*

Суровень: III, стр. 107 —
110, ст. 2, 24, 72, 93, 98; **Су-**
ровецъ: III, стр. 110 — 112, ст.
3, 4, 25, 26, 74, 75; *Прилож.*,
стр. IX, X; IV, *Прилож.*, стр.
XXVII — XXIX.

Сынъ Ивановичъ: IV, *При-*
лож., стр. XXVII, XXIX.

Суздалецъ: III, стр. 107 —
110, ст. 2, 24, 72, 93, 98; *При-*
лож., стр. IX, X.

Суровець - Суздальць. 129

Сурожениць: III, стр. 110—112, ст. 4, 26, 75.

Заморениць: III, *Прилож.*, стр. IX, X.

Жилъ на Русь: III, стр. 110, ст. 3.—По роду—города Суздалья: III, стр. 110, ст. 5.

Сынъ отца гостя богатаго: III, стр. 110, ст. 6; *Прилож.*, стр. IX, X.—**Богатъ:** III, стр. 107—110, ст. 2, 24, 72, 93, 98.—**Охотничекъ**, охочъ взидеть за охотою: III, стр. 107, ст. 1; стр. 110, ст. 7.—**Молодецъ:** III, стр. 107—110, ст. 6 и дал.—**Богатырь:** III, стр. 110—112, ст. 4, 26, 75; *Прилож.*, стр. IX, X; IV, *Прилож.*, стр. XXVII—XXIX.

Взидь въ поля, хотѣлъ было убить ворона, воронъ указалъ на врага—Татарскаго царя; похѣлъ туда, побилъ Татаръ, прихватилъ царя: III, стр. 107—112, № 1 и 2; по другимъ—мирно разстался съ Татарскимъ княземъ: IV, *Прилож.*, стр. XXVII—XXIX; Ср. Кумбала, Курвана, Кургана, Кунгура и проч.

Полевалъ, потомъ взидь къ городу Покидошу, гдѣ принять в угощенъ княземъ Михайломъ Ефимонтъевичемъ: ср. его и III, *Прилож.*, стр. IX, X.

Молодцы удалые Суздальцы: III, стр. 10, ст. 39, 40 (ихъ не было въ Кіевѣ при Владиміръ).

130 Саулъ, Сауръ, псынь

Ср. III, *Прилож.*, стр. УИ—Х.

Михайло Ефимонтъевичъ, князь въ городѣ Покидошѣ, христіанскій, принявшій и угощавшій Суровца-Суздальца: ср. его и III, *Прилож.*, стр. IX, X; IV, *Прилож.*, стр. CXVIII.

Саулъ: III, стр. 116—124, ст. 1—307; **Сауръ:** III, стр. 113—115; ст. 2—86.—**Леванидовичъ:** III, стр. 116—124, ст. 1—307; **Сынъ Ванидовичъ:** III, стр. 113—115, ст. 2—86.

Князь: III, стр. 113—115, ст. 2—86.—**Царь:** III, стр. 116—124, ст. 1—307.—**Въ царствѣ Алыверскомъ:** см. царство Алыверское.—**Нить** жену Елену Александровну, Азвяковну: см. ея.—**Сына Константина:** см. его.

Ходилъ подъ царство Латвиское, Латвиское, Сорочинское, въ дальну орду—Половецку землю; между тѣмъ родила молодая жена; по одной пѣсни попалъ въ плѣтъ и освобожденъ сыномъ, по другой—освободилъ сына: III, стр. 113—124, № 1 и 2.

Ср. III, *Прилож.*, стр. X.

— **Константинушка Саудовичъ:** III, стр. 117 — 124, ст. 30—309.

Сынъ Саула Леванидовича или Саура Ванюдовича (ср. его), рожденный въ его отсутствие и отправившійся искать отца; попалъ по однимъ пѣснямъ въ царство Сорочинское, по другимъ въ Угличь, гдѣ избавляетъ отца отъ плѣна или имъ избавленъ; описанъ какъ сильный, но очень молодой и неопытный богатырь: III, стр. 113—116, ст. 17 — 93; 117 — 124, ст. 28 — 313. — Имѣлъ Мать Елену Александровну, Азвяковну, которая родила его отъ Змѣя, воспитала, и проч.: см. ее.

— **Царица Елена Александровна, Азвяковна:** III, стр. 116—124, ст. 5—310.

— Молода, жена Саула Леванидовича, въ отсутствие его родившая сына Константинушку (см. ихъ обоихъ) и отправившая его искать отца: III, стр. 113, 114, ст. 9 — 42; стр. 115, 116, ст. 90—93; 116—119, ст. 5—108; 122; ст. 227 — 241; 124, ст. 307—310.

— **Царь Константинъ Боголюбовъ, Боголюбовичъ:** IV, стр. 22—36, № 5; 23—38, *разн.*

— **Ерусалимскій:** IV, стр. 22 — 38, № 5. — **Цареградскій:** IV, *разн.*, стр. 23—38.

Его жена—Елена Александровна: ср. ее и IV, стр. 22—25, № 5; 23—38, *разн.*

Его спасаетъ Пльа отъ Идоша: см. эти два лица.

Въ Царьградѣ держитъ при себѣ богатырей, между прочимъ Идола Скоропята и Тугарина Змиевича (см. ихъ); богатыри его собираются на Кіевъ, но побиваются Русскими, кромѣ Идолица и Тугарина, которые возвращены: IV, *разн.*, стр. 23—38.

— **Царица Елена Александровна:** IV, стр. 22—25, № 5; 23—38, *разн.*

— **Ерусалимская, жена Константина Боголюбовича:** см. его и IV, стр. 22—25, № 5. — **Цареградская, жена Константина Боголюбовича:** см. его и IV, *разн.*, стр. 23—38.

— Заступается въ Царьградѣ за Тугарина Змиевича (ср. его), по просьбѣ его матери: IV, *разн.*, стр. 34, 35.

— **Анига, Оника, Воишь:** IV, стр. 115—138.

Жилъ во славномъ городѣ Евлесе (Едесѣ?): IV, стр. 119, *разн.*

Храбрый человекъ: IV, стр. 119, ст. 2 и *разн.*; 121, ст. 40; 129, ст. 1; 136, ст. 2.

Богатый: IV, стр. 115, *разн.*; 118, ст. 51, *разн.*; 123, ст. 69; 124, *разн.*; 132, 133, ст. 84, 85 и дал.

Сильный и славный: IV, стр. 136, ст. 1.

Жилъ 220 лѣтъ: IV, стр. 115, ст. 1, 2; 390 лѣтъ: *разн.*; 222 года: стр. 119, *разн.*; много по землѣ походилъ: стр. 129, ст. 2.

Разорялъ пустыни и монастыри: IV, стр. 115, *разн.*; много половилъ и покорилъ царей и царицъ, королей, королевичей и сильныхъ — могучихъ богатыхъ, много Латынской силы облатывилъ, много Русской силы побѣждалъ: стр. 119, ст. 3 — 7 и *разн.*; воевалъ, соборныя церкви разбивалъ, Русскую кровь проливалъ: стр. 122, *разн.*; казна его кровавая: стр. 118, ст. 56; стр. 123, ст. 73; казна его не трудовая, праховая, слезовая, съ кроволитъя нажитая: стр. 125, *разн.*; стр. 132, ст. 93 — 96; много войны повоевалъ, городовъ разорялъ, церкви растворялъ, ликъ Божіихъ поругалъ, святыхъ иконъ перекололъ, много христіанской вѣры облатывилъ: стр. 129, 130, ст. 2—8; много побилъ царей и королей, и сильныхъ богатыхъ: стр. 136, ст. 17, 18.

Все пасся да берегся Смерти: IV, стр. 115, *разн.*

Доживалъ оставное, последнее время: IV, стр. 115, ст. 3.

Положилъ намѣреніе и похвалялся разорить Ерусалимъ и всю его святыню: IV, стр. 115, ст. 4 — 9; *разн.*; стр. 119, ст. 8 — 12; стр. 120, *разн.*; стр. 130, ст. 9—20.

Бѣдя по полю, по пути къ Ерусалиму, повстрѣчалъ Смерть (ср. ее); сначала дивился Чуду и даже смѣялся; потомъ началъ хвалиться и пугать Смерть; скоро ослабѣлъ и началъ умолять Смерть, называя ее родной матерью, общая подѣлиться съ ней казною, списать ея ликъ на икону, почитать ее какъ Бога; просился и домой, общая казну раздать на пользу душъ, увѣряя, что у него отецъ и мать, жена — дѣти, друзья — пріятель, нужно проститься; просилъ сроку на года, на часы; Смерть все отвергла и опровергла, Аника подкошенъ и подпилень, конецъ какъ въ Стихахъ о богатомъ Лазарѣ: IV, стр. 115—138.

Ср. Святогора, Никанора — богатыхъ и IV, *Прилож.*, стр. СIII—СXIII.

Осипъ Прекрасный. Всѣхъ больше по природѣ отличался красотою: II, стр. 31, ст. 279; ср. IV, *Прилож.*, стр. L, СXVI.

Царь Давидъ Евсеевичъ: III, *Прилож.*, стр. VIII (какъ примѣръ отдаленнаго времени).

Старець Макарій Захаревичъ, современникъ Давида: III, *Прилож.*, стр. VIII (какъ примѣръ отдаленнаго времени).

Царь Александръ Македонскій: IV, *Прилож.*, стр.

CVIII—CX (въ сказаніи; сходство съ Пльею Муромцемъ, ср. его).

Акиръ Премудрый: IV, *Прилож.*, стр. CIX (сказаніе.).

Ср. выше, въ Старшихъ Богатыряхъ, Самсона и Олоферна.

ВРАГЪ.

Борисъ Козловъ: I, стр. 6, ст. 9, 18; Борисово: стр. 9, ст. 65; 10, ст. 96 и др.—Збуць Борисъ королевичъ: I, стр. 12, 13, ст. 33—100.

Паленца: IV, стр. 13—17, ст. 9 и дал.—Татарченко-бусурманченко: I, стр. 2, 3.—Нахвальщичекъ: I, стр. 54, ст. 92.—Сокольникъ, сокольникъ, сокольщичекъ: I, стр. 54, 55, ст. 91, 99, 105, 118; IV, стр. 16—18, ст. 113 и дал.; описанъ какъ соколиный охотникъ: I, стр. 8, ст. 31—33; IV, стр. 13, ст. 11, 12; соколиный игончій: I, стр. 12, ст. 35—44.

Смѣшанъ съ богатыремъ Жидовникомъ: см. его и I, стр.

54—56; IV, стр. 12—18, № 3.

Бѣль: I, стр. 6, ст. 9, 18; груди черныя: стр. 54, ст. 76, 94; малый отрокъ: стр. 10, ст. 101; наносокъ востеръ: стр. 10, ст. 96; у стремени прикована Змѣя Горынская: IV, стр. 13, ст. 13; описаніе его вышины, ширины, головы, глазъ (но здѣсь смѣшанъ вообще съ Татарникомъ): I, стр. 4, ст. 35—39.

Милый сынъ Короля Задонскаго: см. его и I, стр. 13, ст. 74—84.—Дѣйствительный сынъ Пльи Муромца: см. его и I, стр. 10, ст. 112—115; 13, ст. 74—107; 54, 55, ст. 110—119; IV, стр. 17, ст. 149—161.—Отношенія его къ матери: см. ее и I, стр. 10, ст. 110—115; 13,

ст. 83—107; 54, 55, ст. 93—121; IV, стр. 17, ст. 144—161; убиваетъ мать: I, стр. 55, ст. 120, 121.

Битва его съ Алешей Попоничемъ: см. его и I, стр. 9; битва съ Ильєю и смерть: см. его и I, стр. 2—14; стр. 54—56 (смѣшанъ съ Жидовномъ); IV, стр. 13—18 (то же).

Мать Звута: ср. его.

Амелеа Тимоеевна. Вдова, родившая Збута отъ Ильи: см. его и I, стр. 54, 55, ст. 93—121; убита сыномъ: *тж.*, ст. 120, 121; то же, что Баба Латышрка: см. ее и IV, стр. 17, ст. 144—161.

Баба Латышрка: IV, стр. 17, ст. 144—161. (то же, что Амелеа Тимоеевна, см. ее); *Прилож.*, стр. I, V, VII, VIII.

Баба Латышрка: IV, *Прилож.*, стр. IV, V, VII.

Жена Короля Задвнскаго: см. его и I, стр. 13, ст. 74—97; —Мать Бориса Звута: см. его и I, стр. 2, ст. 46; 10, ст. 110—115; 13, ст. 79, 85, 98; IV, стр. 17, ст. 144—161; —отъ Ильи: см. его и I, стр. 10, ст. 115; 13, ст. 74—107; IV, стр. 17, ст. 144—161. —Кума Ильи: I, стр. 2, ст. 46.

Баба Горышница: I, стр. 11, ст. 18, 19, 22; 14, ст. 111, 120, 128—144.

Владѣеть влатомъ-серебромъ, ведетъ Илью и Доврыню (см. ихъ) въ глубокий погребъ, гдѣ ея золотая казна: I, стр. 14, 15, ст. 131—140; борется съ Доврыней и погибаетъ отъ него: I, стр. 11, 14, 15, ст. 15—27, 111—144.

Прекрасная королевица. У нея теремъ, подъ кроватью подземелье, въ подземельѣ пѣнники; хочетъ обольстить Илью Муромца (ср. его), но онъ, арвавшись къ ней въ подземелье, убиваетъ ее, а пѣнниковъ выпускаетъ: I, стр. 88, 89, ст. 70—98.

Бабица Мамашина. Борется, за Мамла (см. его), съ Ермакомъ (см. его), и отъ него погибаетъ по указанію Ильи (см. его): I, стр. 64—66, ст. 226—283. —Ея описаніе. Головица съ дощанице, глазищи съ ривны корды: I, стр. 64, ст. 227, 228.

Баба-Яга, востанная нога. По сказкѣ, то помещица, то врагъ Ивану-богатырю: см. его и III, *Прилож.*, стр. XVIII, XX; IV, *Прилож.*, стр. VII, CLVII.

Соловей-разбойникъ: выш. I, IV, и др.; **Соловейко:** I, стр. 36—39; **разбойничекъ:** I, стр. 2, ст. 52; 31, ст. 12; 33, ст. 65 и др.; **воръ-разбойничекъ:** I, стр. 77, ст. 19 и дал. — **Ахматовъ, Ахматовичъ:** I, стр. 78, 79, 82, 83, 84, ст. 50, 91, 204, 225, 252; **Атамановичъ:** I, стр. 83, ст. 222.

Алатырецъ некрещеный: IV, стр. 2, ст. 47, 64; *Прилож.*, стр. I, VII. — **Чудь:** IV, стр. 4, ст. 86; **Чудяще:** стр. 2, 3. — **Сопостать великий:** I, стр. 84, ст. 250.

Заложилъ дорогу между Клевомъ и Черниговомъ, никого не пропускаетъ: I, стр. 30, ст. 178, 179; 33, ст. 94, 92; 36, ст. 82, 85—87; 44, ст. 10; 45, ст. 133, 134; 77, ст. 16—22; 82, ст. 198—201; IV, стр. 2, 3, ст. 46—45. — **Ветхъ побиваетъ:** I, стр. 30, ст. 180. — **Воятъ мужиковъ (мужчинъ) въ плънь:** I, стр. 28, ст. 130.

У него на дубахъ теплогнъздъ: I, стр. 79, ст. 79; 87. — **Сидятъ на трехъ дубахъ:** I, стр. 30, 31, ст. 10—19; — на семи: стр. 41, ст. 38; — на девяти: стр. 42, ст. 30; IV, стр. 3, ст. 52, 53; — на двѣнадцати: I, *Прилож.*, стр. XIX (сказка); — на тридцяти: I, стр. 36, 37, ст. 86, 101.

У него крылья: I, стр. 28, ст. 122.

Его соловьиный советъ: I, стр. 28, ст. 114, 115; 30, 31, ст. 189—197, 13—17; 33, ст. 70; 34, ст. 98—106; 36, ст. 91, 92; 38, 39, ст. 161—174; 42, ст. 35; 78, 83, 84; *Прилож.*, стр. XIX—XXI; IV, стр. 3, ст. 54—57. — **Шнъкъ зычный:** I, стр. 42, ст. 36; 78, 83, ст. 56, 240. — **Зрявкаетъ по звериному:** I, стр. 42, ст. 37; 78, 84, ст. 55, 241. — **Бьетъ въ ладоши:** I, стр. 78, 83, ст. 54, 239.

Кромѣ гнъзда на дубахъ, у него домъ, въ дому богатство: I, стр. 28, 29, 37, 43, 44, 80; *Прилож.*, стр. XIX; IV, стр. 3.

Въ семьѣ кровососъ съшителъ: I, стр. 37, ст. 120—122. — У него молодая жена, хитрая и мудрая: I, стр. 43, ст. 58, 59, 66, 90; — со дѣтками и со дѣвками: I, стр. 77, ст. 20; — малы дѣточки, дѣтѣшки: IV, стр. 3, ст. 71—76; — семь сыновей: I, стр. 80, ст. 103 и дал.; — дѣвять: I, стр. 43, 44, ст. 69—97; *Прилож.*, стр. XXXIII, XXXIV (преданіе); — двѣ дочери, старшая **Катюшенька** перевозила черезъ Дунай, хотѣла убить Илью (снего), убита имъ: I, стр. 28, ст. 125, 139; 37, ст. 107, 110; 84, ст. 142—163; *Прилож.*, стр. XIX, XX; — два зятя (ошибочно **Добрыня и Алеша**, ср. ихъ):

1, стр. 28, ст. 125; 126; *Прилож.*, стр. XIX, XX.

Бьется съ Ильею см. его в I, стр. 2; 28, 29, ст. 113 — 143; 30; 34; № 2; 33, ст. 61 — 76; 36, 37, ст. 85 — 125; 44, ст. 38, 4—17; 42, 43, 44, ст. 18—99; 78, 79, ст. 49 — 91; *Прилож.*, стр. X, XI, XIX, XX; IV, стр. 3, 4, ст. 62—87. — При этомъ Илья вышибаетъ ему правый глазъ: I, стр. 37, ст. 100; 42, ст. 54; 79, ст. 88; *Прилож.*, стр. XIX; — лѣвый: I, стр. 28, ст. 123.

Взятый въ плѣвъ, помогаетъ Илья спасти Квяковъ: IV, стр. 4, ст. 88—96.

Привозится Ильею въ Кіевъ и убитъ: I, стр. 29, 30, ст. 152—198; 33, 34, ст. 77—106; 37—39, ст. 126 — 188; 41, ст. 42—46; 44—46, ст. 104—173; *Прилож.*, стр. XII—XIV, XX, XXI; IV, стр. 4—6, ст. 108 — 157.

Въ числѣ Старшихъ и славнѣйшихъ богатырей, покорившихъ однако Смерти, рядомъ съ Олоферномъ, Святоторомъ и Самеономъ: ср. въ IV, стр. 122, *разн.*

Ср. Соловья Будимировича.

Семья Соловья-разбойника: см. его

Жидовинъ-богатырь: I, стр. 47, ст. 24; IV, стр. 7, ст. 23.

Изъ земли Жидовскія: I, стр. 47, ст. 23; IV, стр. 7, ст. 21. — Нахвальщикъ, нахвальщица: I, стр. 47—51; № 1; IV, стр. 7 — 12, № 2. — Воръ-свака: I, стр. 48, ст. 87 и дал.; IV, стр. 9, ст. 88 и дал. — Самый страшный, даже для Ильи: I, стр. 52, ст. 210, 211; IV, стр. 42, ст. 207, 208.

Борьба его съ Добрынею и Ильею (см. ихъ), смерть отъ послѣдняго, на степяхъ Цыцарскихъ, Цыславскихъ: I, стр. 46—52, № 1; IV, стр. 6—12, № 2.

Смѣтанъ со Збутомъ: см. его в I, стр. 54—56; IV, стр. 12 — 118.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. СXXXIV.

Идолице: IV, стр. 19—21, ст. 17, 34, 41, 42, 47, 53, 61, 68, 78, 79, 82, 83; стр. 30—36, *разн.*; I, *Прилож.*, стр. XV, XVI; XXI, XXII. — **Одолице:** IV, стр. 22—35, ст. 23, 24, 25, 26; 32, 65, 66, 84, 86, 87, 100, 102, 116, 118, 122, 128, 135; III, стр. 13—19, ст. 140 и дал.; IV, *Прилож.*, стр. IX. — **Идолъ Скоропитъ:** IV, *разн.*, стр. 33—36.

Поганое: IV, стр. 19 — 21, ст. 17, 34, 46, 53, 61, 68, 78.

стр. 22—35, ст. 23, 24, 65, 66, 84, 87, 100, 102, 115, 118, 128, 135; III, стр. 13—19, ст. 140 и дал.—Проклятое: IV, стр. 22, ст. 24.—Жидовское: *разн.*, стр. 30.—Икляков: *разн.*, стр. 30, 32.

Сильный богатырь: I, *Прилож.*, стр. XXI.—Нечестивый: *тж.*—Нверный: *тж.*

У него своя земля Идолская, свое царство Идолское: IV, *Прилож.*, стр. X.

а)

Обнасилничалъ Кіевъ: IV, стр. 49, ст. 47; отъ него въ Кіевѣ не по старому звонъ звонятъ: 49, ст. 45; княженица гряди на боку, ставни мотаются: 49, ст. 29, 30; запрещаетъ просить милостыню: 19, 20, ст. 16, 34—39; 46—50; сидитъ у Владимира (см. его) въ теремѣ: 49, ст. 18; у Апраксін (см. ее) держитъ руки въ пазахъ: 49, ст. 49.

Его описаніе. Вышины двухъ сажень; ходитъ—шаговъ не слышать; варязъ по три печи хлѣба ѣсть, по сороковкѣ пива пьетъ: IV, стр. 49—21, ст. 41, 42, 70, 71; I, *Прилож.*, стр. XV (сомнительное); голова съ пивной котель, въ плечахъ сажень, промежь брови щель, промежь ушей коленъ стрѣла, ѣсть по быку съ костями, а пьетъ по колау: I, *Прилож.*, стр. XXI, XXII (сказка).

Убить Ильею: см. его.

Онъ же—Чуднице Полканище, Полканъ Полканичъ: I, *Прилож.*, стр. XXXIV (преданіе); ср. Полканичъ Чудо-Юда.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. X.

б)

Разсозалось въ Ерусалимъ: IV, стр. 22, ст. 23 и дал.; отъ него нездорово живетъ царь: 22, ст. 20; не стало въ Ерусалимѣ четья-пять церковнаго и люба колокольнаго: 22, ст. 21, 22.

Его убиваетъ Илья: см. его.

Его описаніе. Въ долину пяти сажень, промежду плечми коса сажень, головница какъ вышней котель, глаза какъ чаша питейница, носище какъ палка дровкольная; заразъ хлѣба по три пуда ѣсть, вина духомъ пьетъ по ведру на разъ: IV, стр. 23, 28, ст. 25—29, 102—104.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. X.

в)

Живетъ въ Царьградѣ, богатырь при царѣ, сидитъ противъ цари Константина Боголюбовича (см. его), насмѣхается, грозится на Русскихъ богатырей, собирается на Кіевъ, обруганъ за хвастовство Алешею Поповичемъ (см. его), а въ битвѣ вѣтъ живень Русскими богатырями, послѣ же отпущенъ царю: IV, *разн.*, стр.

30—36; ср. Илью и другихъ богатырей, бывшихъ въ походѣ на Царьградъ изъ Кіева.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. X.

г)

Изъ Орды невѣрной, просваталъ у Короля или Царя Черниговскаго (см. его) дочь Авдотью Лавелью Бѣлую (см. ее), но, когда она была Иваномъ Годуновичемъ (см. его), настигъ погонею, переманилъ Авдотью, послѣ битвы одолѣвъ и связавъ Ивана, но убить собственною стрѣлою: III, стр. 43—49, ст. 139 и далъ. У него черныя груди: стр. 16, 18, ст. 253, 256, 262, 317, 318.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. IX, X.

Ср. Афромея Афроимкевича и Кошея Трицетова.

Тугаринъ: I, стр. 57, 58; Цу стр. 72—80, ст. 68, 69 и дал.; *Прилож.*, стр. III—X; III, стр. 4, 5, ст. 21, 41; IV, *разн.*, стр. 29—37; Тугаринъ (въ этомъ случаѣ называется Змѣемъ, ср. Змѣя): II, стр. 80, ст. 336; Притугалище, Притугалининъ: ср. Змѣя. — Змѣевичъ, Змѣевичъ: II, стр. 72—80, ст. 94, 98 и дал.; *Прилож.*, стр. III—X; III, стр. 4, 5; ст. 21, 41; IV, *разн.*, стр. 29—37; Владимичъ: I, стр. 57, ст. 29.

Обыкновенное прозвище — Молодой, младъ: безпрестанно. — Богатырь удалый: IV, *разн.*, стр. 34, 36. — Собака: II, стр. 79, *разн.*

Его описаніе. Въ вышину трехъ сажень, промежъ плечей косая сажень, промежу глазъ калена стрѣла, конь подъ нимъ какъ лютый зверь, изъ лѣваща пламень идетъ, изъ ушей дымъ столбомъ: стоять: II, стр. 72, ст. 69—74; голова съ пивной котель: 79, ст. 313; черная грудь: 74, ст. 114; цвѣтное дорогое платье: ст. 122, 123; немъ панты: 73, ст. 103; стр. 78, ст. 302; реветъ змичнымъ голотомъ, такъ что дрожить дубромъ ушка: стр. 72, ст. 94—96; 78, ст. 300.

а)

Богатырь въ Царьградъ, при царѣ Константинѣ Боголюбовичѣ (см. его); имѣетъ тамъ мать (см. ее); собирается на Кіевъ, но разбитъ Русскими богатырями и взятъ въ плѣнъ имѣетъ съ Илодомъ Скоробитомъ (ср. его); привозится въ Кіевъ ко Владиміру (ср. его), но, по просьбѣ матери и честному слову Русскихъ богатырей, отпускается назадъ въ Царьградъ: IV, *разн.*, стр. 29—38; ср. Илью и другихъ Кіевскихъ богатырей, ходившихъ на Царьградъ.

б)

У него въ Большой Ордѣ полонилъ Илья (см. его) веронанаго князя: III, стр. 4, 5, ст. 19—21, 39—41.

Загорскій, изъ улусовъ Загорскихъ, нападаетъ на Киевъ съ ратью, но бѣжитъ отъ Илья (собственно—отъ жены его, ср. Илью): I, стр. 57, № 3.

в)

Господствуетъ въ Киевѣ у Владимира (см. его), тамъ носить его 12 богатырей на доскѣ красна золота, садятся на пирю въ мѣсто большое, подлѣ княгини Апраксевны (ср. ее), по цѣлой ковригѣ за щеку мечеть, по цѣлой чашѣ оклестываетъ, ко княгинѣ руки въ пазуху кладеть, цѣлуеть ее какъ милый другъ, насмѣхается князю Владимиру, проглатываетъ по цѣлой лебеди (ср. Идолица); за него, противъ Алеша, держать поруки Киевскіе князья-бояре, крестьяне, гости; летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ: II, стр. 75—78, ст. 184—312; стр. 79, *разн.*

Два раза бьется съ Алешей Поговичемъ (см. его): 1.) въ полѣ, близъ Саеатъ-рѣки, по дорогѣ изъ Ростова въ Киевъ: II, стр. 72, 73, ст. 68—124; 2.) выхлѣвши изъ Киева, въ полѣ, близъ той же рѣки: стр. 75—79, ст.

184—319.—Въ обонхъ случаетъ убить Алешю.

г)

По нѣкоторыхъ пѣсняхъ, вѣсто Алеша, бьется съ Добрыней (см. его) и имъ убить: II, стр. 79, *разн.* — По сказкѣ, прибывши отъ царя Болгарскаго, нападаетъ на Киевъ, бьется также съ Добрыней и убить имъ: II, *Прилож.*, стр. III—X.

Въ связи съ Лукомеромъ-богатыремъ: ср. его в IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI.

По лѣтописямъ Тугаринъ, Тугорванъ: IV, *Прилож.*, стр. CXV, CXVI.

Тугаринова мать. Въ Царьградѣ, молить царю Еленѣ Александровну (см. ее), чтобы упросила Русскихъ богатырей, пришедшихъ изъ Шева, отпустить схваченнаго ея сына: IV, *разн.*, стр. 34; ср. Тугарина.

Змѣй, Змѣя, Змѣище, Змѣище, Змѣинище; Змѣй Горыничать, Горыничъ; Горыничище, Горынище: II, стр. 24, ст. 54 и дал.; 41, ст.

17—34; 55, 56, 60, ст. 84; 101, 118, 236, 239, 242; *Прилож.*, стр. XIII. — **Притугалище**, **Притугалинищъ** (Тугаринище, ср. Тугарина; отъ притугать, лаять): II, стр. 41, ст. 19; 48, ст. 17.

Змѣй или змя: II, стр. 24—28, ст. 55, 56, 73—75, 77, 88, 92 и дал.; 41, ст. 17, 29; 45, 46, ст. 24, 26, 29; 48, ст. 17; 51, 52, ст. 51 (ошибкой заъръ), 54, 55, 63, 70, 77, 79, 81, 84, 86, 91; 56, 57, ст. 104, 115, 121; IV, стр. 58, ст. 198; 203. — **Большой змѣй:** IV, стр. 58, ст. 198. — **Змѣя проклятая:** II, стр. 25—28, ст. 73; 88, 161, 163, 168, 173, 178. — **Лютый, лютая, лютое:** II, стр. 41, ст. 47, 48; 23; 42, 43, ст. 60—107; 45, 46, ст. 24, 26, 29; 51—53, ст. 54, 77, 95, 127; IV, стр. 58, ст. 203.

Грудь бѣлая: II, стр. 25, ст. 77. — **Ховотъ:** II, стр. 56, ст. 103; два ховота: 51, ст. 78; двѣнадцать ховотовъ: 24—28, ст. 55, 74. — **Плавасть по рѣкѣ:** II, стр. 41, ст. 17. — **Когда летитъ, искры сыпятся:** II, стр. 24, ст. 53. — **Жжетъ и палить огнемъ, тонитъ въ рѣкѣ; ушибаетъ хоботомъ, беретъ въ хоботъ, уносить или пожираетъ:** II, стр. 24; 25, ст. 59—62; 41, ст. 20, 21; 45, 46, ст. 26, 31; 51, ст. 72, 73; 58, ст. 101—103; IV,

стр. 58, ст. 199. — **Трусить:** II, стр. 56, 57, ст. 118—125.

Живеть на горахъ Сорочинскихъ, далече во чистомъ полѣ: II, стр. 23—25, ст. 3—5, 26—29, 84—86; на Израй-рѣкѣ, въ пещерахъ бѣлокаменныхъ, въ гнѣздѣ, въ полатахъ, гдѣ много есть золота-серебра: стр. 50—52, ст. 50—101; въ норѣ глубокой, откуда выходить: стр. 26—28; ст. 94, 124, 161, 162, 179. — На горахъ Сорочинскихъ, въ чистомъ полѣ, живутъ и молодые Змѣиныши, которыхъ топталъ Добрыня (ср. его): II, стр. 23—28; они хотѣли спалить Добрыню: стр. 45, 46, ст. 25, 27, 30; вся перода змѣиная на Израй-рѣкѣ: стр. 52, 53, ст. 92, 93, 128, 129. — Въ норѣ глубокой много сидитъ плѣнныхъ царей, царевичей, королей, королевичей, простой силы и смѣты ятъ, — ихъ всѣхъ освободил Добрыня (ср. его): II, стр. 28, ст. 179—189.

Летаетъ на Почай-рѣку: II, стр. 24, ст. 32—55; на Кострюху рѣку: 41, ст. 47 и дал.; на Израй-рѣку, при которой живеть: 51, 52, ст. 51 и дал.; летаетъ, подъ облаками, на Святую Русь, спускаясь уносить людей Русскихъ, копить Русскихъ плѣнниковъ, — ихъ освобождалъ Добрыня (см. его): II, стр. 25, ст. 80—86 и друг., № 1; летитъ черезъ Кѣвъ, уносить въ нору глау-

бокую племянницу Владимира (см. его), Забаву (Запаву, см. ее), которую освободил также Добрыня (см. его): стр. 25, 26, ст. 88—94; ходитъ въ Киевъ, чему помѣшалъ также Добрыня (см. его): стр. 41, ст. 29; утаскиваетъ изъ Кіева Марью Дивовну (см. ее), тетку Добрыни, также имъ спасенную (см. его): стр. 52, 53, ст. 97—137.

Старые люди пророчили, что быть Змѣю убитому отъ Добрыни Никитича (см. его): II, стр. 51, ст. 55—57.—Дважды, въ мѣстахъ жилища своего, бьется съ Добрынею и погибаетъ отъ него: см. его и II, стр. 25, 28, ст. 72—87, 174—178; 41, ст. 17—30; 51—53, ст. 51—101.—Какъ милый другъ Марины (см. ее), Змѣй летаетъ къ ней въ Киевъ, встрѣчаетъ Добрыню (см. его), бьется въ третій разъ съ нимъ, изгоняется или погибаетъ отъ него: II, стр. 42, ст. 60, 66, 69—72; 45, ст. 24 (лежитъ у Марины на рукѣ): 48, 49, ст. 15—18; 55—57, ст. 84—125; *Прилож.*, стр. XIII.—Змѣй троеглавый убитъ въ четвертый разъ Добрынею (см. его) невзначай въ пещерѣ бѣлокаменной, куда залетѣла стрѣла сверхъ цѣли: II, стр. 89, ст. 173—175.

Ср. Тугарина.

Змѣй приползаетъ въ могилѣ къ Потоку и женѣ его Авдотѣ

(см. ихъ), убитъ Потокомъ, а головою его помазавши тѣло жены, Потокъ воскресилъ ее: IV, стр. 58, ст. 197—208.—Ср. IV, *Прилож.*, стр. CLXXX.

По сказкамъ, подл именемъ Царя Θεодула Змѣя борется съ Иваномъ Русскимъ богатыремъ: см. сего послѣдняго.

Марина, Маринва, Маринуншка, Мариншка: II, стр. 42—49, 54—60; *Прилож.*, стр. XI—XVI.—**Игнатьева, Игнатьевна:** II, стр. 45—48, 54—60.

Судба: II, стр. 58, ст. 189, 193.—Непотребная: стр. 43, ст. 87, 105; 58, 60, ст. 189, 232.—Дура: стр. 48, ст. 105.—Кореньщица, готовитъ зелье лютое: стр. 44, ст. 12; 49, ст. 26.—Еретница, знала дѣла еретическія: стр. 44, ст. 12; 58, 60, ст. 189, 232; 60, ст. 245, 246.—Безбожница: стр. 60, ст. 232.

Напивалась пьяною: II, стр. 42, ст. 82; 58, ст. 156, 157; воилась съ княженецкими молодцами: стр. 57, ст. 155; творила надъ молодцами чары: стр. 44, ст. 34—37; 55, ст. 48—63 и дал.; оборачивала оборотнями: стр. 42, 43, ст. 75—100; 46, 47, ст. 38—46, 71 и дал.; 57—59, ст. 131—215; сама оборачивалась: стр. 47, ст. 167; 59, ст. 197—215; извела

девятъ днѣй. — женихъ, овоухъ, оборотивши ихъ въ туровъ: стр. 45—47, ст. 11, 12, 41, 42, 71—74; — девять богатырей, девять братѣйцовъ; такъ же: стр. 57—59, ст. 136—204; подата въ ниръбе, оудуло князю Владимиру; домъ спод, княгю, и воярныи; Ицъ стр. 42, ст. 63, 64, 79—82; 57; 58, ст. 146 и дал.; хвасталась, что въ Киевѣ нѣтъ ей хитрѣ и мудрѣя: стр. 58, ст. 100—166; годнаго, шукива: стр. 59, ст. 196. — Живеть въ Киевѣ: II, стр. 41; ст. 139—41; — въ уездѣ Андрея евской; стр. 44, ст. 10; 24; — въ уездѣ, по ея имени, Игнатъ евской, въ переулкѣ Марининомъ: 53, 54, ст. 6, 7, 14, 15. — У нея въ Киевѣ дворъ съ двоми, терема, въ теремахъ богатствъ: стр. 41, 42, ст. 43 и дал.; 44, ст. 43—10; 48, ст. 16—41; 53—56, ст. 6—110; но въ теремѣ не было образа: стр. 59, ст. 225—228.

Милый другъ ея Змѣй, Змѣище и т. п. (см. его), который ладаетъ къ ней въ Киевѣ, дежить у нея на рукѣ, змѣяныи на другой: II, стр. 42, 43, ст. 60 и дал.; 45, ст. 24, 25; 48, 49, ст. 117, 118; 55—57, 60, ст. 84—133, 235—242.

Дѣло ея съ Добрышею и гибель отъ него: см. его; Сестру его и Крестовую мать; въ чистомъ полѣ они женился, кругъ ракугова

куста вѣчались: II, стр. 59, ст. 217, 218; сестрой Добрыни оборочена въ оку драгохвостую: стр. 48, ст. 105—108. — II, стр. 109.

О тожествѣ ея съ Марьей Давидовой: см. ту и IV, Прилож., стр. CLXXX.

III, стр. 21—27, ст. 44 и дал. — Афромей, Афромеевичъ: II, стр. 21—27, ст. 44 и дал. — ж

Вахромея: стр. 27, ст. 277; 284. — II, стр. 21—27, ст. 44 и дал.

Царь: III, стр. 21—27, ст. 44 и дал.; Невѣрный: стр. 27, ст. 258, 261, 265; изъ дальной земли Загореской: стр. 26; 27, ст. 42 и дал.; 282; у него два нова гуданова, мурлы-убивья. Наврещикъ, лямковъ, усмену, нѣтъ: стр. 21—25, ст. 46—48, 78 и 76; 123, 196—198. — II, стр. 21—27, ст. 44 и дал.

Унѣль, чинить вражду, оборочиваея и брать оборочивеи: III, стр. 24, 27, ст. 166—174, 283—285. — II, стр. 21—27, ст. 44 и дал.

Превагаль за себѣу Димитрѣя богатаго, брата Черниговскаго. (см. его) дочь Настасью (ср. ее), прислалъ ей платье къ свадьбѣ, подошелъ за ней подъ Черниговъ, а когда она была увезена Иваномъ Годиновичемъ (см. его), наследъ попомню, одолѣвъ было съ помощью Настасьи, но когда набѣжали изъ Киева, были схвачены, отвезены туда, встрѣченъ Владимиромъ (см. его) и княжицей съ

почестью и радостью, а послѣ, какъ подданикъ, отпущенъ доной: III, стр. 21—27, ст. 41—285.

Ср. Идолище и Кощей Трипетова.

Царь Афронъ: III, *Прилож.*, стр. XXXI, XXXII (сказка объ Иванъ-царевичъ; то же отношеніе къ Ивану-царевичу, какъ у Аарона къ Ивану Годяновичу). Ср. Ивана-царевича.

Кощей Трипетовъ: III, *Прилож.*, стр. XXXI. То же дѣло съ Иваномъ Годяновичемъ, какъ у Идолища и Царя Аарона: см. ихъ.

Кощей Везсмертный, Коцъ, иначе Двѣдъ, Вихоръ, борется съ Иваномъ-богатыремъ; иногда же помогаетъ ему: см. его и III, *Прилож.*, стр. XVIII, XX, XXI; IV, *Прилож.*, стр. CLVII, CLIX—CLXI (сказки).

Царь Волшанъ, его книга Волшенская, дѣло съ Ванькой Вдовкинымъ Сыномъ: см. его и III, *Прилож.*, стр. XVI—XIX.

Родство его съ Анной Прекрасной Королевной: см. ее

и IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLVI (по сказкамъ).

Чудо-Юдо, ержится съ Иваномъ Водовичемъ (по сказкамъ): см. послѣдняго. — Родство съ Полякомъ и Идолищемъ: см. ихъ.

Водяной Царь, отецъ Василисы Премудрой и врагъ Ивана-богатыря: см. ихъ и IV, *Прилож.*, стр. CLV, CLXXIII—CLXXVII (по сказкамъ).

Бѣлый Полянинъ, сперва товарищъ, потомъ врагъ Ивана-богатыря: см. его и Дворянина Бѣлаго Палицу (Поляницу); Ивашка Бѣлая Эпанчу и Бѣлую Рубашку (по сказкамъ).

Царь Далматъ. У него служить Ивашка Бѣлая Эпанча, ради него подвизается Иванъ-царевичъ: см. ихъ, Ерусалана и III, *Прилож.*, стр. XVI (по сказкамъ).

Лукопѣръ-богатырь, владѣвшій особымъ конемъ: ср. Ивана Крестьянскаго сына и

Ш, *Прилож.*, стр. XXVII, XXVIII; IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV (сказка); въ битвѣ съ Бовою: ср. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI (сказки); тожество съ Зятемъ Батыйя: см. его; сходство съ Тугаринномъ: см. его и IV, *Прилож.*, стр. CLXXXV.

Шаркть-великанъ, бьется съ Дюкомъ, убиваетъ Чурилу (см. ихъ), по лѣтописямъ Шаруванъ: IV, *Прилож.*, стр. XCI, XCII, CXV. — Злой: I, стр. 70, ст. 4; Злодѣй: 72, 74, ст. 74, 136; Сивакъ: 72, 75, ст. 76, 162, 171; Пурбидятый: 75, ст. 162, 171. — Нападаетъ на Кіевъ, прогнавъ или убить Ильёю: ср. его и I, стр. 68—70, ст. 68—149; 70—76, ст. 4—210. — Ср. Батыйя, Мамая и другихъ ниже.

При немъ:

Сартакъ, зять любимый: I, стр. 72, 74, ст. 63, 64, 78—80, 84, 149—151 (убить Василь-

емъ Пьяницей, ср. его); ср. Лукопѣра при Батыйя: ср. его и I, стр. 72, ст. 66. — Лоншежь, сынъ: I, стр. 72, ст. 66. — Ватый царь: IV, стр. 38—46, ст. 3 и дал.; II, стр. 183—89, ст. 8 и дал.; стр. 193—96, ст. 4 и дал.; № 1; Батырь: II, стр. 90—92, ст. 45 и дал. — Батыевичъ: IV, стр. 38—45, ст. 3 и дал.; Каймановичъ: II, стр. 90, ст. 45, 33; 93—95, ст. 27 и дал.

Собака: IV, стр. 38, ст. 6, 12, 13, и дал. № 6; II, стр. 93, 94, ст. 4, 28, 57.

Нападаетъ на Кіевъ и прогнавъ Ильёю: ср. его и IV, стр. 38—46, № 6 (бѣжить изъ Руси «съ большими убытками, съ малыми прибытками, со страмотою въчною, на мелкихъ судахъ, на павозкахъ»); обмануть и побить Васильемъ Пьяницей: II, стр. 93—96, № 1. — Ср. Калина, Мамая и другихъ ниже, а также IV, *Прилож.*, стр. CXLVIII, CXLIX (по лѣтописи).

При немъ:

Ульющка, зять: IV, стр. 38—42, ст. 5, 78, 111.

Зять Лукопѣръ-богатырь (ему Василій Пьяница, ср.

его, попалъ въ правый глазъ): II, стр. 93—95, ст. 3, 75—77; см. д. САРТАКА:—Ср. в. ЛУКОШЕРА, по сказкамъ, при Плавъ Крестьянскомъ сынъ и противъ Бовы Королевича: III, *Прилож.*, стр. XXVII, XXVIII; IX; *Прилож.*, стр. CLXXXV, CLXXXVI.—Сходство съ Тугачи и орагътъ см. его в IV; *Прилож.*, стр. CLXXXV.— Таракашка, сынъ: IV, стр. 38—42, ст. 4, 77, 110.— Два сына: II, стр. 93, ст. 2.

Царь Заоданскій, Большой Орды: II, стр. 83—89, ст. 8; *ранн.* и дал; Орды невѣрной: стр. 90—92, ст. 14, 15 и дал; — На немъ быть Владимира везуть данни-пошлины: Власий Кудачи и бончи и Доврыни (см. нхъ); — въ Рускини богатыри и граеть въ тарлен—обыграеть, и ищекаетъ борцовъ—иобыты, даеть уроки стрѣльбы изъ лука—надстрѣляеть; чѣмъ дашается даней и пошлянъ: II, стр. 83—89, № 1; стр. 90—92, № 2.—Сравни:

Король Задовскій, Заоданскій, мнѣный отецъ Бориса

Збута: см. послѣднего, Мать его в I, стр. 43; ст. 74—97. — Ухаживае, Цариче: III, стр. 49, 49; ст. 184, 203—209. — Царь невѣрный: III, стр. 43, ст. 52; Свѣаки: 44, ст. 54, 57.

Его описаніе. Ушища будто блюдища, глазища будто чаши пивныя, носыще будто палица-бонца: III, стр. 49; ст. 206—209.

Подступилъ ноль Кіевъ въ невѣрною слою, побѣтъ съ нимъ съ Михайлы Данюловича (ср. его), голова же его привезена въ Кіевъ: III, стр. 43—51, ст. 50—244.— Ср. Кляшма, Батыя, Мамай и др.

Мамай царь: I, стр. 58—64, ст. 6 и дал; — У него 9 сыновей, 9 дочерей, 9 братьевъ: I, стр. 58, 62, 63, ст. 42, 150, 151, 190, 191.— По въ зашиной: Батыи и Мамалыны: ср. ее в I, стр. 64, ст. 226—242. — Нападаетъ на Кіевъ и разбѣтъ богатыри: I, стр. 58—63, ст. 6—191. Ср. Кляшма, Батыя и др. — Ср. IV, *Прилож.*, стр. CXLIX.

Царь Салтанъ Салтановичъ, по сказкамъ врагъ Бовы

Кородевича и отца богатыря
Дукочера) изъ царства Радх-
ливскаго; Арадийскаго;
Задонскаго: IV, *Прилож.*,
стр. CLXXXV—CLXXXVII; ср.
Кладна, Батыя; Малая и
др.; Дукочера; Бовт.

Курбанъ царь: III, стр.
408—410; ст. 35—99; Кур-

банъ царь: стр. 141; 142; ст.
35—73; Курбанъ царь: стр.
119—121, ст. 132—183; 123,
ст. 261, 262; Курбанъ князь:
IV, *Прилож.*, стр. XXIX. — Са-
мородовичъ: III, стр. 108, ст.
36; 120, ст. 157, 160; Курбан-
новичъ: стр. 111, 112; ст. 36,
54, 64.

Врагъ Суровца Суровца
(ср. его), поубивши было его съ
помощью своихъ Татаръ, но потомъ
ублаживши и прощении III, стр.
108—110, ст. 35—96; 111,
112, ст. 35—73; IV, *Прилож.*,
стр. XXIX (мирно разстался съ
Суровцемъ); въ такомъ же отно-
шении къ Константину Слав-
ловичу (ср. его) и убить имъ: III,
стр. 119—121, ст. 132—184;
123, ст. 261, 262.

Смерть: IV, стр. 115—138.

Гардая: IV, стр. 122, *разн.*;
124, *разн.* и дал.; 130, ст. 37;
132—135, ст. 79—153. — С от-

верьяна, и поупушена; но-
омака (отъ Бога; на землю, на лю-
дей): IV, стр. 121, ст. 34, 35;
122, *разн.*; 124, *разн.* и дал.;
130, ст. 37, 38; 132—135; ст.
79—173. — Страшная, Пре-
страшная: IV, стр. 115; *разн.*;
117, *разн.*; 120, ст. 29; 122;
ст. 50; 131; ст. 48. — Гривная:
IV, стр. 120, ст. 29; 122; ст. 50;
131, ст. 48. — Вельми не по-
жертная: IV, стр. 120, ст. 30;
131, ст. 48. — Серадцемъ сво-
имъ внешне по судьяна: IV, стр.
121, ст. 31. — Чудная: IV, стр.
115; *разн.* — Чудо чудное: IV,
стр. 115, *разн.* — стр. 116, 117;
ст. 13, 15; *разн.*; стр. 120, ст.
14—25; стр. 121; *разн.*; стр.
130, ст. 23—30. — Чудо не ре-
страшное: IV, стр. 116, ст.
12. — Диво дивное: IV, стр.
116, 117; *разн.*; 121, *разн.* —
Ноги звѣринны, голова человѣ-
чская, тулово лошадиное: IV, стр.
116, *разн.*; голова человѣчская,
власы до пояса, тулово звѣрное,
ноги лошадиныя: стр. 120, ст.
15—18; тулово звѣрное, ноги ло-
шадныя, голова человѣчья и руки
человѣчьи, власы до пояса: стр.
121, *разн.*; ноги лошадины, туло-
во звѣрце, буйна глава человѣчья,
власы до поясу: стр. 130, ст.
24—27.

Кривая коса, которою косить лю-
дей, пила или пилы, — кони под-
цвѣгъ: IV, стр. 116, ст. 24;

117, ст. 39, 40; 121, ст. 36 — 39, 47, 48; 123, ст. 64 и дал. (пыль невидимая); 124, *разн.* (то же); 127, *разн.*; 131, ст. 40, 67, 68; 136, ст. 12 (оружіе); 138, ст. 57, 58.

Валается на дорогѣ или встрѣчается, объявляется, подкрадывается: IV, стр. 116, ст. 11, 16; *разн.*; 117, ст. 37, 38; 120, ст. 14; 121, *разн.*; 130, ст. 22, 23; 136, ст. 4. — Завладѣвъ челоукомъ, садится на него верхомъ: стр. 118, *разн.* — Гдѣ и въ чемъ ни застанеть челоука, губить: стр. 121, ст. 36—38; 127 *разн.*; 135, ст. 176—182. — Гдѣ тужуть плачуть, тутъ ей праздникъ: стр. 135, ст. 183, 184. — Нѣтъ у ней ни отца ни матери, ни роду ни племени, ни сродниковъ ни пріятельевъ, ни друзи ни брати, ни малыхъ дѣтей ни молодой жены: стр. 127, *разн.*; 134, ст. 168—171. — Кабы ей брать казну золотую, были бы у ней

Видно, что в этом месте текст поврежден или вырезан, так как слова не читаются. Видно, что в этом месте текст поврежден или вырезан, так как слова не читаются.

Б) Пмя С. О Б С Т В Е Н Н О Е.

ЗЕМЛИ, ОРДЫ, ЦАРСТВА, УКРАЙНЫ, НАРОДЫ, ГОРОДА, СЕЛА, ДЕРЕВНИ, ГОРЫ, ЛѢСА, ЛУГА, ПОЛЯ, СТЕПИ, ГРЯЗИ, МОРЯ, РѢКИ, ОМУТЫ, ПЛЕСА, ОСТРОВА, КАМНИ, БРЕСТЫ, КОРАБЛИ, КОНИ, ЗВѢРИ, ПТИЦЫ, И Т. П.

Русь: II, стр. 25, ст. 61; III, стр. 110, ст. 3; IV, стр. 45, ст. 243; 27, 28, ст. 68, 90. — **Свя-**

горы золотыя отъ Востока до Запада: стр. 123, ст. 61—63; 124, *разн.*; 133, ст. 112—119. — Нельзя ей въ церкви стоять, нельзя ей молебновъ исправлять, ни въ канонъ читать: стр. 126, *разн.*; не можно ей строить соборную церковь, писать ей ликъ на иконахъ, стоять ей въ церкви на престолахъ, молиться на нее Богу, служить ей молебны, кауишь говорить, украшать ее камнями драгоценными: стр. 134, ст. 143—150.

Ей покорились и поклонились, скошены ею — Самсонъ, Святоторъ, Полканъ, Соловей, Олофернъ: стр. 118 и IV, стр. 147, *разн.*; 121, ст. 45, 46; 122, *разн.*; 131, ст. 55—57.

Аникъ Воину (ср. его) попалась Смерть и послѣ нѣсколькихъ переговоровъ погубила его: IV, стр. 115—138.

Ср. IV, *Прилож.* стр. СХ, СХІ, 111; 20—22, ст. 111—112; 113; 114; 115; 116; 117; 118; 119; 120; 121; 122; 123; 124; 125; 126; 127; 128; 129; 130; 131; 132; 133; 134; 135; 136; 137; 138; 139; 140; 141; 142; 143; 144; 145; 146; 147; 148; 149; 150; 151; 152; 153; 154; 155; 156; 157; 158; 159; 160; 161; 162; 163; 164; 165; 166; 167; 168; 169; 170; 171; 172; 173; 174; 175; 176; 177; 178; 179; 180; 181; 182; 183; 184; 185; 186; 187; 188; 189; 190; 191; 192; 193; 194; 195; 196; 197; 198; 199; 200; 201; 202; 203; 204; 205; 206; 207; 208; 209; 210; 211; 212; 213; 214; 215; 216; 217; 218; 219; 220; 221; 222; 223; 224; 225; 226; 227; 228; 229; 230; 231; 232; 233; 234; 235; 236; 237; 238; 239; 240; 241; 242; 243; 244; 245; 246; 247; 248; 249; 250; 251; 252; 253; 254; 255; 256; 257; 258; 259; 260; 261; 262; 263; 264; 265; 266; 267; 268; 269; 270; 271; 272; 273; 274; 275; 276; 277; 278; 279; 280; 281; 282; 283; 284; 285; 286; 287; 288; 289; 290; 291; 292; 293; 294; 295; 296; 297; 298; 299; 300; 301; 302; 303; 304; 305; 306; 307; 308; 309; 310; 311; 312; 313; 314; 315; 316; 317; 318; 319; 320; 321; 322; 323; 324; 325; 326; 327; 328; 329; 330; 331; 332; 333; 334; 335; 336; 337; 338; 339; 340; 341; 342; 343; 344; 345; 346; 347; 348; 349; 350; 351; 352; 353; 354; 355; 356; 357; 358; 359; 360; 361; 362; 363; 364; 365; 366; 367; 368; 369; 370; 371; 372; 373; 374; 375; 376; 377; 378; 379; 380; 381; 382; 383; 384; 385; 386; 387; 388; 389; 390; 391; 392; 393; 394; 395; 396; 397; 398; 399; 400; 401; 402; 403; 404; 405; 406; 407; 408; 409; 410; 411; 412; 413; 414; 415; 416; 417; 418; 419; 420; 421; 422; 423; 424; 425; 426; 427; 428; 429; 430; 431; 432; 433; 434; 435; 436; 437; 438; 439; 440; 441; 442; 443; 444; 445; 446; 447; 448; 449; 450; 451; 452; 453; 454; 455; 456; 457; 458; 459; 460; 461; 462; 463; 464; 465; 466; 467; 468; 469; 470; 471; 472; 473; 474; 475; 476; 477; 478; 479; 480; 481; 482; 483; 484; 485; 486; 487; 488; 489; 490; 491; 492; 493; 494; 495; 496; 497; 498; 499; 500; 501; 502; 503; 504; 505; 506; 507; 508; 509; 510; 511; 512; 513; 514; 515; 516; 517; 518; 519; 520; 521; 522; 523; 524; 525; 526; 527; 528; 529; 530; 531; 532; 533; 534; 535; 536; 537; 538; 539; 540; 541; 542; 543; 544; 545; 546; 547; 548; 549; 550; 551; 552; 553; 554; 555; 556; 557; 558; 559; 560; 561; 562; 563; 564; 565; 566; 567; 568; 569; 570; 571; 572; 573; 574; 575; 576; 577; 578; 579; 580; 581; 582; 583; 584; 585; 586; 587; 588; 589; 590; 591; 592; 593; 594; 595; 596; 597; 598; 599; 600; 601; 602; 603; 604; 605; 606; 607; 608; 609; 610; 611; 612; 613; 614; 615; 616; 617; 618; 619; 620; 621; 622; 623; 624; 625; 626; 627; 628; 629; 630; 631; 632; 633; 634; 635; 636; 637; 638; 639; 640; 641; 642; 643; 644; 645; 646; 647; 648; 649; 650; 651; 652; 653; 654; 655; 656; 657; 658; 659; 660; 661; 662; 663; 664; 665; 666; 667; 668; 669; 670; 671; 672; 673; 674; 675; 676; 677; 678; 679; 680; 681; 682; 683; 684; 685; 686; 687; 688; 689; 690; 691; 692; 693; 694; 695; 696; 697; 698; 699; 700; 701; 702; 703; 704; 705; 706; 707; 708; 709; 710; 711; 712; 713; 714; 715; 716; 717; 718; 719; 720; 721; 722; 723; 724; 725; 726; 727; 728; 729; 730; 731; 732; 733; 734; 735; 736; 737; 738; 739; 740; 741; 742; 743; 744; 745; 746; 747; 748; 749; 750; 751; 752; 753; 754; 755; 756; 757; 758; 759; 760; 761; 762; 763; 764; 765; 766; 767; 768; 769; 770; 771; 772; 773; 774; 775; 776; 777; 778; 779; 780; 781; 782; 783; 784; 785; 786; 787; 788; 789; 790; 791; 792; 793; 794; 795; 796; 797; 798; 799; 800; 801; 802; 803; 804; 805; 806; 807; 808; 809; 810; 811; 812; 813; 814; 815; 816; 817; 818; 819; 820; 821; 822; 823; 824; 825; 826; 827; 828; 829; 830; 831; 832; 833; 834; 835; 836; 837; 838; 839; 840; 841; 842; 843; 844; 845; 846; 847; 848; 849; 850; 851; 852; 853; 854; 855; 856; 857; 858; 859; 860; 861; 862; 863; 864; 865; 866; 867; 868; 869; 870; 871; 872; 873; 874; 875; 876; 877; 878; 879; 880; 881; 882; 883; 884; 885; 886; 887; 888; 889; 890; 891; 892; 893; 894; 895; 896; 897; 898; 899; 900; 901; 902; 903; 904; 905; 906; 907; 908; 909; 910; 911; 912; 913; 914; 915; 916; 917; 918; 919; 920; 921; 922; 923; 924; 925; 926; 927; 928; 929; 930; 931; 932; 933; 934; 935; 936; 937; 938; 939; 940; 941; 942; 943; 944; 945; 946; 947; 948; 949; 950; 951; 952; 953; 954; 955; 956; 957; 958; 959; 960; 961; 962; 963; 964; 965; 966; 967; 968; 969; 970; 971; 972; 973; 974; 975; 976; 977; 978; 979; 980; 981; 982; 983; 984; 985; 986; 987; 988; 989; 990; 991; 992; 993; 994; 995; 996; 997; 998; 999; 1000.

тая Русь: I, стр. 36, ст. 58, 59; II, стр. 2, ст. 13; 25, ст. 81; 61, ст. 1; 2; 91, ст. 62; III, стр. 102,

ст. 54; IV, стр. 20;—ст. 55.—
Святорусская: I, стр. 1, ст.
 19.—**Земля Свято-Русская**:
 I, стр. 77, ст. 9.—**Богатая**:
 II, стр. 2, ст. 13.

Галицкая Русь: см. городъ Га-
 личь, Далече Галичье—IV,
 стр. 91, ст. 4; ср. IV, *Прилож.*,
 стр. XCVIII—CII.

Волынь: ср.—городъ Волы-
 нець в IV, *Прилож.*, стр. VII,
 XCVIII—CII.

Залъсье, Заолъсье: ср. Залъ-
 шандъ, Ницли дт.

Суздаль, Суздальщина: ср.—городъ
 Суздаль, Сузловца-Суздаль-
 ца в IV, *Прилож.*, стр. CXXVII—
 CXXXII.—Ср. ниже Угличей.

Литва: I, стр. 79, ст. 95 (не-
 брешная); *Прилож.*, стр. XXXIII
 (преданіе); III, стр. 58, ст. 3 и
 дал.; 121, ст. 197, 198; ср. дѣр-
 ство Литвинское. (обыкновен-
 нѣе въ Литвѣ король, какъ въ
 Ордѣ царь).

Карела, Корела: I, стр. 88,
 ст. 72 (проклятая); III, стр.
 84, ст. 2 (богатая); стр. 101,
 ст. 3: (то же).

Моговоя: I, стр. 70, ст. 2
 (богатая).

Латымиръ (Латырь-мир?):
 IV, *Прилож.*, стр. IV—VII.

Индѣя: I, стр. 88, ст. 71 (во-
 гатая).

Украйна (сомнительно): II,
 стр. 79, *разн.*

**Сибирская Украина, Си-
 бирскія Украины**: I, стр.
 78—81, ст. 37, 100, 130, 166;
 IV, стр. 16, 17; ст. 120, 130,
 138.

Земли:

Ляховиновская: III, стр. 54,
 ст. 60.

Латыновская (гдѣ закупали ко-
 нѣи): III, стр. 93, ст. 10, 11.—
 Ср. Царство.

Половецкая: III, стр. 116,
 118, ст. 3, 79 (дальная орда).

Загорская: III, стр. 21, 22,
 27, ст. 43, 74, 282 (дальняя).—

Загорскіе улусы: I, стр. 57,
 ст. 61.

Заоданская: II, стр. 84, ст.
 37; ср. Орду.

Чернасская (гдѣ закупали
 сѣдла): II, стр. 93, ст. 12, 13.

Сорочинская (гдѣ закупали
 пшено): II, стр. 93, ст. 14, 15.—
 Ср. Царство.

Жидовская: I, стр. 47, ст.
 23; IV, стр. 7, ст. 21.

Греческая: II, стр. 25, ст.
 70, 72; 50, 51, ст. 35—75; IV,
 стр. 19, 21, ст. 22, 84; 23, 31,
 32, ст. 41, 42, 45, 126, 127.—
 Ср. и. Шляну, Колпакъ.

Идольская: IV, *Прилож.*,
 стр. X.—Ср. Царство.

Орда Невърная II, стр. 90, ст. 14, 32; III, стр. 13, ст. 139; въ ней обыкновенно дарь, какъ въ Литвѣ король: стр. 121, ст. 197, 198.

Орды немцыны, дальныя, невѣрныя, великія: II, стр. 18, 19, 22, ст. 17 и дал.; III, стр. 39, 40, ст. 6, 18, 28.—
Также:

Большая: II, стр. 83, 84, ст. 6, 7, 23, 24; III, стр. 4, ст. 19.

Золотая: I, стр. 70, ст. 1 (Орда, Золотая земля); III, стр. 8, ст. 134; 71 — 75, ст. 37 и дал.; IV, стр. 61, 62, ст. 74, 91, 95, 102; стр. 96, ст. 167 (мртвѣя).

Заданская: II, стр. 83, 84, ст. 7, 24; ср. Землю.

Царства:

Литвинское: III, стр. 113, 114, ст. 7, 45; ср. Литву.

Латынское: III, стр. 113, 114, ст. 6, 44; ср. Землю.

Алыберское: III, стр. 122—124, ст. 226, 306, 308; IV, *Прилож.*, стр. VII.

Астраханское: III, стр. 113, ст. 1 (сильное).

Сорочинское: III, стр. 113, 114, ст. 8, 45 и дал.; ср. Землю.

Идольское: IV, *Прилож.*, стр. X; ср. Землю.

Армянское, Задонское, Дадонское, Данское, Рах-

линское—Рахлейское—Арахлинское (по сказанью) IX, *Прилож.*, стр. CLXXXV—CLXXXVIII, CXCII.

Улличы (Улчичь), Улчичи мужики: III, стр. 121—124, ст. 191—304 (дукавы, слышы, церазымцы, старики и вѣчники, пзвоцки, Главныя мужики).

Алюторы: II, стр. 118, 119, 22, ст. 25 и дал.—**Алатырьцѣ** (непривенный): см. Соловьянскъ въ Ивнѣ IV, стр. 2, ст. 57.—
Ср. Царство Алыберское, Латымирь, Бабу-Латыгорку, Море и Камень Латырь и IV, *Прилож.*, стр. IX.

Чудь (бѣломозая): II, стр. 18, 19, 22, ст. 21 и дал.

Чулки: II, стр. 18, 19, 22, ст. 25 и дал.

Бовары: ср. Жидовина-богатыря и Михайла Бладаряина, также IV, *Прилож.*, стр. XCVIII—CII, CXXXIV.

Мадмыки: I, стр. 23, ст. 15; II, стр. 18, 19, 22, ст. 24 и дал.

Червеси (Пятигорскіе): II, стр. 18, 19, 22, ст. 23 и дал.

Сорочина (долгоногая): II, стр. 18, 19, 22, ст. 22 и дал.

Агаряне (Горскіе Татары съ Калмыками и Турки): I, стр. 23, ст. 15 и разн.

Турки. Турецкій ханъ (собака); Турки, Турчата, Турчаночки: I, стр. 15, ст. 6, 7; 91, ст. 12; 93, 94, № 5; III, стр. 92, ст. 107, 110.

Татары. Татаринъ, Татаровичъ, Татарченокъ, Тагара, Татары, Татарове, Татаровя, Татаровья, Татарщи: I, стр. 23, ст. 15 (Горскіе); 26, ст. 56, 62 (Черные); 34, ст. 16; 38, ст. 133; 67, ст. 31, 39 (Татаринъ бусурмановъ); 71—76, ст. 22—215 (съ особымъ описаніемъ); II, стр. 3, ст. 18 (три Татаренна); 5—7, ст. 49 и дал. (мурзынька Татаринъ); 18, 19, 22, ст. 24 и дал.; 81, 82, ст. 38—63 (два Татарина); 86—89 (съ описаніемъ); 92, ст. 79; III, стр. 31, ст. 89, 104 (въ службѣ Владиміру); 108—110, ст. 37—90; 112, ст. 67, 68; 119—121, ст. 133—184; IV, стр. 39—46 (съ описаніемъ); 50, ст. 37, 39; 95—98, ст. 135—241; 109—113, ст. 40—169; *Прилож.*, стр. XXIX.

Улановинъ поганый, голова уланова, уланове поганые, улановья, уланищи, мурзы-улановья, злые мужики улановья, мурзы-бурзы, цановья: II, стр. 92, ст. 80; III, стр. 21—25, ст. 47, 75, 123, 161, 197; 48—51, ст. 163, 179, 215, 221, 248; 108, 109, ст. 37, 59, 73; IV, стр. 39, ст. 21 и дал.; ср. Уланища-царища.

Богатыри: IV, *Прилож.* стр. XXIX; **Наездники:** IV, стр. 95—98; ст. 136—241; **Некрещенные:** II, стр. 81, ст. 39; **Поганые:** III, стр. 119, 120, ст. 133 и дал.; **Злые, злые люди:** I, стр. 90, ст. 16; IV, стр. 45, ст. 223; 109—111, ст. 41—104; *Прилож.*, стр. XXIX; **Собаки:** IV, стр. 95—98, ст. 136—241; **Вислоухие, висячие:** III, стр. 121, ст. 180, 181; **Болваны, дураки неотесанные:** I, стр. 73, 74, ст. 105, 106, 126; **Сила бусурманская:** IV, стр. 113, ст. 155, 164; — **Невѣрная:** I, стр. 58, ст. 7; 63, ст. 181, 188; 68, ст. 67, 81; 70, ст. 149; III, стр. 40, 41, ст. 55, 60; 44, 45, ст. 70, 84; — **Поганая:** I, стр. 70, ст. 6; III, стр. 50, ст. 236; IV, стр. 113, ст. 169; **бросившись въ воду, поглотить ее:** I, стр. 63, ст. 185, 186.

Описание Татаръ (царь конный, духъ Татарскій и проч.): I, стр. 70, 71, ст. 13 и дал.; IV, *Прилож.*, стр. CXLVIII, CXLIX. — **Описание Татарскихъ ворцовъ:** II, стр. 86, ст. 97—100. — **Описание одного изъ Татаръ:** I, стр. 71, 75, 76, ст. 22—26, 187—198 (мѣра, сила, дерзость, грубость и т. п.); II, стр. 81, ст. 49, 50 (хорошій, дорожный, въ кося сажень); III, стр. 41, ст. 59—67

(крѣпокъ и гибокъ, не рвется и не ломится); 109, 110, ст. 84—90; 112, ст. 67—70; IV, стр. 39, 40, ст. 34, 35, 45—64 (старь-горбатъ, на передъ поклапъ, снвъ кафтанъ, голубой карманъ; дерзость и грубость); 46, ст. 257—260 (на жилъ не рвется); 109—112, ст. 40—147.—Ср. Звута, А-фромей, Калина, Батыя, Малая и т. п.

Города:

Кіевъ, Кеивъ, Къевъ: I, стр. 11, ст. 1; 25, ст. 20; 28, ст. 109; 29, ст. 152, 173; 33, ст. 78; 36, ст. 79; 52, ст. 1; 57, ст. 47; 79, ст. 101 и дал.; II, стр. 12, ст. 60—67; 25, ст. 90; 37, ст. 495; 41, ст. 29, 33; 43, 44, ст. 2, 6, 18; 70, ст. 26; 93, ст. 1 и дал.; III, стр. 2, ст. 35, 43; 4, ст. 1 и дал.; 36—38, ст. 141 и дал.; 39, ст. 1; 41—51, ст. 1 и дал.; 61, ст. 66 и дал.; IV, стр. 2, ст. 45; 3, ст. 59, 61, 62; 4, ст. 109; 12, ст. 1, 2; 17, ст. 162; 47, ст. 4 и дал. — **Городъ Кіевскій:** III, стр. 3, ст. 3; 19, ст. 358. — **Славный:** I, стр. 34, ст. 7; 36, ст. 49; 46, ст. 1; 58, ст. 1; **Прилож.**, стр. XVII; II, стр. 40, ст. 1; 83, ст. 1; III, стр. 9, ст. 1; 24, ст. 163; 41, ст. 1; 52,

ст. 1; IV, стр. 6, ст. 1; 72, ст. 1; 101, ст. 63. — **Стольный:** I, стр. 34, ст. 7; 36, ст. 79; 41, ст. 5; 47, ст. 26; 70, 71, ст. 5, 20; II, стр. 18, ст. 1; 53, ст. 1, 7; 89, ст. 178; III, стр. 4, ст. 1; 20, ст. 1; 23, ст. 109; 27, ст. 268; 70, ст. 1; 82, ст. 34; IV, стр. 7, ст. 24; 19, ст. 25, 27; 23, *разн.*, и дал.; 38, ст. 12 и дал.; 47, ст. 7; 52, ст. 1; 59, ст. 1; 68, ст. 1; 78, ст. 1; 94, ст. 98. — **Престольный:** I, стр. 68, ст. 69, 83. — **Бвлокламенный** (позднѣйшее, перенесено отъ Москвы, въ женск. родъ): III, стр. 43, ст. 45 и *разн.* — **Въ немъ удѣлы**—**Андреевская:** II, стр. 44, ст. 10, 24;—**Игнатъевская:** стр. 53, ст. 14; **слобода Ерусалимская:** III, стр. 10, 19, ст. 39, 359.

Малый Кіевецъ (гдѣ жилъ Чурило съ отцемъ): IV, стр. 81, ст. 99.

Черниговъ, Чернигинъ, Чернягинъ: I, стр. 26, ст. 50, 55; 33, ст. 62; 35, ст. 34—36; 38, ст. 144; 52, ст. 1; II, стр. 4, ст. 22; 70, ст. 25; III, стр. 4—6, ст. 22, 43, 79; 11—15, ст. 74 и дал.; 20—23, ст. 27, 91, 111, 112, 130; 34, 37, ст. 89, 90, 179. — **Городъ Черниговскій:** III, стр. 11, 12, ст. 65, 109. — **Славный:** I, стр. 36, ст. 62; III, стр. 20, ст. 19.— Ср. спасеніе его Ильєю Муром-

цемя и дѣло Ивана Гостицаго, Ивана Годимовича, а также Владыку, Воеводу, Короля или Царя Черниговскаго и Князя Сиверскаго.

Волынецъ: III, стр. 81, ст. 1; 101, ст. 2 (славный, красный, Галичій); IV, стр. 91, ст. 2; 97, ст. 191 (Галичій).—Сравни:

Галичъ: III, стр. 81, ст. 1 (какъ сторона, при городѣ Волынецъ); 101, ст. 2 (Галичій, прозвище Волынца); IV, стр. 91, ст. 1 и 2 (то же и Далече Галичье, какъ сторона); 97, ст. 191.—Ср. в. Галицкую Русь, Дюка и Михайлу Казарянна.

Кряковъ: IV, стр. 4, ст. 88—107.—Ср. Королевичей вѣзъ Крякова, Илью, Соловья-разбойника и IV, *Прилож.*, стр. IX, XVIII, XX, XCVIII, XCIX.

Леденецъ: IV, стр. 99, ст. 7, 8 (славный городъ; заморскій); 106, ст. 210, 211; *Прилож.*, стр. VII.—Ср. Соловья Будимировича.

Угличъ: III, стр. 121—124, ст. 185—304.—Ср. Угличей (Уличи?).

Карачевъ: IV, *разн.*, стр. 26 (изъ него родомъ Никита, атаманъ каличій, ср. его).

Рязань: II, стр. 49, ст. 1—3 (была селомъ, а недавно стала городомъ, ср. Села).

Владиміръ, Владиміровъ: III, стр. 2, ст. 35, 43.—**Городъ Володимірскій (= Владимірь):** 3, ст. 4.

Суздаль: III, стр. 110, ст. 5.—Ср. Суровца-Суздальца.

Муромъ: I, стр. 21, ст. 5 (еще какъ село, ср. Села); 25, ст. 1; 77, ст. 1; 82, ст. 195, 200; *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе); II, стр. 70, ст. 24; IV, стр. 2, ст. 45.—Славный: I, стр. 41, ст. 1; 77, ст. 1; *Прилож.*, стр. XVII.—Стольный (ошибка вѣсто славный?): I, стр. 44, ст. 127.—Ср. Плью Муромца.

Ростовъ: II, стр. 70, ст. 1 (славный, красный); 73, 75, ст. 129, 172.—Ср. Алешу Поповича.

Новгородъ (Нижній): III, стр. 1, ст. 9; 102, ст. 42 (Нижній?); IV, стр. 108, ст. 17 (сомнительно).

Кидишъ, Кидашъ, Покидошъ: I, стр. 79, 82, ст. 92, 93 и *пр.*, 200, 201; III, *Прилож.*, стр. IX, X (славный городъ, съ княземъ); IV, *Прилож.*, стр. CXVIII—CXXXII (преданія о Маломъ и Большомъ Китежъ).—Смѣшанъ съ Кинешмой:

Кинешма: I, *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе; смѣшана съ Китежемъ).

Москва: II, стр. 61, ст. 2 (каменная; позднѣйшее).

Базань: III, стр. 1, ст. 7.

Астрахань: II, стр. 91, ст. 57; III, стр. 1, ст. 8.

Царьградъ: I, стр. 15, ст. 5; 93, ст. 10; II, стр. 37, ст. 494; IV, стр. 24 — 37, *разн.*; 67, ст. 230; 101, 102, ст. 59, 85 (литрости его, въ искусствѣ).

Ерусалимъ, Еросолимъ: III, стр. 84, 85, ст. 7, 36; 90, 96, ст. 4, 15, 34, 236 (святой градъ); IV, стр. 22, 24, ст. 14, 21, 49; 67, ст. 231; 101, 102, ст. 60, 86 (мудрости его, въ искусствѣ); 115, 116, ст. 7, 8, 26; 119, ст. 9 — 12; стр. 120 (начальное царство); 130, ст. 9 и дал. (начальный градъ); ср. IV, *Прилож.*, стр. СХVI. — Вездѣ въ означенныхъ мѣстахъ описаны святыни.

Евдесъ (Едееса?): IV, стр. 119, *разн.* (славный градъ).

СЕЛА:

Рязань: II, стр. 49, ст. 1, 2; ср. Города.

Муромъ: I, стр. 21, ст. 5; ср. Города.

Карачарово, Корачарово, Карачаево, Корочаево: I, стр. 25, ст. 2 (большое село); 41, ст. 2; 44, ст. 128; 77,

ст. 2; 82, ст. 195; 92, ст. 2, № 3; *Прилож.*, стр. IV и дал., XVII; IV, стр. 1, ст. 3; 2, ст. 18—26 (въ немъ церковь Троицкая). Сравни:

ДЕРЕВНЯ

Корочарово: I, стр. 21, ст. 6.

ГОРЫ:

Сарачинскія, Сорочинскія, Сарачанокія: I, стр. 33, ст. 63, 89; 41, ст. 36; 48, 50, ст. 82, 141; II, стр. 23, ст. 3 и дал.; III, *Прилож.*, стр. VIII (высокія); IV, стр. 9, 10, ст. 84, 141.

Сіонскія: I, стр. 26, ст. 51, 66; 29, ст. 174; IV, *Прилож.*, стр. СХVI.

Латырь: IV, стр. 17, ст. 144; *Прилож.*, стр. VII; ср. Бабуга Латыгорку.

Палачь, Святъ и др.: ср. IV, *Прилож.*, стр. СХVII.

ЛѢСА:

Брынскіе, Брымскіе: I, стр. 26, ст. 50, 65; 29, ст. 175;

33, ст. 64, 90; 36, ст. 83, 89; 41, ст. 35, 36; 41, 42; ст. 8, 26, 29 (темные); *Прилож.*; стр. XIX (ошибочно Брянские); III, *Прилож.*, стр. VIII (темные).

Муромские: I, стр. 91, ст. 7, 11.

Аничиновский, Ошничовский: IV, *Прилож.*, стр. CXII, CXIII (предние); ср. Аничков Воина.

Луга:

Леванидовы: III, стр. 34, 36, 37; ст. 72, 137, 194 (близь Киева, между нимъ и Черниговымъ).

Поле

Куликово: I, стр. 58 — 64; ст. 21, 53, 72, 119, 205, 222 (место сбора богатыхъ Киевскихъ, любовной нль стоянки); II, стр. 69, ст. 75, 76 (место битвы); IV, стр. 45, 46, ст. 243 — 251 (то же). — Ср. IV; *Прилож.*; стр. CXLIX, CL.

Степи:

Саратовская: II, стр. 81, 82, ст. 34, 58.

Цысарскія, Цысарскія: I, стр. 46, 47, ст. 2, 25; IV, стр. 6, 7, ст. 2, 23; 20; ст. 51.

Грязи

Смоленскія: I, стр. 41, 42, ст. 9, 27; III, *Прилож.*, стр. VIII (черныя).

Моря:

Окіянъ, Окіанъ, Океанъ: III, стр. 100, ст. 21, 22; *Прилож.*, стр. VIII (главока гавьбота); IV, стр. 99, ст. 2 (главота—гавота); ср. IV, *Прилож.*, стр. III.

Латырь-море: IV, *Прилож.*, стр. II—V.

Студеное: IV, стр. 17, ст. 142 и пр.; *Прилож.*, стр. V.

Волынское: IV, *Прилож.*, стр. VII.

Синее Хвалынское: I, стр. 22, ст. 1, 2; 40, ст. 1; IV, *Прилож.*, стр. V.

Синее Каспійское, Каспійское: I, стр. 22, разн.; IV, *Прилож.*, стр. V.

Синее: III, стр. 102, ст. 48, 49; IV, стр. 38 — 42, ст. 1, 2; 74, 75, 107, 108.

Черное: IV, стр. 38 — 42, ст. 2, 75, 108; *Прилож.*, стр. V (Теплое).

Сурожское, Сурожь: ср. Суровца-Суздальца-Суроженица, Плена или Плейка и IV, *Прилож.*, стр. LXXXIII.

Рѣки: I, *Прилож.*, стр. 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

Днѣпръ, Нѣпръ, Нѣпра: I, стр. 8, ст. 3, 4; 70, ст. 8 (быстрый); II, стр. 1, ст. 12, 17; 2, ст. 8, 9; 11, ст. 9 (матерька); 77, ст. 268 (быстрый); III, стр. 8, ст. 146 (то же); 22, ст. 92 (то же); IV, стр. 67, ст. 245 (то же); 101, 106, ст. 64, 227, 236 (то же); *Прилож.*, стр. XXIX (Нева, испорчено изъ Нѣпра).

Почай, Пучай, Почаць: I, стр. 63, ст. 184; II, стр. 23, 24, ст. 6—8, 33, 45—49 (съ краю бровка-смирна, будто лужа дождевая, а середня струйка какъ огонь съчеть, рѣка свирѣпая); IV, стр. 44, ст. 180, 181.

Черега: I, стр. 11, ст. 7; III, стр. 94, ст. 38; IV, стр. 78, 80, ст. 20, 80 (на ней живетъ и подвизается до прибытія въ Кіевъ Чурило, ср. его).—То же, что Сарога, Сорога: IV, *Прилож.*, стр. LXXXIII.—Ср. Сурожское море, Сурожь.

Кострюха: II, стр. 41, ст. 30, 31.

Сухона (?): ср. Старшаго богатыря Суханя (отъ имени коего рѣка, подобно Дунаю).

Сафатъ, Салфа, Софа: I, стр. 3, 4, 15; 11, ст. 8, 29; II, стр. 50, ст. 22 (смѣшана съ Израемъ); 71, 72, ст. 36, 53, 93; 78, ст. 280; IV, стр. 108—113, ст. 1—154; *Прилож.*, стр. CXVI.

Израй: II, стр. 50—52, ст. 28—101 (быстрая, сердитая, матушка, славная; смѣшана съ Сафатомъ); IV, *Прилож.*, стр. CXVI.

Смугра: IV, *разн.*, стр. 25—32 (близь Царьграда?).

Дунай: I, стр. 77, 81, ст. 27, 28, 138—156 (широкая и глубокая); III, стр. 58, ст. 69, 70 (матушка; протекла отъ крови богатыря Дуная); 69, ст. 291—293 и *разн.* (то же); 80, ст. 380—382 (то же; Быстра рѣка, своимъ устьемъ впаде въ сине море); IV, стр. 44, ст. 183 (мѣсто стоянки богатырей), 190—196 (широкій); 119, *разн.* (припѣвъ).—Ср. богатыря Дуная него прозвище Тихимъ.—

Донъ: I, стр. 90, ст. 1, 3 (Тихій); ст. 5.

Смородина, Смородинка: I, стр. 26, ст. 53; 29, ст. 145, 147, 148, 176; 36, ст. 84; 38, ст. 146; 78, 84, ст. 58, 243 (мать); *Прилож.*, стр. XIX; II, стр. 62, 63, ст. 22—89

(мать, быстра рѣка; известно, что широкимъ широкая, глубокииъ глубокая; на ней нѣтъ переходовъ частыхъ, перебродовъ мелкихъ; есть два моста каменно-выхъ; говорить человѣческииъ голосомъ, душой красной дѣвицей; за слова ласковыя и поклоны низкіе перепускаетъ молодцевъ, другихъ же, за обиду, топить); III, стр. 419, ст. 431.

Она: I, стр. 21, ст. 26, 27; 25, ст. 13; *Прилож.*, стр. XXXIII (преданіе).

Волга: I, стр. 90, 91, ст. 5, 7; III, стр. 4, ст. 6—9 (матушка, широка; широка подъ Казанью, пошире подъ Астраханью, великъ перевозъ подъ Новымъ Городомъ); 102, ст. 47.

Кама: I, стр. 90, ст. 5; III, стр. 102, ст. 46—49 (одна, что пала въ Волгу, другая за Синиимъ моремъ, впала въ Сине море — Кума?).

Саратовка: II, стр. 81, 82; ст. 35, 59.

Понизовскія рѣки: III, *Прилож.*, стр. VIII (выстрыя).

Ердань: III, стр. 82, ст. 36; 90, 96, ст. 18, 239.

Ср. IV, *Прилож.*, стр. CXVII.

ОМУТЫ

Днѣпровскіе: III, *Прилож.*,

182 ПЛЕСА, ОСТРОВА, КАМНИ
стр. VIII; IV, стр. 99, ст. 4 (глубоки).

ПЛЕСА

Чевылецкія: III, *Прилож.*, стр. VIII (долги).

ОСТРОВА:

Буянъ, Буяновъ: III, стр. 29, 30, ст. 38, 45, 79; IV, *Прилож.*, стр. III.

Кодольскій: IV, *Прилож.*, стр. VII.

Потѣшныя: ср. Князи Владимира и его охоту.

КАМНИ:

Латырь, Алатырь, Вѣльиъ Латырь, Вѣль Латырь, Вѣжатырь, Илигоръ, Алабырь, Алаборъ, Ажтырь: IV, стр. 17, ст. 443; *Прилож.*, стр. I—IX.

Антавентъ: III, стр. 85, ст. 23—26 (святить ночью).

Яхонтъ: IV, стр. 100, ст. 47 (дорогъ).

Тиرونъ: III, стр. 103, ст. 60, 61; 118, ст. 99—107 (дорогъ, самоцвѣтны).

КРЕСТЬ

Леванидовъ, Леванидовский: III, стр. 97, ст. 279; *Прилож.*, стр. VIII (чудень).

КОРАВЛЬ

Соколъ: I, стр. 22, 23, № 7; 40, № 5; 77, ст. 8, 11 (черный, ясный); IV, стр. 100, ст. 14—40 (его описаніе); *Прилож.*, стр. СЦ.

Кони:

Вахмать: III, стр. 100, ст. 6.

Сивка-бурка, вѣщяя карурка: III, стр. 1—8; *Прилож.*, стр. XXVI—XXX; IV, *Прилож.*, стр. CLXI.

В) Прозвища отъ И

Русскій (Русская, Русское, Русскіе, и т. д.). — Людъ: I, стр. 75, ст. 176—178 (описаніе со стороны Татаръ: «всегда хвастливъ, опутанъ весь будто лысой бѣсъ, а еще стоитъ—самъ хвастаетъ»). — Людн: I, стр. 76, ст. 244—246 («не двѣ Богъ выдать Рускихъ людей, » говорятъ Татаре; «неужто въ Кіевѣ всѣ таковы, » какъ Пльа?); II, стр. 25, ст. 82.—Я-

ЗВѢРИ:

Скимень, Скиперъ: II, стр. 1, 2, № 1 и 2; стр. 9, 10, № 5; 11, ст. 1—9.

Норка: III, *Прилож.*, стр. XIX, XX; IV, *Прилож.*, стр. CLV (по сказкамъ).

Царь-Медвѣдь, Медвѣдь Желѣзная Шерсть: IV, *Прилож.*, стр. CLV; CLXV—CLXVII (по сказкамъ).

ПТИЦЫ:

Могуль, Ногъ, Нога, Страфиль, Стратимъ, Жаръ-птица и т. п. (по пѣснямъ и сказкамъ); III, *Прилож.*, стр. XX; IV, *Прилож.*, стр. CLXI, CLXIX.

зникъ: III, стр. 6, ст. 85 (человѣческій); IV, стр. 39, ст. 22 и дал. (то же).—Сила (войско): III, стр. 36, ст. 144, 151; IV, стр. 119, *разн.*—Войны Свято-русскіе: I, стр. 85, ст. 289.—Богатырь Свѣто-русскій: IV, стр. 52, ст. 5, 7.—Богатырь: I, стр. 8, ст. 46, 47; 9, ст. 60; 13, ст. 80; 32, ст. 32, 38, 54; 45, ст. 143;

II, стр. 127, ст. 58; 18, ст. 6; 29, ст. 232; 32, 33, ст. 310, 340, 362; 80, ст. 2; III, стр. 4, ст. 6, 14; 22, ст. 84; 70, ст. 6; IV, стр. 24, *разн.* и дал.; 59, ст. 6; 78, ст. 6. — Удалой-добрый молодецъ (отличается отъ скоророха): II, стр. 37, ст. 497—501. — Полонида, поленица: IV, стр. 121, 122, *разн.*; 130, ст. 32, 36. — Полонны (пльни-ки): II, стр. 23, 24, ст. 3, 44 и дал. — Дъвица-полоняночка: IV, стр. 95, 96, ст. 138—182. — Кровь: IV, стр. 122, *разн.* — Грамота: III, стр. 33, ст. 43, 55. — Платье: I, стр. 15, ст. 140. — Города: I, стр. 90, ст. 6 (славные). — Застава: I, стр. 152, ст. 12. — Пташки: II, стр. 91, 92, ст. 61, 89. — Конь: IV, стр. 97, ст. 215 (богатырскій, отличается отъ Татарскаго). — Ср. Землю. — По Русскому, по Русски: I, стр. 17, ст. 24; 18, ст. 6; 20, ст. 32; 21, ст. 30; 24, ст. 17; 27, ст. 68, 73, 81; 40, ст. 21; III, стр. 46, ст. 128.

Христіанскій. — Вѣра: I, стр. 34, ст. 11; IV, стр. 130, ст. 8. — О Крестыанскомъ см. послѣдъхъмн III, *Многахъ*

Кіевскій. — Князь: см. Владиміра. — Народъ: IV, стр. 71, ст. 96. — Городъ: см. Кіевъ. — Чудотворцы: I, стр.

34, ст. 8. — Богатыри: IV, *разн.*, стр. 30, 32.

Андреевскій. — Улица: см. Кіевъ.

Игнатьевскій. — Улица: см. Кіевъ.

Пещерскій. — Церковь: I, стр. 89, ст. 117, 119.

Заручайскій. — Микола: I, стр. 77, ст. 29.

Черниговскій. — Городъ: см. Черниговъ.

Володимірскій. — Городъ: см. Владиміръ.

Донской. — Козакъ, козаки: I, стр. 18, ст. 4; 20, ст. 56; III, стр. 31, ст. 90, 105; ср. Илью. — Богородица (Донъ-Мать): IV, стр. 9, 10, ст. 102, 125.

Сибирскій. — Соболю: III, стр. 61, 62, 64, ст. 83, 108, 155; IV, стр. 100, ст. 19, 20 (черный). — Ср. Украинъ, Украины. — По Сибирскому (нарѣчію): II, стр. 57, ст. 145; III, стр. 23, ст. 124.

Якутскій. — Соболю: IV, стр. 100, ст. 19, 20 (черный).

Тулскій. — Орелъ: III, стр. 100, ст. 20.

Камскій. — Птица (орелъ): III, стр. 102, ст. 46.

Боголюбовъ. — Монастырь: III, стр. 90, 99, ст. 2, 368.

Даниловъ. — Пустынь: III, стр. 81, ст. 3.

Ефимьевъ. — Пустынь: III, стр. 90, 99, ст. 4, 369.

Заоникіевскій. — Пустынь: IV, *Прилож.*, стр. СХII, СХIII (преданіе). — Ср. Лъсь.

Воскресенскій. — Притокъ (въ Москвѣ?): II, стр. 60, ст. 1 (позднѣе).

Устрѣтенскій. — Улица (въ Москвѣ?): II, стр. 60, ст. 2 (позднѣе).

Петровскій. — Кружало: I, стр. 76, ст. 220; — Жары: II, стр. 40, ст. 11; 50, ст. 19.

Греческій, Землегречскій. — Шляпа, Кольчакъ: I, стр. 25, ст. 70, 72; 50, 51, ст. 35 — 75; 72, ст. 63; — Шляпа: III, стр. 61, ст. 68; 85, ст. 22; IV, стр. 19, ст. 22, 81, 23, 24, 32, ст. 41, 42, 45, 126, 127; IV,

Прилож., стр. IXXXVI. — Ср. Землю.

Цареградскій. — Сыгрывъ (мотивъ въ музыкѣ): IV, стр. 67, ст. 230.

Еврейскій. — Стѣна: IV, стр. 67, ст. 233.

Ерусалимскій. — Словодаши. Клевъ. — Танцы: IV, стр. 67, ст. 231.

Аліентарскій (ориентальный). — Жемчугъ: I, стр. 90, ст. 131.

Аравитскій. — Злато: I, стр. 90, ст. 114; III, стр. 103, ст. 64.

Сарацинскій, Сорочинскій. — Пшеница: II, стр. 93, ст. 14, 15; III, стр. 6, ст. 93. — Шляпа: II, стр. 72, ст. 63; — Ковры: III, стр. 24, ст. 186; — Стѣны: III, стр. 114, 115, ст. 47, 51, 54, 60. — Ср. Землю; Царегр.; Еврейскій.

Шемаханскій, Шимаханскій. — Шляпа (възлы): III, стр. 102, ст. 33; IV, стр. 44, ст. 57, 82, ст. 28.

Черкасскій, Черкасовскій,

Червесскій.—Съдло: I, стр. 48, 50, ст. 77, 136; 59, 64, ст. 59, 107; 70, ст. 136; 91, ст. 3; II, стр. 6, ст. 90; 14, ст. 2; 23, ст. 12, 15; 63, ст. 57; 87; 74, ст. 136; 93, ст. 12, 13; III, стр. 24, ст. 151; 118, 119, ст. 98, 110; IV, стр. 8, 10, ст. 79, 136; 109, ст. 47.—Ср. Землю.

Индѣйскій.—Церковь: I, стр. 89, ст. 116, 118.

Чебурацкій (?).—Сви-нецъ: II, стр. 72, ст. 65.

Ордынскій.—Телѣга: III, стр. 75, ст. 196.

Турецкій.—Ханъ: I, стр. 91, ст. 12.—Флотъ: I, стр. 23, *разн.*—Слѣянъ (Турецъ-): III, стр. 85, ст. 21.

Татарскій.—Духъ: I, стр. 71, ст. 16.—Лагери: I, стр. 74, ст. 132.—Голова, Головы: I, стр. 76, ст. 196; IV, стр. 32, *разн.*—Шея: IV, стр. 45, ст. 235.—Языкъ (телячій): III, стр. 24, ст. 162; IV, стр. 27, *разн.*—Вымыслы (воинскія хитрости): III, стр. 121, ст. 178.—Конь (добрый, лучше всѣхъ Владимировыхъ, противопологается Русскому-богатырскому): IV, стр. 97—99, ст. 214—216, 255, 256, 268—270.

Мурзавецкій, Мурзавецкій, Морзавецкій, Бурзавецкій, Вурзавецкій, Урзавецкій, Берзавецкій, Врзавецкій, Пурманецкій.—Мечъ: II, стр. 25, ст. 68.—Конь: I, стр. 4, ст. 11; 69, ст. 138; III, стр. 16, ст. 243; 122, ст. 249; IV, стр. 12, ст. 201; 15, ст. 86; 45, ст. 213; 91, ст. 17; 100, ст. 24; 109, ст. 48.

Латынскій.—Конь: I, стр. 38, ст. 138, 140; IV, стр. 79, ст. 28.—Платье: II, стр. 7, ст. 111—118.—Сила: IV, стр. 119, *разн.*—Въра (смѣшана съ Латышскою): IV, *Прилож.*, стр. CLXXXVII.—Ср. Землю и Царство.

Нѣмецкій.—Трубки (подзорныя): I, стр. 43, ст. 65; 72, ст. 73.—Языки (не-Русскіе): III, стр. 21, 22, 25, ст. 48, 76, 198.—Желѣз: III, стр. 121, ст. 210.

Аглицкій.—Стекла: I, стр. 84, ст. 246.

Меделянскій.—Ковели: III, стр. 74, ст. 156.

Ляховинскій, Половецкій, Загорскій, Заоданскій, Задонскій, Жидовскій, И-

дольскій, Литвинскій, А-
 лыберскій, Астраханскій,
 Армянскій, Дадонскій,
 Данскій, Рахлицскій —
 Рахлейскій — Арахан-
 скій, Углицкій, Галичкій,
 Сіонскій, Брынскій, Му-
 ромскій, Леванидовъ-Де-
 ванидовскій, Саратовскій,
 Ципарскій — Цысарскій,

Смоленскій, — Волжскій,
 Хвалынскій, Каспийскій —
 Каспійскій, Сурожскій, По-
 нивовскій, Днѣпровскій,
 Чевылецкій, Кодольскій:
 см. Земли, Царства, Наро-
 ды, Города, Горы, Лѣса,
 Луга, Степи, Грязи, Мо-
 ря, Рѣки, Омуты, Плеса,
 Острова, Крестъ.

Собранные П. В. Кирѣевскимъ

П Ъ С Н И

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

—
4

Выпускъ 4,

Дополнительный.

БОГАТЫРИ: Илья Муромецъ; Никита Ивановичъ, богатырь-Заолъшанинъ; Михайло Ивановичъ, богатырь-Потокъ, Бродяга; Ставръ Годиновичъ, Бояринъ; богатыри-Горожане, Посадскіе, Горденъ или Хотенъ Блудовичъ и Чурило Пленковичъ; Михайло Петровичъ, богатырь-Казарянинъ; Соловей Будимировичъ, богатырь-Мореходецъ.

Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси.

Аника Воинъ.

Цена 1 рубль сер.

1/100

